ЦЕНТР НАУЧНЫХ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ (ЦНИОП)

ISSN 2225-756X

LITTERA SCRIPTA MANET

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

WEB OF SCIENCE

EMERGING SOURCES CITATION INDEX

Clarivate Analytics

INDEX COPERNICUS INTERNATIONAL

EBSCOhost

ERIH PLUS

MIAR

ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ Science Index

OCLC WorldCat

ZEITSCHRIFTEN DATENBANK

ВЫСШАЯ АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)

Перечень рецензируемых научных изданий

ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

NAUCHNYI DIALOG

Включен в Перечень ВАК

ISSN 2225-756X

Научный диалог

2020. № 7

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011 г., Роскомнадзор
Год основания	2012
Периодичность	12 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS <Emerging Sources Citation Index> • Международная база ERIH PLUS с 11 июня 2015 года • Международный реестр периодических изданий Global Serials Directory Ulrichs Web (www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/) • EBSCO • Index Copernicus • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Импакт-фактор РИНЦ 2017	0,379
ICV 2018 Index Copernicus	100,00
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620050, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620098, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	cniop@bk.ru

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

Тематика	07.00.00 Исторические науки 10.01.00 Литературоведение 10.02.00 Языкознание
География авторов выпуска	Барнаул, Вологда, Екатеринбург, Киров, Комсомольск-на-Амуре, Москва, Нижний Новгород, Нур-Султан (Казахстан), Новосибирск, Омск, Павлодар (Казахстан), Пенза, Петрозаводск, Пльзень (Чехия), Псков, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Симферополь, Улан-Удэ, Ульяновск, Элиста, Якутск
Авторы, имеющие ученую степень	90 %

Дата выхода в свет 30.07.2020

ISSN 2225-756X

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

2020. № 7

Impact factor RSCI 2017	0,379
ICV 2018 Index Copernicus	100,00
	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications)	PI № FS 77-47018 of 18.10.2011
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Presence in Citation Bases, indexation	• WoS <Emerging Sources Citation Index> • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web (www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/) • Russian Science Citation Index (RSCI) • Index Copernicus • CyberLeninka
Text Presentation Form	• EBSCO • RSCI — All published articles are publicly available for reading and citing on the journal’s website and in the National E-Library • CyberLeninka
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed

Главный редактор

Татьяна Валерьевна Леонтьева, д-р филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия

Анна Викторовна Щетинина, канд. филологических наук (Россия, Екатеринбург)
Александр Геннадиевич Нестеров, д-р исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Сергей Николаевич Пяткин, д-р филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Алессандро Витале, д-р наук, профессор (Италия, Милан)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, д-р филологических наук, профессор (Болгария, София)
Рафаэль Гусман Тирадо, д-р филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Татьяна Владимировна Гусейнова, д-р педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

Редакционный совет

10.02.00 Языкознание

Александр Константинович Киклевич, доктор филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)
Арто Мустайоки, доктор философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)
Биляна Марич, доктор филологических наук, доцент (Сербия, Белград)
Вадим Витальевич Сдобников, доктор филологических наук, доцент (Россия, Нижний Новгород)
Евгения Викторовна Терехова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)
Нина Марковна Разинкина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)
Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Ренате Ратмайр, доктор филологических наук, профессор (Австрия, Вена)
Татьяна Геннадьевна Никитина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Псков)
Татьяна Николаевна Бунчук, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Сыктывкар)
Тимур Беньюминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

10.01.00 Литературоведение. Журналистика. Фольклористика

Сергей Николаевич Пяткин, д-р филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Александр Самуилович Кацев, д-р филологических наук, профессор (Кыргызстан, Бишкек)
Андреана Борисова Ефтимова, д-р наук, профессор (Болгария, София)
Галина Ивановна Родина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Евгения Николаевна Кузьмина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Новосибирск)
Иво Поспишил, д-р наук (Чешская Республика, Брно)
Павел Федорович Лимеров, канд. филологических наук, доцент (Россия, Сыктывкар)
Рафаэль Гусман Тирадо, д-р филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Татьяна Алексеевна Савоськина, канд. филологических наук, доцент (Украина, Измаил)

07.00.00 Исторические науки. Этнография. Этнология

Александр Геннадиевич Нестеров, д-р исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Алессандро Витале, д-р наук, профессор (Италия, Милан)
Альбина Советовна Жанбосинова, д-р исторических наук, профессор (Казахстан, Усть-Каменогорск)
Андрей Александрович Иванов, д-р исторических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Юрий Дмитриевич Анчабадзе, д-р исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Английский перевод аннотаций: Ирина Волгина

Editor-in-Chief:

Tatyana Valeryevna Leontyeva, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

Science Editors

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Anna Viktorovna Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)
Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)
Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Tatyana Vladimirovna Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

Editorial board

Linguistics

Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)
Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)
Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)
Evgeniya Viktorovna Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)
Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Nina Markovna Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)
Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)
Tatyana Gennadyevna Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)
Tatyana Nikolayevna Bunchuk, PhD in Philology, associate professor (Russia, Syktyvkar)
Timur Benyuminovich Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)
Vadim Vitalyevich Sdobnikov, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Nizhny Novgorod)

Literary studies. Journalism. Folklore

Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Aleksandr Samuilovich Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)
Andreana Borisova Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Galina Ivanovna Rodina, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Arzamas)
Evgenia Nikolayevna Kuzmina, Doctor of Philology, professor (Russia, Novosibirsk)
Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno)
Pavel Fyodorovich Limerov, PhD in Philology, associate professor (Russia, Syktyvkar)
Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Tatyana Alekseyevna Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)

History. Ethnography. Ethnology

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Albina Sovetovna Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)
Andrey Aleksandrovich Ivanov, Doctor of History, professor (Russia, St. Petersburg)
Yuri Dmitrievich Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

Содержание

Языкознание

Андрианова Д. В., Игнатьева Н. Д., Никитина Т. Г. Пословицы восточных славян в сопоставительной лексикографической репрезентации 9

Авдеенко И. А. Актуализация инвариантной семантики символа ЗВЕЗДА в текстах русской рок-поэзии 24

Голиков Л. М. Закон Российской империи о евреях как националистический текст 40

Граматчикова Н. Б., Енина Л. В. Время и пространство воспоминаний заводчан в конструировании коллективной идентичности первостроителей Уралмаша 55

Елизарьева М. А., Чигашева М. А., Блахак Б., Михина М. Ю. Интертекстуальность политического дискурса в Германии (на примере «политической пепельной среды») 76

Иоанесян Е. Р. Симптоматическая лексика со встроенной эмоцией 91

Кенжебалина Г. Н., Шаикова Г. К., Шакенова М. Т., Акоева И. Г. Распознавание манипулятивного текста: структура и доминантные языковые параметры 105

Макшанцева А. Л. Модели концептуальной метафоризации слова удача в контексте языковой объективации одноименного концепта в русской речи 126

Минеева З. И. Феминитивы с суффиксом *-щиц(а) /-чиц(а)* 142

Обухова О. Н., Байкова О. В. Средства языковой объективации образа немецкого рыцаря в художественной картине мира Средневековья 158

Павлов С. Г., Петрова Н. Е. Семантическая структура глагола *признаться*: лингвоаксиологический аспект 177

Петренко Д. А., Лихачёв Э. В., Чернышова М. В. Средства языковой выразительности в образе COVID-19 (на материале немецкого политического дискурса СМИ) 194

Рубцова С. Ю. Модифицированные фразеологизмы с компонентом-мифонимом в англоязычных СМИ 210

Литературоведение. Журналистика. Фольклористика

Валова О. М. Отражение «философии нереального» в трагедии О. Уайльда «Герцогиня Падуанская» 226

Дампилова Л. С., Хабунова Е. Э. Сюжет о богатырском сражении в бурятских версиях эпоса о Гэсэре 241

Кузьмина А. А. Архаические и поздние слои поэтики якутского героического эпоса олонхо (на материале Вилюйской экспедиции 1938 года) 254

Макаров А. Н., Киричук Е. В. Образ Марии Стюарт в трагедиях К. Г. Шписса и Ф. Шиллера 266

Футляев Н. С., Жаткин Д. Н. Русская судьба стихотворения Роберта Бернса «Who is that at my bower-door?..» 284

Чарина О. И., Ларионова А. С., Петрова В. А. Особенности фиксации фольклора народов Якутии (30—70–е годы XX века): методика подбора информантов по Г. У. Эргису 299

Исторические науки. Этнография. Этнология

Бодрова Е. В., Калинов В. В. Нефтяная отрасль СССР в конце 1920-х — 1930-е годы: противоречивые результаты развития 314

Гехт А. Б., Патрушева Д. А., Резников Б. К., Шутман Д. В. Освещение кризисных явлений на Украине 2014—2016 годов в британской прессе 328

Жериборов Д. С., Пирогов В. Н. Прямые иностранные инвестиции в России (конец 1980-х — конец 2010-х годов) 346

Игумнов Е. В. Деятельность военных топографов Западной Сибири в контексте внешней и внутренней политики Российской империи в XIX веке 360

Макарова А. И. Становление и развитие инородческой начальной школы в Якутской области во второй половине XIX — начале XX веков 375

Недзелюк Т. Г. Материалы Российского государственного истори-ческого архива Дальнего Востока о вероисповедной политике временных сибирских правительств 1917—1919 годов 390

Ратьковский И. С. Арон Александрович Сольц — судьба революционера и советского государственного деятеля (1873—1945) 405

Суетин И. Н. Освещение проблемы сохранения и распространения российских музыкально-образовательных традиций в США в период первой волны русской эмиграции в трудах современных исследователей 417

Щекатунов О. В., Малыхин К. Г. Промышленные кадры России в 20—30-е годы XX века в отечественной историографии 431

АВТОРАМ 450

CONTENTS 455

Языкознание
Linguistics

Анна Львовна Макшанцева, преподаватель (Нижний Новгород)
Борис Блахак, научный ассистент (Пльзень, Чешская Республика)
Гульвира Кимовна Шаикова, канд. филол. наук (Павлодар, Казахстан)
Гульмира Негматовна Кенжебалина, канд. филол. наук (Нур-Султан, Казахстан)
Даниил Александрович Петренко, канд. филол. наук (Симферополь)
Дарья Витальевна Андрианова, канд. филол. наук (Санкт-Петербург)
Евгения Рафаэлевна Иоанесян, д-р филол. наук (Москва)
Зоя Ивановна Минеева, д-р филол. наук (Петрозаводск)
Иван Анатольевич Авдеенко, канд. филол. наук (Комсомольск-на-Амуре)
Инесса Георгиевна Акоева, главный аналитик (Нур-Султан, Казахстан)
Леонид Михайлович Голиков, канд. филол. наук (Вологда)
Лидия Владимировна Енина, канд. филол. наук (Екатеринбург)
Майгуль Тулегеновна Шакенова, канд. филол. наук (Нур-Султан, Казахстан)
Марина Анатольевна Чигашева, канд. филол. наук (Москва)
Марина Викторовна Чернышова, канд. пед. наук (Симферополь)
Мария Алексеевна Елизарьева, канд. филол. наук (Москва)
Мария Юрьевна Михина, студент (Москва)
Наталия Евгеньевна Петрова, д-р филол. наук (Нижний Новгород)
Наталья Борисовна Граматчикова, канд. филол. наук (Екатеринбург)
Наталья Дмитриевна Игнатьева, канд. филол. наук (Санкт-Петербург)
Ольга Владимировна Байкова, д-р филол. наук (Киров)
Ольга Николаевна Обухова, канд. филол. наук (Киров)
Светлана Юрьевна Рубцова, канд. филол. наук (Санкт-Петербург)
Сергей Геннадьевич Павлов, канд. филол. наук (Нижний Новгород)
Татьяна Геннадьевна Никитина, д-р филол. наук (Псков)
Эдуард Владимирович Лихачёв, канд. филол. наук (Симферополь)

Андрианова Д. В. Пословицы восточных славян в сопоставительной лексикографической репрезентации / Д. В. Андрианова, Н. Д. Игнатьева, Т. Г. Никитина // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 9—23. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-9-23.

Andrianova, D. V., Ignatieva, N. D., Nikitina, T. G. (2020). Proverbs of the Eastern Slavs in a Comparative Lexicographic Representation. *Nauchnyi dialog,* 7: 9-23. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-9-23. (In Russ.).

УДК 81’374.82
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-9-23

Пословицы восточных славян в сопоставительной лексикографической репрезентации[1]

© **Андрианова Дарья Витальевна** (2020), orcid.org/0000-0003-4190-5968, кандидат филологи-ческих наук, научный сотрудник словарного отдела, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт лингвистических исследований Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия), yakonukdar@yandex.ru.

© **Игнатьева Наталья Дмитриевна** (2020), orcid.org/0000-0001-5135-4851, кандидат филоло-гических наук, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена» (Санкт-Петербург, Россия), nataliagasheva@yandex.ru.

© **Никитина Татьяна Геннадьевна** (2020), orcid.org/0000-0001-9006-9738, доктор филологи-ческих наук, профессор кафедры теории и методики начального и дошкольного образования, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Псковский государственный университет» (Псков, Россия), cambala2007@yandex.ru.

Представлены основные положения концепции сопоставительной словарной репрезентации восточнославянских пословиц, разработанной лексикографами Санкт-Петербургского и Псковского университетов. Сформулированы принципы макроструктурирования «Большого русско-украинско-белорусского словаря пословиц». Обоснованы приемы параметризации паремиологических параллелей и уникалий. Актуальность исследования в современной социополитической ситуации определяется необходимостью укрепления традиций объективной интерпретации этноязыкового единства восточных славян. Новизна исследования состоит в обращении к неразработанному в сопоставительном лексикографическом аспекте паремиологическому материалу и инновационном подходе к его лексикографированию. Доказано, что ценность словаря как этнолингвистического и лингвоаксиологического источника повысится за счет сочетания тематической организации материала, маркировки сходств и различий при подаче паремиологических

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, (проект № 20-18-00091 «Мир восточных славян в паремиологической интерпретации: аксиологические доминанты и их лингвокультурографическая репрезентация», реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

параллелей и объединения паремий под рубриками-аксиологемами. Особое внимание уделяется выявлению и словарной репрезентации полных межъязыковых паремиологических эквивалентов, установлению типов соответствий для частичных эквивалентов, описанию их этноспецифических элементов. Показаны возможности реализации сопоставительного аспекта при использовании предлагаемого авторами формата лексикографической репрезентации аксиологического содержания паремий. Подчеркивается, что разработанная лексикографическая концепция позволит представить восточнославянское паремиологическое пространство в единстве и разнообразии структурно-семантических моделей, языковых образов, аксиологических векторов и будет способствовать совершенствованию системы сопоставительной паремиографии.

Ключевые слова: восточнославянские языки; пословица; межъязыковые паремиологические эквиваленты; аксиологема; паремиологический словарь; сопоставительная лексикография.

1. Введение

Выявление генетической общности и этнокультурной специфики русских, украинских и белорусских пословиц как единиц, отражающих мировоззренческие установки народов, приобретает в современных социокультурных условиях особую актуальность в связи с необходимостью обеспечения адекватной интерпретации восточнославянского этноязыкового единства. И паремиологами в этом смысле сделано немало. Пословицы каждого из восточнославянских языков описаны на широком европейском языковом фоне в историко-этимологическом, лингвокультурологическом и функционально-семантическом аспектах [Петрушевская, 2013; Іваноў, 2016; Вальтер и др., 2019; Ломакина и др., 2019; Мокиенко и др., 2019 и др.]; сопоставлены в лингвокогнитивном и структурно-семантическом планах русские и украинские [Церцвадзе, 2016; Пукас, 2019], русские и белорусские пословицы [Іваноў 2003; Іваноў, 2011], а также отдельные фрагменты трех восточнославянских паремиологических систем [Марфина, 2018; Тубаловаи др., 2018]. Далеко не все результаты сопоставительных исследований восточнославянских пословиц находят лексикографическое отображение. Если библиографические списки сводных словарей русских [МНН], украинских [ППП] и белорусских пословиц [ППГ] включают от 100 до 300 одноязычных паремиографических источников, то количество двуязычных и многоязычных словарей, репрезентирующих восточнославянские паремиологические параллели, сравнительно невелико. В конце XX и начале XXI веков выходят два небольших по объему русско-белорусских словаря пословиц [Санько, 1991; Иванов и др., 2007], 500 русских пословиц сопровождаются украинскими и белорусскими (а также болгарскими, польскими, сербскими, словацкими, чешскими и английскими) эквивалентами в словаре М. Ю. Котовой [Котова, 2000].

В такой ситуации к решению проблемы сопоставительного лексикографирования русских, украинских и белорусских пословиц приступил творческий коллектив лексикографов Санкт-Петербургского и Псковского университетов под руководством профессора В. М. Мокиенко. Практическим результатом проекта «Мир восточных славян в паремиологической интерпретации» должна стать подготовка к печати «Большого русско-украинско-белорусского сопоставительного словаря пословиц». Цель данной статьи — представить основные положения разрабатываемой авторским коллективом паремиографической концепции, воплощением которой и станет проектируемый словарь.

Этапу лексикографирования материала в рамках проекта будет предшествовать масштабное сопоставительное исследование паремий трех языков. Основными источниками материала здесь станут упоминавшиеся выше сводные словари пословиц объемом в десятки тысяч единиц, что обеспечит максимально полное выявление трехъязычных и двуязычных паремиологических параллелей, а также этноспецифических пословиц, не имеющих соответствий в восточнославянском паремиологическом пространстве.

2. Восточнославянские пословицы в сопоставительном словаре: структурно-семантический параллелизм и уникальность

Согласно принятой концепции, «Большой русско-украинско-белорусский сопоставительный словарь пословиц» [БРУБС] строится по алфавитно-тематическому принципу, который был апробирован нами при разработке материала для словаря «Народная мудрость. Русские пословицы» [Мокиенко и др., 2011]. Тематические группы пословиц в БРУБС располагаются в алфавитном порядке как тематические разделы, а названия этих разделов в большинстве случаев представляют ценностные оппозиции, отражаемые паремиями: *БОГАТСТВО И БЕДНОСТЬ, ВОЙНА И МИР, ГОЛОД И СЫТОСТЬ, ДРУЖБА И ВРАЖДА, ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ, ЗДОРОВЬЕ И БОЛЕЗНИ* и т. п. Внутри разделов в алфавитном порядке заголовков размещаются тематические рубрики, например, *БОГАТСТВО И БЕДНОСТЬ: Богатство, достаток; Бедность, нищета; Богач — бедняк; Деньги; Прибыль — убытки. ГОЛОД И СЫТОСТЬ: Голод; Еда, пища (вкусно — невкусно); Обжорство; Сытый — голодный* и т. п. Внутри рубрик так же по алфавиту располагаются макростатьи, объединяющие описания паремиологических параллелей, под которыми понимаются совпадающие по значению паремии двух или трех языков, характеризующиеся полным или частичным сходством образной структуры и лексического состава в силу

генетической общности или типологической близости. В качестве заголовка макростатьи выступает цепочка полных эквивалентов (их объединяет знак =) с последовательностью подачи материала: русский — украинский — белорусский (по количеству носителей, пользующихся языком как родным). Затем по мере нарастания структурно-семантических различий под знаками (~), (~ ~), (~ ~ ~) приводятся частичные эквиваленты, например, в макростатье, открывающейся русской пословицей *Голод в мир гонит* (рубрика «Голод»):

Голод в мир гонит (рус.) [МНН, с. 193]. = **Голод у світ гонить** (укр.) [ППП, т. 1, с. 304]. = **Голад у свет гоніць** (бел.) [ППГ, т. 1, с. 218] ~ ***Голод за море гонить*** (укр.) [ППП, т. 1, с. 302]. ~ ~ ~ ***Голод морит, по свету гонит; на полатях лежать — и ломтя не видать*** (рус.) [МНН, с. 193].

При отсутствии русской паремиологической параллели используется специальное обозначение лакуны, а макростатья, открывающаяся украинско-белорусским соответствием, включается в алфавитный порядок, общий для русского и украинского языков (все три алфавита даются в справочной части Предисловия к словарю):

(рус.) — **Голодний милю пройде, а голий і за поріг не вийде** (укр.) [ППП, т. 1, с. 303]. — **Галодны мілю ўвойдзеш, а голы і за парог не выйдзеш** (бел.) [ППГ, т. 1, с. 263].

Если же полные эквиваленты отсутствуют, макростатья начинается параллелью наиболее близких в структурно-семантическом плане паремий. Знак # (укр.) или # (бел.) в конце статьи указывает на отсутствие соответствующего паремиологического материала:

С голоду и черный хлеб — пряник (рус.) [Сок., с. 151]. ~ *Голодному здається кожен хліб за булку* (укр.) [ППП, т. 1, с. 304]. ~ ~ *Галоднаму і лустка смачна* (бел.) [ППГ, т. 1, с. 234].

Голод — лучшая приправа [к обеду] (рус.) [МНН, с. 193]. ~ *Кому голод приправа, то смакує страва* (укр.) [ППП, т. 1, с. 305]. # (бел.).

«Большой русско-украинско-белорусский словарь пословиц» проектируется как сопоставительный, но не переводной. Предполагается, что в первую очередь он будет использоваться лингвистами-славистами, которым не потребуется семантизация паремий как лексикографический параметр. Для широкого круга читателей, интересующихся славянским фольклором, в Приложении к БРУБС будет размещен словарик, который поможет самостоятельно перевести пословицу, отдельные компоненты которой были при прочтении непонятны, например, в приведенных выше словарных фрагментах: (укр.) *здаватися* — ‘казаться’, *кожен* — ‘любой, всякий’, *поріг* — ‘порог’, *страва* — ‘пища, кушанье’; (бел.) *лустка* ‘ломоть, ломтик’, *смачны* — ‘вкусный’, *увайсці* — ‘пройти’.

Что касается типов межъязыковых паремиологических соответствий, наполняющих в макростатье зону частичных сходств, то они будут подробно описаны в Предисловии. Так, при наличии полных эквивалентов в трех языках: **Голод не тётка** (рус.) [Сок., с. 148] — **Голод — не тітка** (укр.) [ППП, т. 1, с. 303] — **Голад не цётка** (бел.) [ППГ, т. 1, с. 218] более пространная пословица, сформировавшаяся на данной производящей базе [Мокиенко, 2002, с. 69], представлена «межъязыковыми лексическими вариантами», под которыми, по аналогии с квалификацией одноязычного материала, мы понимаем паремии единой синтаксической структуры, содержание которых не различается какими-либо смысловыми оттенками при наличии расхождений в компонентном составе [Жуков, 1991, с. 16]: *Голод не тетка, пирожка не подсунет* (рус.) [МНН, с. 193] ~ *Голод — не тітка, пиріжка не дасть* (укр.) [ППП, т. 1, с. 303] (по типу вариантов соотносятся компоненты *не подсунет // не дасть*).

В словаре В. М. Мокиенко [Мокиенко, 2002] находим следующую расшифровку образа данной пословицы: тетка (и другие родственники — ср., например: *Голод — не батько і не мати* [ППП, т. 1, с. 303]) может вкусно и сытно накормить, в других случаях голод заставляет человека действовать самостоятельно, чтобы прокормиться [Мокиенко, 2002, с. 69]. Компоненты образной структуры, отображающие «предлагаемое теткой» угощение (*блины, калачик)*, как и форму его предложения (*поднести, подложить*), активнее варьируются в русском языке, что будет отражено далее в словарной статье: ~ *Голод не тетка — блины не поднесет* [Сок., с. 148]; *Голод не тётка: калачика не подложит* [МНН, с. 193]. Варьирование тематически близких компонентов (*тетка // тёща*) в дополнение к вариации *пирожок // блины* наполняет этнокультурный фон пословицы отсылками к русским свадебным обрядам (молодые едут к теще на блины на второй день свадьбы) и семейным традициям (теща угощает зятя блинами на Масленицу): ~ *Голод не тёща — на блины не позовет* [Сок., с. 148]. *Голод не тёща: блинов не напечёт* [МНН, с. 193]. Под знаком ~ ~ в словарной статье будут представлены варианты пословицы, в которых при сохранении общего образного мотива стирается конкретика одного из блоков образной структуры, в данном случае — второго: *Голод не тетка — не подает* [Сок., с. 148]; *Голод не тетка — не прокормит* [Сок., с. 148].

Еще более удалены от исходного варианта по образности пословицы с экспликацией идеи ‘голод заставляет человека действовать, чтобы прокормиться’, что приводит к значительной трансформации образной структуры: ~ ~ ~ *Голод не тётка — заставит заговорить* [МНН, с. 193]; *Голод не тётка — заставит работать* [МНН, с. 193].

Образ доброй хлебосольной родственницы окончательно стирается в шутливо-иронической пословице, которая представляет собой результат контаминации: ~ ~ ~ *Голод не тётка — за ворота не выкинешь* [МНН, с. 193] (*Голод — не тетка + Гость не кость — за дверь не выкинешь)*. Примерно то же наблюдаем в белорусской пословице ~ ~ ~ *Голад не цётка, з'есць, што папала* (буквально: *голод не тетка, съест, что попало*) [ППГ, т. 1, с. 218].

Готовность голодного съесть любую пищу, в том числе украденную, отражает внутренняя форма и других белорусских вариантов исходной паремии: ~ ~ ~ *Голад не цётка, паглядзяць ды з'ядзяць* [ППГ, т. 1, с. 218]; *Голад не дзядзіна, з'ясі і крадзена* [ППГ, т. 1, с. 218] — в этом случае варьирование ключевого образного компонента *цётка // дзядзіна* поддерживается рифмой *дзядзіна // крадзена.*

Самые разные по типу рифмы (чисто грамматические и смешанные, концевые и внутренние, точные и неточные) являются отличительной чертой национально маркированных паремиологических параллелей, заполняющих в макростатьях рубрики «Голод» зоны максимально возможных расхождений (~ ~ ~): *Калі кішкі не напрэш, то і чужыя вароты адапрэш* (бел.) [ППГ, т. 1, с. 221]; *Хоць сабачына, было б вока не бачыла* (бел.) [ППГ, т. 1, с. 220]; *Голодний з'їсть і холодне* (укр.) [ППП, т. 1, с. 303]; *Голод не знає ні свата, ні брата* (укр.) [ППП, т. 1, с. 303]; *Хрэн ды рэдзька, ды й то было рэдка* (бел.) [ППГ, т. 1, с. 222]. Этноспецифическими вариантами компонентов в межъязыковом плане становятся и полноценные рифмопары: *Голодній качці все зерно на гадці* (укр.). [ППП, т. 1, с. 303]; ~ *Галоднай курцы зярнятка на думцы* (бел.). [ППГ, т. 1, с. 220], ср.: *качці-гадці* (укр.) // *курцы-думцы* (бел.).

Этнокультурный фон паремий формируют и такие лингвокультурологически значимые компоненты, как наименования традиционных кушаний, предметов обихода, конструктивных особенностей крестьянского жилища — *черный хлеб, пряник, овсяный хлеб, картофелина, полати, горнец* (горшок): *С голоду и черный хлеб — пряник* (рус.) [Сок., с. 151]; *Хто голодний, тому і вівсяний хліб смакує* (укр.). [ППП, т. 1, с. 306]; *Галодны і гнілой бульбіне рад* (бел.) [ППГ, т. 1, с. 220], *Голод морит, по свету гонит; на полатях лежать — и ломтя не видать* (рус.) [МНН, с. 193;] *Голодний горобець залізе і в горнець* (укр.) [ППП, т. 1, с. 303].

Размышляя о межъязыковой эквивалентности паремий, М. А. Бредис поддерживает точку зрения В. Хлебды [Хлебда, 2008, с. 96], согласно которой все пословичные идеи интернациональны, а значит, любая пословица теоретически должна иметь смысловой эквивалент в любом языке. Если

же такой эквивалент отсутствует, значит, он пока не обнаружен собирателями фольклора или уже вышел из употребления. По образному выражению М. А. Бредиса, пустые клетки в целостной картине пословичных эквивалентов, могут заполняться, как в таблице Менделеева, по мере нахождения соответствующих паремий [Бредис, 2019, с. 151].

На данный момент восточнославянская паремиологическая картина не лишена таких «пустых клеток», но условные паремиологические уникалии русского, украинского и белорусского языков, не имеющие параллелей, не должны, согласно нашей концепции, остаться за пределами словаря. В заключительной части каждой рубрики соответствующий по тематике безэквивалентный паремиологический материал размещается в алфавитном порядке без перевода, но, как уже отмечалось, с семантизацией отдельных компонентов в словарном украинско-русском и белорусско-русском приложении. Приведем фрагменты репрезентации таких пословиц в рубрике «Голод»:

*** (рус.)

Один слеп от голода, другой — от золота [МНН, с. 194]. *Пережили голод, дай Бог, переживем и сытость* [Сок., с. 150]. *С голоду не мрут, только пухнут, а с обжорства лопаются* [МНН, с. 194]. *Хоть с голоду пухнем, да на воле живём* [МНН, с. 194] и др.

*** (укр.)

Голодного рота хусткою не затулиш [ППП, т. 1, с. 304]. *Голодному цигани сняться* [ППП, т. 1, с. 304]. *І мудрий здуріє, як зголоднієе* [ППП, т. 1, с. 305]. *Хоч з корита, та досита* [ППП, т. 1, с. 307] и др.

*** (бел.)

Галодны прысмакаў не пытае [ППГ, т. 1, с. 220]. *Галодны як шалёны: то кладзе паклоны, то праклёны* [ППГ, т. 1, с. 219]. *Не даясі і калёсы прадасі* [ППГ, т. 1, с. 221]. *Хлеб дае рогі, а голад ногі* [ППГ, т. 1, с. 232] и т.п.

Здесь мы видим не только уникальные образы, но и содержательную, прежде всего оценочную специфику паремий разных народов: представление голода и богатства как равнозначно губительных факторов, выбор между голодом и свободой в пользу свободы, выбор между количеством пищи и формой ее подачи в пользу количества, совет голодному не требовать деликатесов, сравнение голодного человека с сумасшедшим.

В полном объеме наглядно представить подобные различия паремиологической концептуализации действительности и общность пословичных идей восточных славян — особая лексикографическая задача, которая будет решена в Указателе аксиологем — специальном разделе «Большого русско-украинско-белорусского сопоставительного словаря пословиц».

3. Аксиологемы восточнославянских паремий в сопоставительном словаре

Одним из направлений структурно-семантических, лингвокультурологических и лингвокогнитивных исследований последних двух десятилетий стала реконструкция и анализ сжатых обобщающих репрезентаций смысла пословиц — пословичных логем [Савенкова, 2002], когнитем [Иванова, 2003], пословичного конденсата или пословичных идей [Селиверстова, 2009]. Термин *аксиологема* предложенный для обозначения таких пропозициональных единиц К. А. Жуковым [Жуков, 2004, с. 6], использует в настоящее время целый ряд исследователей, к которым присоединяемся и мы, признавая особую значимость оценочного компонента семантики пословиц.

Аксиологический раздел «Большого русско-украинско-белорусского сопоставительного словаря пословиц» сохранит систему тематических рубрик, внутри которых пословичный материал будет группироваться под заголовками-аксиологемами и располагаться блоками по языкам, с тем чтобы компактно представить ценностно-смысловые доминанты и способы их пословичного отображения, характерные для каждой лингвокультуры. В такие блоки войдут как единицы, составляющие межъязыковые паремиологические параллели, так и безэквивалентные пословицы. Внутри блоков реализуется алфавитный принцип подачи паремий. А порядок расположения заголовочных аксиологем определяется количеством пословичного материала, отнесенного к каждой из них, что в определенной степени свидетельствует о значимости соответствующих оценочных смыслов для носителя языка. Так, наиболее объемной в рубрике «Голод» оказалась группировка материала под заголовком «Человек должен действовать, чтобы не голодать» (45 единиц), где собраны многочисленные структурные и образные вариации пословиц *Голод в мир гонит* и *Голод не тетка,* функционирующие в каждом из восточнославянских языков, а также особые воплощения данной пословичной идеи, напр., рус. *Голод заставляет руки творить чудеса* [МНН, с. 193], бел. *Мацей, успацей, калі хлеба захацей* [ППГ, т. 1, с. 167].

Во второй по объему аксиологической группировке — “Голодному любая пища вкусна” (39 единиц) — при общности метафорической репрезентации идеи (*Голод — лучший повар* [МНН, с. 193]; *Голод — найліпший кухар* [ППП, т. 1, с. 303]; *Голад — найлепшы кухар* (бел.) [ППГ, т. 1, с. 218]) так же широко представлен диапазон образных средств, используемых в каждом из языков для передачи шутливо-иронического смысла паремий. Хлебная корка и недопеченная еда у русских, опята и печеная репа

у украинцев, выжимки из киселя у белорусов — такое меню предлагается в паремиях голодному человеку, вкусовые ощущения которого определяет голод: *И недопёкши едят, да сыты бывают* [МНН, с. 897]; *С голоду хлебная корка слаще пирога* [МНН, с. 194]; *Голодному й опеньки м'ясо* [ППП, т. 1, с. 304]; *Як зголоднієш, то буде й печену ріпу їсти* [ППП, т. 1, с. 306]; *У голад і нішчымнае смачна есці* [ППГ, т. 1, с. 243]; *З'ясі і кісялёвых выжымак, як будзеш галодны* [ППГ, т. 1, с. 220].

Далее в порядке уменьшения объема материала расположились аксиологические группировки, представленные паремиями трех языков: «Голодный думает только о еде»; «Голод толкает на проступки и преступления»; «Голод мотивирует человека к речевой активности»; «Голод мучителен, неприятен»; «Голод учит жизни»; «Работящий, предприимчивый человек не голодает»; «Голод заставляет лгать»; «Голодный рад и малому количеству пищи»; «Голодный готов съесть что-л. необычное (несъедобное, крупное)".

Голод не дает спать — этот факт в составе соответствующей рубрики с досадой или же иронией констатируют только русские и украинские пословицы: *Спать не устать, да голод доймёт* [МНН, с. 193]; *Голодне око не засне глибоко* [ППП, т. 1, с. 303]; *Голодному не спиться, а хліб сниться* [ППП, т. 1, с. 304]. В этих же лингвокультурах голодом оправдывается бездействие или безделье: *С голоду да холоду и петух не поёт, от тепла да сыта и курица кукарекает* [МНН, с. 194]; *Голодний і пес не бреше* [ППП, т. 1, с. 303]; *Голодному не до танцю* [ППП, т. 1, с. 304]; *З голоду та холоду і півень не співає, а від тепла та їжі і курця кукурікає* [ППП, т. 1, с. 305].

Украинские и белорусские пословицы дают человеку совет, вынесенный в аксиологический заголовок, который вместе с репрезентациями аксиологемы представим в формате словаря:

ГОЛОДНЫЙ НЕ ДОЛЖЕН ПРИВЕРЕДНИЧАТЬ В ЕДЕ

Укр.: *Голодному лиш прибирати, а не перебирати* [ППП, т. 1, с. 304]; *Хто перебирає, той голодом перемирає* [ППП, т. 1, с. 306].

Бел.: *Галодны прысмакаў не пытае* [ППГ, т. 1, с. 220].

Любопытный ракурс осмысления феномена голода отражен в украинских и белорусских соотносительных паремиях (с явным преобладанием украинских), представленных под заголовком "Лучше быть голодным, чем голым":

Укр.: *Голодний перебіжить усе поле, а голий ані за поріг* [ППП, т. 1, с. 303]; *Голодний поле перебіжить, а голий ні з місця* [ППП, т. 1, с. 303]; *Голодний село перейде, а голий ні кроку* [ППП, т. 1, с. 303]; *Голодний селом пройде, а голий — ні* [ППП, т. 1, с. 303]*; Голодний день просидиш, а голий — ні з місця* (укр.) [ППП, т. 1, с. 303].

Бел.: *Галодны перабяжыць усё поле, а голы ані за парог* [ППГ, т. 1, с. 263]; *Галодны поле пярэйдзеш, а голы не* [ППГ, т. 1, с. 264].

Еще более оптимистичны безэквивалентные русские паремиологические варианты, объединенные под рубрикой «Голодные времена забываются»: *Был молод — сам знал голод, а отъелся — и позабыл* [МНН, с. 193]; *Молод терпел голод, а отъелся — и забыл* [Сок., с. 476].

Обращение к когнитивной оппозиции «свой — чужой» с привлечением «паремийного бинома» [Селиверстова, 2009, с. 192] *голод — золото* в безэквивалентной русской пословице *Лучше среди своих с голоду помирать, чем среди чужих золото собирать* [Сок., с. 487] обеспечивает этнокультурно детерминированное представление аксиологемы: «Лучше голод на родине, чем богатая жизнь на чужбине». Единичной безэквивалентной русской пословицей представлена в словаре и аксиолгема-рубрика «Ради свободы можно терпеть голод»: *Хоть с голоду пухнем, да на воле живём* [МНН, с. 194].

Эти и другие выводы, значимые для паремиологии, лингвокультурологии и лингвоаксиологии можно сделать на восточнославянском материале, представленном в аксиологическом разделе «Большого русско-украинско-белорусского сопоставительного словаря пословиц».

4. Заключение

Таким образом, восточнославянские паремии, не получившие до настоящего времени адекватной сопоставительной лексикографической репрезентации, могут быть разработаны в «Большом русско-украинско-белорусском паремиологическом словаре», предполагающем сопоставление материала как в структурно-семантическом, так и в лингвоаксиологическом плане. Отражение сходств и различий образной структуры и лексико-синтаксической организации пословиц при репрезентации паремиологических параллелей в первом разделе словаря позволит увидеть этнокультурную специфику и общие закономерности языкового воплощения концептуального содержания на уровне паремиологических моделей, образов и их элементов. Объединение материала под рубриками-аксиологемами во втором разделе словаря представит в сопоставительном аспекте оценочный потенциал восточнославянских паремий, общность и специфику миропонимания, жизненных приоритетов, ценностных установок, отражаемых пословицами трех генетически родственных лингвокультур.

Источники и принятые сокращения

1. МНН — *Мокиенко В. М.* Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. — Москва : Олма Медиа Групп, 2010. — 1024 с.

2. ППГ — *Прыказкі* і прымаўкі : у 2 кн. / склад. М. Я. Грынблат. — Мінск : Навука і тэхніка, 1976. — Кн. 1. — 559 с.; Кн. 2. — 616 с.

3. ППП — *Прислів'я* та приказки / упорядник М. М. Пазяк. — Киев : Наукова думка, 1989. — Т. 1. Природа. Господарська діяльність людини. — 479 с.

4. Сок. — *Соколова М. И.* Народная мудрость: пословицы и поговорки / М. И. Соколова. — Новосибирск : Офсет, 2009. — 622 с.

Литература

1. *Бредис М. А.* Национальное и интернациональное в паремиях: пословица Работа не волк, в лес не убежит и ее аналоги в разных языках / М. А. Бредис // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. — 2019. — Том 5, № 1. — С. 143—160.

2. *Вальтер Х.* Праславянская фразеология: миф или реальность? / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко // Jazykovedný časopis (Journal of Linguistics). — 2019. — Vol. 70, № 1. — С. 5—32.

3. *Жуков В. П.* Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. — Москва : Русский язык, 1991. — 534 с.

4. *Жуков К. А.* Языковое воплощение концепта «труд» в пословичной картине мира : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.19 / К. А. Жуков. — Великий Новгород, 2004. — 26 с.

5. *Иванов Е. Е.* Русско-белорусский паремиологический словарь / Е. Е. Иванов, В. М. Мокиенко. — Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2007. — 242 с.

6. *Иванова Е. В.* Пословичная концептуализация мира (на материале английских и русских пословиц) : диссертация ... доктора филологических наук / Е. В. Иванова. — Санкт-Петербург, 2003. — 415 с.

7. *Іваноў Я. Я.* Парэміялагічныя сістэмы беларускай і рускай моў: падабенствы і разыходжанні / Я. Я. Іваноў // Філалагічні студыі: Науковий вісник Криворізького державного педагогічного університету. — 2011. — Вип. 6, Ч. 2. — С. 53—63.

8. *Іваноў Я. Я.* Прынцыпы супастаўляльнага апісання афарыстычнай парэміялогіі беларускай і рускай моў / Я. Я. Іваноў // Studia sławistyczne. — 2003. — T. 4. — S. 49—55.

9. *Іваноў Я. Я.* Універсальнае і нацыянальнае ў фразеалагічнай і парэміялагічнай падсістэмах беларускай мовы ў еўрапейскім моўным кантэксце (актуальнасць, метадалогія, перспектывы даследавання) / Я. Я. Іваноў // Славянская фразеология в синхронии и диахронии : сборник научных статей. — Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2016. — Вып. 3. — С. 46—49.

10. *Котова М. Ю.* Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / М. Ю. Котова. — Санкт-Петербург : СПбГУ, 2000. — 360 с.

11. *Ломакина О. В.* Концептуальная дихотомия «Бог» — «Дьявол» в русинской фразеологии и паремиологии (на славянском фоне) / О. В. Ломакина, В. М. Мокиенко // Вестник Томского государственного университета. — 2019. — № 447. — С. 55—62.

12. *Марфина Ж. В.* Репрезентация субконцептов «Сын / Син», «Дочь / Дочка» в восточнославянской паремике / Ж. В. Марфина // Вестник Омского государственного

педагогического университета. Гуманитарные исследования. — 2018. — № 2 (19). — С. 63—66.

13. *Мокиенко В. М.* Русско-венгерские паремиологические параллели (в поисках национальной специфики) / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. — 2019. — № 64, Вып. 1. — С. 85—102.

14. *Мокиенко В. М.* Школьный словарь живых русских пословиц / В. М. Мокиенко. — Санкт-Петербург : Нева, 2002. — 352 с.

15. *Пукас А. А.* Особенности антонимических противопоставлений в русских и украинских пословицах тематической группы «Добро — зло» / А. А. Пукас // Русский язык в современном мире : сборник научных статей. — Симферополь : Ариал, 2019. — С. 124—129.

16. *Савенкова Л. Б.* Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты / Л. Б. Савенкова. — Ростов-на-Дону : Ростовский государственный университетат, 2002. — 240 с.

17. *Санько З. Ф.* Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем / З. Ф. Санько. — Мінск : Навука і тэхніка, 1991. — 218 с.

18. *Селиверстова Е. И.* Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость / Е. И. Селиверстова. — Санкт-Петербург : МИРС, 2009. — 270 с.

19. *Тубалова И. В.* Соматический код в восточнославянских пословицах и частушках / И. В. Тубалова, Х. Ван // Русин. — 2018. — № 2 (52). — С. 141—160.

20. *Хлебда В.* О чем думает русский индюк, или Об эквивалентах пословиц в двуязычном словаре / В. Хлебда // Przegląd Rusycystyczny. — 2008. — №. 4 (124). — С. 90—104.

21. *Церцвадзе М. Г.* Вербализация бинарных концептов «Ум / Розум» и «Глупость / Дурость» в русском и украинском языках (на материале пословиц и поговорок / М. Г. Церцвадзе // Вестник Воронежского университета. — 2016. — № 4. — С. 117—119.

22. *Petruševskaja Ju. A.* Универсальное и национальное в составе пословиц современного белорусского литературного языка / Ju. A. Petruševskaja // Wort — Text — Zeit XII. Die Phraseologie im Idiolekt und im System der slawischen Sprachen. — Greifswald : E.M.A. —Universität, 2013. — S. 79—80.

Proverbs of the Eastern Slavs in a Comparative Lexicographic Representation[1]

© **Daria V. Andrianova** (2020), orcid.org/0000-0003-4190-5968, PhD in Philology, researcher, Dic-tionary Department, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia), yakonukdar@yandex.ru.

© **Natalia D. Ignatieva** (2020), orcid.org/0000-0001-5135-4851, PhD in Philology, senior lecturer, Russian as a Foreign Language Department, The Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia), nataliagasheva@yandex.ru.

1 The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, (project No. 20-18-00091 "The world of the Eastern Slavs in paremiological interpretation: axiological dominants and their linguoculturographic representation", implemented at the St. Petersburg State University).

© **Tatiana G. Nikitina** (2020), orcid.org/0000-0001-9006-9738, Doctor of Philology, professor, The-ory and Methodology of Primary and Preschool Education Department, Federal State Budgetary Edu-cational Institution of Higher Education "Pskov State University" (Pskov, Russia), cam-bala2007@yandex.ru.

The main provisions of the concept of comparative vocabulary representation of East Slavic proverbs, developed by the lexicographers of St. Petersburg and Pskov universities are presented. The principles of macrostructuring of the "Big Russian-Ukrainian-Belarusian dictionary of proverbs are formulated". The methods of parametrization of paremiological parallels and uniqueness are substantiated. The relevance of the study in the modern sociopolitical situation is determined by the need to strengthen the traditions of objective interpretation of the ethno-linguistic unity of the Eastern Slavs. The novelty of the research lies in the appeal to the paremiological material that has not been developed in a comparative lexicographic as-pect and an innovative approach to its lexicography. It is proved that the value of the diction-ary as an ethnolinguistic and linguoaxiological source will increase due to the combination of the thematic organization of the material, marking the similarities and differences in the presentation of paremiological parallels and combining the paremias under axiological headings. Particular attention is paid to the identification and vocabulary representation of complete interlingual paremiological equivalents, the establishment of the types of correspondences for partial equivalents, the description of their ethno-specific elements. The possibilities of implementing the comparative aspect are shown when using the format of the lexicographic representation of the axiological content of the paremias proposed by the authors. It is emphasized that the developed lexicographic concept will make it possible to present the East Slavic paremiological space in the unity and diversity of structural and se-mantic models, linguistic images, axiological vectors and will contribute to the improvement of the system of comparative paremiography.

Key words: East Slavic languages; proverb; interlingual paremiological equivalents; axiologeme; paremiological dictionary; comparative lexicography.

Material resources

MNN — Mokiyenko, V. M., Nikitina, T. G., Nikolaeva, E. K. (2010). *Bolshoy slovar' russkikh poslovits*. Moskva: Olma Media Grupp. (In Russ.).

PPG — Grynblat, M. Ya. (ed.). (1976.). *Prykazki i prymaŭki, 2*. Minsk: Navuka i tekhnika.

PPP — Pazyak, M. M. (ed.). (1989). *Prisliv'ya ta prikazki, 1. Priroda. Gospodarska diyalnist' lyudini.* Kiev: Naukova dumka. (In Ukr.).

Sok. — Sokolova, M. I. (2009). *Narodnaya mudrost': poslovitsy i pogovorki*. Novosibirsk: Ofset. (In Russ.).

References

Bredis, M. A. (2019). Natsionalnoye i internatsionalnoye v paremiyakh: poslovitsa Rabota ne volk, v les ne ubezhit i ee analogi v raznykh yazykakh. *Uchenyye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskiye nauki, 5/1:* 143—160. (In Russ.).

Ivanov, E. E., Mokienko, V. M. (2007). *Russko-belorusskiy paremiologicheskiy slovar'*. Mogilev: MGU imeni A. A. Kuleshova. (In Russ.).

Ivanova, E. V. (2003). *Poslovichnaya kontseptualizatsiya mira (na materiale angliyskikh i russkikh poslovits):* dissertatsiya... doktora filologicheskikh nauk. Sankt-Peterburg. (In Russ.).

Khlebda, V. (2008). O chem dumaet russkiy indyuk, ili Ob ekvivalentakh poslovits v dvuyazychnom slovare. *Przegląd Rusycystyczny, 4 (124):* 90—104. (In Russ.).

Kotova, M. Yu. (2000). *Russko-slavyanskiy slovar' poslovits s angliyskimi sootvetstviyami*. Sankt-Peterburg: SPbGU. (In Russ.).

Lomakina, O. V., Mokienko, V. M. (2019). Kontseptualnaya dikhotomiya «Bog» — «Dyavol» v rusinskoy frazeologii i paremiologii (na slavyanskom fone). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 447:* 55—62. (In Russ.).

Marfina, Zh. V. (2018). Reprezentatsiya subkontseptov «Syn / Sin», «Doch / Dochka» v vostochnoslavyanskoy paremike. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya, 2 (19):* 63—66. (In Russ.).

Mokienko, V. M. (2002). *Shkolnyy slovar' zhivykh russkikh poslovits*. Sankt-Peterburg: Neva. (In Russ.).

Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2019). Russko-vengerskiye paremiologicheskiye paralleli (v poiskakh natsionalnoy spetsifiki). *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae, 64/1:* 85—102. (In Russ.).

Petruševskaja, Ju. A. (2013). Universalnoye i natsionalnoye v sostave poslovits sovremennogo belorusskogo literaturnogo yazyka. In: *Wort — Text — Zeit XII. Die Phraseologie im Idiolekt und im System der slawischen Sprachen*. Greifswald: E.M.A. — Universität. 79—80. (In Russ.).

Pukas, A. A. (2019). Osobennosti antonimicheskikh protivopostavleniy v russkikh i ukrainskikh poslovitsakh tematicheskoy gruppy «Dobro — zlo». In: *Russkiy yazyk v sovremennom mire:* sbornik nauchnykh statey. Simferopol: Arial. 124—129. (In Russ.).

Sanko, Z. F. (1991). *Maly ruska-belaruski sloўnik prykazak, prymavak i frazem*. Minsk: Navuka i tekhnika. (In Belarus.).

Savenkova, L. B. (2002). *Russkaya paremiologiya: semanticheskiy i lingvokulturologicheskiy aspekty.* Rostov-na-Donu: Rostovskiy gosudarstvennyy universitetat. (In Russ.).

Seliverstova, E. I. (2009). *Prostranstvo russkoy poslovitsy: postoyanstvo i izmenchivost'*. Sankt-Peterburg: MIRS. (In Russ.).

Tsertsvadze, M. G. (2016). Verbalizatsiya binarnykh kontseptov «Um / Rozum» i «Glupost' / Durost'» v russkom i ukrainskom yazykakh (na materiale poslovits i pogovorok. *Vestnik Voronezhskogo universiteta, 4:* 117—119. (In Russ.).

Tubalova, I. V., Van, Kh. (2018). Somaticheskiy kod v vostochnoslavyanskikh poslovitsakh i chastushkakh. *Rusin, 2 (52):* 141—160. (In Russ.).

Valter, Kh., Mokienko, V. M. (2019). Praslavyanskaya frazeologiya: mif ili realnost'? *Jazykovedný časopis (Journal of Linguistics), 70/1:* 5—32. (In Russ.).

Zhukov, K. A. (2004). *Yazykovoye voploshcheniye kontsepta «trud» v poslovichnoy kartine mira:* avtoreferat dissertatsii… kandidata filologicheskikh nauk. Velikiy Novgorod. (In Russ.).

Zhukov, V. P. (1991). *Slovar' russkikh poslovits i pogovorok*. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.).

Ivanoў, Ya. Ya. (2003). Pryntsypy supastaўlyalnaga apisannya afarystychnay paremiyalogii belaruskay i ruskay moў. *Studia sławistyczne, 4:* 49—55. (In Belarus.).

Ivanoў, Ya. Ya. (2011). Paremiyalagichnyya sistemy belaruskay i ruskay moў: padabenstvy i razykhodzhanni. *Filologichni studiї: Naukoviy visnik Krivorizkogo derzhavnogo pedagogichnogo universitetu, 6/2:* 53—63. (In Belarus.).

Ivanoў, Ya. Ya. (2016). Universalnae i natsyyanalnae ў frazealagichnay i paremiyalagichnay padsistemakh belaruskay movy ў eўrapeyskim moўnym kantekstse (aktualnasts', metadalogiya, perspektyvy dasledavannya). In: *Slavyanskaya frazeologiya v sinkhronii i diakhronii: sbornik nauchnykh statey, 3.* Gomel: GGU im. F. Skoriny. 46—49. (In Belarus.).

Авдеенко И. А. Актуализация инвариантной семантики символа ЗВЕЗДА в текстах русской рок-поэзии / И. А. Авдеенко // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 24—39. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-24-39.

Avdeenko, I. A. (2020). Actualization of the Invariant Semantics of the STAR Symbol in Texts of Russian Rock Poetry. *Nauchnyi dialog, 7:* 24-39. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-24-39. (In Russ.).

УДК 811.161.1’373.227+81’373.612.2+82-192
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-24-39

Актуализация инвариантной семантики символа ЗВЕЗДА в текстах русской рок-поэзии

© **Авдеенко Иван Анатольевич (2020),** orcid.org/0000-0002-1575-1742, кандидат филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет» (Комсомольск-на-Амуре, Россия), iavdeenko@mail.ru.

Рассмотрены вопросы инвариантной семантики символа и ее актуализации в текстах русской рок-поэзии. Уделяется внимание исследованиям символа, концепта и образа звезды в русской поэзии и рок-поэзии. Автор отмечает, что в этих исследованиях не представлено соотношение индивидуально авторского образного мировидения с мировидением субкультуры, отраженным в тексте. Выполнен обзор работ лингвистической поэтики и антропоцентрического языкознания. Приводятся определения символа в рамках этих парадигм. Сделан вывод о том, что понимание символа как носителя мировидения культуры меняет представление о связи означающего и означаемого и «точку отсчёта» эстетического. Автор исходит из того, что эстетический образ строится на основе инвариантной семантики символа в языке субкультуры. Представлены результаты сопоставительного анализа символической семантики номинации звезда в языке русской рок-поэзии и других подсистемах русского национального языка, в том числе эстетически ориентированных. Показано, что инвариантная семантика символа ЗВЕЗДА, актуальная для русской рок-поэзии лежит в основе образов звезды, тождественных, связанных и противопоставленных образу автора. Доказано, что актуализация компонентов семантики символа ЗВЕЗДА не зависит от конкретного автора и текста русской рок-поэзии, воспроизводит общие представления о мире.

Ключевые слова: русская рок-поэзия; символ; инвариантная семантика; образ; текст.

1. Введение

Актуальность исследования инвариантной семантики символов в текстах русской рок-поэзии определяется, во-первых, наблюдающимся в современной филологии противоречием в понимании символа и специфики его функционирования в рамках системоцентрической лингвистической поэтики и антропоцентрической парадигмы, которое влечёт за собой вза-

имное недоверие к научным результатам (при этом наблюдается «формирование своего рода универсальной парадигмы» [Дубровская, 2019, с. 73], а во-вторых — рядом проблем с определением ценности русской рок-поэзии как эстетического феномена, в то время как русская рок-поэзия имеет признаки символической практики [Авдеенко, 2017], наблюдающиеся как в дискурсе, так и в тексте произведений, например, как онтологическая двойственность [Петрова, 2019], создание мифов жизни [Никитина, 2011] и смерти [Доманский, 2000] русских рок-поэтов. Обращение к семантике символа ЗВЕЗДА в данном контексте определяется его высокой частотностью в рок-текстах и вниманием к нему ученых, исследующих традиционную (например, [Лощилов, 2015]) и рок-поэзию (например, [Гуляева, 2009]). Не обходит вниманием этот символ ни один сборник «Русская рок-поэзия: текст и контекст».

Цель данной работы — выявление соотношения образного, уникального для текста использования символа ЗВЕЗДА и его семантики, заданной языком субкультуры русского рока. Описание образности русской рок-поэзии, в том числе символической, неоднократно производилось. Была реализована и попытка лингвокультурологического описания инвариантной семантики символов как языковых, регулярно выражающих одно значение в творчестве разных авторов с помощью качественно-количественного контент-анализа выборки произведений русского рок-мейнстрима [Авдеенко, 2014]. Однако соотношение образного, индивидуального и когнитивного, общего, субкультурного в семантике символов русской рок-поэзии ранее не производилось.

Следует отметить, что в исследованиях поэзии и рок-поэзии сильна традиция со- и противопоставления индивидуально-авторского видения и непосредственно национального, свойственная лингвопоэтике. Например, анализируя концептуализацию неба и небесных тел в творчестве К. Кинчева и В. Цоя, Г. Е. Гуляева [Гуляева, 2009] сопоставляет именно индивидуальное и языковое (национальное) содержание концептов, игнорируя то, что задано общностью субкультурного мировидения, не тождественного национальному. Интересно, что этот же автор, сопоставляет специфику наглядно-чувственного образа «небесных» концептов в творчестве К. Кинчева с языковыми (национальными) [Гуляева, 2007], а рассматривая эмотивную составляющую тех же концептов, связывает их с мифологическими и христианскими представлениями, но никак не с представлениями русской рок-субкультуры [Гуляева, 2016]. Представляется, что такой подход искажает представление о природе поэтического слова. В связи с этим анализ фактического материала предваряется анализом лингвопоэтических (си-

стемоцентрических) и лингвокультурологических (антропоцентрических) представлений о символе.

Материалом исследования послужил корпус текстов русского рока, размещенный на электронном ресурсе rockk.ru [Тексты песен …]. Из данного корпуса были отобраны тексты, в заголовках которых использовано слово *звезда*, а названный символ играет текстообразующую роль.

2. Понимание природы и функционирования символа в системоцентрической лингвистической поэтике и антропоцентрической парадигме

Системоцентрическая парадигма в целом исходит из представления о слове в языке и тексте как о знаке. Основу этого представления составляет модель знака Ф. де Соссюра, предполагающая установление немотивированной связи между акустическим образом и понятием [Соссюр, 1977, с. 99—100]. При этом сам Ф. де Соссюр допускает частичную мотивированность в случае с символом: вместо слова *весы*, обозначающего справедливость, как считает Ф. де Соссюр, нельзя использовать какое-либо другое слово [Соссюр, 1977, с. 101].

При таком понимании языкового знака художественный текст и творчество в целом требуют специфического включения в систему представлений о языке. Оно состоит в рассмотрении художественной речи (в соссюровском понимании) как сознательного отступления от системы языка, совокупности приёмов эстетически ценного использования единиц литературного, нормированного языка, где норма понимается как «нулевая точка эстетического отсчёта» [Григорьев, 1973, с. 28]. Так, например, метафора рассматривается как семантическая ошибка [Арутюнова, 1990; Глазунова, 2000; Падучева, 2004], противопоставленная сравнению, в котором такой ошибки нет [Скляревская, 2017].

Что же касается символа в том понимании, которое восходит к И. Канту, противопоставляющему схематическому представлению символическое (интуитивное, косвенное, рефлексивное) [Кант, 1966, с. 373—375], то в рамках лингвистической поэтики символ отожествляется с художественным образом. Аналогично понимается и его структура: символ как слово конвенционально означает понятие, которое на втором уровне означивания иконически расширяет сферу означивания. Например, О. А. Заулина утверждает, что «символ <…> создается только в ткани художественного произведения» [Заулина, 2005]. Символизация в этом случае рассматривается как приём, который состоит в выражении абстрактного, ирреального содержания в конкретно-чувственном образе, обозначенном словом [Бояр-

ская, 2016], либо в совмещении двух семантических полей, одно из которых связано с вещным миром, а другое — с идеальным [Якушевич, 2016].

В антропоцентрической лингвистике язык понимается как неотъемлемая часть жизни человека в различных аспектах — социальном, культурном, ментальном. Сам же человек трактуется как языковая личность [Караулов, 1987].

Особое — хотя и не исключительное — внимание исследователей языковой личности привлекают писатели и поэты. При этом предполагается, что художественный текст порождается не только индивидуальным сознанием личности, но и мировидением эпохи, отражающим и формирующим определенную языковую картину мира [Руберт, 2017], системой значимых ориентиров жанра, литературной школы, эпохи [Тхорик, 2000]. Как этносемантическая личность [Воркачёв, 2001], человек в образе своей мысли подчинен языку, а именно — языковой картине мира, представлениям, зафиксированным в языке. Эта идея восходит к работам В. фон Гумбольдта и развивается в плане описания культурных концептов [Вежбицкая, 1996; Степанов, 2001 и др.].

При этом категория символа как знака с интуитивным, косвенным, рефлексивным значением ссылается на периферию языка, в область художественной речи необоснованно, поскольку именно символ может пониматься как знак, выражающий совокупность смысловых связей (концепт), а не понятие. Понимание символа как носителя мировидения культуры (или субкультуры) существенно меняет представление о связи означающего и означаемого и «точку отсчёта» эстетического.

Рассмотрим соотношение семантики символа ЗВЕЗДА в субкоде русской рок-поэзии и образа звезды в текстах.

3. Образ звезды и его инвариантно-символическая составляющая в текстах русской рок-поэзии

Как было установлено в ходе исследования методом качественно-количественного контент-анализа репрезентативной выборки, символ ЗВЕЗДА в языке русской рок-поэзии обозначает антропоморфный, маргинальный (пограничный), неуправляемый, противоречивый фокус взаимодействия оппозиций мира, стремящийся ограничить эти взаимодействия [Авдеенко, 2014, с. 37]. Указанные компоненты существенно отличают семантику этого символа в русской рок-поэзии от иных представлений о семантике этого слова. По-иному — как путеводное небесное тело, дарующее помощь, ведущее человека по жизни [Пирогова, 2009] — понимается символ (концепт) ЗВЕЗДА в традиционной русской культуре, а также индивиду-

альных эстетических системах, основанных на традиционной символической семантике [Кур-Кононович, 2018]. Иначе, как небесное светило, уникальное и множественное, выражающее божественное в диалектах или успешность человека в городском просторечии при общей семантике антропоморфности, разворачивается символическая семантика слова *звезда* в современном русском национальном языке [Попова, 2007]. Также своеобразно, в сложном взаимодействии мифологических, христианских, идеологических и научных представлений рассматривается символика звезды в современной поэзии [Бакирова и др., 2020]. Семантика символа ЗВЕЗДА в русской рок-поэзии отличается и от общекультурной, соотносимой с божественностью, добродетелью, богатством и красотой [Бобрык, 2013], судьбой, душой, вечностью [Рольгайзер, 2013]. Единственным традиционным компонентом здесь является антропоморфность [Баркан, 2009], которая, однако, реализуется несколько иначе.

Контент-анализ текстов русской рок-поэзии, не входящих в состав выборки, имеющих в заголовке слово *звезда* и его производные, показал, что инвариантная семантика символа актуализируется во всех текстах, при этом образ автора и образ звезды соотносятся в соответствии с тремя типами: 1) автор есть звезда; 2) автор связан со звездой; 3) автор противопоставлен звезде. Рассмотрим актуализацию инвариантной семантики символа ЗВЕЗДА в текстах каждого типа.

4. Инвариантная семантика символа ЗВЕЗДА в текстах русской рок-поэзии, отождествляющих образ автора с образом звезды

Наиболее показательна в плане актуализации инвариантной семантики символа ЗВЕЗДА с отождествлением образа автора и образа звезды песня А. Васильева «Звезда рок-н-ролла». Антропоморфность выражается в построении текста от имени звезды — рок-поэта, одновременно небожителя и человека, который находится в состоянии (на границе) духовной жизни и смерти. Такая маргинальная позиция ставит его вне социальных, моральных и нравственных норм: *Звезда рок-н-ролла должна умереть* (А) *без прикола* (Б), / *Три трети пройдя, удалиться в четвертую треть* (В). / *Сегодня так ярко светит луна над балконом* (Г), / *Что больно смотреть // На эту картину: кухня — пьяный и голый, / Закинувшись всем, от чего только можно балдеть, / Звезда рок-н-ролла допивает ром с колой* (Д) / *И должна умереть! Умереть*».

Приведенный пример показателен в том плане, что образ социального маргинала (алкоголика и наркомана) трансформируется инвариантными компонентами семантики символа за счет интертекстуальных связей,

выражающих представление о маргинальности и трагичности положения поэта:

А. *Рок-н-ролл мертв, а я ещё нет* (Б. Гребенщиков «Рок-н-ролл мертв»). В прецедентном тексте говорится об ответственности рок-поэта за право *стоять слишком гордо*.

Б. *Рок-н-ролл — это не работа, рок-н-ролл — это прикол* (К. Кинчев «Рок-н-ролл — это не работа»). В прецедентном тексте вхождение в рок-культуру представляется как юродивость.

В. *Но, должно быть, ему очень нужно пройти / четыре четверти пути* (В. Высоцкий «Канатоходец») — в прецедентном тексте канатоходец поднимается над бытом и погибает; *Короткую жизнь — семь кругов беспокойного лада — / Поэты идут и уходят от нас на восьмой* (А. Башлачёв) — в прецедентном тексте поэт рассматривается как человек, к которому неприменимы обычные человеческие мерки.

Г. Отсылка к роману М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», где луна и балкон — сквозные образы, символизирующие нахождение между реальным и ирреальным миром.

Д. Отсылка к песням М. Науменко «Ром и пепси-кола» и «Звезда рок-н-ролла». В первой представлен ироничный образ рок-автора как пьяницы, а во втором — как непонятного обществу человека из иного мира.

При этом аморальность «звезды рок-н-ролла» связывается не с банальной алкогольной и / или наркотической зависимостью, а с трагическим переживанием собственной маргинальности, которое вызывает непреодолимое желание «*замьютить* (от английского *mute*, маркирующего на микшерном пульте кнопку выключения канала. — *И. А.*) *свой голос, расплавиться, перегореть*» (А. Васильев «Звезда рок-н-ролла»), то есть выйти из промежуточного состояния, перестать быть фокусом взаимодействий противоположностей мира.

В песне В. Цоя «Звезды останутся здесь» актуализируются те же компоненты инвариантной для русской рок-поэзии семантики символа ЗВЕЗДА. Идея антропоморфности получает выражение через отождествление «мы — звезды» (*Звезды, упав, все останутся здесь… Мы стоим, а места вокруг нас пустуют*). При этом используется образ упавшей звезды, разрешившей собственную маргинальность. Последняя выражается через остаток нечеловеческой, звериной (не социальной) природы (*В каждом из нас спит зверь. / Я слышу его дыханье, когда танцую*). Эта звериная природа актуализирует также компонент неуправляемости, подчеркнутый образом сети как единственного способа контроля (*Я попал в сеть, и мне из нее не уйти*). Противоречивость выражена в стремлении вверх, в небо (*Не люблю*

темные стекла — / Сквозь них тёмное небо), но одновременно — в настоятельных попытках войти в помещение (*Дайте мне войти, откройте двери*); в восприятии реальности (*За окнами дождь*) и одновременном отказе ее воспринимать (*но я в него не верю*); в парадоксальном сочетании танца (*Я слышу его дыханье, когда танцую*) и статичного положения (*Почему мы стоим*); в квазиповторе: *В каждом из нас спит волк, / В каждом из нас спит зверь*, где «волк» и «зверь» противопоставлены как «социальный» и «асоциальный».

Фокусирование взаимодействий в этом тексте обнаруживается в мотиве сна, традиционно понимаемого как состояние восприятия иррациональной информации (*Мне снится Черное море*), и в сравнении *Твой взгляд бьет меня, словно ток*, в основе которого лежит представление о восприятии невербализованных человеческих интенций. Падение, о котором говорилось выше, ведет к одиночеству, то есть ограниченности взаимодействий: «В каждом из нас что-то есть, но я не могу взять в толк, / Почему мы стоим, а места вокруг нас пустуют».

Рассмотренные случаи показывают, что инвариантная семантика символа ЗВЕЗДА, актуальная именно для русской рок-поэзии, лежит в основе образа звезды, тождественного образу автора.

5. Инвариантная семантика символа ЗВЕЗДА в текстах русской рок-поэзии, в которых образ автора связан с образом звезды

Инвариантная семантика символа ЗВЕЗДА, актуальная для русской рок-поэзии, лежит в основе образа звезды, имеющего связь с образом автора, в песне группы «Агата Кристи» «Позорная звезда» из одноимённого альбома: «*Нас родила непонятная звезда. / В нас оставил след холодный свет. / Ночь и Луна, потаённая война, / Запрещенная мечта.* // <Припев> *Наша красота, подлая судьба / Нас еще погубит навсегда. / Это не беда, не твоя вина, / Ты веди нас за собой, Позорная звезда! // Да, мы рабы непонятной красоты, / Одинокие воины. / Наши мечты — это розы и шипы, / Это пленники Луны* // <Припев>» (Г. Самойлов).

Компонент маргинальности актуализирован уже в названии песни через определение *позорная*, то есть ‘не соответствующая принятой норме’, и закреплён в эпитете *подлая* (‘не достойная приличного общества’). Характеристиками звезды являются также непонятность, подлость (в значении опасной непредсказуемости, коварства), потаённость и запрещенность, определяемые инвариантным компонентами семантики символа (неуправляемость, самостоятельность, противоречивость). Кроме того, противоречивость, зафиксированная в инвариантной семантике символа,

выражается через отождествление мечтателей и пленников, рабов и воинов, а мечты, представленной как единство розы и шипов, — с войной в отношении тех, кто порождён звездой.

Семантика антропоморфности заявлена в зачине: *Нас родила непонятная звезда*. Глагол *родила* указывает на преемственность внешности и психики. При этом от звезды наследуется *холодный свет*, то есть бесчувственность души. *Подлая судьба* как перифраза номинации *звезда* (см.: ряд *непонятная звезда — непонятная красота — наша красота — подлая судьба*) воплощает заданную инвариантной семантикой символа сфокусированность взаимодействия человека и мира, космоса и земли. Однако эти взаимодействия крайне неопределенны: звезда подменяется луной, а смерть представляется подвигом во имя того, что в отношении героев безразлично (см. припев).

В песне Е. Маргулиса «Сколько было звезд» образ автора также связан с образом звезды. При этом в образе звезды актуализируются компоненты инвариантной семантики символа ЗВЕЗДА. Так, антропоморфность, характерная для инвариантной семантики символа ЗВЕЗДА в русской рок-поэзии, выражается в метафоре «друзья — упавшие, погасшие звезды» (*Сколько было звезд, упавших с небосклона … Пускай любой из нас друзей ушедших тени / Из темноты зовет*). Среди свойств звезды указываются маргинальность, выраженная в чуждости миру (*Оглянись вокруг — кругом чужие лица*), противоречивость (*Кого любил и скольких бросил*), фокусирование взаимодействий посредством обозначений эмоциональных реакций (*Сколько было слез, Сколько было стонов, Не торопи тоску, Не сводит с них счастливых глаз*). Неуправляемость актуализируется в мотиве произвольности сгорания и падения (*Пламенный полет / Звезды, сверкающей вдали и остывающей в пыли. / Не спеши, мой друг, считать себя счастливцем*). При этом само падение понимается как желаемое разрешение маргинальности, противоречивости (*Не спеши считать себя счастливцем*) через обретение определенности человеческого, земного образа, прекращение взаимодействий (именно это понимается звездой как условие счастья), которое превращает звезду в тень, сохраняющую тем не менее звездную природу: к теням как к бывшим звездам обращается веселый взгляд (*В свой самый лучший день, / В свой самый лучший час, / Пускай любой из нас / Друзей ушедших тени / Из темноты зовет*).

В песне В. Бутусова «Моя звезда», где образ автора связан с образом звезды, антропоморфность выражается через олицетворение: *Моя звезда горит внутри и говорит мне…* При этом одновременно актуализируется ее маргинальная природа: звезда внутри человека, но не его часть, и даже

нечто чужеродное: *Ее огонь во мне пылает, но свет ее не озаряет; никогда не скажет «да»; моя звезда мне безответна*. Вместе с тем образ звезды фокусирует физические (перемещение в пространстве: *лететь, проплывать*) и коммуникативные (эмоциональное <понятное всему живому: *тюлени, киты*> общение: *петь, плакать*) взаимодействия в мире: *Мы летим вдвоем, / Поем о том, о сём, / О том, как проплываем крайний север. / И все тюлени, все киты, / Звезду завидев, горько плачут*. Но звезда стремится к ограничению взаимодействий, характеризуется противоречивостью и неуправляемостью: *Она рискует круг за кругом; улетает от меня и покидает навсегда. / Вот так звезда меня хоронит; Она не светит никому, / Она приводит всех к заветной цели*. То есть звезда живет своей жизнью (рискует), не подчинена человеку, стремится разорвать связь с ним (покидает), но вместе с тем ведет его к цели.

Приведенные примеры демонстрируют опору образа звезды, связанного с образом автора, на инвариантную семантику символа ЗВЕЗДА, актуальную для русской рок-поэзии.

6. Инвариантная семантика символа ЗВЕЗДА в текстах русской рок-поэзии, противопоставляющих образ автора образу звезды

Противопоставление образа автора образу звезды в русской рок-поэзии осуществляется в двух направлениях: 1) звезда противопоставлена автору как духовное обывательскому; 2) звезда противопоставлена автору как демоническое человеческому. При этом и в том, и в другом случае образ звезды опирается на инвариантную семантику символа ЗВЕЗДА в русской рок-поэзии.

Так, в песне Б. Гребенщикова «Моей звезде», где звезда противопоставлена автору как духовное обывательскому, звезда также антропоморфный образ, одновременно противопоставленный человеку: *Нам — сытный дом под лампой светлой, / А ей — лишь горькое вино, а ей — лишь горькая беда … и горький чай*. Маргинальность в этом образе также конструируется через противопоставление *простым и смертным*: *А ей — лишь горькая беда, / Сгорать, где все бегут пожара*. Звезда в этом тексте противоречива, неуправляема, что связано с противопоставлением человеческому стремлению к покою: *Моей звезде не суждено / Устать или искать покоя*. Вместе с тем она символизирует фокус взаимодействия, она предотвращает беду, это ее служба: *Ей будет сниться по ночам / тот дом, что обойден бедою, а наяву — служить звездою*. Нужно отметить, что и в этом случае используется мотив падающей звезды: *Один лишь мальчик скажет: «Жалко, / Смотрите, падает звезда»*. Однако это падение не связано ни с тра-

дициoнным апокалиптическим смыслом падающей звезды в христианстве и традиционной поэзии (см.: [Барышникова, 2012]), ни с характерным для русской рок-поэзии (как было показано выше) стремлением к определенности: *Она не знает, что такое / покой*.

В песне К. Кинчева «Звезда свиней», где образ звезды противопоставлен образу автора как демоническое человеческому (образ автора при этом отстраняется от «лирического героя» рефреном *Звезда свиней!* с отсутствующим маркером эгоцентричности *Я*), звезда становится символом тоталитарного произвола: *…Ваша свобода — хаос! / Ваша мораль — блядь! / Ваш демократический шабаш / «Наши» способны унять! / «Наши» — это наши. / Тот, кто не с нами, тот труп! / Я отвечаю за свой базар! / Бог с нами! Даю зуб! // Звезда свиней!* При этом речевая характеристика такой «звезды» демонстрирует антропоморфность через сходство с человеком, маргинальность как положение над моралью, неуправляемость как наличие неограниченной власти, противоречивость как результат фокусирования взаимодействий различных по своей природе планов: политики и асоциальности (*свобода, мораль*, но *отвечаю за базар, даю зуб*), светского и духовного (*кто не с нами, тот труп*, но *Бог с нами*), а также ограничение взаимодействий как категоричное отрицание инакомыслия.

Из результатов анализа следует, что в основе образа звезды, противопоставленного образу автора, также лежит инвариантная семантика символа ЗВЕЗДА, актуальная для русской рок-поэзии.

7. Заключение

Художественные образы в русском рок-тексте обусловлены не осознанным, эстетически ценным отклонением от литературной нормы (системоцентрический подход), где слово обозначает понятие, и не национально специфическими концептами (антропоцентрический подход), а актуальной именно для рок-культуры символической семантикой, отличающейся и от понятия, и от концепта в национальном языке. Эта семантика объединяет мировидение различных авторов, собственно обеспечивая субкультурную целостность художественного творчества. Регулярная актуализация специфической для субкультуры символической семантики выполняет не столько эстетическую, сколько когнитивную, гносеологическую функцию, транслируя образующие субкультурное мировоззрение смыслы. Из этого следует, что точкой отсчета эстетического в аспекте символических образов является специфика семантики символов в субкультуре: она не создается в конкретном тексте каждым автором в уникальном акте творчества, а актуализируется как элемент общего мировидения. Наконец, регулярность

актуализации инвариантной семантики указывает на языковую (по крайней мере, узуальную) природу символа, объединяющую всех представителей субкультуры, обслуживаемой языковой подсистемой.

Вариативность актуализации субкультурной символической семантики наблюдается в образном представлении компонентов. В случае с символом ЗВЕЗДА в русской рок-поэзии это характер антропоморфности (от традиционного олицетворения до отождествлений автора с порождением звезды, самой звездой); признаки маргинальности (от противопоставления обычному человеку и пьянства до трагически ощущаемой невозможности быть как все); особенности проявления неуправляемости (от независимости до произвола); проявление противоречивости (от оппозиций внутренних характеристик до антиномичной функциональности); аспект фокусирования взаимодействий (от вербальных, интертекстуальных и эмоциональных до пространственных, временных, стихийных); способ ограничения взаимодействий (от самоизоляции до падения, понимаемого как обретение покоя). Однако инвариантно-символическая основа прослеживается во всех текстах, независимо от соотношения образа автора и образа звезды.

Источники

1. *Тексты* песен русского рока [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.rockk.ru/search.php.

Литература

1. *Авдеенко И. А.* Пространственные символы русской рок-поэзии : монография / И. А. Авдеенко. — Комсомольск-на-Амуре : Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, 2014. — 144 с.

2. *Авдеенко И. А.* Русская рок-поэзия как вокально-вербальная символическая практика / И. А. Авдеенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 9-1 (75). — С. 77—81.

3. *Арутюнова Н. Д.* Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. — Москва : Прогресс, 1990. — С. 5—32.

4. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — 296 с.

5. *Бакирова А. А.* Символические признаки концепта ЗВЕЗДА в современной русской поэзии / А. А. Бакирова, М. В. Пименова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2020. — № 1 (144). — С. 152—159.

6. *Баркан С. Е.* Признаки живой природы в структуре концепта ЗВЕЗДА / С. Е. Баркан // Язык и культура. — 2009. — № 3 (7). — С. 5—9.

7. *Барышникова И. Ю.* Апокалиптический образ падающей звезды (кометы) в русской поэзии / И. Ю. Барышникова // Теория и практика общественного развития. — 2012. —№ 2. — С. 382—386.

8. *Бобрык Р.* Мотив звезды в поэзии Збигнева Херберта / Р. Бобрык // Культура и текст. — 2013. — № 2 (15). — С. 42—75.

9. *Боярская М. И.* Символизация в песенных текстах группы «Битлз» : диссертация … кандидата филологических наук / М. И. Боярская. — Волгоград, 2016. — 193 с.

10. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. — Москва : Русские словари, 1996. — 411 с.

11. *Воркачёв С. Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачёв // Филологические науки. — 2001. — № 1. — С. 64—72.

12. *Глазунова О. И.* Логика метафорических преобразований / О. И. Глазунова. — Санкт-Петербург : Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2000. — 190 с.

13. *Григорьев В. П.* Новые словарные предприятия и идеи в области лингвистической поэтики / В. П. Григорьев // Поэт и слово: опыт словаря. — Москва : Наука, 1973. — С. 15—92.

14. *Гуляева Г. Е.* Концептуализация неба и небесных тел в рок-поэзии (на материале текстов К. Кинчева и В. Цоя) : автореферат диссертации … кандидата филологических наук / Г. Е. Гуляева. — Екатеринбург, 2009. — 24 с.

15. *Гуляева Г. Е.* Наглядно-чувственный образ концептов «Солнце», «Луна», «Звезды» в творчестве К. Кинчева / Г. Е. Гуляева // Известия Уральского государственного университета. Серия 2, Гуманитарные науки. — 2007. — № 49, выпуск 13. — С. 241—247.

16. *Гуляева Г. Е.* Эмотивные смыслы неэмотивных концептов (на материале концептосферы «Небо», репрезентированной в текстах К. Кинчева) / Г. Е. Гуляева // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы докладов и сообщений Международной научной конференции, посвященной юбилею Заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, профессора Л. Г. Бабенко, 28—30 сентября 2016 г., Екатеринбург, Россия. — Москва; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2016. — С. 334—345.

17. *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. — Москва : Прогресс, 2000. — 400 с.

18. *Доманский Ю. В.* «Тексты смерти» русского рока / Ю. В. Доманский. — Тверь : Тверской государственный университет, 2000. — 110 с.

19. *Дубровская Т. В.* Научные парадигмы в современной отечественной и зарубежной лингвистике : сущность, динамика, философские основания / Т. В. Дубровкая // Научный диалог. — 2019. — № 9. — С. 73—87. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-73-87.

20. *Заулина О. А.* Символ как стилистический прием / О. А. Заулина // Вестник Чувашского университета. — 2005. — № 1. — С. 136—140.

21. *Кант И.* О красоте как символе нравственности / И. Кант // Сочинения : в 6 томах. — Москва : Мысль, 1966. — Том 5. — С. 373—377.

22. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : Наука, 1987. — 261 с.

23. *Кур-Кононович Ш.* Вокруг символики звёзд (в контексте поэзии Сергея Есенина) / Ш. Кур-Кононович // Мова. — 2018. — № 29. — С. 50—55.

24. *Лощилов И. Е.* «Меж тем вверху звезда сияет…»: Заболоцкий и «мироведение» / И. Е. Лощилов // Quaestio Rossica. — 2015. — № 1. — С. 192—202.

25. *Нежданова Н. К.* «Крест» и «Звезда» Виктора Цоя / Н. К. Нежданова // Русская рок-поэзия: текст и контекст. — 2001. — № 5. — С. 142—151.

26. *Никитина О. Э.* Биографические мифы о русских рок-поэтах / О. Э. Никитина. — Санкт-Петербург : Гуманитарная академия, 2011. — 349 с.

27. *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 607 с.

28. *Петрова С. А.* Онтологическая двойственность в рок-поэзии Виктора Цоя (на материале песни «В наших глазах») / С. А. Петрова // Научный диалог. — 2019. — №8. — С. 166—177. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-8-166-177.

29. *Пирогова М. Н.* Концепт «звезда» в заговорно-заклинательной поэзии (на материале вятских заговоров) / М. Н. Пирогова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2009. — № 4-2. — С. 139—142.

30. *Попова Е. В.* ЗВЕЗДА в наивном сознании носителей диалекта и городского просторечия / Е. В. Попова // Ономастика и диалектная лексика : сборник научных трудов. — Екатеринбург : Уральский университет, 2007. — Выпуск 6. — С. 93—114.

31. *Рольгайзер А. А.* Символическая интерпретация концептов ‘звезда’ и ‘étoile’ / А. Рольгайзер // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2013. — № 3-1 (55). — С. 192—195.

32. *Руберт И. Б.* Поэтический язык как объект лингвистических исследований / И. Б. Руберт, Ю. Г. Тимралиева // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. — 2017. — № 3 (105). — С. 95—100.

33. *Рудик И. В.* Традиции С. Есенина в современной рок-поэзии / И. В. Рудик // Современное есениноведение. — 2007 . — № 6. — С. 181—188.

34. *Скляревская Г. Н.* Метафора и сравнение: логические, семантические и структурные различия / Г. Н. Скляревская // Мир русского слова. — 2017. — № 4. — С. 9—17.

35. *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. — Москва : Прогресс, 1977. — 696 с.

36. *Степанов Ю. С.* Константы : словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — Москва : Академический проект, 2001. — 989 с.

37. *Терлецкая К. А.* Фольклорная стилизация компонентов лексико-семантической группы «космические тела» в поэзии русского рока / К. А. Терлецкая // Язык и поэтика русского фольклора: к 120-летию со дня рождения В. Я. Проппа : сборник докладов всероссийской (с международным участием) научной конференции. — Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2015. — С. 166—168.

38. *Тхорик В. И.* Языковая личность: лингвокультурологический аспект : автореферат диссертации ... доктора филологических наук / В. И. Тхорик. — Краснодар, 2000. — 43 с.

39. *Якушевич И. В.* Лингво-семиотическая модель символа и его языковое варьирование в поэтическом тексте (на материале русской поэзии XIX—XX вв.) : автореферат диссертации … доктора филологических наук / И. В. Якушевич. — Москва, 2016. — 46 с.

Actualization of the Invariant Semantics of the STAR Symbol in Texts of Russian Rock Poetry

© Ivan A. Avdeenko (2020), orcid.org/0000-0002-1575-1742, PhD in Philology, associate professor, Amur State University of Humanities and Pedagogy (Komsomolsk-on-Amur, Russia), iavdeenko@mail.ru.

The questions of the invariant semantics of the symbol and its actualization in the texts of Russian rock poetry are considered. Attention is paid to the studies of the symbol, concept and image of the star in Russian poetry and rock poetry. The author notes that these studies do not present the correlation of individually authored imaginative worldview with the worldview of the subculture reflected in the text. A review of the work of linguistic poetics and anthropocentric linguistics is performed. The definitions of a symbol within the framework of these paradigms are given. It is concluded that the understanding of a symbol as a carrier of the worldview of culture changes the idea of the connection between the signifier and the signified and the "reference point" of the aesthetic. The author proceeds from the fact that the aesthetic image is built on the basis of the invariant semantics of a symbol in the language of subculture. The results of a comparative analysis of the symbolic semantics of the star nomination in the language of Russian rock poetry and other subsystems of the Russian national language, including aesthetically oriented ones, are presented. It is shown that the invariant semantics of the STAR symbol, relevant for Russian rock poetry, lies at the heart of the star's images, which are identical, connected and contrasted with the author's image. It is proved that the actualization of the semantics of the STAR symbol does not depend on the specific author and the text of Russian rock poetry, reproduces general ideas about the world.

Key words: Russian rock poetry; symbol; invariant semantics; image; text.

Material resources

Teksty pesen russkogo roka. Available at: http://www.rockk.ru/search.php. (In Russ.).

References

Arutyunova, N. D. (1990). Metafora i diskurs. In: *Teoriya metafory*. Moskva: Progress. 5—32. (In Russ.).

Arutyunova, N. D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka*. Moskva: Yazyki russkoy kultury. (In Russ.).

Avdeenko, I. A. (2014). *Prostranstvennyye simvoly russkoy rok-poezii*. Komsomolsk-na-Amure: Amurskiy gumanitarno-pedagogicheskiy gosudarstvennyy universitet. (In Russ.).

Avdeenko, I. A. (2017). Russkaya rok-poeziya kak vokalno-verbalnaya simvolicheskaya praktika. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki, 9-1 (75):* 77—81. (In Russ.).

Bakirova, A. A., Pimenova, M. V. (2020). Simvolicheskiye priznaki kontsepta ZVEZDA v sovremennoy russkoy poezii. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 1 (144):* 152—159. (In Russ.).

Barkan, S. E. (2009). Priznaki zhivoy prirody v strukture kontsepta ZVEZDA. *Yazyk i kultura, 3 (7):* 5—9. (In Russ.).

Baryshnikova, I. Yu. (2012). Apokalipticheskiy obraz padayushchey zvezdy (komety) v russkoy poezii. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya, 2:* 382—386. (In Russ.).

Bobryk, R. (2013). Motiv zvezdy v poezii Zbigneva Kherberta. *Kultura i tekst, 2 (15):* 42—75. (In Russ.).

Boyarskaya, M. I. (2016). *Simvolizatsiya v pesennykh tekstakh gruppy «Bitlz»:* dissertatsiya… kandidata filologicheskikh nauk. Volgograd. (In Russ.).

Domanskiy, Yu. V. (2000). *«Teksty smerti» russkogo roka*. Tver: Tverskoy gosudarstvennyy universitet. (In Russ.).

Dubrovskaya, T. V. (2019). Paradigms in Modern Russian and Foreign Linguistics: Nature, Dynamics, and Philosophical Grounds. *Nauchnyi dialog, 9:* 73—87. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-73-87. (In Russ.).

Glazunova, O. I. (2000). *Logika metaforicheskikh preobrazovaniy*. Sankt-Peterburg: Filologicheskiy fakultet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russ.).

Grigoryev, V. P. (1973). Novyye slovarnyye predpriyatiya i idei v oblasti lingvisticheskoy poetiki. In: *Poet i slovo: opyt slovarya*. Moskva: Nauka. 15—92. (In Russ.).

Gulyaeva, G. E. (2007). Naglyadno-chuvstvennyy obraz kontseptov «Solntse», «Luna», «Zvezdy» v tvorchestve K. Kincheva. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Gumanitarnyye nauki, 49, vypusk 13:* 241—247. (In Russ.).

Gulyaeva, G. E. (2009). *Kontseptualizatsiya neba i nebesnykh tel v rok-poezii (na materiale tekstov K. Kincheva i V. Tsoya): avtoreferat dissertatsii… kandidata filologicheskikh nauk.* Yekaterinburg. (In Russ.).

Gulyaeva, G. E. (2016). Emotivnyye smysly neemotivnykh kontseptov (na materiale kontseptosfery «Nebo», reprezentirovannoy v tekstakh K. Kincheva). In: *Novaya Rossiya: traditsii i innovatsii v yazyke i nauke o yazyke: materialy dokladov i soobshcheniy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy yubileyu Zasluzhennogo deyatelya nauki RF, doktora filologicheskikh nauk, professora L. G. Babenko, 28—30 sentyabrya 2016 g., Yekaterinburg, Rossiya*. Moskva; Yekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy. 334—345. (In Russ.).

Gumboldt, V. (2000). fon. *Izbrannyye trudy po yazykoznaniyu*. Moskva: Progress. (In Russ.).

Kant, I. (1966). O krasote kak simvole nravstvennosti. In: *Sochineniya, 6/5*. Moskva: Mysl: 373—377. (In Russ.).

Karaulov, Yu. N. (1987). *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'*. Moskva: Nauka. (In Russ.).

Kur-Kononovich, Sh. (2018). Vokrug simvoliki zvezd (v kontekste poezii Sergeya Yesenina). *Mova, 29:* 50—55. (In Russ.).

Loshchilov, I. E. (2015). «Mezh tem vverkhu zvezda siyaet…»: Zabolotskiy i «mirovedeniye». *Quaestio Rossica, 1:* 192—202. (In Russ.).

Nezhdanova, N. K. (2001). «Krest» i «Zvezda» Viktora Tsoya. *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst, 5:* 142—151. (In Russ.).

Nikitina, O. E. (2011). *Biograficheskiye mify o russkikh rok-poetakh*. Sankt-Peterburg: Gumanitarnaya akademiya. (In Russ.).

Paducheva, E. V. (2004). *Dinamicheskiye modeli v semantike leksiki*. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russ.).

Petrova, S. A. (2019). Ontological Duality in Rock Poetry by Victor Tsoi (on Material of Song "In Our Eyes"). *Nauchnyi dialog, 8:* 166—177. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-8-166-177. (In Russ.).

Pirogova, M. N. (2009). Kontsept «zvezda» v zagovorno-zaklinatelnoy poezii (na materiale vyatskikh zagovorov). *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta, 4-2:* 139—142. (In Russ.).

Popova, E. V. (2007). ZVEZDA v naivnom soznanii nositeley dialekta i gorodskogo prostorechiya. In: *Onomastika i dialektnaya leksika*, 6. Yekaterinburg: Uralskiy universitet. 93—114. (In Russ.).

Rolgayzer, A. A. (2013). Simvolicheskaya interpretatsiya kontseptov 'zvezda' i 'étoile'. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta, 3-1 (55):* 192—195. (In Russ.).

Rubert, I. B., Timralieva, Yu. G. (2017). Poeticheskiy yazyk kak obyekt lingvisticheskikh issledovaniy. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta, 3 (105):* 95—100. (In Russ.).

Rudik, I. V. (2007). Traditsii S. Yesenina v sovremennoy rok-poezii. *Sovremennoye eseninovedeniye, 6:* 181—188. (In Russ.).

Sklyarevskaya, G. N. (2017). Metafora i sravneniye: logicheskiye, semanticheskiye i strukturnyye razlichiya. *Mir russkogo slova, 4:* 9—17. (In Russ.).

Sossyur, F. de. (1977). *Trudy po yazykoznaniyu*. Moskva: Progress. (In Russ.).

Stepanov, Yu. S. (2001). *Konstanty: slovar' russkoy kultury*. Moskva: Akademicheskiy proekt. (In Russ.).

Terletskaya, K. A. (2015). Folklornaya stilizatsiya komponentov leksiko-semanticheskoy gruppy "kosmicheskie tela" v poezii russkogo roka. In: *Yazyk i poetika russkogo folklora: k 120-letiyu so dnya rozhdeniya V. Ya. Proppa*. Petrozavodsk: Petrozavodskiy gosudarstvennyy universitet. 166—168. (In Russ.).

Tkhorik, V. I. (2000). *Yazykovaya lichnost': lingvokulturologicheskiy aspekt: avtoreferat dissertatsii... doktora filologicheskikh nauk*. Krasnodar. (In Russ.).

Vezhbitskaya, A. (1996). *Yazyk. Kultura. Poznaniye*. Moskva: Russkie slovari. (In Russ.).

Vorkachev, S. G. (2001). Lingvokulturologiya, yazykovaya lichnost', kontsept: stanovleniye antropotsentricheskoy paradigmy v yazykoznanii. *Filologicheskiye nauki, 1:* 64—72. (In Russ.).

Yakushevich, I. V. (2016). *Lingvo-semioticheskaya model simvola i ego yazykovoye varyirovaniye v poeticheskom tekste (na materiale russkoy poezii XIX—XX vv.):* avtoreferat dissertatsii… doktora filologicheskikh nauk. Moskva. (In Russ.).

Zaulina, O. A. (2005). Simvol kak stilisticheskiy priyom. *Vestnik Chuvashskogo universiteta, 1:* 136—140. (In Russ.).

Голиков Л. М. Закон Российской империи о евреях как националистический текст / Л. М. Голиков // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 40—54. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-40-54.

Golikov, L. M. (2020). The Law of Russian Empire on Jews as a Nationalist Text. *Nauchnyi dialog, 7:* 40-54. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-40-54. (In Russ.).

УДК 811.161.1'42:003.074+340.130.53:316.647.82(=411.16)
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-40-54

Закон Российской империи о евреях как националистический текст[1]

© **Голиков Леонид Михайлович (2020),** orcid.org/0000-0002-9952-4116, SPIN 7998-2040, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского и иностранных языков, федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний» (Вологда, Россия), lgolikov@mail.ru.

Представлены результаты исследования законов Российской империи о евреях. Утверждается, что эти документы образующих гибридную дискурсивную общность текстов, сочетающих директивность закона и персуазивность националистического текста. Актуальность работы обусловлена тем обстоятельством, что изучение нормативных текстов законодательства Российской империи (XVIII, XIX веков) позволяет не только раскрыть закономерности развития языка права, но и дополнить сведения о лингвопрагматических характеристиках речевых жанров. Новизна исследования видится в том, что рассматриваются примеры взаимовлияния законодательного и общественно-политического дискурсов. Автор из пласта законодательных актов, регулирующих правоотношения евреев, выделяет националистический закон о евреях, который отличает направленность на принуждение адресата каузировать ситуацию охранения христианства от враждебного воздействия евреев, на преодоление ситуации непользы (вреда), где агенсом выступают евреи. Данное обстоятельство обеспечивает наличие в структурно-содержательной схеме мотивировочной части, представляющей обоснование полезности законодательной регламентации негативным характером образа евреев как этнической и религиозной общности, выражение контрастирующих прескрипций, дискриминационных в отношении евреев и преференциальных в отношении противостоящим евреям национальным, религиозным группам. Автор, анализируя употребление номинации *жид*, выделяет общий неинвективный характер националистического закона о евреях.

Ключевые слова: законодательный текст; националистический текст; националистический закон о евреях; речевой жанр.

1 Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 20-012-00111 «Русский национализм в лингвоюридическом аспекте: прагматика, динамика, экспертиза».

1. Введение

Лингвистическое исследование законодательных текстов Российской империи (XVIII, XIX вв.) в настоящее время представляется достаточно актуальной задачей, решение которой позволит исследователям не только раскрыть закономерности развития языка права (определить принципы и особенности формирования юридических терминосистем, создать реестр языковых форм правовой регламентации, описать модели нормативных жанров), но и дополнить сведения генристики [Седов, 2009] о лингвопрагматических характеристиках речевых жанров, о взаимовлиянии различных дискурсов — законодательного и общественно-политического. В этой связи наиболее благодарным материалом представляется ряд законов Российской империи о евреях, интегрирующих жанрообразующие признаки закона и националистического текста.

Описывая закон Российской империи о евреях как националистический текст (далее — националистический закон о евреях), мы основываемся на бахтинской теории речевых жанров, согласно которой жанры представляют «определенные, относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы» [Бахтин, 1997б, с. 164], где диктумное содержание жанра и его форма (стиль, или «модель, типическая форма, в которой отливается индивидуальный стиль высказывания», и композиция, или «организация целого, своеобразный метатекст, сеть (метатекстовых) перформативов»), определяя друг от друга, находятся в зависимости от действительности [Дементьев, 2010, с. 35—36], по-разному отражая эту зависимость. Подобное понимание порождает социопрагматический подход к рассмотрению речевых жанров, в рамках которого речевой жанр определяется как «вербально-знаковое оформление типической ситуации социального взаимодействия людей» [Седов, 2009]. Социальное становится фактором, диктующим жанрообразующие параметры [Анисимова, 2000; Шмелева, 1997], центральным из которых является образ адресата и его социальная реакция [Miller, 1984]. Как утверждал М. М. Бахтин, «всякое высказывание диалогично, т. е. адресовано другим, участвует в процессе обмена мыслями, социально» [Бахтин, 1997а, с. 213], то есть жанр необходимо понимать «репликой в диалоге <…> (даже когда имеется в виду роман, повесть и т. д.)» [Дементьев, 2010, с. 53].

Таким образом, и закон, и националистический текст являются социальными диалогами.

2. Жанрообразующие параметры закона

Жанр закона — прескриптивный диалог [Арутюнова, 1999, с. 650—651], специфику которого определяет директивная модальность, зависящая

от взаимоотношений автора и адресата законодательного текста [Киреева, 2019, с. 78]. Мы под директивной модальностью понимаем целеустановку автора закона на побуждение адресата закона каузировать предполагаемую первым определенную ситуацию. Законодательная директивность специфична по своим социопрагматическим характеристикам, среди которых выделяются социальная обусловленность, институциональность, утилитарность, четкая временная и пространственная определенность функционирования, легитимность, высокая степень категоричности, публичность. То есть директивная модальность закона соотносится с иллокутивной (императивной) и деонтической модальностями.

Закон как прескриптивный диалог отличает 1) наличие соответствующего правового статуса у автора, который является субъектом целеполагания, предполагающим возникновение не только определенной ситуации в результате функционирования требования закона, но и эффекта пользы; 2) «жесткая запрограммированность реакции» [Арутюнова, 1999, с. 650] адресата, проявляющаяся в обязательном осуществлении действия. Это действие должно обладать свойством выполнимости [Арутюнова, 1999, с. 650], тогда адресат наделяется признаком ответственности, подразумевающей возможность подвергнуться негативному воздействию [Голиков, 2019, с. 13].

3. Жанрообразующие параметры националистического текста

Националистический текст — по классификации Н. Д. Арутюновой, «make-believe discourse», или речевое воздействие «с целью принятия решения или выяснения истины» [Арутюнова, 1999, с. 650], основанное на общности набора ценностей автора и адресата. Выделение националистического текста как дискурсивной общности [Бабикова, 2015; Ворошилова, 2014; Громова, 2017] можно объяснить «существенной разницей в презентации и позиционировании данных текстов по сравнению с текстами других политических сил» [Федюнина, 2008, с. 135]. Эта существенная разница проявляется прежде всего в приемах речевого воздействия на адресата. Автор националистического текста реализует националистический идеологический тип посредством контрастивной оценочности [Баранов, 2007, с. 455], выстраивая образ врага, противостоящего некоему этническому, культурному, религиозному идеалу [Ворошилова, 2012; Злоказов, 2014], которому принадлежат автор и адресат. В данном случае выражается «речевая интенция обличения, разоблачения, разъяснения предполагаемому коммуникативному адресату определённых характеристик» [Мельник, 2015, с. 108] его врага. То есть националистический текст — персуазивная

форма, избирающая основным способом воздействия особый тип аргумента — апелляцию к этническому, или «национальный аргумент» [Громыко, 2018].

4. Жанрообразующие параметры националистического закона о евреях

Российское законодательство на протяжении XVIII—XIX столетия регулировало правоотношения государства, титульной нации 1) со многими этническими группами: *камчатскими инородцами, сибирскими кочевыми и бродячими инородцами, бродячими тунгусами Якутской области, бурятскими казаками Забайкальскаго казачьего войска, армянами, башкирами и мещеряками, бухарцами, азиятцами, калмыками, татарами, крымскими татарами, киргизами, лезгинцами, ингелойцами, корелами, цыганами*; 2) с представителями различных конфессий, религиозных объединений: *раскольниками, пилипонами (пилиппонами), воскресниками, или малаканами (молоканами)*, *язычниками, духоборцами, иконоборцами, скопцами, магометанами (мусульманами), протестантами* [ПСЗ 1; ПСЗ 2; ПСЗ 3][1]. Однако только евреи (прежде всего, как религиозная группа, затем как национальная), начиная с Алексея Михайловича и заканчивая Николаем II, требовала от государства законодательного внимания, что стало проявлением государственной националистической идеологии, которая определялась противоречивыми тенденциями: «одни мероприятия диктовались соображениями религиозными, другия — экономическими и фискальными, третьи — политическими, а чаще всего — совокупностью всех этих мотивов. Одними законами стремились к сближению и чуть ли не к ассимиляции евреев с коренным населением, другими — к полному их обособлению и отчуждению» [Законы …, 1914, с. V].

Представляется, что националистический закон о евреях выпукло демонстрирует синтез законодательной директивности и идеологической персуазивности, то есть является, если использовать терминологию К. Ф. Седова, жанроидом [Седов, 2009]. Подобное жанровое образование реализовывалось, по нашим данным, в хронологических границах, обозначенных законодательными актами Анны Иоанновны и Александра II[2]. Всего нами выделено 14 образцов, представленных в издании «Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев от Уложе-

1 В этом исследовании мы не претендуем на абсолютную полноту представленного списка, подобная задача не ставилась.

2 В период с 1859 по 1913 года примеры националистического закона о евреях нами не выявлены. Поиск производился по 2-ому и 3-ему изданию Полного собрания законов Российской империи [ПСЗ 2; ПСЗ 3].

ния Царя Алексея Михайловича до настоящаго времени, от 1649—1873 г.»: № № 20[1] (1739 год) [СЗиП, с. 10—14], 23 (1742 год) [СЗиП, с. 17—18], 24 (1743 год) [СЗиП, с. 18—24], 26 (1762 год) [СЗиП, с. 22], 84 (1817 год) [СЗиП, с. 88—92], 99 (1820 год) [СЗиП, с. 103—106], 111 (1823 год) [СЗиП, с. 119—120], 112 (1823 год) [СЗиП, с. 120—122], 118 (1824 год) [СЗиП, с. 126—129], 124 (1825 год) [СЗиП, с. 135—137], 126 (1825 год) [СЗиП, с. 141—152], 637 (1850 год) [СЗиП, с. 749—750], 741 (1855 год) [СЗиП, с. 840—841], 849 (1859 год) [СЗиП, с. 926—928]. Необходимо отметить, что этот ряд — лишь незначительная часть пласта законодательных актов, регулирующих правоотношения евреев. Большинство таких текстов не обладают признаками жанровой гибридности даже в случае явного дискриминационного характера выражаемых ими прескрипций.

Националистический закон о евреях представляет собой дискурсивную общность законодательных текстов, выстраивающихся в определенную парадигму как минимум по следующим трем параметрам: 1) наличие в структурно-содержательной схеме мотивировочной части, представляющей 2) обоснование полезности законодательной регламентации негативным характером образа евреев как этнической и религиозной общности; 3) выражение дискриминационных в отношении евреев и преференциальных в отношении противостоящим евреям национальным, религиозным группам прескрипций.

Требование наличия мотивировочной части исключает из числа образцов националистического закона о евреях статьи кодификационных актов. Гибридный жанр реализуется в менее институализированных формах указов (именных, сенатских), манифестов, резолюций, мнений, положений, позволяющих законодателю использовать апелляции к негативному образу евреев в качестве мотива создания определенной прескрипции. Автор националистического текста выстраивает типизированную схему репрезентации подобного негативного образа преимущественно посредством речевых стратегий сверхобобщения и контраста [Van Dijk, 1983, p. 55, 58].

Так, в националистическом законе евреи определяются врагами христианства. Наиболее выразительным примером является известная резолюция Елизаветы Петровны на доклад Сената «О воспрещении Жидам проживать в России»: *От врагов Христовых не желаю интересной прибыли* [СЗиП, с. 21], ей же принадлежит определение: *имени Христа Спасителя ненавистники* [СЗиП, с. 18]. Враждебный образ возникает, когда

1 В целях экономии пространства статьи здесь не приводятся названия националистических законов о евреях, тексты определяются номерами, использованными в указанном издании.

евреи представляются причиной религиозного неблагополучия христиан (ср.: *…женщины Христианской веры, живущия в домах у Евреев для услуг, не только забывают и оставляют без исполнения обязанности Христианской веры, но принимают обычаи и обряды Еврейские, и нередко, по снисхождению Евреев, впадают в разврат* [СЗиП, с. 104]) или агенсом враждебных по отношению к христианам действий, мотивированных религиозными противоречиями (ср.: *Евреи, отделяясь от собратий своих по плоти Христианскою Религиею, <…> подвергают себя… гонению от них и угнетениям всякого рода* [СЗиП, с. 88]). Определяя таким образом евреев, законодатель выстраивает конституирующую для националистического закона Российской империи оппозицию «евреи — христианство, христиане», реализуемую практически во всех примерах данного гибридного жанра (ср. первый образец — резолюцию Анны Иоанновны от 3 июля 1738 года «О сожжении флота Капитан-Лейтенанта Возницына, за отпадение от Христианско веры, а Жида Бороха за превращение онаго Капитана в Жидовский закон» [СЗиП, с. 10—14] и наиболее позднее мнение Государственного совета от 23 ноября 1859 года «О предоставлении права на денежное пособие Евреям, принявшим Христианскую веру какого бы то ни было исповедания» [СЗиП, с. 926—928]).

Следует заметить, что националистический закон о евреях реализует вариацию оппозиции по религиозному признаку, противопоставляя *евреев-раввинистов* и *евреев-караимов* (см. тексты №№ 637 [СЗиП, с. 749—750], 741 [СЗиП, с. 840—841]). Определение *раввинисты* указывает на принадлежность к иудаизму (ср. *«раввинист. Последователь учению раввинов»*, в свою очередь, *«раввин. Иудейский учитель»* [СЦСРЯ, т. 4, с. 2])[1]; наименование *караимы* — в современном языке этноним, называющий народность тюркской языковой группы [МАС, с. 31] — в XVIII—XIX веках функционировало как название религиозной группы — еврейской секты [СРЯ XVIII, вып. 9, с. 252; ЭС, с. 426], ср.: *Между Евреями вообще, или так называемыми, Раввинистами и собственно Караимами существует замечательное различие как в отношении к догматам веры, (первые следуют учению Талмуда, а последние исключительно Священному Писанию Ветхаго Завета), так равно и в нравственном и гражданском отношениях: Караимы стремятся с оседлой жизни и сближению с обычаями мест-*

1 В указе Екатерины II от 8 июля 1795 года «Об увольнении Таврических Евреев, именуемых Караимы, от положенных вообще на всех евреев двойных податей» (не является образцом националистического закона о евреях) используется наименование раббины [СЗиП, с. 38], в более поздних документах последовательно употребляется определение раввинисты.

ных жителей, занимаются охотно земледелием и известны своим трудолюбием и строгостью правил жизни [СЗиП, с. 749].

Автор националистического закона о евреях, предполагая необходимость защиты христианства от евреев-врагов, может принуждать адресата каузировать соответствующую ситуацию посредством наложения на него нормативной обязанности (ср.: *Комитет рассуждал, что встречая неоднократно по делам примеры подобнаго отпадения от Веры Христианской в закон Еврейский, и находя, что столь явное отступление от закона отечественнаго, не должно быть вовсе терпимо Правительством, обязанным охранять господствующую Веру и соблюдать членов ся от обольщений, пагубных как для них самих, так и для общества, считает необходимым, поставить преграду злу сему и приять против онаго надежныя меры* [СЗиП, с. 141]). Подобным образом националистический закон эксплицирует стратегическую цель, отражающую государственную националистическую идеологию, которую в определенной степени характеризует употребление законодателем наименования *зло* в наиболее общем значении ‘дурное, пагубное (противоп. добро)’ [Даль, с. 706; СРЯ XVIII, вып. 8, с. 185] для номинации религиозных воззрений евреев, их религиозной деятельности.

Религиозный контраст «евреи — христианство, христиане» не является единственным, определяющим идеологический тип националистического закона о евреях. Представления о евреях как о врагах христианства дополняются или замещаются позиционированием евреев в качестве источника экономического неблагополучия иных подданных Российской империи (ср.: *...главною причиною расстройства крестьян Белорусских, признано пребывание Евреев в селениях и продажа вина, ими в оных производимая…* [СЗиП, с. 119]) или источника ущерба экономике государства (ср.: *Евреи <…> сильно вредят как ходу правильной торговли, так и успехам отечественных мануфактур и фабричных заведений и наносят ущерб пошлинному доходу…* [СЗиП, с. 136]).

Подобный негативный образ евреев в целом основывается на законодательном определении евреев в качестве субъектов *вреда, зла, злоупотреблений* (ср.: *Что касается до Евреев, то Комитет, усматривая, сколь важный вред происходит от водворения их в селениях <…> признает, что к отвращению зла, ими причиняемаго одни частныя распоряжения не могут быть достаточны…* [СЗиП, с. 121]; *...по самой границе за несколько шагов от оной Евреи содержат корчмы и производят торговлю, от чего происходит величайшее злоупотребление* [СЗиП, с. 136]). Эти номинации в националистическом законе о евреях выступают в качестве синонимов,

называя ‘последствия какого-л. негативного воздействия на что-л.’ [Даль, с. 265, 709; САР, ч. 1, стб. 722; САР, ч. 2, стб. 874, 886—887; СЦСРЯ, т. 1, с. 172; СЦСРЯ, т. 2, с. 87, 90], то есть выделяя семантический компонент ‘ущерб’, противопоставленный компоненту ‘польза’. Так законодатель определяет типизированную ситуацию непользы (вреда) через наличие агенса (евреев), производящего действие, в результате которого возникает определенный ущерб преимущественно экономического характера, наносимый малефактиву (субъекту, контрастирующему с евреями).

Намерение преодолеть ситуацию непользы (вреда) является обязательной целью националистического закона о евреях, придающей ему утилитарный нормативный характер, ср.: *...от таковых имени Христа Спасителя ненавистников, Нашим верноподданным крайняго вреда ожидать должно. А понеже Наше Всемилостивейшее матернее намерение есть от всех чаемых Нашим верноподданным и всей Нашей Империи случиться могущих худых следствий крайне охранять и отвращать; того для и сего в забвении оставить Мы не хотя, Всемилостивейше повелеваем…* [СЗиП, с. 18].

Предположение автора националистического закона о евреях о необходимости существования ситуации охранения христианства от евреев, необходимости преодоления ситуации непользы (вреда), где агенсом выступают евреи, определяет характер реализуемых прескрипций. Законодатель, вступая в диалог с адресатом, предполагает, что последний каузирует ситуации двух типов.

Первый тип несет дискриминационный, или ограничительный, характер: предполагается ситуация ограничения существования евреев в определенном пространстве (ср.: *Относительно к обязанности Гражданскаго Начальства. <…> 7) Из уездов, в коих находится секта Субботников, или Иудейская, и соседственных им уездов, выслать всех евреев без исключения, где бы они ни находились, и впредь ни под каким предлогом пребывания там им не позволять* [СЗиП, с. 142]) или ситуация имущественного / экономического ограничения евреев (ср.: *...Евреи ни в каком селении не могут содержать никаких аренд, шинков, кабаков и постоялых дворов, ни под своим, ни под чужим именем, ни продавать в них вина и даже жить в них…* [СЗиП, с. 119]).

Ситуация ограничения обладает сложной структурой, так как совмещает ситуации принуждения и запрещения, то есть дискриминационная прескрипция сочетает модусы нормативного принуждения и нормативной невозможности. Наиболее наглядно это положение демонстрирует запрет в качестве прямого дискриминационного директивного средства.

Ситуация второго типа несет преференциальный характер: субъектам, противопоставляемым евреям (христианам, представителям иных национальностей по отношению к евреям или евреям-караимам), предоставляется правовое преимущество перед евреями. Преференциальная норма представляет собой разрешительную конструкцию (ср.: *Ни жительства по деревням и селениям в корчмах, ни продажи горячих напитков Евреям Караимам не воспрещать* [СЗиП, с. 750]), часто отражающую контраст с помощью семантического компонента ‘за исключением евреев’ (ср.: *... Мы Всемилостивейше сим объявляем, что… иностранных разных наций, кроме жидов, благосклонное с Нашей обыкновенной Императорскою милостию, на поселение в Россию приемлем…* [СЗиП, с. 22]).

Примечательно, что нивелирование религиозного контраста является причиной для замены дискриминационного ограничения преференциальным разрешением (ср.: *...Изо всей Российской Империи… Жидов мужеска и женска пола, какого бы кто звания и достоинства не был, со всем их имением немедленно выслать за границу, и впредь оных ни под каким видом ни для чего в Россию не допускать, разве кто из них захочет быть в Христианской вере Греческаго исповедания, таковых крестя, в Империи Ея Императорскаго Величества, жить им позволить…* [СЗиП, с. 21]).

Описание прагматических, семантико-функциональных особенностей директивных средств националистического закона Российской империи о евреях является отдельной исследовательской задачей.

5. Этноним *жид* в националистическом законе о евреях

Отдельного замечания требует употребление в националистическом законе о евреях этнонима *жид* и его производных. По нашим наблюдениям, для законодателя это слово являлось нейтральным средством, вплоть до 1782 года отличалось регулярностью употребления во всем ряду нормативных актов, регулирующих правоотношения евреев. Далее в законодательном дискурсе *жид* замещается номинацией *еврей*, которая регулярно используется и в националистическом законе.

Однако с началом процесса законодательного регулирования противодействия секте субботников, или иудействующих, жидовствующих (1825 год, текст № 126 [СЗиП, с. 141—152]), законодатель начал ощущать инвективный потенциал номинации *жид* и ее производных, употребляя их с явно негативной коннотацией (ср.: *Как ничто не может иметь большаго внимания над простым народом как презрение или посмеяние над заблуждениями, в кои совращать его ищут, и что именно средство сие употребляют как раскольники разных сект, так и Субботники, в отношении пра-*

вославной Веры: то в сношениях местных начальств именовать Субботников Жидовскою сектою и оглашать, что они подлинно суть Жиды; ибо настоящее их наименование Субботников или придерживающихся Моисееву Закону, не дает народу точнаго о секте сей понятия и не производит в нем того к ней отвращения, какое может производимо быть убеждением, что обращать стараются их в Жидовство [СЗиП, с. 143]). Следует отметить, что такие примеры единичны, кроме того, после 1825 года они не встречаются в исследованных образцах, что указывает на общий неинвективный характер националистического закона о евреях.

6. Заключение

Закон Российской империи о евреях в качестве националистического текста представляет собой замкнутую парадигму наименее институализированных нормативных текстов, выделяющихся в период с 1739 по 1859 годы, обладающих рядом особенностей. 1. Прагматическая — направленность на принуждение адресата националистического закона казуировать ситуацию охранения христианства от враждебного воздействия евреев, на преодоление ситуации непользы (вреда), где агенсом выступают евреи. 2. Структурная — обязательность мотивировочной части, содержащей экспликацию мотива создания правовой нормы. 3. Диктумная — представленность типизированной схемы негативного образа евреев, выстроенной посредством речевых стратегий сверхобобщения и контраста: евреи — враги христианства, являющиеся причиной религиозного неблагополучия христиан или агенсом враждебных по отношению к христианам действий; евреи — источник экономического неблагополучия иных подданных Российской империи, экономического ущерба Российской империи. 4. Директивная — контрастность дискриминационной прескрипции, предполагающей ситуации пространственного или экономического ограничения евреев, и преференциального разрешения, способного отражать противопоставленность евреев христианам, представителям иных национальностей по отношению к евреям или евреям-караимам.

Кроме того, отмечается общий неинвективный характер националистического закона Российской империи о евреях (в частности, это выражается в неинвективных или единичных инвективных примерах употребления этнонима *жид*).

Источники и принятые сокращения

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живаго великорускаго языка : в 4-х томах / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1880—1882. — Том 1: 1880. — 723 с.

2. СЗиП — *Полный* хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев от Уложения Царя Алексея Михайловича до настоящаго времени, от 1649—1873 г. / сост. и изд. В. О. Леванда. — Санкт-Петербург : Типография К. В. Трубникова, 1874. — 1158 с.

3. САР — *Словарь* Академии Российской, по азбучному порядку расположенный : в 6 частях. — Санкт-Петербург : Императорская Академия Наук, 1806—1822. — Часть 1: 1806. — 1310 стб.; Часть 2: 1809. — 1178 стб.

4. МАС — *Словарь* русского языка : в 4-х томах. — Москва : Русский язык, 1985—1988. — Том 2: 1986. — 736 с.

5. ПСЗ 1 — *Полное* Собрание Законов Российской Империи. Собрание 1-е : в 48 томах. — Санкт-Петербург : Типография 2-го Отделения Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830.

6. ПСЗ 2 — *Полное* собрание законов Российской империи. Собрание 2-е : в 55 томах. — Санкт-Петербург : Типография 2-го Отделения Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830—1885.

7. ПСЗ 3 — *Полное* собрание законов Российской империи. Собрание 3-е : в 33-х томах. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1885—1916.

8. СРЯ XVIII — *Словарь* русского языка XVIII века. — Санкт-Петербург : Наука, 1984—… — Выпуск 8. — 1995. — 256 с.; Выпуск 9. — 1997. — 270 с.

9. СЦСРЯ — *Словарь* церковно-славянского и русскаго языка. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии Наук, 1847. — Том 1: 1847. — 415 с.; Том 2: 1847. — 471 с.

10. ЭС — *Энциклопедический* словарь : в 86 томах. — Санкт-Петербург : Типо-литография И. А. Ефрона, 1980—1907. — Том 14: 1895. — 480 с.

Литература

1. *Анисимова Т. В.* Типология жанров деловой речи: риторический аспект : диссертация … доктора филологических наук : 10.02.19 / Т. В. Анисимова. — Краснодар, 2000. — 418 с.

2. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — 896 с.

3. *Бабикова М. Р.* «Алогенные» жанры в современном экстремистском дискурсе / М. Р. Бабикова, М. Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. — 2015. — № 4 (54). — С. 160—164.

4. *Баранов А. Н.* Лингвистическая экспертиза текста / А. Н. Баранов. — Москва : Флинта; Наука, 2007. — 592 с.

5. *Бахтин М. М.* Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров» // Собрание сочинений / М. М. Бахтин. — Москва : Русские словари, 1997. — Том 5. Работы 1940-х — начала 1960 годов. — С. 207—286.

6. *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // Собрание сочинений / М. М. Бахтин. — Москва : Русские словари, 1997. — Том 5. Работы 1940-х — начала 1960 годов. — С. 159—206.

7. *Ворошилова М. Б.* Когнитивный арсенал и коммуникативные стратегии современного националистического дискурса / М. Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. — 2014. — № 3 (49). — С. 242—245.

8. *Ворошилова М. Б.* Черная чума: номинации врага в экстремистском тексте / М. Б. Ворошилова // Юрислингвистика. — 2012. — № 1. — С. 68—72.

9. *Голиков Л. М.* Формы долженствования в пенитенциарной инструкции XIX века / Л. М. Голиков, О. В. Дружининская // Научный диалог. — 2019. — № 9. — С. 9—23. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-9-23.

10. *Громова Н. С.* Конституирующие признаки экстремистского дискурса / Н. С. Громова // Политическая лингвистика. — 2017. — № 6 (65). — С. 241—245.

11. *Громыко С. А.* «Национальный аргумент» в русской парламентской риторике (на материале дискуссии в Государственной думе Российской империи) / С. А. Громыко // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2018. — № 56. — С. 23— 33.

12. *Дементьев В. В.* Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. — Москва : Знак, 2010. — 600 с.

13. *Законы* о евреях : систематический обзор действующих законоположений о евреях с разъяснениями правительствующего сената и Центральных правительственных установлений : с постатейным, хронологическим и алфавитно-предметным указателями. — Санкт-Петербург : Юриспруденция, 1914. — Часть 1. — 455 с.

14. *Злоказов К. В.* Восприятие экстремистского текста субъектами с различным уровнем деструктивной установки / К. В. Злоказов // Политическая лингвистика. — 2014. — № 1. — С. 265—272.

15. *Киреева Е. З.* Категория модальности и ее выражение в тексте официального документа (на материале регионального законодательства) : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Е. З. Киреева. — Архангельск, 2019. — 440 с.

16. *Мельник Г. С.* Социолингвистические маркёры экстремистского текста / Г. С. Мельник, Б. Я. Мисонжиков // Гуманитарный вектор. — 2015. — № 4 (44). — С. 107—113.

17. *Седов К. Ф.* Языкознание. Речеведение. Генристика [Электронный ресурс] / К. Ф. Седов // Жанры речи. — Саратов : Наука, 2009. — Выпуск 6. Жанр и язык. — Режим доступа : http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-6.

18. *Федюнина Е. С.* Языковые особенности националистических текстов / Е. С. Федюнина // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. — 2008. — № 1. — С. 135—138.

19. *Шмелева Т. В.* Модель речевого жанра [Электронный ресурс] / Т. В. Шмелева // Жанры речи. — Саратов : Колледж, 1997. — Выпуск 1. — Режим доступа : http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-1.

20. *Miller C. R.* Genres as social action / C. R. Miller // Quarterly Journal of speech. — 1984. — Vol. 70. — P. 151—167.

21. *Van Dijk Teun A.* Cognitive and conversational strategies in the expression of ethnic prejudice : Prepublication: Working Paper No. 2. [Electronic resource] / Teun A. Van Dijk. — Amsterdam, 1983. — 70 p. — Access mode : https://eric.ed.gov/?id=ED231689.

The Law of Russian Empire on Jews as a Nationalist Text[1]

© **Leonid M. Golikov (2020),** orcid.org/0000-0002-9952-4116, SPIN 7998-2040, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian and Foreign Languages, VILE of the FPS of Russia (Vologda, Russia), lgolikov@mail.ru.

The results of the study of the Law of the Russian Empire on Jews are presented. It is stated that these documents form a hybrid discursive community of texts, combining the directivity of the law and the persuasiveness of the nationalist text. The relevance of the work is due to the fact that the study of the normative texts of the legislation of the Russian Empire (XVIII, XIX centuries) allows not only to reveal the patterns of development of the language of law, but also to supplement information about the linguistic and pragmatic characteristics of speech genres. The novelty of the study is seen in the fact that examples of the mutual influence of legislative and socio-political discourses are considered. From the layer of legislative acts regulating the legal relations of Jews, the author singles out the nationalist law on Jews, which distinguishes the focus on forcing the addressee to causate the situation of protecting Christianity from the hostile influence of the Jews, on overcoming the situation of non-use (harm), where the agents are Jews. This circumstance ensures the presence of a motivational part in the structural-content scheme, which justifies the usefulness of legislative regulation by the negative nature of the image of Jews as an ethnic and religious community, the expression of contrasting prescriptions that are discriminatory towards Jews and preferential against the opposing Jews to national and religious groups. The author, analyzing the use of the nomination *jude*, highlights the general non-invective nature of the nationalist law on Jews.

Key words: legislative text; nationalist text; nationalist law on Jews; speech genre.

Material resources

Dal, V. I. (1880—1882). *Tolkovyy slovar' zhivago velikoruskago yazyka, 4/1: 1880*. Sankt-Peterburg: Tipografiya M. O. Volfa. (In Russ.).

ES — *Entsiklopedicheskiy slovar', 86*. (1980—1907). Sankt-Peterburg: Tipo-litografiya I. A. Efrona. (In Russ.).

MAS — *Slovar' russkogo yazyka, 4/2: 1986.* (1985—1988). Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.).

PSZ 1 — *Polnoye Sobraniye Zakonov Rossiyskoy Imperii. Sobraniye 1/48*. (1830). Sankt-Peterburg: Tipografiya 2-go Otdeleniya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii. (In Russ.).

PSZ 2 — *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye 2/55*. (1830—1885). Sankt-Peterburg: Tipografiya 2-go Otdeleniya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii. (In Russ.).

PSZ 3 — *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye 3/33*. (1885—1916). Sankt-Peterburg: Gosudarstvennaya tipografiya. (In Russ.).

SAR — *Slovar' Akademii Rossiyskoy, po azbuchnomu poryadku raspolozhennyy, 6: 1806*, *2: 1809*. (1806—1822). Sankt-Peterburg: Imperatorskaya Akademiya Nauk. (In Russ.).

SRYa XVIII — *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka, 8—9*. (1984—…). Sankt-Peterburg: Nauka. (In Russ.).

1 This work was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 20-012-00111 "Russian nationalism in the linguistic aspect: pragmatics, dynamics, expertise".

STsSRYa — *Slovar' tserkovno-slavyanskogo i russkago yazyka. 1—2*. (1847). Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk. (In Russ.).

SZiP — Levanda, V. O. (ed.). (1874). *Polnyy khronologicheskiy sbornik zakonov i polozheniy, kasayushchikhsya evreev ot Ulozheniya Tsarya Alekseya Mikhaylovicha do nastoyashchago vremeni, ot 1649—1873* g. Sankt-Peterburg: Tipografiya K. V. Trubnikova. (In Russ.).

References

Anisimova, T. V. (2000). *Tipologiya zhanrov delovoy rechi: ritoricheskiy aspekt*: dissertatsiya… doktora filologicheskikh nauk. Krasnodar. (In Russ.).

Arutyunova, N. D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka.* Moskva: Yazyki russkoy kultury. (In Russ.).

Babikova, M. R., Voroshilova, M. B. (2015). «Alogennye» zhanry v sovremennom ekstremistskom diskurse. *Politicheskaya lingvistika, 4 (54):* 160—164. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (1997). Iz arkhivnykh zapisey k rabote «Problema rechevykh zhanrov». In: *Sobraniye sochineniy, 5. Raboty 1940-kh — nachala 1960 godov*. Moskva: Russkiye slovari. 207—286. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (1997). Problema rechevykh zhanrov. In: *Sobraniye sochineniy, 5. Raboty 1940-kh — nachala 1960 godov*. Moskva: Russkiye slovari. 159—206. (In Russ.).

Baranov, A. N. (2007). *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta*. Moskva: Flinta; Nauka. (In Russ.).

Dement'ev, V. V. (2010*). Teoriya rechevykh zhanrov*. Moskva: Znak. (In Russ.).

Fedyunina, E. S. (2008). Yazykovyye osobennosti natsionalisticheskikh tekstov. *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika, 1:* 135—138. (In Russ.).

Golikov, L. M., Druzhininskaya, O. V. (2019). Formy dolzhenstvovaniya v penitentsiarnoy instruktsii XIX veka. *Nauchnyy dialog, 9:* 9—23. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-9-23. (In Russ.).

Gromova, N. S. (2017). Konstituiruyushchiye priznaki ekstremistskogo diskursa. *Politicheskaya lingvistika, 6 (65):* 241—245. (In Russ.).

Gromyko, S. A. (2018). «Natsionalnyy argument» v russkoy parlamentskoy ritorike (na materiale diskussii v Gosudarstvennoy dume Rossiyskoy imperii). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya, 56:* 23— 33. (In Russ.).

Kireeva, E. Z. (2019). *Kategoriya modalnosti i ee vyrazheniye v tekste ofitsialnogo dokumenta (na materiale regionalnogo zakonodatelstva):* dissertatsiya... doktora filologicheskikh nau. Arkhangelsk. (In Russ.).

Melnik, G. S., Misonzhikov, B. Ya. (2015). Sotsiolingvisticheskiye markery ekstremistskogo teksta. *Gumanitarnyy vector, 4 (44):* 107—113. (In Russ.).

Miller, C. R. (1984). Genres as social action. *Quarterly Journal of speech, 70:* 151—167.

Sedov, K. F. (2009). Yazykoznaniye. Rechevedenie. Genristika. In: *Zhanry rechi, 6. Zhanr i yazyk.* Saratov: Nauka. Available at: http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-6. (In Russ.).

Shmeleva, T. V. (1997). Model' rechevogo zhanra. In: *Zhanry rechi, 1*. Saratov: Kolledzh. Available at: http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-1. (In Russ.).

Van Dijk Teun, A. (1983). *Cognitive and conversational strategies in the expression of ethnic prejudice: Prepublication: Working Paper No. 2*. Amsterdam. Available at: https://eric.ed.gov/?id=ED231689.

Voroshilova, M. B. (2012). Chernaya chuma: nominatsii vraga v ekstremistskom tekste. *Yurislingvistika, 1:* 68—72. (In Russ.).

Voroshilova, M. B. (2014). Kognitivnyy arsenal i kommunikativnye strategii sovremennogo natsionalisticheskogo diskursa. *Politicheskaya lingvistika, 3 (49):* 242—245. (In Russ.).

Zakony o evreyakh: sistematicheskiy obzor deystvuyushchikh zakonopolozheniy o evreyakh s razyasneniyami pravitelstvuyushchego senata i Tsentralnykh pravitelstvennykh ustanovleniy: s postateynym, khronologicheskim i alfavitno-predmetnym ukazatelyami, 1. (1914). Sankt-Peterburg: Yurisprudentsiya. (In Russ.).

Zlokazov, K. V. (2014). Vospriyatiye ekstremistskogo teksta subyektami s razlichnym urovnem destruktivnoy ustanovki. *Politicheskaya lingvistika, 1:* 265—272. (In Russ.).

Граматчикова Н. Б. Время и пространство воспоминаний заводчан в конструировании коллективной идентичности первостроителей Уралмаша / Н. Б. Граматчикова, Л. В. Енина // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 55—75. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-55-75.

Gramatchikova, N. B., Enina, L. V. (2020). Time and Space of Memories of Factory Workers in Construction of Collective Identity of First Uralmash Builders. *Nauchnyi dialog, 7:* 55-75. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-55-75. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO Host ВЫСШАЯ АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)

УДК 811.161.1’42:334.716.4-057.51(470.54-25)
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-55-75

Время и пространство воспоминаний заводчан в конструировании коллективной идентичности первостроителей Уралмаша[1]

© **Граматчикова Наталья Борисовна (2020),** orcid.org/0000-0002-2585-7399, ScopusID 57189445810, SPIN 8460-0578, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра истории литературы, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург, Россия), n.gramatchikova@gmail.com.

© **Енина Лидия Владимировна (2020),** orcid.org/0000-0003-2073-9948, SPIN 5849-8128, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия), Enina.lidia@gmail.com.

Статья представляет собой результат многолетнего исследования автобиографий и воспоминаний из Фонда первостроителей Уралмаша, собранных в 1967—1984 годах и посвященных времени строительства завода (1926—1934). Рассматривается вопрос о роли пространственных и темпоральных маркеров в конструировании коллективной идентичности заводчан. Особое внимание уделяется соотношению сильных дискурсивных практик и «слабых позиций» официального дискурса, позволяющих авторам самостоятельно вписывать свою личную историю в историю завода. Новизна исследования состоит в том, что документы Фонда рассматриваются не как фактографический источник, а как способ создания коллективной и личной идентичности заводчан в процессе формирования концепта первостроитель и как корпус текстов, в котором отразились практики конструирования «советского». Подчеркивается, что особое восприятие пространства (завода и соцгорода Уралмаш) и помещение себя в определенную историческую эпоху (с оппозицией «тогда-сейчас») объединяют большинство текстов Фонда, среди авторов которых представлены работники завода разных специальностей и соци-

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-012-00553А «Первостроители как перформативный проект: конструирование дискурсивной идентичности уральских рабочих в текстах 1930-х и 1970-х».

ального статуса. Доказывается, что тексты имеют общий хронотоп, связанный с аксиологической картиной мира и с практиками социального общения через текст.

Ключевые слова: Фонд первостроителей Уралмаша; коллективная идентичность; хронотоп; дискурсивные практики; автобиография.

1. Фонд первостроителей Уралмаша: история формирования

Документы «Фонда первостроителей Уралмаша» предоставляют возможность исследования текстов, написанных в 1967—1984 годах старейшими работниками завода и наряду с прочим являющих собой вербальное воплощение конструкта коллективной заводской идентичности. Начало собиранию материалов «Фонда» положило открытие Музея истории УЗТМ в 1967 году, для наполнения фондов которого и был задуман этот проект. Примечательно, что тогда музей носил название «Музей трудовой и боевой славы Уралмашзавода»: в названии музея и времени его открытия соединились две тенденции времен позднего социализма. С одной стороны, создание музея и особенно рукописного фонда воспоминаний оказалось в тренде новой волны работы с социальной памятью, включения в нее личной, индивидуальной, «человеческой» составляющей. С другой — очередное «переписывание набело» нарратива советской истории мыслилось как подконтрольное государству, санкционированное им и одобренное. В случае с музеем Уралмаша этот процесс выразился в составлении и рассылке старейшим работникам завода отпечатанной типографским способом «Анкеты участника строительства Уралмашзавода период 1928—1934 г.г.»[1], где было указано: «Вам необходимо заполнить анкетные данные и представить в Завком профсоюза Уралмашзавода (техническому секретарю) не позднее 10го сентября с.г.». В распространении анкеты был задействован административный ресурс отдела кадров завода и личные связи, позволившие получить материалы по истории завода от работников, вышедших на пенсию, а также от тех, для кого работа на Уралмаше оказалась лишь одним из этапов трудовой биографии. Анкета состояла из 10 пунктов: с 1 по 5 пункты запрашивалась информация о фамилии, имени, отчестве, годе рождения, партийности, профсоюзном и производственном стаже; с 7 по 10 пункты предполагалось заполнить сведениями об участии в Великой Отечественной войне, о наличии правительственных наград, месте рождения и проживания. Среди пунктов анкеты выделялся пункт 6, поскольку он требовал подробного изложения информации о работе на заводе: «С какого и по какой год работали на Уралмашзаводе. Занимаемая должность профессия цех, отдел в настоящее время. Подробнее изложите

1 Здесь и далее формулировки, орфография и пунктуация источников сохранены. Подчеркивания и выделения в текстах цитат принадлежат их авторам.

о своей работе в период строительства завода, в качестве кого работали» [Ивановский, 1967, с. 1]. Не будет большим преувеличением сказать, что во многом благодаря этому пункту анкеты и сформировался «Фонд первостроителей», потому что «подробнее» каждый понимал по-своему: кто-то написал развернутый ответ на отдельном листе и приложил его к анкете, у кого-то рукописные воспоминания заняли школьную тетрадь, а некоторые передали в музей машинописные тексты объемом до 100 страниц.

Проект оказался длительным и не был закончен к 10 сентября 1967 года, как это планировалось: воспоминания поступали в музей без малого 20 лет, вплоть до 1984 года, перешагнув обозначенные в анкете хронологические рамки 1928—1934 годов. В настоящее время Фонд насчитывает около сотни воспоминаний разного объема и времени создания, принадлежащих работникам Уралмаша разных профессий и социального статуса, среди которых начальники цехов, конструкторских бюро, инженеры, бригадиры, рабочие и работники коммунальных и социальных служб, имеющих отношение к строительству завода и обеспечению его инфраструктуры. Профессиональных литераторов среди авторов воспоминаний нет. Коллекция текстов фонда, таким образом, может быть рассмотрена как уникальная возможность для исследования разнообразных способов конструирования «советского», соединения личного и коллективного в автобиографическом письме, задействованных авторами в процессе рассказа о собственном участии в строительстве «завода заводов».

2. Практики коллективной идентичности в воспоминаниях уралмашевцев

К концу 1960-х годов основной канон рассказа о героическом прошлом, включая стройки индустриализации, был сформирован многочисленными очерками, романами и фильмами, наиболее знаменитый из которых «Время, вперед!» (роман 1932 года, фильм 1966 года, сюита 1968—1977 годов). Кроме романа-хроники В. Катаева, были широко известны произведения о стройках индустриализации А. Малышкина («Люди из захолустья»), М. Шагинян («Гидроцентраль»), И. Эренбурга («День второй») и др. В этом смысле уралмашевцы имели популярные, доступные и привлекательные образцы «общего для всех» прошлого, репрезентирующие коллективную память, которую, отвечая на 6 пункт анкеты, следовало каким-то образом соотнести с памятью личной, биографической, рассказав о собственном вкладе в строительство завода.

Коллективная идентичность уралмашевцев в текстах Фонда выстраивается ими с помощью нескольких ведущих дискурсивных практик: для

текстов «первостроителей» (как называют себя некоторые из авторов) характерны общие маркеры идеологической состоятельности, пространственных и временны́х характеристик, профессиональной принадлежности и солидарности (как вертикальной, так и горизонтальной). Выделение этих позиций во многом определено вопросами анкеты и задано внешними по отношению к авторам факторами: все они определяют себя через принадлежность к партии (большинство из них — коммунисты), используют язык профессиональных описаний при рассказе о трудовой деятельности, активно упоминают коллег, непосредственных начальников и вышестоящее руководство (и крайне редко собственное семейное положение). Тот образ времени и пространства, который воспроизводится в текстах первостроителей, несет большую идеологическую нагрузку, поскольку именно он (наряду с практиками подтверждения идеологической состоятельности) является зримым воплощением главной оппозиции, заключающейся в противопоставлении «тогда» и «сейчас» (полного трудностей и преодоления вчера и светлого, устремленного в будущее сегодня).

Именно на эти «несущие конструкции» приходится основной вес общей для авторов воспоминаний идентичности «первостроителя Уралмаша». Идентичность при этом понимается нами как дискурсивная категория динамического характера: она постоянно воссоздается в текстах, не закреплена и подвижна [Брубейкер, 2012; Енина, 2016; Козлова, 2005; Лотман, 1992; Савкина 2017; Сандомирская, 2001; Сандомирская 2013; XX век, 2016 и др.]. Выделяемые маркеры идентификаций оказываются принципиально несводимыми в конструкцию непротиворечивой и целостной идентичности «коллективного субъекта», рассредоточенного в десятках индивидуальных дискурсивных практик. И вместе с тем в текстах можно выделить семантические связи, повторяемость и очевидность которых подтверждает тезис А. Юрчака о том, что только после окончания эпохи становится возможной ее целостная интерпретация, поскольку требуется новый аналитический язык, способный выйти за пределы бинарных оппозиций описания [Юрчак, 2014, с. 46]. Исследования «конструирования советского», интенсивно продолжающиеся до наших дней (примеры многочисленны, упомянем лишь близкие нашей тематике работы Н. Б. Лебиной [Лебина, 1999, 2015], Ш. Фицпатрик [Фицпатрик, 2001], Й. Хелльбека [Хелльбек, 2017], Т. Ворониной [Воронина, 2018], монографию «Раннесоветское общество как социальный проект, 1917—1930-ые гг.» [Раннесоветское …, 2019]), вскрывают внутренние парадоксы и непредсказуемые возможности во многом жестко регламентированного мира. Выявление

идентификационных практик в автобиографических нарративах заводчан, анализ их воплощения и пересечений являются задачами данной статьи.

3. Эпос «не о себе»: позиция автора воспоминаний

Несмотря на то, что личный опыт человека никогда полностью не совпадал с официально одобренным и закрепленным в сотнях образцов разного рода текстов «коллективным прошлым», единая идеология и монополия государства на официальный нарратив исторического повествования обусловили то, что работники Уралмаша, записывая воспоминания для музея, воспроизводили хорошо знакомые им, привычные практики описания героического прошлого, адаптируя их к своей биографической реальности.

Для идентичности советского человека значима оппозиция «свой-чужой», распространяемая темпорально (*тогда / сейчас*), пространственно (*у нас / у них*), идеологически (*партийный / «б / п»*) и т. д. Тем не менее в конкретных текстах эти оппозиции размываются и наполняются новым содержанием, осуществляя то, что А. Юрчак назвал «перформативным сдвигом», под которым имел в виду процесс размывания доминирующего дискурса, происходящий одновременно с консервацией его основных риторических клише [Юрчак, 2014, с. 25]. Важным для нас оказывается следование антропологическим принципам обращения с текстами: в этой статье, работая с документами Фонда, мы не оцениваем достоверность предоставленных музею сведений, не обращаемся к дополнительным источникам для уточнения трудовой биографии авторов, но понимаем автобиографический текст как результат сознательных и бессознательных усилий автора по приданию ценности и осмысленности собственной жизни через нарратив о ней, который всегда разворачивается «под влиянием доминирующей в обществе в момент написания биографии концепции личности и господствующего “дискурса персональности”» [Тун-Хоенштайн, 2013, с. 438]. Исследование, таким образом, развернуто более в плоскость анализа ценностей и мотивов «первостроителей», нежели в сторону поиска «истины и ее искажений» в идеологически окрашенных записках советских рабочих[1].

Автобиография, выстраиваемая заводчанами в воспоминаниях, есть в числе прочего и результат усвоенного советской культурой «насильствен-

1 А. Юрчак так пишет о сложноустроенной картине реальности, воссоздаваемой в текстах позднесоветского периода: «Воспроизводство стандартных форм авторитетного языка не обязательно должно восприниматься аудиторией как описание реальности (истинное, ложное, непонятное и т. д.), а может восприниматься, напротив, как перформативный ритуал, который напрямую способствует существованию за его пределами вполне нормальной, сложной, многоплановой реальности, не имеющей прямого отношения к самому идеологическому описанию» [Юрчак, 2014, с. 164].

ного автобиографизма» [Там же, с. 439], где авторы (советские люди) постоянно тренировались в создании «риторической иллюзии» [Бурдье, 2002, с. 77], прежде всего в делопроизводственной и карьерной сфере, отбирая подходящие моменту факты прожитых жизней и сплетая их с репертуаром одобренных образцов жизнеописаний, предоставляемых литературой, кинематографом и СМИ (в случае респондентов «Фонда первостроителей» это еще и заводская многотиражная газета «За тяжелое машиностроение»).

1967 год, которым датированы первые документы Фонда, отмечен как год 50-летия революции, последние воспоминания писали к 50-летию Уралмаша в 1983 году. Таким образом, значительная часть авторов почти наверняка имела в виду некие «юбилейные интонации», а некоторые прямо включают поздравления в текст воспоминаний. Авторам предстояло заполнить анкету в жанре почти эпического повествования, перенестись в прошлое на несколько десятилетий назад и рассказать о нем молодому поколению: *Я бы хотел, чтобы наша нынешняя молодежь, признавала, в каких условиях трудилось старое поколение. А уральскими заводами Уралмаш и Уралгидромаш на которых проработал 36 лет я горжусь перед молодым поколением* [Белик, 1983, с. 11].

В некоторых случаях автор открыто вербализует свою позицию летописца, как, например, это сделала конструктор В. А. Ширяева, взяв для своих воспоминаний эпиграф из «Бориса Годунова» Пушкина: *Еще одно, последнее сказанье, / И летопись окончена моя, / Исполнен долг, завещанный от бога, / Мне грешному ...* [Ширяева, 1975, с. 1].

Сложность и даже парадоксальность задачи написания респондентами автобиографий состояла в том, что закономерное удивление потомков свершениям предков («не то, что нынешнее племя») в данном случае оказывалось обращенным к собственной молодости и собственному трудовому пути авторов, что шло в разрез с императивом «риторической скромности», предписываемой советскому герою. В 1971 году Б. Окуджава и А. Шнитке в послевоенной «окопной песне» десятого батальона найдут вербальные и музыкальные средства выражения этого чувства: «Когда-нибудь мы вспомним это, / И не поверится самим ...»[1]

Для большинства авторов Фонда наиболее приемлемой оказалась позиция «остаться в тени» свершенного, в защищенной позиции коллективной идентичности, рассказывая о соратниках / членах бригады / коллегах и др. «Писать не о себе» — одна из распространенных в Фонде практик

1 Песня была написана для фильма А. Смирнова «Белорусский вокзал» (1971) в жанре «элегического марша» [Кац и др.] и в русле новой работы государства с феноменом коллективной памяти.

воспоминаний: так, например, в личной папке Е. В. Авдеевой находятся ее воспоминания о погибшей на войне подруге-уралмашевке — Анастасии Васильевой — и стихи А. Г. Редикульцевой, «работницы цеха № 75», воспевающие «эпизод фронтовой жизни» связистки Авдеевой. Автобиографических материалов самой Е. В. Авдеевой эта папка не содержит, представленные тексты наглядно воплощают принцип «описания другого». Аналогичными по интенциям представляются практики «возвращения имен» (если воспользоваться современной терминологией): заводчане поименно, а чаще пофамильно называют тех из коллег по цеху, сменщиков, членов бригады, кого сохранила их память, не добавляя при этом о них никакой информации. Имена и фамилии, ничего больше — этого достаточно, чтобы внести упомянутых в летопись завода — своеобразную «книгу жизни», которая, как видится авторам, больше, длиннее и значимее их собственной. В Фонде представлено и несколько масштабных проектов, целиком подчиненных этой тенденции: таковы рукописные книги Марка Петровича Балакшина и Виктора Николаевича Анфимова, первая из которых представляет собой «сборник биографий» сослуживцев, вторая — перечень жилых объектов соцгорода Уралмаш с указанием обстоятельств их строительства.

4. «Неповторимое время»: прошлое в воспоминаниях первостроителей

Период «между юбилеями» пришелся на наиболее стабильный период работы завода, что придало личностную окрашенность и убежденность выражаемому авторами (и ведущему для советского дискурса) противопоставлению тогда и сейчас. Ведущая темпоральная оппозиция таким образом максимально нагружена идеологически, поскольку по умолчанию считалось, что работа на заводе стала площадкой профессионального и личностного роста первостроителей. В такой пресуппозиции проявлялось действие своеобразного «фильтра лояльности»: из других источников известно о проблеме текучести кадров в первые годы строительства завода, однако те, кто уволился / был уволен с завода не входят в число авторов Фонда.

Время строительства завода (1926—1933) «естественным образом» в повествованиях заводчан является продолжением времени революционных завоеваний и побед «красных» в гражданской войне. Эта хронологическая смычка осуществляются в текстах старейших работников, относящих начало своих воспоминаний ко времени революции и гражданской войны. Формально эти воспоминания далеко отстоят от даты запрашиваемого

начала (1926 года), однако с идеологической точки зрения они подтверждают закономерность и осознанность авторского участия в процессах индустриализации на Урале.

Отметим, что дискурсивный концепт ЗАВОД является важнейшим понятием для профессиональной и локальной (само)идентификации уральцев. Однако новый, советский образ заводов радикально отличался от прежних, сформировавшихся в литературе Урала XVIII—XIX веков. Образы первых, («старых», «демидовских») уральских заводов вписаны в историко-культурные модели древними мифологемами: с одной стороны, их обитатели помещены в мир тьмы и огня (обнаруживая связь с инфернальным, потусторонним, «адским»), с другой стороны, заводские мастера наделены магическими и даже демиургическими способностями в силу наследования функций бога огня и кузнечного дела. Уже на этом этапе концепт завода и его рабочих оказывает формирующее влияние на этнокультурный и исторический ландшафт территории и противопоставляется крестьянской жизнеописательной модели. Новая парадигма говорения о заводах строилась в значительной мере на отторжении этого опыта. Язык описания грандиозного строительства заводов-гигантов вырабатывался с участием и под прямым контролем государства. Кроме горьковского проекта «Истории фабрик и заводов» (1931—1938), в конце 1920—1930-х годов производится множество художественно-публицистических текстов второго ряда, формирующих плотную идеологическую сеть ежедневных образцов говорения и письма о совершающихся на глазах преобразованиях промышленного и социального ландшафта. «Наше поколение жило и работало в неповторимое время, мы были его свидетелями. К этому времени нельзя подходить с меркой сегодняшнего дня», — формулирует В. А. Ширяева свою позицию летописца и очевидца, постулируя уникальный ценностный характер прошедшей эпохи [Ширяева, 1973, с. 2].

Воспоминания Соломона Сауловича Иоффе носят названия «Встречи с В. И. Лениным» и «65 лет в партии», а Василий Петрович Белик, озаглавив свою тетрадь «50 лет УЗТМ», начинает так: *Родился я еще при царе ...* [Белик, 1983, с. 1], затем рассказывает про свое бедное и тяжелое детство в родительской семье, передает подростковые впечатления от гражданской войны, организации совхоза и колхоза, где работал молотобойцем в кузнице, откуда и был послен «райкомом кпб» на курсы экскаваторщиков. По окончании курсов в Москве 14 человек были отправлены на строительство Уралмаша: *Но 12 посланцев разбежались в течение одного месяца. Осталось только два смелых экскаваторщика Овтин И. И. и я* [Там же, с.5]. Таким образом, работа на Уралмаше выглядит не только логическим

продолжением всей предыдущей жизни, но и маркируется как идеологически верная и связанная с высокими морально-нравственными качествами пишущего: он остался в строю, тогда как *целая дюжина ученых практикантов разбежалась, от холода уральского и вообще без уважительных причин* [Там же].

Как своеобразно сбывшуюся детскую мечту — *поехать куда-нибудь, посмотреть города, поездить по жилезной дороге, покататься на пароходе* [Бакиров, без даты, с. 4] — описывает свой приезд на Уралмаш в 1930 году выходец из башкирской деревни Беллал Усманович Бакиров: *Мои товарищи устроили меня землекопом, эта профессия была тогда ведущей, потому что тогда не было землеройных машин* [Там же, с. 5]. Его профессиональный рост определяется сменой работ на стройке и описывается как становление коллективного «я»: *Когда землеройные работы заканчивались мы вставали работать бетонщиками, каменщиками и монтажниками* [Там же][1].

Переносясь в далекое прошлое, заводчане не описывают пугающих и нарочито впечатляющих картин, а, скорее, сами удивляются произошедшим в их жизни переменам, когда рассказывают (а точнее — упоминают) о тяжелом ручном труде, непролазной грязи, холоде в бараках: *Наша спецовка никогда не просыхала. Утром надеваеш ее А на ней иней. Вот как жили и нетужили. Нето что теперь. А теперь молодеж жалуется. То уних нет шахмат то нет лото. Или плохо оборудован красной уголок. А ведь тогда строили на века* [Дерезглазов, 1977, с. 4]. Откровенные описания тяжелых бытовых и производственных условий нечасты и появляются в определенных легитимизированных позициях: чаще всего — в начале текста, где автор — новичок, только поступивший на завод и оказавшийся в общежитии-бараке, в котором вода замерзает в чану, матрасы набиты древесной стружкой и т. д., и на него не распространяются пока эмоциональные императивы «настоящих уралмашевцев» («Не хныкать!») и милитарный дискурс («Не отступать!»). Другой позицией, допускающей рассказ о страданиях и негативном опыте, становится чрезвычайная ситуация — пожара, поломки или производственной травмы, изменившей всю дальнейшую трудовую биографию пишущего. Таковы воспоминания С. К. Гаева, потерявшего руку ночью, на «роковой смене», в мае 1930 года,

1 Образ Ленина остается востребованным и в полувековой юбилей революции. Воспоминания Бакирова заканчиваются перенесением в настоящее, идеологически плотно связанное с прошлым: *Сейчас мне 58 год и я продолжаю успешно работать на Уралмаше. Правда больше чувствуется усталость, чем раньше. Теперь я готовлюсь достойно встретить 100-летие со дня рождения В. И. Ленина* [Бакиров, без даты, с. 11].

и В. П. Белика, на которого 19 декабря 1936 года в цеху упала обойма с крюком в результате обрыва троса: ... *И так я остался с одной рукой и расколотым черепом головы. Признан медициной, вечным инвалидом* [Белик, 1983, с. 10]. Однако эти случаи включены в текст «юбилейных» воспоминаний не только из-за верности «правде факта», но и как характеристика тех возможностей, которые затем предоставил завод и лично директора для реабилитации сотрудника и его «возвращения в строй».

5. Пространство воспоминаний: многослойность и децентризм

С практиками конструирования времени связан и взгляд на пространство, который транслируют авторы воспоминаний. Своеобразие их хронотопа, если воспользоваться устоявшимся литературоведческим термином, акцентирующим связь пространственно-временных координат, состоит в том, что яркая темпоральная оппозиция т о г д а / с е й ч а с (зачастую невербализуемая прямо, но существующая в виде пресуппозиции) своеобразно «подсвечивает» в пространстве уже / еще не существующие объекты. Топография Уралмаша — завода и соцгорода — обретает слоистость, чаще всего пространство предстает как «двухслойное»: например, из своего настоящего авторы «видят» объекты, задающие пространственные ориентиры прошлого, что в большинстве случаев приводит к двойной атрибуции этих объектов. Например, упоминая земляничную поляну, автор добавляет: *где сейчас улица Кузнецова*; описывая происшествие на только что заасфальтированном отрезке шоссе, уточняет: *там лес сосновый стоял, а сейчас кинотеатр «Заря»* и др. Присутствуют в описаниях и исчезнувшие ныне объекты инфраструктуры: избушка лесника, конный двор, обувной магазин на улице Ильича, где можно было, сдав старые калоши, приобрести новые, и др.

Пространство завода и соцгорода не разделено и не разграничено жестко, поскольку авторы — работники завода — легко перемещаются из одной части Уралмаша (завод) в другую (поселок / соцгород). Непреодолимый барьер между жилой частью и заводом появляется в постсоветских воспоминаниях «детей Уралмаша»: они вспоминают, как стояли у проходной в ожидании матерей, старающихся пронести им, втайне от охраны, что-нибудь съестное из своего обеда в заводской столовой.

Все пространство заводской стройплощадки в воспоминаниях сохраняет черты д и к о г о , н е о с в о е н н о г о , п р и р о д н о г о , соседствуя с более структурированным, урбанистическим. Такие «природные» черты пространства, как грязь, канавы с проточной и сточной водой, разливающиеся речки, сохраняются на Уралмаше в течение как минимум двух десятилетий. В силу этого и измеряется, и структурируется пространство

иначе, чем в настоящем авторов: *Работали в три смены и тут хоть снег, дождь, ноч, шагали 4 км до завода. Бараки наши стояли на пустыре между пеньками, недалеко от трамвайной остановки — техническое училище. Трамвай ждать было риском, чтобы не опоздать на работу* [Белик, 1983, с. 7]. Здесь природное / дикое пространство (*на пустыре, между пеньками*) соседствует с явными знаками городской культуры: трамвайная остановка и училище[1].

В объективированных «Историко-хронологических данных о развитии медицинской службы УЗТМ» заслуженного врача РСФСР Н. А. Савичевой-Смирновой видна та же многослойность пространства и многосоставность практик его преодоления: поиски нужного барака среди поселка без / до четкой адресной системы, выезды бригад скорой помощи на грузовиках, вынужденные их остановки на дальних подступах к больнице из-за непролазной грязи, перетаскивание медиками больного на носилках в корпус больницы. Выразителен по сочетанию д и к о г о (ибо его нельзя назвать ни деревенским, ни архаическим) и г о р о д с к о г о модусов фрагмент, повествующий об устройстве патологоанатомической службы в первые годы строительства: *Был период когда трупы хранились и вскрывались в землянке рядом с поликлиникой № 1, а затем по договоренности с мединститутом, трупы на вскрытие возились на лошади в специальном ящике на патологоанатомическую кафедру. Лечащий врач с историей болезни умершего ехал на трамвае, его присутствие на вскрытии было обязательным* [Савичева-Смирнова, без года, с. 8]. Здесь локус строящегося объекта (*землянки рядом с поликлиникой; лошадь со специальным ящиком*) соседствует с вполне городской зарисовкой (*лечащий врач с историей болезни ехал на трамвае*).

История строительства многочисленных объектов как внутри завода (цехов, лабораторий и др.), так и вне его прочно сплетена в записках заводчан с автобиографической памятью. Конструкторы и первостроители вспоминают, что из-за высоких темпов строительства внутри цехов уже во время возведения стен оставался невырубленный лес, а после работы можно было собирать землянику в пределах заводского поселка. Неразделимость памяти личной и трудовой особенно ярко проявляется в воспоминаниях в жанре писем, где автор свободнее выбирает личную интонацию.

1 Обратим внимание, что в хронотопе воспоминаний первостроителей нередко проявляют себя древнейшие долитературные модели, в числе которых взаимообратимость пространства и времени, способных быть заданными друг через друга: дистанция в 4 км преодолевается к началу смены, с точным расчетом времени пешей ходьбы, без надежды на городской транспорт.

Вот как бывший рабочий Алексей Матвеевич Дереглазов описывает свое жилье в письме уралмашевскому инженеру В. Н. Анфимову: *На ул. Ильича 6. жили на 4м этаже это со стороны парка. Пола были неструганы с верхнего этажа можно было видеть что делается на первом этаже. Это сквозь щели в полу* [Дереглазов, 1977, с. 2]. Из переписки 1920-х годов Валентины Налобиной и Владимира Сенцова известно, что во время свиданий молодые люди заходили на строящееся здание заводоуправления УЗТМ, откуда открывалась панорама строящегося соцгорода. Налобина дважды включает воспоминания об увиденном в свои письма, и эти описания сопряжены с развитием ее отношений с Владимиром Сенцовым.

Внутри завода выделяются объекты, совокупность которых и образует УЗТМ: как правило, это цеха, подстанции и лаборатории. Индустриализация — пространство прежде всего механическое: упоминаются кузнечно-прессовый цех, механический цех № 1, сталеплавильный цех, ремонтно-строительный цех, газогенераторная станция. Названия цехов, часто сокращенные (например, КПЦ и др.), образуют внутреннюю топонимическую сетку, актуальную для заводчан. В описание этих объектов вторгается индустриальный язык: тексты пестрят названиями материалов, моделей станков, фирм-изготовителей оборудования; видами и типами печей (мартеновские, сушительные, нагревательные, термические, Вельмана и др.).

Лингвисты отмечают высокую значимость пространственной идентификации при конструировании географического пространства территории, в связи с чем «важнейшими дискурсивными практиками пространственной идентификации становятся практики отбора географических объектов, их наименования и описания» [Ильина и др., 2019, с. 123]. При этом устанавливаются различные отношения (отдаленности, тождества, части-целого и др.) между разными объектами. С помощью названий объектов инфраструктуры Уралмашзавод соединяется с городом Свердловском[1]: столовая, «веревочка» (дорога, по которой первоначально осуществлялась доставка людей и грузов к месту стройки), трамвайные пути, шоссе и др. Доминирующий либо центральный объект УЗТМ не выделен, однако заводчане

1 Позднее у жителей соцгорода Уралмаш закрепится в речи именование центральной части Свердловска «городом», что сохраняет свое бытование вплоть до сегодняшнего дня. Однако в воспоминаниях «ветеранов-первостроителей» мы встречаем двойную номинацию: *Я пошла домой, в Свердловск, а дорогу еще только камнем мостили ...* [Сахарова, без даты, с. 1]. Ср.: в воспоминаниях не-свердловчанки Н. С. Рожиной Уралмаш образует со Свердловском единое пространство, в чем важную роль играет как раз транспортное сообщение: *Впервые в трамвае я ехала в XII-1940 г. На сидении спросила дяденьку где ул. Ильича ведь я не разу не была в Свердловске и ехала к одной студентке* [Рожина, без даты, с. 1].

прекрасно ориентируются во взаимном расположении цехов, равно как и без лишних объяснений называют объекты жилищного строительства соцгорода, понятные и известные «своим». Так, А. М. Дереглазов полемически заканчивает письмо перечислением: *А ведь тогда строили на века. Все посмотрите на башню. на Мадрид, и на заводоуправление* [Дереглазов, 1977, с. 4], — выбирая, безусловно, значимые для локальной идентичности уралмашевцев объекты[1].

При этом «двухслойность» пространства сохраняется и в отношении заводских объектов: *Отдел металлических конструкций, куда меня направили, в то время помещался в бараке центрального поселка, а с 7 ноября все отделы и заводоуправление разместились в здании, где теперь Центральная лаборатория* [Смертина-Бергман, 1982, с. 1]. При этом внутреннее пространство цехов описывается редко, настолько оно понятно «своим», тогда как конкретные механизмы и процедуры требуют, с точки зрения авторов, детальных описаний. В этом отличие текстов 1960—1980-х от более ранних: например, в сборнике «Стахановцы Уралмаша» [Стахановцы Уралмаша, 1936] многие рабочие рассказывают о своем первом впечатлении от встречи со станком, печью, краном, на которых затем научились работать. В этих очерках важна составляющая удивления от резкого контраста с прежним местом работы и учебы (часто это училище в г. Ирбите, где занятия проходили в «бывших кельях», радикально отличавшихся, конечно, по размеру и освещенности от новых заводских цехов). В Фонде сохранились воспоминания, запечатлевшие эмоциональное восприятие нового места работы: *И вот, в начале июля 1931 годов получили команду: переселиться в новый цех. Беспредельно были рады. Цех был светлый, просторный, с поблескивающими станками, мостовым краном (тогда еще единственным). Нас было мало по такому цеху, разместились на небольшом участке. Жизнь началась. Тишина нарушилась шумом станков* [Кочуров, 1974, с. 2].

«Настоящее» уралмашевцев-первостроителей выигрышно на фоне прошлого: в этом сопоставлении актуален аспект технического прогресса и жилищного строительства: *Взять примерно кузнечно-прессовый цех сегодня, и прошлое. Раньше работали все в ручную слитки ворочили в ручную с печки заготовку брали вручную полной бригадой, а вот теперь один*

1 Так, например, силуэт Белой Башни как символ «красоты человеческой мысли» возникает во фрагменте интервью современного молодого жителя Уралмаша в проекте «Автобус-33» как тема нанесенной татуировки: таким образом конструктивисткий символ района буквально физически, телесно присваивается жителем мегаполиса. Подробнее о проекте-аудиоспектакле «Автобус-33»: http://m-i-e.ru/avtobus_33.

человек с печки берет и один человек эту заготовку ворочает весом примерно 2 тонны. И производительность труда увеличилось почти на 50 % потому установлены мощные манипуляторы и облегчен труд рабочих, и у нас сейчас каждый месяц и кождый год все растет новая техника [Шушунов, без года, с. 6]. Другая цитата: *Время идет вперед. Растет материальная база больницы, пополняются медицинские кадры молодыми специалистами, вооруженными современными методами исследования диагностики и лечения больных. Прогрессивно благоустривается и изменяется внешний вид облик больницы. Выстроен прекрасный больничный городок с зелеными цветущими деревьями. Вырос новый 7-ми этажный хирургический корпус — давнишняя мечта хирургов* [Савичева-Смирнова, без года, с. 11]. Даже в этих двух фрагментах легко обнаруживаются сходные паттерны официального дискурса сопоставления вчера и сегодня: *время идет вперед*, *растет новая техника /материальная база*, *облегчен труд рабочих* и др. При этом оба автора предпочитают обобщенно-личный характер воспоминаний (*раньше работали все в ручную, производительность труда увеличилась, благоустраивается внешний вид*). Более высокий образовательный уровень второго респондента проявляет себя в бóльшем разнообразии безличных и пассивных конструкций (а значит, и в бóльшей степени обезличивания): *прогрессивно благоустраивается, изменяется внешний облик, выстроен прекрасный городок, пополняются медицинские кадры* и др.) в силу бóльшей чувствительности к тенденциям официального дискурса.

6. Заключение: хронотоп как «несущая конструкция» коллективной идентичности заводчан

Итак, эго-документы Фонда первостроителей позволяют выделить сходные практики темпоральной и пространственной идентичности, рассредоточенные во многих воспоминаниях, и установить, что они наряду с практиками подтверждения идеологической состоятельности и практиками вертикальной и горизонтальной социальной интеграции активно востребованы в процессе конструирования коллективной идентичности уралмашевцев.

Многих авторов ситуация создания текста, который будет храниться в музее и, возможно, использоваться для юбилейной летописи завода, помещает в позицию *эпического сказителя (рапсода)*, должного поведать о лично пережитом «героическом прошлом». На уровне конкретных текстов видно, как основная вспомогательная жанровая рамка, которой так или иначе владеют все респонденты, — делопроизводственная автобио-

графия — испытывает существенное давление со стороны торжественного, официального стиля и дискурса. В качестве адресата автор, называющий себя первостроителем, часто обращается к *нынешней* и будущей молодежи, что сообщает тексту полемическую заостренность и дидактизм. Однако в качестве адресата могут мыслиться и коллеги по работе (в том числе и не дожившие до этих дней), в таком случае текст отчетливо моделирует пространство и время, знакомое и понятное «своим», и открыто утверждает невозможность заполнения всех лакун памяти, которая доступна / воспроизводима во всей полноте только совокупным множеством «своих»: *Видите как все неточно, как все забылось и Лели Абрамовой уже нет помоч мне в именах и фамилиях людей* [Аникеева, 1983а, с. 6].

Здесь мы касаемся одного из болезненных для многих авторов Фонда момента. Пространство прошлого, которое они видят «сквозь» современную застройку, продемонстрированная выше его «двухслойность» — повод для гордости и оптимизма. Иное дело — время. Воспоминания заводчан содержат ту версию «большой истории», которая стала историей завода и частью их личной трудовой биографии. За редчайшим исключением, не стоит искать в Фонде упоминаний о репрессиях: за годом официального пуска завода (1933) чаще всего следуют воспоминания о военных годах, в которых во многом повторился подвиг первостроительства и по масштабам задач, и по краткости отпущенных сроков. Однако если коллективное с е г о д н я противопоставлено тяжелому в ч е р а, то индивидуальные ощущения от пребывания в настоящем у многих авторов далеко не однозначные. Большинство пишущих для Фонда — пенсионеры, в силу возраста разлученные с коллективным «мы». И ситуация письма, и уход на пенсию рождают беспокойство, неуверенность, фрустрацию, часто прямо выраженные в воспоминаниях в жанре писем либо в эпистолярной сопроводительной записке к основному тексту воспоминаний: *Я немного растерялся получив ваше письмо, поэтому прошу вас извинить меня если что-нибудь не так написал. Я приветствую вашу инициативу о создании сборника и желаю вам больших успехов* [Бакиров, без года, с. 11]; *Написала, как могла, не судите строго* [Смертина-Бергман, 1982, с. 6]. Можно усмотреть в этом довольно обычную «риторику скромности». Однако в некоторых случаях грусть выражена предельно определенно: *С 1957 г. до пенсии работала в ОГК/м в прекрасном здоровом коллективе конструкторов руководимый Кубачеком ВР позднее Сатовским БИ. С большой любовью вспоминаю этот коллектив и с большой грустью вспоминаю уход на пенсию* [Аникеева, 1968, с. 12]. То же чувство, выраженное даже более развернуто, сохраняется и спустя 15 лет: характеристика коллектива пре-

восходит по объему индивидуальные характеристики коллег: ... *В зрелые годы ... я пришла работать в коллектив лудшего желать не надо. Спаяный, культурный дисциплинированный [коллектив]... Работала всю свою жизнь с вдохновением. Когда я уходила на пенсию, коллектив сказал мне много добрых и теплых слов. Я тогда и сейчас одно могу сказать в таком хорошем кол-ве нельзя быть плохим человеком, кол-в меня воспитывал и я ему признательна и благодарна за все доброе. Я старею а теплота в душе хранится о кол-ве* [Аникеева, 1983б, с. 3].

Жизнь коллектива мыслится как превосходящая индивидуальную и по продолжительности, и по насыщеннности, и по цельности[1]. Тем значимее разлученность с ним, которая становится характеристикой личного / индивидуального настоящего, в отличие от общего сегодня, где всё растет, благоустраивается и приумножается.

Таким образом, если пространственное устройство завода в воспоминаниях уралмашевцев описано языком индустриальным, но по конфигурации ближе к телесно переживаемым объектам (это скорее «коллективное тело», нежели иерархия зданий и мест; неслучайно в символическом плане завод описывается как «детище» и «первенец»), то временно́е устройство более сложно и конфликтно. Причем если официальный дискурс подчеркивает и депроблематизирует контраст вчера и сегодня, то индивидуальные практики письма фиксируют внутреннюю конфликтность индивидуального сегодня, заключающуюся прежде всего в отъединенности от коллективного «мы». Именно эту разъединенность преодолевает автор в тексте, заключая собственную делопроизводственную биографию в широкую жанровую рамку эпоса, позволяющую ощутить солидарность по отношению к «своим» и сформировать внятное для автора и адресата послание потомкам.

Источники

1. *Аникеева М. С.* Воспоминания Аникеевой Марии Семеновны. Рукопись, 1968, 12 с. / М. С. Аникеева // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.

2. *Аникеева М. С.* Воспоминания Аникеевой Марии Семеновны. Рукопись, 1983а, 6 с. / М. С. Аникеева // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.

1 Как известно, наивные авторы часто используют заглавные буквы в написании слов, наделяемых ими особой значимостью (Правительство, Телевидение и др.). М. С. Аникеева же, регулярно сокращая «коллектив» до «кол-в», предпочитает «скороговорку», нанизыванием, повтором создавая образ постоянного присутствия людей вокруг, плотности физического существования и реальности коллектива как единого физического тела, от которого *остается тепло* и которое произнесло *много добрых и теплых слов*.

3. *Аникеева М. С.* Без названия. Рукопись, 1983б, 3 с. / М. С. Аникеева // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.

4. *Бакиров Б. У.* Рукопись, [без даты], 11 с. / Б. У. Бакиров // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.

5. *Белик В. П.* УЗТМ 50 лет («Родился я еще при царе …»). Рукопись, 1983, 11 с. / В. П. Белик // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.

6. *Дереглазов А. М.* Письмо Виктору Николаевичу [Анфимову] от 7 февраля 1977 года. Рукопись, 1977, 4 с. / А. М. Дереглазов // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.

7. *Ивановский В. А.* Анкета участника строительства Уралмашзавода период 1928—1934 г.г. Типография+рукопись, 1967, 1 с. + 1 об. / В. А. Ивановский // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.

8. *Кочуров А. С.* Воспоминания. Комсомольцы Уралмашзавода в 30-е годы. Рукопись, 1974, 8 с. / В. С. Кочуров // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.

9. *Рожина Н. С.* Воспоминание. Рукопись, [без даты], 7 с. / Н. С. Рожина // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.

10. *Савичева-Смирнова Н. А.* Историко-хронологические данные о развитии медицинской службы УЗТМ по воспоминаниям заслуженного врача РСФСР, ветерана Савичевой-Смирновой Н. А. / Н. А. Савичева-Смирнова. Машинопись, [без даты], 11 с. // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.

11. *Сахарова А. Б.* Воспоминания ветерана УЗТМ Сахаровой А. Б. О создании первой библиотеки на Уралмаше. Машинопись, [без даты], 1 с. / А. Б. Сахарова // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.

12. *Смертина-Бергман Н. В.* Письмо Розе Хасановне [директору музея истории УЗТМ] от 10.02.1982. Машинопись и рукопись, 1982, 6 с. / Н. В. Смертина-Бергман // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.

13. *Стахановцы* Уралмаша (под ред. Л. Авербаха). — Москва-Свердловск : Типография газ-журн. изд-ва Свердловского Обкома ВКП(б) «Уральский рабочий», 1936. — 244 с.

14. *Ширяева В. А.* Зарницы воспоминаний. 1973. Рукопись+машинопись / В. А. Ширяева // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.

15. *Ширяева В. А.* У истоков проектирования. 1975. Рукопись+машинопись (неполная) / В. А. Ширяева // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.

16. *Шушунов Е. Н.* Из госпиталя на Уралмашзавод 1942 г. Рукопись, без года, 7 с. / Е. Н. Шушунов // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.

Литература

1. *Бурдьё П.* Поле литературы / П. Будье // Новое литературное обозрение. — 2000. — № 45. — С. 22—87.

2. *Брубейкер Р.* Этничность без групп / Р. Брубейкер. — Москва : Высшая школа экономики, 2012. — 408 с.

3. *Воронина Т.* Помнить по-нашему. Соцреалистический историзм и блокада Ленинграда / Т. Воронина. — Москва : Новое литературное обозрение, 2018. — 280 с.

4. *Енина Л. В.* Идентичность как дискурсивный концепт и механизмы дискурсивной идентификации / Л. В. Енина // Политическая лингвистика. — 2016. — № 6. — С. 159—167.

5. *Ильина О. В.* Практики конструирования уральской идентичности в медиадискурсе Свердловской области / О. В. Ильина, Е. В. Каблуков // Политическая лингвистика. — 2019. — № 2 (74). — С. 119—131.

6. *Кац Б.* «Марш» [Электронный ресурс] / Б. Кац, О. Ронен // Звезда. — 2003. — № 3. — Режим доступа : https://magazines.gorky.media/zvezda/2003/3.

7. *Козлова Н. Н.* Советские люди. Сцены из истории / Н. Н. Козлова. — Москва : Европа, 2005. — 544 с.

8. *Лебина Н. Б.* Повседневная жизнь советского города : Нормы и аномалии. 1920—1930 годы / Н. Б. Лебина. — Санкт-Петербург : Журнал «Нева», издательско-торговый дом «Летний сад», Kikimora. 1999. — 320 с.

9. *Лебина Н. Б.* Советская повседневность : нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю / Н. Б. Лебина. — Москва : Новое литературное обозрение, 2015. — 483 с.: илл.

10. *Лотман Ю. М.* Избранные статьи : в 3 т. Т. 1 : Статьи по семиотике и типологии культуры / Ю. М. Лотман. — Таллинн : Александра, 1992. — 479 с.

11. *Раннесоветское* общество как социальный проект. 1917—1930-е гг. : в 2 частях. Часть 2. Советское общество : культура, сознание, поведение / под ред. Л. Н. Мазур. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2019. — 462 с.

12. *Савкина И. Л.* «Мои простые записки» : модели самоидентификации в дневнике Нины Лашиной / И. Л. Савкина // ШАГИ / STEPS. — 2017. — Т. 3. — № 1. — С. 136—157.

13. *Сандомирская И. И.* Блокада в слове. Очерки критической теории и биополитики языка / И. И. Сандомирская. — Москва : Новое литературное обозрение, 2013. — 432 с.

14. *Сандомирская И. И.* Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик / И. И. Сандомирская. — Wien, 2001. —286 с.

15. *Тун-Хоенштайн Ф.* В лаборатории советской биографии : Серия «Жизнь замечательных людей». 1933—1941 гг. / Ф. В. Тун-Хоенштайн // Человек и личность в истории России. Конец XIX—XX век / ред. Й. Хелльбек, Н. Михайлов. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2012. — С. 437—452.

16. *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы : город. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. — 336 с.

17. *Хелльбек Й.* Революция от первого лица. Дневники сталинской эпохи / Й. Хелльбек. — Москва : Новое литературное обозрение, 2017. — 424 с.

18. *Юрчак А.* Это было навсегда пока не кончилось. Последнее советское поколение / А. Юрчак. — Москва : НЛО, 2014. — 664 с.

19. *XX век*. Письма войны / С. Ушакин, А. Голубев. — Москва : Новое литературное обозрение, 2016. — 840 с.

Time and Space of Memories of Factory Workers in Construction of Collective Identity of First Uralmash Builders[1]

© **Natalia B. Gramatchikova (2020),** orcid.org/0000-0002-2585-7399, ScopusID 57189445810, SPIN 8460-0578, Ph.D. in Philology, senior researcher, Center for Literary History, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia), n.gramatchikova@gmail.com.
© **Lidia V. Enina (2020), orcid.org/0000-0003-2073-9948,** SPIN 5849-8128, PhD in Philology, associate professor, Russian Language and Stylistics Department, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin" (Yekaterinburg, Russia), Enina.lidia@gmail.com.

The article is the result of a long-term study of autobiographies and memoirs from the Fund of the First Builders of Uralmash, collected in 1967-1984 and dedicated to the construction of the plant (1926-1934). The question of the role of spatial and temporal markers in the construction of the collective identity of factory workers is considered. Particular attention is paid to the relationship between strong discursive practices and the "weak positions" of the official discourse, which allow authors to independently write their personal history into the history of the plant. The novelty of the research lies in the fact that the Foundation's documents are viewed not as a factual source, but as a way of creating collective and personal identity of factory workers in the process of forming the concept of the FIRST BUILDER and as a body of texts, which reflects the practice of constructing the "Soviet". It is emphasized that a special perception of space (the plant and the social city of Uralmash) and the placement of oneself in a certain historical era (with the opposition "then-now") unite most of the Foundation's texts, among the authors of which are workers of the plant of different specialties and social status. It is proved that the texts have a common chronotope associated with the axiological picture of the world and with the practice of social communication through the text.

Key words: Uralmash First Builders Fund; collective identity; chronotope; discursive practices; autobiography.

Material resources

Anikeyeva, M. S. (1968). Vospominaniya Anikeyevoy Marii Semenovny. Rukopis', 12 s. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley.* (In Russ.).

Anikeyeva, M. S. (1983a). Vospominaniya Anikeyevoy Marii Semenovny. Rukopis', 6 s. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley.* (In Russ.).

Anikeyeva, M. S. (1983b). Bez nazvaniya. Rukopis', 3 s. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley.* (In Russ.).

Averbakh, L. (ed.) (1936). *Stakhanovtsy Uralmasha.* Moskva-Sverdlovsk: Tipografiya gazzhurn. izd-va Sverdlovskogo Obkoma VKP(b) «Uralskiy rabochiy». (In Russ.).

Bakirov, B. U. Rukopis', [bez daty], 11 c. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley.* (In Russ.).

1 The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-012-00553A "First Builders as a Performative Project: Constructing the Discursive Identity of Ural Workers in Texts from the 1930s and 1970s".

Belik, V. P. (1983). UZTM 50 let («Rodilsya ya yeshche pri tsare …»). Rukopis', 11 s. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley.* (In Russ.).

Dereglazov, A. M. (1977). Pismo Viktoru Nikolayevichu [Anfimovu] ot 7 fevralya 1977 goda. Rukopis', 4 s. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley.* (In Russ.).

Ivanovskiy, V. A. (1967). Anketa uchastnika stroitelstva Uralmashzavoda period 1928—1934 g.g. Tipografiya+rukopis', 1 s. + 1 ob. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley.* (In Russ.).

Kochurov, A. S. (1974). Vospominaniya. Komsomoltsy Uralmashzavoda v 30-e gody. Rukopis', 8 s. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley.* (In Russ.).

Rozhina, N. S. Vospominaniye. Rukopis', [bez daty], 7 s. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley.* (In Russ.).

Sakharova, A. B. Vospominaniya veterana UZTM Sakharovoy A. B. o sozdanii pervoy biblioteki na Uralmashe. Mashinopis', [bez daty], 1 s. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley.* (In Russ.).

Savicheva-Smirnova, N. A. Istoriko-khronologicheskiye dannyye o razvitii meditsinskoy sluzhby UZTM po vospominaniyam zasluzhennogo vracha RSFSR, veterana Savichevoy-Smirnovoy N. A.. Mashinopis', [bez daty], 11 s. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley.* (In Russ.).

Shiryayeva, V. A. (1973). Zarnitsy vospominaniy. Rukopis'+mashinopis'. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley.* (In Russ.).

Shiryayeva, V. A. (1975). U istokov proektirovaniya. Rukopis'+mashinopis' (nepolnaya). In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley.* (In Russ.).

Shushunov, E. N. Iz gospitalya na Uralmashzavod 1942 g. Rukopis', bez goda, 7 s. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley.* (In Russ.).

Smertina-Bergman, N. V. (1982). Pismo Roze Khasanovne [direktoru muzeya istorii UZTM] ot 10.02.1982. Mashinopis' i rukopis', 6 s. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley.* (In Russ.).

References

Brubeyker, R. (2012). *Etnichnost' bez grupp.* Moskva: Vysshaya shkola ekonomiki. (In Russ.).

Burde, P. (2000). Pole literatury. *Novoye literaturnoye obozreniye, 45:* 22—87. (In Russ.).

Enina, L. V. (2016). Identichnost' kak diskursivnyy kontsept i mekhanizmy diskursivnoy identifikatsii. *Politicheskaya lingvistika, 6:* 159—167. (In Russ.).

Fitspatrik, Sh. (2001). *Povsednevnyy stalinizm. Sotsialnaya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gody: gorod.* Moskva: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). (In Russ.).

Khellbek, Y. (2017). *Revolyutsiya ot pervogo litsa. Dnevniki stalinskoy epokhi.* Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russ.).

Ilyina, O. V., Kablukov, E. V. (2019). Praktiki konstruirovaniya uralskoy identichnosti v mediadiskurse Sverdlovskoy oblasti. *Politicheskaya lingvistika, 2 (74):* 119—131. (In Russ.).

Kats, B., Ronen, O. (2003). «Marsh». In: *Zvezda, 3.* Available at: https://magazines.gorky.media/zvezda/2003/3. (In Russ.).

Kozlova, N. N. (2005). *Sovetskiye lyudi. Stseny iz istorii.* Moskva: Evropa. (In Russ.).
Lebina, N. B. (1999). *Povsednevnaya zhizn' sovetskogo goroda: Normy i anomalii. 1920—1930 gody.* Sankt-Peterburg: Zhurnal «Neva», izdatelsko-torgovyy dom «Letniy sad», Kikimora. (In Russ.).
Lebina, N. B. (2015). *Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voyennogo kommunizma k bolshomu stilyu.* Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russ.).
Lotman, Yu. M. (1992). *Izbrannyye statyi: v 3 t., 1: Statyi po semiotike i tipologii kultury.* Tallinn: Aleksandra. (In Russ.).
Mazur, L. N. (ed.) (2019). *Rannesovetskoye obshchestvo kak sotsialnyy proekt. 1917—1930-e gg.: v 2 chastyakh, 2. Sovetskoye obshchestvo: kultura, soznaniye, povedeniye.* Ekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta. (In Russ.).
Sandomirskaya, I. I. (2001). *Kniga o Rodine. Opyt analiza diskursivnykh praktik.* Wien. (In Russ.).
Sandomirskaya, I. I. (2013). *Blokada v slove. Ocherki kriticheskoy teorii i biopolitiki yazyka.* Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russ.).
Savkina, I. L. (2017). «Moi prostye zapiski»: modeli samoidentifikatsii v dnevnike Niny Lashinoy. In: *ShAGI / STEPS, 3 (1):* 136—157. (In Russ.).
Tun-Khoenshtayn, F. (2012). V laboratorii sovetskoy biografii: Seriya «Zhizn' zamechatelnykh lyudey». 1933—1941 gg. In: *Chelovek i lichnost' v istorii Rossii. Konets XIX—XX vek.* Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya. 437—452. (In Russ.).
Ushakin, S., Golubev, A. (2016). *XX vek. Pisma voyny.* Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russ.).
Voronina, T. (2018). *Pomnit' po-nashemu. Sotsrealisticheskiy istorizm i blokada Leningrada.* Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russ.).
Yurchak, A. (2014). *Eto bylo navsegda poka ne konchilos'. Posledneye sovetskoye pokoleniye.* Moskva: NLO. (In Russ.).

Интертекстуальность политического дискурса в Германии (на примере «политической пепельной среды») / М. А. Елизарьева, М. А. Чигашева, Б. Блахак, М. Ю. Михина // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 76—90. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-76-90.

Elizarieva, M. A., Chigasheva, M. A., Blahak, B., Mikhina, M. Yu. (2020). Intertextuality of Political Discourse in Germany (on the Example of "Political Ash Wedfnesday"). *Nauchnyi dialog, 7:* 76-90. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-76-90. (In Russ.).

УДК 811.112.2'42:329
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-76-90

Интертекстуальность политического дискурса в Германии (на примере «политической пепельной среды»)

© **Елизарьева Мария Алексеевна (2020),** orcid.org/0000-0003-1340-8382, кандидат филологических наук, старший преподаватель, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (Москва, Россия), marycreek@mail.ru.

© **Чигашева Марина Анатольевна (2020),** orcid.org/0000-0003-1423-5479, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого языка, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (Москва, Россия), mchigasheva@mail.ru.

© **Блахак Борис (2020) orcid.org/0000-0003-1939-2190,** PhD, научный ассистент, кафедра славистики и германистики, Западночешский университет в Пльзени (Пльзень, Чешская Республика), bblahak@kgs.zcu.cz

© **Михина Мария Юрьевна (2020),** orcid.org/0000-0003-4683-1881, студентка, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (Москва, Россия), mikhina.mm@yandex.ru.

Статья посвящена роли интертекста в публичных выступлениях политиков Христианско-социального союза (ХСС) в Баварии в рамках «политической пепельной среды». На примере выступлений М. Зёдера, А. Шойера и М. Блуме в 2018 году была проанализирована взаимосвязь между типом интертекста и его предтекста, с одной стороны, и интенцией говорящего с другой. В результате анализа 23 интертекстуальных включений выявлены четыре интенции, среди которых преобладает (48 %) критика политических оппонентов (СДПГ, «Зеленые», АдГ, «Свободные избиратели»). Для ее выражения используются цитаты представителей этих партий, политические лозунги, парафраз названия эко-движения и цитата деятеля искусства. Как показал интертекстуальный анализ,

для вербализации второй интенции (обращение к авторитетному мнению и подчеркивание преемственности партийного курса) цитируются высказывания бывшего председателя ХСС Ф. Й. Штрауса, в то время как третья интенция (противопоставление Баварии остальной Германии) реализуется с помощью цитаты из гимна Баварии, парафраза телевизионного ролика и цитаты из литературного произведения. Кроме того, авторы установили, что четвертая интенция (подчеркивание диалогичности общения с простым народом) встречается только в выступлении М. Зёдера в виде пересказа его диалогов с рядовыми гражданами.

Ключевые слова: интертекстуальность; политический дискурс; интертекст; политическая пепельная среда; Бавария; Христианско-социальный союз в Баварии.

1. Введение

Данная статья посвящена роли интертекста в одном из жанров политического дискурса Германии. Речь идет о публичных выступлениях на своеобразном политическом мероприятии («политическая пепельная среда»), которое ежегодно проводится немецкими политическими партиями в «пепельную среду» в разных городах Германии. В центре нашего внимания находится вопрос о взаимосвязи между интенциями выступающего и типом интертекстуальных средств, используемых для их вербализации.

Интертекстуальность политического дискурса давно является аксиомой политической лингвистики, поэтому в данной статье мы ставим перед собой цель рассмотреть с этой точки зрения особенности выступлений в «политическую пепельную среду», поскольку данный жанр дискурса Германии в политической лингвистике в целом пока остается лакуной.

В качестве примера была выбрана партия Христианско-социальный союз в Баварии (далее — ХСС). Во-первых, она стала родоначальницей данного вида политических мероприятий, во-вторых, речи ее лидеров весьма эмоциональны и содержат острую критику других партий, в-третьих, выступая на федеральном уровне в коалиции с Христианско-демократическим союзом Германии (далее — ХДС), ХСС остается региональной партией, отстаивающей прежде всего интересы Баварии.

Выбор в качестве источника материала «пепельной среды» 2018 года объясняется царившим на тот момент в Германии внутриполитическим кризисом: после выборов в бундестаг в сентябре 2017 года блок ХДС / ХСС на протяжении нескольких месяцев не мог найти партнера для создания правящей коалиции. Эти события и стали основной темой выступлений.

2. Виды интертекста и его функции в политическом дискурсе

В контексте политической лингвистики интертекстуальность можно определить как «присутствие в тексте элементов других текстов, что обес-

печивает его восприятие как частицы общего политического дискурса — шире — как элемента национальной культуры» [Чудинов, 2006, с. 114].

Чаще всего выделяют следующие типы интертекста:

— цитата (полная и редуцированная);

— пересказ диалогической речи;

— аппликация («дословное использование фрагментов текста без указания на источник» [Рыбачук, 2016, с. 166]);

— аллюзия (ассоциативная отсылка в виде скрытого или явного намека к известному для адресата факту виртуальной или реальной действительности [Попова, 2007, с. 14]);

— парафраз («прием, состоящий в изменении лексического состава устойчивого выражения или текста» [Москвин, 2015б, с. 118]);

— прецедентные имена.

Предтекстом служат высказывания политических деятелей или иных известных личностей, литературные произведения, религиозные тексты, тексты законов и иных документов, пословицы, поговорки, афоризмы, названия фильмов, книг, песен или их текст, прецедентные имена, политические лозунги и девизы и т. д. [Попова 2007].

В политическом дискурсе, центральным элементом которого выступает борьба за власть, интертекст является мощным средством воздействия на аудиторию [Попова, 2007, с. 4; Рыбачук, 2019, с. 8—9]. Интертекст может быть средством реализации разных стратегий: агональной [Левенкова, 2011а], интеграционной [Беляков, 2009], информационной [Левенкова, 2011б], побудительной [Минаева, 2014], контактоустанавливающей [Рыбачук, 2016].

Между интенцией говорящего и типом используемых интертекстуальных средств есть заметная связь. Цитаты чаще всего используются для придания речи аутентичности [Попова, 2007], обращения к авторитетному мнению и тем самым укрепления своей позиции [Минаева, 2014; Рыбачук, 2019, с. 114]. Кроме того, к цитированию политиков прибегают для опровержения их же утверждений в рамках агональной стратегии [Рыбачук, 2019, с. 116]. Цитирование законов, нормативных документов, отчетов и т. д. необходимо для информирования аудитории. Аллюзии используются для привлечения внимания слушателей [Попова, 2007].

Е. И. Шейгал разделяет жанры политического дискурса на три типа по характеру ведущей интенции: ритуальные (инаугурационная и юбилейная речь, традиционное радиообращение), ориентационные (партийная программа, послание президента, конституция, указ) и агональные (лозунг, предвыборные и парламентские дебаты) [Шейгал, 2000, с. 323]. С точки

зрения интенций, «политическая пепельная среда» может рассматриваться как гибридный жанр с некоторым преобладанием агональности: это мероприятие традиционное, ораторы информируют аудиторию об идеологических установках и программе партии, а также широко критикуют политических соперников.

3. Методы сбора и анализа материала

Цель данного исследования — выяснить, какие интенции вербализуются с помощью интертекстуальных средств в выступлениях политиков ХСС и проследить взаимосвязь между интенцией и типом интертекста, в том числе предтекста.

Источником материала послужила видеозапись «политической пепельной среды» ХСС, состоявшейся 14 февраля 2018 года [Politischer …]. Речи М. Зёдера, А. Шойера и М. Блуме (время звучания 128 минут) были облечены в письменный формат, объем текстов составил 16 647 слов (2,5 а. л.).

Скрипты были вычитаны носителем немецкого языка, отмечены фрагменты с элементами интертекста для последующего анализа — с опорой на методику, предложенную В. П. Москвиным [Москвин, 2015а, с. 213—216], но с небольшой перестановкой этапов: сначала были выявлены инотекстовые вкрапления и установлены их источники (предтексты), затем был определен тип самих вкраплений, и, наконец, установлены функции, выполняемые ими в контексте.

В процессе анализа применялись также следующие методы: метод сплошной выборки, контекстуальный анализ, количественный метод.

4. Характеристика «политической пепельной среды» Христианско-социального союза в Баварии

Politischer Aschermittwoch, «политическая пепельная среда» в русском переводе, представляет собой особый жанр политического дискурса Германии. Это собрания, ежегодно проводимые крупнейшими немецкими партиями в последний день весеннего карнавала, так называемую *пепельную среду* (*Aschermittwoch*), с которой начинается Великий пост, длящийся до Пасхи. По традиции, в «пепельную среду» во время церковной службы освящается пепел пальмовых ветвей, сожженных в прошлом году, которым священники наносят прихожанам на лоб знак креста [Маркина, 2006, с. 59].

В рамках «политической пепельной среды» лидеры партий выступают перед единомышленниками с речами, в которых они высказывают свое мнение о последних событиях политической жизни Германии и Европы,

информируют слушателей о своих программных и идеологических установках и критикуют политических конкурентов (Schlagabtausch), зачастую весьма саркастически, чем особенно отличается ХСС. При этом мероприятие проходит в достаточно неформальной обстановке: аудитория слушает ораторов за кружкой пива.

Хотя лидеры ХСС часто подчеркивают, что «политическая пепельная среда» — это важное политическое мероприятие, а «не продолжение масленицы» (*keine Verlängerung von Fasching*), «не карнавал размера XXL» (*kein Karneval XXL*) и «не продолжение карнавала более интеллектуальными средствами» (*nicht Fortsetzung des Faschings mit intellegenteren Mitteln*), некоторые коммуникативные элементы карнавала в ней все же можно найти.

Европейский карнавал представляет собой особый феномен, корни которого уходят в народную смеховую культуру Средневековья и Возрождения. Отечественный литературовед и культуролог М. М. Бахтин выделяет следующие его характеристики: стирается граница между исполнителем и зрителем, он носит вселенский характер — в нем живут. В это время общество полностью освобождается от всех иерархических отношений, норм и запретов, все становятся равны. В общении между людьми сокращается дистанция, оно становится фамильярным, в речи часто используются ругательства. Одним из форматов коммуникации выступают пародийные диспуты и диалоги. Карнавальному смеху М. М. Бахтин приписывает три характеристики: он всенароден, универсален и амбивалентен, — этот смех направлен и на самих смеющихся [Бахтин, 1990, с. 9—25].

Некоторые указанные выше черты можно обнаружить и в нашем материале. В рамках «политической пепельной среды» ораторы (большинство из которых занимают высокие государственные посты), обращаясь к аудитории, используют не уважительное местоимение *Sie*, а менее формальное *euch*, чаще всего они прибегают к обращению *liebe Freunde*, а не *sehr geehrte Damen und Herren*, причем само обращение весьма частотно. Это создает иллюзию сокращения дистанции между политиками и народом. Критика политических оппонентов открытая, иногда переходящая на личности, выходит за рамки политкорректности, нарушает нормы речевого этикета, что сами представители ХСС считают неотъемлемым элементом «пепельной среды», как, например, М. Зёдер: *Political Correctness hat in Passau Pause. Hier gibt es Klartext, hier gibt es deutliche Worte* (Политкорректность в Пассау не действует. Здесь говорят открыто, здесь используют понятные слова[1]). Иногда выступающие прибегают к шуткам на грани приличия, как, например, тот же М. Зёдер: *Ich habe mit Horst Seehofer auch*

1 Здесь и далее перевод авторов статьи.

mal eine ganze Nacht verbracht. Es war nicht meine schönste, es war nicht meine schönste, ich gestehe es, soweit ich mich erinnern kann. Aber das lag nicht daran, wir waren auch nicht allein, sondern wir haben breit diskutiert im bayerischen Landtag (Однажды мне довелось провести целую ночь с Хорстом Зеехофером. Признаюсь, это была не самая прекрасная ночь, да, не самая прекрасная, насколько я помню. Но дело не в этом, мы были не одни, мы жарко дискутировали в баварском ландтаге).

Первые политические собрания в пепельную среду стали проводиться в баварском городе Вильсхофен в конце XIX века в рамках ежегодной ярмарки скота. Основная цель политических собраний тогда заключалась в информировании крестьянского населения о политических событиях и привлечении на свою сторону избирателей. Заметным событием стала «политическая пепельная среда» 1919 года, на которой обсуждалась судьба Баварии после революции. В 1920-е и 1930-е годы политические мероприятия в «пепельную среду» проводились разными партиями и политическими группировками спорадически. Во время Второй мировой войны «политические пепельные среды» не проводились, их традиция постепенно стала возрождаться в конце 1940-х годов. В 1950—1960-е годы они стали площадкой конфронтации между ХСС и Баварской партией, которая тогда была одной из наиболее влиятельных политических сил Баварии. Основными ораторами были Ф. Й. Штраус (глава ХСС в 1961—1988 годах) и Й. Баумгартен (Баварская партия). Ф. Й. Штраус, чьи речи привлекали огромное число слушателей, обогатил спектр тем выступлений, обращаясь к общегерманским и европейским проблемам. В 1960-е годы Баварская партия постепенно утратила свои позиции, и ХСС стала доминирующей политической силой. В 1975 году она перенесла место проведения своей «пепельной среды» из Фильсхофена в баварский Пассау [Wasner, 2013].

14 февраля 2018 года «политическая пепельная среда» ХСС проводилась традиционно в Пассау в зале для мероприятий Dreiländerhalle, вмещающем несколько тысяч человек. Наибольший интерес для нашего анализа представляли речи основных ораторов: генерального секретаря ХСС Андреаса Шойера, его заместителя Маркуса Блуме и кандидата на пост премьер-министра Баварии Маркуса Зёдера (действующий премьер-министр Баварии Хорст Зеехофер, возглавлявший партию на тот момент, не смог выступить в связи с болезнью).

Центральной темой речей стали провалившиеся переговоры о создании правящей коалиции с «Зелеными» и Свободно-демократической партией (СвДП) — так называемой «Коалиции Ямайка», а также последовавшие за этим затянувшиеся переговоры с социал-демократами (далее —

СДПГ). Ожидаемо, что лидеры ХСС подвергли эти партии жесткой критике за боязнь взять на себя ответственность за управление страной. СвДП осуждалась прежде всего за то, что в последний момент, после долгих и трудных переговоров глава партии Кристиан Линднер отказался от создания коалиции, так как это может навредить имиджу партии. «Зеленых» М. Зёдер обвинил в том, что они принимают политические решения, абсолютно противоречащие их идеологическим установкам (*die drehen sich schneller als jedes Windrad in Deutschland*). СДПГ, многолетний партнер ХДС / ХСС по «большой коалиции» (Große Koalition, GroKo), до выборов в бундестаг в 2017 году заявила, что намерена уйти в оппозицию, однако после провала «Коалиции Ямайка» все же решила продолжить сотрудничество, но Союз молодых социалистов (Jusos), возглавляемый Кевином Кюнертом, выступил против. На момент «политической пепельной среды» СДПГ еще не приняла окончательного решения о заключении коалиции и блок ХДС / ХСС находился в томительном ожидании. Неудивительно, что вербальные атаки на политических оппонентов занимали в выступлениях М. Зёдера, М. Блуме и А. Шойера весьма значительную часть.

Традиционным мотивом каждой «пепельной среды» ХСС также является подчеркивание вклада партии в экономическое и социальное процветание Баварии и, в свою очередь, вклада Баварии в процветание Германии и Европы (*Europa ist stark, weil es Deutschland gibt, aber Deutschland ist nur so erfolgreich, weil's uns Bayern gibt* (Европа сильна, потому что есть Германия, но Германия добилась успеха лишь потому, что есть мы, Бавария) — М. Зёдер), что можно было отметить и выступлениях 2018 года.

5. Интертекстуальность в выступлениях лидеров ХСС в рамках «политической пепельной среды» 2018 г

В проанализированных выступлениях М. Зёдера, А. Шойера и М. Блуме встретились 23 примера интертекста. Если классифицировать их по типу и предтексту, получается следующее соотношение: цитаты политиков — 11 (48 %), пересказ диалогической речи — 3 (13 %), цитата из гимна Баварии — 2 (9 %), политические лозунги / надписи — 2 (9 %), цитата / парафраз из литературного произведения — 2 (9 %), парафраз названия экодвижения — 1 (4 %), цитата деятеля искусства / название книги — 1 (4 %), парафраз отрывка из телевизионного ролика — 1 (4 %). Эти виды интертекста использовались для вербализации четырех интенций.

Основная интенция, для вербализации которой ораторы прибегали к интертекстуальным средствам — атака на политических оппонентов и их дискредитация. С этой целью они цитируют высказы-

вания политиков из иных партий, немецкого деятеля искусства, вставляют в речь парафраз названия эко-движения и приводят политические лозунги.

Больше всего досталось многолетнему партнеру по «большой коалиции» — СДПГ. Ее нерешительность в вопросе продолжения сотрудничества язвительно комментирует А. Шойер, приводя цитату немецкого комика и артиста Карла Валентина (1882—1948): *... Das ist die selbstzerfleischende Partei Deutschlands — SPD. In der Wahlnacht haben sie gesagt, wir gehen in die Opposition. Am Tag des Scheiterns von Jamaika haben sie gesagt, wir bleiben in der Opposition. Kurz darauf haben sie gesagt, wir reden mit der Union, dann haben sie gesagt, wir reden aber nicht über eine Koalition. Als nächster Schritt haben sie gesagt, wir reden aber ob eine Koalition verhandelt wird, entscheidet der Parteitag und jetzt müssen wir wieder auf die Sozialdemokraten warten. Wir haben zwar verhandelt, aber jetzt müssen noch die Jusos überzeugt werden. Liebe Freunde,* ***mögen hätte ich schon wollen, aber dürfen habe ich mich nicht getraut****, das würde Karl Valentin dazu sagen* (СДПГ — это саморазрушающаяся партия Германии. В ночь выборов они говорили: «Мы уйдем в оппозицию». В день провала «Коалиции Ямайка» они заявили: «Мы остаемся в оппозиции». Вскоре после этого они сказали: «Мы ведем переговоры с ХДС», затем: «Однако не о коалиции». Потом они сказали: «Мы ведем переговоры, но вопрос — можно ли вести переговоры о коалиции — решит партийный съезд». И теперь нам снова нужно ждать социал-демократов. Хотя мы вели успешные переговоры, теперь нужно еще и «Юзос» убедить. Дорогие друзья, я бы хотел, но не отважусь посметь — вот что сказал бы на это Карл Валентин).

Отказ «молодых социалистов» поддержать продолжение сотрудничества в коалиции с ХДС / ХСС Александр Добриндт (ХСС) назвал *Zwergenaufstand* — «восстанием гномов» (или — «восстание карликов»). Обыгрывая это выражение, К. Кюнерт заявил на съезде СДПГ: *Heute einmal ein Zwerg sein, um künftig wieder Riesen sein zu können* (Сегодня стать карликом, чтобы затем снова стать великаном) — то есть отказаться от вступления в правящую коалицию и уйти в оппозицию, чтобы впоследствии снова стать влиятельной партией. М. Зёдер высмеивает это высказывание К. Кюнерта: *Der rief seinen Delegierten zu,* ***man müsse jetzt dagegen sein, weil erst müsse man Zwerg werden, um als Zwerg wieder Riese zu werden****. Ich kann euch nur nach meiner Erfahrung als Gesundheitsminister mit hormonellen Veränderungen eines sagen: einmal Zwerg, immer Zwerg, liebe SPD!* (Он прокричал своим делегатам: сейчас необходимо выступить против, сперва нужно стать карликом, чтобы потом из карлика снова превратиться в великана. Занимаясь на посту министра здравоохранения гормональны-

ми изменениями, могу сказать одно: карлик карликом и останется, дорогая СДПГ!).

Интертекстуальные средства используются и при критике «Зеленых». К примеру, М. Блуме прибегает к парафразу названия эко-движения Ende Gelände (На этом всё), участники которого выступают против использования атомной энергии и угля и ежегодно проводят акции протеста, привлекая внимание к климатическим проблемам: *... wer ein Land regieren will, der muss Kondition mitbringen. Die Grünen waren schon um etwa 11:40 fertig.* ***Ende im Gelände!*** *Sie hatten nichts mehr zu sagen. Okay, wir müssen mit dem Rad nach Hause fahren, das dauert* (… кто хочет управлять страной, тот должен быть в состоянии это делать. Зеленые закончили уже примерно в 11:40. На этом все! Им больше нечего было сказать. Хорошо, мы должны ехать домой на велосипеде, это займет время).

В Баварии «Зеленые» являются для ХСС серьезным конкурентом, что осенью 2018 года показали выборы в ландтаг. Претензии «Зеленых» на доминирование в Баварии нашли отражение в высказывании их председателя Р. Хабека, обращающегося к политической цветовой символике. А. Шойер цитирует Р. Хабека и убеждает слушателей, что доминированию «Зеленых» в Баварии не бывать: *Robert Habeck sagte doch tatsächlich* ***„grün ist das neue blau-weiß****“. Liebe Freunde, unser Himmel in Bayern, der ist weiß-blau und soweit wir hier zusammen sitzen, er wird niemals grün sein, liebe Freunde!* (Роберт Хабек в самом деле сказал: «зеленый — это новый бело-голубой». Дорогие друзья, наше небо в Баварии бело-голубое, и пока мы все вместе здесь, оно никогда не станет зеленым!).

В преддверии выборов в ландтаг прозвучала критика и в адрес второй партии-конкурента ХСС. Отвечая на заявление председателя «Свободных избирателей» Х. Айвангера, что его партия готова играть заметную роль в правительстве Баварии, М. Блуме обвиняет ее в том, что она раньше вела себя в ландтаге пассивно, а потому ХСС не желает с ней сотрудничать: *Lieber Markus Söder, der Kollege Aiwanger hat doch tatsächlich heute am Aschermittwoch gesagt,* ***er könnte sich sehr gut eine größere Rolle in der Staatsregierung, die von dir geführt wird, vorstellen****. Ich bin mir sicher, dass du dir das nicht vorstellen kannst, aber ich kann es auch nicht verstehen, denn wer sich im Landtag seit neun Jahren ständig enthält, der kann sich auch bei der Regierung in Zukunft enthalten, liebe Freunde, so jemanden brauchen wir nicht in einer bayerischen Staatsregierung* (Дорогой Маркус Зёдер, коллега Айвангер сегодня сказал на «пепельной среде», что мог бы представить себе более значительную роль в возглавляемом тобой ландтаге. Я уверен, ты этого себе не представляешь, но и я не могу этого понять, так как тот, кто в течение девяти лет постоянно воздерживается

в ландтаге, может в будущем также воздерживаться и в правительстве. Дорогие друзья, в правительстве Баварии такие люди не нужны).

Критикуя партию «Альтернатива для Германии» (АдГ, нем. *Alternative für Deutschland, AfD*), М. Блуме цитирует ее лозунг «Защитим Германию», изображенный на бочках с пивом, которым партия угощала гостей своей «пепельной среды», и говорит, что защищать Баварию надо как раз от нее: *Und die AfD hat auch heute tatsächlich Bierfässer verteilt, auf denen steht „**Bayern schützen**“. Liebe Freunde, es geht nicht darum, dass Bayern von der AfD geschützt wird, nein, liebe Freunde, wir müssen Bayern vor der AfD schützen* (АдГ сегодня действительно раздавала бочки с пивом, на которых было написано «Защитим Баварию». Дорогие друзья, не АдГ защищает Баварию, нет, дорогие друзья. Это мы должны защитить Баварию от АдГ).

Вторая основная интенция — опора на авторитетное мнение и подчеркивание внутрипартийной преемственности ХСС. С этой целью ораторы цитируют Ф. Й. Штрауса, а также непрямым способом — других бывших председателей ХСС Т. Вайгеля (1988—1999) и Э. Штойбера (1999—2007) [Шуберт, 2013, с. 654]. М. Зёдер, например, признает, что партия допустила ошибку, позволив избирателям с более правыми взглядами, чем ХСС, перейти к АдГ: *Es war ein grundlegender Fehler, auf Franz Josef Strauß nicht gehört zu haben. Der Satz von ihm, **rechts neben uns darf keine demokratisch legitimierte Partei sein.** Der ist nicht ein langweiliger Satz aus der Klamottenkiste der Geschichte, sondern es ist ein Leitmotiv, das bis heute gilt, liebe Freunde* (Не слушать Ф. Й. Штрауса было серьезной ошибкой. Его тезис о том, что справа от нас не должно быть ни одной демократически легитимной партии, не какой-то докучный тезис, поднятый из закромов истории, это лейтмотив, который остается актуальным и сегодня, дорогие друзья).

М. Блуме, объясняя секрет процветания Баварии под руководством ХСС, также цитирует известное выражение Ф. Й. Штрауса, согласно которому быть консерватором означает идти во главе прогресса: *Das ist das Geheimnis der Erfolgsgeschichte über sechs Jahrzehnte der CSU in diesem Freistaat. Und zwar im besten Sinne von Franz Josef Strauß, **konservativ sein — heißt an der Spitze des Fortschritts marschieren*** (В этом кроется секрет шестидесятилетней истории успеха ХСС в Баварии. А именно — в лучшем смысле слов Франца Йозефа Штрауса: «Быть консервативным — значит быть во главе прогресса»).

Третья интенция — акцентирование оппозиции «Бавария vs. остальная Германия». Все три выступления содержат интер-

текстуальные средства, подчеркивающие данную оппозицию, что, вероятно, было продуманным риторическим ходом. Так, А. Шойер и М. Блуме заканчивают свою речь первой строчкой (и названием) гимна Баварии *Gott mit dir, du Land der Bayern*! (Господь с тобой, баварская земля!). Предпоследнее предложение речи М. Зёдера звучит следующим образом: *Ich bin der Markus, do bin i daham und do will i auch bleiben, liebe Freunde*! (Я Маркус, здесь мой дом, и здесь я хочу остаться, дорогие друзья!). Первая часть *Ich bin der Markus, do bin i daham* представляет собой парафраз цитаты *Ich bin der X und hier bin ich daheim* из серии роликов, время от времени транслируемых баварским телеканалом BR3 в перерывах между передачами [Da bin ich daheim]. В этих роликах жители Баварии, в том числе северные немцы и иностранцы, коротко представляются и завершают речь упомянутой выше фразой.

Предложение М. Зёдера интересно еще и тем, что содержит диалектизмы, усиливающие региональную специфику: *do bin i daham* на литературном немецком должно звучать как *da bin ich daheim*, *do will i auch bleiben* — как *da will ich auch bleiben.* Частое вкрапление диалектизмов в целом характерно для выступлений М. Зёдера на «пепельных средах», это говорит о том, что его целевая аудитория — в первую очередь, баварцы.

Кроме того, М. Зёдер прибегает к парафразу известной цитаты и названия романа Э. Малпасса «В семь утра мир еще в порядке» (*Morgens um sieben ist die Welt noch in Ordnung*). Политик подчеркивает, что в отличие от Германии, переживающей политический кризис, Бавария не испытывает таких трудностей: *Bayern ist aber in der Tat anders als der Bund.* ***Bei uns ist die Welt —*** *des darf man schon sagen* ***— noch in Ordnung*** (Бавария действительно отличается от Германии на федеральном уровне. У нас — и это действительно можно сказать — мир еще в полном порядке).

В выступлении М. Зёдера встречается еще одна интенция — указание на понимание проблем народа и интерес к его потребностям и запросам, которая вербализуется посредством цитирования диалогической речи, причем трижды. В двух примерах М. Зедер пересказывает свои разговоры с простым населением (дамой предпенсионного возраста и охранником штаб-квартиры СДПГ), в одном приводит ответ на часто задаваемый ему вопрос без указания на авторство.

Отсутствие данной интенции в выступлениях М. Блуме и А. Шойера можно объяснить тем, что на момент выступления М. Зёдер был кандидатом на пост премьер-министра Баварии, а потому для него было важно привлечь на свою сторону избирателей.

6. Заключение

«Политическая пепельная среда» представляет собой особый феномен политического дискурса Германии. Хотя это мероприятие носит скорее неформальный характер и проводится партиями всего лишь раз в год, оно позволяет вскрыть и вынести на обсуждение насущные проблемы политической жизни Германии и дает богатый материал для лингвистического анализа, в частности, для изучения интертекстуальности, присущей «пепельной среде».

Анализ выступлений лидеров ХСС М. Зёдера, А. Шойера и М. Блуме позволил выявить их основные интенции и рассмотреть использованные интертекстуальные средства. Преобладающая интенция — атака на политических оппонентов (членов других партий) в основном реализуется с помощью цитирования высказываний представителей этих партий и последующего опровержения или высмеивания цитируемых утверждений. Также для выражения этой интенции приводятся лозунги АдГ и парафраз названия эко-движения Ende Gelände.

Цитирование речей предыдущих лидеров ХСС: Ф.Й. Штрауса, Э. Штойбера и Т. Вайгеля — ораторы, наоборот, использовали для подтверждения своей правоты с опорой на авторитетное мнение.

Третья интенция — подчеркивание оппозиции «Бавария — остальная Германия» — реализуется с помощью интертекстуальных средств с регионально-культурной спецификой. М. Блуме и А. Шойер цитировали первую строчку баварского гимна, М. Зёдер прибегнул к парафразу из телевизионного ролика, транслируемого местным телевидением, а также к парафразу строчки из англоязычного романа.

В выступлении М. Зёдера, вступившего в предвыборную гонку за пост премьер-министра Баварии, была отмечена четвертая интенция — подчеркивание контакта с электоратом и интереса к его потребностям, которую он реализовал с помощью пересказа своих диалогов с рядовыми гражданами Баварии.

Естественно, что анализ выступлений в рамках одной «пепельной среды» одной партии дает весьма ограниченный материал, который, однако, показывает наличие определенных связей между интенцией и интертекстом. Привлечение более обширного материала обогатит исследования в данной области и будет представлять интерес как для лингвистов, так и для политологов.

Источники

1. *Politischer* Aschermittwoch CSU 2018 [Electronic Resource]. — 2018. — Access mode : https://www.youtube.com/watch?v=7mSYWNo-OJ4.

2. *Da bin* ich daheim [Electronic Resource]. — 2020. — Access mode : https://www.br.de/br-fernsehen/sendungen/da-bin-ich-daheim/a-z-liste-idents100.html.

Литература

1. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1990. — 543 с.

2. *Беляков М. В.* Интерпретация интертекста в политическом дискурсе / М. В. Беляков // Вестник МГИМО-Университета. — 2009. — № 6 (9). — С. 139—143.

3. *Левенкова Е. Р.* Интертекст как средство реализации агональной стратегии в политическом дискурсе Великобритании / Е. Р. Левенкова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. — 2011а. — № 20 (235). — С. 105—111.

4. *Левенкова Е. Р.* Интертекст как средство реализации информационной стратегии в институциональном политическом дискурсе Великобритании / Е. Р. Левенкова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — Киров : Издательство ВятГГУ. — 2011б. — № 2 (2). — С. 56—61.

5. *Маркина Л. Г.* Культура Германии : лингвострановедческий словарь / Л. Г. Маркина, Е. Н. Муравлёва, Н. В. Муравлёва. — Москва : АСТ : Астрель: Хранитель, 2006. — 1181 с.

6. *Минаева Л. В.* Об интертекстуальности и гипертекстуальности политического дискурса / Л. В. Минаева // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). — 2014. — № 2. — С. 15—30.

7. *Москвин В. П.* Методы и приемы лингвистического анализа : монография / В. П. Москвин. — Москва : ФЛИНТА, 2015а. — 224 с.

8. *Москвин В. П.* Методика интертекстуального анализа / В. П. Москвин // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. — 2015б. — № 3. — С. 116—121.

9. *Попова Е. А.* Интертекстуальность как средство воздействия в политическом дискурсе (на материале англоязычных текстов о политической карьере А. Шварценеггера) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.02 / Е. А. Попова. — Самара, 2007. — 220 с.

10. *Рыбачук К. Ю.* Типология интертекстуальных включений в современном политическом дискурсе Великобритании и США / К. Ю. Рыбачук // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2016. — № 11 (65) : в 3-х ч. Ч. 3. — С. 164—167.

11. *Рыбачук К. Ю.* Интертекстуальность современного публичного выступления на английском языке : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.04 / К. Ю. Рыбачук. — Санкт-Петербург, 2019. — 247 с.

12. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика : учебное пособие / А. П. Чудинов. — Москва : ФЛИНТА, 2006. — 254 с.

13. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Е. И. Шейгал. — Волгоград, 2000. — 440 с.

14. *Шуберт К.* Политлексикон : понятия, факты, взаимосвязи: на основе на основе нем. справ. Schubert/Klein. Das Politiklexikon / К. Шуберт, М. Кляйн, В. П. Любин, С. В. Патрушев, Л. Е. Филлипова. — Москва : Российская политическая энциклопедия, 2013. — 783 с.

15. *Wasner B*. Politischer Aschermittwoch [Electronic resource] / B. Wasner, publiziert am 20.03.2013 ; in : Historisches Lexikon Bayerns. — Access mode: https://www.historisches-lexikon-bayerns.de/Lexikon/Politischer_Asc Istochniki.

Intertextuality of Political Discourse in Germany (on the Example of "Political Ash Wedfnesday")

© **Maria A. Elizarieva (2020),** orcid.org/0000-0003-1340-8382, PhD in Philology, senior lecturer, Federal state autonomous institution of higher education "Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation" (Moscow, Russia), marycreek@mail.ru.
© **Marina A. Chigasheva (2020),** orcid.org/0000-0003-1423-5479, PhD in Philology, associate professor, Head of the Department of German Language, Federal state autonomous institution of higher education "Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation" (Moscow, Russia), mchigasheva@mail.ru.
© **Boris Blahak (2020), orcid.org/0000-0003-1939-2190,** PhD, research assistant, Department of Slavic and Germanic Studies, University of West Bohemia in Plzen (Pilsen, Czech Republic), bblahak@kgs.zcu.cz.
© **Maria Yu. Mikhina (2020),** orcid.org/0000-0003-4683-1881, student, Federal state autonomous institution of higher education "Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation" (Moscow, Russia), mikhina.mm@yandex.ru.

The article is devoted to the role of intertext in public speeches of politicians of the Christian Social Union in Bavaria within the framework of the "political ash Wednesday". On the example of the speeches of M. Söder, A. Scheuer and M. Blume in 2018, the relationship between the type of intertext and its pretext, on the one hand, and the speaker's intention, on the other, was analyzed. As a result of the analysis of 23 intertextual inclusions, four intentions were revealed, among which (48 %) criticism of political opponents (SDPG, "The Greens", AfD, "Free Voters") prevails. Quotes from representatives of these parties, political slogans, a paraphrase of the name of the eco-movement and a quote from an artist are used to express it. As the intertextual analysis showed, to verbalize the second intention (appeal to authoritative opinion and emphasize the continuity of the party course), the former chairman of the CSU F. J. Strauss is cited, while the third intention (opposing Bavaria to the rest of Germany) is implemented using a quote from the Bavarian anthem, a paraphrase of a television commercial and quotations from a literary work. In addition, the authors found that the fourth intention (emphasizing the dialogic nature of communication with ordinary people) is found only in M. Söder's speech in the form of a retelling of his dialogues with ordinary citizens.

Key words: intertextuality; political discourse; intertext; political ash Wednesday; Bavaria; Christian Social Union in Bavaria.

Material resources

Da bin ich daheim. 2020. Available at: https://www.br.de/br-fernsehen/sendungen/da-bin-ich-daheim/a-z-liste-idents100.html. (In Germ.).

Politischer Aschermittwoch CSU 2018. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=7mSYWNo-OJ4. (In Germ.).

References

Bahtin, M. M. (1990). *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kultura Srednevekovya i Renessansa.* Moskva: Hudozhestvennaya literatura. (In Russ.).

Belyakov, M. V. (2009). Interpretatsiya interteksta v politicheskom diskurse. *Vestnik MGIMO-Universiteta, 6 (9):* 139—143. (In Russ.).

Chudinov, A. P. (2006). *Politicheskaya lingvistika: uchebnoye posobiye.* Moskva: FLINTA. (In Russ.).

Levenkova, E. R. (2011a). Intertekst kak sredstvo realizatsii agonalnoy strategii v politicheskom diskurse Velikobritanii. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedeniye, 20 (235):* 105—111. (In Russ.).

Levenkova, E. R. (2011b). Intertekst kak sredstvo realizatsii informatsionnoy strategii v institutsionalnom politicheskom diskurse Velikobritanii. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta, 2 (2).* Kirov: Izdatelstvo VyatGGU. 56—61. (In Russ.).

Markina, L. G., Muravlyova, E. N., Muravlyova, N. V. (2006). *Kultura Germanii: lingvostranovedcheskiy slovar'.* Moskva: AST: Astrel': Hranitel'. (In Russ.).

Minayeva, L. V. (2014). Ob intertekstualnosti i gipertekstualnosti politicheskogo diskursa. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravleniye (gosudarstvo i obshchestvo), 2:* 15—30. (In Russ.).

Moskvin, V. P. (2015a). *Metody i priyemy lingvisticheskogo analiza: monografiya*. Moskva: FLINTA. (In Russ.).

Moskvin, V. P. (2015b). Metodika intertekstualnogo analiza. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskiye nauki, 3:* 116—121. (In Russ.).

Popova, E. A. (2007). *Intertekstualnost' kak sredstvo vozdeystviya v politicheskom diskurse (na materiale angloyazychnykh tekstov o politicheskoy karyere A. Shvarceneggera): dissertatsiya ... kandidata filologicheskih nauk.* Samara. (In Russ.).

Rybachuk, K. Ju. (2016). Tipologiya intertekstualnykh vklyucheniy v sovremennom politicheskom diskurse Velikobritanii i SShA. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki.* Tambov: Gramota, 11 (65) / 3: 164—167. (In Russ.).

Rybachuk, K. Ju. (2019). *Intertekstualnost' sovremennogo publichnogo vystupleniya na angliyskom yazyke: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk.* Sankt-Peterburg. (In Russ.).

Shejgal, E. I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa: dissertatsiya ... doktora filologicheskikh nauk.* Volgograd. (In Russ.).

Shubert, K., Klyayn, M., Lyubin, V. P., Patrushev, S. V., Fillipova, L. E. (2013). *Politleksikon: ponyatiya, fakty, vzaimosvyazi: na osnove nem. sprav. Schubert / Klein. Das Politiklexikon.* Moskva: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. (In Russ.).

Wasner, B. Politischer Aschermittwoch. publiziert am 20.03.2013. In: *Historisches Lexikon Bayerns.* Available at: https://www.historisches-lexikon-bayerns.de/Lexikon/Politischer_Asc Istochniki. (In Germ.).

Иоанесян Е. Р. Симптоматическая лексика со встроенной эмоцией / Е. Р. Иоанесян // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 91—104. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-91-104.

Ioanesyan, E. R. (2020). Symptomatic Vocabulary with Built-in Emotion. *Nauchnyi dialog, 7:* 91-104. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-91-104. (In Russ.).

УДК 81’37
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-91-104

Симптоматическая лексика со встроенной эмоцией[1]

© Иоанесян Евгения Рафаэлевна (2020), orcid.org/0000-0002-4950-6315, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языкознания Российской академии наук — РАН (Москва, Россия), ioanevg@mail.ru.

В статье предлагается анализ симптоматической лексики — единиц, обозначающих реакцию человека на определенную эмоцию или состояние человека, находящегося во власти эмоции. Рассматриваются два класса симптоматических единиц: (1) единицы, описывающие неконтролируемые физиологические реакции человека на эмоцию, например, *краснеть от смущения*, *удовольствия*; (2) единицы, описывающие психические признаки, свидетельствующие об изменении нормального поведения человека под действием сильной эмоции, например, *сходить с ума от страха*, *от ревности*. Основное внимание уделяется подклассу симптоматической лексики — симптоматическим единицам со встроенной эмоцией. Особенность этих единиц заключается в том, что они отражают концептуализацию эмоции через симптом, который соотносится с этой эмоцией в картине мира конкретного языка. Например, глагол *краснеть* в метафорическом употреблении обозначает чувство стыда (*краснеть за свои поступки*, *за своего сына*); французское существительное *stupeur* ‘ступор, оцепенение’ выступает как единица со встроенной эмоцией, обозначая сильное удивление. Актуальность исследования определяется тем, что анализ симптоматических выражений, особенно симптоматической лексики со встроенной эмоцией, позволяет выявить различия концептуализации эмоций в разных языках.

Ключевые слова: семантика; предикаты эмоционального состояния и эмоционального отношения; симптоматическая лексика; метафора; языковая картина мира.

I. Вводные замечания

Данная публикация посвящена одному из аспектов функционирования симптоматической лексики — языковых единиц, описывающих реакцию, сопровождающую эмоцию человека, вызванную каким-л. событием, или состояние человека, испытывающего определенную эмоцию. Симптом — это «телесные или психические признаки, свидетельствующие об изменении обычного или нормального функционирования организма» [ПСС].

1 Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 18-012-00736а) в Институте языкознания РАН.

Целью нашей статьи является анализ симптоматической лексики со встроенной эмоцией. Прежде чем дать определение этого понятия, необходимо остановиться на некоторых важных моментах.

II. Основные классы симптоматических выражений[1]

По разным параметрам симптоматическая лексика разбивается на разные классы:

1. Телесные / психические признаки проявления эмоций.

По этому параметру выделяются, соответственно, классы А и Б:

Класс А — симптоматические единицы, обозначающие неконтролируемые физиологические реакции человека на какую-либо эмоцию или состояние человека, находящегося во власти этой эмоции, например, *онеметь от страха*, *красный от смущения* (см. ниже раздел III).

Класс Б — симптоматические единицы, обозначающие психические признаки, свидетельствующие об изменении поведения человека под действием сильной эмоции: *сходить с ума от беспокойства* (см. ниже раздел IV).

2. Метафоричность.

По этому параметру симптоматические единицы указанных выше классов А и Б делятся, в свою очередь, на два подкласса — подклассы 1 и 2.

Подкласс 1 — выражения, фиксирующие «физиологическую, непосредственно наблюдаемую реакцию человека» на эмоцию [Апресян, 1995, с. 459], например: *красный от смущения*, *покраснеть от стыда*.

Подкласс 2 — метафорические выражения, отражающие не реальные внешние проявления эмоционального состояния человека (в отличие от «неметафорических» единиц предыдущего подкласса 1), а концептуализацию эмоции в языке, например: *кипеть от ярости*, *волосы встают дыбом от страха*, франц. *être malade d'inquiétude* — ‘сильно беспокоиться’ (букв. ‘быть больным от беспокойства’) и т. п.[2]

3. Симптоматические единицы, обозначающие реакцию или состояние человека, испытывающего эмоцию / симптоматические единицы, обозначающие саму эмоцию.

По этому параметру в симптоматической лексике выделяется особый класс — симптоматические единицы со встроенной эмоцией, «метафорическое выражение, которое само по себе, даже в отсутствие названия эмо-

1 Следует оговорить, что симптоматические жесты (см. [Крейдлин, 2002]) мы в рамках этой статьи не рассматривали.

2 Разграничение симптоматических выражений по параметру идиоматичности является, несомненно, важным. Однако в статье мы не будем уточнять, о каком классе идет речь, если наши рассуждения будут релевантными для единиц обоих классов.

ции, способно ее обозначать» [Апресян, 1995, с. 462]. В качестве примера указанного противопоставления в классе симптоматических единиц приведем глагол *краснеть*, выступающий в двух функциях:

(1) Глагол является симптоматической единицей, описывающей физиологическую реакцию человека на эмоцию — *краснеть от стыда*, *от смущения*, *от удовольствия*.

(2) В метафорическом употреблении глагол является симптоматической единицей со встроенной эмоцией, обозначая чувство стыда (см. [Апресян, 1997, с. 420]), например: <…> *по крайней мере, хоть некоторые глупости не становятся видными и не приходится* ***краснеть за них*** (Андрей Битов. Жизнь в ветреную погоду, 1963—1964) [НКРЯ], ‘по крайней мере, хоть некоторые глупости не становятся видными и не приходится **стыдиться за них**’. В подобных случаях имеет место концептуализация эмоции «через один из возможных симптомов, который приписывается этому состоянию в обыденном сознании носителя данного языка» [Баранов и др., 2008, с. 135].

В подклассе метафорических симптоматических выражений также выделяются единицы со встроенной эмоцией. См. в работе А. Д. Козеренко о существовании идиом двух видов: (1) идиомы, которые служат для описания способов проявления разных эмоций, например, «идиома *дух захватило / перехватило* может описывать такие разные эмоции, как радость, изумление, гордость, страх или обиду» [Козеренко, 2017]; (2) идиомы, описывающие «одну конкретную эмоцию (так, *уши* обычно *горят* от стыда, *волосы встают дыбом* от страха или ужаса)» [Там же]. Идиомы второй группы в нашей классификации относятся к симптоматическим выражениям со встроенной эмоцией.

Именно симптоматические выражения со встроенной эмоцией и являются предметом нашего рассмотрения. Этот пласт лексики представляет большой интерес, поскольку в нем ярко проявляются различия, присущие концептуализации эмоций в разных языках.

III. Класс А. Симптоматические единицы, описывающие неконтролируемые физиологические реакции человека на эмоцию или состояние человека, находящегося во власти этой эмоции

Приведем примеры единиц данного класса, которые в метафорическом употреблении используются для обозначения какой-л. эмоции, то есть в функции симптоматической единицы со встроенной эмоцией.

1. Французский глагол *asphyxier* — ‘вызывать удушье’: «вызывать удушье; *ce gaz asphyxie* — этот газ вызывает удушье, это удушающий газ;

il a été asphyxié par la fumée — он задохнулся от дыма» [ГТ], «Provoquer, entraîner l'asphyxie» [TR], 'провоцировать, вызывать удушье'. В разговорной речи глагол употребляется в значении 'поразить, ошарашить', иными словами, выступает как симптоматический предикат со встроенной эмоцией, обозначая сильное удивление: *Ça alors! Ce que vous m'apprenez là, m'asphyxié complètement* [ГрГр, с. 34], 'Надо же! То, что вы сказали, просто ошарашило меня'; «Surprendre par un récit passionnant qui arrête la respiration de l'auditoire» [TR], 'поразить захватывающим рассказом, от которого у слушателей перехватывает дыхание'.

2. Семантический переход 'испытывать затруднение в дыхании' → 'ошарашить, поразить' представлен в историческом развитии другого французского глагола — глагола *époustoufler*: «mot dial., de l'a. fr. *s'esposser* «s'essouffler» <… > Fam. Jeter (qqn) dans l'étonnement, la surprise» [PR, p. 605], 'диалект., от старофранц. *s'esposser*, имевшего значение 's'essouffler'[1]. <…> фам. 'повергнуть в удивление'; «Jeter quelqu'un dans un grand étonnement à en faire perdre haleine» [TR], 'так сильно удивить, что человек начинает задыхаться'; «*on est époustouflé de sa réussite*» [LFV], 'Все были поражены его успехом'.

3. Французский глагол *haleter* имеет значение 'прерывисто <тяжело> дышать, задыхаться': «Respirer avec gêne à un rythme anormalement précipité; être à bout de souffle. V. *Essouffler* (s'), *souffler*. *Haleter après une course*» [PR, p. 823], 'дышать с трудом, анормально часто, с трудом переводя дух. См. *Essouffler* (*s'*), *souffler*. Задыхаться после пробежки'. Глагол также используется для обозначения пребывания человека в сильном эмоциональном состоянии, например, «*haleter d'émotion*» [Там же], 'задыхаться от волнения'. Кроме того, *haleter* выступает в роли симптоматической единицы со встроенной эмоцией, обозначая некоторое сложное состояние, в котором сочетается тревога и любопытство: «sent. anxiété: *On halète dans l'attente de la fin du film*» [LFV], 'чувство беспокойства: Присутствующие с трепетом ждали окончания фильма'.

Любопытно, что глагол *haleter* употреблялся также как глагол с другим «встроенным» компонентом, обозначая сильное желание: «Vieilli. *Haleter après, vers*. Aspirer vivement à» [TR], 'устар. *Haleter après, vers* — чего-то очень желать'; «Fig. Soupirer pour, être désireux de. • *Haletant vers le gain, les honneurs, la richesse*, A. CHÉN. Élég. 33» [EL], 'перен. вздыхать о чем-л., желать чего-л. Мечтая о победе, почестях, богатстве'. Ср. русский симптоматический глагол *вздыхать*, например, *вздыхать от огорчения*, который

1 *S'essouffler* — 'запыхаться', т.е. испытывать затруднения в дыхании.

выступает также в роли симптоматической единицы со встроенной эмоцией со значениями ‘быть влюблённым в кого либо, питать нежные чувства по отношению к кому-либо’ и ‘тосковать, горевать, грустить о ком-либо, чем-либо’ [Ефр; ОЖ].

4. Французское прилагательное *malade* — ‘больной’, как и ит. *malato*, англ. *ill* и *sick*, нем. *krank*, «уподобляют» состояние субъекта эмоции состоянию человека, испытывающего неприятные физиологические ощущения, слабость и т. п. Указанные прилагательные выступают в функции Magn при словах, обозначающих негативные эмоциональные состояния[1]. Например, *malade*: «*être malade d’inquiétude*» [PR, p. 1029], ‘очень сильно беспокоиться’, букв. ‘быть больным от беспокойства’. Французское прилагательное *malade* имеет также значение симптоматической единицы со встроенной эмоцией — без эксплицитного указания на то, о какой эмоции идет речь, оно обозначает беспокойство или досаду человека: «*cela me rend malade rien que d’y penser*: j’en suis contrarié» [Там же], ‘одна только мысль об этом вызывает у меня раздражение’; «anxiété» [DDC], ‘беспокойство’. Выражение *j’en suis malade*[2] означает ‘это меня мучает < не даёт мне покоя’ [ГТ].

Аналогичное употребление отмечено у производного от *malade* существительного *maladie* — ‘болезнь’: *en faire une maladie* — ‘испытать недовольство’: «*en faire une maladie* fam. очень расстраиваться, убиваться» [ГрГр, с. 354]; «*En faire une maladie*, être très contrarié de qch. [DFC, p. 717], ‘En faire une maladie, быть очень недовольным чем-то’; «*Si elle n’était pas invitée, elle pourrait en faire une maladie* = éprouver une grande déception, une contrariété extrême» [DFV, p. 740], ‘Если бы ее не пригласили, она была бы страшно расстроена = испытала большое разочарование, недовольство’.

Интересно, что французское существительное *jaunisse* — ‘желтуха’ (название болезни) выступает в такой же конструкции, что и слово *maladie*, и с тем же значением: «*il va en faire une jaunisse* — он будет страшно досадовать, он лопнет с досады» [ГТ]; «*En faire une jaunisse*: éprouver un violent dépit de (qqch.). (cf. *En faire une maladie*)» [PR, p. 945], ‘*En faire une jaunisse*: испытывать сильную досаду по какому-л. поводу (см. *En faire une maladie*)’.

Еще один пример использования существительного *maladie* в функции симптоматической единицы со встроенной эмоцией представлен контек-

1 См. [Иоанесян, 2019]. Лексическая функция Magn в модели «Смысл ↔Текст» обозначает интенсивность ситуации или ее актантов [Мельчук, 1974, с. 89].

2 Местоимение *en* во французском языке в одном из своих употреблений заменяет пропозицию, обозначающую причину состояния человека, например: «Ma démarche a nui à mon ami: j’**en** suis malade» [DFV, p. 740], ‘мой поступок навредил моему другу: я **этим** огорчен’.

стами вида *maladie de la musique*, *de collectionner les papillons*, *de changer d'appartement chaque année* [DCF I, p. 125], 'страстное увлечение музыкой, мания коллекционировать бабочек, менять каждый год квартиру'. В подобных случаях слово *maladie* обозначает страсть, манию, почти болезненное пристрастие: «Manie, obsession, goût immodéré (pour quelque chose)» [TR], 'мания, одержимость, чрезмерное пристрастие (к чему-н.)'.

Такое же значение в словаре [DCF I, p. 122] отмечено и у прилагательного *malade*: «*X est malade de Y* = Personne X s'intéresse à Y à un degré excessif tel que X ne paraît pas fonctionner tout à fait normalement. Syn. *passionné*, *obsédé*, *fou*», ≈ '*X est malade de Y* = человек X интересуется У-ом в такой сильной степени, что создается впечатление, что X находится не совсем в нормальном состоянии. Синонимы: *passionné*, *obsédé*, *fou*'.

6. Итальянский глагол *svenire* имеет значение 'терять сознание, лишаться чувств', «Perdere i sensi, venire meno: s*venire per la fame, per la debolezza, per il dolore*» [GDH] — 'падать в обморок, терять сознание: терять сознание от голода, от слабости, от боли'. Глагол используется также как симптоматическая единица со встроенной эмоцией: «In senso fig., *far s*., *sentirsi s*., produrre o provare una forte sensazione di noia o impazienza e irritazione» [VT], 'В переносном значении *far s*., *sentirsi s*. — вызывать или испытывать сильное чувство скуки или нетерпения и раздражения'.

7. Французский глагол (*se*) *pâmer* — 'терять сознание', близкий по значению к итальянскому глаголу *svenire*, является симптоматической единицей, выступая в функции Magn при словах, обозначающих эмоции: «*se pâmer de joie* (*d'admiration*) — млеть <таять> от радости (от восторга)» [ГТ]. Глагол является также предикатом со встроенной эмоцией восхищения: «Se laisser aller au transport de la joie, de l'admiration.*»* [AD 1935], ≈ 'давать волю чувствам радости, восторга'. Приведем один пример из художественной литературы: *Bravo, petite, voilà six ans que la moitié des hommes de Paris se pâme devant cette négresse!* (Maupassant, Guy de / Fort comme la mort). — Браво, детка! Вот уже шесть лет, как половина парижских мужчин без ума от этой негритянки! [ABBYY].

8. Русский глагол *сохнуть* относится к классу симптоматической лексики: «Становиться чахлым, болезненно худеть (прост.). *С. от тоски*» [ОЖ, с. 778]; *Ее соперница сохнет от зависти, ворчит на ее незнание, порочит ее вкус* (И. А. Крылов (?). Модные торговки, 1789) [НКРЯ]. *Сохнуть* выступает и как симптоматическая единица со встроенной эмоцией: «По кому или по ком. Страдать от любви к кому-н. (прост.). *Все видят, как она по нему сохнет*» [ОЖ, с. 778].

9. Французский глагол *baver* — ‘выделять слюну’ (*bave* — ‘слюна’): «Laisser couler de la bave par la bouche; jeter de la bave, en sécréter» [TR], букв. ‘давать слюне вытекать изо рта, брызгать слюной, выделять слюну’. В метафорическом употреблении глагол выступает показателем сильного проявления эмоций разных типов: «*Baver de qqc.* Exprimer de manière visible une émotion, un sentiment fort. *Baver d’admiration*, *d’envie*; *baver de concupiscence*» [Там же], букв. ‘*Baver de qqc*. Выражать внешне сильную эмоцию, сильное чувство. Пускать слюни от восхищения, желания, вожделения’. В разговорной речи выражение *en baver de* функционирует как симптоматический предикат со встроенной эмоцией, обозначая сильное удивление (≈ *ошалеть*, *обалдеть*): «Il devait en baver, de me voir sans arrêt dans son rétroviseur (B. Clavel. Victoire au Mans)» [ГрГр, с. 59], ‘Он, наверное, ошалел от того, что все время видел меня в зеркало заднего вида’.

Ср. французский глагол *baver* с русским выражением *исходить слюнями*: «*на что*, *по чему* и без доп. сильно завидовать» [Ел].

10. Французский глагола *suer* — ‘потеть’ используется как симптоматический предикат со встроенной эмоцией в двух вариантах: (1) Выражение *faire suer qn* (букв. ‘заставить вспотеть кого-н.’) означает ‘надоесть, осточертеть кому-н.’ (2) Выражение *se faire suer* (≈ ‘заставить себя вспотеть’) имеет значение ‘скучать’ [ГТ; TR и др.]. Например: *Je me faisais suer dans la maison. Tout le monde semblait s’être volatilisé* (A. Page, Le Temps de mourir). Я изнывал в доме от скуки. Все словно испарились [ABBYY].

11. Английский глагол *to sweat* выступает в значениях ‘потеть’ и ‘волноваться, тревожиться’: «(of a person) be or remain in a state of extreme anxiety, typically for a prolonged period» [OD]. Ср. рус. *обливаться холодным потом* и *вогнать в пот*.

Существуют также единицы, обозначающие реальные физиологические реакции, которые в переносном значении используются только как симптоматические единицы со встроенной эмоцией.

12. Русское существительное *тошнота*, фиксирующее неприятное физическое состояние, выступает как симптоматическая единица со встроенной эмоцией, обозначая отвращение, омерзение. Приведем аналогичные примеры из других языков: (а) лат. *nausea*, *nauseare* — ‘тошнота, позыв на рвоту’ и ‘отвращение’ [ЛРС, с. 663 и др.]; (б) франц. *nausée* — ‘тошнота’ и ‘омерзение, отвращение’ [ГТ; PR, p. 1140 и др.]; (в) *haut-le-coeur* — ‘тошнота’ и ‘отвращение’, «Soulèvement de l’estomac. V. *Nausée.* Par métaph. et fig. *Dégoût, répulsion*» [PR, p. 830], ≈ ‘Тошнота; Синоним — *nausée*. Метафор., перен. отвращение’.

IV. Симптоматические единицы, описывающие психические признаки, свидетельствующие об изменении в поведении под действием сильной эмоции

В этот класс попадают лексические единицы, обозначающие состояние, характеризующееся утратой способности субъекта адекватно воспринимать окружающую действительность и адекватно реагировать на окружающих его людей — поведение и поступки человека как бы выходят из-под контроля его сознания.

1. Прилагательные разных языков, исходное значение которых — ‘сумасшедший’ (франц. *fou*, исп. *loco*, ит. *pazzo*, англ. *mad* и др.), в конструкциях с соответствующими предлогами и лексемой, обозначающей эмоцию, маркируют состояние человека, находящегося под сильным воздействием этой эмоции. Например: «*Fou de jalousie; fou d’amour, de bonheur*» [EL], букв. ‘сумасшедший от ревности, от любви, от счастья’. Прилагательное *fou* является также симптоматической единицей со встроенной эмоцией, обозначая чрезмерный интерес, влечение к кому-л., чему-л. [Иоанесян, 2019]. Ср. рус. *сходить с ума*, функционирующего в таком же значении (см. [БФСРЯ, с. 686]). Кроме того, *сходить с ума* выступает как симптоматическое выражение с другой встроенной эмоцией — эмоцией беспокойства, страха, например, *От Павла давно нет писем, отец с ума сходит*.

Глагол *affoler*, производный от *fou*, в одном из значений выступает как симптоматическая единица со встроенной эмоцией страха: «2 ♦ Rendre fou d’inquiétude, plonger dans l’affolement. V. effrayer» [PR, p. 29], ‘Сводить с ума человека от беспокойства. Син. effrayer[1]’. Пример из художественной литературы: *— Ах, не пугай, не стращай, родная! — прерывает хозяйка* (И. А. Гончаров. Обломов (1848—1859)). — Ne nous faites pas peur, ne nous affolez pas, ma chérie! interrompt la maîtresse de maison [НКРЯ]. Аналогичное значение имеет и прономинальный глагол *s’affoler* — ‘терять голову от страха, ужаса’; «*en voyant le taureau approcher, l’enfant s’affola* — увидев, что бык приближается, ребёнок перепугался» [ГТ].

Производный от *affoler* глагол *raffoler* используется исключительно как симптоматический предикат со встроенной эмоцией (эмоционального отношения), а именно — сильной любви: «быть без ума (от G), восторгаться» [ГТ]; «1762; «être fou» XIVe; de *re-* et *affoler*. Aimer à la folie, avoir un goût très vif pour (qqn, qqch.). V. Adorer. «*Tous ses parents raffolaient d’elle*» (Balzac)» [PR, p. 1449], ‘1762; «быть сумасшедшим», XIV в.; от *re-* и *affoler*. Безумно любить, испытывать сильное пристрастие к кому-л., чему-л. Син. Adorer[2]. Все родные обожали ее (Бальзак)’.

1 *Effrayer* — ‘пугать’.
2 *Adorer* — ‘обожать’.

4. Русский глагол *бредить*. В своем основном значении глагол описывает физиологическое состояние, характеризующееся потерей связи с действительностью, симптомом которого является бессвязная, бессмысленная речь. Глагол выступает также как симптоматическая единица со встроенной эмоцией, в данном случае — эмоциональным отношением, сопровождающимся также постоянными мыслями и разговорами о предмете интереса: «Быть увлеченным кем-либо или чем-либо до самозабвения, постоянно думать и говорить об одном и том же» [Ефр].

5. Английский глагол *to rave* — ‘бредить’, в переносном значении входит в класс симптоматических глаголов со встроенной эмоцией «восторг». При этом, как и в случае с русским глаголом *бредить*, эмоции субъекта выражаются словесно или письменно: «Speak or write about someone or something with great enthusiasm or admiration. *Salthouse had the critics raving about their last album ‘Dream by Day’*» [OD], « to talk or write with extravagant enthusiasm: *She raved about her trip to Europe*» [RHD]. Приведем пример из художественной литературы: *Old Sally didn’t talk much, except to rave about the Lunts, because she was busy rubbering and being charming* (J. D. Salinger. The Catcher in the Rye (1951)). А моя Салли почти не разговаривала, только восторгалась Лантами, ей было некогда: она всем строила глазки, ломалась [НКРЯ].

Глагол *to rave* используется также в роли глагола речи со встроенной эмоцией сильного недовольства или даже гнева: «(*обыкн.* about, of, against) быть в исступлении, неистовствовать, бесноваться; *to rave against one’s fate* — проклинать судьбу; *to rave about /of/ one’s misfortune* — горько сетовать на свои невзгоды; *to rave and storm* — рвать и метать» [НБАРС]; «to talk in an angry and uncontrolled way: *“It’s all your fault!” Melissa raved*» [MD]. Приведем один пример из литературы: *He was quick to observe the change, and in private raved and raged at it* (Conan Doyle, Arthur / The Firm Of Girdlestone). Том немедленно заметил эту перемену и молча бесился и негодовал [ABBYY].

6. Французское существительное *stupeur* означает ‘ступор, оцепенение’[1] и сильное удивление’: «lat. *stupor.* État d’inertie et d’insensibilité profondes lié à un engourdissement général <…> Étonnement profond» [PR, p. 1699], ‘от лат. *stupor.* Состояние сильной вялости и нечувствительности, связанное с общим оцепенением <…> Сильное удивление’.

1 Оцепенение, ступор — это полная обездвиженность с мутизмом и ослабленными реакциями на раздражение.

V. Заключение

Итак, предметом нашего изучения была симптоматическая лексика, обозначающая реакцию человека на определенную эмоцию или состояние человека, находящегося во власти какой-л. эмоции. Мы представили два основных класса симптоматической лексики:

(1) симптоматические единицы, обозначающие неконтролируемые физиологические реакции человека на эмоцию, например, *покраснеть от стыда*, *побледнеть от страха* и т. п.;

(2) симптоматические единицы, обозначающие психические признаки, свидетельствующие об изменении обычного или нормального поведения человека под действием сильной эмоции, например, *сходить с ума от страха*, *от радости* и т. п.

В центре нашего внимания был особый класс симптоматической лексики — класс симптоматических единиц со встроенной эмоцией. Особенность этих единиц состоит в том, что они отражают концептуализацию эмоции через симптом, который соотносится с этой эмоцией в картине мира конкретного языка, например: французский глагол *pâmer* (*se*) ‘терять сознание’ выступает как предикат со встроенной эмоцией восхищения. Причем в основе подобной концептуализации могут лежать не реальные симптомы, а «как бы-симптомы» (см. [Баранов и др., 2008, с. 134—135]).

Анализ симптоматических выражений, особенно симптоматической лексики со встроенной эмоцией, представляет большой интерес, поскольку показывает различия в концептуализации эмоций в разных языках.

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 18-012-00736a / Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00736а.

Источники и принятые сокращения

1. БФСРЯ — *Большой* фразеологический словарь русского языка : значение, употребление, культурологический комментарий / ответственный редактор В. Н. Телия. — Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. — 784 с.

2. ГрГр — *Гринева Е. Ф.* Словарь разговорной лексики французского языка. (на материале современной художественной литературы и прессы) / Е. Ф. Гринева, Т. Н. Громова. — Москва : Русский язык, 1988. — 640 с.

3. ГТ — *Французско-русский* словарь активного типа / В. Г. Гак, Ж. Триомф, Г. Г. Соколова [и др.]. — Москва : Русский язык, 1998. — 1056 с.

4. Ел — *Елистратов В. С.* Словарь русского арго (материалы 1980—1990 гг.) [Электронный ресурс] / В. С. Елистратов. — Москва : Русские словари, 2000. — 693 с. — Режим доступа : http://gramota.ru/slovari/argo.

5. Ефр — *Ефремова Т. Ф.* Современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] : в 3 томах / Т. Ф. Ефремова. — Москва : АСТ, Астрель, Харвест, Lingua, 2006. — Режим доступа : http://slovari.gramota.ru.

6. ЛРС — *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. — Москва : Русский язык, 1976. — 1096 с.

7. НБАРС — *Новый* большой англо-русский словарь [Электронный ресурс] : в 3 томах / Ю. Д. Апресян и др. — Москва : Русский язык, 1993—1994. — Режим доступа : https://dic.academic.ru/contents.nsf/eng_rus_apresyan.

8. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://ruscorpora.ru/new.

9. ОЖ — *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — Москва : А Темп, 2006. — 896 с.

10. ПСС — *Кондаков И. М.* Психологический словарь [Электронный ресурс] / И. М. Кондаков. — Москва : Фаир-Пресс, 2000. — Режим доступа : http://www.persev.ru/simptom.

11. ABBYY — *ABBYY* Lingvo Live [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.lingvolive.com.

12. AD 1935 — *Dictionnaire* de l'Académie française. [Electronic resource] : La 8e édition (1932—1935). — Access mode : http://french_ academie. fracademic.com.

13. DCF I — *Dictionnaire* explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches léxico-sémantiques I / I. Mel'čuk, N. Arbatchewsky-Jumarie, L. Elnitsky, L. Iordanskaja, A. Lessard. — Montréal (Québec), Canada : Les Presses de l'Université de Montréal, 1984. — 172 p.

14. DDC — *Dictionnaire* des cooccurrences [Electronic resource]. — Access mode : http://www.btb.termiumplus.gc.ca/tpv2guides/guides/cooc/index-fra.html?lang=fra.

15. DFC — *Dictionnaire* du français contemporain illustré / J. Dubois (ed.). — Paris : Librairie Larousse, 1987. — 1263 p.

16. DFV — *Davau M.* Dictionnaire du français vivant / M. Davau, M. Cohen, M. Lallemand. — Paris : Bordas, 1976. — 1345 p.

17. EL — *Littré E.* Dictionnaire de la langue française [Electronic resource] : 5 tomes / E. Littré. — Paris : Hachettes, 1872—1877. — Access mode : http://artflx.uchicago.edu.

18. GDH — *Gabrielli A.* Grande Dizionario Hoepli Italiano [Electronic resource] / A. Gabrielli. — Access mode : http://dizionari.repubblica.it/italiano.

19. LFV — *Dubois J.* Les verbes français [Electronic resource] / J. Dubois, F. Dubois-Charlier. — Access mode : http:/rali.iro.umontreal.ca.

20. MD — *Macmillan* Dictionary [Electronic resource]. — Access mode : http://www.macmillandictionary.com.

21. OD — *Oxford* Dictionary of English [Electronic resource]. — Oxford : Oxford University Press, 2016. — Access mode : https://en.oxforddictionaries.com.

22. PR — *Robert P.* Le Petit Robert: dictionnaire alphabétique & analogique de la langue française / P. Robert, J. Rey-Debov, A. Rey. — Paris : Dictionnaire Le Robert, 1970. — 1967 p.

23. RHD — *Random* House Unabridged Dictionary [Electronic resource]. — 1997. — Access mode : http://dictionary.infoplease.com.

24. TR — *Le Trésor* de la langue française informatisé [Electronic resource]. — Access mode : http://atilf.atilf.fr.

25. VT — *Vocabolario* Treccani. Istituto dell'Enciclopedia Italiana [Electronic resource]. — 2013. — Access mode : http://www.treccani.it/vocabolario.

Литература

1 *Апресян Ю. Д.* Избранные труды / Ю. Д. Апресян. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1995. — Том 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. — 767 с.

2. *Апресян Ю. Д.* Стыдиться, стесняться, смущаться, конфузиться / Ю. Д. Апресян // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1997. — Выпуск 1. — 552 с.

3. *Баранов А. Н.* Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. — Москва : Знак, 2008. — 656 с.

4. *Иоанесян Е. Р.* Симптоматическая лексика в функции Magn» / Е. Р. Иоанесян // Научный диалог. — 2019. — № 2. — С. 34—48. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-34-48.

5. *Козеренко А. Д.* Сильные эмоции: маргинальное поведение во внутренней форме идиом как симптом [Электронный ресурс] / А. Д. Козеренко // Маргиналии-2017: границы культуры и текста : тезисы докладов Международной конференции, 29 сентября — 1 октября 2017 г., г. Торжок. — Москва : 2017. — Режим доступа : http://uni-persona. srcc. msu.su/site/conf/marginalii-2017/thesis.htm.

6. *Крейдлин Г. Е.* Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык / Г. Е. Крейдлин. — Москва : Новое литературное обозрение, 2002. — 592 с.

7. *Мельчук И. А.* Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст» / И. А. Мельчук. — Москва : Наука, 1974. — 315 с.

Symptomatic Vocabulary with Built-in Emotion[1]

© Evgenia R. Ioanesyan (2020), orcid.org/0000-0002-4950-6315, Doctor of Philology, Leading Researcher, Federal State Institution of Science Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), ioanevg@mail.ru.

The analysis of symptomatic vocabulary - units denoting a person's reaction to a certain emotion or the state of a person who is in the grip of emotion is considered in the article. Two classes of symptomatic units are given: (1) units describing the uncontrolled physiological reactions of a person to emotion, for example, *blush with embarrassment, pleasure*; (2) units that describe mental signs that indicate a change in a person's normal behavior under the influence of strong emotion, for example, *to go crazy with fear or jealousy*. The focus is on a subclass of symptomatic vocabulary - symptomatic units with built-in emotion. The peculiarity of these units is that they reflect the conceptualization of emotion through a symptom that correlates with this emotion in the picture of the world of a particular language. For example, the verb *blush* in metaphorical use means a sense of shame (*blush for your actions, for your son*); the French noun *stupeur* stupor, numbness' acts as a unit with built-in emotion, indicating a strong surprise. The relevance of the study is determined by the fact that the analysis of symptomatic expressions, especially symptomatic vocabulary with built-in emotion, allows you to identify differences in the conceptualization of emotions in different languages.

1 The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (grant No. 18-012-00736a) at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

Key words: semantics; predicates of emotional state and emotional attitude; symptomatic vocabulary; metaphor; linguistic picture of the world.

Material resources

ABBYY — *ABBYY Lingvo Live*. Available at: http://www.lingvolive.com.

AD 1935 — *Dictionnaire de l'Académie française*. La 8e édition (1932—1935). Available at: Access mode: http://french_ academie. fracademic.com. (In French).

BFSRYa — Teliya, V. N. (ed.). (2006). *Bolshoy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka: znacheniye, upotrebleniye, kulturologicheskiy kommentariy*. Moskva: AST-PRESS KNIGA. (In Russ.).

DCF I — Mel'čuk, I., Arbatchewsky-Jumarie, N., Elnitsky, L., Iordanskaja, L., Lessard, A. et al. (1984). *Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches léxico-sémantiques I*. Montréal (Québec), Canada: Les Presses de l'Université de Montréal. (In French).

DDC — *Dictionnaire des cooccurrences*. Available at: http://www.btb.termiumplus.gc.ca/tpv2guides/guides/cooc/index-fra.html?lang=fra. (In French).

DFC — Dubois, J. (ed.) (1987). *Dictionnaire du français contemporain illustré*. Paris: Librairie Larousse. (In French).

DFV — Davau, M., Cohen, M., Lallemand, M. (1976). *Dictionnaire du français vivant*. Paris: Bordas. (In French).

Efr — Efremova, T. F. (2006). *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka, 3*. Moskva: AST, Astrel, Kharvest, Lingua. Available at: http://slovari.gramota.ru. (In Russ.).

El — Elistratov, V. S. (2000). *Slovar' russkogo argo (materialy 1980—1990 gg.)*. Moskva: Russkiye slovari. Available at: http://gramota.ru/slovari/argo. (In Russ.).

EL — Littré, E. (1872—1877). *Dictionnaire de la langue française, 5*. Paris: Hachettes. Available at: http://artflx.uchicago.edu. (In French).

GDH — Gabrielli, A. *Grande Dizionario Hoepli Italiano*. Available at: http://dizionari.repubblica.it/italiano. (In Ital.).

GrGr — Grineva, E. F., Gromova, T. N. (1988). *Slovar' razgovornoy leksiki frantsuzskogo yazyka. (na materiale sovremennoy khudozhestvennoy literatury i pressy)*. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.).

GT — Gak, V. G., Triomf, Zh., Sokolova, G. G. et al. (1998). *Frantsuzsko-russkiy slovar' aktivnogo tipa*. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.).

LFV — Dubois, J., Dubois-Charlier, F. *Les verbes français*. Available at: http:/rali.iro.umontreal.ca. (In French).

LRS — Dvoretskiy, I. Kh. (1976*). Latinsko-russkiy slovar'*. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.).

MD — *Macmillan Dictionary*. Available at: http://www.macmillandictionary.com.

NBARS — Apresyan, Yu. D. et al. (1993—1994). *Novyy bolshoy anglo-russkiy slovar', 3*. Moskva: Russkiy yazyk. Available at: https://dic.academic.ru/contents.nsf/eng_rus_apresyan. (In Russ.).

NKRYa — *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*. Available at: http://ruscorpora.ru/new. (In Russ.).

OD — *Oxford Dictionary of English*. (2016). Oxford: Oxford University Press. Available at: https://en.oxforddictionaries.com.

OZh — Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. (2006). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Moskva: A Temp. (In Russ.).
PR — Robert, P., Rey-Debov, J., Rey, A. (1970). *Le Petit Robert: dictionnaire alphabétique & analogique de la langue française*. Paris: Dictionnaire Le Robert. (In French).
PSS — Kondakov, I. M. (2000). *Psikhologicheskiy slovar'*. Moskva: Fair-Press. Available at: http://www.persev.ru/simptom. (In Russ.).
RHD — *Random House Unabridged Dictionary.* (1997). Available at: http://dictionary.infoplease.com.
TR — *Le Trésor de la langue française informatisé*. Available at: http://atilf.atilf.fr. (In French).
VT — *Vocabolario Treccani. Istituto dell'Enciclopedia Italiana*. (2013). Available at: http://www.treccani.it/vocabolario. (In Ital.).

References

Apresyan, Yu. D. (1995). *Izbrannyye trudy, 2. Integralnoye opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya.* Moskva: Shkola «Yazyki russkoy kultury». (In Russ.).
Apresyan, Yu. D. (1997.). Stydit'sya, stesnyat'sya, smushchat'sya, konfuzitsya In: *Novyy ob»yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka, 1.* Moskva: Shkola «Yazyki russkoy kultury». (In Russ.).
Baranov, A. N., Dobrovolskiy, D. O. (2008). *Aspekty teorii frazeologii*. Moskva: Znak. (In Russ.).
Ioanesyan, E. R. (2019). Symptomatic Vocabulary in Magn Function. *Nauchnyi dialog, 2:* 34—48. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-34-48. (In Russ.).
Kozerenko, A. D. (2017). Silnyye emotsii: marginalnoye povedeniye vo vnutrenney forme idiom kak symptom. In: *Marginalii-2017: granitsy kultury i teksta: tezisy dokladov Mezhdunarodnoy konferentsii, 29 sentyabrya — 1 oktyabrya 2017 g., g. Torzhok*. Moskva: Available at: http://uni-persona. srcc.msu.su/site/conf/marginalii-2017/thesis.htm. (In Russ.).
Kreydlin, G. E. (2002). *Neverbalnaya semiotika: yazyk tela i estestvennyy yazyk*. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russ.).
Melchuk, I. A. (1974). *Opyt teorii lingvisticheskikh modeley «Smysl ↔ Tekst»*. Moskva: Nauka. (In Russ.).

Распознавание манипулятивного текста : структура и доминантные языковые параметры / Г. Н. Кенжебалина, Г. К. Шаикова, М. Т. Шакенова, И. Г. Акоева // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 105—125. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-105-125.

Kenzhebalina, G. N., Shaikova, G. K., Shakenova, M. T., Akoyeva, I. G. (2020). Recognition of Manipulative Text: Structure and Dominant Language Parameters. Nauchnyi dialog, 7: 105-125. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-105-125. (In Russ.).

УДК 81’272:070(574)
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-105-125

Распознавание манипулятивного текста: структура и доминантные языковые параметры[1]

© Кенжебалина Гульмира Негматовна (2020), orcid.org/0000-0002-2564-4385, кандидат филологических наук, руководитель пресс-службы, Библиотека Первого Президента Республики Казахстан — Елбасы (Нур-Султан, Казахстан), gulmira_negmatovna69@mail.ru.

© Шаикова Гульвира Кимовна (2020), orcid.org/0000-0002-3878-5574, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой русской филологии, Некоммерческое акционерное общество «Торайгыров университет» (Павлодар, Казахстан), gulvira97@mail.ru.

© Шакенова Майгуль Тулегеновна (2020), orcid.org/0000-0002-1329-4939, кандидат филологических наук, главный аналитик Департамента прикладных исследований и разработок, Акционерное общество «Информационно-аналитический центр» (Нур-Султан, Казахстан), maigul1379@mail.ru.

© Акоева Инесса Георгиевна (2020), orcid.org/0000-0002-1984-150X, главный аналитик Департамента прикладных исследований и разработок, Акционерное общество «Информационно-аналитический центр» (Нур-Султан, Казахстан), inessa.akoyeva@iac.kz.

Ставится проблема распознавания манипулятивного текста в новостях на примере казахстанских медиа. Одна из важнейших задач исследования текстов в контексте манипулятивности — найти то, что, хотя и имеет языковую репрезентацию, заведомо является прагматически «затемненным», скрытым от адресата. Подчеркивается, что в подобных случаях опасность манипуляции увеличивается в разы, поскольку она адресована как большим социальным группам, так и обществу в целом. Актуальность работы состоит в том, что разрушительная сущность манипуляции может привести к масштабным социальным потрясениям. Исследование построено на гипотезе об однородности структуры манипулятивного текста в контексте исследований больших данных для дальнейшей машинной обработки. На основе сформированного рабочего определения манипулятивности разработан алгоритм анализа медиатекстов, включающий в себя комплекс речевых и языковых индикаторов. Работа проведена на корпусе из 1000 текстов СМИ, отобранных из 10 000 фрагментов манипулятивных дискурсов. Выделены как однозначные, так и смешанные компоненты, то есть языковые единицы, способные выполнять

1 Данная статья подготовлена в рамках реализации ПЦФ № BR05236839 Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан.

двойные функции, обусловленные их семантической многозначностью. Построена 4-компонентная универсальная структура манипулятивных текстов, включающая языковые параметры, извлеченные из манипулятивных текстов.

Ключевые слова: манипулятивность; манипуляция; массмедиа; дискурс; русский язык в Казахстане.

1. Введение

Развитие и внедрение информационных технологий повысило скорость оповещения граждан — информация сегодня мгновенно становится достоянием широкой общественности: «Глобализация оказывает беспрецедентное давление на наше поведение и наши нравственные принципы. Мы опутаны вездесущей паутиной, которая, с одной стороны, ограничивает нашу подвижность, с другой — передает наши малейшие вибрации на огромные расстояния» [Харари, 2019, с. 12]. «Четвертая власть» с учетом мощного арсенала каналов трансляции смыслов, идей, оценки фактов, событий, продвижения или, напротив, дискриминации персон, государственного устройства и т. п., включающего в себя как традиционные СМИ, так интернет-ресурсы и социальные сети, в буквальном смысле войдя в каждый дом, занимает главенствующие позиции. Манипулятивный дискурс, рассматриваемый в данной работе, представляется одним из самых интересных и в то же время одним из сложнейших объектов научного исследования. В отличие от многих психолингвистических проявлений человека (в нашем случае — авторов текстов различных жанров), качественная манипуляция трудноуловима и хорошо завуалирована.

Таким образом, одна из важнейших задач исследований текстов в аспекте манипулятивности — найти то, что, хотя и имеет языковую репрезентацию, заведомо является прагматически «затемненным», предметом сокрытия от адресата. В случае с текстами СМИ опасность манипуляции увеличивается в разы, поскольку она адресована большим социальным группам (так называемое информационное «таргетирование», то есть создание текстов для определенных целевых групп) или обществу в целом, и ее разрушительная сущность может привести к самым масштабным социальным потрясениям и даже катастрофам. В связи с этим тема выявления манипулятивности публикации является как никогда актуальной, обращение к ней обусловлено необходимостью создания системы защиты от разрушительного воздействия манипуляции на общество.

Научная новизна работы состоит в описании структуры манипулятивного текста на материале казахстанских СМИ для автоматического распознавания манипулятивного дискурса. Структуру манипулятивных текстов

предложено описывать по итогам анализа медиадискурса в форме набора параметров для последующей интеграции с алгоритмами машинного обучения по ее распознаванию.

Характеристика структуры манипулятивного текста осуществлялась на основании гипотезы о том, что, несмотря на широкое разнообразие лингвистических средств, репрезентирующих техники воздействия, манипулятивные тексты имеют достаточно однородную структуру. Такие тексты строятся на основе определенных макрокомпонентов, репрезентированных языковыми средствами различных уровней. При этом ни один из них (компонентов) по отдельности не может быть единственным признаком манипулятивности текста. Манипулятивность — это всегда комбинация языковых средств в рамках тех или иных обязательных структурных компонентов. Понимание того, как строятся манипулятивные тексты, позволит, во-первых, четко разграничивать произведения воздействующего характера с целью подготовки корпуса контрольных манипулятивных медиадискурсов для обучения машин распознаванию подобных текстов; во-вторых, глубинный анализ и статистический подсчет в контексте выявленных компонентов дадут возможность выделить доминантные (обязательные) и вспомогательные (второстепенные) языковые признаки манипулятивного дискурса, что позволит применять их как критерии при компьютерной дифференциации манипулятивных текстов СМИ.

2. Исследовательский инструментарий

В силу сложности объекта исследования — манипулятивного текста — данная работа носит междисциплинарный характер, в соответствии с чем понятийный аппарат и методология исследования строились на базе антропоцентрической научной парадигмы. При исследовании языкового материала системный подход стал основополагающим, поскольку в процессе разработки методологии стояла задача идентификации манипулятивного текста как определенной совокупности языковых единиц и композиционных моделей. Другими словами, речь идет об изучении не отдельных компонентов манипуляции в тексте, а всего ее комплексного характера.

Методологический базис сформирован на теоретической основе пока еще немногочисленного корпуса научных работ, посвященных языковой манипуляции в контексте исследований больших данных для дальнейшей машинной обработки, а также эмпирическим путем в процессе предварительного отбора и анализа текстов с манипулятивными техниками.

3. Понятие манипуляции и анализ структурной модели манипулятивного текста

Медиаманипулирование как объект исследования в мировой науке известно почти 100 лет [Lippman, 1922; Bernays, 1928]. Базовые приемы медиаманипулирования были сформулированы сотрудниками Американского института анализа пропаганды в 30-годы прошлого столетия [McClung Lee et al., 1939]. Следует отметить, что основоположники учения о медиаманипулировании преимущественным образом опирались на теорию Зигмунда Фрейда, постулировавшего превалирование подсознательного начала в человеке. При этом, как отмечают современные исследователи медиаманипулирования, «с момента появления первых исследований в их фундаментальном содержании мало что изменилось» [Салин, 2017, с. 243]. Объясняется это двумя факторами: неизменностью человеческой психики и конъюнктурными соображениями, последнее сопряжено со стратегической важностью данной сферы для безопасности любого государства. Вопросы же разработки методологии выявления манипулятивных текстов посредством искусственного интеллекта, то есть при помощи машинной обработки, стали объектом солидарного внимания ученых относительно недавно (конец XX века — начало XXI века).

Манипуляция — это в первую очередь психолингвистический процесс [Наврастян, 2017, с. 16], скрыто побуждающий к совершению определенных действий [Доценко, 2000, с. 53; Стернин, 2001, с. 67], а также «особый метод социально-психологического контроля» [Герасимов и др., 1999, с. 45]. В современной лингвистической литературе существует целый ряд определений манипуляции (манипулятивности) как характерной черты медиатекстов. Манипуляция понимается как разновидность аргументирующего дискурса, воспроизводящего и укрепляющего власть определенной политической силы, группы, при этом подчеркивается активная роль манипулятора, оказывающего воздействие при помощи манипулятивного дискурса [Van Dijk, 2006]; искусно выстроенный контекст, в котором некая информация подается так, что при нескольких возможных пресуппозициях в сознании реципиента текста актуализируются только те, которые выгодны манипулятору [Maillat, 2013]; разновидность скрытого речевого воздействия, направленного на достижение собственных целей субъекта воздействия [Штайн, 2004]. В данных определениях явно выражена негативная оценка использования манипуляции: с одной стороны, автор актуализирует выгодные пресуппозиции, направляет в нужное русло сознание адресата, с другой — адресат, «теряя» собственное сознание («свое»), принимает ход мыслей автора («чужое») и тем самым становится «пешкой»

в руках манипулятора. Эти характеристики манипуляции представлены и в других ее определениях, например, в лингвистике манипуляция рассматривается как «разновидность манипулятивного воздействия, осуществляемого путем искусного использования определенных ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата» [Копнина, 2012, с. 24]. По мнению И. В. Беляевой, манипуляция — это прагматический акт, достигающий своей цели без явного обнаружения коммуникативной интенции, увеличивая степень неадекватного восприятия информационного поля, манипулирование расширяет иллюзорную субъективную реальность [Беляева, 2009].

Экстралингвистические факторы (момент, во время которого наносится информационный «удар», возраст, пол, социальный статус автора текста и объекта манипуляции, информационный фон, дистанция между участниками коммуникации и т. д.), хотя и играют заметную роль в продвижении манипулятивного текста и цели, которую установил для себя автор произведения, остаются вне поля собственно корпуса языковых единиц для непосредственной машиной обработки и имеют отношение больше к углубленному изучению текстов. В этой связи языковые средства рассматриваются в сочетании с прагматическими и структурно-композиционными составляющими коммуникации.

В контексте нашего исследования, направленного на разработку автоматизированной информационной системы, позволяющей распознать тексты манипулятивного характера, нами сформулировано рабочее определение манипулятивности. Под *манипулятивностью текста* мы понимаем определенную совокупность структурных компонентов, выраженных языковыми индикаторами и объединенных интенцией манипулятора. Исходя из данного определения, нами разработан алгоритм анализа медиатекстов, который представляет собой комплекс речевых (стратегии и тактики) и языковых индикаторов. Методом сплошной выборки на основе языковых наблюдений из 10 000 текстов СМИ была отобрана совокупность из 1000 манипулятивных дискурсивных образцов. Этот этап работы обусловил первичные выводы и обобщения, которые легли в основу предлагаемой нами структурной модели манипулятивного текста. Так, все отобранные манипулятивные тексты включали неизменные обязательные компоненты и в структурном отношении представляли собой смысловую цепочку: «триггеры» (слова, словосочетания с социально значимым смыслом, имена, в том числе прецедентные, наличие которых делает текст востребованным для широких масс) + «оценка» (языковые единицы разного уровня с негативной и позитивной тональностью) + «на-

циональный контекст» (языковые единицы, называющие казахстанские реалии, условно далее мы будем называть их словами и словосочетаниями с казахстанским содержанием) + «формальные актуализаторы манипуляции» (риторические приемы, лексические повторы, грамматические конструкции и т. д.).

Ниже представлен перечень языковых индикаторов, который вошел в схему анализа медиатекстов. Собственно маркерами для обучения машины автоматическому распознаванию манипулятивных текстов являются только языковые индикаторы (слова, словосочетания, грамматические конструкции и т. д.). Речевые индикаторы (стратегии и тактики**)** извлекались из текста для уточнения намерения и цели авторов текста, закономерностей в языковом поведении авторов манипулятивных текстов. Материалом для глубинного лингвистического анализа стали 200 текстов манипулятивного характера. В процессе работы был обозначен ряд индикаторов на лексическом и грамматическом уровнях (табл. 1).

Анализ текстов подтвердил наличие предполагаемых закономерностей в содержании и конструировании манипулятивных медиадискурсов, из которых сложилась предлагаемая нами структурная модель манипулятивного текста (табл. 1). Критериями включения компонентов в структуру манипулятивного текста стало процентное соотношение наличия в них тех или иных языковых параметров, также учитывались данные о количественных показателях наличия языковых единиц в рамках одного признака в анализируемых произведениях.

Таблица 1

Компоненты структурной модели манипулятивных текстов СМИ

Название индикаторов	**% встречаемости в текстах**	**Компонент модели**
Триггеры		
Слова, отражающие социально значимые объекты, явления и т. д.	97	триггер
Словосочетания, отражающие социально значимые объекты, явления и т. д.	77	триггер
Визуальные предикаты	32	триггер
Аудиальные предикаты	45	триггер
Кинестетические предикаты	36	триггер
Прецедентные имена	20,5	триггер
Национальный контекст		
Казахстанское содержание (слова)	88	национальный контекст

Окончание табл. 1

Название индикаторов	% встречаемости в текстах	Компонент модели
Казахстанское содержание (словосочетания)	75,5	национальный контекст
Оценка		
Слова со средним и невысоким индексом негативной оценки	97,5	оценка
Устойчивые выражения, метафоры, штампы с негативной тональностью	84	оценка + триггер
Слова с высоким индексом негативной оценки	78,5	оценка
Слова с негативной тональностью в заголовке статьи	61	оценка
Слова с негативной тональностью в тексте статьи, характеризующие Казахстан и относящиеся к нему объекты и т. д.	53	оценка
Устойчивые выражения, штампы с негативной тональностью, характеризующие страну, государство, правительство, социально значимые объекты, явления и т. д	40	оценка +триггер
Слова со средним и невысоким индексом негативной тональности в тексте статьи, характеризующие страну, государство, правительство, социально значимые объекты, явления и т. д.	25,5	оценка
Слова с высоким индексом негативной тональности в тексте статьи, характеризующие страну, государство, правительство, социально значимые объекты, явления и т. д.	9,5	оценка
Формальные актуализаторы манипуляции		
Повтор слов с негативной тональностью	55	оценка + формальный актуализатор
Риторические вопросы	46	формальный актуализатор
Безличные конструкции	25	формальный актуализатор
Генерализация	13	формальный актуализатор

Далее рассмотрим подробно компоненты структуры манипулятивного текста.

Компонент 1. Триггеры

Неотъемлемым компонентом структуры манипулятивного текста является наличие так называемых смысловых «триггеров», то есть слов или словосочетаний, которые несут в себе социально значимый смысл, а также представляют собой прецедентные имена. Они выполняют функцию «крючков», которые «цепляют» первичное внимание читателя, заставляют его в колоссальном массиве информации выбрать именно эту статью. Наличие этих языковых знаков обозначает для читателя то, что речь в статье идет о событиях, людях, мероприятиях и т. д., которые в той или иной степени вызывают у него эмоциональный и рациональный интерес, при этом зачастую эти языковые единицы вызывают у адресата текста негативные или, наоборот, позитивные ассоциации.

В сознании носителей языка триггеры вызывают психологический, культурный и ментальный комплекс эмоций, чувств, мыслей и впечатлений. Более того, СМИ посредством изучения спроса на тематику новостей, рейтинга персон, событий формируют свою повестку дня с учетом смысловых триггеров. Поэтому, как правило, они часто выносятся в заголовки. Механизм возникновения взаимосвязи между триггерами манипулятивного текста и читателями хорошо описан в психологической науке: «… бессознательно психика ставит некие “якоря”, или “ловушки”, попадая в которые новая информация почти тут же находит благотворный отклик в психике, такую информацию принимают “как свою”, оказывают ей повышенное внимание, потому как она укрепляет информацию, находящуюся раннее, усиливает ее и служит дальнейшей консолидации совместных усилий, когда появляется возможность перейти в сознание, а значит, и претворится в действительность» [Зелинский, 2018, с. 78]. Статистический тест подтвердил наши предположения о высокой доле участия слов и словосочетаний, отражающих социально-значимые объекты, явления и т. д., в манипулятивных текстах. Эта группа языковых единиц была выявлена в 97 % текстов при употреблении таких слов и в 77 % примеров употребления маркированных словосочетаний.

Прецедентные феномены (имена, пословицы, поговорки, загадки, строчки из песен, стихотворений и т. п.) занимают важное место в сознании человека, поскольку относятся к ядру языковых средств хранения и трансляции культурной информации, влияют на появление у читающего / слушающего определенных ассоциаций. Доля участия прецедентных феноменов в текстах составляет 20,5 % (встречаются в 37 текстах из 200). Использование прецедентных феноменов способствует актуализации определенных воспоминаний, чувств, эмоций у аудитории. Выявленные типы прецедентных феноменов представлены в таблице 2.

Таблица 2

Типы прецедентных феноменов

Тип	Частотность	Пример
Имя, при употреблении которого подразумевается набор дифференциальных признаков лица	61 %	*Дональд Трамп, Ким Чен Ын, Бердыбек Сапарбаев, Болат Бакауов, Ванга, Нурсултан Назарбаев и др.*
Пословицы и поговорки	7 %	*Гладко было на бумаге, но забыли про овраги* (Назначение Абылкасымовой: министры меняются, проблемы остаются — политологи, Резонанс) [АА]; *Старый конь не проложит новой борозды* (Что предпримет Путин после победы на выборах? Четыре сценария, Резонанс) [Там же].
Источники, отрывки из произведений	7 %	*Я к вам пишу, чего же боле?* (Битва за «дочку» «КазМунайГаза» в эпистолярном жанре, Централ Азия монитор) [Там же]; *Спасение утопающего — дело рук самого утопающего* (Сожрать один миллиард тенге и не подавиться — это нужно уметь! Резонанс) [Там же].
Наименование страны	5 %	*СССР* (Труд в СССР: как высшее благо превратилось в главную опасность, Резонанс) [Там же]; *США* (Кому мешает жить день Победы? Султанов, Резонанс) [Там же].
Наименование события	5 %	*ВОВ, Великая Отечественная война* (Кому мешает жить день Победы? Султанов, Резонанс) [Там же]
Литературный персонаж	5 %	*Штирлиц* (О популизме, Резонанс) [Там же]; *Глиняный голем* (Почему от перестановки мест слагаемых в Нацбанке сумма никогда не изменится? Централ Азия монитор) [Там же]
Название кинофильмов	5 %	*Ты — мне, я — тебе!* (Страшно далеки они от народа …, Резонанс) [Там же]; *«Титаник»* (ПОЛНЫЙ ВПЕРЕД! Или Куда плывет казахстанский пенсионный «Титаник», Резонанс) [Там же].
Наименование праздников	2 %	*9 мая* (Кому мешает жить день Победы? — Султанов, Резонанс) [Там же].
Наименование международного мероприятия	2 %	*ЭКСПО* (ДАЕШЬ ПАВИЛЬОНИЩЕ НА ДУБАЙЩИНЕ! Резонанс) [Там же].

Вводя прецедентные феномены в тексты публицистики, автор манипулятивного текста тем самым образует своего рода «команду», группу единомышленников, понимающих его и «следующих» за ним. Языковые единицы с социально значимым смыслом и прецедентные имена составляют подгруппу открытых или явных триггеров. Выбрав для прочтения тот или иной материал, читатель сможет объяснить свой выбор социально значимой тематикой или прецедентным именем с высоким индексом популярности.

Другую подгруппу составляют «скрытые» триггеры. К ним мы относим языковые единицы, служащие средством манипулирования сознанием адресата посредством воздействия на различные сенсорные системы индивида. Известно, что все воспринимаемое психикой человека посредством речи, чувств и репрезентативных контактов (визуальных, аудиальных, кинестических) откладывается в подсознании и может воплотиться в реальных поступках индивида [Там же, с. 77 —78]. Автор текста, выстраивая свои стратегии и тактики, вынужден апеллировать к неизвестному адресату, поэтому он должен воздействовать на актуальные для той или иной информации сенсорные каналы.

Виды встречающихся в текстах предикатов приведены в таблице 3.

Таблица 3

Предикаты в новостных текстах

№	Предикат	Частотность	Пример
1.	Визуальные предикаты	23 %	*глаз, посмотреть, мелькнуть, возникать в поле зрения, обладать зорким глазом*
2.	Кинестетические предикаты	19 %	*терпение лопнуло, привести в бешенство, надавить на больную мозоль, болевой эффект*
3.	Аудиальные предикаты	58 %	*говорить, требовать, сказано, возмущаться, заявить, отказываться, пожаловаться, поговорить*

В целом особенность подгруппы скрытых триггеров состоит в том, что они воздействуют на сознание подспудно, неявно. Скрытые триггеры в виде предикатов различного свойства представляют собой особенный материал для их изучения в контексте нейролингвистического программирования и требуют подробного анализа, в чем видится перспектива дальнейшего исследования.

Компонент 2. Национальный контекст

В рамках исследования принципиальным является наличие национального контекста, в нашем случае казахстанского: несмотря на определенную общность корпуса универсально значимых мировых смыслов, для манипулятивных национальных текстов актуален свой национально-фоновый круг лексем. Статистический подсчет подтвердил наши предположения: в 88 % текстов встретились слова и в 77,5 % текстов — словосочетания с казахстанским содержанием.

Анализ показал, что группа языковых единиц, репрезентирующих национальный контекст, достаточно обширна: в словаре параметра «Казахстанское содержание» подсчет выявил 637 слов и 619 словосочетаний. Особенность этой группы состоит в том, что определенная часть этих языковых единиц амбивалентна. Такие лексические единицы, как *Н. А. Назарбаев, Акорда, Дарига Назарбаева*, с одной стороны, просто формируют казахстанский контент, а с другой — в силу популярности людей, которые номинированы данными лексемами, и живого интереса к известным личностям среди населения вообще их имена всегда могут использоваться как прецедентные. Таким образом, данные единицы, обладающие двойным потенциалом, войдут в группу синтезированных в функциональном плане единиц, которые можно обозначить как национальный контент + триггер.

Вывод о манипулятивности текста с наличием вышеуказанной группы слов можно сделать только на основании проверки тональности (оценки) текста и наличия формальных актуализаторов манипулятивности (о них подробнее см. ниже). Поскольку при отсутствии последних признаков текст может иметь исключительно информативный характер и быть совершенно нейтральным в отношении манипулятивности. О последней речь, как правило, идет при сочетании в текстах социально значимой лексики, прецедентных имен, лексики казахстанского содержания с негативными или позитивными (на материалах наших текстов гораздо реже) оценками, воплощающимися посредством иронии, включения в текст разговорной лексики, отсутствия достаточной аргументации и достоверности излагаемых фактов и др.

Компонент 3. Оценка

Как мы уже отмечали выше, оценка как психологический акт, отраженный в языковом сознании и выраженный лингвистическими средствами, обязательно присутствует в манипулятивных текстах.

Тесная взаимосвязь речевых стратегий, тактик, актов с оценкой отражена в широком корпусе мировых лингвистических изысканий [Арутю-

нова, 1988; Вольф, 1979; Ивин, 1970; Кенжебалина, 2010; Темиргазина, 1999; Шрамм, 1979;]. Как известно, оценка выражается в знаках «+» (положительная оценка), «–» (негативная оценка) и «0» нейтральная оценка. Обязательность оценки в манипулятивных текстах обусловлена необходимостью выражения позиции автора [Кунин, 2005, с. 212].

Во всех проанализированных нами текстах осуществляется основная стратегия — дискредитация посредством определенного репертуара оценочных речевых тактик: обвинения, возмущения, иронии, угрозы. Как правило, стратегию дискредитации рассматривают как «игру на понижение» [Иссерс, 2008, с. 16], поскольку она подразумевает подрыв доверия к кому-, чему-либо, умаление авторитета, значения кого-, чего-либо, то есть создание негативного мнения о политическом субъекте / объекте. Снижение образа субъекта / объекта реализуется говорящим на различных языковых уровнях и достигается за счет ряда приемов, создающих в тексте негативную тональность.

На лексическом уровне негативная тональность актуализируется через отрицательно окрашенную или эмоционально-экспрессивную лексику. Нами был составлен словарь слов и словосочетаний с высоким и средним индексом негативной тональности, включающий 1233 слова (с повторами 1960 слов) и 716 словосочетаний, и словарь устойчивых выражений с негативной тональностью, состоящий из 493 выражений.

В состав словаря лексем с негативной семантикой входят единицы со значением лица (9,5 %): *коррупционер, взяточник, убийца, преступник, вор,* а также наименования отвлеченных свойств и качеств, действий и состояний (39 %): *зависимость, невнимание, неверие, огорчение, ожесточенность, коварство, бездействие, запугивание, негодование, недовольство, апатия*. Часто встречаются номинации свойств и качеств предметов (14,5%): *проблемный, протестный, фашистский, фиктивный*; действия (22%): *затруднить, уничтожить, разочаровать*; иногда — признаки действия (5%): *плохо, неэффективно, страшнее*.

Использование стилистически сниженного потенциала лексики, фразеологии характерно для реализации тактики анализ-«минус» и тактики обвинения наряду с другими инструментами (табл. 4).

Окказионализмы являются реакцией на нежелательные преобразования в важных для человека сферах: политике, социуме, культуре. Востребованность окказионализмов в текстах СМИ обусловливается преподнесением глубинного смысла в новой форме, что позволит говорящему / пишущему ненавязчиво провести аналогию со знакомыми процессами, явлениями, реалиями, понятиями, сформировать определенные ассоциации [Dilts, 1999].

Таблица 4

Основные инструменты стратегии дискредитации, искажающие действительность

Создание иллюзии объективного отображения действительности и формирование негативного отношения к отдельному человеку, группе лиц, социальному институту, явлению	Тактика обвинения	
	просторечные слова	*дебилизация, крысятничество, хайпожор, отстой*
	инвективная лексика	*дурак, сволочи*
	окказионализмы с оценочной семантикой	*мусабаевщина, дубайщина, павильонище, украшилища*
	сравнительная и превосходная степень	*В Казахстане в отличие от России в России; словно средневековые волхвы*
	слова-интенсификаторы	*более того, еще, даже*
	повтор слов и словосочетаний с негативной тональностью	*…в Алматы происходит самый настоящий геноцид против печатной прессы путем лишения точек ее реализации! А теперь — обычный геноцид!»* (Г. Ергалиева. УВАЖУХА АКИМАТА. Резонанс [АА]
	Тактика угрозы	
	гипотетическое негативное событие	*если продолжать бездействовать, то …; если эти решения будут одобрены, то…*
	Тактика иронии	*козел отпущения, латание банковских дыр*

При помощи формы сравнительной или превосходной степени в публицистических текстах передается интенсивность выражения оценки посредством семантики чрезмерности и напряженности [Сковородников, 1984, с. 129]. Кроме степени сравнения, говорящий может использовать другие показатели интенсивности — слова-интенсификаторы оценки. За счет этого негативная тональность реализуется посредством привлечения средств интенсивности, усиливающих значение обвинения и отрицательной оценки.

Для реализации тактики обвинения авторами манипулятивных текстов используется прием сравнения. Манипулятивные тексты СМИ строятся зачастую таким образом, чтобы подвести сложные (политические, экономические и др.) явления под доступный, запоминающийся, но одновременно знакомый образ с целью создать в сознании адресата определенные, заданные установки на восприятие действительности. Одним из таких спо-

собов схематизации является проведение «аналогий», «параллелей» или «наложение» в тексте на рассматриваемое событие или явление «нужных» ассоциаций.

Тактика обвинения реализуется также через прием повтора слов и словосочетаний с негативной тональностью. Повторы имеют функцию подчёркивания. Они используются для выделения главной идеи, напрямую связанной с основной темой текста. В основе речевой тактики угрозы лежит негативное событие, которое может произойти в перспективе. Говорящий использует глагол будущего времени для моделирования ситуации и манипулирования сознанием читателя. Достижению нагнетания отрицательного эффекта в изображении конкретного лица, определенных фактов способствует тактика иронии. Для усиления эффекта воздействия на читающего / слушающего, создания контраста и передачи иронии говорящий может использовать «игру на повышение», противоположную «игре на понижение».

Компонент 4. Формальные актуализаторы манипуляции

Четвертый не менее важный компонент структуры манипулятивного текста составляют речевые фигуры, синтаксические конструкции, лексические повторы, использование обобщающих слов, призывов и другие «технических» средства актуализации той или иной информации, смысла, эмоции, отношения. Арсенал манипулятора достаточно широк. Эта группа параметров, условно названная нами как «формальные актуализаторы манипуляции», содержит в себе речевые приемы и языковые единицы разных уровней.

Так, например, семантический повтор языковых единиц с негативной тональностью как способ актуализации необходимой манипулятору информации выполняет функции убеждения, воздействия, «сгущает краски», провоцирует высокий эмоциональный накал. В анализируемых текстах встречается повтор одного и того же слова, словосочетания, корневой морфемы либо одного и того же аффикса: *конфликт, «развод», потеря, проблема, злоупотреблять, резкость, негативный, затопить, бедствие, трагедия, уничтожить, геноцид, коррупция* и др. В исследованных медиатекстах чаще повторяются имена существительные — 67 %, причем больше абстрактных отглагольных существительных — 70 %; менее частотны прилагательные — 12 % и еще реже встречаются глаголы — 9,5%. Из процентного соотношения употребительности частей речи в ходе манипулятивного воздействия видно, что именно существительные позволяют создать картину описываемого и заострить внимание на необходимых для говорящего / пишущего моментах.

Большим потенциалом обладают ресурсы синтаксического уровня, которые создают «эффект диалогичности общения», снижают или увеличивают категоричность утверждений журналиста (вопросительное предложение в функции повествовательного, нанизывание цепочки риторических вопросов). Более подробно в рамках данного исследования синтаксические конструкции, обладающие манипулятивным потенциалом, рассмотрены в статье [Шакенова и др., 2020, с. 146]. На уровне синтаксиса реализация манипулятивности часто связана с использованием риторических вопросов, также имеющих отрицательно-оценочное значение. Журналисты часто прибегают к риторическим вопросам, чтобы поставить под сомнение излагаемый факт или выразить несогласие с ним, провоцируют адресата на ответ в виде выражения своего, а точнее — подготовленного мнения. Языковые наблюдения показали, что авторы используют данный прием в каждом втором тексте. Например: *Что ждать от нового срока?* (Что предпримет Путин после победы на выборах? Четыре сценария, Резонанс); *Какой вообще толк от бесконечных пертурбаций?* (Правительство РК: есть ли толк от реорганизаций и новых назначений? Резонанс); *Вновь перейти к кочевому образу жизни?* (Давайте не будем тыкать «пальцем в небо»! Резонанс) [АА]. Риторические вопросы, выделяя в тексте наиболее значимые его смысловые компоненты, свидетельствуют о наличии проблем, которые требуют решения.

Безличные конструкции используются для ориентирования определенной информации не на конкретного субъекта, а на всех читателей: *Достаточно надавить на больную для всех постсоветских обществ мозоль* (Кто в Казахстане боится «призрака коммунизма»? Резонанс); *Необходимо задаться вопросом* (Действительно ли в Казахстане дорогие кредиты? Резонанс); *А вот дальше придется гадать на кофейной гуще* (Цена вопроса, Эксперт) [Там же]. Конструкции этого типа используются, поскольку исключение субъекта как источника информации усиливает объективный характер изложения [Любимова, 2006, с. 129]. Еще одна разновидность технических актуализаторов манипулятивности — маркеры, указывающие на очевидность аргумента и апеллирующие к разуму адресата и фоновым знаниям: *если подумать; понятно, что*; *давно известно, что*; *из истории известно, что*.

Одним из действенных способов манипуляции общественным сознанием является «апелляция к авторитету» [Иссерс, 2008, с. 155]. Данный прием может быть реализован посредством вводных конструкций со значением указания на источник информации, генераторов обобщения (например, местоимения *все*), местоименного прилагательного *многий* с глаголом

говорения, слова *очевидно*. При этом авторитет должен быть значим для читателя: *по мнению Марата Кошумбаева, заведующего лабораторией гидроэлектростанций и гидротехнических сооружений КазНИИ энергетики им. академика Ш. Ч. Чокина; по данным "Коммерсанта"; по официальным данным Национального банка РК*. Тактика апелляции к читателю используется для создания эффекта равноправного диалога, из стремления автора активнее вовлечь читателя в манипулятивную сеть: *Вы же,* ***уважаемые читатели*** *...*

Для того чтобы сделать речь убедительной, яркой, показать свою заинтересованность в происходящем, воздействовать на слушающего, говорящий часто использует средства категоричности, иногда «впускает» в свой текст средства смягчения категоричности — вводные слова со значением сомнения (*кажется, возможно, наверное, может быть*), отрицательные частицы *отнюдь не, вовсе не*. К основным средствам категоричности можно отнести следующие языковые и речевые единицы: отрицательные местоимения (*ничего, никто*), вводную конструкцию *судя по всему*.

4. Заключение

В предложенной нами структуре манипулятивного текста представлены как однозначные, так и смешанные компоненты, то есть языковые единицы, способные выполнять двойные функции. Например, в компоненте «Оценка» к таковым можно отнести языковые единицы, относящиеся к параметру «Устойчивые выражения, метафоры, штампы с негативной тональностью». Дуализм функций данной группы единиц обусловлен их семантической многозначностью. С одной стороны, устойчивые выражения, составляют группу сочетаний, к которым носители языка ментально и эмоционально «чувствительны» в силу архетипичности фразеологизмов и их подсознательного бытования в концептуальной и национальной картине мира представителей того или иного этноса или территории, их в народе впитывают, как говорится, «с молоком матери». Поэтому устойчивые выражения практически всегда привлекают внимание читателей или слушателей. В этом плане они выступают в качестве триггеров интереса к тексту. С другой стороны, фразеологизмы всегда оценочны, то есть выражают отношение говорящего / пишущего к объекту. В группе языковых единиц «Повтор слов с негативной тональностью» происходит наложение оценочной семантики лексем и технического приема — их повторения. Таким образом, они также образуют переходную группу слов с двойной функцией.

Следует отметить, что в нашей работе представлен не исчерпывающий перечень формальных актуализаторов манипуляции, а только наиболее ча-

стотные факты. Манипулятор, чтобы быть убедительным, всегда тяготеет к разнообразию используемых языковых средств и способов, некоторые из которых нечасто встречаются, но от этого не становятся менее действенным манипулятивным инструментом.

Статистические данные подтверждают целесообразность 4-компонентной структуры манипулятивных текстов. Языковые параметры, извлеченные из манипулятивных текстов, в рамках предлагаемых компонентов структуры характеризуются высокой частотностью: 97 % — «Слова, отражающие социально значимые объекты, явления и т. д.», 97,5 % — «Слова со средним и невысоким индексом негативной оценки»; 88 % — «Казахстанское содержание», 55 % — «Повтор слов с негативной тональностью» и др.

Кроме того, на основе статистического подсчета выявлены доминантные (обязательные) языковые параметры манипулятивных текстов: слова, отражающие социально значимые объекты, явления и т. д., составляют 97 %; словосочетания, отражающие социально значимые объекты, явления и т. д., — 77 %; сенсорные предикаты в совокупности — 113%; слова со средним и невысоким индексом негативной оценки — 97,5%; устойчивые выражения, метафоры, штампы с негативной тональностью — 84 %; слова с высоким индексом негативной оценки — 78,5 %; слова с негативной тональностью в заголовке статьи — 61 %; слова с негативной тональностью в тексте статьи, характеризующие Казахстан и относящиеся к нему объекты и т. д., — 53 %; казахстанское содержание (слова) — 88 %; казахстанское содержание (словосочетания) — 75,5 %; повтор слов с негативной тональностью реализуется в 55 % контекстов, и риторические вопросы — в 46 %.

Информация о финансировании: Данная статья подготовлена в рамках реализации ПЦФ № BR05236839 Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан.

Источники

АА — *Архив* авторов.

Литература

1. *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений : Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Наука, 1988. — 338 с.

2. *Беляева И. В.* Феномен речевой манипуляции : лингвоюридические аспекты : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.19 / И. В. Беляева. — Ростов-на-Дону, 2009. — 39 с.

3. *Быкова О.Н.* Языковое манипулирование : материалы к энциклопедическому словарю «Культура русской речи» / О. Н. Быкова // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения : Вестник Российской риторической ассоциации. — Красноярск, 1999. — Выпуск 1 (8). — С. 91—103.

4. *Вольф Е. М.* Варьирование в оценочных структурах / Е. М. Вольф // Семантическое и формальное варьирование. — Москва : Наука, 1979. — С. 173—194.

5. *Герасимов В. М.* Психология парламентаризма / В. М. Герасимов, А. А. Деркач, А. С. Косопкин, Т. И. Нефедова. — Москва : Статус-Кво, 1999. — 284 с.

6. *Доценко Е. Л.* Психология манипуляции / Е. Л. Доценко. — Москва : Юрайт, 2000. — 154 с.

7. *Зелинский С. А.* Управление психикой посредством манипулятивного воздействия / С. А. Зелинский. — Санкт-Петербург : Скифия, 2018. — 528 с.

8. *Ивин А. А.* Основания логики оценок / А. А. Ивин. — Москва : Изд-во МГУ, 1970. — 230 с.

9. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — Москва : Изд-во ЛКИ, 2008. — 288 с.

10. *Кенжебалина Г. Н.* Оценочные глаголы в коммуникативной деятельности носителей русского языка : курс лекций для студентов и магистрантов / Г. Н. Кенжебалина. — Павлодар : Изд-во «Кереку» ПГУ им. С. Торайгырова, 2010. — 99 с.

11. *Копнина Г. А.* Речевое манипулирование : учебное пособие / Г. А. Копнина. — Москва : Флинта, 2012. — 170 с.

12. *Кунин А. В.* Фразеология современного английского языка : учебное пособие для институтов и факультетов иностранного языка / А. В. Кунин. — Дубна : Феникс+, 2005. — 488 с.

13. *Лось А. Л.* Введение в языкознание : учебное пособие / А.Л. Лось. — Москва : МИЭТ, 2012. — 144 с.

14. *Любимова А. А.* Языковые аспекты воздействия на общественное сознание : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / А. А. Любимова. — Москва, 2006. — 140 с.

15. *Навасартян Л. Г.* Языковые средства и речевые приемы манипуляции информацией в СМИ (на материале российских газет) : диссертация … кандидата филологических наук / Л. Г. Навасартян. — Саратов, 2017. — 172 с.

16. *Салин П. Б.* Механизмы и каналы медиаманипулирования массовым политическим сознанием / П. Б. Салин // Политическая наука. — 2017. — № 1. — С. 242—252 с.

17. *Сковородников А. П.* Позиционно-лексический повтор как стилистическое явление / А. П. Сковородников // Филологические науки. — 1984. — № 5. — С. 71—76.

18. *Стернин И. А.* Введение в речевое воздействие / И. А. Стернин.— Воронеж : Истоки, 2001. — 252 с.

19. *Темиргазина З. К.* Оценочные высказывания в современном русском языке : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.01 / З. К. Темиргазина. — Алматы, 1999. — 49 с.

20. *Харари Ю. Н.* 21 урок для XXI века / Ю. Н. Харари. — Москва : Синдбад, 2019. — 416 с.

21. *Шакенова М. Т.* Лексико-грамматические маркеры манипулятивности массмедийного дискурса (на материале корпуса русскоязычных текстов СМИ в Республике Казахстан) / М. Т. Шакенова, Д. С. Ташимханова, У. А. Оспанова, Т. К. Булдыбаев // На-

учный диалог. — 2020. — № 2. — С. 141—160. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-141-160.

22. *Шрамм А. Н.* Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного русского языка) / А. Н. Шрамм. — Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1979. — 39 с.

23. *Штайн К. Э.* Манипулятивная стратегия как средство гармонизации общения в рамках рекламного текста / К. Э. Штайн // Этика и социология текста : сборник статей научно-методического семинара «TEXTUS». — Санкт-Петербург, Ставрополь : Изд-во СГУ, 2004. — Выпуск 10. — С. 304—306.

24. *Bernays E. L.* Propaganda / E. L. Bernays. — New York : H. Liveright, 1928. — 159 p.

25. *Dijk T. A. van* Discourse and manipulation / T. A. van Dijk. — London : SAGE Publications, 2006. — Pp. 359—383.

26. *Dilts R.* Transderivational Morphology / R. Dilts. — Anchor Point, Salt Lake City, UT, 1999.

27. *Lee A. M. C.* The fine art of propaganda : A study of Father Coughlin's speeches / A. M. C. Lee & E. B. Lee. — New York : Harcourt Brace and Co, 1939. — 140 p.

28. *Lippmann W.* Public Opinion. Front Cover / W. Lippmann. — Harcourt, Brace, 1922. — 427 p.

29. *Maillat D.* Constraining context selection : On the pragmatic inevitability of manipulation / D. Maillat // Journal of Pragmatics. — 2013. — Vol. 59, Part B. — Pp. 190—199.

Recognition of Manipulative Text: Structure and Dominant Language Parameters

© Gulmira N. Kenzhebalina (2020), orcid.org/0000-0002-2564-4385, PhD in Philology, Head of Press Service, The Library of the First President of the Republic of Kazakhstan-Elbassy (Nur-Sultan, Kazakhstan), gulmira_negmatovna69@mail.ru.

© Gulvira K. Shaikova (2020), orcid.org/0000-0002-3878-5574, PhD in Philology, Head of the Department of Russian Philology, Non-Profit Joint-Stock Company "Toraigyrov University" (Pavlodar, Kazakhstan), gulvira97@mail.ru.

© Maygul T. Shakenova (2020), orcid.org/0000-0002-1329-4939, PhD in Philology, chief analyst, Department of Applied Research and Development, Joint-Stock Company "Information and Analytical Center" (Nur-Sultan, Kazakhstan), maigul1379@mail.ru.

© Inessa G. Akoyeva (2020), orcid.org/0000-0002-1984-150X, Chief Analyst, Department of Applied Research and Development, Joint-Stock Company "Information and Analytical Center" (Nur-Sultan, Kazakhstan), inessa.akoyeva@iac.kz.

The problem of recognition of the manipulative text in the news on the example of Kazakhstani media is posed. One of the most important tasks of text research in the context of manipulativeness is to find something that, although it has a linguistic representation, is obviously pragmatically "obscured", hidden from the addressee. It is emphasized that in such cases, the danger of manipulation increases at times, since it is addressed both to large social groups and to society as a whole. The relevance of the work is that the destructive nature

of manipulation can lead to large-scale social upheaval. The study is based on the hypothesis of a uniform structure of the manipulative text in the context of big data research for further machine processing. Based on the formed working definition of manipulability, an algorithm for analyzing media texts has been developed, which includes a complex of speech and language indicators. The work was carried out on a corpus of 1,000 media texts, selected from 10,000 fragments of manipulative discourses. Both unambiguous and mixed components are distinguished, that is, linguistic units capable of performing dual functions due to their semantic polysemy. A 4-component universal structure of manipulative texts is compiled, including language parameters extracted from manipulative texts.

Key words: manipulativeness; manipulation; mass media; discourse; Russian language in Kazakhstan.

Material resources

AA — *Arkhiv avtorov*. (In Russ.).

References

Arutyunova, N. D. (1988). *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytiye. Fakt.* Moskva: Nauka. (In Russ.).

Belyayeva, I. V. (2009). *Fenomen rechevoy manipulyatsii: lingvoyuridicheskiye aspekty: avtoreferat dissertatsii ... doktora filologicheskikh nauk.* Rostov-na-Donu. (In Russ.).

Bernays, E. L. (1928). *Propaganda.* New York: H. Liveright.

Bykova, O. N. (1999). Yazykovoye manipulirovaniye: materialy k entsiklopedicheskomu slovaryu «Kultura russkoy rechi». *Teoreticheskiye i prikladnyye aspekty rechevogo obshcheniya: Vestnik Rossiyskoy ritoricheskoy assotsiatsii, 1 (8):* 91—103. (In Russ.).

Dijk, T. A. van (2006). *Discourse and manipulation.* London: SAGE Publications. 359—383.

Dilts, R. (1999). *Transderivational Morphology.* Anchor Point, Salt Lake City, UT.

Dotsenko, E. L. (2000). *Psikhologiya manipulyatsii.* Moskva: Yurayt. (In Russ.).

Gerasimov, V. M., Derkach, A. A., Kosopkin, A. S., Nefedova, T. I. (1999). *Psikhologiya parlamentarizma.* Moskva: Status-Kvo. (In Russ.).

Issers, O. S. (2008). *Kommunikativnyye strategii i taktiki russkoy rechi.* Moskva: Izd-vo LKI.

Ivin, A. A. (1970). *Osnovaniya logiki otsenok*. Moskva: Izd-vo MGU. (In Russ.).

Kenzhebalina, G. N. (2010). *Otsenochnyye glagoly v kommunikativnoy deyatelnosti nositeley russkogo yazyka: kurs lektsiy dlya studentov i magistrantov.* Pavlodar: Izd-vo «Kereku» PGU im. S. Toraygyrova. (In Russ.).

Kharari, Yu. N. (2019). *21 urok dlya XXI veka.* Moskva: Sindbad. (In Russ.).

Kopnina, G. A. (2012). *Rechevoye manipulirovaniye: uchebnoye posobiye.* Moskva: Flinta. (In Russ.).

Kunin, A. V. (2005). *Frazeologiya sovremennogo angliyskogo yazyka: uchebnoye posobiye dlya institutov i fakultetov inostrannogo yazyka.* Dubna: Feniks+. (In Russ.).

Lee, A. M. C., Lee, E. B. (1939). *The fine art of propaganda: A study of Father Coughlin's speeches.* New York: Harcourt Brace and Co.

Lippmann, W. (1922). *Public Opinion. Front Cover.* Harcourt, Brace.

Los', A. L. (2012). *Vvedeniye v yazykoznaniye: uchebnoye posobiye*. Moskva: MIET. (In Russ.).

Lyubimova, A. A. (2006). *Yazykovyye aspekty vozdeystviya na obshchestvennoye soznaniye: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk.* Moskva. (In Russ.).

Maillat, D. (2013). Constraining context selection: On the pragmatic inevitability of manipulation. *Journal of Pragmatics, 59 (B):* 190—199.

Navasartyan, L. G. (2017). *Yazykovyye sredstva i rechevyye priyemy manipulyatsii informatsiyey v SMI (na materiale rossiyskikh gazet): dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk.* Saratov. (In Russ.).

Salin, P. B. (2017). Mekhanizmy i kanaly mediamanipulirovaniya massovym politicheskim soznaniyem. *Politicheskaya nauka, 1:* 242—252. (In Russ.).

Shakenova, M. T., Tashimkhanova, D. S., Ospanova, U. A., Buldybayev, T. K. (2020). Leksiko-grammaticheskiye markery manipulyativnosti massmediynogo diskursa (na materiale korpusa russkoyazychnykh tekstov SMI v Respublike Kazakhstan). *Nauchnyy dialog, 2:* 141—160. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-141-160. (In Russ.).

Shramm, A. N. (1979). *Ocherki po semantike kachestvennykh prilagatelnykh (na materiale sovremennogo russkogo yazyka)*. Leningrad: Izd-vo LGU. (In Russ.).

Shtayn, K. E. (2004). Manipulyativnaya strategiya kak sredstvo garmonizatsii obshcheniya v ramkakh reklamnogo teksta. In: *Etika i sotsiologiya teksta: sbornik statey nauchno-metodicheskogo seminara «TEXTUS», 10.* Sankt-Peterburg, Stavropol': Izd-vo SGU. 304—306. (In Russ.).Skovorodnikov, A. P. (1984). Pozitsionno-leksicheskiy povtor kak stilisticheskoye yavleniye. *Filologicheskiye nauki, 5:* 71—76. (In Russ.).

Sternin, I. A. (2001). *Vvedeniye v rechevoye vozdeystviye.* Voronezh: Istoki. (In Russ.).

Temirgazina, Z. K. (1999). *Otsenochnyye vyskazyvaniya v sovremennom russkom yazyke: avtoreferat dissertatsii ... doktora filologicheskikh nauk.* Almaty. (In Russ.).

Volf, E. M. (1979). Varirovaniye v otsenochnykh strukturakh. In: *Semanticheskoye i formalnoye varirovaniye.* Moskva: Nauka. 173—194. (In Russ.).

Zelinskiy, S. A. (2018). *Upravleniye psikhikoy posredstvom manipulyativnogo vozdeystviya*. Sankt-Peterburg: Skifiya. (In Russ.).

Макшанцева А. Л. Модели концептуальной метафоризации слова *удача* в контексте языковой объективации одноименного концепта в русской речи / А. Л. Макшанцева // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 126—141. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-126-141.

Makschantseva, A. L. (2020). Models of Conceptual Metaphorization of Word "Udacha" [Luck] in Context of Linguistic Objectification of the Concept in Russian. *Nauchnyi dialog, 7:* 126-141. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-126-141. (In Russ.).

УДК 811.161.1'37
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-126-141

Модели концептуальной метафоризации слова *удача* в контексте языковой объективации одноименного концепта в русской речи

© **Макшанцева Анна Львовна (2020),** orcid.org/0000-0001-6901-5989, SPIN 8276-3526, AuthorID 1076712, аспирант; преподаватель факультета дополнительного образования для иностранных граждан, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова» (Нижний Новгород, Россия), annamakschantseva@yandex.ru.

В статье представлен один из аспектов комплексного лингвокогнитивного описания концепта УДАЧА и особенностей его языковой репрезентации в русской речи. Уделяется внимание дискурсной актуализации моделей концептуальной метафоризации слова удача как базового репрезентанта одноименного концепта. Цель исследования — проанализировать актуализованные в контекстах когнитивные модели и концептуальные схемы метафорического овеществления и одушевления концепта «Удача». Материал исследования извлечен из Национального корпуса русского языка и собран в ходе проведенного автором статьи интернет-мониторинга. В качестве метода исследования выступает процедура концептуального анализа, принятая в Нижегородской школе исследования концептов. Поднимается вопрос о том, что переосмысление абстрактных сущностей через конкретно-чувственные представления вообще характерно для народно-мифологического мироощущения, представленного в «наивной» картине мира, отражённой в естественном языке. Показано, что в метафорических моделях овеществления (реификации) удача образно представляется как неодушевленный конкретно-чувственный объект, как точка, локализованная в пространстве, как вещество (субстанция), как контейнер (вместилище), как физическая среда. Установлено также, что в метафорических моделях одушевления и / или персонификации удача метафорически представляется либо вообще как живая, активно действующая сущность, либо как сверхъестественное или человеческое существо. Делается вывод, что в русском языковом сознании активны и устойчивы когнитивные схемы языковой концептуализации мира, возникшие еще на ранних этапах духовной эволюции русского мира и имеющие многовековую традицию не только в русской, но и в мировой культуре.

Ключевые слова: концепт УДАЧА; концептуальная метафора; модели овеществления; модели одушевления; лингвокогнитивный анализ концептов; языковая объективация; русский язык.

1. Введение

В статье представлен фрагмент предпринятого нами комплексного лингвокогнитивного описания концепта УДАЧА и особенностей его языковой репрезентации в русской речи.

Изучение языкового воплощения значимых концептов русской национальной культуры сегодня является одним из востребованных направлений в современных междисциплинарных стратегиях научного поиска в гуманитарном знании [Арутюнова, 1991; Fleischer, 1991; Gümen, & Herwartz-Emden, 1996; Телия, 1996; Радбиль, 1999; Wierzbicka, 1997; Ковшова, 2013; Радбиль и др., 2017 и др.]. В сферу исследовательского внимания включаются ключевые идеи русской языковой картины мира [Вежбицкая, 1997; Степанов, 1997; Зализняк и др., 2005 и др.], в числе которых многие ученые закономерно акцентируют внимание на представлениях о непредсказуемости мира, о роли судьбы в жизни человека, о русском понимании счастья и пр. [Воркачев, 2001; Зализняк, 2003 и др.].

Комплекс указанных (и многих других) представлений, на наш взгляд, концентрируется в концептуальном содержании и языковой экспликации русского культурного концепта УДАЧА, который, при наличии определенного универсального, общечеловеческого смыслового блока, все же имеет и значительный идиоэтнический, национально-специфический семантический компонент, что на уровне анализа лексикографических источников было нами продемонстрировано ранее, в работе [Макшанцева, 2020].

Также национальная специфика языковой объективации концепта УДАЧА особенно ярко проявляется в контекстах дискурсивной актуализации слова *удача* как базового репрезентанта одноименного концепта в русской речи, когда данная лексема подвергается разного рода метафорическим преобразованиям в соответствии с разнообразными моделями концептуальной метафоры, обоснованными в работе [Лакофф и др., 2004]. Именно модели метафорического овеществления (реификации) и одушевления концепта УДАЧА в их речевой реализации находятся в центре нашего внимания в настоящей работе.

Несмотря на то что представление об удаче давно считается одной из ключевых тем русской культуры, собственно лингвистическое изучение концепта УДАЧА началось сравнительно недавно, в начале 90-х годов XX века. Так, в 1991 году в рамках деятельности Проблемной группы Института языкознания РАН «Логический анализ языка» под руководством Н. Д. Арутюновой вышло ежегодное издание под названием «Культурные концепты», где в ряде статей авторы рассматривали ряд смежных вопросов, например, представление о судьбе в русской культуре [Радзиевская,

1991]. В контексте представления о свободе воли и предопределенности этой проблемы касался и Ю. С. Степанов в своем словаре «Константы. Словарь русской культуры» [Степанов, 1997]. А. Вежбицкая также затрагивает данный вопрос в анализе русских концептов СУДЬБА и АВОСЬ [Вежбицкая, 1997]. Другую сторону представления об удаче, связанную с идеей счастья, рассматривают в работах, посвященных концепту СЧАСТЬЕ, С. Г. Воркачев [Воркачев, 2001] и А. А. Зализняк [Зализняк, 2003].

В ряду более современных исследований концепт УДАЧА часто рассматривается в связи с анализом синонимичных концептов — в частности, концепта УСПЕХ [Каслова и др., 2010; Харитонова, 2015; Бакуменко, 2019 и др.]. Сам же концепт УДАЧА исследуется на разном языковом материале, например, на материале английской фразеологии [Лызлов, 2017], английской паремиологии (в сопоставлении с русской) [Иванова, 2016]. На материале русского языка, в частности, известно психолингвистическое экспериментальное исследование слова *удача* как ассоциативного имени (ассоциата в эксперименте) [Горинова, 2009].

В интересующем нас аспекте лингвокогнитивного описания моделей концептуальной метафоризации удачи в русской речи данный концепт в науке о языке еще не анализировался. Это позволяет говорить об определенной новизне исследования, представленного в настоящей статье.

2. Характеристика принципов и методов предпринятого исследования лингвокогнитивных моделей метафорического овеществления и одушевления концепта УДАЧА

Идеи современной когнитивной лингвистики, заложенные в работах Дж. Лакоффа [Lakoff, 2012], Ж. Фоконье [Fauconnier, 2010], Р. Лэнекера [Langacker, 2010] и др., прочно вошли в обиход современного гуманитарного знания. Одним из главных достижений современного лингвистического когнитивизма стала идея «телесной воплощенности» (conceptual embodiment) форматов знания о мире, моделей и паттернов человеческой психики, ценностных приоритетов и поведенческих установок, стоящих за словами и выражениями естественно языка [Lakoff et al., 1999; Johnson, 2012 и др.]. Сложная и отвлеченная информация в человеческой естественноязыковой когниции обязательно подлежит конкретно-чувственному представлению по моделям концептуальной метафоры Дж. Лакоффа-М. Джонсона [Лакофф и др., 2004].

Именно идеи и принципы анализа концептуальной метафоры в когнитивной лингвистике и стали теоретической базой настоящего исследования. В наивной картине мира, которая как раз и отражена в системе есте-

ственного языка, абстрактные понятия всегда подвергаются конкретно-чувственному переосмыслению по линии реификации (овеществления абстракции) или одушевления (понимания неодушевленной сущности как одушевленного объекта) [Langacker, 2010; Lakoff, 2012 и др.]. Основой овеществления или одушевления выступает концептуальная метафора как определенный формат представления опыта восприятия действительности, как способ хранения и трансляции информации о мире в мышлении и языке.

Согласно теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, все то новое, что мы узнаем о мире, всегда опирается на то, что нам уже известно из опыта нашего взаимодействия с действительностью, природной или социальной: мы просто переходим, посредством механизма ассоциации по сходству, от прежнего, исходного представления к новому, используем представление об известной сущности для понимания сущности новой. Метафора подобного рода не является, по сути, языковой метафорой. В теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона это именно «концептуальная метафора», потому что она функционирует в концептуальной системе людей и упорядочивает знание о мире человека, структурирует его опыт взаимодействия со средой, выступая как «объяснение одного опыта в терминах другого опыта» — например, объяснение абстрактной сущности через ее овеществленное или одушевленное, чувственно-воспринимаемое представление [Лакофф и др., 2004; Lakoff, 2012; Johnson, 2012].

Все это позволяет сформулировать цель исследования — проанализировать актуализованные в контекстах речевого употребления когнитивные модели и концептуальные схемы метафорического овеществления и одушевления концепта УДАЧА.

Материалом исследования являются контексты концептуальной метафоризации лексемы *удача* по данным Национального корпуса русского языка и собственного Интернет-мониторинга автора.

В качестве непосредственного метода исследования выступает процедура концептуального анализа, принятая в Нижегородской школе исследования концептов [Зусман и др., 2003; Русский язык …, 2014; Радбиль и др., 2019].

3. «Удача» в русской речи в свете моделей концептуальной метафоризации

В соответствии с принятой концепцией исследования мы рассмотрели две группы моделей концептуальной метафоризации удачи: (1) модели овеществления (реификации), когда удача метафорически представляется

как неодушевленный конкретно-чувственный объект, как точка, локализованная в пространстве, как вещество (субстанция), как контейнер (вместилище), как физическая среда; (2) модели одушевления, когда удача метафорически представляется либо вообще как живая, активно действующая сущность, либо как сверхъестественное или человеческое существо.

3.1. Концепт УДАЧА в моделях метафорического овеществления

Переосмысление абстрактных сущностей как конкретно-чувственных представлений вообще характерно для народно-мифологического мироощущения, что отражено в фольклорных текстах, в многочисленных пословицах, поговорках и загадках. Ср., в частности, пример пословицы, приводимой в иллюстративном материале словарного толкования *удавать* в словаре В. И. Даля: *Удача — брага, неудача — квас* [СД, т. IV, 1999, с. 483]. В настоящей работе нас интересуют рефлексы этих представлений в контекстах обыденного употребления слова *удача* (в речевой практике носителей русского языка), в которых также имеют место разнообразные явления овеществленного представления этого концепта.

Модель метафорического представления удачи как конкретно-чувственного объекта, предмета, вещи реализуется, как правило, при употреблении лексемы *удача* с глаголами:

— физического контакта и / или воздействия*: Как у всех людей, которых гнетёт судьба, у Дмитриева выработалось суеверие: он замечал, что бывают дни везения, когда одна* ***удача*** *цепляется за другую, и в такие дни надо стараться проворачивать как можно больше дел, и бывают дни невезения, когда ни черта не клеится, хоть лопни* (Юрий Трифонов. Обмен, 1969) [НКРЯ];

— локализации и / или перемещения в пространстве: *Он выше того, что зовется у людей добром и жестокостью, ибо как бы ни поступал любимец божий,* ***удача*** *его не заходит, как летнее солнце* (Александр Григоренко. Мэбэт // «Новый мир», 2011) [НКРЯ];

Бывает такое, — сама никогда до того не верила, что нежданно будет сваливаться ***удача за удачей*** (Анатолий Кириллин. С собой не возьму // «Сибирские огни», 2012) [НКРЯ];

— приобретения и / или утраты:

Семь способов *поймать* ***удачу*** (Издательство Манн, Иванов и Фербер, 2017) [ИМ];

Что не стоит выкидывать из дома, чтобы не потерять **удачу** *и достаток?* (Что не стоит выкидывать из дома, чтобы не потерять удачу и достаток, 2020) [ИМ].

Разновидностью данной модели является модель метафорического представления удачи как чувственно воспринимаемого ориентира движения, точки, локализованной в физическом или ином наблюдаемом пространстве:

Демон, живущий между лопатками, шептал, что проложит ему путь, выведет к ***удаче****, и что он сильнее, заведомо сильнее того, другого духа, который потворствует заморышу* (Александр Григоренко. Ильгет. Три имени судьбы // Урал, 2013) [НКРЯ];

Малозаметная лощинка в дикой каменистой маньчжурской степи не просто привела к ***удаче*** *некую роту (им, ротам, несть числа в любой армии), но первым маленьким шажком вывела замполита Белобородова в полководцы* (Игорь Николаев. Последний приказ генерала // «Звезда», 2001) [НКРЯ];

Этот уже пробивается, на пути к ***удаче****, если не к успеху* (А. Д. Шмеман. Дневники, 1973—1983) [НКРЯ].

Модель метафорического представления удачи как вещества (субстанции) реализуется, как правило, в употреблениях лексемы *удача* с глаголами, характерными для обозначения действий / движения разного типа веществ:

— плотных, тягучих, тяжелых субстанций: *Он понял, что ему привалила неслыханная* ***удача****!* (Людмила Петрушевская. Маленькая волшебница // «Октябрь», 1996) [НКРЯ];

— жидких субстанций: *По сообщающимся сосудам* ***удача*** *сестры перетекла к Леле — умер Лесючевский* (Сергей Каледин. Аллея Руж // «Огонек», 2013) [НКРЯ];

— легких, воздушных, светоносных субстанций: *Между прочим, когда «Самоубийце» забрезжит* ***удача*** *и Плучек соберется его поставить, С. В. немедленно подоспеет в качестве — как бы — соавтора* (С. Б. Рассадин. Книга прощаний. Воспоминания о друзьях и не только о них, 2004—2008) [НКРЯ].

Также для этой модели концептуальной метафоры имеются примеры генитивных партитивных употреблений лексемы *удача* при существительных с семантикой ‘часть чего-л.’ — *кусок, фрагмент, порция* и пр.: *Недавно я задумалась, как было бы здорово, если бы можно было положить в сумочку (вместе с кошельком и косметичкой) еще маленький кусочек* ***удачи*** (Н. Правдина. Маленькая книжка для получения большой удачи, 2015) [ИМ].

Модель метафорического представления удачи как трехмерного вместилища, в котором находится некое содержимое (метафора контейнера,

согласно [Лакофф и др., 2004]), как правило, проявляется в предложно-падежных сочетаниях «словоформа *в удаче* + глагол с семантикой хранения, нахождения, размещения в чем-л.»:

Также желательно, чтобы с точки зрения смежной с фэншуй науки под названием Бадзы (4 Столпа Судьбы) спортсмен находился в ***удаче*** *и для него были бы полезны элементы воды и дерева* (Фэншуй: Как привлечь в дом удачу и богатство // Комсомольская правда, 2007.07.23) [НКРЯ];

Поэтому в ***удаче*** *сплошь и рядом таится зародыш будущего поражения: достаточно напомнить классический пример Наполеона* (Григорий Коган. Работа пианиста, 1963) [НКРЯ].

Модель метафорического представления удачи как физической природной среды, в которой пребывают объекты, также, как правило, проявляется в сочетаниях словоформы *в удаче* с глаголами бытия или нахождения: *Водолей в мае будет* купаться *в счастье и* **удаче**. *Интуитивное чутье и предвидение многих событий помогут Водолеям в деловой сфере*… (Е. Костюченкова. Полоса удачи в мае начнётся у 3 знаков зодиака, 2020) [ИМ].

Разновидностью этой модели выступает представление об удаче как о некоем наблюдаемом пространстве, при наличии которого и / или при нахождении в котором субъект — носитель удачи — проявляет какие-то свойства. Данная разновидность обычно реализуется в сочетании предложно-падежного употребления *в удаче* с предикативными прилагательными типа *хорош (в ч.-л.)*:

В егерьском деле он педантичен в смысле соблюдения законов до излишества, но небрежен и холоден в ***удаче*** (Ю. М. Нагибин. Дневник, 1964) [НКРЯ];

Это были: очередной египетский Птолемей — тот самый, которому, по словам Клеомена, арфистки были дороже боевых коней; сирийский Антиох, запоздалый двойник своего прадеда Селевка, прозванный (несколько преждевременно) Великим; и очередной Филипп Македонский, племянник победителя при Селласии, царь, о котором говорили, что он хорош в беде и невыносим в ***удаче*** (М. Л. Гаспаров. Занимательная Греция, 1998) [ИМ].

Анализ показал, что в речевой практике носителей русского языка имеются разнообразные устойчивые модели дискурсной реализации овеществленного представления концепта УДАЧА. Это может свидетельствовать о значимости подобного овеществления удачи в языковом сознании русских людей в свете проявления более общей тенденции к овеществленному представлению абстракции любого типа в «наивной» модели мира [Апресян, 1986, с. 5—7], отраженной в естественном языке.

3.2. Концепт УДАЧА в моделях метафорического одушевления

Одушевленное и даже персонифицированное представление удачи, как и представление овеществленное, также, видимо, восходит к традициям народно-мифологического понимания абстрактных сущностей как злых или добрых духов, влияющих на жизнь человека, вообще как живых существ, что в целом выступает как проявление первобытного анимизма — одушевления всего сущего [ФЭС, 1983].

Примечательно в этом плане словарное толкование одного из значений слова *удача* (ныне — устаревшего), приводимое в словаре В. И. Даля, где слово *удача* рассматривается как одушевленное, мужского рода (по типу юноша): «**Удача** м. удалой, удалец, удатный, удатливый, храбрый, смелый, доблестный, отважный, притом расторопный, толковый, которому в отваге всегда удача: *Он парень удача. Приезжал удача, добрый молодец, Кирша*» [СД, т. IV, 1999, с. 483]. Но здесь мы имеем дело с моделью метонимического переноса *состояние / свойство → носитель состояния / свойства*. В нашем же материале интересны именно метафорические переносы, реализованные в сочетании данной лексемы с соответствующими глаголами или прилагательными, когда удаче приписываются свойства, в норме присущие живому существу.

Представление об удаче как о живой, активно и целесообразно действующей сущности, одухотворенной силе часто находит выражение в сочетаниях с агентивными глаголами — *преследовать, отворачиваться, приходить / уходить, порождать, сопровождать* и пр.:

С Зубром мне везло, ***удача*** *преследовала меня* (Даниил Гранин. Зубр, 1987) [НКРЯ];

Впрочем, если ***удача*** *отвернётся от вас или вам не нужно такое количество текстильных изделий, то ваш Ford Focus всегда ждёт вас в автосалоне «Независимость-Ford»* (Официальные дилеры // «Автопилот», 2002.05.15) [НКРЯ];

Все трое были надежными стрелками, каким не стыдно показать свое умение на большом празднике, но сейчас ***удача*** *уходила от них* (Александр Григоренко. Ильгет. Три имени судьбы // Урал, 2013) [НКРЯ];

Новая ***удача*** *начинающего художника породила и новых завистников (уже в среде профессиональных художников), что, в свою очередь, повлекло новую волну сплетен* (Валерий Роньшин. Аркадий Петрович Чесноков-Богданов // «Сибирские огни», 2013) [НКРЯ];

Удача сопровождала самолет до Гавайских островов, но при подлете к береговой полосе великого материка поспешно удалилась (Илья Бояшов. Путь Мури, 2007) [НКРЯ];

Всячески советую не пропустить завершившиеся в номере мемуары Бориса Фридмана «Мои военные дороги» — судьба у этого девяностопятилетнего человека страшная, но, благодаря его удивительному дару жить, ***удача*** *его не покидала* (Наталья Игрунова. Грустные люди. Журнальное обозрение // «Известия», 2002.03.26) [НКРЯ];

У «Хапоэля», помимо хорошей игры, есть и ***удача****, которая всегда тянется к сильным* (Виктор Кордовский. Вокруг спорта // «Вестник США», 2003.07.09) [НКРЯ].

Иногда эффект одушевления усиливается за счет сочетания слова *удача* с глаголами физического действия, в норме выполняемого только живыми существами (людьми, животными): *У везучего и нескладно, да ладно, у него, как говорят, и петух несётся. Рот распахнёт —* ***удача*** *туда и прыгнет. Везучесть сопровождала Зубра всегда, и никакие обстоятельства не могли их разлучить* (Даниил Гранин. Зубр, 1987) [НКРЯ].

Представление об удаче как об одушевленном, активно и целесообразно действующем существе, одухотворенной силе может быть контекстуально конкретизировано по двум направлениям.

(1) Удача может быть представлена как персонифицированное сверхъестественное существо, вмешивающееся в жизнь человека:

«Нельзя топтать свою ***удачу****, или твоя* ***удача*** *начнет топтать тебя», — пробурчала Танька себе под нос и, пригнувшись к контрабасу, атаковала Кенг-Кинга по дуге* (Дмитрий Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона, 2004) [НКРЯ];

Всякой силе, даже такой, как у него, есть предел, и ***удача*** *коварна даже с теми, у кого она засиделась, как обнаглевший гость* (Александр Григоренко. Мэбэт // «Новый мир», 2011) [НКРЯ].

В некоторых случаях это может подчеркиваться передачей этого слова с прописной буквы как имени собственного: *Величественная Старая Тётка* ***Удача*** *дождалась своего часа* (Татьяна Соломатина. Отойти в сторону и посмотреть, 2011) [НКРЯ].

(2) Но чаще всего удаче приписываются свойства именно человеческого существа. Это проявляется, прежде всего, в сочетаемости слова *удача* с глагольными или адъективными предикатами, в норме присущими исключительно человеку — *улыбаться, изменять, любить, плевать, благоволить*, *быть благосклонным* и пр.:

И хотя ему может улыбнуться случайная ***удача****, куда чаще низкоквалифицированному хакеру с завышенными притязаниями не удаётся самореализоваться* (А. Е. Войскунский, О. В. Смыслова. Роль мотивации «потока» в развитии компетентности хакера // «Вопросы психологии», 2003) [НКРЯ];

Впрочем, иногда ***удача*** *улыбается нашим теоретикам: подходящее исследование в литературе описано* (Сергей Алексеев. Превращения цепей. Премия для молодого ученого-теоретика // «Известия», 2003.02.20) [НКРЯ];

В Доме кино вашим покорным слугам ***улыбнулась*** *удача, и мы встретили среди остальной праздношатающейся публики нескольких настоящих кинематографистов* (Иван Охлобыстин. Жизнь Вани Охлобыстина // «Столица», 1997.03.04) [НКРЯ];

Три дня и три ночи оплакивал он своего слона. С тех пор ***удача*** *изменила ему. Войско его было разбито. Карфаген разрушен, а сам он умер в изгнании в 183 году до новой эры* (Надоело воевать! // «Трамвай», 1990) [НКРЯ];

Часто везучие суеверно твердят, что везёт тому, кто трудится, что ***удача*** *любит терпеливых и тому подобное* (Даниил Гранин. Зубр, 1987) [НКРЯ];

Зашёл в «Белого Носорога», на удачу. ***Удача*** *плевать на меня хотела. Времени до поезда полно, пошёл прощаться с писателем, выпросил автограф* 9Слава Сэ. Ева, 2010) [НКРЯ];

Вот откуда берется безграмотность растущего поколения. ***Удача*** *благоволит храбрым* (Снежные барсы (форум), 2007) [НКРЯ];

На этот раз удача благосклонна к нам: полоса проходит по достаточно обжитым областям страны с хорошо развитой транспортной сетью, и при желании по своей стране можно без особого труда добраться к месту полной фазы (А. Остапенко. В погоне за тенью // «Наука и жизнь», 2006) [НКРЯ].

Интересны также атрибутивные контексты, когда слово *удача*, кроме присоединения предикатов, характерных для человека, еще и определяется прилагательными, которые в норме могут характеризовать внешний облик и особенности поведения человеческого существа: *Но бывало и так, что одна лишь* ***удача****, вульгарная, голая, с крашеными губами, пьяно подмигнув, протягивала ему руку* (Майя Кучерская. Тетя Мотя // «Знамя», 2012) [НКРЯ].

Анализ показал активность и устойчивость моделей одушевленного метафорического представления удачи в речевой практике носителей русского языка. В разнообразных контекстах удача представлена как одушевленная сущность, одухотворенная сила, как человеческое существо или как сверхъестественное существо. Это свидетельствует о сохранении в русском языковом сознании когнитивных схем языковой концептуализации мира, возникших на ранних этапах культурного развития, в рамках еще до-логических, народно-мифологических форм языкового мышления.

4. Заключение

Исследование показало когнитивную и лингвокультурную значимость концептуально-метафорических моделей овеществления и / или одушевления для языкового воплощения концепта УДАЧА в русской речи. Можно утверждать, что активность этих моделей для образцов употребления проанализированной лексемы *удача* представляет собой проявление более общей тенденции, вообще присущей естественно-языковой концептуализации мира. Согласно этой тенденции, концептуально-метафорическое овеществление или одушевление абстрактной сущности выступает как основной способ понимания и переживания любого абстрактного содержания в языковой деятельности этноса по когнитивному осваиванию мира.

Для абстрактных понятий типа *удача, счастье, судьба, правда* и пр. когнитивные модели овеществления и одушевления вообще имеют почтенную многовековую традицию не только в русской, но и в мировой культуре. Ср., например, приводимые в сборнике В. И. Даля пословицы: *Удача — кляча; садись да скачи; Удача нахрап любит; Удача сама не приходит: ее работа за руку приводит* и др. [ПД, 2000, с. 585].

Конкретно-чувственное, овеществленное или одушевленное, в том числе персонифицированное, представление концепта УДАЧА в речевой практике носителей русского языка вполне отвечает определенным фундаментальным моделям миропонимания, берущим свое начало в мифологическом анимизме, при котором нейтрализуются базовые культурные оппозиции конкретное / абстрактное, реальное / вымышленное, материальное / идеальное, живое / неживое и под.

Источники и принятые сокращения

1. ИМ — Языковые данные, полученные в результате интернет-мониторинга автора в русскоязычном сегменте сети интернет.

2. НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http: // www.ruscorpora.ru

3. ПД — *Даль В. И.* Пословицы русского народа / В. И. Даль. — Москва : Изд. дом ННН ; Эксмо-Пресс, 2000. — 616 с.

4. СД — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 4 / В. И. Даль. — Москва : Рипол-Классик, 1999. — 1144 с.

5. ФЭС — Философский энциклопедический словарь [Элктронный ресурс] / гл. ред. Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. — Москва : Советская энциклопедия, 1983. — 840 с. — Режим доступа : http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophical/index.htm. (Дата обращения : 20.04.2019).

Литература

1. *Апресян Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю. Д. Апресян // Семиотика и информатика : сборник научных статей. — Москва : Наука, 1986. — Вып. 28. — С. 15—33.

2. *Бакуменко Г. В.* Эволюционный семиотический ряд концепта «успех» / Г. В. Бакуменко // Межкультурные коммуникации: русский язык в современном измерении : тезисы докладов участников международной научной конференции. — Симферополь : КФУ им. В. И. Вернадского, 2019. — С. 86—87.

3. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая ; пер. с англ. ; ред. М. А. Кронгауз. — Москва : Русские словари, 1997. — 416 с.

4. *Воркачев С. Г.* Концепт счастья в русском языковом сознании : опыт лингвокультурологического анализа / С. Г. Воркачев. — Краснодар : Техн. ун-т КубГТУ, 2002. — 142 с.

5. *Горинова Н. С.* Структура ассоциативного имени *Удача* по данным русского ассоциативного словаря / Н. С. Горинова // Молодой ученый. — 2009. — № 6. — С. 90—93.

6. *Зализняк А. А.* Ключевые идеи русской языковой картины мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — 544 с.

7. *Зализняк А. А. Счастье* и *наслаждение в* русской языковой картине мира / А. А. Зализняк // Русский язык в научном освещении. — 2003. — № 1 (5). — С. 85—105.

8. *Зусман В. Г.* Национальный культурный мир как концептосфера / В. Г. Зусман, З. И. Кирнозе // Язык. Культурные концепты. Текст : межвузовский сборник научных трудов. — Нижний Новгород : Изд-во НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2003. — С. 85—90.

9. *Иванова Е. А.* Анализ пословичной метафоры на примере русских и английских паремий с концептом «удача» / Е. А. Иванова // Язык и культура : материалы XI международной научно-практической конференции. — Челябинск : Энциклопедия, 2016. — С. 15—23.

10. *Каслова А. А.* Концепт УСПЕХ / SUCCESS в русской и английской картине мира / А. А. Каслова, Н. А. Чернова // Политическая лингвистика. — 2010. — Вып. 2 (32). — С. 176—180.

11. *Ковшова М. Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии : Коды культуры / М. Л. Ковшова. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2013. — 456 с.

12. *Лакофф Дж.* Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. — Москва : Едиториал, 2004. — 256 с.

13. *Лызлов А. И.* Концепт «удача» во фразеологических единицах английского языка / А. И. Лызлов // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. — 2017. — Вып. 105, № 3 (399). — С. 45—50.

14. *Макшанцева А. Л.* Концепт «удача» в русской языковой картине мира (по данным лексикографических источников) / А. Л. Макшанцева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2020. — № 2. — С. 290—295.

15. *Радбиль Т. Б.* Концепт «*грех*» в контексте лексикографического описания ключевых концептов русской культуры / Т. Б. Радбиль, В. В. Сайгин // Вопросы лексикографии. — 2019. — № 15. — С. 36—59.

16. *Радбиль Т. Б.* Прецедентные тексты в языковой картине мира / Т. Б. Радбиль // Языковая картина мира в синхронии и диахронии : сборник научных трудов. — Нижний Новгород : НГПУ, 1999. — С. 34—41.

17. *Радзиевская Т. В.* Слово *судьба в* современных контекстах / Т. В. Радзиевская // Логический анализ языка : Культурные концепты : сборник научных трудов. — Москва : Наука, 1991. — С. 64—72.

18. *Русский язык* начала XXI века : лексика, словообразование, грамматика, текст : коллективная монография / Т. Б. Радбиль, Е. В, Маринова, Л. В. Рацибурская [и др.]. — Нижний Новгород : Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2014. — 325 с.

19. *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. — Москва : Академпроект, 1997. — 989 с.

20. *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. — 288 с.

21. *Харитонова О. В.* Концепт «успех» в русской и американской лингвокультурах / О. В. Харитонова, Е. О. Царегородцева // Национальная ассоциация ученых. — 2015. — № 4—6 (9). — С. 166—168.

22. *Fauconnier G.* Mental spaces : Aspects of meaning construction in natural languages (Repr. ed. 1994) / G. Fauconnier ; ed. by D. Geeraerts, H. Cuyckens. — Oxford : The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics, 2010. — 190 p.

23. *Fleischer M.* Die Semiotic des Spruches : Kulturelle Dimensionen moderner Sprüche / M. Fleischer. — Bochum : Brockenmeyer, 1991. — 422 s.

24. *Gümen S.* Ethnische Stereotypen, Fremdheit und Abgrenzung / *S.* Gümen, L. Herwartz-Emden // Osnabrücker Jahrbuch. Frieden und Wissenschaft. — 1996. — Ausgabe 3. — S. 181—197.

25. *Johnson M.* The Body in the Mind : The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. (Repr. ed. 1987) / M. Johnson. — Chicago, IL : The University of Chicago Press, 2012. — 272 p.

26. *Lakoff G.* Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought / G. Lakoff, M. Johnson. — New York : Basik Books, 1999. — 624 p.

27. *Lakoff G.* Women, Fire, and Dangerous Things : What Categories Reveal About the Mind. (Repr. ed. 1987) / G. Lakoff. — Chicago, IL : University of Chicago Press, 2012. — 614 p.

28. *Langacker R. W.* Control and the mind. Body duality: knowing vs. effecting / R W. Langacker // E. Tabakowska, M. Choinsky, L. Wirazshka (eds). Cognitive Linguistics in Action. From Theory to Application and Back. — Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2010. — P. 163—208.

29. *Wierzbicka A*. Understanding cultures through their key words : English, Russian, Polish, German, and Japanese / A. Wierzbicka. — New York : Oxford University Press, 1997. — 328 p.

30. *Wilson M.* Six Views of Embodied Cognition / M. Wilson // Psychonomic Bulletin & Review. — 2002. — № 9 (4). — P. 625—636.

Models of Conceptual Metaphorization of Word "Udacha" [Luck] in Context of Linguistic Objectification of the Concept in Russian

© Anna L. Makschantseva (2020), orcid.org/0000-0001-6901-5989, SPIN 8276-3526, AuthorID 1076712, graduate student; lecturer, Faculty of Supplementary Education for Foreign Citizens, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Linguistics University of Nizhny Novgorod" (Nizhny Novgorod, Russia), anna-makschantseva@yandex.ru.

One of the aspects of the complex linguo-cognitive description of the concept UDACHA (LUCK) and the features of its linguistic representation in Russian speech is presented in the article. Attention is paid to the discourse actualization of models of conceptual metaphorization of the word *luck* as a basic representative of the concept of the same name. The aim of the research is to analyze cognitive models and conceptual schemes of metaphorical reification and animation of the concept UDACHA, actualized in contexts. The research material was extracted from the Russian National Corpus and collected in the course of the Internet monitoring conducted by the author of the article. The method of research is the procedure of conceptual analysis adopted in the Nizhny Novgorod school of concept research. The question is raised that the rethinking of abstract entities through concrete-sensory representations is generally characteristic of the folk-mythological perception of the world, presented in the "naive" picture of the world, reflected in natural language. It is shown that in metaphorical models of reification, luck is figuratively represented as an inanimate concrete-sensual object, as a point localized in space, as a substance, as a container (receptacle), as a physical environment. It has also been established that in metaphorical models of animation and / or personification, luck is metaphorically represented either in general as a living, actively acting entity, or as a supernatural or human being. It is concluded that in the Russian linguistic consciousness, the cognitive schemes of the linguistic conceptualization of the world are active and stable, which arose at the early stages of the spiritual evolution of the Russian world and have a centuries-old tradition not only in Russian, but also in world culture.

Key words: UDACHA concept; conceptual metaphor; models of reification; animation models; linguo-cognitive analysis of concepts; linguistic objectification; Russian language.

Material resources

IM — *Yazykovyye dannyye, poluchennyye v rezultate internet-monitoringa avtora v russkoyazychnom segmente seti internet*. (In Russ.).

NKRYa — *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*. Available at: https://ruscorpora.ru/new/. (In Russ.).

PD — Dal, V. I. (2000). *Poslovitsy russkogo naroda*. Moskva: Izd. dom NNN; Eksmo-Press. (In Russ.).

SD — Dal, V. I. (1999). *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*. Moskva: Ripol-Klassik. 4/4. (In Russ.).

FES — Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'. (1983). Moskva: Sovetskaya entsiklopediya. Available at:http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophical/index.html. (In Russ.).

References

Apresyan, Yu. D. (1986). Deyksis v leksike i grammatike i naivnaya model mira. In: *Semiotika i informatika*. Moskva: Nauka. 28: 15—33. (In Russ.).

Bakumenko, G. V. (2019). Evolyutsionnyy semioticheskiy ryad kontsepta «uspekh». In: *Mezhkulturnye kommunikatsii: russkiy yazyk v sovremennom izmerenii*. Simferopol: KFU im. V. I. Vernadskogo. 86—87. (In Russ.).

Fauconnier, G. (2010). *Mental spaces: Aspects of meaning construction in natural languages*. (Repr. ed. 1994). Oxford: The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics.

Fleischer, M. (1991). *Die Semiotic des Spruches: Kulturelle Dimensionen moderner Spruche*. Bochum: Brockenmeyer.

Gorinova, N. S. (2009). Struktura assotsiativnogo imeni Udacha po dannym russkogo assotsiativnogo slovarya. *Molodoy uchenyy*, *6:* 90—93. (In Russ.).

Gümen, S., Herwartz-Emden, L. (1996). Ethnische Stereotypen, Fremdheit und Abgrenzung. *Osnabrücker Jahrbuch. Frieden und Wissenschaft*, *Ausgabe 3:* 181—197.

Ivanova, E. A. (2016). Analiz poslovichnoy metafory na primere russkikh i angliyskikh paremiy s kontseptom «udacha». In: *Yazyk i kultura: materialy XI mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii.* Chelyabinsk: Entsiklopediya. 15—23. (In Russ.).

Johnson, M. (2012). *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason.* (Repr. ed. 1987). Chicago, IL: The University of Chicago Press.

Kaslova, A. A., Chernova, N. A. (2010). Kontsept USPEKh / SUCCESS v russkoy i angliyskoy kartine mira. *Politicheskaya lingvistika*, *2 (32):* 176—180. (In Russ.).

Kharitonova, O. V., Tsaregorodtseva, E. O. (2015). Kontsept «uspekh» v russkoy i amerikanskoy lingvokulturakh. *Natsionalnaya assotsiatsiya uchenykh, 4—6 (9):* 166—168. (In Russ.).

Kovshova, M. L. (2013). *Lingvokulturologicheskiy metod vo frazeologii: Kody kultury*. Moskva: LIBROKOM. (In Russ.).

Lakoff, Dzh., Dzhonson, M. (2004). *Metafory, kotorymi my zhivem*. Moskva: Editorial. (In Russ.).

Lakoff, G. (2012). *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Lakoff, G., Johnson, M. (1999). *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought*. New York: Basik Books.

Langacker, R. W. (2010). Control and the mind. Body duality: knowing vs. effecting. In: *Cognitive Linguistics in Action. From Theory to Application and Back*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter. 163—208.

Lyzlov, A. I. (2017). Kontsept «udacha» vo frazeologicheskikh edinitsakh angliyskogo yazyka. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki, 105 (3):* 45—50. (In Russ.).

Makshantseva, A. L. (2020). Kontsept «udacha» v russkoy yazykovoy kartine mira (po dannym leksikograficheskikh istochnikov). *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo, 2:* 290—295. (In Russ.).

Radbil, T. B. (1999). Pretsedentnyye teksty v yazykovoy kartine mira. In: *Yazykovaya kartina mira v sinkhronii i diakhronii.* Nizhniy Novgorod: NGPU. 34—41. (In Russ.).

Radbil, T. B., Marinova, E. V, Ratsiburskaya, L. V. (et al.) (2014). *Russkiy yazyk nachala XXI veka: leksika, slovoobrazovanie, grammatika, tekst*. Nizhniy Novgorod: Izdvo NNGU im. N. I. Lobachevskogo. (In Russ.).

Radbil, T. B., Saygin, V. V. (2019). Kontsept «grekh» v kontekste leksikograficheskogo opisaniya klyuchevykh kontseptov russkoy kultury. *Voprosy leksikografii, 15:* 36—59. (In Russ.).

Radzievskaya, T. V. (1991). Slovo sud'ba v sovremennykh kontekstakh. In: *Logicheskiy analiz yazyka: Kulturnyye kontsepty.* Moskva: Nauka. 64—72. (In Russ.).

Stepanov, Yu. S. (1997). *Konstanty. Slovar' russkoy kultury. Opyt issledovaniya*. Moskva: Akademproekt. (In Russ.).

Teliya, V. N. (1996). *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokulturologicheskiy aspekty*. Moskva: Shkola Yazyki russkoy kultury. (In Russ.).

Vezhbitskaya, A. (1997). *Yazyk. Kultura. Poznanie.* Moskva: Russkie slovari. (In Russ.).

Vorkachev, S. G. (2002). *Kontsept schastya v russkom yazykovom soznanii: opyt lingvokulturologicheskogo analiza*. Krasnodar: Tekhn. un-t KubGTU. (In Russ.).

Wierzbicka, A. (1997). *Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, German, and Japanese*. New York: Oxford University Press.

Wilson, M. (2002). Six Views of Embodied Cognition. *Psychonomic Bulletin & Review, 9 (4):* 625—636.

Zaliznyak, A. A., Levontina, I. B., Shmelev, A. D. (2005). *Klyuchevyye idei russkoy yazykovoy kartiny mira*. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russ.).

Zaliznyak, A. A. (2003). Schastye i naslazhdenie v russkoy yazykovoy kartine mira. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii, 1 (5):* 85—105. (In Russ.).

Zusman, V. G., Kirnoze, Z. I. (2003). Natsionalnyy kulturnyy mir kak kontseptosfera. In: *Yazyk. Kulturnye kontsepty. Tekst*. Nizhniy Novgorod: Izd-vo NGLU im. N. A. Dobrolyubova. 85—90. (In Russ.).

Минеева З. И. Феминитивы с суффиксом *-щиц(а) /-чиц(а)* / З. И. Минеева // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 142—157. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-142-157.

Mineeva, Z. I. (2020). Feminitives with Suffix '-shits(a) /-chits(a)'. *Nauchnyi dialog, 7:* 142-157. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-142-157. (In Russ.).

УДК 811.161.1'373.611
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-142-157

Феминитивы с суффиксом *-щиц(а) /-чиц(а)*

© **Минеева Зоя Ивановна (2020),** orcid.org/0000-0003-4678-3461, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петрозаводский государственный университет» (Петрозаводск, Россия), zmineeva@rambler.ru.

Рассматриваются феминитивы (существительные, обозначающие женщин) современного русского языка, образованные с помощью продуктивной суффиксальной морфемы *-щиц(а) / -чиц(а)*. Охарактеризованы воззрения ученых XIX—XXI веков на процесс деривации существительных женского рода. Актуальность исследования обусловлена стабильной продуктивностью суффиксального форманта и недостаточной разработкой теории словообразования феминитивов. Используются структурно-семантический и корпусный методы. Новизна и научная значимость работы определяется прежде всего материалом исследования: анализируются неологизмы, которые включены в словари новых слов 1971—2014 годов, Национальный корпус русского языка (основной и газетный корпусы), используются в медийных текстах. Показана специфика фиксации коррелятов мужского и женского рода в толковых словарях последних лет издания. Особое внимание уделяется семантике новообразований, предлагается классификация новых феминитивов по семантическим свойствам. Выявляются мотивирующие слова, морфонологические особенности соединения форманта с мотивирующей основой. Автор останавливается на потенциальных неологизмах. Делается вывод о том, что образование феминитивов с суффиксами *-щиц(а) / -чиц(а)*, как и существительных мужского рода со значением лица, осуществляется с помощью глаголов и девербативов, имен существительных и прилагательных.

Ключевые слова: феминитив; словообразование; суффиксальный способ; семантика.

1. Введение: актуальность изучения слов с суффиксом *-щиц(а)/-чиц(а)*

В современном словообразовании номинации человека занимают центральную позицию, что обусловливает важность и актуальность изучения процессов образования обозначений человека, к которым относятся дериваты с суффиксом *-щиц(а) / -чиц(а)*. Учеными-дериватологами подчеркивается рост личностного начала в современном русском словообразовании [Рацибурская и др., 2015, с. 160], проявляющийся в появлении значитель-

ного числа неодериватов со значением лица на протяжении последних десятилетий.

Из соотносительных суффиксов *–щик / -чик* и *-щиц(а) / -чиц(а)* именно первой морфеме уделяется значительное внимание в современных лингвистических исследованиях, в то время как статус последней понимается учеными неоднозначно, равно как и мотивационные связи дериватов с исходными основами.

Наконец, интерес к словообразованию феминитивов — имен существительных, обозначающих женщин, — определяется динамическими изменениями в группе обозначений женщин и активизацией дискуссий относительно симметрии / асимметрии суффиксальных номинаций мужчин и женщин в современном русском языке.

Данное исследование ставит целью определение лексико-семантических и деривационных особенностей неодериватов-феминитивов 1960—2019 годов. Материалом выступают данные словарей новых слов 1971—2016 годов, Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и медиатекстов. Основные методы исследования — структурно-семантический и корпусный.

2. Ретроспективный взгляд на освещение в научной литературе деривационных процессов с участием суффикса *-щиц(а) / -чиц(а)*

Суффикс *-щиц(а) / -чиц(а)* по происхождению является исконным, сложным (производным); по стилистической маркированности — нейтральным, не имеющим признаков сниженности, в отличие, например, от *-ш(а)*. В современном русском языке *-щиц(а) / -чиц(а)* представляет собой самостоятельную словообразовательную морфему, регулярный продуктивный суффикс существительных женского рода, соотносительный с суффиксом существительных мужского рода. В современных лингвистических исследованиях отмечается рост дериватов на *–щик / -чик* [Рацибурская и др., 2015, с. 161; Воеводина, 2018, с. 23; Земская, 2009, с. 114; Юдина, 2010, с. 105], в то время как роль суффикса *-щиц(а) / -чиц(а) в* активных процессах мутационного словообразования не выявляется.

Ретроспективный взгляд на освещение в научной литературе деривационных процессов с участием суффикса *-щиц(а) / -чиц(а)* позволяет обнаружить неоднозначную трактовку как самого словообразовательного форманта, так и дериватов с его участием.

С одной стороны, данный формант трактуется как самостоятельная производная словообразовательная единица: «-ЩИЦ-/-ЧИЦ- Регулярная и продуктивная словообразовательная единица, образующая имена суще-

ствительные, которые являются названиями лиц женского пола» [Ефремова, 2005, с. 516]; как производная морфема: «От суффикса *-иц(а)* образовалась целая группа производных суффиксов: *-ниц(а)* (*учительница*, *работница*), *-щиц(а)* (*гардеробщица*, *обманщица*), *-чиц(а)* (*летчица*, *докладчица*)» [Потиха, 1970, с. 202]; «К личному суффиксу *-иц(а)* примыкает длинная цепь производных продуктивных суффиксов, также образующих названия лиц женского пола, *-щиц(а)* и *-чиц(а)* (соотносительно с *-чик* и *-щик)*: *натурщица, конторщица, прогульщица, спорщица, уборщица, доносчица, переписчица, укладчица* и т. п.» [Виноградов, 1982, с. 117].

Рассмотрение суффикса *-щиц(а) / -чиц(а)* как самостоятельной морфемы восходит к концепции Г. П. Павского, изложенной в фундаментальном труде и не утратившей своей актуальности в наши дни: «§ 143. Женские окончания *ница, щица* (*чица* после д, т) в предложных именах также часто слышны, как и мужеские *ник, щик*, и имена с окончаниями *ница, щица* таким же точно образом производятся от глаголов и имен, как мужеские с окончаниями *ник, щик.* От искусный, разумный — *искусник, разумник* м., *искусница, разумница* ж.; от поденский (не употр.) — *поденщик* м., *поденщица* ж.; от заводской — *заводчик* м., *заводчица* ж.; от приказский — *прикащик* м., *прикащица* ж.» [Павский, 1850, с. 237]. Суффикс назван, в соответствии с терминологией XIX века, окончанием.

С другой стороны, *-щиц(а) / -чиц(а)* отсутствует в перечне суффиксальных морфов, а дериваты, в состав которых он входит, рассматриваются в параграфе к *-иц(а)*: «Суффикс *-иц(а)*. Существительные с суф. *-иц(а)* (фонематически /иц/) мотивированы существительными муж. р. <…> с суф. <…> *-щик, -чик*»; в качестве примеров приводятся *закройщица, буфетчица* [РГ-80, с. 201], аналогично подается в «Словаре словообразовательных аффиксов современного русского языка» с примерами *летч-иц-а, разведчиц-а, сборщ-иц-а, кладовщ-иц-а, комплектовщ-иц-а* и т. п. [Лопатин, 2016, с. 420].

Имеются две точки зрения на образование новых слов с данным формантом. По мнению ряда ученых, существительные женского рода, обозначающие женщин, образуются от названий лиц мужского пола: «браковщик > браковщ-иц-а, буфетчик > буфетч-иц-а; визировщик > визировщ-иц-а (спец.), филон > филон-щиц-а (прост.)» [Лопатин, 2016, с. 420]; «Наименования женщин всегда выступают как коррелятивные к мужским и производные от них по форме», «Женские соответствия образуются регулярно к наименованиям мужчин, как отыменным, так и отглагольным: Она *гобеленщица* // (РЯ); *модная манекенщица* (ЛГ. 1986)» [Земская, 2009, с. 148—149]. Различия в трактовке процесса образования существительных жен-

ского рода касаются некоторых деталей. И. Ф. Протченко выделяет тип (или модель) с заменой суффикса мужского рода суффиксом женского рода (*дрессировщик — дрессировщица, текстильщик — текстильщица*) [Протченко 1975, с. 285; Протченко, 1984, с. 152], аналогично о замене «суффикса -щик- (-чик-) на *-щиц(а), -чиц(а)»* писал З. А. Потиха, сопровождая свое рассуждение примерами: гардероб/щиц/а (гардероб/щик), *обманщица, наборщица, газетчица, рассказчица*. [Потиха, 1970, с. 198], а также Н. А. Янко-Триницкая: «…слова женск. рода на -иц-а, -ниц-а, производные от слов муж. рода на -тель, -щик, напр.: *возобновительница* от *возобновитель, выставляльщица* от *выставляльщик*» [Янко-Триницкая, 2001, с. 113].

Концепция, согласно которой феминитивы образуются от коррелятивных единиц мужского рода, является наиболее распространенной и восходит к русским грамматикам XIX века, в частности, к «Пространной русской грамматике» Н. И. Греча, где образование существительных женского рода объясняется не иначе как через посредство имен мужского рода: «Женские имена, произведенные от мужеских, оканчиваются большею частию на ка, ха, ца, нья и ша» [Греч, 1827, с. 144]. Эта точка зрения транслируется зарубежными лингвистами: «The suffixes -ница (after -тель, or replacing -ник), -чица, -щица (replacing -чик, -щик) become widespread» [Comrie et al., 1978, с. 161].

Такой подход представлен в оформлении словарных статей к анализируемым феминитивам: «КАВЭЭНЩИК, а, м. Участник игры в КВН; член команды КВН. *Заядлый кавээнщик*. — БТС 1998: кавээнщик. КАВЭЭНЩИЦА, ы, ж. Женск. к кавээнщик. — БТС 1998: кавээнщица» [БАС-3, с. 527].

Вторая точка зрения на деривацию феминитивов с *-щиц(а)/-чиц(а)* заключается в том, что образование существительных мужского и женского рода с соотносительными суффиксами трактуется как кодеривация от общих мотивирующих основ. Так, Т. Ф. Ефремова считает, что суффикс *-щиц(а)* «присоединяется преимущественно к непроизводной основе мотивирующих имен существительных и прилагательных»: *блокировка — блокировщица* и др. [Ефремова, 2005, с. 516].

«Словообразовательный параллелизм» отмечается в образовании имен лиц с вторичными суффиксами от общих основ: *контора — конторщик и конторщица* [Изменения …, 1964, с. 75]. В. В. Виноградов, отмечая соотносительность суффиксов: «*-щиц(а)* и *-чиц(а)* (соотносительно с *-щик* и *-чик*): *натурщица, конторщица, прогульщица, спорщица, уборщица, доносчица, переписчица, угадчица* и т.п.», — не писал о производстве данных единиц от коррелятов мужского рода [Виноградов, 1982, с. 117].

На кодеривации существительных мужского и женского рода от общей мотивирующей основы акцентирует внимание протоиерей Г. Павский в примечании к § 154: «Я сличаю женские имена с мужескими не в том предположении, будто женские имена необходимо происходят от мужеских. Нет, те и другие сходны только в том, что имеют общий корень, а производственные слоги могут быть у каждого пола свои» [Павский, 1850, с. 252].

Анализ неодериватов исследуемого периода доказывает правомерность позиции Г. Павского и его последователей и предоставляет аргументы в ее поддержку.

3. Словообразовательная активность суффикса *-щиц(а) / -чиц(а)* по данным неографии

Образование новых номинаций женщин остается стабильно активным на протяжении длительного времени и обнаруживает положительную динамику в периоды резких экономических, политических и социальных изменений. Активность словообразовательных процессов находится в тесной связи с действием экстралингвистических факторов. Активизация образования обозначений лиц женского пола наблюдается в эпоху после революции 1917 года: «Октябрь, утвердивший равноправие женщин, дал им возможность приобщиться ко многим профессиям и должностям, которые ранее им были недоступны. Это вызвало необходимость приспособить имеющуюся словообразовательную систему к новым нуждам» [Потиха, 1970, с. 200]. А. М. Селищев приводит существительные с *-щиц(а) / -чиц(а)* в обзоре лексики послереволюционного времени («Из словаря колхоза»): *дойщаца* упоминается на фоне большого количества имен мужского рода с соотносительным суффиксом: *коллективщик*, *недосевщик* [Селищев, 1968, с. 473, 472, 483]. *Забастовщик*, *забастовщица* [Протченко, 1975, с. 108]. Развитие спорта в середине прошлого века дает толчок к образованию имен лиц типа *пистолетчица, вертолетчица, летчица, гранатометчица* [Протченко, 1984, с. 98]. Исследователями отмечаются новообразования 1920-х годов. В общественно-политической сфере: *аппаратчица, женотдельщица, застрельщица, коммунальщица, учкомщица* [Русский язык …, 1968б, с. 195]. Номинации «по общественному положению, взглядам, партийности, по отношению к новому строю»: *аппаратчик*, *губотдельщик, трибунальщик*; в период с конца 1920-х годов «многочисленные наименования различных профессий, а также технических и производственных операций, образованные суффиксальным путем от именных и глагольных основ, причем в числе последних есть как русские, так и иноязычные: <…>

подземщик, прокатчик, доменщик, арматурщик, кессонщик, тоннельщик, бетонщик, конверторщик»; в 1940—60-е гг. — *сварщик, электронщик, вакуумщик, ракетчик, реактивщик*» [Русский язык …, 1968а, с. 57—58].

Корреляты к некоторым из них появляются позже, согласно данным НКРЯ, феминитив *арматурщица* зафиксирован в 1960-е годы (документы в основном корпусе 1968 и 1969 гг.), *бетонщица* в 1990-е годы, *тоннельщица* (2010 г.), остальные отсутствуют.

Появление словарей новых слов дает возможность увидеть активность моделей деривации с исследуемым формантом в течение нескольких десятилетий. По нашим наблюдениям, 14,6 % неологизмов от общего количества суффиксальных феминитивов, зафиксированных словарями новых слов в течение 1971—2014 годов, имеют суффиксальный формант *-щиц(а) / -чиц(а)*. Согласно данным неографии, в течение 1960—1990-х годов русский язык пополнился 71 новым словом, образованным с помощью суффикса *-чиц(а) / -щиц(а)*: 26 в 1960—1970-е годы, 28 в 1980-е годы, 17 в 1990-е годы.

Анализ неодериватов показывает, что при образовании новых феминитивов участвуют 3 словообразовательные модели. Примечательно, что суффикс *-щиц(а) / -чиц(а)*, соотносящийся с суффиксом *щик / -чик*, присоединяется к тем же основам. Особенности словообразования, мотивирующих слов (основ) для дериватов на *–щик / -чик* исследованы и подробно описаны в диссертации А. Г. Лыкова и других работах, в которых подчеркивается связь существительных с суффиксом *-щик* с отглагольными именами (*набирать — набрать — набор — наборщик*) и существительными: «Сочетание суффикса *-щик* с основами имен существительных и глаголов остается устойчиво продуктивным в образовании существительных, обозначающих лиц»; «продуктивность образований существительных суффиксом *-щик* от основ прилагательных уменьшается» [Изменения …, 1964, с. 37].

Анализ неодериватов женского рода с соотносительным суффиксом *-щиц(а) / -чиц(а)* позволяет обнаружить продуктивность моделей, включающих основы глаголов и девербативов, субстантивов и адъективов. Словообразовательное значение: лицо женского пола по действию, объекту, признаку, названными мотивирующими словами.

Модель 1: V (глагольная основа) + *-щиц(а) / -чиц(а)*: *опрокидывать вагонетки — опрокидчица*; *экипировать — экипировка* (железнодорожных составов) — *экипировщица, пикетировать — пикетировка — пикетировщица*.

Модель 2: N (субстантивная основа) + *-щиц(а) / -чиц(а)*: *пиар — пиарщица* (публ. разг.).

Модель 3: Adj (адъективная основа) + *-щиц(а) / -чиц(а)*: *авиационная промышленность — авиационщица* (разг.).

Формант присоединяется к субстантивной мотивирующей основе без морфонологических изменений *пиар + -щиц(а) → пиарщица,* художественная *галерej(а) + -щиц(а) → галерейщица.*

Сочетание форманта с глагольными и адъективными основами сопровождается морфонологическими особенностями, к которым относится чередование парных твердых / мягких согласных и усечение финалей.

Чередование согласных [н] — [н’] мотивирующих основ: *клофелин — клофелинщица, огранка — огранщица*.

Усечение финалей *-ыва-* в мотивирующих глагольных основах: *расписывать — расписчица*; *-к-* в мотивирующих девербативах: *рыбообработка — рыбообработчица*; *-н-* в основах мотивирующих прилагательных: *персональная опека* (спорт.) — *персональщица, новостийный — новостийщица* (разг.-проф.).

Выявленные модели проявляют разную степень продуктивности; в первой наибольшая продуктивность свойственна образованиям на основе девербативов, собственно глагольные основы используются не так часто. Отсубстантивная и отадъективная модели в равной степени продуктивны.

Дериваты, как правило, характеризуются отсутствием стилистической маркированности, исключения составляют единичные разговорные единицы (*тусовщица*), а также феминитивы, употребление которых ограничено профессиональной сферой, в последнем случае новое слово снабжается в словаре пометами «спортивное», «разговорно-профессиональное» (*персональщица, новостийщица*). Данная характеристика форманта отмечается учеными [Виноградова, 2011, с. 97; Протченко, 1984, с. 157].

4. Семантика феминитивов с суффиксом *-щиц(а) / -чиц(а)*

Изучение выявленных в неографии неодериватов-феминитивов показывает большое разнообразие их семантики. Их ономасиологическая структура отсылает к характеристикам по отношению к действию и объекту. Ономасиологический предикат, подвергающийся элиминации в процессе словообразования, — ‘работать, заниматься, осуществлять’. *Планировщица* — женщина, которая планирует, занимается планировкой. Акцентологическая общность девербатива *планировка* и феминитива *планировщица* служит аргументом в пользу того, что мотивирующим словом при словообразовании является именно девербатив, а не исходный однокоренной глагол: *планировать — планировка — планировщица.*

I. Профессиональные номинации. Номинации по профессиональной деятельности включают несколько групп:

(1) по названию выполняемой операции: *рыбообработчица* (рыбообработка) [НРЛ-77; НСЗ-97]; *экипировщица* (экипировка ж/д составов) [НРЛ-77]; *доводчица* (осуществлять доводку), *заварщица* (заварка, сварка), *огранщица* (огранка), *планировщица* (планировка), *юстировщица* (юстировка оптических приборов) [НСЗ-84]; *газосварщица* (газосварка) [НРЛ-86]; *пикетировщица* (пикетировка) [НРЛ-88]; по действию: *позолотчица* (позолотить) [НСЗ-84]; *расписчица* (проф.) (расписывать что-л.) [НРЛ-80]; *опрокидчица* (опрокидывать вагонетки) [НРЛ-88];

(2) по орудию, по механизму, с помощью которого осуществляется производственная деятельность: *аккумуляторщица* (аккумулятор) [НРЛ-78]; *гребнечесальщица* (гребнечесальная машина), *зубофрезеровщица* (зубофрезерный станок), *пескоструйщица* (пескоструйный аппарат) [НСЗ-84]; *кеттельщица* (кеттельная машина) [НРЛ-80]; *ротаторщица* (размножение текста на ротаторе) [НРЛ-84];

(3) по специализации предприятия, учреждения, отдела, программы, являющихся местом работы женщины: *камвольщица* (камвольное предприятие), *авиационщица* (разг.) (авиационная промышленность) [НРЛ-86]; *чайханщица* (чайхана) [НСЗ-97]; *галерейщица* (художественная галерея) [НРЛ-91; НСЗ-09]; *новостийщица* (разг.-проф.) (новостийный), *пиарщица* (публ. разг.) (пиар), *PR-щица* (публ. разг.) (PR) [НСЗ-14].

II. Непрофессиональные номинации:

(1) по участию в общественной и политической деятельности, по взглядам: *женсоветчица* (женсовет) [НРЛ-77; НСЗ-97]; *застойщица* (разг.) (застой), *перстройщица* (разг.) (перестройка) [НРЛ-88];

(2) по участию в спорте согласно видам спорта: *ориентировщица* (спортивное ориентирование) [НСЗ-84]; по специализации, роли в команде: *забойщица* (разг. проф.) (забить) [НСЗ-97]; *персональщица* (разг. проф.) (персональная опека в спорте) [НСЗ-14];

(3) по качествам, свойствам, в том числе по хобби, увлечению: *рок-н-рол/л/ьщица* (рок-н-ролл) [НСЗ-14]; привычному времяпрепровождению: *тусовщица* (разг.) (тусовка) [НСЗ-14];

(4) по принадлежности к сообществу, группе: *лимитчица* (разг.) (лимит) [НСЗ-97];

(5) по объекту криминальной деятельности: по нелегальному действию, операции: *нелегальщица* (нелегальный), *самовольщица* (разг.) (самовольно, без разрешения что-л. построить) [НРЛ-85]; *наркоперевозчица* (наркоперевозка) [НСЗ-14]; по месту: *дальнобойщица* (жарг.) ‘проститутка’

(дальнобойныасая трасс) [НРЛ-88]; по используемому запрещенному веществу, препарату: *клофелинщица* (разг.) (клофелин); по акции: *лотерейщица* (разг.) (мошенническая лотерея), *лохотронщица* (разг.) (лохотрон), *пирамидчица* (разг. неодобр.) (финансовая пирамида) [НСЗ-14].

Как видим, наибольшее количество новообразований являются обозначениями женщин по отношению к предприятию, производимой операции.

Нередко дериваты с данными суффиксами входят в словообразовательные синонимические пары или ряды, таковы *галеристка* и *галерейщица*, *доярка* и *дойщица*.

5. Неологизмы последних лет

Продуктивность и стилистическая нейтральность форманта позволяет использовать его в сочетании с мотивирующими основами широкого спектра семантики и структуры. Хронологически материал неографии ограничен 1990-ми годами. Более поздние новообразования включают феминитивы, отражающие новые реалии XXI века. К модели с суффиксом *-щиц(а)* обращаются при поиске новых профессиональных обозначений, необходимость которых обусловлена инфляцией статуса, стремлением к повышению значимости профессионального занятия: до тех пор, пока не утвердилось обозначение *мастер по маникюру*, вместо *маникюрша* употребляются *маникюристка* и *маникюрщица* (в НКРЯ 6 документов и словоупотреблений 1990—2010 годов): *В Интернете много ссылок на* ***маникюрщиц****, выезжающих на дом* (Комсомольская правда, 2006.09.25) [НКРЯ].

К неологизмам последних лет с семантикой профессиональной деятельности относятся: *дальнобойщица****,*** *детективщица, компьютерщица, разрисовщица, дистанционщица,* зафиксированные в медиатекстах и НКРЯ.

Например, в журнале «Огонек» в связи со снятием запрета Министерства труда для женщин на работу дальнобойщиками с 1 января 2021 года опубликована статья о женщинах из разных регионов РФ, перевозящих грузы в больших фурах на дальние расстояния; наряду с номинациями мужского рода используется феминитив*:* ***Дальнобойщицы*** *находятся в дороге от нескольких дней до нескольких месяцев; Оплата труда* ***дальнобойщиков*** *выше средней по стране, и это одна из причин, по которой женщины выбирают эту сложную профессию. Но деньги, говорят* ***дальнобойщицы****, все-таки не главное* [Молокова М. Хозяйки дорог // Огонек, 14.10.2019, с. 10—13].

Все более частотным становится слово *компьютерщица*. Приведем пример из текста детектива: *Две девочки-**компьютерщицы** варили кофе* (Белоусова В. По субботам не стреляю, 2000) [НКРЯ].

Детективщица образует пару с *детективщик* ‘писатель детективного жанра’: *…когорта **детективщиц**; Улицкая — **детективщица**?* [Радио Маяк,13.09.2016]. К потенциальным словам относятся составные композиты [Минеева, 2016], которые легко образуются, когда появляется потребность в новой номинации: *Такие имена, как Николай Леонов (генерал-лейтенант, 33 года проработавший в разведке), Борис Кондаков (полковник службы внешней разведки), Михаил Любимов (полковник КГБ), на слуху у любителей шпионских романов. Им не платят таких гонораров, как женщинам-**детективщицам** Марининой, Устиновой, Шиловой и тем более Донцовой, но на литературный заработки можно прожить* (Труд-7, 2010.07.26) [НКРЯ].

Неодериват *оборонщица* соотносится с сочетанием *оборонный (комплекс)*: *Обнять бы инженерку-**оборонщицу**, что училась на отлично сбивать американские ракеты…* (Щербакова Г. Актриса и милиционер, 1999) [НКРЯ].

Дистанционщица производно от *дистанционный* (об обучении): «*Наша студентка-**дистанционщица** Ольга Агафонова из Сыктывкара побывала в Кирове* [Наша …, 2016].

Непрофессиональные номинации представлены обозначениями по роду занятий, роли, участию в той или иной ситуации: *обменщица, дольщица, креативщица, угонщица* и др.

Слово *обменщица* используется в рассказе «Часы» Т. Набатниковой как обозначение хозяйки квартиры, выставленной на обмен, и представляет собой номинацию по отношению к действию (*обменивать*): *Когда же мы отправились в бюро обмена, чтобы оформить наконец наши документы, то оказалось, что мы с моей **обменщицей** — однофамилицы* (Набатникова Т. День рождения кошки, 2001) [НКРЯ].

Существительное *дольщица* мотивировано словом *доля*, поскольку имеет референцию с денотатом «участие в долевом строительстве»: *Ведь некоторые из пострадавших ждут обещанных квартир уже более пяти лет. Например, **дольщица** Зоя Казанцева в 2004 году отдала компании полмиллиона рублей* (Комсомольская правда, 2013.11.14) [НКРЯ].

Феминитив *угонщица* соотносим с широко употребительным обозначением лица мужского пола *угонщик* и фиксируется в текстах СМИ: *…найти машину, а вместе с ней и неудачливую **угонщицу**, особого труда сотрудникам ГАИ не составило…* (Комсомольская правда, 2009.07.31) [НКРЯ].

Существительное *креативщица* образовано — согласно типичному, регулярно проявляющемуся качеству действий, совершаемых человеком, — от прилагательного *креативный*: *Спектакль по пьесе Алексея Голякова «**Креативщица**» вошел в десятку лучших из 120* (Итальянская гастроль Алексея Голякова // Известия, 2011.02.04) [НКРЯ].

В субстандарте обнаруживается слово *лимонщица*, производное от жарг. *лимон* ‘миллион’: «*Красавица миллионерша… я покосился на Лушу… какая она «миллионерша»? Так — «**лимонщица**»!* (Попов В. Будни гарема, 1994) [НКРЯ].

В интернет-дискурсе новообразования с суффиксами *-щиц(а) / -чиц(а)* также имеют популярность: *инстаграмщица, интернетчица* и др.

6. Выводы

Итак, проведенный анализ показал, что суффикс *-щиц(а) / -чиц(а)* является продуктивным формантом, участвующим в деривации новых феминитивов, в том числе последних лет. Значительная доля неодериватов фиксируется лексикографией, также новые единицы появляются в современных медиатекстах.

Выявлено, что *-щиц(а) / -чиц(а)* является формантом в трех продуктивных словообразовательных моделях с мотивирующими глагольными, субстантивными и адъективными основами.

Суффикс является стилистически нейтральным, отсутствие стилистической маркированности присуще большинству дериватов. Это не препятствует тому, что коррелят мужского рода выступает гиперонимом по отношению к феминитиву.

Новые феминитивы в профессиональной сфере появляются в случае, когда ограничения экстралингвистического характера под влиянием определенных причин перестают действовать, то есть создаются условия для реализации возможностей деривационной системы.

Спектр семантических групп, к которым относятся феминитивы с суффиксом *-щиц(а) / -чиц(а)*, достаточно широк и включает как профессиональные, так и непрофессиональные номинации. Можно отметить тренд к количественному увеличению группы неодериватов-феминитивов с данным формантом, а также к их качественному семантическому разнообразию.

Источники и принятые сокращения

1. БАС-3 — *Большой* академический словарь русского языка / ред. К. С. Горбачевич. — Москва ; Санкт-Петербург : Наука, 2007. — Т. 7. — 729 с.

2. *Молокова М.* Хозяйки дорог // Огонек, 14.10.2019, с. 10—13.

3. *Наша* студентка-дистанционщица Ольга Агафонова из Сыктывкара побывала в Кирове (2016) // Дистанционное образование в Кирове : блог управления электронным образованием ВятГУ. Киров. 22 августа. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://do-kirov.blogspot.com/2016/08/blog-post_91.html.

4. НКРЯ — *Национальный корпус* русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru. (Дата обращения: 05.2020).

5. НРЛ-77 — *Новое в русской* лексике. Словарные материалы-1977 / ред. Н. З. Котелова. — Москва : Русский язык, 1980. — 176 с.

6. НРЛ-78 — *Новое в русской* лексике. Словарные материалы-1978 / ред. Н. З. Котелова. — Москва : Русский язык, 1981. — 262 с.

7. НРЛ-80 — *Новое в русской* лексике. Словарные материалы-1980 / ред. Н. З. Котелова. — Москва : Русский язык, 1984. — 287 с.

8. НРЛ-84 — *Новое в русской* лексике. Словарные материалы-1984 / ред. Н. З. Котелова. — Москва : Русский язык, 1989. — 427 с.

9. НРЛ-85 — *Новое в русской* лексике. Словарные материалы-1985 / ред. Н. З. Котелова, Ю. Ф. Денисенко. — Санкт-Петербург : Дм. Буланин, 1996. — 351 с.

10. НРЛ-86 — *Новое в русской* лексике. Словарные материалы-1986 / ред. Н. З. Котелова. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1996. — 381 с.

11. НРЛ-88 — *Новое в русской* лексике. Словарные материалы-1988 / ред. Е. А. Левашов. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1996. — 420 с.

12. НРЛ-91 — *Новое в русской* лексике. Словарные материалы-1991 / ред. Ю. Ф. Денисенко. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2005. — 605 с.

13. НСЗ-09 — *Новые слова* и значения : словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX в. : в 3 томах / отв. ред. Т. Н. Буцева. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2009. — Т. 1. — 816 с.

14. НСЗ-14 — *Новые слова* и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов. XX века : в 3 томах. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2014. — Т. 2. — 1392 с. — Т. 3. — 1360 с.

15. НСЗ-84 — Новые слова и значения : словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / ред. Н. З. Котелова. — Москва : Русский язык, 1984. — 808 с.

16. НСЗ-97 — *Новые слова* и значения : словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов / ред. Е. А. Левашов. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1997. — 904 с.

17. РГ-80 — Русская грамматика : в 2 томах. — Москва : Наука, 1980. — Т. 1. — 784 с.

Литература

1. *Виноградов В. В.* Русский язык. (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. — Москва : Высшая школа, 1986. — 640 с.

2. *Виноградова В. Н.* Стилистический аспект русского словообразования / В. Н. Виноградова. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2011. — 184 с.

3. *Воеводина Г. А.* Названия профессий в лексике ремесел русского языка (на материале словарей) / Г. А. Воеводина // Лингвистические традиции и современность : сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора В. Н. Немченко. — Нижний Новгород, 2018. — С. 20—24.

4. *Греч Н.* Пространная русская грамматика, изданная Николаем Гречем / Н. Греч. — Санкт-Петербург : в тип. издателя, 1827. — Т. 1. — 387 с.

5. *Земская Е. А.* Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. — Москва : Наука, 2009. — 224 с.

6. *Ефремова Т. Ф.* Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка / Т. Ф. Ефремова. — Москва : АСТ ; Астрель, 2005. — 636 с.

7. *Изменения* в словообразовании и формах существительного и прилагательного / ред. В. В. Виноградов, Н. Ю. Шведова. — Москва : Наука, 1964. — 600 с.

8. *Лопатин В. В.* Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка / В. В. Лопатин, И. С. Улуханов. — Москва : Азбуковник, 2016. — 812 с.

9. *Минеева З. И.* Агентивы с компонентами мужчина, женщина в современном русском языке / З. И. Минеева // Научное наследие Б. Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания : сборник статей по материалам Международной научной конференции. — Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2016. — С. 324—328.

10. *Павский Г.* Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение 2. Об именах существительных / Г. Павский. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1850. — 335 с.

11. *Потиха З. А.* Современное русское словообразование : пособие для учителя / З. А. Потиха. — Москва : Просвещение, 1970. — 384 с.

12. *Протченко И. Ф.* Лексика и словообразование русского языка советской эпохи : социолингвистический аспект / И. Ф. Протченко. — Москва : Наука, 1975. — 324 с.

13. *Протченко И. Ф.* Русский язык: проблемы изучения и развития / И. Ф. Протченко. — Москва : Педагогика, 1984. — 224 с.

14. *Рацибурская Л. В.* Новые тенденции в современном медийном словотворчестве / Л. В. Рацибурская, Н. А. Самыличева, А. В. Шумилова // Новые тенденции в русском языке начала XXI века : колл. монография. — Москва : Флинта ; Наука, 2015. — С. 134—221.

15. *Русский язык* и советское общество : социолого-лингвистическое исследование : в 4 т. Т. 1. Лексика современного русского литературного языка / авт. И. П. Мучник, М. В. Панов и др. — Москва : Наука, 1968а. — 185 с.

16. *Русский язык* и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование : в 4 т. Т. 2. Словообразование современного русского литературного языка / авт. Д. И. Алексеев, Р. В. Бахтурина и др. — Москва : Наука, 1968б. — 300 с.

17. *Селищев А. М.* Избранные труды / А. М. Селищев. — Москва : Просвещение, 1968. — 640 с.

18. *Юдина Н. В.* Русский язык в XXI веке: кризис? Эволюция? Прогресс? : монография / Н. В. Юдина. — Москва : Гнозис, 2010. — 293 с.

19. *Янко-Триницкая Н. А.* Словообразование в современном русском языке / Н. А. Янко-Триницкая. — Москва : Индрик, 2001. — 504 с.

20. *Comrie* B. Russian Language since the Revolution / B. Comrie, G. Stone. — Oxford : Oxford University Press, 1978. — 258 p.

Feminitives with Suffix '-shits(a) /-chits(a)'

© Zoya I. Mineeva (2020), orcid.org/0000-0003-4678-3461, Doctor of Philology, professor, Russian Language Department, associate professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Petrozavodsk State University" (Petrozavodsk, Russia), zmineeva@rambler.ru.

The feminitives (nouns denoting women) of the modern Russian language, formed with the help of the productive suffixal morpheme '-shits(a) /-chits(a)' are considered. The views of scientists of the 19th-21st centuries on the process of derivation of feminine nouns are characterized. The relevance of the study is due to the stable productivity of the suffix formant and the insufficient development of the theory of word formation of feminitives. Structural-semantic and corpuscular methods are used. The novelty and scientific significance of the work is determined primarily by the research material: neologisms, which are included in the dictionaries of new words of 1971—2014, the Russian National Corpus (main and newspaper corps) used in media texts, are analyzed. The specifics of correlates of male and female gender fixing in the explanatory dictionaries of the last years of publication are shown. Particular attention is paid to the semantics of neoplasms, a classification of new feminitives by semantic properties is proposed. Motivating words, morphological features of the compound of the formant with the motivating basis are revealed. The author dwells on potential neologisms. The conclusion is made that the formation of feminitives with suffixes '-shits(a) /-chits(a)', as well as masculine nouns with value of a person, is carried out using verbs and deverbatives, nouns and adjectives.

Key words: feminitive; word formation; suffix method; semantics.

Material resources

BAS-3 — Gorbachevich, K. S. (ed.). (2007). *Bolshoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka*. Moskva; Sankt-Peterburg: Nauka. 7. (In Russ.).

Molokova, M. (2019). Khozyayki dorog. In: *Ogonek*, 14.10. 10—13. (In Russ.).

Nasha studentka-distantsionshchitsa Olga Agafonova iz Syktyvkara pobyvala v Kirove (2016) In: *Distantsionnoye obrazovaniye v Kirove: blog upravleniya elektronnym obrazovaniem VyatGU*. Kirov. 22 avgusta. Available at: http://do-kirov.blogspot.com/2016/08/blog-post_91.html. (In Russ.).

NKRYa — *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*. Available at: http://www.ruscorpora.ru (data obrashcheniya: 05.2020). (In Russ.).

NRL-77 — Kotelova, N. Z. (ed.). (1980). *Novoye v russkoy leksike. Slovarnyye materialy-1977*. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.).

NRL-78 — Kotelova, N. Z. (ed.). (1981). *Novoye v russkoy leksike. Slovarnyye materialy-1978*. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.).

NRL-80 — Kotelova, N. Z. (ed.). (1984). *Novoye v russkoy leksike. Slovarnyye materialy-1980*. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.).

NRL-84 — Kotelova, N. Z. (ed.). (1989). *Novoye v russkoy leksike. Slovarnyye materialy-1984*. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.).

NRL-85 — Kotelova, N. Z., Denisenko, Yu. F. (eds.). (1996). *Novoye v russkoy leksike. Slovarnyye materialy-1985*. Sankt-Peterburg: Dm. Bulanin. (In Russ.).

NRL-86 — Kotelova, N. Z. (ed.). (1996). *Novoye v russkoy leksike. Slovarnyye materialy-1986*. Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin. (In Russ.).

NRL-88 — Levashov, E. A. (ed.). (1996). *Novoye v russkoy leksike. Slovarnyye materialy-1988*. Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin. (In Russ.).
NRL-91 — Denisenko, Yu. F. (ed.). (2005). *Novoye v russkoy leksike. Slovarnyye materialy-1991*. Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin. (In Russ.).
NSZ-84 — Kotelova, N. Z. (ed.). (1984). *Novyye slova i znacheniya: slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 70-kh godov*. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.).
NSZ-97 — Levashov, E. A. (ed.). (1997). *Novyye slova i znacheniya: slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 80-kh godov*. Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin. (In Russ.).
NSZ-09 — Butseva, T. N. (ed.). (2009). *Novyye slova i znacheniya: slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-kh godov XX veka*. Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin. 3/1. (In Russ.).
NSZ-14 — Butseva, T. N., Levashov, E. A. (eds.). (2014). *Novyye slova i znacheniya: slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-kh godov XX veka*. Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin. 3/2. (In Russ.).
NSZ-14 — Kozhevnikov, A. Yu. (et al.). (2014). *Novyye slova i znacheniya: slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-kh godov XX veka*. Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin. 3/3. (In Russ.).
RG-80 — *Russkaya grammatika*. (1980). Moskva: Nauka, 1980. 2/1. (In Russ.).

References

Alekseev, D. I., Bakhturina, R. V. (et al.). (1968б). *Russkiy yazyk i sovetskoye obshchestvo. Sotsiologo-lingvisticheskoye issledovaniye. Slovoobrazovaniye sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka.* Moskva: Nauka. 4/2. (In Russ.).
Comrie, B., Stone, G. (1978). *Russian Language since the Revolution.* Oxford: Oxford University Press.
Efremova, T. F. (2005). *Tolkovyy slovar' slovoobrazovatelnykh edinits russkogo yazyka*. Moskva: AST; Astrel. (In Russ.).
Grech, N. (1827). *Prostrannaya russkaya grammatika, izdannaya Nikolayem Grechem*. Sankt-Peterburg: v tip. izdatelya. 1. (In Russ.).
Lopatin, V. V., Ulukhanov, I. S. (2016). *Slovar' slovoobrazovatelnykh affiksov sovremennogo russkogo yazyka*. Moskva: Azbukovnik. (In Russ.).
Mineyeva, Z. I. (2016). Agentivy s komponentami muzhchina, zhenshchina v sovremennom russkom yazyke. In: *Nauchnoye nasledie B. N. Golovina v svete aktualnykh problem sovremennogo yazykoznaniya: sbornik statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Nizhniy Novgorod. DEKOM. 324—328. (In Russ.).
Muchnik, I. P., Panov, M. V. (et al.). (1968a). *Russkiy yazyk i sovetskoye obshchestvo: sotsiologo-lingvisticheskoye issledovanie. Leksika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka*. Moskva: Nauka. 4/1. (In Russ.).
Pavskiy, G. (1850). *Filologicheskie nablyudeniya nad sostavom russkogo yazyka. Rassuzhdenie 2. Ob imenakh sushchestvitelnykh*. Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk. (In Russ.).
Potikha, Z. A. (1970). *Sovremennoye russkoe slovoobrazovanie: posobie dlya uchitelya*. Moskva: Prosveshchenie. (In Russ.).
Protchenko, I. F. (1975). *Leksika i slovoobrazovanie russkogo yazyka sovetskoy epokhi. sotsiolingvisticheskiy aspekt*. Moskva: Nauka. (In Russ.).

Protchenko, I. F. (1984). *Russkiy yazyk: problemy izucheniya i razvitiya.* Moskva: Pedagogika. (In Russ.).

Ratsiburskaya, L. V., Samylicheva, N. A., Shumilova, A. V. (2015). Novyye tendentsii v sovremennom mediynom slovotvorchestve. In: *Novye tendentsii v russkom yazyke nachala XXI veka*. Moskva: Flinta; Nauka. 134—221. (In Russ.).

Selishchev, A. M. (1968). *Izbrannyye trudy*. Moskva: Prosveshchenie. (In Russ.).

Vinogradov, V. V., Shvedova, N. Yu. (eds.). (1964). *Izmeneniya v slovoobrazovanii i formakh sushchestvitelnogo i prilagatelnogo*. Moskva: Nauka. (In Russ.).

Vinogradov, V. V. (1986). *Russkiy yazyk. (Grammaticheskoye uchenie o slove)*. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).

Vinogradova, V. N. (2011). *Stilisticheskiy aspekt russkogo slovoobrazovaniya*. Moskva: LIBROKOM. (In Russ.).

Voyevodina, G. A. (2018). Nazvaniya professiy v leksike remesel russkogo yazyka (na materiale slovarey). In: *Lingvisticheskie traditsii i sovremennost'*. Nizhniy Novgorod. 20—24. (In Russ.).

Yanko-Trinitskaya, N. A. (2001). *Slovoobrazovanie v sovremennom russkom yazyke.* Moskva: Indrik. (In Russ.).

Yudina, N. V. (2010). *Russkiy yazyk v XXI veke: krizis? Evolyutsiya? Progress*? Moskva: Gnozis. (In Russ.).

Zemskaya, E. A. (2009). *Slovoobrazovanie kak deyatelnost'*. Moskva: Nauka. (In Russ.).

Обухова О. Н. Средства языковой объективации образа немецкого рыцаря в художественной картине мира Средневековья / О. Н. Обухова, О. В. Байкова // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 158—176. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-158-176.

Obukhova, O. N., Baykova, O. V. (2020). Means of Language Objectification of the German Knight Image in the Artistic Picture of World in Middle Ages. *Nauchnyi dialog, 7:* 158-176. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-158-176. (In Russ.).

УДК 811.112.2’04+81’373.23
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-158-176

Средства языковой объективации образа немецкого рыцаря в художественной картине мира Средневековья

© **Обухова Ольга Николаевна (2020)** orcid.org/0000-0002-8658-6000, Researcher ID V-4993-2018, кандидат филологических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет» (Киров, Россия), Obuchova.75@mail.ru.

© **Байкова Ольга Владимировна (2020)** orcid.org/0000-0002-4859-8553, Researcher ID A-7435-2016, Scopus Author ID 57148217500, доктор филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет» (Киров, Россия), olga-baykova@yandex.ru.

Представлен анализ исторических, культурно мотивированных представлений о немецком рыцаре, которые объективированы в языке не только в стандартных, унифицированных эталонах, но прежде всего в социо- и этнокультурных оценках и стереотипах. Материалом исследования послужили немецкие рыцарские романы: «Тристан» («Tristan») Готфрида Страсбургского, «Бедный Генрих» («Der arme Heinrich») Гартмана фон Ауэа, «Энеида» («Eneasroman») Генриха фон Фельдеке. Особое вниматие в статье уделяется исследованию показателей национальной специфики образа немецкого рыцаря. В работе доказано, что актуализация лексических единиц, служащих для репрезентации образа рыцаря, во многом специфична и обусловлена жанровой спецификой текстов западноевропейской литературы Средневековья. Утверждается, что в художественной картине мира Средневековья аккумулируются знания носителей средневековой немецкой культуры об окружающей действительности, объективированные семантикой и прагматикой языковых и речевых единиц, структур, композиций, объединяемых в целом характеристикой окружающего мира. Делается вывод о том, что образ рыцаря воплощает комплекс мировоззренческих координат и ценностей рыцарского сословия, которые зафиксированы в вербальном (художественном) тексте в виде особо организованной системы знаний и представлений о мире.

Ключевые слова: Средневековье; средства языковой объективации; образ немецкого рыцаря; национально-культурная специфика.

1. Образ средневекового человека в российских и зарубежних научных исследованиях

Использование в настоящей работе понятия «образ» требует внести определенность в понимание соответствующего термина. Не имея перед собой цели дать новое определение или обзор имеющихся в современной науке точек зрения, остановимся на одном из обобщающих определений О. Г. Эксле, который трактует это понятие в историческом аспекте как «бесконечное число “образов” людей различных эпох и культур: образов индивидуальных и групповых, а также таких, которые соотносятся с сословиями, слоями, классами» [Эксле, 2007, с. 305]. Нельзя не согласиться и с мнением крупнейшего современного философа и медиевиста А. Я. Гуревича, который подчеркивает, что в общем и целом «каждое общество имеет своих героев, вырабатывает тип идеального человека, которому следует подражать; во всяком случае, этот идеальный образец играет определенную роль в нравственном воспитании и поэтому может служить отражением морального состояния общества» [Гуревич, 1984, с. 203].

Ряд отечественных и зарубежных исследователей в области истории, лингвокультурологии и литературоведения, в частности, Н. Д. Арутюнова [Арутюнова 1999], П. М. Бицилли [Бицилли 1995], А. Брайант [Брайант 2001], А. Я. Гуревич [Гуревич, 1984], ле Гофф [Гофф 2005], признают, что достаточно сложно представить целостный образ человека в историческом ракурсе. По мнению А. Я. Гуревича, «трудность заключается не просто в своеобразии средневековых источников, которые одновременно и проливают свет на человеческую личность, и затрудняют доступ к ее познанию, камуфлируя ее единичность системой топосов и стереотипов» [Гуревич, 1984, с. 7]. По словам Н. Д. Арутюновой, сложность заключается также и в изменчивости языковых моделей человека, их различии в разных языках и их изменчивости во времени [Арутюнова, 1999, с. 10].

О проблеме реконструкции образа человека в контексте православной и католической проповеди говорит М. А. Корзо, подчеркивая, что «каждая эпоха создает свое видение человека, тот набор идеальных образов, к воплощению которых она стремится» [Корзо, 1999, с. 3]. Стремясь дать целостную характеристику средневекового человека, М. П. Бицилли пытается проникнуть в сущность человека и найти «ключ к пониманию тех простейших форм сознания, которые заложены в основе духовной природы средневекового человека» [Бицилли, 1995, с. 12]. Заявленное положение подкрепляется сходным тезисом ле Гоффа, который утверждает, что «изучать образы, порожденные воображением общества, означает добраться до глубин сознания этого общества, проследить его историческую эволюцию, достичь истоков, глубинной сущности человека» [Гофф, 2005, с. 12].

2. Национальная специфика образа немецкого рыцаря

Опираясь на различные подходы к толкованию объекта нашего исследования, в частности, на предложенные М. П. Одинцовой [Одинцова, 2000, с. 8] и Л. Б. Никитиной [Никитина, 2006, с. 6] дефиниции «образа-концепта», попытаемся сформулировать и проанализировать определение «образа человека». Под данным определением мы понимаем обобщенные знания и представления о человеке, зафиксированные в национальном языке и представляющие комплекс накопленных в процессе когнитивной деятельности носителей языка и культуры представлений о внешнем и внутреннем мире человека (внешность, образ жизни, система ценностей и идеалы, стереотипы поведения, ментальная деятельность и т. д.). При этом объективированные в представления данные могут подвергаться в художественной картине мира (далее — ХКМ) вариативным модификациям и трансформациям, адаптируясь к условиям своего воплощения в художественном тексте**.** Необходимо отметить, что в настоящей работе используются примеры из немецких рыцарских романов: «Тристан» («Tristan») Готфрида Страсбургского, «Бедный Генрих» («Der arme Heinrich») Гартмана фон Ауэа, «Энеида» («Eneasroman») Генриха фон Фельдеке.

Следует обратить внимание на то, что национальное видение человека категоризуется языком не только в стандартных представлениях, унифицированных эталонах, но прежде всего в этнокультурных оценках и стереотипах, которые выступают показателями национальной специфики образа немецкого рыцаря, поэтому при его реконструкции важно выявить ключевые аспекты в представлениях о немецком рыцаре по следующим критериям:

— ключевым номинациям и вариативным обозначениям человека в средневерхненемецком языке;

— образу немецкого рыцаря в сопоставлении с образами людей разных сословий на синтагматическом (текстовом) уровне;

— концептуальной категоризации образа рыцаря: а) происхождению, социальному статусу, б) возрасту, в) семейному положению, г) роду деятельности, д) прагматическим стереотипам социального взаимодействия в средневековом обществе.

Далее более подробно рассмотрим данные критерии.

2.1. Ключевые номинации и вариативные обозначения человека в средневерхненемецком языке

В картине мира немецкого рыцарства можно выделить следующие лексемы, которые в художественном универсуме рыцарских романов слу-

жат для обозначения человека: *man (mann)*, *mensch, liute (lûte), vrowe (frow / frou), wîp (wîbe), kint (kinde)*. Выбор для анализа именно этих слов не случаен: показатели репрезентантов разных социальных классов средневекового общества в большой степени отражают специфику восприятия картины мира носителями этнокультуры.

В художественном тексте лексические единицы *man*, *mann*, *mensch* служат для вербализации понятия «человек (представитель человеческого рода)» и выступают в значениях ‘мужчина’, ‘муж’ (ср.: *dâ was doch man bî wîbe, sô was ouch wîp bî manne* ‘мужчина был при женщине, женщина при мужчине’ [Straßburg, 2007b]), ‘воин’ (ср.: *nu wâfent er sich alsô wol, als ein man ze noeten sol* ‘он вооружился, как и подобало воину’ [Straßburg, 2007a]). Данные лексемы могут служить для номинации общего класса людей и, следовательно, соотноситься с абстрактным и конкретным множествами индивидов. Наиболее репрезентативно «человек» представлен в мотивирующих контекстах с лексемой *man*, которая обладает относительной самостоятельностью. В художественном тексте немецких рыцарских романов лексема *man*, характеризующаяся пропозициями типа *ieglîch* ‘каждый, всякий’ или неопределенным артиклем *ein*, мыслится как будто бы объективированно и не идентифицируется с конкретным человеком, ср.: *ieglîch biderber man jehen, der sî dâ heime hât gesehen* ‘всякий славный мужчина, который увидел ее дома’ [Aue, 2006]; *ich ne bin niht wan ein man* ‘ведь я всего лишь человек’ [Veldecke, 1986]. Об этом свидетельствует прономинализация *man*, обусловленная процессом семантической нейтрализации, расширением значения слова: существительное *man* ‘человек’ > неопределенно-личное местоимение *man* в референциальном статусе неопределенной дескрипции ‘кто-то’.

Очевидно, что в выше приведенных примерах существительное мужского рода *man* обозначает группу людей, иначе говоря, класс объектов. Об этом свидетельствует область предикатов и определений, сочетающихся с именем *man* в его «ролевом» значении ‘группа людей, общность’: *manech* (*helt*) ‘некоторые (герои)’ → man, lûtevile ‘многие люди’ → *man*, *man* ← *niemanne* ‘никто’, *man* → *von gesinde noch von gesten* ‘из придворных и гостей’. В словах и конструкциях, имеющих референцию к *man*, четко прослеживаются признаки нивелирования, точнее говоря, «устранения» сем, указывающих на индивидуальные проявления человека.

Характерно, что в языковом сознании *man* воспринимается как лексический маркер референта мужского пола. Признак ‘мужской’, имплицитно присутствующий в значении слова, выделяется в сочетаниях *man* с пре- и постпозитивными определениями, включающими семантический ком-

понент ‘мужественный’. Так, значения *gewâfende* ‘вооруженный’, *vrech* ‘смелый’, *vruot* ‘бравый’ находятся в ассоциативной связи с общим и существенным для средневекового наивного сознания смыслом ‘мужской’, ‘воинственный’, ср.: *vier gewâfende man* ‘четыре вооруженных человека’ [Straßburg, 2007a].

Нетрудно заметить, что в моделях с доминантной составляющей *man* с обобщенным семантическим значением ‘человек’ отсутствуют атрибуты и предикаты, репрезентирующие соотнесение лексемы с референтом «женщина». Отдельный составляющий признак ‘женский’ репрезентируется лексемами *wîb* или *vrowe* (*frow / frou*) в оппозиционном употреблении с *man*, ср.: *nie wîb einen man harder mohte geminnen* ‘как ни одна женщина не любила мужчину’ [Veldecke, 1986]; *manech wîb unde man* ‘многие мужчины и женщины’ [Aue, 2006].

Что касается номинаций, служащих для обозначения ребенка, то в ХКМ встречается единичная языковая единица *kint* (*kinde*) ‘ребенок’ и ее дериваты *kintlîch* (*kindisch*) ‘детский’, *kintheite* ‘детство’, ср.: *ez kam von dem geleite sîner kintheite* ‘причина заключалась в его поступках, свойственных детям’; *er tete vil rehte als elliu kint, diu selten vorbesichtic sint* ‘он поступал как всякий ребенок, который редко бывает осмотрительным’ [Straßburg, 2007a]. Низкая частотность актуализации номинации *kint* свидетельствует об ослаблении востребованности в культурной и повседневной практике немецкого рыцарства. Действительно, некоторые медиевисты и историки-демографы признают существовавшее в XII—XIII веках безразличное отношение к детям, утверждая, что понимание детства в этот исторический период отсутствует [Гофф, 2005, с. 166; Рябова, 1999; Ястребицкая, 1978, с. 102—103]. Речь в данном случае идет не об отрицании родительской любви и заботы родителей о своих детях, а, скорее, об ином восприятии ребенка в средневековой культуре. Свидетельством проявления родительской любви к детям служат номинации *liebe* ‘любовь’, *süeze* ‘дорогой, любимый’ в контекстуальном сочетании с *kinde*, ср.: *daz selbe süeze kint truoc ir als süezelîche kindes gir, als ein kint sîner muoter sol* ‘этот дорогой ее сердцу ребенок любил ее также сильно, как ребенок должен любить мать’ [Straßburg, 2007a].

Контекстуальный анализ художественного текста позволил выявить в содержании понятия *kint* признаки, тесно коррелирующие с понятиями, обозначающими взрослого человека: *man, ritter, vürst, künege*, — ср.: *Ein hêrre in Parmenîe was, der jâre ein kint* ‘В Пармении жил благородный господин, по годам — ребенок’ [Ibid.]; *der was, <…> wol an gebürte künege genôz, an lande vürsten ebengrôz* ‘он был <…> по своему происхождению

равен королям, также велик как и князь' [Ibid.]; *er was der werlde ein wunne, der ritterschefte ein lêre, sîner mâge ein êre, sînes landes ein zuoversiht* 'им восхищались все, он был образцом рыцарской доблести, примером для своих вассалов, опорой своих земель' [Ibid.].

Следует отметить, что поэтическая лексика, манифестирующая понятие «возраст жизни», свидетельствует об ограниченном представлении в средневековой культуре XII—XIII веков о периодизации жизни человека. В поэтическом языке этого времени представлены две номинации *kintheite* и *jugent*, вербализующие абстрактные понятия «детство» и «молодость». И здесь обнаруживается одна особенность восприятия жизни в средневековой культуре: синкретичность восприятия «возрастов жизни», временны́е границы периодов жизни достаточно расплывчаты, ср.: *daz er in sîner blüenden jugent mit jugentlîcher hêrren tugent wider sîn selbes saelden streit, daz geschuof sîn spilndiu kintheit, diu mit ir übermuote in sînem herzen bluote* 'он в расцвете младых лет с юношеским пылом сражается против своего собственного счастья, творит неразумность, свойственную детям, что сильно процветала в его сердце' [Ibid.].

2.2. Образ немецкого рыцаря в сопоставлении с образами людей разных сословий на синтагматическом (текстовом) уровне

Наряду с общими обозначениями и дескрипциями *man, mann, mensch* в текстах рыцарских романов можно выделить целый пласт социальных наименований. Ключевым для европейской средневековой культуры становится слово *ritter* 'рыцарь', в латинских текстах для номинации рыцарей служило слово *milites*. Лексема *ritter* представляет собой фламандско-нидерландское заимствование, ср.: mhd. *ritter* < mnl. *riddere* (*reiten* ← germ. **ridan* ← idg. **reidh*), которое, в свою очередь, является калькой ст.-фр. *chevalier*, что в социолингвистическом плане можно объяснить ведущей политической культурной ролью Франции и Фландрии в рассматриваемый исторический период. Первоначальное значение слова *reiten* восходит к и.-е. корню **reidh*-, означавшему 'быть в движении, ехать' [Schmitthenner, 1837, с. 236—237]. В результате анализа художественного контекста выявляются следующие маркирующие признаки немецкого рыцаря: 'конный воин' (*swaz sô daz ros und ouch den man ze rittere geprüeven kan, der geziuc was aller sêre rîch* 'все то, что выделяло рыцаря и его коня, было роскошно' [Straßburg, 2007a]); 'благородство происхождения' (*tûsent ritter hêrlîche fûrde der herzoge rîche* 'тысячу благородных рыцарей привел знатный герцог' [Veldecke, 1986]); 'боевая экипировка' (*wol gewâfent und wol berâten* 'хорошо вооруженные и хорошо экипированные' [Ibid.]); 'боеспособный'

(*sich wol werden mit speren und mit swerden* ‘умели хорошо владеть копьем и мечом’ [Ibid.]); ‘принадлежность к особому (привилегированному) сословию’ (*ritter ûz und abe ein edel barûn von Îrlant* ‘рыцарь, благородный барон’ [Straßburg, 2007б]); ‘несущий ленные обязанности’ (*lieben frunt mîn, die dorch mich her komen sîn, mîne lanthêren* ‘дорогие друзья мои, прибывшие по воле моей, держатели земли моей’ [Veldecke, 1986]); ‘обязанный нести военную службу’ (*die forsten her zû zime gewan, die im gerne wolden gestân* ‘он призвал к себе вождей, готовых стать на его сторону’ [Ibid.]).

Сословным маркером, «форменным отличием» принадлежности к рыцарству является вооружение. Среди номинаций видов вооружения отчетливо выделяются две тематические группы с подробным детальным описанием оружия и доспехов, их назначением и применением в бою:

1) названия наступательных видов оружия, среди которых актуальными в рыцарской культуре являются *wer* ‘оружие’ (*die kâmen in die habe gezogen mit armbrusten und mit bogen und mit anderre wer* ‘они прибыли во владение сеньора с самострелами и с луками, с другими видами оружия’ [Straßburg, 2007a]); *swert* ‘меч’, (ср.: *ein swert sô getân, daz niht solhes enwas. dâmit vaht Ênêas, der des lîbes was ein degen und ein meister ze grôzen slegen* ‘меч, равного которому не было, им сражался Эней, отважный герой и умелый боец’ [Veldecke, 1986]; *spere* ‘копье’ (ср.: *si fûrden halsberge, schilde spere unde bogen* ‘они везли хальсберге, щиты, копья и луки’ [Ibid.]; *armbrust* ‘самострел’ (*wâfen unde spîse erwarb vile der Troiân. her unde sîne man <…> si sich vaste wolden weren mit den swerden und mit speren, mit armbrusten und mit bogen* ‘оружие и еду добыли троянцы. он и его воины <…> были готовы защищаться мечами и копьями, самострелами и луками’ [Ibid.]); *gêre* ‘дротик’, *bolz* ‘дротик, короткая стрела’ (*mit ermbrusten man dâ schôz und mit starken gêren, <…> daz dâ in kôrzen zîten des heres vile tôt lach* ‘стреляли из самострелов и метали дротики, <…> вскоре пали мертвыми многие из войска’ [Ibid.]; *bogen* ‘лук’, *strâle* ‘стрела’, *kocher* ‘колчан для стрел’ (*dar zû gab im Ênêas zweinzich jungelinge willich zû dem dinge, biderbe unde wol gezogen, si fûrden kocher unde bogen und vil scharphe strâlen und swert mit schônen mâlen* ‘Эней отправил также двадцать славных молодых вассалов, хорошо воспитанных, они везли колчаны для стрел, луки и острые стрелы, меч с прекрасной эмалью’ [Ibid.]); *materelle* ‘стрела из метательной машины’ (*vile dikke dâ flogen schefte unde phîle eine lange wîle unde materelle grôz unde snelle unde scharphe gêre* ‘плотно летели длинные копья и стрелы, большие стрелы из метательных машин быстрые и острые’ [Ibid.]);

2) названия защитных видов вооружения, среди которых наиболее значимыми для немецкого рыцаря являются *feitiure* ‘военное снаряжение’ (*der*

sin der naete ir aller cleit und ander ir feitiure, baniere und covertiure und anderen der ritter rât, der den ritter bestât swaz ‘в мыслях были созданы одеяния и все другое военное снаряжение, знамя и доспехи коня, другие доспехи рыцаря, подобающие ему как рыцарю’ [Straßburg, 2007a]); *werc* ‘доспехи, вооружение’ (ср.: *Vulkân <…> der guote listmachere Tristande sînen halsperc, swert unde hosen und ander werc, daz den ritter sol bestân, durch sîne hende lieze gân schône und nâch meisterlîchem site* ‘Вулкан <…> искусный мастер в соответствии с традициями мастеров изготовил для Тристана прекрасный хальсберге, меч и кольчужные штаны, другие доспехи, которые подобали рыцарю’ [Ibid.]; *kampfwerc* ‘военное снаряжение’ (*weder helm noch halsperc noch kein sîn ander kampfwerc daz enhaete in dâ niht vür getragen* ‘ни шлем, ни хальсберге, ни другое снаряжение не помогли бы ему в бою’ [Ibid.]); *helm* ‘шлем’ (*einen helm sander der mite. swar sô her gienge oder rite, der in ûf hete gebunden, in ne mohte niht verwunden, hern worde ouch nimmer sigilôs* ‘он преподнес ему шлем. куда бы он не отправился пешим или верхом на коне, надев его, он становился неуязвим и непобедим’ [Veldekke, 1986]; *îsenîne hût* ‘железная шапка’ (*si wâren helide lussam. ir iewederre nam einen îsenînen hût unde zwei swert gût* ‘они были отважными воинами. каждый взял шлем и два хороших меча’ [Ibid.]; *halsberge* ‘хальсберге’ (бармица) (ср.: *der halsperch was des gût, daz der man drinne was behût vor aller slahte wunden ze allen den stunden daz hern an dem lîbe trûch* ‘хальсберге был так искусно изготовлен, что защищал от всех ранений’ [Ibid.]; *îsenhosen* ‘кольчужные штаны’ (*ir hosen wâren îsenîn veste lank unde wît* ‘их штаны были выкованы из железа, крепкие, длинные и широкие’ [Ibid.]); *schilt* ‘щит’ (*îsenhosen und schilt, wandez ime den lîb behilt <…> hern moht sîn niht verwunden* ‘кольчужные штаны и щит, которые служили для защиты его жизни, <…> его невозможно было ранить’ [Ibid.]; *sarring* ‘кольчуга’ (*der storm vil harde unde grôz: freislîche man dâ schôz, ritterlîche man dâ stach <…> dâ worden verscrôten helme und sarringe* ‘бой был жестоким и упорным: воины безжалостно стреляли из луков, с рыцарской отвагой бились они, <…> многие шлемы и кольчуги были повреждены’ [Ibid.]); *wâfenroc* ‘боевая рубаха’ (ср.: *ein wâfenroc wart dar getragen, der was <…> mit vrouwînen henden in vremedem prîse bedâht und noch prîslîcher vollebrâht* ‘ему принесли боевую рубаху, которая была <…> скроена женскими руками по чужеземному образцу и изготовлена с чужеземной роскошью’ [Straßburg, 2007a]); *wâfenriemen* ‘ремни для оружия’ (ср.: *sîn getriuwer dienestman mit weinendem herzen an, sîne wâfenriemen er im bant alle mit sîn selbes hant* ‘с горьким сердцем его вассал повязал ремни своими руками’ [Ibid.]).

Проанализировав тексты рыцарских романов и материалы историков-медиевистов [Вейс, 2005; Окшотт, 2007], посвященные вооружению

рыцарей в эпоху Средних веков, следует отметить, что принципиальных отличий в вооружении немецкого рыцарства на фоне общей исторической картины европейского наступательного и защитного вооружения (в частности, рыцарства Средневековой Франции и Англии) не было выявлено. В этом отношении показательно высказывание Э. Окшотта, который в своем исследовании латного облачения и вооружения европейского рыцарства подчеркивает, что «до XV века существовали лишь незначительные расхождения стиля между доспехами разных европейских стран» [Окшотт, 2007, с. 7].

2.3. Концептуальная категоризация образа рыцаря

Исследователи Средневековья отмечают, что в период XII—XIII веков складываются различия между рядовыми воинами (*serviens*), динстманнами и вассалами (*ministerialis* и *medii*), знатными рыцарями-сеньорами, сюзеренами (*nobiles*) [см.: Herrschaft und Stand …, 1977, S. 18—34]. Насколько можно судить, у ученых нет единства в толковании понятия «рыцарь» и прежде всего в понимании того, к какой сословной категории он относится. Как пишет Г. Коэн, «сначала термин “рыцарь” относился к любому, кто сражался верхом на коне и мог быть связан юридическими узами с тем, от кого он держал фьеф и кому он был обязан личной военной службой, но опосредованно он мог относиться даже к королю» [Коэн, 2010]. В то же время Г. Букман высказывает противоположную точку зрения, представляя рыцарство как новую культурную и социальную норму, «уравнивающую» и аристократов, и министериалов [Boockmann, 1992, S. 40].

Социоэтническая стратификация военной прослойки средневекового общества находит отражение в художественных произведениях на языковом уровне в дифференцированном употреблении номинаций воинов и рыцарей. Лексема *ritter* ‘рыцарь’ является наиболее частотной и значимой, так как, с одной стороны, в культурно-ментальном языковом контексте слово обнаруживает обобщающее значение для сословия средневековых воинов, ср.: *tûsent ritter heter braht sunder schutzen und fûzhere* ‘он привел тысячу рыцарей, несчетное количество лучников и пеших воинов’ [Veldekke, 1986]; *wer ist der man? <…> weder ist er ritter oder kneht?* ‘кто этот муж? <…> рыцарь ли он или слуга?’ [Straßburg, 2007a].

С другой стороны, слово приобретает специфическое значение ‘воин благородного происхождения’, ср.: *ein ritter edel und ûz erkorn, von künigen unz her geborn* ‘рыцарь благородный, избранный, королевской крови’ [Straßburg, 2007a]; *sît dir nû swert gesegenet ist und sît dû ritter worden bist, nû bedenke ritterlîchen prîs und ouch dich selben, wer dû sîs. dîn geburt und dîn*

edelkeit ‘после того, как меч твой благословлен, после того, как ты стал рыцарем, не забывай о достоинстве рыцаря и кто ты есть, не забывай о происхождении своем и благородстве души’ [Ibid.].

Неоднозначное толкование получает в ХКМ лексема *wîgant*, которая инкорпорирует в своем этимологическом значении сему ‘воитель’ [Lexer, 1992] и в культурно-ментальном языковом контексте приобретает дополнительную коннотацию ‘благородного происхождения’, ср.: *der wol gelobete wîgant <…> sîne lûte her dô trôste, daz sie sich wol gehielden* ‘прославленный воин <…> поднял дух своих людей, призвав их к мужеству’ [Veldecke, 1986]; *dâ vant der hêre Ênêas sînen vater <...> des frowete sich der wîgant* ‘здесь нашел благородный Эней своего отца <...> этому обрадовался благородный герой’ [Ibid.].

Для обозначения рыцарей, находившихся на службе у своего сюзерена, в языке немецкого рыцарства используются лексемы *mâge*, *gesellе*и *ingesinde*, значение которых включает в свой состав семантический признак ‘члены семьи’, а таже номинации *friunt* (*vriunt*) ‘друг’, *genosse*. Как отмечает Ю. Л. Бессмертный, «родня до шестого колена исключительно <…> составляла группу, сочлены которой обладали вполне реальными правами и обязанностями относительно друг друга» [Бессмертный, 1967, с. 141]. Интересный взгляд на семейные узы обнаруживает французский историк-медиевист Р. Фоссье, включающий сюда «обширный круг связей <…>, представители которых узнавали друг друга по определенному родству, прежде всего, бесспорно, кровному и первоочередному, но также по общим интересам, взаимным чувствам и привязанностям» [Фоссье, 2010, с. 100]. Значение этой группы имен становится также понятным, если принять во внимание культурно-ментальный языковой контекст. Характерно, что термины из социального лексикона: *friunt* (*vriunt*) ‘друг’, *genosse* ‘друг, товарищ’ — являются родственными или этимологически связанными со словами, обозначавшими такие морально-этические и нравственные ценности, как доброта, любовь, доверие. Так, в средневерхненемецком языке лексема *friunt* (*vriunt*) ‘друг’ инкорпорирует семантический признак ‘любовь, мир’. Сема нравственной категории *guot / gût* ‘добро, благо’ (гот. gōd-s (a), др.-сакс. *gegada* ‘друг, товарищ’, двн. *ginōz[o]* ‘польза’) имплицитно присутствует в лексеме *genosse* [см.: Benecke, 1990; Grimm, 1961; Lexer, 1992; Online etymology dictionary, 2001]. Семья в средневековой культуре включает не только близких членов семьи, кровных родственников, но и людей, проживающих в замке, ср.: *jâ Tristan der haete an der stete vater, muoter, mâge, man, alle die vriunt, die er ie gewan, zwischen sînen handen dâ* ‘с Тристаном были отец, мать, родственники, вассалы, все друзья’ [Straßburg, 2007a].

Вследствие влияния французской культуры исконно немецкие слова расширяют семантику, приобретая семантический признак ‘воинская повинность — служение вассалу’, ср.: *si wâren gûte knehte, der kûne Eurîâlûs und der fromige Nîsûs <…> geselle sîn* ‘они были хорошими слугами, смелый Эурелий и отважный Низус <…> его соратники’ [Veldecke, 1986]; *daz was dem ingesinde diu meiste triuwe, die kein man ze sîner hêrschetfe ie gewan* ‘для товарищей это был знак высочайшей верности вассала к своему господину’ [Straßburg, 2007a]; *sus was Tristan der guote des küneges ingesinde dô. <…> wan er was z´allen zîten höfschlîche an sîner sîten und truog in sînen dienest an* ‘благородный Тристан стал спутником короля, <…> его манеры были изысканны, он верно нес свою службу’ [Ibid.]. Можно предположить, что на преобразование семантики слова *ingesinde* повлияли французские лексические эквиваленты *massenîe* ‘рыцарское общество’ и *vassal* ‘вассал’ (ст.-фр. *vassal*), служащие для обозначения рыцаря или феодала, находящегося на ленной службе у сеньора.

В ХКМ отражен образ рыцаря-священника. Единственное упоминание лексемы в корпусе художественных текстов обусловлено, по-видимому, жанровой особенностью исследуемой литературы. Следует признать, что в культурной парадигме носителей языка с понятием «рыцарь-священник» кореллируют две идеи: стремление рыцарства «примирить воина и священнослужителя», а также идея священной миссии военных походов (соединение христианской веры и справедливой войны) [Boockmann, 1992, S. 40]. О процессе «христианизации рыцарства» [Бартелеми, 2012, с. 239] свидетельствуют референты *prêster* ‘священник’ и *ritter* ‘рыцарь’, представляющие компиляцию образа рыцаря-священника, ср.: *dô reit der hêre Chôres, der Troiâre prêster unde ir êwe mêster* ‘прибыл господин Хореус, священнослужитель и защитник закона’ [Veldecke, 1986]. В этом плане проявляется достаточно отчетливо выраженная социокультурная специфика мировидения немецкого рыцарства: перспективой для младших сыновей, особенно знатных родов, была духовная служба. Многие из них обучались грамоте, чтобы руководить церковью, и одновременно рыцарским навыкам, чтобы «завоевать» богатую наследницу (ср.: *was doch ritter vile gût und hete manlîchen mût und kunde wole an ritterschaft* ‘был славным рыцарем и духом муж, владел рыцарским искусством’ [Ibid.]). Отметим, что группа «священнослужители» является менее проработанной и представлена номинациями с низкой частотностью актуализации в художественном тексте: *pfaffen* ‘священник’, *pfafheite* ‘духовенство’, *bischove* ‘архиепископ’, *prêlâte* ‘прелат’, *antiste* ‘прелат’. Отдельно следует выделить группу лексем, маркирующих роль «священнослужителей» в средневековом социу-

ме: проведение ритуальных процедур освящения (*ê ze kirchen ir geruochet jehen, da ez pfaffen unde leien sehen, der ê nach cristenlîchem site* ‘благославлять брак в церкви по христианским традициям в присутствии священников и мирян’ [Straßburg, 2007a]; *bischove und prêlâten, die daz ambet tâten und segenten daz gerihte* ‘архиепископы и прелаты, которые служили мессу и благословили суд’ [Ibid.]; *dâ wâren phaffen genuoge: die gâben sî im ze wîbe* ‘тут присутствовали священники, которые отдали ее ему в жены’ [Aue, 2006]); участие в государственном собрании или суде — консилиуме (*ein concîlje leite und dâ der pfafheite, den witzegen antisten, die gotes reht wol wisten, sînen werren taete kunt* ‘созвать консилиум, перед духовными лицами, образованными прелатами, хорошо знавшими церковное право, выступить с вопросом’ [Straßburg, 2007a]).

Сословие господ представляло в Германии XII—XIII веков сложную социальную категорию, охватывающую «самые разнообразные общественные слои — от королей и князей, на одной стороне, до неимущих нобилей» [Ястребицкая, 1978, с. 124]. Знаки высокого социального статуса представлены прямыми номинациями, указывающими на ранг или сословную принадлежность (*herr (here, hêrre)* ‘господин’, *künec* (*kunich, kuneg*) ‘король’ / *kunegin* ‘королева’, *herzog* ‘герцог’*, lanthêrr* ‘владелец земли, господин’, *vürst* ‘князь’, *liduc* ‘герцог’, *grêve* ‘граф’, *barûn*‘барон’, *marschalke* ‘маршал’, ‘войсковой смотритель или смотритель при дворе’).

Двн. слово *kunich* в первоначальном значении ‘высокородный муж’ в немецком языке получает семантический признак ‘управляющий государством’. Вместе с ним в языке немецкого рыцарства для обозначения высшего титула встречается калькированное из латинского слово *keiser* ‘кайзер’, которое восходит к римскому императору Цезарю (*Caeser*) [Duden Herkunftswörterbuch …, 2001, S. 378]. *Herzog*, обозначающий в германском языке (V век) предводителя войска, буквально ‘тот, кто идет вперед’, расширяет свое значение и получает дополнительную коннотацию ‘благородного происхождения’, ‘один из высших представителей знати в иерархической системе феодального общества’ [Ibid., S. 337]. Композита *margrâve* ‘маркграф’, заимствованная из латинского языка в ранний период эпохи средних веков, восходит к византийскому придворному титулу *grapheús*, буквально ‘писарь’, в эпоху Меровингов служит для обозначения королевского чиновника с административными и правовыми полномочиями. Начиная с эпохи царствования Каролингов и с развитием ленной системы в феодальной Германии слово используется в отношении владетельных особ, владельцев княжеств. Лексема *marschalke* инкорпорирует компонент *-*schalke* ‘слуга’, значение которого уточняет следующие элементы

смысла: представитель низшего слоя аристократии, служивого сословия. Анализ подобного лексического материала позволяет проследить генезис средневекового социума: привилегированное положение в феодальном обществе XII—XIII веков было обусловлено не только правом владения крупной земельной собственностью и зависимыми крестьянами, но и количеством подвластных крупных и мелких вассалов, имеющих военные обязательства перед двором вышестоящего сеньора, ср: *Mezentiûs <…> der leite ein hêrlîche schare, tûsent ritter brahter dare sîner frunt und sîner manne* ‘Мецентиус <…> возглавил княжеское войско, он привел тысячу рыцарей: своих друзей и вассалов’ [Veldecke, 1986]; *der margrâve von Pallante. Tûsent ritter sunder sarjante und hundert schutzen brahter dare ze storme harde wole gare* ‘маркграф из Палланте. привел с собой тысячу рыцарей и сотню стрелков, готовых вступить в бой’ [Ibid.].

В текстах рыцарских романов выделяется группа лексем-экспликаторов социальных характеристик представителей низких сословных классов средневекового общества, ср.: *schalk* ‘зависимый слуга’, ‘раб’, *knehte* ‘слуга-вассал’, *bû(man)* ‘крестьянин’*, meier* ‘крестьянин’, *gebûre* ‘крестьянин’. В языковой картине мира среди представителей низких сословных классов проводится четкое разграничение на свободных и зависимых, ср.: *schalk* ‘раб’ (ср.: *sîner kinde vrîheit der eigenschefte vür leit, daz er sî ze schalken gebe* ‘тот, кто своих детей отдает в рабство, превращая их в зависимых слуг’ [Straßburg, 2007a]) и *knehte* ‘слуга’, ‘вассал’ (ср.: *wan daz ungebaere was <…> dô sprach er:* «*wol balde zwêne knehte her!*» ‘так как это было недостойно его <…> он приказал: «немедленно двух слуг сюда!»’ [Ibid.]), *bûman* ‘крестьянин’ (ср.: *der ê diz geriute und der ez dannoch biute daz was ein vrîer bûman* ‘тот, кто возделывал пахотные земли, был свободным крестьянином’ [Ibid.]), *gebûre* ‘крестьянин’ (ср.: *die gebûre sie bedwungen <…> ir borch sie dâ spîsten vil nâch zeime jâre, swem ez leit wâre* ‘они принудили крестьян <…> замок они снабжали продовольствием в течение года, это был их долг’ [Aue, 2006]) и *meier* ‘крестьянин, получивший в ленное владение надел земли’ (*Got hete dem meier gegeben nâch sîner ahte ein reinez leben er hete ein wol erbeiten lîp* ‘Бог даровал крестьянину согласно его сословному положению безгрешную жизнь, у него было тело, созданное для работы’ [Ibid.]).

Отдельную группу имен образуют названия лиц, представляющих профессиональную деятельность людей, принадлежащих к непривилегированным слоям средневекового общества. Важной для языкового сознания немецкого рыцарства является группа имен, связанная с названиями торговцев и ремесленников: *koufman* ‘купец’, *arzâte* ‘врач’, (*werk*)*meister*

‘ремесленник’. Их вербализация в художественном тексте обусловлена описанием парадигматических потребностей рыцарства и высшего общества: лечить больных и раненых в бою (ср.: *arzâte man besande* <…> *die leiten allen ir sin mit arzâtlîchem liste an in* ‘отправили за врачами <…> они применили все свои умения, чтобы вылечить его’ [Ibid.]). Наряду с номинациями торговцев и ремесленников в языковой картине мира можно выделить социально значимую для рыцарства группу лексем, которая служит для объективации понятия «придворные слуги, состоявшие на службе у короля или сеньора в замке». В этой группе следует отметить обозначения лиц, связанные с организацией жизни в замке (*kamerâre / kameraerîn*), а также с обеспечением досуга средневековой знати: охоты (*jegermeister, jeger*, *weideman, weidegeselle*), турниров и придворных развлечений (*hoveman, spilman, harpfaere*).

Одним из ракурсов отображения релевантных для языкового сознания понятий, входящих в разряд ведущих ценностей жизнедеятельности и излюбленного времяпрепровождения придворной знати и рыцарства, является охота. В этом плане отметим номинации *jegermeister* ‘егермейстер’, *jeger* ‘охотник’, *weideman* ‘охотник’, *weidegeselle* ‘охотники’ (ср.: *ich und ander liute, jagen ûf disem walde alhie* ‘я и другие люди охотились всегда в этом лесу’; *reit Asxânjûs dar zû mit sînen weidegesellen* ‘выехал Асканиус на охоту со своими спутниками’ [Veldecke, 1986]; *eins tages birsen rîten* <…> *dô nam her sîne weideman* ‘однажды выехали на охоту <…> он взял с собой охотников’ [Ibid.]; *dô nam her sîne weideman, den der walt kunt was* ‘он призвал лесников, которые хорошо знали лес’ [Ibid.]).

3. Заключение

Таким образом, анализ важнейших категорий, вербализующих образ средневекового человека, в частности рыцаря, позволяет сделать вывод, что общей чертой семантики анализируемых лексических единиц *man*, *mann*, *mensch* является признак ‘принадлежность к общему классу людей’, а также признак ‘статусность’. При этом данный дифференциальный признак нивелирует, отодвигает на задний план более емкий признак индивидуальности, отдельного человеческого «Я», аккумулирующий представления о субъективных свойствах индивида. Свидетельством этому служит и отсутствие в системе средневекового мировоззрения языковых репрезентаций, объективирующих свойства и признаки человека как «личности».

В условиях социальной раздробленности средневекового общества в немецкой культуре складывается определенный пласт социальных наименований. В эпоху Средневековья в Западной Европе получает распро-

странение учение о трехфункциональном делении социума, согласно которому в обществе различают три ордена: *«oratores»* (те, кто молится: духовенство и монахи), *«bellatores»* (те, кто ведут войну: воины, рыцарство) и *«laboratories»*, или *«laboratores»* (те, кто пашут землю, трудятся).

Анализ художественных произведений обнаруживает сходные черты в стратификации средневекового общества: «властвующие» (*herr, künec, herzog, lanthêrr, vürst*, *liduc*, *grêve*, *marschalke, ritter*), «воюющие» (*ritter, schutze*, *fûzhere*, *sarjante, schiltknehte*), «священнослужители» (*prêster, pfaffen*, *pfafheite*, *bischove*, *prêlâte*, *antiste*), «служащие-вассалы» (*dienstman, mâge, gesell*и *ingesinde, vassal, massenîe*), «придворные служащие и слуги» (*jegermeister, jeger*, *weideman*, *weidegeselle, hoveman, spilman, harpfaere*) и «трудящиеся» (*schalk, knehte, bû(man), meier*, *gebûre, koufman*,*arzâte*, (*werk*)*meister*). Необходимость индикации социального статуса становится неотъемлемой потребностью для коллективного сознания, так как в немецком средневековом обществе XII—XIII веков формируется строгая иерархия светских феодалов, выраженная в неравенстве их положений и привилегий. Обращает на себя внимание и тот факт, что иерархическая регламентация поведения членов каждой социальной группы предполагает определенный «сценарий поведения», включающий в себя знаковый комплекс физических, ментальных, эмоционально-волевых, речевых и социальных действий. В анализируемых средневековых немецких текстах общераспространенные представления о рыцаре детализированы социо- и этнокультурными доминантами эпохи XII—XIV веков. Следует подчеркнуть, что актуализация лексических единиц, служащих для репрезентации образа рыцаря, во многом специфична и обусловлена жанровыми особенностями текстов западноевропейской литературы Средневековья. В художественной картине мира данного периода аккумулируются знания носителей средневековой немецкой культуры об окружающей действительности, объективированные семантикой и прагматикой языковых и речевых единиц, структур, композиций, объединяемых в целом характеристикой окружающего мира. В этом аспекте образ рыцаря воплощает комплекс мировоззренческих координат и ценностей рыцарского сословия, зафиксированных в вербальном (художественном) тексте в виде особо организованной системы знаний и представлений о мире.

Источники

1. *Benecke G. F.* Mittelhochdeutsches Wörterbuch [Electronic resource] / G. F. Benekke // Mit Benutzung des Nachlasses von Georg Friedrich Benecke ausgearbeitet von Wilhelm Müller und Friedrich Zarncke. — Stuttgart : S. Hirzel, 1990. — Access mode : http://germa83.uni-trier.de/MWV-online/MWV-online.html.

2. *Duden* Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. — Mannheim : Dudenverlag. Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus AG, 2001. — 960 S.

3. *Grimm J. und W.* Deutsches Wörterbuch [Electronic resource] / W. und J. Grimm. — Leipzig : S. Hirzel, 1854—1961. — Access mode : http://germazope.uni-trier.de.

4. *Lexer M.* Mittelhochdeutsches Handwörterbuch von Matthias Lexer [Electronic resource] / M. Lexer // Zugleich als Supplement und alphabetischer Index zum Mittelhochdeutschen Wörterbuche von Benecke-Müller-Zarncke. — Stuttgart : S. Hirzel, 1992. — Access mode : http://www.dwb.uni-trier.de/index.html.

5. *Online* etymology dictionary [Electronic resource] / Douglas Harper. — Lancaster, Pa, 2001. — Access mode : http://www.etymonline.com.

6. *Schmitthenner Fr.* Kurzes deutsches Wörterbuch für Etymologie, Synonymik und Orthographie / Fr. Schmitthenner. — Darmstadt : Verlag von Jonghaus, 1837. — 571 S.

7. *Straßburg G. von.* Tristan / G. von Straßburg. — Stuttgart : Reclams Universal-Bibliothek, 2007a. — Bd. 1. — 595 S.

8. *Straßburg G. von.* Tristan / G. von Straßburg. — Stuttgart : ReclamsUniversal-Bibliothek, 2007b. — Bd. 2. — 590 S.

9. *Veldecke H. von* Eneasroman / H. von Veldecke. — Stuttgart : Reclams Universal-Bibliothek, 1986. — 895 S.

Литература

1. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — Москва : «Языки русской культуры», 1999. — 896 с.

2. *Бартелеми Д.* Рыцарство : От Древней Германии до Франции XII в. / Д. Бартелеми. — Санкт-Петербург : ЕВРАЗИЯ, 2012. — 584 с.

3. *Бессмертный Ю. Л.* Рыцарское счастье — рыцарское несчастье (Западная Европа, XII—XIII вв.) / Ю. Л. Бессмертный // Средние века. — Москва : Изд-во «Наука», 1967. — Выпуск 30. — С. 138—156.

4. *Бицилли М. П.* Элементы средневековой культуры / М. П. Бицилли. — Санкт-Петербург : Мифрил, 1995. — 242 с.

5. *Брайант А.* Эпоха рыцарства в истории Англии / А. Брайант. — Санкт-Петербург : Издательская группа «Евразия», 2001. — 576 с.

6. *Вейс Г.* История культуры народов мира. Великие христианские государства. Англия, Франция, Германия. XIV—XVI века / Г. Вейс. — Москва : Эксмо, 2005. — 145 с.

7. *Гофф Ж. ле* Цивилизация средневекового Запада / Ж. ле Гофф. — Екатеринбург : У-Фактория, 2005. — 560 с.

8. *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. — Москва : Искусство, 1984. — 350 с.

9. *Корзо М. А.* Образ человека в проповеди XVII века / М. А. Корзо. — Москва : Изд-во Института философии РАН, 1999. — 189 с.

10. *Коэн Г.* История рыцарства во Франции. Этикет, турниры, поединки / Г. Коэн. — Москва : Центрполиграф, 2010. — 168 с.

11. *Никитина Л. Б.* Образ-концепт “homosapiens” в русской языковой картине мира как объект антропоцентристской семантики : автореферат диссертации … доктора филологических наук : 10.02.01 / Л. Б. Никитина. — Омск, 2006. — 41 с.

12. *Одинцова М. П.* Вместо введения к теории образа человека в языковой картине мира / М. П. Одинцова // Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки (на материале русского языка). — Омск, 2000. — Ч. 1. — С. 8—11.

13. *Окшотт Э.* Меч в век рыцарства. Классификация, типология, описание / Э. Окшотт. — Москва : Центрполиграф, 2007. — 224 с

14. *Рябова Т. Е.* Женщина в истории западноевропейского средневековья / Т. Е. Рябова. — Иваново : Издательский центр «Юнона», 1999. — Access mode : www. gender-studies.info/sbornik/sbornik15.htm.

15. *Фоссье Р.* Люди средневековья / Р. Фоссье. — Санкт-Петербург : ЕВРАЗИЯ, 2010. — 352 с.

16. *Эксле О.* Действительность и знание : очерки социальной истории Средневековья / О. Эксле. — Москва : Новое литературное обозрение, 2007. — 360 с.

17. *Ястребицкая А. Л.* Западная Европа XI—XIII веков / А. Л. Ястребицкая. — Москва : Искусство, 1978. — 175 с.

18. *Aue H. von* Der arme Heinrich / H. von Aue. — Stuttgart: Reclams Universal-Bibliothek, 2006. — 135 S.

19. Boockmann H. Einführung in die Geschichte des Mittelalters / H. Boockmann. — 5 , durchges. Aufl. — München : Beck, 1992. — 165 S.

20. *Herrschaft* und Stand : Untersuchungen zur Sozialgeschichte im 13. Jahrhundert. (Veröffentlichungen des Max-Planck-Institus für Geschichte, number 51) / Ed. by Josef Fleckenstein. — Göttingen : Vandenhoeck and Ruprecht, 1977. — 328 S.

Means of Language Objectification of the German Knight Image in the Artistic Picture of World in Middle Ages

© Olga N. Obukhova (2020) orcid.org/0000-0002-8658-6000, Researcher ID V-4993-2018, PhD in Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Vyatka State University" (Kirov, Russia), Obuchova.75@mail.ru.

© Olga V. Baykova (2020) orcid.org/0000-0002-4859-8553, Researcher ID A-7435-2016, Scopus Author ID 57148217500, Doctor of Philology, associate professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Vyatka State University" (Kirov, Russia), olga-baykova@yandex.ru.

The analysis of historical, culturally motivated ideas about the German knight, which are objectified in the language not only in conventional, unified standards, but primarily in socio-ethnocultural assessments and stereotypes, is presented. The material of the study was German knightly novels: "Tristan" ("Tristan") by Gottfried of Strasbourg, "Poor Heinrich" ("Der arme Heinrich") by Hartmann von Aue, "Eneasroman" by Heinrich von Veldeke. Particular attention is paid to the study of indicators of the national specificity of the image of the German knight. It is proved in the work that the actualization of lexical units that serve to represent the image of a knight is largely specific and due to the genre specificity of Western European literature texts of the Middle Ages. It is stated that the knowledge of medieval German culture bearers about the surrounding reality, objectified by the semantics and pragmatics of linguistic and speech units, structures, compositions, united as a whole by the characteristics of the

surrounding world are accumulated in the artistic picture of the world in the Middle Ages. It is concluded that the image of a knight embodies the complex of worldview coordinates and values of the knightly estate, which are recorded in a verbal (artistic) text in the form of a specially organized system of knowledge and ideas about the world.

Key words: Middle Ages; means of language objectification; the image of a German knight; national-cultural specificity.

Material resources

Benecke, G. F. (1990). Mittelhochdeutsches Wörterbuch. In: *Mit Benutzung des Nachlasses von Georg Friedrich Benecke ausgearbeitet von Wilhelm Müller und Friedrich Zarncke*. Stuttgart: S. Hirzel. Available at: http://germa83.uni-trier.de/MWV-online/MWV-online.html. (In Germ.).

Duden Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. (2001). Mannheim: Dudenverlag. Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus AG. (In Germ.).

Grimm, J. Mittelhochdeutsches Handwörterbuch von Matthias Lexer. In: *Zugleich als Supplement und alphabetischer Index zum Mittelhochdeutschen Wörterbuche von Benecke-Müller-Zarncke* und W. (1854—1961). *Deutsches Wörterbuch.* Leipzig : S. Hirzel. Available at: http://germazope.uni-trier.de. (In Germ.).

Harper, D. (2001). *Online etymology dictionary.* Lancaster, Pa. Available at: http://www.etymonline.com.

Lexer, M. (1992). Stuttgart: S. Hirzel. Available at: http://www.dwb.uni-trier.de/index.html. (In Germ.).

Schmitthenner, Fr. (1837). *Kurzes deutsches Wörterbuch für Etymologie, Synonymik und Orthographie.* Darmstadt: Verlag von Jonghaus. (In Germ.).

Straßburg G. von. (2007a). *Tristan, 1.* Stuttgart : Reclams Universal-Bibliothek. (In Germ.).

Straßburg G. von. (2007b). *Tristan, 2.* Stuttgart : ReclamsUniversal-Bibliothek. (In Germ.).

Veldecke H. von. (1986). *Eneasroman.* Stuttgart: Reclams Universal-Bibliothek. (In Germ.).

References

Arutyunova, N. D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka.* Moskva: «Yazyki russkoy kultury». (In Russ.).

Aue, H. von (2006). *Der arme Heinrich.* Stuttgart: Reclams Universal-Bibliothek. (In Germ.).

Bartelemi, D. (2012). *Rytsarstvo: Ot Drevney Germanii do Frantsii XII v.* Sankt-Peterburg: EVRAZIYa. (In Russ.).

Bessmertnyy, Yu. L. (1967). Rytsarskoye schastye — rytsarskoye neschastye (Zapadnaya Evropa, XII—XIII vv.). In: *Sredniye veka, 30.* Moskva: Izd-vo «Nauka». 138—156. (In Russ.).

Bitsilli, M. P. (1995). *Elementy srednevekovoy kultury.* Sankt-Peterburg: Mifril. (In Russ.).

Boockmann, H. (1992). *Einführung in die Geschichte des Mittelalters*. 5 , durchges. Aufl. München: Beck. (In Germ.).

Brayant, A. (2001). *Epokha rytsarstva v istorii Anglii.* Sankt-Peterburg: Izdatelskaya gruppa «Evraziya». (In Russ.).

Eksle, O. (2007). *Deystvitelnost' i znaniye: ocherki sotsialnoy istorii Srednevekovya.* Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russ.).

Fleckenstein, J. (ed.) (1977). *Herrschaft und Stand: Untersuchungen zur Sozialgeschichte im 13. Jahrhundert. (Veröffentlichungen des Max-Planck-Institus für Geschichte, number 51).* Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht. (In Germ.).

Fossye, R. (2010). *Lyudi srednevekovya.* Sankt-Peterburg: EVRAZIYa. (In Russ.).

Goff, Zh. le (2005). *Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada.* Ekaterinburg: U-Faktoriya. (In Russ.).

Gurevich, A. Ya. (1984). *Kategorii srednevekovoy kultury.* Moskva: Iskusstvo. (In Russ.).

Koen, G. (2010). *Istoriya rytsarstva vo Frantsii. Etiket, turniry, poedinki.* Moskva: Tsentrpoligraf. (In Russ.).

Korzo, M. A. (1999). *Obraz cheloveka v propovedi XVII veka.* Moskva: Izd-vo Instituta filosofii RAN. (In Russ.).

Nikitina, L. B. (2006). *Obraz-kontsept "homosapiens" v russkoy yazykovoy kartine mira kak obyekt antropotsentristskoy semantiki: avtoreferat dissertatsii … doktora filologicheskikh nauk.* Omsk. (In Russ.).

Odintsova, M. P. (2000). Vmesto vvedeniya k teorii obraza cheloveka v yazykovoy kartine mira. In: *Yazyk. Chelovek. Kartina mira. Lingvoantropologicheskiye i filosofskiye ocherki (na materiale russkogo yazyka), 1.* Omsk. 8—11. (In Russ.).

Okshott, E. (2007). *Mech v vek rytsarstva. Klassifikatsiya, tipologiya, opisaniye.* Moskva: Tsentrpoligraf. (In Russ.).

Ryabova, T. E. (1999). *Zhenshchina v istorii zapadnoyevropeyskogo srednevekovya.* Ivanovo: Izdatelskiy tsentr «Yunona». Available at: www. genderstudies.info/sbornik/sbornik15.htm. (In Russ.).

Veys, G. (2005). *Istoriya kultury narodov mira. Velikiye khristianskiye gosudarstva. Angliya, Frantsiya, Germaniya. XIV—XVI veka.* Moskva: Eksmo. (In Russ.).

Yastrebitskaya, A. L. (1978). *Zapadnaya Evropa XI—XIII vekov.* Moskva: Iskusstvo. (In Russ.).

Павлов С. Г. Семантическая структура глагола признаться : лингвоаксиологический аспект / С. Г. Павлов, Н. Е. Петрова // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 177—193. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-177-193.

Pavlov, S. G., Petrova, N. E. (2020). Semantic Structure of Verb “prisnat’sya” (to confess): Linguoaxiological Aspect. Nauchnyi dialog, 7: 177-193. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-177-193. (In Russ.).

УДК 81’373.47
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-177-193

Семантическая структура глагола *признаться*: лингвоаксиологический аспект

© Павлов Сергей Геннадьевич (2020), orcid.org/0000-0001-8622-9022, Researcher ID V-6985-2018, SPIN 8668-3657, кандидат филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина» (Нижний Новгород, Россия), федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» (Нижний Новгород, Россия), sergeypavlov70@mail.ru.

© Петрова Наталия Евгеньевна (2020), orcid.org/0000-0002-1302-9019, Researcher ID V-5102-2018, SPIN 6720-7692, доктор филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина» (Нижний Новгород, Россия), petrova_ngpu@mail.ru.

Статья посвящена семантической структуре глагола *признаться* (*признаваться*). Работа выполнена в русле интегрального описания лексики и лингвоаксиологии. Особое внимание уделяется аксиологическому компоненту семантики исследуемого глагола. Применяется методика лексикографического портретирования лексемы по принципам интегрального описания. Показано, что глагол *признаться* может служить метаязыковым средством выявления ценностных составляющих языковых единиц и обозначаемых ими реалий. Материалом исследования послужили русские тексты, прежде всего из Национального корпуса русского языка, и сконструированные автором контексты, лингвистически релевантные для решения поставленных в статье задач. Критически рассмотрены толкования глагола *признаться* в авторитетных словарях русского языка XX—XXI веков, и уточнена его семантическая специфика. Предлагается объяснение мотивировки глагола *признаться* в клишированном выражении *признаться в любви*. Демонстрируется семантико-прагматическая, морфологическая, синтаксическая, коммуникативно-просодическая разница между тремя группами употреблений анализируемого глагола. Первые две группы употреблений охватываются аксиологически маркированной лексемой *признаться*[1], на фоне которой вводится понятие аксиологического омонима *признаться*[2]. В результате проведённого анализа предложены собственные аналитические толкования *признаться*[1] и *признаться*[2]. Делается вывод, что семантическим фактором,

обеспечивающим способность лексемы *признаться*[1] быть метаязыковым индикатором ценностей, является пресуппозиционный компонент её семантики.

Ключевые слова: ценность; культура; метаязыковой аксиоиндикатор; интегральное описание лексики; ассерция; пресуппозиция; модальная рамка.

1. Введение

Статья продолжает лингвоаксиологические исследования авторов. В [Павлов, 2011] описан предикат *погрязать*, в [Павлов, 2013] представлены теоретические основы лингвоаксиологического моделирования человека, в [Аксиологический потенциал…, 2019] рассматривается аксиологический потенциал старославянского и древнерусского языков как фактор формирования языковой личности студентов-филологов. В настоящей работе анализируется ещё один представитель метаязыковых аксиоиндикаторов — глагол *признаться* (*признаваться*).

Цель исследования — описать семантическую структуру глагола *признаться* и выявить семантические свойства, обеспечивающие его индикационную способность.

Материалом исследования послужили русские тексты, прежде всего из Национального курса русского языка, и сконструированные автором контексты, лингвистически релевантные для решения поставленных в статье задач.

Теоретической базой исследования служат концепция интегрального описания лексики [Апресян, 1995; Апресян, 2008] и представленное в [Арутюнова, 1988] разграничение факта и оценки. Затронутая в работе проблематика пересекается с рядом публикаций последних лет: [Апресян, 2016; Го Лицзюнь, 2019; Матвеева, 2018; Митрофанова, 2016; О методе, 2019; Радбиль, 2017; Силина, 2017; Темиргазина, 2015 и мн. др.].

Основным методом исследования является методика лексикографического портретирования лексемы по принципам интегрального описания.

2. Глагол *признаться* (*признаваться*) как метаязыковой аксиоиндикатор

В инвентаре оценочных средств можно выделить особый тип языковых элементов, который мы назвали *метаязыковыми аксиоиндикаторами*. Метаязыковые аксиоиндикаторы — это единицы естественного языка, способные тестировать другие языковые единицы на наличие и характер их ценностных составляющих, что одновременно выявляет и ценность обозначаемых данными единицами реалий.

Конструкция с метаязыковым аксиоиндикатором представляет собой минимальный репрезентативный контекст тестируемой единицы, выявля-

ющий (имплицитный) аксиологический компонент её семантики. Репрезентативные контексты различны по своей релевантности для выявления особенностей национальной культуры и языкового сознания этноса. Одни раскрывают специфику общенациональной культуры, другие — лишь специфику определённой субкультуры или социальной среды. Для экспликации национальных особенностей максимальной степенью релевантности обладает контекст с абсолютно независимой от коммуникативных условий ценностной трактовкой языковой единицы и обозначаемой ей реалии. Контексты, требующие дополнительных прагматических условий, релевантны для тестирования отдельных референтных групп (различных социальных страт, профессий, конфессий, субкультур и т. п.) или человеческих отношений в конкретных, аксиологически значимых ситуациях.

Рассмотрим нижеприведённые высказывания с точки зрения их приемлемости:

X признался, что соврал (1)

**X признался, что сказал правду* (2)

X любит врать (3)

X любит говорить правду (4)

X сказал, что любит врать (5)

X сказал, что любит говорить правду (6)

Языковая компетенция стандартного носителя русского языка позволяет определить, что пример (1) представляет собой правильное высказывание, а (2) — аномальное. Область приемлемой сочетаемости глагола *признаться* осознаётся участниками лингвокультурной конвенции как выражение коллективного мнения. Странная, сомнительная или невозможная сочетаемость ощущается всеми русофонами. Конкретные языковые личности могут занимать разные аксиологические позиции, но они обязаны соблюдать конвенцию даже тогда, когда она противоречит их мнению.

Примеры (3) и (4) осознаются как аксиологически полярные, но прагматически приемлемые. Глаголы типа *любить* (*ненавидеть*), призванные обозначать отношение к определённой реалии самой своей оценочной семантикой, тем не менее быть метаязыковым тестом не способны.

Аналогично выглядят примеры (5) и (6). Коммуникативный термин *сказать* и его эквиваленты в подобных контекстах в равной степени нормальны. Аномальность (5) аксиологическая и вызывает нравственный, но не лингвистический протест. Его возникновение в случае (2) связано с нарушением закреплённой в глаголе *признаться* оценке сверхиндивидуального характера. Выбирая глагол *признаться*, адресант занимает определённую аксиологическую позицию, которая одновременно имеет экстралингвистическую и языковую природу.

Ожидается, что зона лингвистически корректной референции предиката *признаться* должна совпадать со списком отвергаемых обществом явлений (антиценностей). Это не совсем так. Во-первых, признаются не только в чём-то заведомо предосудительном, но и в нарушении этически нейтральных норм или чьих-то ожиданий. Во-вторых, в современных русских текстах встречаются случаи аксиологически нейтральных сообщений с глаголом *признаться*. Таким образом, глагол *признаться* требует более детального семантического анализа.

3. Анализ словарных дефиниций глагола *признаться*

Л. В. Щерба писал: «…Я полагаю, что достоинство словаря и грамматики должно измеряться возможностью при их посредстве составлять любые правильные фразы во всех случаях жизни и вполне понимать говоримое на данном языке» [Щерба, 1974, с. 26]. Опираясь на данный критерий, рассмотрим словарные дефиниции глагола *признаваться*.

Большой академический словарь русского языка выделяет у глагола *признаваться* (*признаться*) два значения: «1. Открыто говорить, рассказывать о чём-нибудь, касающемся себя (обычно о том, что хочется утаить, скрыть); 2. признаться, признаюсь. Разг. Употребляется как вводное слово в значении: говоря откровенно, если сказать правду» [ССРЛЯ, т. 11, стб. 484]. Предметом нашего внимания будет функционирующее в нарративном режиме первое значение (далее — *признаться 1*). Спецификация значения *признаться* через уточнение «обычно о том, что хочется утаить» явно недостаточна, чтобы дифференцировать случаи типа: *Ваня признался, что не сделал уроки — Ваня сказал* (*ответил*)*, что не сделал уроки*.

В словаре Т. Ф. Ефремовой приводится следующее определение: «Открыто рассказывать, объявлять о чём-либо своём (о действии, намерении, чувстве, переживании и т. п.)» [НСРЯ]. Данное толкование действительно отражает реальное функционирование глагола, но не передаёт его специфики — способности обозначать то, «что обычно хочется утаить».

В НОСС Ю. Д. Апресян и М. Я. Гловинская дают аналитическое толкование глаголу *признаваться*: ‘Человек X, который скрывал от других свой поступок, состояние или свойство P, говорит Y-у, что имеет или имело место P’ [НОСС, с. 854]. Здесь внимание акцентируется на факте скрывания, что далеко не всегда соответствует употреблению данного глагола. Надо отметить, что, по лексикографической концепции авторов, аналитическое толкование ориентировано на прототипические манифестации лексемы и не может охватить все её семантические модификации. В то время как для целей нашего исследования интересна именно их дифференциация. (Тер-

мин *лексема* используется в значении, принятом в Московской семантической школе: лексема — одно из значений слова во всей совокупности его свойств — семантических, прагматических, коммуникативных, сочетаемостных, синтаксических, морфологических и др.).

Наблюдаемые несовпадения словарей обусловливают необходимость более тщательного исследования семантики и прагматики *признаться 1*. Рассмотренные дефиниции вызывают ряд замечаний.

Замечание первое. Во всех словарях остаётся неупомянутым то аксиологически существенное обстоятельство, что в нарративном режиме лексема *признаться 1* принадлежит не субъекту признания, а внешнему наблюдателю. Именно наблюдатель, описывая чей-то речевой акт и определяя жанр этого акта как «признание», выбирает соответствующее слово, в то время как сам субъект речевого акта может считать свое сообщение аксиологически нейтральным. Так, журналист электронного портала tvcenter.ru, комментируя презентацию книги М. Арбатовой, пишет: *Мария Арбатова призналась, что испробовала всю Камасутру* [АА]. Здесь журналист, использующий *признаться 1* в нарративном режиме повествователя, опирается на личное представление об общественном мнении, которое не готово признать данную практику за норму или даже публично обсуждать подобные темы. Между тем довольно откровенный подтекст мероприятия позволяет предполагать, что сама М. Арбатова всего лишь *сообщила* о некоторых интимных подробностях своей жизни.

Таким образом, для описания семантической структуры *признаться 1* лингвистически релевантна оппозиция факт vs. оценка. Иными словами, семантическая структура *признаться 1* включает нетривиального, аксиологически значимого интерпретатора. На нём лежит ответственность за описание ситуации в терминах бытового юридизма (*X признался*), что не всегда является самоочевидным для других носителей языка, которые могут описывать эту же ситуацию в терминах речевых действий (*X сказал*, *сообщил*).

Замечание второе. Глагол *признаться 1* имеет три валентности — субъекта, адресата и содержания. В интересующем нас аспекте существенна валентность содержания. Ю. Д. Апресян и М. Я. Гловинская не указывают характер Р для глагола *признаться 1*, в отличие от его синонима *сознаваться*, содержание которого определяется ими как «что-то плохое» [НОСС, с. 854]. *Признаться 1* имеет весьма неоднородную область референции — от ценностно нейтрального к невинной слабости и вплоть до тяжкого преступления. И хотя признанием не всегда сообщается «что-то плохое», всё-таки наиболее рельефно в *признаться 1* выражен смысл укло-

нения от законодательно утверждённого или негласно принятого норматива.

Замечание третье. Идея сообщения скрываемого, представленная в аналитическом толковании НОСС, гораздо менее отчётлива в *признаться 1*, чем в его синонимах — *сознаться* и *открыть*. Нередко субъект не столько открывает сокрытое, сколько сообщает неизвестное. Более того, иногда идея сокрытия в *признаться 1* вообще не представлена. Её нет в случае самопризнания и в употреблениях, например, такого рода: *Он потом признался мне: — Я никогда не мог забыть того концерта Чайковского* (Сати Спивакова. Не всё (2002)) [НКРЯ]; *Министр Минэкономразвития Герман Греф признался журналистам, что во многом темпы экономического роста, стабильный платёжный баланс, приток валюты обусловлены благоприятной внешнеэкономической конъюнктурой экспорта углеводородного сырья и металлов* (Людмила Мещанинова. Ускользающая инфляция // «Время МН», 2003.08.09) [НКРЯ]. Очевидно, что субъекты данных речевых актов не скрывали сообщаемого факта. Глагол *скрывать* не является семантическим примитивом: в его семантике присутствует семантический компонент “намеренность”. Наличие подобного метаязыкового элемента в толковании *признаться 1* делает последнее не вполне корректным.

Замечание четвёртое. В НОСС наряду с *признаться 1* выделяется «близкая» к нему лексема *признаться 2*, описывающая «такое положение вещей, которое непосредственно не касается субъекта речевого акта, но является в каком-то отношении неприятным или неловким» [НОСС, с. 857]. Данная интерпретация нуждается в коррекции. Во-первых, аксиологический подход заставляет употребления глагола *признаться*, связанные с чем-то «неприятным или неловким», включать в *признаться 1*. Во-вторых, один из приводимых в НОСС иллюстративных примеров не удовлетворяет предложенному разграничению: *Не раз она признавалась, что с Мандельштамом, по её мнению, никого сравнивать нельзя* (Г. Адамович, Мои встречи с Анной Ахматовой). По-видимому, ничего неловкого или неприятного в данном признании нет. Лексический статус подобных употреблений будет рассмотрен ниже.

4. Три группы употреблений глагола *признаться*

Содержание *признаться 1* аксиологически негомогенно. Необходимо выявить и детально проанализировать все типы употреблений данного глагола. При этом из рассмотрения должны быть исключены случаи ненормативного использования *признаться* в комплиментарных контекстах. Например, в газете сообщается о том, что детский тренер сумел пресечь

среди своих воспитанников воровство в спортивной раздевалке: *Сейчас таких случаев уже нет, — признаётся тренер* («Автозавод online», 2011, № 11, 4); *После завершения карьеры нападающий признавался, что не мог вспомнить матча, после которого в протоколе не видел бы себя как автора забитого мяча* («Он был гораздо лучше Пеле», 2019) [АА].

Наблюдение над текстами, в которых встречается *признаться 1*, обнаруживает три группы его употреблений. Первая группа используется в высказываниях, где субъект открывает кому-то (или самому себе) «что-то плохое» о себе: *Эта работа профессора Кондрашёва подвергалась резкой критике со стороны авторитетных учёных, и сейчас в угрюмом молчании профессор признался себе, что его критики во многом правы* (И. А. Ефремов. Бухта радужных струй, 1944) [НКРЯ]. «Что-то плохое» в употреблениях данной группы носит «дискредитирующий» характер.

В употреблениях второй группы компонент «что-то плохое» отсутствует. Здесь *признаться 1* связан с осознанием говорящим (наблюдателем) нарушения чьих-либо ожиданий, отклонения от негласно установленных внешних приличий, этикета, нормативного уровня физиологических, психических или социальных параметров, с ощущением отличия субъекта от других людей и т. п.: *Четверть опрошенных призналась, что плакала на церемонии закрытия Олимпиады-80; Иван Петрович признался, что не читал «Мастера и Маргариту»*; *Дима признался, что плохо слышит; Тренер признался, что не ожидал подобного результата; ...Юлька застеснялась, покраснела и призналась, что действительно мечтала о принце, но пока доходили только кони на её десятый этаж* (Виктория Дергачёва. Монологи // «Сибирские огни», 2013) [НКРЯ]; *Хотя синеглазый был по образованию медик, но однажды он признался мне, что всегда мыслил себя писателем вроде Гоголя* (В. П. Катаев. Алмазный мой венец, 1975—1977) [НКРЯ].

В третьей группе употреблений идеи отклонения от социального, морального или какого-либо другого стандарта нет: *Нам предписано в устной форме предупредить футболистов о возможности разного рода провокаций, — признался в среду «Известиям» начальник криминальной милиции УВД Западного административного округа Герасим Хачатурян* (Георгий Степанов. Два инфаркта и 14 украденных браслетов // «Известия», 2002.06.19) [НКРЯ]. К третьей группе относится и пример из Г. Адамовича: *Не раз она признавалась, что с Мандельштамом, по её мнению, никого сравнивать нельзя*.

Отдельного упоминания заслуживает один бросающийся в глаза случай нестандартной сочетаемости *признаться 1*. Среди возможных для него

контекстов особняком стоит клишированное выражение *признаться в любви*, использующееся в ситуациях, далёких от прототипического употребления данного предиката. Объяснение видится нам в следующем. Диахронически фразеологическая связанность всегда мотивирована. Выбор глагола *признаться* был обусловлен экстралингвистическим фактором, объединяющим ситуации признания в ошибке (слабости и т. п.), с одной стороны, и в любви, с другой. Результат любовного признания непредсказуем и чреват разочарованием. Признание отдаёт его автора во власть неконтролируемого им решения адресата. Вероятно, именно поэтому при сообщении подобного рода используется глагол *признаться*, отражающий отрефлексированный в национальном сознании результат негативного опыта.

Предполагаем, что интегральной семой, объединяющей аксиологическую неоднородность референциальной зоны глагола *признаться*, служит семантический компонент ‘уязвимость’. Данный компонент смысла является импликатурой, так как возникает на втором логическом шаге: X сказал нечто, что сделало его в каком-либо отношении уязвимым. Дополнительное свидетельство в пользу предложенного объяснения содержится в прагматике коммуникативной ситуации любовного признания. Потенциальная уязвимость так или иначе сопряжена с отрицательными эмоциями, поэтому одним из способов экспликации данной семы должны быть слова тематических групп «страх», «стыд» и т. п. Именно это и наблюдается в описаниях любовного объяснения: *…Стыдом и страхом замираю…* (А. С. Пушкин, Евгений Онегин); *Я... люблю вас, — произнёс он с невольным ужасом* (И. С. Тургенев, Дворянское гнездо).

Первые две группы при всей своей неоднородности связаны с квалификативными конструкциями, в которых употребления *признаться 1* обладают указанным импликатурным компонентом ‘уязвимость’. Вследствие этого употребления первой и второй групп с аксиологической точки зрения целесообразнее рассматривать как семантические модификации одной лексемы — *признаться 1.1* и *признаться 1.2*.

Семантическая (аксиологическая) континуальность внутри лексемы *признаться 1* не даёт возможности провести линию строгой демаркации между двумя группами её употреблений. Трактовка языковых фактов в этом семантическом (аксиологическом) пространстве во многом зависит от мировоззренческих установок интерпретатора. Лингвистически релевантным будет решение, связанное с наличием контекста, в котором употребления *признаться 1* окажутся невзаимозаменяемыми.

Представляется, что некоторые различия между *признаться 1.1* и *признаться 1.2* можно формализовать:

1) Семантические свойства. *Признаться 1.1* связано с «чем-то нехорошим» («дискредитирующим») человека; *признаться 1.2* с морально нейтральным, но каким-либо образом смущающим человека фактором: *Алёша признался 1.1, что поступил нехорошо — Алексей Иванович признался 1.2, что с детства любит сладкое*.

2) Сочетаемостные свойства. Одним из критериев разграничения является возможность нобилизации семантики употреблений второй группы. На сочетаемость *признаться 1.1* с обстоятельствами положительной семантики накладывается практически полный запрет: * *Х не без гордости* (*гордо*) *признался, что симпатизирует фашизму* (*совершил грех*, *преступление* и т. п.). Вне ситуации акцентированного социально полемического поведения подобные высказывания выглядят эпатажем или даже аксиологическим иллокутивным самоубийством. В употреблениях *признаться 1.2* подобная сочетаемость возможна: *Она выходила на своём творческом вечере в Большом театре в платье от Кардена с зелёным поясом, которому, как она потом мне призналась не без гордости, тридцать лет* (Сати Спивакова. Не всё (2002)) [НКРЯ].

Признаться 1.1 связан с совестью и тяготеет к сочетанию со словами типа *раскаиваться* и их производными: *Он безо всякого раскаяния признался 1.1 в своих преступлениях*. Для *признаться 1.2* органичны контексты, тем или иным образом фиксирующие наличие или отсутствие чувства смущения, неловкости: *Он безо всякого смущения признался 1.2 в своих похождениях*; *Люба призналась 1.2, что мало образована, и покраснела от стыда.*

3) Семантическая парадигматика. Только *признаться 1.1* имеет стилистически маркированный антоним — фразеологическое сочетание *уйти в (глухую) несознанку*.

4) Коммуникативно-просодические свойства. Только на *признаться 1.1* может падать логическое ударение с коммуникативной функцией контрастной ремы: *Я не пойму: вы ↑↑признаётесь или ↓↓отрицаете свою вину?!*

Самые репрезентативные примеры употребления *признаться 1* по валентности содержания полностью совпадают с зоной сочетаемости глагола *сознаваться* (*признаться*, *сознаться — в грехе*, *преступлении*, *подлоге*, *ошибке* и т. п.). Именно на данное содержание указывают квантификатор ‘обычно’ в дефиниции ССРЛЯ и иллюстративный материал словарей. Таким образом, в первой группе *признаться 1* выступает в своём прототипическом употреблении *признаться 1.1*, во второй — в типичной *признаться 1.2*. С психолингвистической точки зрения компонент «что-то плохое»

в *признаться 1* следует считать прототипическим ещё и потому, что его дают первые и наиболее частотные ассоциативные реакции на стимул «признаться».

В третьей группе расхождение с *признаться 1.1* и *признаться 1.2* настолько велико, что можно говорить не о лексеме *признаться 2*, а об особом лексическом статусе глагола *признаться*. Употребления третьей группы мы квалифицируем как аксиологический омоним со значением ‘открыть что-то аксиологически нейтральное о себе (или связанное с собой) другому или самому себе’. Аксиологические омонимы — два формально тождественных слова, различающиеся наличием и отсутствием ценностного компонента. Аксиологические омонимы *признаться*[1] и *признаться*[2] объединяются тривиальным семантическим компонентом ‘сообщение’, наличие которого не может быть признано достаточным условием для квалификации их как двух лексем одного слова.

5. Аксиологические омонимы *признаться*[1] и *признаться*[2]

Импликатура ‘уязвимость’ присуща в целом *признаться*[1] и коллокации *признаться в любви*. *Признаться*[2] возник на базе семы ‘открыть неизвестное’. Идея уязвимости в нём не представлена. Различия между аксиологически значимым *признаться*[1] и нейтральным *признаться*[2] наблюдаются по многим языковым параметрам, выделяемым концептуальным аппаратом интегрального описания лексики. У данных слов не совпадают семантические, прагматические, сочетаемостные, синтаксические и другие свойства:

1) Семантические свойства. *Признаться*[1] используется в сообщении о каких-либо «дискредитирующих» или не соответствующих социальным нормам особенностях человека, тогда как в *признаться*[2] нет оценочной импликатуры.

2) Прагматические свойства. *Признаться*[2] совершенно исключён в ситуациях, когда от человека требуют «признания».

3) Сочетаемостные свойства. У анализируемых употреблений разные сочетаемостные рефлексы, под которыми, вслед за Ю. Д. Апресяном, понимаются рефлексы семантических свойств лексемы, определяющие возможности и ограничения её сочетаемости. *Признаться*[1] естественен в контексте с лексикой, обозначающей чувства и состояния, вызванные различной степени интенсивности психологическим дискомфортом экспериенсера, — глаголами *раскаиваться* (*каяться*), *стыдиться* и их производными, наречиями *совестно*, *неловко* и т. п.: *Мальчик признался*[1] *в краже, и весь вид его выражал искреннее раскаяние*; *Девушка со смущением призналась,*

что с утра не ела — ср. *признаться*[2]: *... 7 % признались, что покупают через интернет, находясь в реальном офлайн-магазине* (Повестка дня // «Эксперт», 2014) [НКРЯ]. Расширение данного контекста обстоятельствами с семантикой смущения и стыда порождает странные или невозможные фразы: ??? *7 % со смущением признались, что покупают через интернет*; * *7 % со стыдом признались, что покупают через интернет*.

4) Только *признаться*[1] возможен в безактантной конструкции: *Миша признался*[1] = *Миша* открыл то, что сделало его уязвимым — «дискредитировало» (*признаться 1.1*) или поставило в неловкое положение (*признаться 1.2*).

5) Морфологические свойства. *Признаться*[1] сочетается с актуально-длительным значением формы несовершенного вида: *Он признаётся в этом уже целых полчаса*. Данное (дуративное) значение для *признаться*[2] исключено.

Только *признаться*[1] допускает употребление в качестве перформатива: *Признаюсь, это сделал я*; *Признаюсь, имею такую слабость*.

Только *признаться*[1] имеет форму повелительного наклонения: *Признайся, это ты съел яблоки*.

6) Коммуникативно-просодические свойства. *Признаться*[1] допускается в рематическую позицию с главным фразовым ударением, где появление *признаться*[2] невозможно или по крайней мере сильно затруднено: *Он* ↓*признался*[1] *в своей беспомощности* (в фокусе внимания сам факт признания) — ?? *Он* ↓*признался*[2]*, что в ближайшее время отдыха у него не предвидится*. (См. пример с коммуникативно-просодическими свойствами *признаться 1.1*).

7) Семантическая парадигматика. Ближайший синоним к *признаться*[1] — «юридический» глагол *сознаться*, к *признаться*[2] — глаголы аксиологически нейтральной коммуникативной семантики: *сообщить, заявить*, *сказать* и т. п.

Признаться[1] синонимичен *признать 4.2*: «4. Соглашаться с чем-либо, допускать истинность, реальность чего-либо… 2. Признавать, признать (свою) ошибку, вину и т. п.» [ССРЛЯ, т. 11, стб. 484]. *Признаться*[2] синонимичен *признать 4.1* и аксиологически немаркированным глаголам (*подтвердить*, *согласиться*): *Я признаю, что подвиг Пири, которому он посвятил всю свою жизнь, заслуживает признания* (В. С. Корякин. Достижение северного полюса — интригующий детектив XX века // «Наука и жизнь», 2007) [НКРЯ].

8) Словообразовательные свойства. Только *признаться*[1] имеет дериват *признание*.

6. Аналитическое толкование аксиоиндикатора *признаться 1*

Ни словарные дефиниции традиционного типа, ни аналитическое толкование НОСС не объясняют способности *признаться 1* быть ценностным маркером языковых единиц. Приведя необходимые уточнения относительно семантической структуры глагола *признаться*, обратимся к выяснению источника индикационной способности *признаться 1*. По своему семантическому устройству *признаться 1* несколько похож на оценочные слова и интерпретационные глаголы. Особенностью оценочных слов является принадлежность нейтрального компонента семантики к ассерции, а оценочного — к модальной рамке [Апресян, 2008, с. 182—183]. В интерпретационных глаголах действие находится в пресуппозиции, а его оценка в ассерции [Апресян, 2008, с. 182—183]. Другими словами, ассерцией интерпретационных глаголов является модальная рамка [Апресян, 2008, с. 181].

Логический статус оценки в семантической структуре *признаться 1* отличается как от оценочных, так и от интерпретационных глаголов. Вводимая предикатом *признаться 1* пропозиция сохраняет свою истинность при отрицании: *X не признался, что соврал*. В данном предложении отрицается только то, что X не стал сообщать о своём проступке; моральная установка «врать — это плохо» не отвергается. Следовательно, речевое действие принадлежит ассертивной части семантики, а оценка — пресуппозиционной.

Как было показано выше, толкование *признаться 1* с необходимостью должно включать и интерпретатора, от лица которого выносится оценка. Эффект аксиологической «объективности» *признаться 1* возникает вследствие того, что оценка содержится в пресуппозиции. Пресуппозиция является условием прагматической истинности высказывания. В случае соблюдения конвенциальных правил пресуппозиция принимается коммуникантами некритично. Если адресат не оспаривает правильность высказывания с *признаться 1*, то тем самым он соглашается с заключённой в пресуппозиции оценкой, которая демонстрирует личную позицию говорящего как коллективную. Таким образом, несмотря на то, что квалификация экстралингвистического факта даётся конкретным человеком, оценочная пресуппозиция придаёт его частному мнению надындивидуальный характер. Оценка глаголов типа *любить* (*ненавидеть*) находится в ассертивной части семантики и выражает пусть даже и разделяемую большинством, но всё-таки в конкретном речевом акте индивидуальную и в этом качестве принципиально оспоримую позицию.

Благодаря специфике своей семантической структуры глагол *признаться 1* апеллирует к общеязыковой моральной установке или норме

социальной условности — «плохо или не принято делать / не делать так, как делает X» (или «иметь / не иметь такие качества, как у X-а»). При этом противоположное мнение, включая мнение самого субъекта признания, дезавуируется (см. приведённый пример с М. Арбатовой). Различие между пресуппозициями говорящего и субъекта речевого акта, который квалифицирует своё поведение (качество, состояние) альтернативным образом, означает несовпадение их ценностных установок и лингвистически нерелевантно.

Итак, с учётом существенного для лексемы *признаться 1* аксиологического фактора её аналитическое толкование может быть представлено таким образом: X *признался 1* Y-у ≈ ‘(а) человек X сделал / не сделал (имеет / не имеет) P; (б) говорящий считает, что P что-то плохое или ставящее X-а в неловкое положение [пресуппозиция]; (в) X обычно испытывает внутренний дискомфорт от своего P; (г) X сообщает о своём P Y-у [ассерция]’.

Аналитическое толкование *признаться*[2]: X *признался*[2] Y-у ≈ ‘X сделал / не сделал (знает / не знает, имеет / не имеет) что-то неизвестное другим; X сообщает об этом Y-у’ [ассерция]. Отсутствие оценочной пресуппозиции и определяет статус *признаться*[2] как аксиологического омонима к *признаться*[1].

7. Вывод

Традиционная лексикографическая практика и аналитическое толкование не учитывают аксиологически значимый компонент семантики глагола *признаться*. Аксиологический акцент позволяет приблизить его толкование к идеалу Л. В. Щербы и сделать следующие выводы:

— использование глагола *признаться* в комплиментарных контекстах является ненормативным;

— значение *признаться* распадается на *признаться 1.1* (прототипическое употребление) и его семантическую модификацию *признаться 1.2* (типичное употребление);

— одна из групп употреблений глагола *признаться* обнаруживает признаки (аксиологического) омонима *признаться*[2] по отношению к прототипическим и типичным употреблениям *признаться 1*;

— в семантической структуре *признаться 1* выделяется оценочная пресуппозиция;

— пресуппозиционная оценочность *признаться 1* порождает эффект аксиологической «объективности» и делает данную лексему аксиоиндикатором языковых фактов и стоящих за ними реалий.

Источники и принятые сокращения

1. АА — *Архив* автора.

2. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://ruscorpora.ru/new/index.html.

3. НОСС — *Новый* объяснительный словарь синонимов русского языка / [В. Ю. Апресян, В. Ю. Апресян и др.] ; под общ. руководством Ю. Д. Апресяна. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Языки славян. культуры ; Вена : Wiener slavistische almanach, 2004. — 1417 с.

4. НСРЯ — *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-образовательный : в 2 т. [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. — Москва : Русский язык, 2000. — 1209 с. — Режим доступа : https://www.efremova.info/word/priznavatsja.html#.XS21tvkzb4Y.

5. ССРЛЯ — *Словарь* современного русского литературного языка : в 17 т. Т. 11 : Пра-Пятью / гл. ред. В. И. Чернышёв. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1961. — 1842 стб.

Литература

1. *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. II. Интегральное описание лексики и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. — Москва : Языки русской культуры, 1995. — 767 с.

2. *Апресян Ю. Д.* Исследования по семантике и лексикографии. Т. I. Парадигматика / Ю. Д. Апресян. — Москва : Языки славянских культур, 2008. — 568 с.

3. *Апресян Ю. Д.* Об активном словаре русского языка / Ю. Д. Апресян // Лексикологија и лексикографија у светлу савремених приступа : зборник радова. — Београд, 2016. — С. 13—79.

4. *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений : Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Наука, 1988. — 341 с.

5. *Го Лицзюнь*. Лексические репрезентанты адекватного поведения (к вопросу об интерпретативности семантики наречия адекватно) / Го Лицзюнь // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2019. — № 9 (142). — С. 165—172.

6. *Матвеева Т. В.* О методе выявления ценностной информации разговорного диалога / Т. В. Матвеева // Научный диалог. — 2018. — № 10. — С. 89—101. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-10-89-101.

7. *Митрофанова З. И.* О взаимодействии пресуппозиционно-ассертивных и темарематических компонентов в сложноподчиненных предложениях с придаточным условия (на материале английского и русского языков) / З. И. Митрофанова // Вестник Чувашского университета. Сер. Гуманитарные науки. — 2016. — № 2. — С. 221—226.

8. *О методе* комплексного семантического, статистического и психолингвистического анализа многозначности / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, О. В. Драгой [и др.] // Русская речь. — 2019. — № 1. — С. 8—17.

9. *Павлов С. Г.* Аксиологический анализ оценочного предиката *погрязать* / С. Г. Павлов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2011. — № 6—2. —С. 491—495.

10. *Павлов С. Г.* Лингвоаксиологическая модель человека: научно-методический аспект / С. Г. Павлов // Вестник Мининского университета. — 2013. — № 2. — С. 8.

11. *Радбиль Т. Б.* Язык и мир. Парадоксы взаимоотражения / Т. Б. Радбиль. — 2-е изд. — Москва : Языки славянских культур, 2017. — 592 с.

12. *Аксиологический* потенциал древнерусского и старославянского языков в связи с проблемой формирования языковой личности филолога / Г. С. Самойлова, Н. Е. Петрова, А. Д. Комышкова, С. Г. Павлов // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. — 2019. — № 24. — С. 57—63.

13. *Силина А. В.* К вопросу о разграничении ключевых понятий лингвоаксиологии / А. В. Силина // Studia Linguistica (Санкт-Петербург). — 2017. — № 26. — С. 89—94.

14. *Темиргазина З. К.* Лингвистическая аксиология : оценочные высказывания в русском языке / З. К. Темиргазина. — 2-е изд. — Москва : Флинта, 2015. — 247 с.

15. *Щерба Л. В.* О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. — Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1974. — С. 24—39.

Semantic Structure of Verb "prisnat'sya" (to confess): Linguoaxiological Aspect

© Sergey G. Pavlov (2020), orcid.org/0000-0001-8622-9022, Researcher ID V-6985-2018, SPIN 8668-3657, PhD in Philology, associate professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University" (Nizhny Novgorod, Russia), National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia), sergeypavlov70@mail.ru.

© Natalia E. Petrova (2020), orcid.org/0000-0002-1302-9019, Researcher ID V-5102-2018, SPIN 6720-7692, Doctor of Philology, associate professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University" (Nizhny Novgorod, Russia), petrova_ngpu@mail.ru.

The article is devoted to the semantic structure of the verb "prisnat'sya" (to confess). The work was carried out in line with the integral description of vocabulary and linguoaxiology. Particular attention is paid to the axiological component of the semantics of the investigated verb. The lexicographic portrayal of the lexeme is applied according to the principles of integral description. It is shown that the verb "prisnat'sya" (to confess) can serve as a metalanguage means of revealing the value components of linguistic units and the realities indicated by them. The material of the study was Russian texts, primarily from the National Corps of the Russian Language, and contexts constructed by the author that are linguistically relevant for solving the problems posed in the article. Interpretations of the verb "prisnat'sya" (to confess) in authoritative dictionaries of the Russian language of the 20th – 21st centuries are critically examined, and its semantic specificity is defined. An explanation of the verb "prisnat'sya" (to confess) in a clichéd expression "prisnat'sya v lyubvi" (to confess one's love to someone) is offered. The semantic-pragmatic, morphological, syntactic, communicative-prosodic difference between the three groups of uses of the analyzed verb is demonstrated. The first two groups of uses are covered by an axiologically labeled token *confess*[1], against which the concept of an axiological homonym "prisnat'sya" (to confess)[2] is introduced. As a result of the analysis, our own analytical.

interpretations are proposed “prisnat’sya” (to confess)[1] and “prisnat’sya” (to confess)[2]. It is concluded that the presuppositional component of its semantics is a semantic factor that ensures the ability of a token “prisnat’sya” (to confess)[1] to be a metalinguistic indicator of values

Key words: value; culture metalinguistic axio-indicator; integral vocabulary description; assertion; presupposition; modal frame.

Material resources

AA — *Arkhiv avtora*. (In Russ.).

NKRYa — *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*. Available at: http://ruscorpora.ru/new/index.html. (In Russ.).

NOSS — Apresyan, Yu. D. (ed.). (2004). *Novyy obyyasnitelnyy slovar’ sinonimov russkogo yazyka.* (2nd ed.). Moskva: Yazyki slavyan. kultury; Vena: Wiener slavistische almanach. (In Russ.).

NSRYa — Efremova, T. F. (2000). *Novyy slovar’ russkogo yazyka. Tolkovo-obrazovatelnyy*. Moskva: Russkiy yazyk. Available at: https://www.efremova.info/word/priznavatsja.html#.XS21tvkzb4Y. (In Russ.).

SSRLYa — *Slovar’ sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka*. (1961). Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. 17/11. (In Russ.).

References

Apresyan, V. Yu., Apresyan, Yu. D., Dragoy, O. V. [et al.]. (2019). O metode kompleksnogo semanticheskogo, statisticheskogo i psikholingvisticheskogo analiza mnogoznachnosti. *Russkaya rech, 1:* 8—17. (In Russ.).

Apresyan, Yu. D. (1995). *Izbrannyye trudy. Integralnoye opisanie leksiki i sistemnaya leksikografiya*. Moskva: Yazyki russkoy kultury. 2/2 (In Russ.).

Apresyan, Yu. D. (2008). *Issledovaniya po semantike i leksikografii. Paradigmatika*. Moskva: Yazyki slavyanskikh kultur. 2/1. (In Russ.).

Apresyan, Yu. D. (2016). Ob aktivnom slovare russkogo yazyka In: *Leksikologija i leksikografija u svetlu savremenikh pristupa: zbornik radova*. Beograd. 13—79. (In Russ.).

Arutyunova, N. D. (1988). *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytie. Fakt*. Moskva: Nauka. (In Russ.).

Guo Lijun. (2019). Lexical representatives of adequate behavior (considering the issue of the interpretative of the semantics of the adverb “adequately”). *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 9 (142):* 165—172. (In Russ.).

Matveeva, T. V. (2018). On Method of Revealing Value Information of Conversation Dialogue. *Nauchnyi dialog*, *10:* 89—101. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-10-89-101. (In Russ.).

Mitrofanova, Z. I. (2016). O vzaimodeystvii presuppozitsionno-assertivnykh i tema-rematicheskikh komponentov v slozhnopodchinennykh predlozheniyakh s pridatochnym usloviya (na materiale angliyskogo i russkogo yazykov). *Vestnik Chuvashskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*, *2:* 221—226. (In Russ.).

Pavlov, S. G. (2011). Aksiologicheskiy analiz otsenochnogo predikata pogryazat’. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, *6 (2):* 491—495. (In Russ.).

Pavlov, S. G. (2013). Lingvoaksiologicheskaya model cheloveka: nauchno-metodicheskiy aspekt. *Vestnik Mininskogo universiteta*, *2:* 8. (In Russ.).

Radbil, T. B. (2017). *Yazyk i mir. Paradoksy vzaimootrazheniya.* (2nd ed.). Moskva: Yazyki slavyanskikh kultur, 2017. (In Russ.).

Samoylova, G. S., Petrova, N. E., Komyshkova, A. D., Pavlov, S. G. (2019). Aksiologicheskiy potentsial drevnerusskogo i staroslavyanskogo yazykov v svyazi s problemoy formirovaniya yazykovoy lichnosti filologa. *Lingvoritoricheskaya paradigma: teoreticheskie i prikladnyye aspekty, 24:* 57—63. (In Russ.).

Silina, A. V. (2017). K voprosu o razgranichenii klyuchevykh ponyatiy lingvoaksiologii. *Studia Linguistica (Sankt-Peterburg), 26:* 89—94. (In Russ.).

Shcherba, L. V. (1974). O troyakom aspekte yazykovykh yavleniy i ob eksperimente v yazykoznanii. In: *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatelnost'*. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie. 24—39. (In Russ.).

Temirgazina, Z. K. (2015). *Lingvisticheskaya aksiologiya: otsenochnyye vyskazyvaniya v russkom yazyke.* (2nd ed.). Moskva: Flinta. (In Russ.).

Петренко Д. А. Средства языковой выразительности в образе COVID-19 (на материале немецкого политического дискурса СМИ) / Д. А. Петренко, Э. В. Лихачёв, М. В. Чернышова // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 194—209. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-194-209.

Petrenko, D. A., Likhachev, E. V., Chernyshova, M. V. (2020). Linguistic Means in Image of COVID-19 (German Political Discourse in Media). Nauchnyi dialog, 7: 194-209. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-194-209. (In Russ.).

УДК 811.112.2’42:070
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-194-209

Средства языковой выразительности в образе COVID-19 (на материале немецкого политического дискурса СМИ)

© **Петренко Даниил Александрович (2020),** orcid.org/0000-0002-0231-173X, SPIN 5424-2859, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкой филологии, Институт иностранной филологии, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (Симферополь, Россия), daniil.petrenko@list.ru.
© **Лихачёв Эдуард Владимирович (2020),** orcid.org/0000-0003-1064-5753, SPIN 7489-1656, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Институт иностранной филологии, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (Симферополь, Россия), eduard_evp@rambler.ru.
© **Чернышова Марина Викторовна (2020),** orcid.org/0000-0001-9454-3900, SPIN 6053-6640, кандидат педагогических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Институт иностранной филологии, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (Симферополь, Россия), margomarina2003@mail.ru.

Статья посвящена роли лексических и просодических средств выразительности в освещении пандемии COVID-19 в немецком политическом дискурсе СМИ. В качестве исследовательской задачи авторами была определена попытка оценить динамику изображения феномена коронавируса в СМИ и выявить обусловленность использования языковых единиц на определенных этапах пандемии. Материалом исследования послужили транскрипты и аудиозаписи сюжетов ведущих новостных каналов Германии первой половины 2020 года. Особое внимание уделяется анализу частотности употребления лексических единиц и корреляции лексических и просодических средств выразительности. В ходе лингвостилистического анализа устанавливаются основные стилистические средства, изображающие ход пандемии и борьбу с вирусом. Привлечены к рассмотрению просодические особенности речи информантов, которые определяются в ходе электроакустического анализа высказываний. Влияние COVID-19 на все сферы общественной жизни в Германии и его максимальная представленность в СМИ обусловливают актуальность данного исследования. Новизна исследования видится в применении

комплексной методики анализа средств выразительности в речи информантов в период с января по май 2020 года.

Ключевые слова: интонация; стилистические средства выразительности; электроакустический анализ; лингвостилистический анализ; COVID-19.

1. Вводные замечания

За первые десятилетия двадцать первого века человечество пережило немало природных и техногенных катастроф, эпидемий, терактов и войн. Все эти события на протяжении определенного времени достаточно широко освещались в СМИ. В разное время предметом исследования лингвистов становились языковые особенности статей, посвященных эпидемиям ВИЧ и рака [Weiss, 1997], атипичной пневмонии [Wallis, 2005; Chiang, 2007], свиного гриппа [Scoones, 2010; Angeli, 2012], вируса Зика [Глотова, 2016], Эболы [Pieri, 2019]. 2020 год поставил все государства перед глобальным вызовом — пандемией COVID-19. На момент написания статьи количество заболевших превысило пять миллионов, а умерло более 300 000 человек, что позволило коронавирусу за короткое время выйти на первое место среди вирусных заболеваний, опередив сезонный грипп и туберкулез. Болезнь охватила все страны мира, привела к беспрецедентным ограничительным мерам и описывается политическими лидерами как «крупнейшая катастрофа в истории» (США), «самый серьезный вызов со времен Второй мировой» (ФРГ), «Третья мировая война» (Франция). Мировому сообществу предстоит не только оценка и преодоление экономических и социальных последствий, но и профилактика или минимизация последующих волн пандемии.

COVID-19 стал главным новостным поводом последних месяцев во всех ведущих СМИ всех стран мира, заняв значительную часть медиапространства. О нем можно получить информацию на всех доступных информационных платформах: в блогах, на YouTube, Twitter [Wicke, 2020], в региональных и федеральных СМИ, в речах местных политиков и руководителей государств. Лидеры России, Великобритании, Германии, Франции, США и других стран регулярно выступают с обращениями к своим гражданам. Коронавирусу посвящены отдельные передачи, теги на сайтах СМИ (*Coronavirus # zusammenhalten* — ARD; *Liveblog zur Corona-Krise* — ZDF; *Coronavirus* — n-tv и др.), мобильные приложения (*Corona-Datenspende* — инструмент по сбору информации для отслеживания распространения вируса от *Robert Koch-Institut*). Перенасыщенность информационного пространства иногда приводит к новостному эскапизму — отказу от чтения или просмотра новостей, посвященных коронавирусу, или требованиям разработки фильтра для подобных сюжетов. Таким образом, диапазон вос-

приятия данной проблемы обществом от неприятия до максимальной вовлеченности не оставляет практически никого вне информационного поля, что обусловливает актуальность данного исследования.

Германия входит в лидеры по числу заболевших, однако процент умерших там один из самых низких. Эта страна одна из первых анонсирует и проводит постепенное смягчение ограничительных мер, но в то же время сталкивается с массовыми демонстрациями против карантина, которые разгоняются полицией. Серьёзность положения характеризует не только официальная статистика, но и то, что бундесканцлер республики, пережившей Вторую мировую войну, сравнивает пандемию коронавируса именно с ней. Актуальной теме COVID-19 с начала года посвящены тысячи статей и видеосюжетов в СМИ, поэтому интересным представляется ответить на вопрос, *что* и *как* говорят о данном феномене. Объектом исследования является речь участников политического дискурса СМИ Германии (политиков и журналистов), предметом — лексико-стилистические и интонационные особенности в их речи. Таким образом, цель исследования заключается в определении языковых средств выразительности, задействованных в освещении COVID-19 в немецком политическом дискурсе СМИ, и динамики их использования на каждом этапе пандемии.

Поставленная цель предполагает решение ряда задач:

— выявить основные темы и проблемы данного сегмента немецкого политического дискурса СМИ, охарактеризовать его участников;

— определить лексические стилистические средства, привлекаемые для создания образа COVID-19 в СМИ;

— установить корреляции между интонационными и стилистическими средствами выразительности;

— соотнести состав средств языковой выразительности с этапом пандемии.

Эмпирический материал представлен 400 новостными видеороликами на немецком языке, посвященными теме коронавируса. Источником материала послужили сайты таких СМИ, как *Welt, n-tv, ARD, ZDF, Der Spiegel.* Общая продолжительность видеоматериала составила 2000 минут (6 Гб на жестком диске), общий объем транскрипта — 30 печатных листов.

Программа исследования включала в себя три этапа. На первом этапе видеоролики транскрибировались, после чего полученные текстовые документы подвергались квантитативному лексическому анализу, что позволяло определить частотность лексических единиц на каждом этапе развития пандемии. Второй этап предполагал лингвостилистический анализ транскриптов, направленный на выявление стилистических средств,

привлекаемых при создании образа COVID-19. Третий этап состоял из аудитивного и электроакустического анализа просодических особенностей в речи информантов, таких как частотные и динамические максимумы и диапазоны, коэффициент паузации и среднезвуковая продолжительность артикуляции. Корпус исследования на первом этапе включал 600 000 словоформ, на втором — 1050 стилистических средств, на третьем — 300 высказываний. В ходе исследования использовалось следующее программное обеспечение: браузер Chrome для сохранения видеороликов, текстовый процессор Word для обработки и хранения транскриптов, SimWordSorter 1.0 для частотного анализа лексики, табличный процессор Excel с автоматическими и полуавтоматическими алгоритмами расчета просодических единиц [Boersma, 2001; Лихачёв, 2012; Лихачёв, 2017], PRAAT 6.1.15. — для электроакустического анализа интонации.

2. Лексические особенности актуализации образа COVID-19

Китай известил ВОЗ о неизвестном заболевании в последний день 2019 года, а уже в начале января 2020 года вирус широко обсуждался в немецких СМИ, и далее число новостей по данной теме росло в геометрической прогрессии (рис. 1).

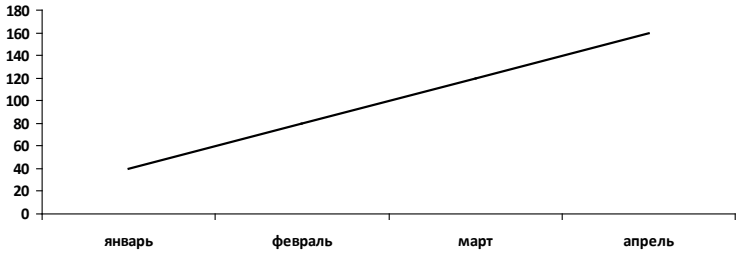

Рис. 1. Рост числа новостей о COVID-19 с января по апрель 2020 года

Такой рост отражает периодизацию первой волны пандемии в Германии, в которой можно выделить четыре этапа:

— предыстория — январь 2020 год (от первого упоминания в немецких СМИ до первого зараженного);

— развитие — февраль — середина марта (от первых ограничительных мер до пика заболевания);

— пик — середина марта — середина апреля (наибольшее количество зараженных и умерших, введение строгих ограничительных мер);

— завершение — середина апреля — середина мая (постепенное снятие ограничительных мер, преодоление последствий пандемии).

400 видеороликов, которые послужили источником материала для частотного анализа лексики, распределяются следующим образом: 40 — на первом этапе, 80 — на втором, 120 — на третьем, 160 — на этапе завершения. Повышение внимания к проблеме COVID-19 сопровождается увеличением длительности сюжетов, выделением новостей о вирусе в отдельную рубрику и частым обращением к теме политиков всех уровней: от мэра баварского города Фюрт Томаса Юнга до бундесканцлера Ангелы Меркель, — особенно на пике пандемии и после его прохождения.

Квантитативный анализ лексики выполнялся в программе SimWordSorter, подсчитывающей количество употреблений каждой словоформы в корпусе транскриптов видеороликов и составляющей список частотности со словоформами, которые встречаются не реже, чем один раз каждые два сюжета. Это позволило определить участников дискурса, его темы и проблемы, характерные для конкретного этапа.

Основные тематические ряды лексики в проанализированных транскриптах задают рамки повествования и сообщают о месте, времени, участниках, вирусной угрозе и профилактических мерах. Число употреблений наиболее частотных лексем составило от одного до пяти на один сюжет (рис. 2).

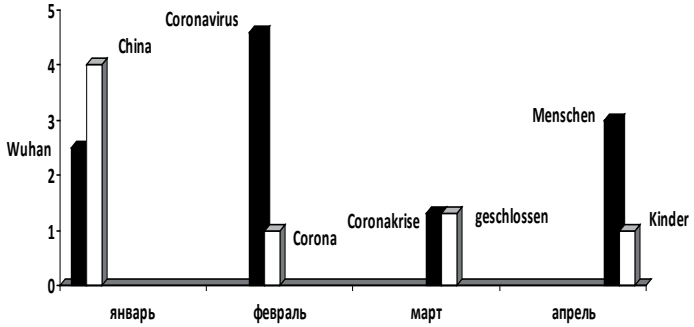

Рис. 2. Число употреблений наиболее частотных лексем

На этапе предыстории часто употребляются географические названия (*Wuhan, Peking, USA, Italien, Deutschland*), по которым можно проследить маршруты распространения заболевания. На втором этапе особенно ши-

роко используется медицинская терминология: *Coronavirus* (коронавирус), *Epidemie* (эпидемия), *Infektion* (инфекция), *COVID-19* (болезнь 2019 года, вызываемая коронавирусом), — которая знакомит широкий круг общественности с происходящим. На пике заболевания в центре внимания оказываются профилактические меры и, соответственно, активно используются их номинации: *geschlossen* (закрытый)*, zu Hause* (дома)*, Abstand* (дистанция)*, Quarantäne* (карантин). На этапе завершения особенно часто упоминаются люди и институты, пострадавшие от пандемии: *Menschen* (люди), *Kinder* (дети), *Leute* (люди), *Schulen* (школы), *Unternehmen* (предприятия). В зависимости от этапа пандемии менялось и наиболее часто используемое наименование болезни (рис. 3).

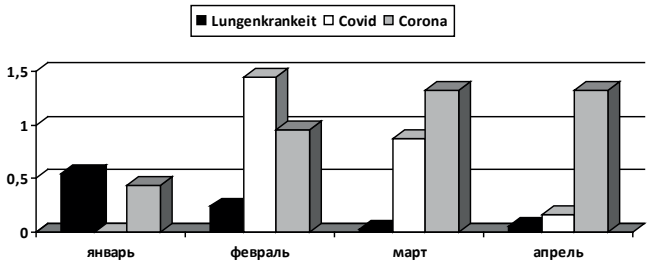

Рис. 3. Частота наименований болезни (в одном сюжете)

Общая формулировка *eine neuartige Lungenkrankheit* (болезнь легких нового типа) сменяется термином *COVID-19*, который в свою очередь уступает место разговорному *Corona.* Это слово становится многозначным, вытесняя в использовании и обозначение возбудителя *Coronavirus.* Таким образом, наблюдается движение от неизвестного и пугающего к чему-то знакомому, повседневному, эвфемистическому: название *Corona* благозвучно и не содержит нежелательных ссылок на вирус или болезнь. Популярность данного слова в СМИ подтверждается большим количеством неологизмов *Corona-Thema* (тема *короны*), *Corona-Frostresistenz* (морозоустойчивость *короны*), *Corona-Krisenpaket* (антикризисный пакет по *короне*), *Corona-Management* (менеджмент в условиях *короны*), *Corona-Krise* (кризис *короны*), *Corona-Beschränkungen* (ограничения из-за *короны*), *Corona-Disziplin* (дисциплина при *короне*), *Corona-Stellung halten* (занимать позицию по *короне*), *Corona-Briefing* (брифинг по *короне*), *Corona-Zeiten* (времена *короны*).

Часто употребляемые глаголы относятся к описанию ограничительных и профилактических мер: *schließen* (закрывать), *zu Hause bleiben* (оставаться дома) на втором и третьем этапах, *testen* (тестировать) на пике заболеваемости и при постепенном снижении; к теме единства общества: *zusammenhalten* (держаться вместе), *durchhalten* (продержаться). Англоязычные заимствования также посвящены стратегиям выхода из кризиса и мерам по борьбе с вирусом: *Lockdown* (самоизоляция), *stop and go Wirtschaft* (экономики с паузацией и перезапуском), *soft opening* (постепенное снятие карантина) *corona tracking app* (приложение для отслеживания *короны*), *fake news* (фейковые новости).

Развитие болезни иллюстрирует частотность лексем *Ausbruch* (вспышка)*, Ausbreitung* (распространение) на первых двух этапах, переход от *Epidemie* к *Pandemie*. Все чаще звучит слово *Krise* (кризис) или *Corona-Krise* (кризис *короны*). Мировому сообществу еще предстоит преодолеть эту и последующие волны пандемии, главное, что *Hoffnung* (надежда) употребляется чаще, чем *Angst* (страх).

3. Метафоризация коронавируса в немецком политическом дискурсе СМИ

Стилистические средства играют важную роль в формировании когнитивной модели дискурса [Ватолина, 2017; Кушнерук, 2013], наиболее емко передавая информацию и создавая паттерны мышления в сознании реципиента [Thibodeau, 2011]. Системы метафор, объединенных общей семантической областью, по-новому пересказывают ситуацию, дают свою интерпретацию происходящего. Образность речи журналиста и политика содержит априорную оценку сообщаемой информации и является мощным инструментом манипуляции общественным мнением.

Экономичность и оценочную образность можно проиллюстрировать метафорой *Armee der Arbeitslosen* (армия безработных). Для стилистически нейтрального описания данной социальной группы требуется более развернутое словосочетание *sehr zahlreiche Arbeitslose, die aktiv nach der Arbeit suchen und staatliche Unterstützung verlangen* (многочисленные безработные, которые активно ищут работу и требуют государственной поддержки). Субъективное отношение говорящего к данной ситуации отрицательное (армия всегда участвует в войне) и варьируется в зависимости от контекста в диапазоне от общего неодобрения (плохо, что доля безработных из-за кризиса растёт) до ощущения реципиентом персональной угрозы потери работы (армия всегда нуждается в рекрутах, и ты можешь пополнить их ряды). Такой имплицитный страх делает слушателя более

управляемым и интегрирует его в стилистическую сеть общего повествования, создаваемую наиболее экспрессивными стилистическими средствами.

Результаты лингвостилистического анализа речи политиков и журналистов в немецком политическом дискурсе СМИ, проведенного на материале новостей о пандемии COVID-19, можно сформулировать следующим образом:

(1) Чаще всего в создании образа COVID-19, последствий пандемии и борьбы с ней используется метафора. Семантически она относится к таким областям, как война (*Anleger gehen in Deckung* / инвесторы уходят в укрытие), музыка (*nach Geige tanzen* / плясать под дудку), природа (*man verbrennt Finger an Brennnessel* / в крапиве обжигают пальцы — о ненужном риске), гастрономия (*Spekulanten haben großes Stück vom Kuchen* / спекулянты имеют большой кусок пирога), спорт (*am Ball bleiben* / оставаться у мяча — о контроле над ситуацией; *ein Gesetz durchboxen* / продавить закон; *Wettlauf um ersten Corona-Impfstoff* / забег за первой вакциной против короны, *in den Startlöchern stehen* / быть на низком старте), медицина (*Internet mit fake news infizieren* / заражать интернет фейковыми новостями — неявное противопоставление своим «незаразным» новостям; *fieberhaft wird nach dem Impfstoff gesucht* / ведётся лихорадочный поиск вакцины), упадок (*tote Hose für Wirtschaft* / застой в экономике), движение (*Digitalisierung der Unis braucht einen Sprung nach vorne* / цифровизация университетов требует скачка вперед).

(2) Общий сюжет метафорического повествования таков: общество медленно и очень осторожно ищет пути выхода из кризиса (метафоры движения *Fahrplan aus der Corona-Krise* / маршрут выхода из корона-кризиса, *Weg aus Lockdown* / путь из самоизоляции, *Marschroute verkünden* / обнародовать маршрут, *Kanzlerin rudert zurück* / канцлер ведёт корабль назад, *wer streut der rutscht nicht ab* / кто сыплет, тот не поскользнется). Движение к нормальной жизни дискретное (*Politik der kleinen Schritte* / политика маленьких шагов, *schrittweise Rückkehr aus Corona-Krise* / пошаговое возвращение из корона-кризиса, *auf die Bremse treten* / жать на тормоз) и осложняется системными проблемами (*Zapfsäulen bleiben trocken* / пивные краны останутся сухими — об отмене Октоберфеста, *wirtschaftliche Engpässe für Bundesliga* / экономические тесные проходы для бундеслиги — о возможном банкротстве многих профессиональных футбольных клубов, *Börsen geraten in Turbulenz* / биржи в зоне турбулентности), так и ростом напряжения в обществе (*wir stehen mit dem Rücken zur Wand* / мы стоим спиной к стене, *einer öffentlichen Diskussion Riegel vorschieben* / поставить заслон

общественной дискуссии, *Druck im Kessel verringern* / снизить давление в котле, *gemeinsame Linie finden* / найти общий курс, *Druck aus dem Kessel lassen* / выпустить давление из котла). Все отрасли подвержены серьезным испытаниям (*Ölpreise im Sog des Überangebotes* / цены на нефть в подводном течении избыточного предложения, *Herbst für Wirtschaft* / осень экономики, *Untergangsszenario für Deutschland* / сценарий заката Германии, *Hagel an Kritik* / град критики, *Gastronomie und Hotellerie stehen im Regen* / ресторанный и гостиничный бизнес под дождём, *billiges Öl flutet den Weltmarkt* / дешёвая нефть наводнила мировой рынок). Угроза коронавируса представляется постоянной (*Corona ist kein Gewitter, was kommt und geht* / корона — это не гроза, которая приходит и уходит). Рецессия и угроза полной дезинтеграции отдельных политических и экономических институтов изображаются метафорами упадка (*Bundesligasaison landet im Eimer* / сезон бундеслиги приземляется в мусорном ведре, *Koalitionsriss* / трещина в коалиции, *Gesetz wird zu Makulatur* / закон превращается в макулатуру, *Strich durch die Rechnung machen* / зачеркнуть расчеты, *Ölförderung kommt unter die Räder* / добыча нефти получает фатальный удар, *Wirtschaftsdesaster* / экономическая катастрофа, *Reisen fällt ins Wasser* / путешествия проваливаются, *Touristenboom geht zurück* / туристический бум сворачивается, *Restaurantbranche hängt die Köpfe* / ресторанная отрасль пригорюнилась, *Ölpreise rutschen ins Keller* / нефтяные котировки падают на дно, *Volkswirtschaften brechen zusammen* / народные хозяйства разваливаются, *Gastronomie steckt bis zum Hals im Sand* / ресторанный бизнес по шею в песке).

(3) Дополняет картину ряд олицетворений, изображающий персонифицированное неравное противостояние вируса и человечества. COVID-19 представляется коварным и всемогущим врагом (*Pandemie trifft alle* / пандемия бьет по всем, *Corona hält die Welt in Atem* / корона держит мир в напряжении, *das Virus stellt das Leben in Deutschland auf den Kopf* / вирус переворачивает жизнь в Германии), поражающим все сферы жизни (*Autoproduktion schrumpft* / производство автомобилей сокращается, *Börsen rappeln* / биржи гремят, *Fußball stolpert* / футбол спотыкается, *Fußball leidet unter Corona* / футбол страдает от коронавируса, *Fußball schlägt die Zeit tot* / футбол убивает время, *Wirtschaft geht die Puste aus* / силы покидают экономику, *Wirtschaft entgleist* / экономика сходит с рельс, *Börse erlebt ein beispielloses Tief* / биржа переживает беспрецедентный минимум). Заявляется, что борьба в отдельных странах ведётся с переменным успехом (*Not macht erfinderisch* / нужда делает изобретательным», *Börse erholt sich* / биржа восстанавливается, *Börse schnappt etwas Luft* / биржа хватает воздух, *Virus hat uns in starke Position gebracht* / вирус сделал нас сильными, *Deutschland ist*

immun / Германия имеет иммунитет, *USA ertrinkt im selbstproduzierten Öl* / США захлебывается в собственной нефти).

(4) Эпитеты используются ограниченно, описывая всю тяжесть происходящего (*von Pandemie gebeutetes Land* / покорённая пандемией страна, *totaler Lockdown* / тотальная самоизоляция, *Dunkelziffer der Erkrankung* / мрачная статистика заболевания, *schwerwiegende Folgen* / серьезные последствия, *leidtragende Bürger* / страдающие граждане) и слабую надежду на лучшее (*sehr starke Runter* / очень сильное снижение, *gemischte Gefühle* / смешанные чувства, *verantwortungsvolle Normalität* / ответственная нормальность, *positiver Osterbilanz* / позитивный пасхальный баланс, *zerbrechlicher Zwischenerfolg* / хрупкий промежуточный успех, *fragile Situation* / хрупкая ситуация, *trügerische Sicherheit* / обманчивая уверенность).

(5) Итог подводится с использованием гипербол: пандемия COVID-19 — это глобальный вызов (*Jahrhundert-Rezession* / столетняя рецессия, *Schäden sind nicht bezifferbar* / убытки неисчислимы), и плюрализм мнений по некоторым вопросам не приветствуется (*Diskussionsorgien* / дискуссионные оргии). Новая общественная *нормальность* провозглашается при помощи оксюморонов (*einsam gemeinsam* / вместе поодиночке — атомизация общества как профилактика борьбы с коронавирусом; *im Home-Office arbeiten* / работать в домашнем офисе; *Home-Schooling* / школа на дому — о дистанционном среднем образовании). Для восстановления после пандемии понадобятся серьезные временные, человеческие и материальные ресурсы (аллюзия *Marschallplan für Deutschland* / план Маршалла для Германии).

4. Вариативность просодических средств актуализации образа COVID-19

Интегральной характеристикой звучащей речи, существующей только вместе с сегментными единицами языка, является просодия, функции которой наряду с делимитативной и коммуникативной включают и экспрессивную [Беленикина, 2010]. Говорящий использует просодические средства для создания эмоционального канала воздействия на реципиента. Перцептивные характеристики, такие как высота, громкость и темп речи, исследуются на этапе аудитивного анализа, в то время как акустические — частотные и динамические максимумы и диапазоны, среднезвуковая продолжительность артикуляции и коэффициент паузации — являются предметом электроакустического анализа.

Продолжительность новостных сюжетов, прослушанных на этапе аудитивного анализа, составила около 2000 минут. В целом темп речи выше

среднего, причем у журналистов он выше, чем у политиков. Паузы хезитации характерны для спонтанных высказываний (*Es ist ganz merkwürdig, aber… irgendwie ist Corona normal geworden /* Очень странно, но… каким-то образом корона стала нормальной), в подготовленной речи присутствуют логические паузы, выделяющие определенную часть предложения (*Ich weiß nicht, ob das statistisch ein Zufall ist oder ob das doch irgendetwas mit der Coronavirus-Situation zu tun hat oder möglicherweise auch … mit dem Shutdown …, dass die Menschen zu spät oder zu wenig zum Arzt gehen /* Я не знаю, является ли это статистическим совпадением или как-то связано с ситуацией по коронавирусу или, может быть, с карантином, что люди слишком поздно или слишком мало обращаются к врачу). Высота тона средняя и соответствует коммуникативному типу высказывания, значительных тональных изменений внутри предложения не наблюдается. Громкость речи несколько выше повседневной, у политиков она ниже, чем у журналистов. Речь журналистов воспринимается как более эмоциональная за счет более высокого темпа и громкости, в то время как монотонность в речи политиков избегается с помощью пауз и тонального выделения основной информации высказывания.

Материалом для электроакустического анализа послужили 300 синтагм с наиболее высоким эмоционально-прагматическим потенциалом, отмеченные на этапе аудитивного анализа и содержащие наименования болезни (*Coronavirus, Pandemie, Corona*), составные слова с корнем *Corona* и стилистические средства выразительности, участвующие в создании образа COVID-19. В ходе анализа были установлены следующие просодические особенности речи информантов:

(1) Среднезвуковая продолжительность артикуляции стилистических средств и эвфемизма *Corona* ниже, чем в составных словах (*Corona-Management, Corona-Kabinett*). Коэффициент паузации, рассчитываемый как отношение общей продолжительности высказывания к продолжительности без пауз (если он равен 1, то паузы отсутствуют), варьируется в диапазоне от 1,15 до 1,3 (*Man lebt viel intensiver … man lebt viel gelassener … viel ruhiger … und viel langsamer/* живут более интенсивно…более философски, спокойно и размеренно).

(2) Частотные диапазоны достаточно узкие и составляют 30—40 Гц. Вместе с высокой средней ЧОТ (140—150 Гц) это свидетельствует об эмоциональности высказывания (*In einigen Bereichen der Stadt wieder ein bisschen Normalität /* В отдельных районах города ситуация несколько нормализовалась <букв.: «снова немного нормальности»>). Тональные максимумы составляют 180—190 Гц, ими оформляются смысловые центры вы-

сказывания (*Arbeiten muss man jetzt irgendwie im* ***Home-Office*** */* Приходится сейчас как-то работать в домашнем офисе).

Средняя интенсивность высказываний составляет 70 дБ, что соответствует громкой повседневной речи. Динамический диапазон составляет в среднем 2—3 дБ. Учитывая логарифмический характер интенсивности (прирост в 10 дБ обозначает двукратное увеличение интенсивности), можно отметить, что колебания интенсивности умеренны. Таким образом, динамические максимумы составляют около 72—73 дБ и выделяют ключевые термины и образы (*Die Gefahr ist unsichtbar – verfallen Sie nicht in* ***Panik****!* / Угроза невидима — не впадайте в панику!).

5. Заключение

Первая волна пандемии COVID-19 стала тяжелым испытанием для всех общественных институтов. Осознание серьезности проблемы и консолидация общества для борьбы с ней происходили в рамках политического дискурса СМИ. Политики и журналисты в новостных сюжетах на протяжении многих недель говорили о глубине кризиса и о возможных сценариях выхода из него. Социум, разделенный ограничительными карантинными мерами, переосмыслял себя как общность в медиальном пространстве. Важнейшим инструментом такого единения послужили универсальные образы угрозы коронавируса и борьбы с ним, которые создавались с помощью языковых средств выразительности. Полученные результаты их исследования могут быть сформулированы следующим образом:

На лексическом уровне тематические ряды наиболее частотных лексем включают географические обозначения, временные рамки, наименования болезни, профилактических мер, а также участников событий (граждан и общественных учреждений). Эвфемизм *Corona*, используемый для обозначения как самой болезни, так и её возбудителя, становится производящей основой для многих неологизмов. В речи информантов встречаются заимствования из англоязычного дискурса СМИ, посвященного теме коронавируса.

Стилистические средства формируют образ противника (COVID-19) и повествуют о борьбе с ним. Чаще всего для этого используются метафоры — метафоры движения и спорта противопоставляются метафорам упадка, болезни, природных катаклизмов. Олицетворённый вирус расшатывает устои общественных институтов, которые грозят обрушиться. Эпитеты привлекаются для характеристики отрицательных эффектов пандемии в данный момент и для того, чтобы выразить надежду на улучшение в будущем. Общий сюрреализм и беспрецедентность ситуации передают отдельные оксюмороны.

Просодические средства выразительности реализуют свою экспрессивную функцию и создают канал воздействия на слушателя. Относительно высокая средняя ЧОТ (140—150 Гц) и небольшие частотные диапазоны придают речи эмоциональность. Средняя интенсивность (70 дБ) варьирует в пределах 2—3 дБ, динамическими максимумами выделяются смысловые центры высказываний. Значительные перепады в среднезвуковой продолжительности артикуляции (средние значения составляют 110 мс, минимальные — около 85 мс) позволяют избежать монотонности и подчеркнуть ключевые стилистические средства, участвующие в создании образа COVID-19.

Правительства стран мира обсуждают возможность постепенных снятий ограничений. В Германии усталость населения от жесткого карантина привела к открытым столкновениям с полицией в ходе несанкционированных демонстраций. Число заболевших исчисляется миллионами, а умерших — сотнями тысяч, что не сравнимо с показателями по сезонному гриппу, а отсутствие вакцины, высокая контагиозность и тяжелый патогенез заставляют общество жить в страхе перед второй волной пандемии. Таким образом, COVID-19 будет оставаться на повестке дня в течение продолжительного времени, а его языковое отображение в СМИ Германии и других стран представляет перспективу для дальнейшего исследования.

Источники и принятые сокращения

1. *Mai : Polizei löst Proteste in Berlin und Hamburg auf* // tagesschau.de : Webseite [Electronic resource]. — Access mode : https://www.tagesschau.de/inland/erster-mai-demos-berlin-hamburg-101.html.

2. *Coronavirus* # zusammenhalten // ARD : Webseite [Electronic resource]. — Access mode : https://www.ardmediathek.de/ard/.

3. *Coronavirus* // Spiegel : Webseite [Electronic resource]. — Access mode : https://www.spiegel.de/thema/coronavirus/.

4. *Downloading Praat for Windows* // praat.org : Webseite [Electronic resource]. — Access mode : http://www.fon.hum.uva.nl/praat/download_win.html.

5. *Liveblog* zur Corona-Krise // ZDF : Webseite [Electronic resource]. — Access mode : https://www.zdf.de/nachrichten/politik/blog-coronavirus-102.html.

6. *Mediathek* // Welt : Webseite [Electronic resource]. — Access mode : https://www.welt.de/mediathek/.

7. *Merkel* sieht Coronakrise als größte Herausforderung seit dem Zweiten Weltkrieg // Spiegel: Webseite [Electronic resource]. — Access mode : shorturl.at/prCL5.

8. *Nachrichten*-Videos // n-tv : Webseite [Electronic resource]. — Access mode : https://www.n-tv.de/mediathek/videos/.

9. *Terminkalender* // Terminkalender : сайт [Electronic resource]. — Access mode : https://www.bundeskanzlerin.de/bkin-de/angela-merkel/terminkalender.

Литература

1. *Беленикина Л. Н.* Полифункциональность речевой просодии / Л. Н. Беленикина // Вестник ТГУ. — 2010. — № 10. — С. 155—160.

2. *Ватолина Т. А.* Когнитивная модель дискурса как многомерный ментальный конструкт / Т. А. Ватолина // Концепт. — 2017. — № 9. — С. 170—175.

3. *Глотова Т. А.* Метафоризация вируса Зика в российских электронных изданиях : когнитивно-дискурсивный аспект / Т. А. Глотова, О. Г. Кривова, Н. А. Кульбаченко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 11—2 (65). — С. 51—56.

4. *Кушнерук С. Л.* «Мир дискурса» в аспекте когнитивного моделирования / С. Л. Кушнерук // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2013. — № 1 (34). — С. 105—114.

5. *Лихачёв Э. В.* Вариативность просодических комплексов актуализации футбольного комментария (на материале немецкого языка) : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.04 / Э. В. Лихачёв. — Нижний Новгород, 2017. — 22 с.

6. *Лихачёв Э. В.* Особенности программного электроакустического анализа просодических характеристик речи [Электронный ресурс] / Э. В. Лихачёв. — Режим доступа : https://www.sworld.com.ua/konfer29/1204.pdf.

7. *Angeli E. L.* Metaphors in the Rhetoric of Pandemic Flu : Electronic Media Coverage of H1N1 and Swine Flu / E. L. Angeli // Journal of Technical Writing and Communication. — 2012. — № 42 (3). — Pp. 203—222. DOI : https://doi.org/10.2190/TW.42.3.b.

8. *Boersma P.* PRAAT, a system for doing phonetics by computer / P. Boersma, D. Weenink // Glot international. — 2001. — № 5. — Pp. 341—345.

9. *Chiang. Wen-Yu.* Conceptual metaphors for SARS: Warbetween whom? / Wen-Yu Chiang, Ren-Feng Duann // Discourse and Society. — 2007. — № 18. — Pp. 579—602. DOI : https://doi.org/10.1177/0957926507079631.

10. *Pieri Elisa.* Media Framing and the Threat of Global Pandemics : The Ebola Crisis in UK Media and Policy Response / E. Pieri // Sociological Research Online. — 2019. — 24 (1). — Pp. 73—92. DOI : https://doi.org/10.1177/1360780418811966.

11. *Scoones I.* Unpacking the international response to avian in-fluenza : actors, networks and narratives / I. Scoones, P. Foster // Avian Influenza: Science, Policy and Politics. — London : Earthscan, 2010. — Pp. 19—64.

12. *Thibodeau P. H.* Metaphors We Think With : The Role of Metaphor in Reasoning / P. H. Thibodeau, L. Boroditsky // PLoS ONE. — 2011. — № 6 (2). — Pp. 1—11.

13. *Wallis P.* Disease metaphors in new epidemics : the UK media framing of the 2003 SARS epidemic / E. Wallis, B. Nerlich // Social Science and Medicine. — 2005. — № 60 (11). — Pp. 2629—2639. DOI : https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2004.11.031.

14. *Weiss Meira.* Signifying the Pandemics : Metaphors of AIDS, Cancer, and Heart Disease / M. Weiss // Medical Anthropology Quarterly. — 1997. — № 11 (4). — Pp. 456—222.

15. *Wicke P.* Framing COVID-19 : How we conceptualize and discuss the pandemic on Twitter / P. Wicke, M. Bolognesi. — Dublin : University College Dublin, 2020. — 41 p.

Linguistic Means in Image of COVID-19 (German Political Discourse in Media)

© **Daniil A. Petrenko (2020),** orcid.org/0000-0002-0231-173X, SPIN 5424-2859, PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department of German Philology, Institute of Foreign Philology, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), daniil.petrenko@list.ru.
© **Eduard V. Likhachev (2020),** orcid.org/0000-0003-1064-5753, SPIN 7489-1656, PhD in Philology, Associate Professor, Department of German Philology, Institute of Foreign Philology, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), eduard_evp@rambler.ru.
© **Marina V. Chernyshova (2020),** orcid.org/0000-0001-9454-3900, SPIN 6053-6640, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Department of German Philology, Institute of Foreign Philology, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), margomarina2003@mail.ru.

The article is focused on the role of lexical and prosodic means of expression in the coverage of the COVID-19 pandemic in German political media discourse. As a research task, the authors identified an attempt to assess the dynamics of the image of the coronavirus phenomenon in the media and to identify the conditionality of the use of linguistic units at certain stages of the pandemic. The material for the study was transcripts and audio recordings of plots from leading German news channels in the first half of 2020. Particular attention is paid to the analysis of the frequency of the use of lexical units and the correlation of lexical and prosodic means of expression. In the course of linguo-stylistic analysis, the main stylistic means are established, depicting the course of the pandemic and the fight against the virus. The prosodic features of the informants' speech, which are determined in the course of the electroacoustic analysis of statements, are brought into consideration. The impact of COVID-19 on all spheres of public life in Germany and its maximum representation in the media determine the relevance of this study. The novelty of the study is seen in the application of a comprehensive methodology for analyzing expressive means in the speech of informants in the period from January to May 2020.

Key words: intonation; stylistic means of expressiveness; electroacoustic analysis; linguistic analysis; COVID-19.

Material resources

Coronavirus. In: *Spiegel: Webseite.* Available at: https://www.spiegel.de/thema/coronavirus/.
Coronavirus # zusammenhalten. In: *ARD: Webseite.* Available at: https://www.ardmediathek.de/ard/.
Downloading Praat for Windows. In: *praat.org: Webseite.* Available at: http://www.fon.hum.uva.nl/praat/download_win.html.
Liveblog zur Corona-Krise. In: *ZDF: Webseite.* Available at: https://www.zdf.de/nachrichten/politik/blog-coronavirus-102.html.
Mai: Polizei löst Proteste in Berlin und Hamburg auf. In: *tagesschau.de: Webseite.* Available at: https://www.tagesschau.de/inland/erster-mai-demos-berlin-hamburg-101.html.
Mediathek. In: *Welt: Webseite.* Available at: https://www.welt.de/mediathek/.

Merkel sieht Coronakrise als größte Herausforderung seit dem Zweiten Welt-krieg. In: *Spiegel: Webseite.* Available at: shorturl.at/prCL5.

Nachrichten-Videos. In: *n-tv: Webseite.* Available at: https://www.n-tv.de/mediathek/videos/.

Terminkalender. In: *Terminkalender: Webseite.* Available at: https://www.bundeskanzlerin.de/bkin-de/angela-merkel/terminkalender.

References

Angeli, E. L. (2012). Metaphors in the Rhetoric of Pandemic Flu: Electronic Media Coverage of H1N1 and Swine Flu. *Journal of Technical Writing and Communication, 42 (3):* 203—222. DOI: https://doi.org/10.2190/TW.42.3.b.

Belenikina, L. N. (2010). Polifunktsionalnost' rechevoy prosodii. *Vestnik TGU, 10:* 155—160. (In Russ.).

Boersma, P., Weenink, D. (2001). PRAAT, a system for doing phonetics by computer. *Glot international, 5:* 341—345.

Chiang, Wen-Yu., Duann, Ren-Feng. (2007). Conceptual metaphors for SARS: War-between whom? *Discourse and Society, 18:* 579—602. DOI: https://doi.org/10.1177/0957926507079631.

Glotova, T. A., Krivova, O. G., Kulbachenko, N. A. (2016). Metaforizatsiya virusa Zika v rossiyskikh elektronnykh izdaniyakh: kognitivno-diskursivnyy aspect. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki, 11—2 (65):* 51—56. (In Russ.).

Kushneruk, S. L. (2013). «Mir diskursa» v aspekte kognitivnogo modelirovaniya. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki, 1 (34):* 105—114. (In Russ.).

Likhachev, E. V. (2017). *Variativnost' prosodicheskikh kompleksov aktualizatsii futbolnogo kommentariya (na materiale nemetskogo yazyka): avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk.* Nizhniy Novgorod. (In Russ.).

Likhachev, E. V. *Osobennosti programmnogo elektroakusticheskogo analiza pro-sodicheskikh kharakteristik rechi.* Available at: https://www.sworld.com.ua/konfer29/1204.pdf. (In Russ.).

Pieri, Elisa. (2019). Media Framing and the Threat of Global Pandemics: The Ebola Cri-sis in UK Media and Policy Response. *Sociological Research Online, 24 (1):* 73—92. DOI: https://doi.org/10.1177/1360780418811966.

Scoones, I., Foster, P. (2010). Unpacking the international response to avian in-fluenza: actors, net-works and narratives. *Avian Influenza: Science, Policy and Poli-tics.* London: Earthscan. 19—64.

Thibodeau, P. H., Boroditsky, L. (2011). Metaphors We Think With: The Role of Metaphor in Reason-ing. *PLoS ONE, 6 (2):* 1—11.

Vatolina, T. A. (2017). Kognitivnaya model' diskursa kak mnogomernyy mentalnyy konstrukt. *Kontsept, 9:* 170—175. (In Russ.).

Wallis, P., Nerlich, B. (2005). Disease metaphors in new epidemics: the UK media framing of the 2003 SARS epidemic. *Social Science and Medicine, 60 (11):* 2629—2639. DOI: https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2004.11.031.

Weiss, Meira. (1997). Signifying the Pandemics: Metaphors of AIDS, Cancer, and Heart Disease. *Medical Anthropology Quarterly, 11 (4):* 456—222.

Wicke, P., Bolognesi, M. (2020). *Framing COVID-19: How we conceptualize and discuss the pandemic on Twitter.* Dublin: University College Dublin.

Рубцова С. Ю. Модифицированные фразеологизмы с компонентом-мифонимом в англоязычных СМИ / С. Ю. Рубцова // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 210—224. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-210-224.

Rubtsova, S. Yu. (2020). Modified Phraseological units with a Mythonym Component in English Media. *Nauchnyi dialog, 7:* 210-224. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-210-224. (In Russ.).

УДК 81’42:070+811.111’276.1
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-210-224

Модифицированные фразеологизмы с компонентом-мифонимом в англоязычных СМИ

© **Рубцова Светлана Юрьевна (2020),** orcid.org/0000-0003-2684-5872, WoS Researcher ID C-5729-2016, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков в сфере экономики и права факультета иностранных языков, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (Санкт-Петербург, Россия), rubtsova_svetlana@mail.ru.

Статья посвящена изучению типов модификации фразеологических единиц с мифологическими аллюзиями. Охарактеризованы функции, выполняемые ими в англоязычном дискурсе. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью намеренно модифицированных прецедентных единиц — фразеологизмов с компонентом-мифонимом — и специфики их функционирования в дискурсивном пространстве английского языка. Новизна исследования видится в уточнении классификации модификаций (трансформаций) прецедентных единиц применительно к фразеологизмам, содержащим мифонимы, отсылающие к древнегреческим мифам. Автор выделяет три основных типа модификации прецедентных единиц фразеологизмов с компонентом-мифонимом: семантическую, структурно-лексическую и синтаксическую. Особое внимание уделяется выявлению функций модифицированных фразеологизмов в разнодискурсных англоязычных текстах. Показано, что модификация рассмотренных прецедентных единиц позволяет автору высказывания оригинально обозначить освещаемые им ситуации и события (квалификативная функция модифицированных фразеологизмов), придать тексту выразительность и яркость (экспрессивно-декоративная функция), убедительно выразить свою точку зрения (персуазивная функция), передать иронию или создать юмористический эффект посредством языковой игры (людическая функция), идентифицировать свою групповую принадлежность (парольная функция).

Ключевые слова: прецедентная единица; фразеологизм; модификация; функция; мифоним; ящик пандоры; гордиев узел.

1. Обоснование прецедентности фразеологизмов с компонентом-мифонимом

Прецедентные единицы английского языка широко используются в разных видах дискурса. Будучи доминирующими моделями речетвор-

чества [Голубева, 2007], прецедентные единицы способствуют формированию дополнительных смыслов высказываний и выполняют разные функции в дискурсе: номинативную, экспрессивно-декоративную, персуазивную, парольную (парольно-идентифицирующую), людическую (игровую, или функцию создания языковой игры), эвфемистическую, воздействующую [Назарова, 2017, с. 30; Слышкин, 2000, с. 86; Слышкин, 2004, с. 123—124]. Анализируя фактический материал, в настоящей работе мы не включаем в понятийный аппарат воздействующую функцию, полагая, что каждая из вышеприведенных функций в той или иной мере обладает воздействующим потенциалом.

Выбранные в качестве объекта исследования прецедентные единицы с языковой точки зрения представляют собой фразеологизмы с компонентом-мифонимом. Хотя некоторые лингвисты не относят фразеологизмы к прецедентным единицам, разграничивая, в частности, понятия «фразеологизм» и «прецедентный феномен» / «прецедентное выражение» [Макаров, 2012], мы полагаем, что в ряде случаев фразеологические единицы способны осуществлять интертекстуальные связи, характерные для прецедентных единиц. В. М. Мокиенко называет подобные единицы *интертекстемами-фразеологизмами* [Мокиенко, 2003]. Интертекстемы-фразеологизмы (или фразеологизмы-интертекстемы) рассматриваются вслед за Мокиенко в работах других авторов [Декатова, 2015; Сидоренко, 2005; Фокина, 2006].

Основной функцией, которую фразеологизмы с компонентом-мифонимом выполняют в дискурсе, является номинативная. Н. А. Голубева отмечает, что номинативность прецедентных единиц заключается в отражении ими результата интеллектуальной деятельности человека, в именовании «информационных объектов» [Голубева, 2007]. По мнению Г. Г. Слышкина, номинативная функция прецедентных единиц сопряжена с экономией речевых средств, позволяющей говорящему лаконично передать значительный объем информации [Слышкин, 2000, с. 86]. Это обусловлено способностью прецедентных единиц актуализировать те или иные слоты фрейма, в виде которых они представлены в сознании носителей языка. Т. С. Гусейнова также обращает внимание на способность фразеологической единицы маркировать сходные по ситуации явления действительности и выступать в виде фрейма, что обусловливает абстрактный характер и схематическую природу фразеологизма [Гусейнова, 2015, с. 70].

Действительно, употребление, например, фразеологизма *Pandora's box* актуализирует знание устойчивого выражения, обозначающего ситуацию, инициирование которой влечет за собой ряд проблем: ср. *Pandora's box —*

'a process that once begun generates many complicated problems' [ODE] (Процесс, который, однажды начавшись, порождает много сложных проблем[1]). Рассмотрим пример использования этого фразеологизма: *"Many midwives avoid asking difficult questions," says Stanley, "because they know that if they* ***open the Pandora's box****, they simply will not have the resources to offer the support that the woman will need"* [TG, 2008] (— Многие акушерки избегают задавать сложные вопросы, — говорит Стэнли, — потому что они знают, что, если они откроют ящик Пандоры, у них просто не будет ресурсов, чтобы предложить поддержку, которая понадобится женщине).

В рамках данной работы нас интересуют намеренно модифицированные (трансформированные, видоизмененные) фразеологизмы с компонентом-мифонимом. По определению Т. С. Гусейновой, под трансформацией понимается любое отклонение от нормы либо импровизированное изменение, производимое в экспрессивно-стилистических целях [Гусейнова, 1997, с. 7]. При этом, как справедливо отмечает исследователь, необходимость модификации фразеологической единицы может быть вызвана тем, что она недостаточно полно отражает обозначаемую ею ситуацию. Модификация фразеологизма, согласно Т. С. Гусейновой, есть не что иное, как формирование другого фрейма [Гусейнова, 2015, с. 70]. Важными характеристиками модифицированных фразеологизмов являются необычность, свежесть и большая степень выразительности [Бурмагина, 2008, с. 327].

Намеренные модификации (трансформации, квазицитации) прецедентных единиц являются предметом многих лингвистических исследований [Бурмагина, 2008; Гусейнова, 1997; Гусейнова, 2013; Гусейнова, 2014; Гусейнова, 2015; Есина, 2016; Иванова, 2012; Рубцова, 2015а; Рубцова, 2015б; Belozerova, 2016; Guryanov et al., 2017; Langlotz, 2006].

В изученном нами фактическом материале модификация «мифологических» прецедентных единиц является часто используемым приемом в заголовках газетных и журнальных статей. Т. С. Гусейнова объясняет это тем, что всплеск спонтанной эмоционально-экспрессивной энергии, сконцентрированной в структуре подобных языковых единиц и детерминирующей их пассионарность, способствует привлечению внимания со стороны читателей к публикуемому материалу [Гусейнова, 2014, с. 249]. Е. А. Журавлева и Ж. Д. Капарова считают, что востребованность прецедентных единиц в газетном дискурсе вообще и в заголовках, в частности, обусловлена их способностью сочетать экспрессивность и стандартизацию [Журавлева и др., 2007, с. 23, 46]. С нашей точки зрения, на функциональном

1 Здесь и далее перевод автора статьи. — *С. Р.*

уровне эта двойственность отражена в выполнении ими двойной функции в заголовках статей — квалификативной и экспрессивно-декоративной, — как в нижеследующем примере заголовка статьи, посвященной технологии Интернета вещей, то есть сети устройств, в частности фитнес-трекеров, объединенных посредством Интернета, и рискам, вызванным широким распространением данной технологии: *Unwinding Ariadne's Identity Thread: Privacy Risks with Fitness Trackers and Online Social Networks* [DCS] (Раскручивание Ариадниной нити идентичности: риски для конфиденциальности с фитнес-трекерами и социальными онлайн-сетями).

Решение проблемы определения идентичности в Интернет-общении уподобляется в данном заголовке процессу раскручивания нити Ариадны. Введение в заголовок фразеологизма *Ariadne's thread* способствует актуализации в сознании читателя фрейма «Запутанная, сложная ситуация» (квалификативная функция) и придает заголовку выразительность (экспрессивно-декоративная функция). Однако если в древнегреческом мифе о дочери критского царя Миноса Ариадне и герое Тесее нить позволяет последнему выбраться из лабиринта Минотавра и спасти не только свою жизнь, но и жизни еще семерых юношей и семи девушек, обреченных на растерзание чудовищем, то в приведенном примере *нить Ариадны* теряет свою спасительную функцию: употребляя данный фразеологизм в первой части заголовка, авторы показывают, как решение одной проблемы приводит к возникновению другой, содержание которой раскрывается во второй части заголовка.

2. Классификация модифицированных фразеологических единиц с компонентом-мифонимом. Семантически модифицированные фразеологические единицы и их функции

Опираясь на классификацию способов модификации прецедентных единиц, включающую в себя три основных типа: контекстную (ситуационную), лексическую и синтаксическую [Leppihalme, 1997], — рассмотрим фразеологические единицы с компонентом-мифонимом, модифицированные семантически, лексически и синтаксически.

Первый тип модификации — семантически модифицированная фразеологическая единица — представляет собой воспроизведение прецедентной единицы в ее устойчивом либо слегка измененном виде, но в необычном контексте: *The goblin's brows tangled themselves into* ***a Gordian knot*** ... [COCA] (Брови гоблина запутались в гордиев узел …).

Фразеологизм *a Gordian knot* (Гордиев узел) обозначает сплетение сложных обстоятельств, проблем: ‘an extremely difficult or involved prob-

lem' [ODE] (чрезвычайно сложная проблема). Как правило, данное выражение используется в контекстах, описывающих абстрактные понятия: ср. *1. Life conditions and life strategies are as tightly entwined as the Gordian knot* (Условия жизни и жизненные стратегии так же тесно переплетены, как и гордиев узел). *2. Instead of sinking into a Gordian knot of cynicism leading to despair, we can rise to be the change we want to see!* (Вместо того, чтобы погрузиться в гордиевый узел цинизма, приводящего к отчаянию, мы можем изменить все так, как мы того хотим!). *3. 'The whole question of electronic privacy is like a Gordian knot,' Casti said'* («Весь вопрос об электронной конфиденциальности подобен гордиеву узлу», — сказал Касти). Однако в вышеприведенном примере автор использует фразеологизм *a Gordian knot* в описании детали внешнего облика героя, буквализируя значение слова *knot*. Поскольку гоблин обладает уродливой внешностью: *a mischievous, ugly creature resembling a dwarf* [ODE] (вредное уродливое создание, напоминающее карлика), — добавление характеристики, способствующей созданию еще более отталкивающего образа, производит комический эффект.

Oxford University researchers have found ***the Achilles heel*** *of certain cancer cells — mutations in a gene called SETD2* [COCA] (Исследователи Оксфордского университета обнаружили ахиллесову пяту некоторых раковых клеток — мутации в гене SETD2). Фразеологизм *Achilles' heel* (Ахиллесова пята) чаще всего используется для обозначения человеческих слабостей, физических и моральных: *'Someone's Achilles heel is the weakest point in their character or nature, where it is easiest for other people to attack or criticize them'* [CAED] (Ахиллесова пята является самым слабым местом в характере или организме человека, легко позволяющим другим людям нападать на него или критиковать его). Использование фразеологизма в описании раковых клеток приводит к уподоблению их всему человеческому организму со свойственной ему сложностью, а также придает выразительность научному тексту.

Семантически модифицированные фразеологизмы в приведенных примерах выполняют одновременно квалификативную и экспрессивно-декоративную функции, обозначая оригинальным способом типичные ситуации.

3. Лексически модифицированные фразеологизмы с компонентом-мифонимом и их функции

Лексически модифицированные фразеологизмы представляют собой единицы с измененным лексическим составом. В данной группе фразеологизмов выявлены следующие варианты модификаций:

(1) Лексическая (лексико-семантическая) субституция (замена одних лексических единиц на другие), являющаяся одним из самых распространенных способов модификации прецедентных единиц:

Nevertheless, I do not advocate a ***procrustean approach*** *to "disease". Instead, I recommend disease concept pluralism between medical and biological sciences* [COCA] (Тем не менее я не защищаю прокрустовский подход к «болезни». Вместо этого в лечении болезни я рекомендую концепцию плюрализма медицинской и биологической наук). Выражение *a procrustean approach* — это модификация фразеологизма *Procrustean bed* (прокрустово ложе), отсылающего к ситуации наличия жестких требований или норм, под которые стремятся подвести объект: 'A measure having the effect of enforcing conformity [ODE] ('Мера, обеспечивающая соблюдение соответствия'). Относительно каких-либо методов данный фразеологизм означает следующее: 'Enforcing uniformity or conformity without regard to natural variation or individuality' [Ibid.] (Обеспечение единообразия или соответствия без учета естественной изменчивости или индивидуальности). Допущенная в приведенном примере субституция одного слова в составе фразеологизма обусловливает выполнение им парольной функции, поскольку компонент *procrustean* имплицирует значение выражения *Procrustean bed* и позволяет автору высказывания выразить неодобрительную оценку узкой методологии принятия решений в отношении болезней.

Отметим, что в русском языке в подобных примерах, то есть в случае замены второго компонента фразеологизма *прокрустово ложе* на другие существительные, происходит модификация словообразовательного значения прилагательного *прокрустово*: в исходном варианте оно является кратким притяжательным прилагательным, в модифицированных вариантах его целесообразно заменять на форму относительного прилагательного с суффиксом *-овск-(ий) — прокрустовский* со значением 'свойственность тому или характерность для того, что названо мотивирующим словом' [НСРЯ, 2005]. Данным соображением мы руководствовались при переводе вышеприведенного примера и следующего: *Berlin's* ***Anti-Procrustean Liberalism****: Ideas, Circumstances, and the Protean Individual* [COCA] (Берлинский антипрокрустовский либерализм: идеи, обстоятельства и изменяющаяся личность).

Наряду с заменой лексемы *liberalism* в данном случае имеет место изменение семантического компонента *жесткий / негибкий*, входящего в семантическую структуру лексемы *procrustean*, за счет отрицательной приставки *anti-*. В сочетании с последующей восходящей градацией (*Ideas,*

Circumstances, and the Protean Individual) полученный фразеологизм выполняет персуазивную функцию.

Как показал анализ корпуса примеров модификаций второго типа, образованных посредством лексической субституции, их превалирующей функцией в англоязычном дискурсе является людическая функция: *The iron enters the youthful Hannibal soul. Exactly what that iron is he will not know for 10 years: he is struck dumb by the* ***Thyestean horror*** *of it all and represses the memory* [TST, 2006] (Железные оковы входят в юную душу Ганнибала. Что это за оковы, он не узнает в течение 10 лет: он поражен Фиестовым ужасом всего этого и подавляет память).

Выражение *Thyestean horror* представляет собой лексически модифицированный фразеологизм *Thyestean banquet / feast*, являющийся аллюзией к ситуации коварной, изощренной мести. Выполняемая полученной модификацией людическая функция передает иронию автора.

He can't pull ***the Gordian triangle*** *out of his own brain as if it were a slip-knot* [COCA] (Он не может вырвать Гордиев треугольник из своего мозга, как если бы это был скользящий узел). Замена одного лексического компонента в данном предложении в сочетании с последующим образным сравнением придает прецедентной единице юмористическое звучание и создает языковую игру (каламбур «сигнализирует» об употреблении модификации в людической функции).

(2) Усечение компонентов является характерным приемом модификации глагольных фразеологизмов, когда опускается глагольная часть.

Рассмотрим пример усечения фразеологизма *to give / throw / fling a sop to Cerberus* — задобрить Цербера: *Complaining to the manager is likely to achieve little, except, if the manager has any sense, he will offer a drink on the house as* ***a sop to Cerberus*** [TT, 2005] (Жалобы менеджеру, скорее всего, мало что принесут, за исключением того, что, если у менеджера есть хоть какой-то здравый смысл, он предложит выпить за счет предприятия, чтобы задобрить Цербера).

Полученная прецедентная единица выполняет квалификативную функцию, лаконично обозначая ситуацию умиротворения возмущённого, недовольного человека, обычно с помощью подарка, взятки.

(3) Добавление компонентов является еще одним способом модификации прецедентных единиц. Прежде всего, здесь следует говорить о вкраплении в структуру фразеологизмов различных определений имен, то есть об адноминальной (приименной) модификации (adnominal modification), которая, как утверждает А. Ланглотц, предоставляет основу для

выделения специфических для данного контекста характеристик концепта, профилируемого определяемым именем [Langlotz, 2006, p. 89]. В той же работе данного автора выделяются внешние и внутренние адноминальные модификации (external and internal modifications). Нижеследующие примеры модификаций фразеологизмов за счет добавления компонентов относятся к внешним модификациям, поскольку добавленные компоненты определяют фразеологизмы в целом (ср. к внутренним адноминальным модификациям относится рассмотренный выше модифицированный фразеологизм *Ariadne's Identity Thread*, в котором добавленное слово *identity* атрибутирует главный компонент — *thread*).

On Wednesday night, the leader of the Scottish Conservatives, Ruth Davidson, likened British politics to ***the mythical Augean stables*** *with, she said, some "pretty big shovels" needed for the cleanup* [NYT, 2017] (В среду вечером лидер шотландских консерваторов Рут Дэвидсон сравнила британскую политику с мифическими Авгиевыми конюшнями, по ее словам, с несколькими «довольно большими лопатами», необходимыми для очистки). В приведенном примере используется разновидность адноминальной модификации — адъективная премодификация (adjectival premodification [Langlotz, 2006]). В своем критическом высказывании Рут Дэвидсон делает отсылку к мифическим Авгиевым конюшням, то есть уподобляет британскую политику загрязненному, запущенному месту. Наряду с квалификативной функцией полученный фразеологизм выполняет экспрессивную функцию.

Trojan war shows ***Bush and Blair's Achilles' heel****, say actors who see a modern-day similarity* [COCA] (Троянская война показывает Ахиллесову пяту Буша и Блэра, как говорят актеры, которые видят современное сходство). В данном примере заголовка статьи адноминальная модификация заключается в добавлении имен собственных в притяжательном падеже, она придает выразительность заголовку, который привлекает к себе внимание читателей (экспрессивно-декоративная функция). Распространенным способом модификации фразеологических единиц с компонентом-мифонимом является так называемая постмодификация (postmodification), то есть добавление определений, выраженных словосочетанием с предлогом *of* [Langlotz, 2006]:

... it is a reminder that one of any new leader's pressing tasks will be the cleansing of ***the Augean stables of his or her own back benches*** *...* [TT, 2008] (Это напоминание о том, что одной из неотложных задач любого нового лидера партии будет чистка авгиев конюшен их задних рядов). Выражение *to cleanse the Augean stables* (чистить авгиевы конюшни) «расширяется» за счет добавления сочетания *of his or her own back benches* (их задних рядов).

Это добавление призвано уточнить метафору — намек на то, что нужно провести «чистку рядов» членов партии. Модифицированный фразеологизм, таким образом, выполняет людическую и экспрессивную функции.

4. Синтаксически модифицированные фразеологизмы с компонентом-мифонимом и их функции

Модификации третьего типа — синтаксически модифицированные фразеологизмы — создаются следующими способами:

(1) Заменой грамматической категории числа:

Рассмотренный ранее фразеологизм *Gordian knot* в английском языке может употребляться во множественном числе в значении ‘сложные, запутанные проблемы’: E.g. *If you fancy yourself as an armchair Alexander, a moulder of civilisation, but don't have the time or patience for* ***Gordian knots*** *or conquering the known world, then you could do worse than to invent a new mealtime* [TST, 2003] (Если вы воображаете себя диванным Александром, создателем цивилизации, но у вас нет времени и терпения для гордиевых узлов или покорения известного мира, то вы могли бы придумать что-нибудь более стоящее, нежели новый прием пищи).

Употребление фразеологизма *Gordian knot* во множественном числе придает высказыванию ироническое звучание, поскольку данная форма снижает значимость референтной ситуации, имплицируя ее частую повторяемость. Превалирующей функцией модифицированного фразеологизма является людическая.

(2) Изменение синтаксической структуры прецедентной единицы:

However, conflicting theories about the model for Sebastian in no way diminish the dazzlement over Stephen Tennant, the most flamboyant ***sleeper*** *since* ***Endymion*** [NYT, 1991] (Однако противоречивые теории о прототипе Себастьяна никоим образом не уменьшают ослепление Стивеном Теннантом, самым ярким почитателем сна со времен Эндимиона). Слова *sleeper* и *Endymion* отсылают к ситуации вечного сна, подаренного Эндимиону — знаменитому своей красотой юноше — Зевсом, и активируют в сознании читателей выражение *Endymion's sleep*, обозначающее долгий, крепкий сон: *According to one story, he was put in an eternal sleep by Zeus for having fallen in love with Hera <...>* [ODE] (Согласно легенде, Зевс усыпил его вечным сном за то, что он влюбился в Геру <…>). В приведенном примере нарушена синтаксическая структура фразеологизма: в исходном варианте мифоним *Endymion* определяет абстрактное существительное *sleep*, находясь в препозиции к нему; в полученном варианте абстрактное слово за-

менено на конкретное, передающее семантику агента действия — *sleeper*, а синтаксическая связь с мифонимом разорвана с целью оживить образность. Используемый для образного сравнения модифицированный фразеологизм выполняет экспрессивно-декоративную функцию; однако преобладающей функцией является людическая, направленная на создание юмористического эффекта.

5. Заключение

Итак, проведенное исследование показало, что в англоязычном дискурсе используются три типа модификаций прецедентных единиц с мифологическими аллюзиями: семантическая, структурно-лексическая и синтаксическая. Семантическая модификация предполагает воспроизведение прецедентной единицы в своем устойчивом либо слегка измененном виде, но в необычном контексте. Лексически модифицированные фразеологизмы представляют собой единицы с измененным лексическим составом. В группе лексически модифицированных фразеологизмов выявлены такие варианты модификации, как лексическая (лексико-семантическая) субституция, усечение и добавление компонентов. При этом одним из самых распространенных способов модификации прецедентных единиц является лексическая субституция. Усечение компонентов является характерным приемом модификации глагольных фразеологизмов, когда опускается глагольная часть. Добавление компонентов состоит, прежде всего, во вкраплении в структуру фразеологизмов различных определений имен (приименная модификация) либо в добавлении определений, выраженных конструкцией с предлогом *of* (постмодификация). Синтаксически модифицированные фразеологизмы создаются посредством замены грамматической категории числа, изменения синтаксической структуры прецедентной единицы. Дискурсивное употребление модифицированных фразеологизмов сводится к выполнению той или иной функции (квалификативной, экспрессивно-декоративной, персуазивной, людической, парольной). Квалификативная, экспрессивно-декоративная и людическая функции выполняются всеми тремя типами модифицированных фразеологизмов; персуазивная и парольная функции в рассмотренных примерах характерны для лексически модифицированных фразеологизмов.

Источники и принятые сокращения

1. НСРЯ, 2005 — *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. — Москва : Русский язык, 2005. — Режим доступа : http://www.slovar.cc.

2. CAED — *COBUILD* Advanced English Dictionary [Electronic resource]. — Access mode : http://www.collinsdictionary.com.

3. COCA — *Корпус* современного американского английского (Corpus of Contemporary American English, COCA) [Electronic resource]. — Access mode : http://corpus.byu.edu/COCA/.

4. DCS — *Department* of Computer Science [Electronic resource]. — Access mode : http://www.cs.ox.ac.uk.

5. NYT, 1991 — *The* New York Times. — 1991. — 10 March.

6. NYT, 2017 — *The* New York Times. — 2017. — 2 November.

7. ODE — *Oxford* Dictionary of English [Electronic resource]. — Access mode : http://www.en.oxforddictionaries.com.

8. TG, 2008 — *The* Guardian. — 2008. — 29 January.

9. TST, 2003 — *The* Sunday Times. — 2003. — 29 June.

10. TST, 2006 — *The* Sunday Times. — 2006. — 10 December.

11. TT, 2005 — *The* Times. — 2005. — 9 July.

12. TT, 2008 — *The* Times. — 2008. — 5 August.

Литература

1. *Бурмагина В. Г.* Отражение картин бытия трансформированными фразеологизмами / В. Г. Бурмагина // Культура и текст. — Выпуск 11. — С. 327—331.

2. *Голубева Н. А.* Слово. Текст. Дискурс. Прецедентные единицы / Н. А. Голубева // Язык, коммуникация и социальная среда. — Выпуск 7. — Воронеж : ВГУ, 2007. — С. 152—168.

3. *Гусейнова Т. С.* Трансформация фразеологических единиц как способ реализации газетной экспрессии : На материале центральных газет 1990—1996 гг. : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.01 / Т. С. Гусейнова. — Махачкала, 1997. — 23 с.

4. *Гусейнова Т. С.* Номинативная составляющая фразеологических трансформ в публицистическом дискурсе : пассионарный аспект / Т. С. Гусейнов // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. — 2013. — № 3. — С. 57—62.

5. *Гусейнова Т. С.* Пассионарность заголовочной конструкции в публицистическом дискурсе / Т. С. Гусейнова // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2014. — № 5 (27). — С. 249—252.

6. *Гусейнова Т. С.* Трансформация фразеологических единиц в публицистическом дискурсе : объективная закономерность Т. С. Гусейнова // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. — 2015. — № 4. — С. 67—71.

7. *Декатова К. И.* Структурно-семантические особенности фразеологизмов-интертекстем [Электронный ресурс] / К. И. Декатова // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». — 2015. — № 5 (39). — Режим доступа : http://www.grani.vspu.ru.

8. *Есина Е. А.* О некоторых механизмах образования комического в трансформированных феноменах / фразеологизмах / Е. А. Есина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2016. — № 4. — С. 195—198.

9. *Журавлева Е. А.* Прецедентные тексты начала XXI века : монография / Е. А. Журавлева, Ж. Д. Капарова. — Москва : Флинта : Наука, 2007. — 256 с.

10. *Иванова Е. А.* Модификация фразеологизмов-антропономинантов по социальным признакам в публицистическом тексте / Е. А. Иванова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. — 2012. — № 17. — Том 1. — С. 167—174.

11. *Макаров В. И.* Фразеологические единицы, прецедентные феномены и стереотипизация общественно-политической информации / В. И. Макаров // Вестник Новгородского государственного университета. — 2012. — № 67. — С. 51—54.

12. *Мокиенко В. М.* Интертекстемы и текст в славянских языках / В. М. Мокиенко // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе / под ред. С. Г. Шулежковой. — Магнитогорск : Изд-во МаГУ, 2003. — С. 4—27.

13. *Назарова Р. З.* К вопросу о людической функции прецедентных феноменов в художественном дискурсе / Р. З. Назарова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. — 2017. — № 1. — Т. 17. — С. 29—32.

14. *Рубцова С. Ю.* Квазицитация библейских прецедентных единиц в политическом дискурсе в английском языке / С. Ю. Рубцова // Символ науки. — 2015а. — № 12. — С. 227—231.

15. *Рубцова С. Ю.* Модифицированные прецедентные единицы с историческими аллюзиями в современном английском языке. Сложности перевода / С. Ю. Рубцова // Материалы 44 Международной филологической научной конференции «Федоровские чтения». Актуальные проблемы переводоведения. — Санкт-Петербург : Издательство филологического факультета СПбГУ, 2015б. — С. 104—120.

16. *Сидоренко К. П.* От крылатого слова к интертекстеме (межуровневая проекция) / К. П. Сидоренко // Грани слова : сборник научных статей к 65-летию проф. В. М. Мокиенко. — Москва : ООО Изд-во «ЭЛПИС», 2005. — С. 143—145.

17. *Слышкин Г. Г.* От текста к символу : лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. — Москва : Academia, 2000. — 128 с.

18. *Слышкин Г. Г.* Лингвокультурные концепты и метаконцепты / Г. Г. Слышкин. — Волгоград : Перемена, 2004. — 340 с.

19. *Фокина М. А.* Фразеологизмы-интертекстемы в структурно-смысловой организации повествования / М. А. Фокина // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. — 2006. — Том 12. — № 10. — С. 48—52.

20. *Belozerova E.* Ways of idiom transformation and modification / E. Belozerova // Global Journal of Foreign LanguageTeaching. — 2016. — № 6 (4). — Pp. 206—207.

21. *Guryanov I. O.* Modification of Bookish Idioms : Discourse Analysis / I. O. Guryanov, I. E. Yarmakeev, E. V. Gafiyatova, J. Cruz // Revista Publicando. — 2017. — Vol. 4. —№ 13 (1). — Pp. 876—883.

22. *Langlotz A.* Occasional Adnominal Idiom Modification — a Cognitive Linguistic Approach / A. Langlotz // International Journal of English Studies. — 2006. — Vol. 6 (1). — Pp. 85—108.

23. *Leppihalme R.* Culture Bumps : An Empirical Approach to the Translation of Allusions. Topics in Translation / R. Leppihale. — Clevedon : Multilingual Matters, 1997. — 402 p.

Modified Phraseological units with a Mythonym Component in English Media

© **Svetlana Yu. Rubtsova (2020),** orcid.org/0000-0003-2684-5872, WoS Researcher ID C-5729-2016, PhD in Philology, associate professor, Department of Foreign Languages in Economics and Law, Faculty of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Saint-Petersburg State University" (St. Petersburg, Russia), rubtsova_svetlana@mail.ru.

The article is devoted to studying the types of modifications of phraseological units with mythological allusions. The functions performed by them in the English discourse are characterized. The relevance of the study is due to the insufficient knowledge of intentionally modified precedent units - phraseological units with a mythological component — and the specifics of their functioning in the discursive space of the English language. The novelty of the study is seen in the explicitation of the modifications (transformations) classification of precedent units in relation to phraseological units containing mythonyms that refer to ancient Greek myths. The author identifies three main modification types of the precedent units of phraseological units with a mythonym component: semantic, structural-lexical and syntactic. Particular attention is paid to identifying the functions of modified phraseological units in multi-discourse English texts. It is shown that the modification of the considered precedent units allows the author of the statement to originally identify the situations and events illuminated by him (the qualifying function of the modified phraseological units), give the text expressiveness and brightness (expressive-decorative function), convincingly express his point of view (persuasive function), convey irony or create humorous effect through a language game (human function), identify their group affiliation (password function).

Key words: precedent unit; phraseology; modification; function; mythonym; Pandora's Box; Gordian knot.

Material resources

NSRYa, 2005 — Efremova, T. F. (2005). *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatelnyy.* Moskva: Russkiy yazyk. Available at: http://www.slovar.cc. (In Russ.).

COCA — *Korpus sovremennogo amerikanskogo angliyskogo (Corpus of Contemporary American English, COCA)*. Available at: http://corpus.byu.edu/COCA/.

CAED — *COBUILD Advanced English Dictionary*. Available at: http://www.collinsdictionary.com.

DCS — *Department of Computer Science*. Available at: http://www.cs.ox.ac.uk.

NYT, 1991 — *The New York Times.*10 March. (1991).

NYT, 2017 — *The New York Times.* 2 November. (2017).

ODE — *Oxford Dictionary of English*. Available at: http://www.en.oxforddictionaries.com.

TG, 2008 — *The Guardian.* 29 January. 2008.

TST, 2003 — *The Sunday Times*. 29 June. 2003.

TST, 2006 — *The Sunday Times*. 10 December. 2006.

TT, 2005 — *The Times*. 9 July. 2005.

TT, 2008 — *The Times*. 5 August. 2008.

References

Belozerova, E. (2016). Ways of idiom transformation and modification. In: *Global Journal of Foreign LanguageTeaching, 6 (4):* 206—207. (In Russ.).

Burmagina, V. G. Otrazheniye kartin bytiya transformirovannymi frazeologizmami. *Kultura i tekst, 11:* 327—331. (In Russ.).

Dekatova, K. I. (2015). Strukturno-semanticheskiye osobennosti frazeologizmov-intertekstem. *Elektronnyy nauchno-obrazovatelnyy zhurnal VGSPU «Grani poznaniya», 5 (39).* Available at: http://www.grani.vspu.ru. (In Russ.).

Esina, E. A. (2016). O nekotorykh mekhanizmakh obrazovaniya komicheskogo v transformirovannykh fenomenakh / frazeologizmakh. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo, 4:* 195—198. (In Russ.).

Fokina, M. A. (2006). Frazeologizmy-intertekstemy v strukturno-smyslovoy organizatsii povestvovaniya. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova, 12 (10):* 48—52. (In Russ.).

Golubeva, N. A. (2007). Slovo. Tekst. Diskurs. Pretsedentnyye yedinitsy. *Yazyk, kommunikatsiya i sotsialnaya sreda, 7.* Voronezh: VGU. 152—168. (In Russ.).

Guryanov, I. O., Yarmakeyev, I. E., Gafiyatova, E. V., Cruz, J. (2017). Modification of Bookish Idioms: Discourse Analysis. *Revista Publicando, 4 / 13 (1):* 876—883.

Guseynova, T. S. (1997). *Transformatsiya frazeologicheskikh yedinits kak sposob realizatsii gazetnoy ekspressii: Na materiale tsentralnykh gazet 1990—1996 gg. : avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk.* Makhachkala. (In Russ.).

Guseynova, T. S. (2013). Nominativnaya sostavlyayushchaya frazeologicheskikh transform v publitsisticheskom diskurse: passionarnyy aspect. *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennyye i gumanitarnyye nauki, 3:* 57—62. (In Russ.).

Guseynova, T. S. (2014). Passionarnost' zagolovochnoy konstruktsii v publitsisticheskom diskurse. *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatelnaya mysl', 5 (27):* 249—252. (In Russ.).

Guseynova, T. S. (2015). Transformatsiya frazeologicheskikh yedinits v publitsisticheskom diskurse: obyektivnaya zakonomernost' T. S. Guseynova. *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennyye i gumanitarnyye nauki, 4:* 67—71. (In Russ.).

Ivanova, E. A. (2012). Modifikatsiya frazeologizmov-antroponominantov po sotsialnym priznakam v publitsisticheskom tekste. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta, 17 (1):* 167—174. (In Russ.).

Langlotz, A. (2006). Occasional Adnominal Idiom Modification — a Cognitive Linguistic Approach. *International Journal of English Studies, 6 (1):* 85—108.

Leppihalme, R. (1997). *Culture Bumps: An Empirical Approach to the Translation of Allusions. Topics in Translation.* Clevedon: Multilingual Matters.

Makarov, V. I. (2012). Frazeologicheskiye yedinitsy, pretsedentnyye fenomeny i stereotipizatsiya obshchestvenno-politicheskoy informatsii. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta, 67:* 51—54. (In Russ.).

Mokiyenko, V. M. (2003). Intertekstemy i tekst v slavyanskikh yazykakh. In: Shulezhkova, S. G. (ed.) *Intertekst v khudozhestvennom i publitsisticheskom diskurse.* Magnitogorsk: Izd-vo MaGU. 4—27. (In Russ.).

Nazarova, R. Z. (2017). K voprosu o lyudicheskoy funktsii pretsedentnykh fenomenov v khudozhestvennom diskurse. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika, 1 (17):* 29—32. (In Russ.).

Rubtsova, S. Yu. (2015a). Kvazitsitatsiya bibleyskikh pretsedentnykh yedinits v politicheskom diskurse v angliyskom yazyke. *Simvol nauki, 12:* 227—231. (In Russ.).

Rubtsova, S. Yu. (2015b). Modifitsirovannyye pretsedentnyye yedinitsy s istoricheskimi allyuziyami v sovremennom angliyskom yazyke. Slozhnosti perevoda. In: *Materialy 44 Mezhdunarodnoy filologicheskoy nauchnoy konferentsii «Fedorovskiye chteniya». Aktualnyye problemy perevodovedeniya.* Sankt-Peterburg: Izdatelstvo filologicheskogo fakulteta SPbGU. 104—120. (In Russ.).

Sidorenko, K. P. (2005). Ot krylatogo slova k intertekste (mezhurovnevaya proektsiya). In: *Grani slova: sbornik nauchnykh statey k 65-letiyu prof. V. M. Mokiyenko.* Moskva: OOO Izd-vo «ELPIS». 143—145. (In Russ.).

Slyshkin, G. G. (2000). *Ot teksta k simvolu: lingvokulturnyye kontsepty pretsedentnykh tekstov v soznanii i diskurse.* Moskva: Academia. (In Russ.).

Slyshkin, G. G. (2004). *Lingvokulturnyye kontsepty i metakontsepty.* Volgograd: Peremena. (In Russ.).

Zhuravleva, E. A., Kaparova, Zh. D. (2007). *Pretsedentnyye teksty nachala XXI veka: monografiya.* Moskva: Flinta: Nauka. (In Russ.).

Литературоведение. Журналистика. Фольклористика
Literary Studies. Journalism. Folklore

Айталина Ахметовна Кузьмина, канд. филол. наук (Якутск)
Анна Семеновна Ларионова, д-р искусствоведения (Якутск)
Аркадий Николаевич Макаров, д-р филол. наук (Киров)
Валентина Алексеевна Петрова, канд. истор. наук (Якутск)
Дмитрий Николаевич Жаткин, д-р филол. наук (Пенза)
Евдокия Эрендженовна Хабунова, д-р филол. наук (Элиста)
Елена Владиленовна Киричук, д-р филол. наук (Омск)
Людмила Санжибоевна Дампилова, д-р филол. наук (Улан-Удэ)
Никита Сергеевич Футляев, канд. филол. наук (Пенза)
Ольга Иосифовна Чарина, канд. филол. наук (Якутск)
Ольга Михайловна Валова, д-р филол. наук (Киров)

Валова О. М. Отражение «философии нереального» в трагедии О. Уайльда «Герцогиня Падуанская» / О. М. Валова // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 226—240. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-226-240.

Valova, O. M. (2020). Reflection of "Philosophy of Unreal" in Tragedy of O. Wilde "Duchess of Padua". *Nauchnyi dialog, 7:* 226-240. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-226-240. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO host ВЫСШАЯ АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)

УДК 821.111Wilde.07
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-226-240

Отражение «философии нереального» в трагедии О. Уайльда «Герцогиня Падуанская»

© **Валова Ольга Михайловна (2020),** orcid.org/0000-0001-7987-5317, ResearcherID AAC-4111-2019, доктор филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет» (Киров, Россия), usr09478@vyatsu.ru.

Анализ ранней трагедии О. Уайльда «Герцогиня Падуанская» выполнен в свете «философии нереального», комплекса представлений писателя о власти иррационального. Уделяется внимание причинам обращения Уайльда к жанру трагедии, кроющимся и в желании популярности, и в стремлении проявить талант драматурга, и в реализации философско-эстетических принципов. Новизна результатов исследования видится в том, что пьеса, обделенная вниманием отечественных литературоведов, показана как содержательная и идейно значимая. Выполнен обзор работ, изучающих традиции ренессансной трагедии, в том числе шекспировской, романтической. Обосновано положение о формировании принципов «новой» драмы, сочетающихся в «Герцогине Падуанской» с масштабностью философской проблематики античных текстов. Названы темы, которые выявлены в пьесе отечественными и зарубежными литературоведами. Рассмотрены основные элементы сюжета в рамках внешнего и внутреннего конфликтов. Особое внимание уделяется конфликту внутреннему, отражающему философские взгляды Уайльда. Изучение трагедии с позиции «философии нереального» позволило выявить представления Уайльда о насущных вопросах современного ему мира. Доказано, что наиболее значимой для него проблемой является победа прагматизма, рассудочного начала над духовностью.

Ключевые слова: Уайльд; «Герцогиня Падуанская»; философия нереального; трагедия; новая драма; конфликт; душа.

1. Традиции ренессансной и романтической драмы, формирование принципов «новой» драмы в «Герцогине Падуанской» О. Уайльда

Ранняя драматургия Оскара Уайльда (1854—1900) не прошла испытание сценой, но как часть творческого наследия представляет значительный интерес для литературоведов, поскольку идеи, декларируемые в трагедиях «Вера, или Нигилисты» (1880) и «Герцогиня Падуанская» (1883) и развитые Уайльдом в поздних текстах, не потеряли актуальности и ныне.

Трагедия «Герцогиня Падуанская» была завершена в Париже в марте 1883 года. В письме, направленном актрисе Мери Андерсон в начале сентября1882 года, что пьеса принесёт ей «славу новой Рашели», а самому автору — «славу нового Гюго» [Уайльд, 1997, с. 60], но Андерсон отказалась исполнить роль герцогини Падуанской. Премьерный спектакль прошел лишь в 1891 году в Америке под названием «Гвидо Ферранти», несмотря на тщательную подготовку, он не заинтересовал зрителей и довольно скоро сошел со сцены. Оценка Уайльдом своего творения менялась: сначала он называл пьесу «шедевром молодости» [Эллман, 2000, с. 256], а после тюремного заключения, остро нуждаясь в средствах и продавая права на еще неизданные произведения, в 1898 году писал Р. Россу, что это единственная из его работ, недостойная публикации.

В сентябре 1880 года Уайльд вел переписку с театральным цензором Э. Ф. С. Пиготтом по поводу мотивов создания пьесы «Вера, или Нигилисты» (1880) и отмечал, что обратился к драматургии потому, что это искусство демократическое, а он стремится к известности [Уайльд, 1997, с. 42]. Популярные жанровые формы были привлекательны для молодого писателя, жаждавшего признания. Х. Шредер указывает на замечания Уайльда в его *Commonplace Book,* вызванные статьей М. Арнольда «Французская пьеса в Лондоне», впервые опубликованной в *Nineteenth Century* в августе 1879 года. Арнольд, в частности, писал, что трагедия усиливает давление жизни; комедия ускользает от нее, наполовину освобождается от нее иронией. Но трагик, если он имеет более тяжелый труд, получает также и более высокую награду [Schroeder, 1994, p. 360]. Мнение Арнольда было для Уайльда значимым, об этом говорит то, что он не только прекрасно знал и ценил его творчество, но отправил писателю свой первый сборник стихов, на который получил благожелательный отклик. Точка зрения Арнольда также могла повлиять на решение Уайльда начинать путь к известности с трагедии, что он в результате и сделал.

П. Фортунато не сбрасывает со счетов и коммерческий аспект популярности, он отмечает, что Уайльд всегда работал с известными режиссёрами и актёрами и осознавал свою от них зависимость. Например, ведя переговоры с Л. Барреттом о постановке «Герцогини Падуанской», писатель говорил, что будет рад внести в нее любые изменения [Fortunato, 2007, p. 97]. Возможно, название «Гвидо Ферранти», с которым пьеса увидела свет, также было реверансом в адрес Барретта, ставшего исполнителем главной роли и менеджером.

Современные исследователи отмечают, что лишь на первый взгляд «Герцогиня Падуанская» выбивается из ряда последующих театральных

успехов драматурга. В статье 1985 года Т. А. Боборыкина писала, что в этой пьесе в ещё незрелой форме намечен один из характернейших мотивов Уайльда, получивший наиболее отчетливое выражение в «Балладе Рэдингской тюрьмы»: «And all men kill the thing they love» [Collected Works …, 1997, p. 909] (любимых убивают все). Здесь «эта тема уже появляется в неразрывном единстве с другой, еще более сложной темой парадоксальной двойственной природы человеческих чувств» [Боборыкина, 1985, с. 5]. Г. Мэки утверждает, что «Герцогиню Падуанскую» полезнее рассматривать в терминах теории эстетизма, которую Уайльд отстаивал уже в своём раннем литературном творчестве, и для популяризации эстетического движения он создавал произведения в различных жанрах [Mackie, 2012, p. 220].

Исследователи часто ссылаются на известную фразу Уайльда из письма к Мери Андерсон о том, что в «Герцогине» он представит современную трагедию в античных формах. Как и древние авторы, писатель берёт за основу масштабные конфликты, выявляет грандиозные противоречия, свойственные человеку и эпохе. В античной трагедии, как отмечает М. Кадубина, «изначальное неблагополучие в мире (коллизия) побуждало трагического героя к действию», в результате конфликт «предстояло разрешить осознанием скрытой сути явлений и утверждением в мире <…> новых онтологических ценностей» [Кадубина, 2008, с. 268]. В трактате «Упадок лжи» Уайльд указывает на постепенный процесс деградации современной ему английской драмы, которая от условности и декоративности, насыщаясь жизненными реалиями, постепенно пришла к мелодраме — образцу «подмены творчества имитацией и отказа от воображения как главного способа создать форму» [Уайльд, 1993, с. 229]. В своей трагедии Уайльд представляет публике напряжённые, непримиримые, исключительные по своей значимости конфликты, утверждающие «новые онтологические ценности» и не уступающие по масштабам античной трагедии.

Многими зарубежными и отечественными исследователями «Герцогиня Падуанская» видится как ренессансная трагедия [Knight, 1962, p. 306; The Revels …, 1978, p. 172; Образцова, 2001, с. 95]. Из оксфордских записных книжек Уайльда видно, что его концепция Ренессанса начала выкристаллизовываться в середине 1870-х годов. И. Айвори отмечает, что для молодого писателя художники и мыслители эпохи Возрождения отличались тремя основными чертами: слиянием греческих форм с человеческими страстями, преобладанием интеллектуального над моральным и способностью к греху и насилию [Ivory, 2007, p. 520]. С Ренессансом, в первую очередь, ассоциируется Италия, которая становится для Уайльда

неким «эстетическим пространством». По мнению Т. Г. Теличко, тема Италии в творчестве Уайльда появляется «в связи с религиозным смятением», а также «с декадентской концепцией любви-смерти и красоты», она перекликается в «Герцогине Падуанской» и неоконченной пьесе «Флорентинская трагедия» «с темами вседозволенности и "итальянского злодейства"» [Теличко, 2013, с. 263]. Е. Л. Сушко считает, что в «Герцогине Падуанской» отразилось восхищение городом, «неразрывно связанным с образом Данте» [Сушко, 2016, с. 16]. Пышность декораций и костюмов пьесы также погружала зрителя в атмосферу театра Возрождения.

Действие разворачивается в живописнейших декорациях: рынок Падуи, собор в романском стиле, выполненный из черного и белого мрамора, каменные львы, аркады, цветные оконные жалюзи, фонтан; появление графа Моранцоне в лиловом плаще, с изысканной вышивкой в виде серебряного сокола, герцогиня Падуанская, выходящая из собора под серебряным балдахином, который несут пажи в алом, падающий из рук Гвидо кинжал после обмена взглядами с герцогиней. В красоте костюмов, декораций, приближающих к XVI веку, критикам видится иллюстрация уайльдовских взглядов на роль искусства, проявляющего в «археологии» его единства с жизнью, ибо на сцене «история грандиозным зрелищем развертывается перед нашими глазами, не понуждая нас обращаться к словарям и энциклопедиям для полноты наслаждения» (Истина о масках, 1885) [Уайльд, 1993, с. 331]. Стремясь к тому, чтобы искусство воздействовало на зрителя всеохватно, погружало в атмосферу красоты, писатель много внимания уделяет зрительным образам, и, как отмечает Р. Кейв, в более позднем творчестве Уайльд будет использовать те же приёмы цветовых решений, что и в ранних трагедиях [Cave, 1994, p. 179]. Мэки говорит о том, что Уайльд предлагает зрителям представить себя ценителями красоты Ренессанса. Цитаты из пьесы и сюжетные заимствования работают в том же направлении: «Эта репрезентативная стратегия вовлекает аудиторию в эстетическую беседу о том, как познавать мир (даже воображаемый) через красивые объекты» [Mackie, 2012, p. 225], и здесь исследователь видит прежде всего эстетическую составляющую.

Очевидны и уайльдовские аллюзии на тексты У. Шекспира. В профессиональных и непрофессиональных театрах конца XIX века он был одним из самых популярных драматургов. «Ромео и Джульетта», «Ричард III», «Гамлет», «Король Лир», «Двенадцатая ночь» и др. шли в «Лицеуме»; «Сон в летнюю ночь», «Два веронца» — в театре Дейли; «Генрих IV», «Виндзорские насмешницы», «Двенадцатая ночь», «Юлий Цезарь» ставились драматическим обществом Оксфордского университета.

Исследователи проводят конкретные параллели с сюжетами известнейших шекспировских трагедий. Так, мотив мести заимствован Уайльдом из «Гамлета» [Mackie, 2012, p. 223], а в образе Гвидо представляется и сам Гамлет [Mahaffey, 1998, p. 74]; подобно леди Макбет, Беатриче изумлена обилием крови на её руках [Ibid.]; самопожертвование Гвидо потрясает Беатриче, и в этой сцене она практически цитирует «Отелло», а яд, выпитый героиней, является отсылкой к «Ромео и Джульетте» [Mackie, 2012, p. 223—224].

В шекспировских драмах Уайльд отмечал аналитическое начало, связанное с осмыслением им проблем искусства и действительности. Например, в статье «“Гамлет” в “Лицеуме”» (1885) он писал, что первый актёр является карикатурой Шекспира «на ходульного актёра его времени, так же как пассаж, который он декламирует, — это пародия Шекспира на скучные пьесы некоторых его соперников» [Уайльд, 1993, с. 102]. Писатель, таким образом, отмечает свойство, которое присуще и его творчеству. Это наполнение традиционных жанровых форм новым смыслом.

В трагедии ощутимо несомненное влияние английского романтизма начала XIX века, в первую очередь исследователи указывают на сходство с «Ченчи» (1819) П. Б. Шелли, постановке которой «Грэнд-Тиэтре» в Излингтоне (1886) посвящена статья Уайльда с одноименным названием. Романтический метод в искусстве писатель считал наиболее продуктивным. В статье «Две биографии сэра Филипа Сидни» (1886) Уайльд указывает на такие возможности романтической формы, как контрасты, игра страстей, свобода движения. Романтический метод, по Уайльду, свойственен прежде всего творчеству Марло и Шекспира, в котором «родилась настоящая Елизаветинская драма» [Уайльд, 1993, с. 130]. Взгляды Шелли и сюжет его драмы отчасти нашли отражение в трагедии Уайльда «Герцогиня Падуанская».

Несомненно, «Герцогиня Падуанская» создана и в соответствии с запросами публики конца XIX века. Помимо шекспировских пьес, сцены лондонских театров представляли трагедии, мелодрамы, «хорошо сделанные пьесы», в которых Уайльд видел приёмы, позволяющие достичь кассового успеха, и использовал их в своих текстах. Большинство пьес носило развлекательный характер. Комические оперы У. Гилберта и А. Салливана «Волшебник» (1877), «Корабль Её Величества “Пинафор”, или Возлюбленная матроса» (1878), «Пензанские пираты» (1879), «Терпение» (1881) и др. шли «Опере-комик», в «Савое». В театре «Адельфи» ставились в основном мелодрамы, которые и были интересны массовому зрителю. В театрах Дейли и Комедии, в «Хеймаркете», «Друри-Лейн» регулярно пред-

ставлялись пьесы французских драматургов Э. Скриба, Э. Ростана, В. Сарду, А. Дюма-сына.

Искания Уайльда шли параллельно с развитием творчества авторов, представлявших направление, позже названное *новая драма* Г. Ибсеном, А. Стриндбергом, М. Метерлинком, Б. Шоу, А. Пинеро и другими. Без преувеличения можно сказать, что и творчество Уайльда формировало ведущие тенденции *новой драмы* в тематическом и художественном аспектах: актуальность проблематики, наличие внешнего и внутреннего конфликтов, дискуссионность — всё это свойственно уже ранним трагедиям Уайльда.

2. Тематическая разноплановость трагедии «Герцогиня Падуанская»

Мнения отечественных и зарубежных исследователей об этой пьесе расходятся по многим причинам. Драматургия Уайльда в нашей стране — малоизученное явление, поскольку сценически неудачные ранние трагедии, надрывные, мелодраматичные, не вызывали значительного интереса, равно как и комедии, в которых виделись развлекательные черты «хорошо сделанной пьесы». Более основательно представлен анализ «Герцогини Падуанской» в монографии А. Образцовой [Образцова, 2001] и работе автора данной статьи «Эстетико-философская проблематика драматургии Оскара Уайльда» [Валова, 2013]. За рубежом «Герцогиня» давно стала произведением, рассматриваемым в контексте всего творчества драматурга, его эстетических взглядов, гомосексуальных наклонностей.

Образцова выделяет тираноборческую тему [Образцова, 2001, с. 95]. Айвори полагает, что основные темы «Герцогини Падуанской» связаны с уайльдовским пониманием тенденций эпохи Возрождения. Это стремление развивать эстетические чувства; страсти (иногда незаконные), облекающиеся в совершенные греческие формы, и, наконец, охваченная преступлением эпоха, когда грех распространен даже в самых священных местах [Ivory, 2007, p. 520]. Айвори полагает, что уайльдовская теория индивидуализма тесно связана с идеями Ренессанса: преступность, диссидентская сексуальность и культивирование эстетического являются привилегированными аспектами опыта [Ivory, 2007, p. 522]. Мэки считает, что перед нами попытка Уайльда перенести эстетическую теорию, изложенную в лекционном зале, на театральную сцену [Mackie, 2012, p. 229].

3. Внешний конфликт трагедии Уайльда «Герцогиня Падуанская»

Уайльд часто использовал известные сюжеты, на их материале разворачивая свою философию. Не стала исключением «Герцогиня Падуанская». Трагедия иллюстрирует ряд положений *философии нереального*, ко-

торую Уайльд называет основой своей эстетики. Подробнее об этом написано в диссертационном исследовании и монографии [Валова, 2013], здесь же ограничимся замечанием, что, по мнению писателя, человек живет во власти некой более могущественной, нежели его рассудок, силы.

Неприятие позитивизма и реализма современной Уайльду эпохи заставляет его обращаться к нематериальным сферам. В «Упадке лжи» он писал, что для любой культуры необходимо, «чтобы среди прихожан нашлись в достаточном числе люди, чей долг верить сверхъестественному, каждодневно творить чудеса, сохранять живой ту мифопоэтическую способность, которая крайне важна для воображения» [Уайльд, 1993, с. 242]. В эссе «Критик как художник» Уайльд сетовал, что ныне «осталось мало вещей таинственных» [Там же, с. 266]. Но на протяжении жизни писатель старался разгадать тайну сил, правящих миром, и воплощал свою концепцию в художественных произведениях различных жанров.

Внешний конфликт в «Герцогине Падуанской» (время действия — вторая половина XVI века) связан с темой мести. Гвидо Ферранти жаждет отомстить герцогу Падуанскому, предательски убившему его отца. Как Лаэрт, ни минуты не сомневающийся в том, что надо убить Гамлета за смерть Полония, Гвидо дает клятву исполнить все, что скажет Моранцоне. Какое-то время он осознанно следует плану, но вмешивается любовь, и герой забывает о долге, он не желает убивать герцога Падуанского.

Тем не менее герцог убит, но не Гвидо, а женой Беатриче (третье действие). Сцена становится кульминационной. Поступок Беатриче внешне вполне мотивирован, поскольку ее муж был крайне несправедлив, жесток по отношению к ней и подданным. Уайльд заостряет на этом внимание, создавая образ так, что он не может вызывать никакой симпатии, автор утрирует его пороки. Герцог наделен чуть ли не всеми возможными чертами злодея: жестокость, злость, коварство, предательство, грубость — эти качества герцог публично оправдывает, заявляя, например, что необходимо одеваться в лисью шкуру, если стремишься получить в жизни львиную долю [Там же, с. 35].

Беатриче терпела и грубость, и несправедливость, но любовь открыла для нее другой мир. Глядя на лицо спящего мужа-старика, она вонзает в него кинжал, считая герцога преградой, о которой упоминал Гвидо, но именно убийство герцога становится подлинной преградой для любви. Первой реакцией Гвидо оказывается отречение от возлюбленной, он восклицает, что любовь и преступление несовместимы, и гонит Беатриче прочь. Опустошенный, Гвидо осознает, что её поступок продиктован

любовью, кричит ей вслед, что есть время бежать, но его арестовывают с окровавленным кинжалом в руке.

В зале суда оскорблённая Беатриче жаждет смерти Гвидо и, боясь расплаты, отговаривает суд от предоставления слова «убийце», но герой берет вину на себя. Смерть обоих влюбленных становится развязкой.

4. Проявление уайльдовской философии нереального во внутреннем конфликте трагедии

Внутренний конфликт произведения связан с системой взглядов драматурга, он оформляется, когда Гвидо встает перед дилеммой: внезапно охватившая его любовь несовместима с убийством, она становится преградой для мести.

И всё же вначале Гвидо делает выбор в пользу расплаты с герцогом, не думая в этот момент, что убийство мужа возлюбленной способствует воссоединению с ней. Напротив, он планирует расстаться с Беатриче, осознавая несовместимость любви и смерти, — это путь, который он пройдёт один. Внутренние метания героя сложны, и правильным он считает не умножать кровопролития. Кульминацией внутреннего конфликта становится решение пощадить тирана (*Вот доблестная месть, // Иной я не хочу* [Уайльд, 1960, с. 67]).

Любовь представлена в пьесе как благородное высокое чувство, оберегающее от грехов. Но только мужчин. У женщин, как показывает Уайльд, более приземленное представление о любви. Беатриче сделала выбор за Гвидо и заколола мужа, тем самым она создала из истории подлинную трагедию.

«Женская» тема, казалось бы, развита Уайльдом в трагедиях и комедиях в разных направлениях, но при ближайшем рассмотрении становится очевидна общая негативная оценка. В комедии «Идеальный муж» нарисован образ Гертруды Чилтерн, которая является членом Либеральной женской ассоциации, занимающейся такими вопросами, как фабричное законодательство, восьмичасовой рабочий день, женские избирательные права. Тип «новой женщины» представлен и в комедии «Как важно быть серьезным» в образе Гвендолен, девушки образованной и эрудированной. Но обо всех таких персонажах Уайльд говорит с иронией, которая и выражает его мнение.

Гораздо более страшным явлением писатель считает феномен женского влияния. Уайльд не первый отмечает эту способность женщины заставлять мужчину изменять своей индивидуальности. Так, мать и невеста заставляют Джеральда Арбетнота отказаться от своих стремлений («Жен-

щина, не стоящая внимания»), Роберт Чилтерн становится объектом спора для выяснения ценностных ориентаций между его женой Гертрудой и миссис Чивли.

В пьесах Уайльда дамы манипулируют мужчинами, и в этом их разрушительная сила, лишающая героев собственного «я». Женщины постоянно апеллируют к нравственности, а эта сфера в художественном мире Уайльда связана с более низменной областью жизни. Негативное воздействие представительниц слабого пола на мужчин — тема, для Уайльда не теряющая актуальности, она мягче представлена в комедиях и более выраженно — в трагедиях.

Зарубежные исследователи отмечают, что в благородном ключе показано в пьесе скрытое гомосексуальное отношение Асканио к Гвидо. Ивонна Айвори считает, что сюжеты ранних «ренессансных» пьес Уайльда («Герцогиня Падуанская» и неоконченный текст «Кардинал Авиньонский») рассказывают о развитии и сокрытии эротической страсти. Любовь Гвидо к герцогине усложняет простую задачу мести, их красивое горячее чувство осознаётся героями как прелюбодеяние, Беатриче становится убийцей [Ivory, 2007, p. 522]. В словах же Асканио содержится намёк на идеал возвышенной дружбы прежних эпох (*the friendship of the antique world*). Дружба-любовь Гвидо и Асканио, которую последний сравнивает с летним морем (*then by this love Which beats between us like a summer sea* [Collected Works …, 1997, p. 419]), разрушена с приходом Моранцоне, и Асканио предчувствует несчастье (подобный мотив позже проявится в «Саломее»: Паж Иродиады безрезультатно отвлекает Молодого сирийца от Саломеи, из-за которой сириец в итоге погибает).

На суде Гвидо неожиданно сознается в убийстве, он произносит свою речь «неудержимо». Его спонтанное признание становится развязкой внутреннего конфликта, поскольку оно завершает метания и сомнения героя. Высшая справедливость безрассудных решений — часть философии Уайльда, потому что в такие мгновения герой не слышит голоса низменных расчетов, отдаваясь власти иррациональных сил. Так, в «De profundis» писатель воспевает безрассудность, считая жизненные ошибки плодом «излишней рассудочности» [Уайльд, 1993, с. 400].

Каждый из героев мог бы спасти себя, но в решающий момент ими движет любовь, которая приводит к смерти, но одновременно и к оправданию кровавого поступка. В финальной ремарке Уайльд отмечает: *Верховный судья устремляется вперед и подымает плащ с герцогини, лицо которой теперь подобно мрамору и исполнено мира, как знак, что бог*

простил ее [Уайльд, 1960, с. 114]. Так в «Герцогине Падуанской» Уайльд оправдывает преступление, совершенное во имя любви.

В этой и последующих пьесах Уайльд, осуждая чрезмерную рассудочность, показывает, что опора на факты далека от истины, а знание весьма ограниченно. Например, «улики» против Гвидо ведут по ложному пути; *белым непорочным ангелом* [Там же, с. 72] называет Гвидо Беатриче, не зная о её преступлении, а на суде слова Беатриче об *обращении ее сердца в твердый камень* истолкованы Джеппо и Маффио как сожаление о смерти мужа, но на самом деле они о чувствах, которые, как кажется герцогине, предал Гвидо.

В «Герцогине Падуанской» Уайльд также проводит мысль, что настоящая любовь заставляет забыть об эгоистических стремлениях, стирает с сердца человека пороки, являясь «чистительным огнём», сжигающим все шлаки [Там же, с. 68].

Страстный монолог о несовместимости любви и убийства Гвидо завершает словами: *Любить не может, кто преступен* [Там же, с. 69]. Узнав о смерти герцога, Гвидо в ужасе упрекает молодую женщину в том, что она заменила любовь «кроваво-страшным делом». Только здесь Гвидо объясняет, что преградой был грех, а Беатриче этот грех свершила, герой убежден, что, если бы она любила по-настоящему, любовь сковала бы ей руки. Гвидо предстоит переменить свое мнение, что также свойственно уайльдовским героям, которые, совершая грех, познают и бездны мира. В «De profundis» Уайльд скажет о том, что всякий грех может быть прощен [Уайльд, 1993, с. 392]. «Грехи плоти — ничто, — напишет он, возможно, оправдывая себя. — Это болезнь, и дело врачей — лечить их, если понадобится лечение. Только грехи души постыдны» [Там же, с. 405]. В пьесе Гвидо убеждает Беатриче, что убийцей была его душа, а руки были слабы.

Категория ***души*** одна из центральных в творчестве Уайльда. Само слово *soul* употребляется в пьесе двадцать пять раз, в основном звучит из уст центральных персонажей, чаще всего в третьем и пятом актах, где действие достигает максимального накала. В третьем действии о душе говорит в основном Беатриче, и главными становятся ее слова о том, чтобы Гвидо позволил своей душе войти в ее сердце. Мотив разорванного, расколовшегося сердца, связи души и крови свойственен и позднему творчеству Уайльда. В художественном мире писателя герои, ушедшие из жизни бескровно, сами являются убийцами, не случайно в финальной сцене Беатриче отравила себя.

В «Герцогине Падуанской» прочитывается еще одна тема, характерная для всего творчества Уайльда. Это разговор о сущности современной ему

эпохи, возвращающейся к язычеству: убив герцога, Беатриче физически уничтожила того, кто ей мешал. Гвидо же представлен как человек «новой эпохи», ощутивший невозможность сочетания любви и убийства.

Выразителем взглядов автора в поздних произведениях становится «герой-денди», его образ формируется уже в первой пьесе «Вера, или нигилисты» и продолжает свое развитие в «Герцогине Падуанской», здесь это граф Моранцоне. Герой-денди имеет высокое социальное положение, ему свойственны независимость, элегантность, остроумие, внешняя легкомысленность, но главными отличительными особенностями становятся философский взгляд на жизнь, созерцательность, способность к прозрениям, некоторая отстраненность от общественной жизни. Ф. Уэливер говорит также о музыкальных мотивах и опиумном опьянении, которое сопровождает персонажей данного типа в более позднем творчестве писателя, мотивах, которые подчеркивают «связь» денди с миром ирреального [Weliver, 2010]. В целом это тип героя, который Уайльд позже назовет «порождением искусства».

В образе графа Моранцоне обнаруживается черта, впервые представленная в образе князя Мараловского («Вера, или нигилисты»), — умение контактировать с любой властью. Известно, что Моранцоне был другом герцога Лоренцо, он остался жив, и теперь по его рекомендации Гвидо становится приближенным герцога Падуанского.

Граф Моранцоне не является центральным персонажем, но без него действие было бы невозможным. Именно граф сообщает Гвидо его историю, именно он подталкивает героя к мести за отца. В пьесе нет никаких намеков, что эта месть нужна или выгодна самому Моранцоне, хотя именно он выбирает время, чтобы подать тайный знак для убийства герцога Падуанского. Создается впечатление, что Моранцоне играет с Гвидо: шкатулка с кинжалом прибывает в тот момент, когда его подопечный страстно влюблен, граф как будто экспериментирует, намеренно омрачая счастье Гвидо и ставя его в ситуацию выбора. Когда герой отказывается от мести, Моранцоне взывает к его чувству долга, пытается развенчать романтические представления о любви:

В конце концов мы — звери, а любовь
Под громким именем — простая страсть [Уайльд, 1960, с. 68].

Однако именно Моранцоне замечает, что не Гвидо убил герцога Падуанского, граф хочет спасти Гвидо и делает все, чтобы у героя был шанс оправдаться перед судом. Моранцоне — герой-искуситель, ставящий Гвидо в ситуацию выбора; наблюдатель, изучающий человеческую натуру.

Характерные черты Моранцоне проявятся в образах героев-денди более поздних уайльдовских текстов.

5. Заключение

Прочтение пьесы Уайльда сквозь призму его «философии нереального» наполняет произведение более глубоким смыслом. Здесь драматург разрабатывает тему власти иррационального, тему любви, «женский вопрос», проблему выбора, проблему влияния, он показывает, что разум человека слишком слаб и не позволяет постичь всю глубину действительности. Вопросы, поднятые писателем в одном из первых драматических текстов, не потеряют для него актуальности на протяжении всей жизни. Расчет, прагматичность, подавляющие духовность, в пьесах ассоциировались с женскими образами, поэтому представляется спорным видение зарубежными учеными смысла названия пьесы в стремлении писателя «подать звезду» (Прескотт или Андерсон). Не считая версию основной, Мэки полагает, что название «Герцогиня Падуанская» содержит умысел дополнить богато украшенный язык пьесы и роскошные декорации «гламуром из плоти и крови» [Mackie, 2012, p. 226]. Однако стоит вспомнить, что все уайльдовские трагедии имеют в заглавии женское имя («Вера, или Нигилисты», «Герцогиня Падуанская», «Саломея»; близкая по сути к трагедии пьеса «Женщина, не стоящая внимания» также может быть рассмотрена в этом ряду).

Циничная современная эпоха уничтожает духовность, красоту; жизнь не только подражает искусству, но убивает его — в этом подлинная трагедия действительности конца XIX века, как показал Уайльд в «Герцогине Падуанской».

Источники и принятые сокращения

1. *Уайльд О.* Избранные произведения : в 2 т. / О. Уайльд. — Москва : Республика, 1993. — Т. 2. — 543 с.

2. *Уайльд* О. Письма / О. Уайльд. — Москва : Аграф, 1997. — 416 с.

3. Уайльд О. Пьесы / О. Уайльд. — Москва : Искусство, 1960. — 516 с.

4. *Collected* Works of Oscar Wilde. The Plays, the Poems, the Stories and the Essays including De Profundis / O. Wilde. — London : Wordsworth Edition Limited, 1997. — 1098 p.

Литература

1. *Боборыкина Т. А.* Трагедии О. Уайльда (К проблеме связи творчества О. Уайльда с романтической традицией) / Т. А. Боборыкина // Проблемы жанра литератур стран западной Европы и США (XIX — первая половина XX вв.) : межвузовский сборник научных трудов. — Ленинград : Изд-во ЛГПУ им. А.И. Герцена, 1983. — С. 3—22.

2. *Валова О. М.* Эстетико-философская проблематика драматургии Оскара Уайльда / О. М. Валова. — Киров : Изд-во «Радуга». — 246 с.

3. *Кадубина М. К.* Трагедия / М. К. Кадубина // Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий. — Москва : Изд-во Кулагиной ; Intrada, 2008. — С. 267—269.

4. *Образцова А. Г.* Волшебник или шут? (Театр Оскара Уайльда) / А. Г. Образцова. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2001. — 358 с.

5. *Сушко Е. Л.* Уайльдовский миф в русской литературе серебряного века : автореферат диссертации кандидата филологических наук : 10.01.01 / Е. Л. Сушко. — Архангельск, 2016. — 17 с.

6. *Теличко Т. Г.* Италия как топос католичества в английской литературной традиции (до начала XX века) / Т. Г. Теличко // Филология и культура. — 2013. — № 2 (32). — С. 260—264.

7. *Эллман Р.* Оскар Уайльд : Биография / Р. Эллман. — Москва : Независимая газета, 2000. — 688 с.

8. *Cave R. A.* Wilde Designs : Some Thoughts about Recent British Productions of His Plays / R. A. Cave // Modern Drama. — 1994. — Vol. 37. — № 1. — Pp. 175—191.

9. *Chothia J.* English Drama of the Early Modern Period 1890—1940 / J. Chothia. — London, New York : Longman, 1996. — 352 p.

10. *Fortunato P. L.* Modernist aesthetics and consumer culture in the writings of Oscar Wilde / P. L. Fortunato. — New York, London : Routledge, 2007. — 162 p.

11. *Ivory Y.* Wilde's Renaissance : Poison, Passion, and Personality / Y. Ivory // Victorian Literature and Culture. — 2007. — Vol. 35. — № 2. — Pp. 517—536.

12. *Knight G. W.* The golden labyrinth. A study of British drama / G. W. Knight. — London, Phoenix, 1962. — XIV. — 402 p.

13. *Mackie G.* "The modern idea under an antique form" : aestheticism and theatrical archaeology in Oscar Wilde's *Duchess of Padua* / G. Mackie // Theatre Survey. — 2012. — Vol. 53. — Iss. 2. — Pp. 219—239.

14. *Mahaffey V.* States of Desire : Wilde, Yeats, Joyce and the Irish experiment / V. Mahaffey. — New York, Oxford : Oxford univ.press,1998. — 276 p.

15. *The Revels* history of drama in English. — 1978. — Vol. 7. — 1880 to the present day.

16. *Schroeder H.* Matthew Arnold and Oscar Wilde's Commonplace Book / H. Schroeder // Notes & Queries. — 1994. — Vol. 41. — Iss. 3. — Pp. 359—360.

17. *Weliver Ph.* Oscar Wilde, Music, and the 'Opium-Tainted Cigarette' : Disinterested Dandies and Critical Play / Ph. Weliver // Journal of Victorian Culture (Routledge). — 2010. — Vol. 15. — Iss. 3. — Pp. 315—347.

Reflection of "Philosophy of Unreal" in Tragedy of O. Wilde "Duchess of Padua"

© Olga M. Valova (2020), orcid.org/0000-0001-7987-5317, ResearcherID AAC-4111-2019, Doctor of Philology, associate professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Vyatka State University" (Kirov, Russia), usr09478@vyatsu.ru.

The analysis of O. Wilde's early tragedy "The Duchess of Padua" was made in the light of the "unrealistic philosophy" and the writer's complex of representations of irrational power. Attention is paid to the reasons for Wilde's appeal to the genre of tragedy, which lies in the desire for popularity, in the aspiration to show the talent of the playwright, and in the implementation of philosophical and aesthetic principles. The novelty of the research results is seen in the

fact that the play, deprived of the attention of Russian literary critics, is shown as meaningful and ideologically significant. A review of works studying the traditions of the Renaissance tragedy, including Shakespearean, romantic is performed. The provision on the formation of the principles of the "new" drama, combined in the "Duchess of Padua" with the scale of the philosophical problems of ancient texts, is substantiated. The topics identified in the play by domestic and foreign literary scholars are named. The main elements of the plot in the framework of external and internal conflicts are considered. Particular attention is paid to internal conflict, reflecting Wilde's philosophical views. Studying the tragedy from the perspective of the "unrealistic philosophy" made it possible to reveal Wilde's ideas about the pressing issues of the contemporary world. It is proved that the most significant problem for him is the victory of pragmatism, the rational principle over spirituality.

Keywords: Wilde; "Duchess of Padua"; philosophy of the unreal; tragedy; new drama; conflict; soul.

Material resources

Collected Works of Oscar Wilde. The Plays, the Poems, the Stories and the Essays including De Profundis. (1997). London: Wordsworth Edition Limited.

Uayld, O. (1960). *Pyesy*. Moskva: Iskusstvo. (In Russ.).

Uayld, O. (1993). *Izbrannyye proizvedeniya: v 2 t., 2.* Moskva: Respublika. (In Russ.).

Uayld, O. (1997). *Pisma.* Moskva: Agraf. (In Russ.).

References

Boborykina, T. A. (1983). Tragedii O. Uaylda (K probleme svyazi tvorchestva O. Uaylda s romanticheskoy traditsiyey). In: *Problemy zhanra literatur stran zapadnoy Evropy i SShA (XIX — pervaya polovina XX vv.): mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov*. Leningrad: Izd-vo LGPU im. A. I. Gertsena. 3—22. (In Russ.).

Cave, R. A. (1994). Wilde Designs: Some Thoughts about Recent British Productions of His Plays. *Modern Drama, 37 (1):* 175—191.

Chothia, J. (1996). *English Drama of the Early Modern Period 1890—1940.* London, New York: Longman.

Ellman, R. (2000). *Oskar Uayld: Biografiya.* Moskva: Nezavisimaya gazeta. (In Russ.).

Fortunato, P. L. (2007). *Modernist aesthetics and consumer culture in the writings of Oscar Wilde.* New York, London: Routledge.

Ivory, Y. (2007). Wilde's Renaissance: Poison, Passion, and Personality. *Victorian Literature and Culture, 35 (2):* 517—536.

Kadubina, M. K. (2008). Tragediya. In: *Poetika: slovar' aktualnykh terminov i ponyatiy.* Moskva: Izd-vo Kulaginoy; Intrada. 267—269. (In Russ.).

Knight, G. W. (1962). *The golden labyrinth. A study of British drama, XIV.* London, Phoenix.

Mackie, G. (2012). "The modern idea under an antique form": aestheticism and theatrical archaeology in Oscar Wilde's Duchess of Padua. *Theatre Survey, 53 (2):* 219—239.

Mahaffey, V. (1998). *States of Desire: Wilde, Yeats, Joyce and the Irish experiment.* New York, Oxford: Oxford univ.press.

Obraztsova, A. G. (2001). *Volshebnik ili shut? (Teatr Oskara Uaylda).* Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin. (In Russ.).

Schroeder, H. (1994). Matthew Arnold and Oscar Wilde's Commonplace Book. *Notes & Queries, 41 (3):* 359—360.

Sushko, E. L. (2016). *Uayldovskiy mif v russkoy literature serebryanogo veka: avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk.* Arkhangelsk. (In Russ.).

Telichko, T. G. (2013). Italiya kak topos katolichestva v angliyskoy literaturnoy traditsii (do nachala XX veka). *Filologiya i kultura, 2 (32):* 260—264. (In Russ.).

The Revels history of drama in English, 7. (1978).

Valova, O. M. *Estetiko-filosofskaya problematika dramaturgii Oskara Uaylda.* Kirov: Izd-vo «Raduga». (In Russ.).

Weliver, Ph. (2010). Oscar Wilde, Music, and the 'Opium-Tainted Cigarette': Disinterested Dandies and Critical Play. *Journal of Victorian Culture (Routledge), 15 (3):* 315—347.

Дампилова Л. С. Сюжет о богатырском сражении в бурятских версиях эпоса о Гэсэре / Л. С. Дампилова, Е. Э. Хабунова // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 241—253. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-241-253.

Dampilova, L. S., Khabunova, E. E. (2020). The Plot of Heroic Battle in Buryat Versions of Epic about Geser. *Nauchnyi dialog, 7:* 241-253. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-241-253. (In Russ.).

УДК 398.22:821.512.36
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-241-253

Сюжет о богатырском сражении в бурятских версиях эпоса о Гэсэре[1]

© **Дампилова Людмила Санжибоевна (2020),** orcid.org/0000-0003-0917-5432, доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия), dampilova_luda@rambler.ru.

© **Хабунова Евдокия Эрендженовна (2020),** orcid.org/0000-0002-2113-6877, доктор филологических наук, профессор, директор международного научного центра «Культурное наследие монгольских народов», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова» (Элиста, Россия), khabunova@mail.ru.

Для установления генезиса и трансформации мотивов в разных версиях бурятских эпических текстов о Гэсэре впервые в сравнительно-типологическом аспекте анализируется сюжет о богатырском сражении. Определяются сходства и различия в мотивном фонде одного сюжета в разных локальных традициях. В ракурсе основной цели исследования по выявлению исходного мотивного фонда, характерного для эпической традиции монгольских народов, актуальным и значимым представляется выделение вариации мотивов в локальной традиции. Статичность событийного ряда в инварианте мотивов поединка и победы в эхирит-булагатской версии показывает наличие одного основного варианта мотива поединка с врагом — традиционной борьбы. В унгинской версии выявлено использование вариантов мотива традиционных видов борьбы и стрельбы из лука и новых вариантов мотива: батальное и групповое сражение, бой “силой острия”, то есть кортиком, копьем. Сравнительно-типологический анализ мотивного фонда в одном сюжете в разных версиях устанавливает сохранность и трансформацию эпического текста, особенность региональных вариантов национального эпоса. Выявленные расхождения в развитии сюжета о богатырском сражении и составе мотивного фонда показывают разные этапы сложения двух вариантов богатырского эпоса.

Ключевые слова: персонаж; мотив; варианты мотива; сражение; поединок; победа.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-512-94006 МОКНМ_а «Аннотированный каталог традиционных мотивов эпоса монгольских народов».

1. Введение

В рамках научного проекта РФФИ «Аннотированный каталог традиционных мотивов эпоса монгольских народов» как наиболее архаичные и традиционные выявлены мотивы сватовства и богатырского сражения. Для установления генезиса и трансформации мотивов в разных версиях бурятских эпических текстов о Гэсэре впервые в сравнительном аспекте анализируется сюжет о богатырском сражении, определяются сходства и различия в мотивном фонде одного сюжета в текстах с одним персонажем в разных локальных традициях. В бурятской эпической традиции в основном выделяются две повествовательные разновидности Гэсэриады: эхирит-булагатская и унгинская, бытовавшие в стихотворной форме. Для анализа выбраны полные эхирит-булагатская и унгинская версии.

В ракурсе основной цели исследования по выявлению исходного мотивного фонда, характерного для эпической традиции монгольских народов, актуальным и значимым представляется выделение вариации мотивов в локальной традиции. В бурятском эпосоведении нет отдельных исследований, посвященных сравнительному анализу мотивного фонда эпосов о Гэсэре. Сравнительно-типологический анализ различных вариантов эпоса предполагает выявление мотивных трансформаций, которые важно обнаружить путем отслеживания ее связей с предшествующими или параллельно существующими состояниями [Путилов, 2003, с. 192].

2. Сравнительные исследования бурятских эпосов о Гэсэре

Эхирит-булагатский вариант эпоса «Абай Гэсэр-хубун» [Абай Гэсэр-хубун, 1961] записан от сказителя Маншута Имегенова известным фольклористом Ц. Ж. Жамцарано в 1906 году, в 1961 году опубликован с переводом и примечаниями М. П. Хомонова и вступительной статьей А. И. Уланова. Отличительной особенностью данной версии бурятские эпосоведы считают единичные сходства с монгольскими и тибетскими версиями [Уланов, 1960; Шаракшинова, 1969]. Для нашего исследования важно мнение Н. Н. Поппе, считавшего эхирит-булагатскую версию «образцом наиболее древнего и архаичного героического эпоса» [Поппе, 1941, с. 18].

Сравнив эхирит-булагатскую версию с пекинским и монгольскими вариантами эпосов, Л. Лёринц приходит к выводу, что этот вариант не является собственно бурятским и принадлежит фольклорному процессу монгольских племен еще с древних времен [Lörincz, 1975, pp. 84—85]. Отмечается принципиальная общность начала версий эхирит-булагатской и унгинской, что, возможно, неким образом отражает состояние монгольской

Гэсэриады, предшествующее ее ламаистской обработке [Ibid.]. Думается, в эхирит-булагатской версии с наличием более древних общемонгольских корней для нас значимы состояние и сохранность архаичных мотивов.

Унгинская версия эпоса «Абай Гэсэр» [Абай Гэсэр, 1960], записанная от сказителя и шамана Пёхона Петрова И. Н. Мадасоном в 1940—1941 годах в улусе Хадахан Аларского района Иркутской области, по мнению А. И. Уланова, обнаруживает глубокие совпадения с монгольской Гэсэриадой [Уланов, 1960, с. 6]. Л. Лёринц провел сравнительный анализ унгинской версии с монгольской книжной традицией и, выявив схожие и разные эпизоды, конкретизировал, что исходной версией унгинского варианта является не пекинская, а монгольская версия [Lörincz, 1975, pp. 65—78].

С. Ю. Неклюдовым проведены детальные сравнительные исследования тюрко-монгольских эпических текстов, и особый интерес вызывает его вывод о бурятских версиях Гэсэриады: «Формы устной передачи Гесериады в Бурятию пока остаются невыявленными, а часть приведенных параллелей (количество которых можно и увеличить) способна скорее показать близость приемов эпического текстопорождения при значительной общности исходных данных, нежели убедить в наличии прямых фольклорных связей» [Неклюдов, 2019, с. 302].

В связи с многолетними сравнительно-сопоставительными исследованиями эпосов монгольских народов в жанровом аспекте научно значимым представляется выявление схожих и особенных мотивов в одном из самых традиционных из них — богатырское сражение. В данной работе, учитывая «особенности взаимосвязи мотива с сюжетом» (Неклюдов), впервые выявляется роль мотивных вариантов в развитии сюжета. Также внимание уделяется неразрывной связи между мотивом и персонажем в системе мифологического сюжета: «Значимость, выраженная в имени персонажа и, следовательно, в его метафорической сущности, развертывается в действие, составляющее мотив: герой делает только то, что семантически сам означает» [Фрейденберг, 1997, с. 223]. При рассмотрении мотива в системе таких категорий, как повествование, событие, действие, сюжет, персонаж, выявляются существенные функции мотива в эпическом нарративе. В повествовании событие реализуется мотивом, который тесно соотносится с сюжетом. Также события в сюжете соотнесены с основной концепцией героя, поэтому продуктивно анализировать мотив и образы персонажей в комплексе.

В сравнительном аспекте эпические сюжеты и мотивы были исследованы Л. Лёринцом, В. Хайссигом, Н. Н. Поппе, Ч. Бауденом и др. С. Ю. Неклюдов, обобщив опыт описания сюжетной структуры в мировом мон-

головедении, приводит единый каталог основных мотивов монгольских эпических текстов [Неклюдов, 2019, с. 65—73]. В данной работе, опираясь на опыт систематизации эпических сюжетов, последовательно выявляется сюжетная структура в двух исследуемых эпических текстах. В этом каталоге пропущены сюжеты о женитьбе героя, выделены только сюжеты, касающиеся богатырского сражения: рождение богатыря, стремительный рост и чудесные способности ребенка, облик богатыря, владения богатыря, обретение богатырского коня, подготовка богатыря в дорогу, преодоление пути, облик врагов, поединок и расправа с противником и победное возвращение.

3. Облик богатыря

В сюжете «Облик богатыря» традиционно в эхирит-булагатских эпических текстах в формульном выражении определяется мотив богатыря героя как в обобщенном варианте: «Не мальчиком, а исполином он стал, не мужчиной — сокровищем он стал», — так и в портретном воплощении с бытовыми деталями: «Нарастил себе зубы, что (каждый) с лопату, (на уши) серьги, что с колеса, надел, и облик он принял здоровый и круглый» [АГ-х, 1961, с. 35]. Если в первом случае наблюдаются архаичные методы изображения героя, то для унгинской традиции характерна гипербола более позднего происхождения, подчеркивающая общие черты богатыря: «Если спереди посмотришь — красная будто скала, если в лицо посмотришь — едва на человека похож — такой стоял человек» [АГ, 1960, с. 60]. Как сохранность архаической эпики в стиле исполнения М. Имегенова стоит отметить присутствие этнически обозначенных деталей традиционной жизни, конкретику описания. В эхирит-булагатском эпосе о Гэсэре больше стилистических, формульных схождений с бурятскими улигерами этой традиции, чем с эпосом о Гэсэре в унгинской версии.

Реализации мотива волшебной способности героя в обеих версиях эпоса почти идентичны. Если в первом случае без конкретики утверждаются волшебные способности героя: «Он обладает волшебною страшною силой» [АГ-х, 1961, с. 68], — то в унгинской версии последовательно подчеркивается магический дар, данный ему от небесных родственников: «С умением отмечать на пальцах чары двадцати трех ханов спустился» [АГ, 1960, с. 158]. Общим является мотив оборотничества, Гэсэр с рождения играет двоякую роль то богатыря, то неказистого несмышленыша. В зрелом возрасте в борьбе с врагами он перевоплощается в малыша, разные предметы, существа.

4. Облик врага

Черты врагов Гэсэра в исследуемых текстах также гиперболизированы, мотив равенства противников в эхирит-булагатской версии поддерживается вариантом мотива уважения к врагу. После победы обязательным является вариант мотива достойного захоронения врага как героя: «Молодца победил — и хорошую лошадь над ним я забью!» [АГ-х, 1961, 1, с. 171]. В улигере М. Имегенова в основном фигурируют мангадхаи с разными количествами голов, их жены в виде рыжей старухи. В этом варианте эпоса наиболее востребован один из древних мотивов: «В рамках все того же мифологического "начального времени" демоноборческий сюжет» [Неклюдов, 2019, с. 381]. Помимо мангадхаев, присутствуют также не менее древние мифологические существа — змеи. Если в первом тексте «С ярко-красным глазом тот змей ядовитый и желтый (из моря) поднялся» [АГ-х, 1961, 1, с. 105], в унгинской версии змей больше похож на дракона: «Огромный змей с двадцатью семью головами, с тридцатью тремя хвостами» [АГ, 1960, с. 84]. Итак, противниками Гэсэра в эхирит-булагатской версии выступают в основном мифологические существа. Стоит отметить, что мотив поединка с чудовищем — «сюжетообразующий мотив в героическом эпосе, более очевидно демонстрирующий свою связь с мифологической тематикой» [Ершова, 2017, с. 15]. Единственный антропоморфный персонаж Галхан Нурман ханхай («Галхан Нурман ханхай-то ужаснейшим магом, творцом-чародеем родился» [АГ-х, 1961, 1, с. 70]) схож с персонажем по имени Гал Дулмэ хан из унгинской версии.

В унгинской версии больше количество врагов, и каждый имеет отличительные особенности. Во-первых, появляются враги в человеческом облике в статусе предводителей другого государства: три шараблинских хана, похожий на человека Гал Дулмэ хан. Антропоморфные черты имеет и дьявол Ширэм Мината. Присущие им мифологические черты чем-то напоминают вторую группу персонажей — мангадхаев, — ведь и мангадхаи по образу жизни похожи на людей: Абарга Сэсэн мангадхай, Лобсогой черный мангадхай. И третья разновидность врагов состоит из мифологических существ: Змей, похожий на дракона, Орголи-белое чудовище. Гал Дулмэ хана и дьявола Ширэм Мината можно отнести к мифологическим существам, но с антропоморфными чертами.

5. Инвариант мотива поединка в эхирит-булагатской версии эпоса

Мотив как предикат сюжетного повествования в любом случае обозначает комплекс возможных событий, разные варианты мотива в основном инварианте и создают этот комплекс возможных событий. В сюжете бога-

тырского сражения выделяем два основных инварианта мотива: поединок и победа. Итак, мотив обозначается «через ключевое слово, с грамматической точки зрения являющееся отглагольным существительным <…>. В своей семантической природе такие слова предикативны и обозначают определенное действие, с которым семантически коррелирует соответствующий глагол или устойчивое глагольное выражение» [Силантьев, 2002, с. 35]. В основном инварианте мотива богатырского поединка выявляются варианты мотивов, их трансформации.

В эхирит-булагатской версии инвариант мотива поединка отличается применением исконных монгольских правил состязания трех мужей: борьба, стрельба из лука и конные скачки: «Сразимся мы мощью плеча? Иль сразимся мы силою пальцев больших, остротой наших стрел, быстротою коней?» [АГ-х, 1961, с. 156]. В инварианте мотива поединка с врагом как главный выделяется вариант мотива традиционной бурятской (и общемонгольской) борьбы, в которой последовательно описываются различные методы ведения боя: *Подбирались друг к другу, и правой рукою, схватившись за шеи, стали дергать друг друга* [АГ-х, 1961, с. 41]; *Подобно изюбрям, друг друга подбрасывали, и, подобно быкам, они бились, бодаясь* [Там же, с. 57]; *Того дернул к себе. Под себя затащил, еще раз потянул — под коленам согнул* [Там же, с. 88].

В варианте мотива борьбы как повторяющуюся постоянную особенность эхирит-булагатской версии стоит выделить гиперболизацию и натуралистические сцены единоборства: *Со спины (мангадхая Гэсэр) всеми пальцами сильных (рук) вырывал его мясо, бросал, а зубами передними белыми мясо грудной стороны вырывал и бросал <…> А из легких старшого (того) мангадхая, из голых подмышек тянул его белые бронхи* [Там же, с. 57—58]. Иссякающие силы как героя, так и его противника трафаретно обозначаются образной формулой: *Но (Гэсэр) все сражался и не поддавался, держась на спинной лишь артерии, что шелковой (нити) подобною стала* [Там же, с. 76—77].

Для эхирит-булагатской версии характерны устойчивые ключевые формулы схватки двух силачей, повторяющиеся в каждом последующем сражении героя. Теми же формулами описаны варианты мотива борьбы как героя, так и его противников. Можно констатировать, что в эхирит-булагатской версии наблюдается более примитивное кумулятивное развитие сюжета.

Особенностью архаичного вида сражения в варианте мотива традиционной борьбы является битва один на один. Хотя у Гэсэра имеются тридцать три батора и три тысячи воинов, борется с врагами в основном

он один. В сражении с Галхан Нурман ханхаем, соблюдая правила битвы один на один, герой борется сам, потом его богатыри, и только в конце на помощь призывает старшего небесного брата: *Лишь на десятые сутки / Вдвоем они еле свалили / Галхан Нурман-хана* [Там же, с. 78].

В инварианте мотива поединка особое значение имеют виды оружия и методы его применения героем и его противниками. Традиционные виды оружия: лук со стрелой и меч героя — отличаются волшебными свойствами: *Стрелу имеет хангайскую черную; Желтый даньяльский имеет он лук, / Чтобы заклинать на зарубке [стрелы]; Черный железный меч, рассекающий черное-злое. / Рассекающий белое белый серебряный меч* [Там же, с. 49]. Мангадхаи в сражении применяют простые орудия труда — топоры и колотушки: *Широкий и белый топор / С острием в девяносто шагов / Раздробился на части; Колотушка железная черная / Тут вся разбилась* [Там же, с. 56], их жены имеют такое орудие, как волшебная кожемялка. И, что примечательно, в эхирит-булагатской версии герой сражается с мангадхаями и побеждает их только методом традиционной борьбы. А лук, стрелы, мечи применяет герой в борьбе со змеей, женами и новорожденным младенцем мангадхая.

6. Инвариант мотива поединка в унгинской версии эпоса

Основной отличительной чертой в двух текстах являются методы ведения боя и виды оружия, обладающие волшебным свойством. В унгинской версии к луку и стреле добавляются копье, кортик. Как сам герой, так и враги имеют свое воинство, появляется вариант мотива батального сражения, что доказывает более позднее сложение данного повествования: *Все девять сражались, девять стрел выпустили, девять тысячу воинов сразили, девять тысяч коней пригнали; Встретились с войсками трех шараблинских ханов* [АГ, 1960, с. 121];. *У Гал Дулмэ хана — две сотни превращений; с шестьюдесятью шестью баторами, с шестью сотнями воинов спустился* [Там же, с. 154].

Если в первом нарративе постоянно повторяется вариант мотива борьбы, то в унгинской версии в каждом сражении различные методы боя. В сражении с чудовищем можно выделить волшебный вариант мотива групповой битвы со сказочными элементами: *Абай Гэсэр хан, не сворачивая, рысью влетел вместе с вещим гнедым конем в пасть чудовища; Орголи-белого чудовища, пасть поперек подперев, дальше вошел; Буйдэ Улан батор разрубил из подмышечных восемнадцати прожилок чудовища самую жизненную прожилку* [Там же, с. 80]. Д. А. Бурчина в указателе произведений и вариантов героического эпоса унгинских бурят отме-

чает сказочные мотивы как отличительную особенность [Бурчина, 2007, с. 210—213].

В унгинской версии сюжет развивается динамично и логически последовательно, в сюжете богатырского сражения поединок героя с врагами идет по нарастающей в зависимости от силы и волшебных способностей противника: Абарга Сэсэн мангадхай, Лобсоголдой, Гал Дулмэ и Ширэм Мината. Мангадхая зовут в этом эпосе могучим и умным, но Гэсэр его побеждает одной стрелой, схожей по своим волшебным свойствам с вариантом Имегенова: *Лучиночная стрела в зрачок правого глаза Абарга Сэсэн мангадхая занозой воткнулась, исчезла* [АГ, 1960, с. 108]. Итак, в варианте мотива стрельбы из лука в этих двух текстах имеются схожие мифологические мотивы заговаривания стрелы и общения со стрелой как с живым предметом.

В инварианте мотива поединка наиболее разнообразные методы последовательно расписаны в сражении с Гал Дулмэ ханом. Новый вариант мотива боя «силой острия», то есть кортиками, копьем, сменяется традиционным вариантом мотива борьбы «силой плеча», то есть борьбы один на один. Если в эхирит-булагатской версии определили как основной вариант мотива борьбу героя одиночки с противниками, то в унгинской версии вариант мотива архаичного метода борьбы является единичным эпизодом: *Абай Гэсэр хан с Гал Дулмэ ханом снова схватились. Гал Дулмэ хан стал тянуть и тянуть — вот-вот под колени согнет* [Там же, с. 189].

В сюжете поединка в двух вариантах текста схожим является мотив борьбы двух сильнейших противников. В унгинской версии в мотиве традиционной борьбы богатыря с Гал Дулмэ ханом повторяется традиционная формула в трансформированном виде, в этом случае не только руками, но и кортиком дерутся два врага: *Мясо его со спины десятью пальцами раздирал, мясо его с груди острием оружия перерезал* [Там же, с. 238]. Также отличается инвариант мотива победы, в унгинской версии на помощь спустившийся с неба старший брат Заса Мэргэн убивает врага заговоренной стрелой. В унгинской версии стоит отметить такую особенность ведения боя с Гал Дулма ханом, как сражение отдельно богатырей, архаичный мотив борьбы главных противников, что доказывает частичную трансформацию инварианта мотива богатырского поединка.

В методах ведения боя основное значение имеют волшебные способности персонажей, особенно в унгинской версии, где наиболее используемым является вариант мотива победы благодаря как волшебным способностям героя, так и волшебным свойствам его орудия. Абай Гэсэр шараблинских ханов побеждает своими оборотническими способностями

и обманом, Заса Мэргэн побеждает заговоренной стрелой непобедимого врага: *Стрела Заса Мэргэна вонзилась и скрылась в зрачке заглавного белого глаза из наспинных ста тысяч глаз Гал Дулмэ хана* [Там же, с. 192]. Или богатыри Гэсэра долго сражаются с превосходящим войском Гал Дулма, а побеждает мгновенно оружие героя, обладающее волшебными свойствами: *Желтый булатный кортик Абай Гэсэр хана воинов Гал Дулмэ хана начисто истребив, в ножны вернулся* [Там же, с. 189].

В сюжете богатырского сражения после расправы с противником продолжается битва с его женой и младенцем. Если отмечаем разительные отличия в вариантах мотива битвы Галхан Нурман хана и Гал Дулмэ хана, то намного больше сходства находим в победе Гэсэра над младенцем. Как отмечал В. Хайссиг, одним из постоянных мотивов при описании врагов выступает «неуязвимый ребенок, младенец, извлеченный из утробы жены мангаса» [Heissig, 1982, с. 31]. В исследуемых версиях эпосов использованный единый вариант мотива убийства ребенка огнем в железном амбаре дополняется разными волшебными, религиозными вставками.

В инварианте мотива поединка с Ширэм Мината в доказательство неуязвимости железного дьявола последовательно приведены варианты мотива стрельбы из лука: *Могучая (хангайская) черная стрела в дьявола с чугунным кнутом попала, но не пробив, отскочила*; и битвы разным оружием: *Карающее черное копье, не пробив, соскользнуло; Абай Гэсэр хан желтый булатный кортик берет и рубит, но дьявола с чугунным кнутом не может разрубить* [АГ, 1960, с. 250—251]. Против железного кнута дьявола в инварианте мотива победы востребованным является вариант мотива победы волшебным методом. Победа с могучими противниками обеспечивается только с помощью небесных родственников: *Шерстобитным прутом Манзан Гурмэ бабушки стал бить и стегать [дьявола], <…> до смерти избивает* [Там же, с. 250—259].

7. Инвариант мотива победы

В инварианте мотива победы над врагом в эхирит-булагатской версии в основном используется мотив сжигания тела, а золу развеивают по ветру: *Мангадхая старшого он сжег* [АГ-х, 1961, с. 79]; *Он осиновую сделал лопату, на море туманном, черном (ту костяную золу) он развеял* [Там же, с. 58]. Обязательный вариант мотива уважительного отношения к достойному врагу и после его смерти предполагает повторяющееся краткое формульное изречение после каждой битвы: *Непобедимое победил я сейчас, неодолимое одолел я сейчас!* [АГ-х, 1961, с. 58].

В унгинской версии инвариант мотива победы отличается разными вариантами мотива расправы над врагом: *Некоторые баторы стали шкуру разрезать, некоторые баторы стали шкуру сшивать* [АГ, 1960, с. 82]; *И с широких спин трех шараблинских ханов ремни вырезал, с их боков ремешки вырезал* [Там же, с. 149]; *Головы прострелили, тела разрубили, языки вырезали* [Там же, с. 238]. Что примечательно, традиционные мотивы наиболее ярко представлены в сражении с Гал Дулма ханом, и в данном случае побежденного врага сжигают с его конем, что характерно для эхирит-булагатского и других бурятских эпосов: *Сожгли Гал Дулмэ хана со звездно-чубарым конем и пепел без остатка осиновой лопатой развеяли* [Там же, с. 195]. Возможно, в подобных случаях включается акт «сказительской импровизации как вариационная разработка тех или иных тематических элементов эпоса» [Неклюдов, 1994, с. 234].

8. Заключение

Сравнительный анализ одного сюжета о богатырском сражении в двух версиях эпоса о Гэсэре выявляет схожесть и различие в инварианте мотивов поединка и победы. В эхирит-булагатской версии эпоса определены наиболее характерные особенности раннего этапа развития сюжета: кумуляция, параллелизм и повтор. Статичность событийного ряда в эхирит-булагатской версии показывает наличие одного основного варианта мотива поединка с врагом в виде традиционной борьбы. В унгинской версии динамичное развитие сюжета определяют наличие войска, разнообразие противников и видов оружия. В ходе анализа данной версии выявлено использование вариантов мотива традиционных видов борьбы и стрельбы из лука, а также новых вариантов мотива: батального или группового сражения, боя «силой острия», то есть кортиком, копьем. Кроме того, в унгинской версии установлены варианты сказочного мотива, мотива победы волшебством. Постоянно присутствующий в эхирит-булагатской версии мотив уважительного захоронения врага в унгинском тексте отсутствует, и только в эпизоде с Гал Дулмэ ханом в трафаретных формулах прослеживаются архаичные элементы мотивов поединка и победы.

Таким образом, приходим к выводу, что сравнительно-типологический анализ мотивного фонда в одном сюжете в разных версиях устанавливает сохранность и трансформацию эпического текста, особенность региональных вариантов национального эпоса. Выявленные расхождения в развитии сюжета о богатырском сражении и составе мотивного фонда свидетельствуют о разных этапах сложения двух вариантов богатырского эпоса.

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 18-512-94006 MECSM_a “Annotated catalogue of traditional motives of the epic of the Mongolian peoples”/ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-512-94006 МОКНМ_а «Аннотированный каталог традиционных мотивов эпоса монгольских народов».

Источники и принятые сокращения

1. АГ, 1960 — *Абай* Гэсэр / Сказитель П. Петров, зап. И. Н. Мадасона. Вступительная статья, подготовка текста, перевод и комментарий А. И. Уланова. — Улан-Удэ : Бур. комплексный НИИ СО АН СССР, 1960. — 314 с.

2. АГ-х, 1961 — *Абай* Гэсэр-хүбүүн. Эпопея. (Эхирит-булагатский вариант) / Подготовка текста, перевод и примечания М. П. Хомонова. — Улан-Удэ, 1961. — Ч. I. — 230 с.

Литература

1. *Абай Гэсэр*. Сказитель П. Петров, зап. И. Н. Мадасона. Вступительная статья, подготовка текста, перевод и комментарий А. И. Уланова / Абай Гэсэр. — Улан-Удэ : Бур. комплексный НИИ СО АН СССР, 1960. — 314 с.

2. *Абай Гэсэр-Хубун* : Эпопея : (Эхирит. булагат. вариант) / Записан Ц. Жамцарано у сказателя Маншута Имегенова ; подготовка текста, пер. и примечание М. П. Хомонова ; вступительная статья А. И. Уланова ; АН СССР. Сиб. отд-ние. Бурят. комплекс. НИИ. — Улан-Удэ : [б. и.], 1961. — 231 с.

3. *Бурчина Д. А.* Героический эпос унгинских бурят : Указатель произведений и их вариантов / Д. А. Бурчина. — Новосибирск : Наука, 2007. — 544 с.

4. *Ершова И. В.* К толкованию эпического мотива (постановка проблемы) / И. В. Ершова // Новый филологический вестник. — 2017. — № 2 (41). — С. 14—20.

5. *Неклюдов С. Ю.* Новотворчество в эпической традиции / С. Ю. Неклюдов // Поэтика средневековых литератур Востока : Традиция и творческая индивидуальность / ответственный редактор П. А. Гринцер, А. Б. Куделин. — Москва : Наследие, 1994. — С. 220—245.

6. *Неклюдов С. Ю.* Фольклорный ландшафт Монголии. Эпос книжный и устный / С. Ю. Неклюдов. — Москва : Индрик, 2019. — 592 с.

7. *Поппе Н. Н.* Об отношении бурят-монгольского Гэсэра к монгольской книжной версии / Н. Н. Поппе // Записки Бурят-монгольского ГИЯЛИ. — Улан-Удэ. 1941. — Выпуск 5—6. — С. 7—19.

8. *Путилов Б. Н.* Героический эпос и действительность / Б. Н. Путилов. — Ленинград : Наука : Ленинградское отделение, 1988. — 223 с.

9. *Силантьев И. В.* Мотив как проблема нарратологии / И. В. Силантьев // Критика и семиотика. — 2002. — Выпуск 5. — С. 32—60.

10. *Хомонов М. П.* Варианты эпоса «Гэсэр» / М. П. Хомонов // Гэсэриада : фольклор в современной культуре. Сборник статей и материалов (для национальных учебных заведений). — Улан-Удэ : Наран, 1995. — С. 85—97.

11. *Уланов А. И.* Предисловие / А. И. Уланов // Абай Гэсэр-Хубун : Эпопея : (Эхирит. булагат. вариант) / Записан Ц. Жамцарано у сказателя Маншута Имегенова ; Подготовка текста, перевод и примечание М. П. Хомонова ; вступительная статья А. И. Уланова ; АН

СССР. Сибирское отделение. Бурятский комплекс. НИИ. — Улан-Удэ : [б. и.], 1961. — С. 3—7.

12. *Фрейденберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. Подготовка текста и общий редактор Н. В. Брагинской / О. М. Фрейденберг. — Москва : Лабиринт, 1997. — 448 с.

13. *Шаракшинова Н. О.* Героический эпос о Гэсэре : учебное пособие для студентов филологического факультета / Н. О. Шаракшинова. — Иркутск : [б. и.], 1969. — 348 с.

14. *Lörincz L.* Die Burjatischen Geser Varianten / L. Lörincz // Acta orientalia Academae scientiarum hungaricae. — Budapest, 1975. — T. XXIX. Fasc. 1. — Pp. 55—91.

15. *Heissig W.* Felsgeburt (Petrogenese) und / W. Heissig // Fragen der mongolischen Heldendichtung. Teil 2. — Wiesbaden : Otto Harrassowitz, 1982 (AF. Bd. LXXII). — Pp. 31—36.

The Plot of Heroic Battle in Buryat Versions of Epic about Geser[1]

© **Liudmila S. Dampilova** (2020), orcid.org/0000-0003-0917-5432, Doctor of Philology, Chief Researcher, Department of Literary and Folklore Studies, The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia), dampilova_luda@rambler.ru.

© **Evdokia E. Khabunova** (2020), orcid.org/0000-0002-2113-6877, Doctor of Philology, Professor, Director of the International Scientific Center "Cultural Heritage of Mongolian Peoples", Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov (Elista, Russia), khabunova@mail.ru.

To establish the genesis and transformation of motives in different versions of the Buryat epic texts about Geser, for the first time in a comparative typological aspect, a plot about a heroic battle is analyzed. The similarities and differences in the motive fund of one plot in different local traditions are determined. From the perspective of the main goal of the study to identify the initial motive fund characteristic of the epic tradition of the Mongol peoples, it is relevant and significant to highlight the variation of motives in the local tradition. The static nature of the event series in the invariant of the motives of the fight and victory in the Ekhirit-Bulagat version shows the presence of one main variant of the motive for the fight with the enemy: the traditional fight. The use of variants of the motive of traditional types of wrestling and archery and new variants of the motive: battle and group battles, fighting with the "force of the point", that is, with a dagger, a spear is revealed in the article. A comparative typological analysis of the motive fund in one plot in different versions establishes the preservation and transformation of the epic text, a feature of the regional variants of the national epic. The revealed discrepancies in the development of the plot about the heroic battle and the composition of the motivational fund show different stages in the addition of two versions of the heroic epic.

Key words: character; motive; motive options; battle; duel; victory.

Material resources

AG, 1960 — Petrov, P. (skazitel'), Madason, I. N. (zap.) (1960). *Abay Geser.* Ulan-Ude: Bur. kompleksnyy NII SO AN SSSR. (In Yakut.).

1 The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 18-512-94006 MOKNM_a "Annotated catalogue of traditional motives of the epic of the Mongolian peoples".

AG-kh, 1961 — *Abay Geser-khybyyn. Epopeya. (Ekhirit-bulagatskiy variant), 1*. (1961). Ulan-Ude. (In Yakut.).

References

Burchina, D. A. (2007). *Geroicheskiy epos unginskikh buryat: Ukazatel' proizvedeniy i ikh variantov.* Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).

Ershova, I. V. (2017). K tolkovaniyu epicheskogo motiva (postanovka problemy). *Novyy filologicheskiy vestnik, 2 (41):* 14—20. (In Russ.).

Freydenberg, O. M. (1997). *Poetika syuzheta i zhanra. Podgotovka teksta i obshchiy redaktor.* Moskva: Labirint. (In Russ.).

Heissig, W. (1982). Felsgeburt (Petrogenese) und. In: *Fragen der mongolischen Heldendichtung, 2. (AF. Bd. LXXII)*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz. 31—36. (In Germ.).

Khomonov, M. P. (1995). Varianty eposa «Geser». In: *Geseriada: folklor v sovremennoy kulture. Sbornik statey i materialov (dlya natsionalnykh uchebnykh zavedeniy).* Ulan-Ude: Naran. 85—97.

Lörincz, L. (1975). Die Burjatischen Geser Varianten. In: *Acta orientalia Academae scientiarum hungaricae, XXIX (1)*. Budapest. 55—91. (In Hung.).

Neklyudov, S. Yu. (1994). Novotvorchestvo v epicheskoy traditsii. In: *Poetika srednevekovykh literatur Vostoka: Traditsiya i tvorcheskaya individualnost'*. Moskva: Naslediye. 220—245.

Neklyudov, S. Yu. (2019). *Folklornyy landshaft Mongolii. Epos knizhnyy i ustnyy.* Moskva: Indrik. (In Russ.).

Petrov, P. (skazitel'), Madason, I. N. (zap.) (1960). *Abay Geser.* Ulan-Ude: Bur. kompleksnyy NII SO AN SSSR. (In Yakut.).

Poppe, N. N. (1941). Ob otnoshenii buryat-mongolskogo Gesera k mongolskoy knizhnoy versii. *Zapiski Buryat-mongolskogo GIYaLI, 5—6.* Ulan-Ude. 7—19. (In Russ.).

Putilov, B. N. (1988). *Geroicheskiy epos i deystvitelnost'*. Leningrad: Nauka: Leningradskoye otdeleniye. (In Russ.).

Sharakshinova, N. O. (1969). *Geroicheskiy epos o Gesere: uchebnoye posobiye dlya studentov filologicheskogo fakulteta.* Irkutsk: [b. i.]. (In Russ.).

Silantyev, I. V. (2002). Motiv kak problema narratologii. *Kritika i semiotika, 5:* 32—60. (In Russ.).

Ulanov, A. I. (1961). Predisloviye. In: Zhamtsarano, Ts., Imegenov, Manshuta (zap.) *Abay Geser-Khubun: Epopeya: (Ekhirit. bulagat. variant)*. AN SSSR. Sibirskoye otdeleniye. Buryatskiy kompleks. NII. Ulan-Ude: [b. i.]. 3—7.

Zhamtsarano, Ts., Imegenov, Manshuta (zap.) (1961). *Abay Geser-Khubun: Epopeya: (Ekhirit. bulagat. variant)*. AN SSSR. Sib. otd-niye. Buryat. kompleks. NII. Ulan-Ude: [b. i.]. (In Yakut.).

Кузьмина А. А. Архаические и поздние слои поэтики якутского героического эпоса олонхо (на материале Вилюйской экспедиции 1938 года) / А. А. Кузьмина // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 254—265. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-254-265.

Kuzmina, A. A. (2020). Archaic and Late Layers of Poetics of the Yakut Heroic Epic Olonkho (based on the Material of the Vilyui Expedition of 1938). *Nauchnyi dialog, 7:* 254-265. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-254-265. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO Host ВЫСШАЯ АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)

УДК 001.814.2:398.22(=512.157)
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-254-265

Архаические и поздние слои поэтики якутского героического эпоса олонхо (на материале Вилюйской экспедиции 1938 года)

© **Кузьмина Айталина Ахметовна (2020),** orcid.org/0000-0001-7051-9009, Researcher ID K-7830-2015, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск, Россия), aitasakha@mail.ru.

Статья посвящена исследованию исторической поэтики олонхо вилюйских якутов. Актуальность исследования обусловлена необходимостью в углубленном изучении архаического и позднего слоев якутского героического эпоса по материалам Вилюйской экспедиции 1938 года, с помощью которого можно выявить специфику олонхо Вилюйского региона. Автор статьи приходит к выводу, что материалы этой экспедиции точно отражают особенности рассматриваемой локальной традиции. Выявлен архаический пласт олонхо, для которого характерны ритуальная вставная песня до или после исполнения эпоса, сохранение мифологемы сотворения мира, образа священной березы Аар Кудук Хатынг, менее разработанное описание в эпическом зачине. Установлено, что формирование позднего слоя поэтики олонхо связано с рядом причин, в числе которых следующие: кумулятивность действий персонажей под влиянием сказки; демифологизация; смена героического бытовизацией; отражение негативных последствий развития общества; появление заимствованных слов, названий российских городов, христианских понятий, образов русских девушек, огнедышащего Змея Горыныча, Бабы-яги в результате тесной связи с русскими, их культурой и мировоззрением; появление мотива войны между племенами айыы и абаасы как отражение Великой Отечественной войны; изображение достижений технического прогресса (в частности, парохода); смещение образов; использование образа шамана; введение промежуточной прослойки образов полуайыы и полуабаасы.

Ключевые слова: олонхо; якутский героический эпос; архаический слой; поздний пласт; историческая поэтика; мотивы; образы.

1. Введение

Вилюйский регион как особенный культурный ландшафт привлекает внимание исследователей в силу своей самобытной культуры, устной тра-

диции, ритуальности, шаманизма [Илларионов, 1982; 2006; Ксенофонтов, 1992; Кузьмина, 2018; 2019; 2020; Маак, 1994; Попов, 2008; РФ АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 4; д. 4а; 270], при этом в силу различных объективных причин было проведено мало экспедиций.

Актуальность исследования связана с тем, что на сегодняшний день результаты Вилюйской экспедиции (далее — ВЭ) 1938 года изучены довольно поверхностно, и более детализированный анализ архаического и позднего слоев якутского героического эпоса по материалам ВЭ позволил бы выявить специфику олонхо Вилюйского региона. Материалы ВЭ ценны тем, что они были записаны в период, когда еще бытовала аутентичная устная традиция в более сохранном виде.

Цель статьи заключается в выявлении и анализе архаических и поздних напластований олонхо Вилюйского региона по материалам ВЭ. Новизна работы состоит в том, что впервые предпринимается попытка проведения системного и углубленного исследования исторической поэтики героического эпоса вилюйских якутов. Материалами исследования являются архивные документы, рукописи и изданные тексты олонхо ВЭ.

Теоретическую основу работы составляют фундаментальные исследования отечественных ученых А. Н. Веселовского [Веселовский, 1989], В. М. Жирмунского [Жирмунский, 1960], Е. М. Мелетинского [Мелетинский, 2004], С. Ю. Неклюдова [Неклюдов] по фольклору, мотивике; С. И. Боло [РФ АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 4, ед. хр. 4а], Н. В. Емельянова [Емельянов, 1980, 1993], В. В. Илларионова [Илларионов, 1982, 2006], Г. В. Ксенофонтова [Ксенофонтов, 1992], А. А. Кузьминой [Кузьмина, 2018, 2019, 2020], Р. К. Маака [Маак, 1994], В. М. Никифорова [Никифоров, 2002], А. А. Попова [Попов, 2008], А. А. Саввина [РФ АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 270] по фольклору, этнографии Вилюйского региона.

2. Вилюйская экспедиция 1938 года

Участниками Вилюйской экспедиции были сотрудники Научно-исследовательского института языка и культуры при Совнаркоме Якутской АССР (Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН) Сэсэн Иванович Боло и Андрей Андреевич Саввин. Эта экспедиция носила комплексный характер, ее целями были собирание материалов по фольклору, религии, диалектологии, этнографии, учет сказителей и их репертуара, организация сети корреспондентов [РФ АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 270].

Якутский героический эпос по объему превосходит все другие жанры якутского фольклора. С. И. Боло и А. А. Саввин были ограничены во вре-

мени и средствах, тем не менее им удалось записать семь текстов олонхо, иногда привлекая к участию в этом деле энтузиастов, внештатных корреспондентов.

С. И. Боло больше интересовался историческими преданиями, поэтому записал только один текст олонхо. Так, 18—21 марта 1938 года в Югюлятском наслеге Вилюйского района была сделана запись эпоса Б. А. Алексеева (Олонхоһут Барыыс) «Эрбэхтэй Мэргэн», рукопись и страховая копия которой хранятся в Рукописном фонде Якутского научного центра СО РАН [РФ АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 7, д. 28]. В 2017 году это олонхо было издано при участии автора настоящей статьи [Алексеев, 2017].

Второй участник экспедиции А. А. Саввин, наоборот, обращал основное внимание на героический эпос и записал шесть текстов (часть из этих записей была сделана энтузиастами по его просьбе). Первая запись олонхо «Богатырь Тонг Саар» принадлежит С. Н. Каратаеву (Ырыа Дыгыйар) из Мастахского наслега Вилюйского района, которая хранится в Рукописном фонде ЯНЦ СО РАН и издана в 2004 году в рамках серии «Саха боотурдара» [Каратаев, 2014]. В Сунтарском районе А. А. Саввин зафиксировал два текста героического эпоса: «Богатырь Уол Дуолан» М. З. Мартынова и «Богатырь Одун Чууpаа» С. С. Афанасьева (Ырыа Сиэнчэ) [РФ АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 7, д. 39; ед. хр. 116]. Он также организовал запись олонхо «Богатыри Тюмэн Тююрэй и Киндили Хаадыат» Ф. Н. Тимофеева (Биэчэрэ) из Верхневилюйского района и «Богатырь Дылырдаайы» И. П. Кутурукова из Нюрбинского района, поручив ее местным учителям [РФ АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 7, ед. хр. 42, 43, 119]. На обратном пути в Вилюйском районе исследователь записал со слов сказителя С. И. Еремеева (Дэдэгэс) олонхо «Богатырь Тёбёт Мэник» [Там же, ед. хр. 118].

Несмотря на большие трудности, по тем временам данная экспедиция была организована на высоком научном уровне, имела подготовительные, сопутствующие и отчетные документы. С. И. Боло и А. А. Саввин старались записывать тексты олонхо, сохраняя диалектные фонетические особенности, делали комментарии к словам, составляли биографию сказителей [РФ АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 4, 4а, 270]. Тексты олонхо, записанные в ходе ВЭ, имеют свои локальные, уникальные черты, характерные только для вилюйской традиции.

3. Архаический слой олонхо вилюйских якутов

Фольклорные записи ВЭ представляют собой уникальные материалы, презентующие архаический пласт устной традиции якутов. В текстах олонхо, записанных во время этой экспедиции, также находим элементы

архаической поэтики, древнюю мифологическую основу, ритуализацию и сакрализацию эпоса.

Одним из явлений, свидетельствующих об архаичности вилюйского олонхо, можно считать вставную ритуальную песню, исполняемую олонхосутом до или после сказывания якутского героического эпоса. Эта песня семантически не связана с текстом олонхо. С прагматической точки зрения она выполняла функции «сакрализации эпоса, психологической подготовки сказителя и слушателей, обеспечения их безопасности от злых действий представителей потустороннего мира» [Кузьмина, 2020, с. 106]. Сказители в большинстве случаев называют эту песню «Кутурук салайар ырыа» (букв. «хвост направляющая» песня). Мы определили, что словом *хвост* обозначали ‘конец чего-либо’ и оно принадлежит к шаманской лексике [Там же].

Впервые песнопение «Олонхо кутуругун салайыыта» («Направление хвоста олонхо») было записано А. А. Саввиным со слов С. Н. Каратаева (ЫрыаДыгыйар) после завершения исполнения олонхо «Богатырь Тонг Саар» в 1938 году в Вилюйском улусе (районе) [Каратаев, 2004, с. 199—203]. Здесь поется о жизни сказителя и его предназначении. Почти в это же время было зафиксировано олонхо М. Т. Шараборина (Кумаарап) «Богатырь Дуо» из соседнего Олекминского района, испытавшего влияние вилюйской эпической традиции. Перед исполнением данного эпоса сказитель спел ритуальное песнопение «Олонхо баһын салайыыта» (букв. «Направление головы (главы) олонхо») [РФ АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 7, ед. хр. 40].

Еще одним признаком архаичности олонхо Вилюйского региона является мифологема сотворения мира, встречающаяся в зачине при описании первоначального времени. Эта мифологема разрабатывается на основе идеи «расширяющейся Вселенной». В виде мотива ее можно представить как мотив «Мир расширился из маленькой точки». Однако данный мотив включен в состав «общих мест» эпического хронотопа в начальной части олонхо. Например, в олонхо С. И. Еремеева (Дэдэгэс) «Богатырь Тёбёт Мэник», записанном А. А. Саввиным в том же Вилюйском улусе в 1938 году, изначальное время творения мира описано посредством пропозиции: «мать-земля была размером с подошву серой белки и затем расширилась» [Еремеев, 2017, с. 8]. В связи с этим нам представляется актуальной концепция А. Н. Веселовского о мотиве: «Под мотивом я разумею простейшую повествовательную единицу, образно ответившую на разные запросы первобытного ума или бытового наблюдения» [Веселовский, 1989, с. 305].

Одной из характерных черт олонхо Вилюйского региона считается образ Аар Кудук Хатынг (священная изобильная береза), который выступа-

ет в роли связующего звена трех миров Вселенной. В других эпических традициях это дерево называют *Аар Мас, Аал Луук Мас, Аар Кудук Мас* (священное дерево). Следует отметить, что образ мирового дерева присутствует в представлениях многих народов мира. По мнению эпосоведов, «в ранний период развития олонхо священное дерево представлялось в виде огромной лиственницы или березы» [Емельянов, 1993, с. 14; Якутский героический эпос …, 1996, с. 35]. В фольклорной картине мира народов, имеющих с предками якутов родственные и иные отношения, береза или похожее на нее дерево также выступает в роли священного дерева. Так, в алтайском эпосе описано родовое дерево Баай Терек (изобильный тополь), а в традиционном представлении бурят береза считается священным деревом [Бурчина, 2007, с. 68]. Можно предположить, что священная береза в олонхо вилюйских якутов сохранила архаический образ священного дерева тюрко-монгольских народов Сибири.

Если в центральной эпической традиции описанию священного древа уделяется много внимания, то вилюйские олонхосуты в большинстве случаев лишь вскользь упоминают про восьмиветвистую священную березу. Исключение составляет олонхо И. П. Кутурукова «Богатырь Дылырдаайы», где священную березу сказитель описывает подробно.

В XX веке усилились трансформационные процессы в устной поэтической традиции якутов. Появились книжные издания олонхо, авторские тексты на основе олонхо, которые стали оказывать влияние на локальные традиции. Массовая публикация записей олонхо сказителей из центральных районов Якутии стала причиной трансформации образа священной березы в образ священного древа Аал Луук Мас. Так, в авторском олонхо «Богатырь Кюн Тэгиэримэн» С. С. Егорова из Нюрбинского района упоминается священное древо Аал Луук Мас [Егоров, 1993].

Следует отметить, что в эпическом зачине вилюйского олонхо также проявляются архаические черты, которые заключаются в менее пространных и разработанных описаниях по сравнению с центральной традицией. С. Ю. Неклюдов в статье «Морфология и семантика эпического зачина в фольклоре монгольских народов» приходит к выводу, что разрастание эпического зачина является продуктом более позднего развития эпоса [Неклюдов].

4. Поздние напластования олонхо Вилюйского региона

Для олонхо Вилюйского региона характерны новые, поздние напластования сюжетных мотивов и образов, появившиеся в результате усиления бытовизма, отражения крупных исторических событий, влияния ска-

зок, иноязычной культуры, угасания эпической традиции и иных причин. Материалы ВЭ 1938 года показывают, что в этот период в эпосе начали появляться новообразования в мотивике и образах. В конце XX века этот процесс еще больше усугубляется.

Якутский героический эпос носит синкретический характер, в нем отражены многие жанры фольклора. Ученые установили древние связи сказки и эпоса [Жирмунский, 1974; Мелетинский, 2004], однако со временем в олонхо появились и более поздние сказочные элементы. Особенно показательно в этом отношении олонхо «Эрбэхтэй Мэргэн» Б. А. Алексеева, которому свойственна кумулятивность действий персонажей: «Герой олонхо три раза встречает на своем пути препятствия в виде женщин-абаасы (представительниц Нижнего мира, чудовищ), маскирующихся в прекрасных дев; родители героя три раза отправляют его на задание; брат героя три раза во время его отсутствия пытается отобрать жену; строят три крепости, чтобы спастись от огнедышащего богатыря абаасы» [Кузьмина, 2019, с. 81].

Еще одной поздней чертой олонхо Вилюйского региона является демифологизация, которая выражается в ослаблении и уменьшении количества мифологических образов, пантеона божеств. В вышеуказанном олонхо Б. А. Алексеева встречается очень мало имен божеств и духов.

В некоторых случаях героическое, идеализированное изображение жизни богатырей постепенно сменяется ее бытовизацией. Считаем, что мотивы «Богатырь убивает женщину-абаасы с помощью обмана» («Богатырь Тёбёт Мэник»), «Богатырь занимается вредительством по отношению к соплеменнику» («Богатырь Одун Чуураа»), «Богатырь соперничает с тестем» («Богатыри Тюмэн Тююрэй и Киндили Хаадыат»), «Богатырь домогается жены своего брата» («Эрбэхтэй Мэргэн») относятся к данной группе.

В текстах олонхо иногда повествуется о негативных последствиях развития общества. Так, в олонхо «Богатырь Дылырдаайы» присутствует образ женщины-айыы Ньылырдаайы Куо, которая служит враждебному племени абаасы и заражает людей, вступивших с ней в половую связь, венерической болезнью. Следует подчеркнуть, что во всех остальных олонхо девушка (женщина) из племени айыы (людей) представляет собой идеализированный образ, символ чистоты, порядочности и преданности. Следовательно, в данном олонхо И. П. Кутурукова образ женщины представлен в бытовом, сниженном плане.

Следует отметить следующие факты: в Вилюйском районе обосновался Вилюйский отряд Якутского казачьего полка; многие сказители рабо-

тали вдали от родины — на золотоносных приисках Бодайбо; на XVIII—XIX века приходится массовая христианизация якутов. Все это оказало влияние на язык и культуру местного населения. Так, в результате тесных контактов с русскими в олонхо появились заимствованные слова, названия городов, христианские образы, понятия, образы русских девушек, огнедышащего Змея Горыныча, смешение образа Бабы-яги и женщины-абаасы [Алексеев, 2017].

Такое крупное историческое событие, как Великая Отечественная война, затронуло и жизнь якутского народа, оказав влияние на эпическое творчество олонхосутов. В записи олонхо И. П. Кутурукова «Богатырь Дылырдаайы» 1938 года отсутствует мотив «Война между племенем айыы и абаасы». Этот мотив, включающий такой элемент, как взрывающиеся мячи, благодаря которым главный герой вместе со своим войском побеждает врагов, встречается во второй записи данного сказания, датировка которой неизвестна. Можем предположить, что она сделана во время или после Великой Отечественной войны.

В этом олонхо также описан новый способ передвижения богатыря из племени абаасы — плавающая лодка с колесами. Как считает эпосовед В. В. Илларионов, этот мотив представляет собой плод творческой фантазии самого олонхосута [Илларионов, 1982, с. 61]. Здесь отражено такое техническое достижение, как пароход.

К поздним явлениям в эпосе можно отнести смещение образов, объектов и т. д. Например, в якутском олонхо богатырь стреляет из лука в ритуальный столб — коновязь сэргэ, чтобы люди затем смогли определить его состояние (живой или мертвый), пока он странствует по чужим мирам. А в олонхо И. П. Кутурукова главный герой перед походом обращается к духу дерева Аар Кудук Хатынг и вонзает нож в священное дерево. Таким образом, в более поздний период вместо сэргэ стали использовать дерево, что не укладывается в логику якутского эпоса, так как священное дерево нельзя портить, оно представляется как живое и сакральное место. А в олонхо «Богатырь Тёбёт Мэник» женщина-абаасы исцеляет богатыря живой водой, тогда как в других локальных традициях не фиксируется факт, что племя абаасы пользуется живой водой.

Для олонхо Вилюйского региона характерен образ шамана, а во всех других локальных традициях обычно встречается образ шаманки. В героическом сказании «Уол Дуолан» М. З. Мартынова шаман Кюн Чюкэбил во время своего камлания опознает богатыря, превратившегося в тунгусского мальчика. Как пишет А. Е. Захарова, превращение берет начало из шаманских воззрений: «Четвертый тип магических превращений отражает

шаманские воззрения на превращения, или трансформацию, души» [Захарова, 2004, с. 159].

Следующая особенность вилюйского олонхо заключается в появлении промежуточной прослойки образов полуайыы и полуабаасы [Никифоров, 2002, с. 128]. В олонхо «Богатырь Одун Чуураа» С. С. Афанасьева (Ырыа Сиэнчэ) имеются образы шамана Бэхдэли и Энэгэлээн Нюргустай (брат девушки-айыы), которые чинят препятствия главному герою, выступая тем самым в роли абаасы.

5. Заключение

Таким образом, мы пришли к выводу, что материалы ВЭ точно отражают особенности олонхо Вилюйского региона — одного из крупных центров эпической традиции якутов. Очевидно различаются архаический и поздний слои в героическом эпосе вилюйских якутов. Архаический пласт характеризуется ритуальной вставной песней до или после исполнения эпоса, сохранением мифологемы сотворения мира, образа священной березы Аар Кудук Хатынг, а также менее разработанным описанием в эпическом зачине.

К поздним слоям поэтики олонхо относятся следующие моменты: кумулятивность действий персонажей под влиянием сказки; демифологизация; смена героического бытовизацией; отражение негативных последствий развития общества; появление заимствованных слов, названий российских городов, христианских понятий, образов русских девушек, огнедышащего Змея Горыныча, Бабы-яги в результате тесной связи с русскими, их культурой и мировоззрением; появление мотива войны между племенами айыы и абаасы как отражение Великой отечественной войны; изображение достижений технического прогресса; смещение образов; использование образа шамана; введение промежуточной прослойки образов полуайыы и полуабаасы.

Исследование исторической поэтики на примере одной локальной традиции олонхо открывает перед нами возможность изучить этот процесс и в других регионах бытования якутского героического эпоса.

Источники и принятые сокращения

1. *Алексеев Б. А. (Олоҥхоһут Барыыс).* Эрбэхтэй Мэргэн : олоҥхо / Б. А. Алексеев (Олоҥхоһут Барыыс) ; на якут. яз. — Якутск : Бичик, 2017. — 152 с.

2. *Егоров С. С.* Богатырь Кюн Тэгиэримэн / С. С. Егоров. — Якутск : ИГИиПМНС СО РАН, 2017. — 70 с.

3. *Еремеев С. И. (Дэдэгэс).* Төбөт Мэник бухатыыр : олоҥхо [Богатырь Тёбёт Мэник] / С. И. Еремеев (Дэдэгэс) ; на якут. яз. — Якутск : Бичик, 2017. — 176 с.

4. *Каратаев С. Н.* Тоҥ Саар бухатыыр : Олоҥхо [Богатырь Тонг Саар : Олонхо] / С. Н. Каратаев ; на якут. яз. — Якутск : Бичик, 2004. — 237 с.

5. *Мартынов М. З.* Уол Дуолан бухатыыр : олоҥхо [Богатырь Уол Дуолан : олонхо] / М. З. Мартынов ; на якут. яз. — Якутск : Бичик, 2010. — 243 с.

6. РФ АЯНЦ СО РАН — *Рукописный* фонд Архива Якутского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 4, 4а, 270 ; Опись 7. Ед. хр. 28, 39, 40, 42, 43, 116, 118, 119.

Литература

1. *Бурчина Д. А.* Героический эпос унгинских бурят : Указатель произведений и их вариантов / Д. А. Бурчина. — Новосибирск : Наука, 2007. — 54 с.

2. *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. — Москва : Высшая школа, 1989. — 406 с.

3. *Емельянов Н. В.* Сюжеты якутских олонхо / Н. В. Емельянов. — Москва : Наука, 1980. — 374 с.

4. *Емельянов Н. В.* Якутские мифы и олонхо / Н. В. Емельянов // Поэтика эпического повествования : сборник научных статей. — Якутск : Якутский научный центр СО РАН, 1993. — С. 3—19.

5. *Жирмунский В. М.* Сказание об Алпамыше и богатырская сказка / В. М. Жирмунский. — Москва : Издательство восточной литературы, 1960. — 336 с.

6. *Захарова А. Е.* Архаическая ритуально-обрядовая символика народа саха (по материалам олонхо) / А. Е. Захарова. — Новосибирск : Наука, 2004. — 312 с.

7. *Илларионов В. В.* Искусство якутских олонхосутов / В. В. Илларионов. — Якутск : Якутское книжное изд-во, 1982. — 123 с.

8. *Илларионов В. В.* Якутское сказительство и проблемы возрождения олонхо / В. В. Илларионов. — Новосибирск : Наука, 2006. — 191 с.

9. *Ксенофонтов Г. В.* Ураангхай-сахалар. Том I. 1-я книга / Г. В. Ксенофонтов. — Якутск : Национальное издательство Республики Саха (Якутия), 1992. — 416 с.

10. *Кузьмина А. А.* Вилюйская фольклорная экспедиция 1938 года : материалы по якутскому героическому эпосу олонхо / А. А. Кузьмина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 8 (86). — Ч. 1. — С. 33—36.

11. *Кузьмина А. А.* «Кутурук салайар ырыа» («Хвост направляющая песня») в олонхо Вилюйского региона : аспекты прагматики / А. А. Кузьмина // Северо-восточный гуманитарный вестник. — 2020. — № 1 (30). — С. 106—111. DOI: 10.25693/SVGV.2020.01.30.13.

12. *Кузьмина А. А.* Трансформация якутского героического эпоса (на материале олонхо Б. А. Алексеева «Эрбэхтэй Мэргэн») / А. А. Кузьмина // Научный диалог. — 2019. — № 2. — С. 81—91. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-81-91.

13. *Маак Р. К.* Вилюйский округ / Р. К. Маак. — 2-е изд. — Москва : Яна, 1994. — 856 с.

14. *Мелетинский Е. М.* Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники / Е. М. Мелетинский. — Москва : Восточная литература, 2004. — 462 с.

15. *Неклюдов С. Ю.* Морфология и семантика эпического зачина [Электронный ресурс] / С. Ю. Неклюдов. — Режим доступа : http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov69.pdf.

16. *Никифоров В. М.* Стадии эпических коллизий в олонхо : Формы фольклорной и книжной трансформации / В. М. Никифоров. — Новосибирск : Наука, 2002. — 208 с.

17. *Попов А. А.* Камлания шаманов бывшего Вилюйского округа : тексты / А. А. Попов. — 2-е изд. — Новосибирск : Наука, 2008. — 458 с.

18. *Яковлева М. П.* Концепт «начального времени» в эпосе эвенков / М. П. Яковлева // Молодой ученый. — 2014. — № 14. — С. 117—119.

19. *Якутский* героический эпос. Могучий Эр Соготох. — Новосибирск : Наука. Сиб. издат. фирма РАН, 1996. — 440 с.

Archaic and Late Layers of Poetics of the Yakut Heroic Epic Olonkho (based on the Material of the Vilyui Expedition of 1938)

© Aitalina A. Kuzmina (2020), orcid.org/0000-0001-7051-9009, Researcher ID K-7830-2015, PhD in Philology, Senior Researcher, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous People Problems of Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia), aitasakha@mail.ru.

The article is devoted to the study of the historical poetics of the Olonkho Vilyui Yakuts. The relevance of the study is due to the need for an in-depth study of the archaic and late layers of the Yakut heroic epic based on the materials of the Vilyui expedition of 1938, with the help of which it is possible to reveal the specifics of the olonkho of the Vilyui region. The author of the article concludes that the materials of this expedition accurately reflect the peculiarities of the local tradition under consideration. The archaic stratum of olonkho is revealed, which is characterized by a ritual parenthetic song before or after the performance of the epic, the preservation of the mythologeme of the creation of the world, the image of the sacred birch Aar Kuduk Khatyng, a less developed description in the epic beginning. It has been established that the formation of the late layer of olonkho poetics is associated with a number of reasons, including the following: the cumulative nature of the characters' actions under the influence of a fairy tale; demythologization; replacement of the heroic with everyday life; reflection of the negative consequences of the development of society; the appearance of borrowed words, the names of Russian cities, Christian concepts, images of Russian girls, the fire-breathing Serpent Gorynych, Baba Yaga as a result of close ties with Russians, their culture and worldview; the emergence of a war motive between the aiyy and abaasy tribes as a reflection of the Great Patriotic War; the image of the achievements of technical progress (in particular, the steamer); displacement of images; using the image of a shaman; the introduction of an intermediate layer of images of semi-ayy and semi-baasy.

Key words: olonkho; Yakut heroic epic; archaic layer; late formation; historical poetics; motives; images.

Material resources

Alekseyev, B. A. (Olonkhohut Baryys). (2017). *Erbekhtey Mergen: olonkho.* Yakutsk: Bichik,— 152 s. (In Yakut.).

Egorov, S. S. (2017). *Bogatyr' Kyun Tegierimen.* Yakutsk: IGIiPMNS SO RAN. (In Russ.).

Eremeyev, S. I. (Dedeges). (2017). *Təbət Menik bukhatyyr: olonkho [Bogatyr' Tebet Menik].* Yakutsk: Bichik. (In Yakut.).

Karatayev, S. N. (2004). *Ton Saar bukhatyyr: Olonkho [Bogatyr' Tong Saar: Olonkho]*. Yakutsk: Bichik. (In Yakut.).

Martynov, M. Z. (2010). *Uol Duolan bukhatyyr: olonkho [Bogatyr' Uol Duolan: olonkho]*. Yakutsk: Bichik. (In Yakut.).

RF AYaNTs SO RAN — *Rukopisnyy fond Arkhiva Yakutskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. F. 5. Op. 3. Ed. khr. 4, 4a, 270; Op. 7. Ed. khr. 28, 39, 40, 42, 43, 116, 118, 119*. (In Russ.).

References

Burchina, D. A. (2007). *Geroicheskiy epos unginskikh buryat: Ukazatel' proizvedeniy i ikh variantov.* Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).

Emelyanov, N. V. (1980). *Syuzhety yakutskikh olonkho.* Moskva: Nauka. (In Russ.).

Emelyanov, N. V. (1993). Yakutskiye mify i olonkho. In: *Poetika epicheskogo povestvovaniya: sbornik nauchnykh statey.* Yakutsk: Yakutskiy nauchnyy tsentr SO RAN. 3—19. (In Russ.).

Illarionov, V. V. (1982). *Iskusstvo yakutskikh olonkhosutov.* Yakutsk: Yakutskoye knizhnoye izd-vo. (In Russ.).

Illarionov, V. V. (2006). *Yakutskoye skazitelstvo i problemy vozrozhdeniya olonkho.* Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).

Ksenofontov, G. V. (1992). *Uraangkhay-sakhalar, 1 (1)*. Yakutsk: Natsionalnoye izdatelstvo Respubliki Sakha (Yakutiya). (In Russ.).

Kuzmina, A. A. (2018). Vilyuyskaya folklornaya ekspeditsiya 1938 goda: materialy po yakutskomu geroicheskomu eposu olonkho. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki, 8 (86) / 1:* 33—36. (In Russ.).

Kuzmina, A. A. (2019). Transformatsiya yakutskogo geroicheskogo eposa (na materiale olonkho B. A. Alekseyeva «Erbekhtey Mergen»). *Nauchnyy dialog, 2:* 81—91. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-81-91. (In Russ.).

Kuzmina, A. A. (2020). «Kuturuk salayar yrya» («Khvost napravlyayushchaya pesnya») v olonkho Vilyuyskogo regiona: aspekty pragmatiki. *Severo-vostochnyy gumanitarnyy vestnik, 1 (30):* 106—111. DOI: 10.25693/SVGV.2020.01.30.13. (In Russ.).

Maak, R. K. (1994). *Vilyuyskiy okrug.* Moskva: Yana. (In Russ.).

Meletinskiy, E. M. (2004). *Proiskhozhdeniye geroicheskogo eposa. Ranniye formy i arkhaicheskiye pamyatniki.* Moskva: Vostochnaya literatura. (In Russ.).

Neklyudov, S. Yu. *Morfologiya i semantika epicheskogo zachina.* Available at: http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov69.pdf. (In Russ.).

Nikiforov, V. M. (2002). *Stadii epicheskikh kolliziy v olonkho: Formy folklornoy i knizhnoy transformatsii.* Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).

Popov, A. A. (2008). *Kamlaniya shamanov byvshego Vilyuyskogo okruga: teksty.* Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).

Veselovskiy, A. N. (1989). *Istoricheskaya poetika.* Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).

Yakovleva, M. P. (2014). Kontsept «nachalnogo vremeni» v epose evenkov. *Molodoy uchenyy, 14:* 117—119. (In Russ.).

Yakutskiy geroicheskiy epos. Moguchiy Er Sogotokh. (1996). Novosibirsk: Nauka. Sib. izdat. firma RAN. (In Russ.).

Zakharova, A. E. (2004). *Arkhaicheskaya ritualno-obryadovaya simvolika naroda sakha (po materialam olonkho)*. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).
Zhirmunskiy, V. M. (1960). *Skazaniye ob Alpamyshe i bogatyrskaya skazka.* Moskva: Izdatelstvo vostochnoy literatury. (In Russ.).

Макаров А. Н. Образ Марии Стюарт в трагедиях К. Г. Шписса и Ф. Шиллера / А. Н. Макаров, Е. В. Киричук // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 266—283. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-266-283.

Makarov, A. N., Kirichuk, E. V. (2020). Image of Mary Stuart in Tragedies of C. H. Spiess and F. Schiller. *Nauchnyi dialog, 7:* 266-283. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-266-283. (In Russ.).

УДК 830(091)“17”+821.112.2Spiess.07+821.112.2Schiller.07
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-266-283

Образ Марии Стюарт в трагедиях К. Г. Шписса и Ф. Шиллера

© **Макаров Аркадий Николаевич (2020),** orcid.org/0000-0002-0471-6669, Scopus Author ID 57196085001, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков неязыковых направлений, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет» (Киров, Россия), anmakarov1949@mail.ru.

© **Киричук Елена Владиленовна (2020),** orcid.org/0000-0003-2907-5439, ResearcherID Y-1095-2018, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского» (Омск, Россия), kirichuk@bk.ru.

Рассматриваются особенности интерпретация событий, связанных с жизнью и смертью королевы Шотландии Марии Стюарт (1542—1587), в творчестве выдающегося немецкого драматурга Ф. Шиллера (1759—1805) и его современника, известного в свое время литератора Кристиана Генриха Шписса (Шписа, 1755—1799). Подчеркивается своеобразие в изображении последних дней Марии К. Г. Шписсом и Ф. Шиллером. Поднимается вопрос о различных литературно-эстетических позициях обоих немецких литераторов. Уделяется внимание обзору сочинений в различных родах и жанрах искусства, посвященных Марии Стюарт Шписса и Шиллера. Сначала представлен анализ творчества второстепенного в рамках немецкой и европейской литературы автора, поскольку Шписс написал свою трагедию многими годами ранее великого немецкого драматурга. Показано, что трагедия Шиллера написана с характерной для него тягой к эпическому охвату действительности, в то время как сценически пьеса Шписса более сконцентрирована на событиях последних дней жизни Марии Стюарт и превращается в камерное произведение. Результаты исследования могут быть использованы при чтении курсов лекций по зарубежной литературе XVIII—XXI веков, спецкурсов по литературам западноевропейских стран, по проблемам классической литературы Германии, а также литературы западноевропейского Просвещения и предромантизма.

Ключевые слова: Мария Стюарт; Фридрих Шиллер; Кристиан Генрих Шписс; немецкая литература.

1. Введение. Интерес к личности Марии Стюарт в XVIII—XXI веках

История жизни королевы Шотландии Марии Стюарт уже не один десяток лет привлекает внимание исследователей, писателей, драматургов и читателей. Письменное свидетельство о ее казни появилось на английском языке сразу после этого события, а затем был сделан перевод текста на немецкий язык [Execution …, 1587; Gründliche …, 1587]. Трагическая судьба королевы Шотландии достаточно рано привлекла к себе внимание ярчайших представителей европейской литературы, например, Лопе де Вега (1562—1635), пьеса которого «Трагическая корона» (1627) посвящена данной теме; Йооста ван ден Вондела (1587—1679), написавшего пьесу «Мария Стюарт» (1646); П. де Ронсара (1524—1585), который посвятил королеве Шотландии стихотворения, и т. д. На ее судьбу обратил внимание и Александр Дюма (1802—1870), уделив ей внимание в серии «Знаменитые преступления»: «Мария Стюарт» [Dumas, 2019]. В 1830 году драму «Мария Стюарт» написал выдающийся польский поэт-романтик Юлиуш Словацкий (1809—1849). Украинская поэтесса Леся Украинка (1871—1913) посвятила одно из своих стихотворений памяти шотландской королевы. Назовем в этом ряду «Прощание Марии Стюарт» (1815) П. Ж. Беранже (1780—1857) и 20 сонетов к шотландской королеве И. Бродского (1940—1996). В XX веке о Марии Стюарт писал и один из известнейших австрийских писателей Стефан Цвейг (1881—1942) в своей одноименной беллетризованной биографии этой королевы (1935).

Королеве посвящались художественные фильмы (напр., Англия, 1971, 2018) и музыкальные произведения (оперы: Пьетро Казелла, 1811; Карло Кочча, 1827; Гаэтано Доницетти по трагедии Шиллера, 1835: Тea Масгрйев, 1977). На музыку были положены и некоторые стихотворения самой Марии — Робертом Шуманном (вокальный цикл на стихи Марии — «Abschied von Frankreich» / «Прощание с Францией», «Nach der Geburt ihres Sohnes» / «После рождения сына», «An die Königin Elisabeth» / «К королеве Елизавете», «Abschied von der Welt» / «Прощание с миром», «Gebet» / «Молитва») и Рихардом Вагнером (“Les Adieux de Marie Stuart” / «Прощание Марии Стюарт»).

Произведений, в которых рассказывается о Марии, много, и вряд ли есть возможность охарактеризовать их даже вкратце. Отметим общее: почти во всех учебниках по истории немецкой и зарубежной литературы соответствующего периода, а также в научно-исследовательских работах, посвященных творчеству Ф. Шиллера, почти всегда можно увидеть заметки о трагедии «Мария Стюарт». Среди проблем, поднимаемых в моно-

графиях и статьях, посвященных личности Марии Стюарт и Елизаветы Тюдор, а также в трагедии Шиллера, следует отметить большое внимание исследователей прежде всего к проблеме взаимоотношения двух наиболее известных королев Англии и Шотландии, чьи судьбы так трагически переплелись. Исследователи делают попытки понять мотивы Елизаветы, которая, 18 лет удерживая Марию в Англии, в течение всех лет не предприняла шагов к ее устранению, хотя шотландка была окружена шпионами английского двора [Pirntke, 2019; Кристофер], да и в пьесах говорится о постоянном контроле ее бумаг.

Можно утверждать, что практически все исследования сводятся к описанию биографий двух королев и размышлениям над их судьбами [Григорова; Пронин, 2020; Сидорчик, 2019]. Некоторые исследователи подчеркивают безбрачие Елизаветы, считая его последствием детских впечатлений от поведения отца, короля Генриха VIII, казнившего как мать Елизаветы, так и других своих жен, что вызвало у дочери стойкое отрицание брака как такового и дало незамужней королеве прозвище «королева-девственница» [Елизавета I].

Зарубежные историки литературы аналогично сконцентрировались прежде всего на биографиях обеих королев и попытках понять психологические основы поступка Елизаветы, приведшего к казни Марии Стюарт, а также на оценке значения некоторых фигур в трагедии Ф. Шиллера «Мария Стюарт» [Die Königinnen im Hinblick, 2016; Gedike, 2019; Hart, 2005; Kroll, 2009; Wunderlich]. Исследователи затрагивают особенности раскрытия вопросов религии и веры в трагедиях о Марии Стюарт, [Gregory, 1949], поскольку шотландская королева не отреклась от католичества даже на эшафоте.

Среди работ о Марии Стюарт наиболее глубокой остается ее биография, написанная выдающимся австрийским литератором Ст. Цвейгом и переведенная на тридцать один иностранный язык, а в год публикации (1935) она уже существовала на 10 языках. Основные положения, выдвинутые в научных работах о королеве Марии и королеве Елизавете, сводятся к биографическим данным и анализу некоторых отдельных аспектов их биографий. Отношение к фигурам королев у историков различно и зависит от того, к какому религиозному или национальному лагерю они принадлежали. Тем не менее наиболее обстоятельно и полно портреты Марии и Елизаветы удались Ст. Цвейгу. Ему импонировала Мария Стюарт как эмоционально яркая и сильная личность в отличие от суховатой, двуличной и сдержанной Елизаветы Тюдор.

2. Образ Марии Стюарт в трактовках Шписса и Шиллера

Среди немецких драматургов, посвятивших свои трагедии последним дням жизни и казни Стюарт, первым традиционно называют немецкого классика Фр. Шиллера, хотя в Германии конца XVIII века он был вторым. Историк немецкой литературы В. П. Неустроев отмечал, что драматург задумался над этим сюжетом около 1782 года [Неустроев, 1955, с. 26], составляя планы и готовя наброски, но его трагедия увидела свет 17 лет спустя (завершена в 1800 году). Поэтому первым оказалось издание трагедии известного в свое время писателя и драматурга К. Г. Шписса [Appell, 1859, S. 35—41; Feldhausen, 1989; Lier, 1893, S. 177; Wurzbach, 1878, S. 156—161; Zelle, 2010, S. 694—695], которое появилось на свет в 1784 году в Вене. В 1793 году, то есть задолго до трагедии Фр. Шиллера под таким же названием, она вышла в переработанном виде. Можно предположить, что великий немецкий драматург ее знал, так как и он, и Гете очень внимательно следили за новинками современной им литературы, но считать его произведение повторением сочинения Шписса неправомерно. Они написаны с различных литературно-эстетических позиций (предромантизм и классицизм), и хотя в основе лежит общеизвестная трагическая судьба королевы Шотландии Марии Стюарт, но наполнение материалом различно, притом авторы вводят различные персонажи. К тому же Шиллер писал свою трагедию стихами, что однозначно отличает его произведения от прозаической пьесы Шписса не только в формальном, но и идейно-эстетическом плане (классицизм Шиллера). Кроме того, она более объемна, чем трагедия в варианте Шписса. В обеих трагедиях рассказывается о последних днях жизни королевы Шотландии Марии Стюарт (1542—1587), казненной по приказу королевы Англии Елизаветы (1533—1603), которая боялась в лице Марии претендентки на английский престол. Это верно, потому что притязания Елизаветы на английский престол были не полностью легитимными, к тому же поступки шотландской королевы давали основание королеве Англии предполагать в действиях родственницы прямую опасность не только для власти Елизаветы, но и для ее жизни.

У Шписса освободителем Марии из английского плена и спасителем ее жизни намерен выступить герцог Норфолк (Томас Говард, 4-й герцог Норфолк, 1536—1572), который стремился к браку с Марией, а у Шиллера — Мортимер, племянник тюремщика Марии. Разница между их пьесами в содержательном плане, прежде всего, в том, что у Шписса главными персонажами являются герцог Норфолк, влюбленный в Марию, и сама Мария Стюарт, да и количество действующих лиц меньше, чем у Шиллера. Вряд ли следует пересказывать всем известную историю жизни Марии

Стюарт, хотя следует обратить внимание на некоторые различия в описании последних часов и минут жизни королевы Шотландии вплоть до различия в количестве нанесенных ей палачом ударов: один у Шписса, три у Шиллера или же два в хронике последних минут жизни шотландки, хотя и Шписс, и Шиллер руководствовались историческими материалами того времени, тем более что существовала запись казни Марии, осуществленная на английском языке и практически сразу переведенная на немецкий язык, которая, возможно, была известна драматургам, а также летучий листок, посвященный этому событию [Execution …, 1587; Gründliche …, 1587].

Шписс в своей пьесе ставит развитие действия в зависимость от желания Марии вернуться на изгнавшую ее родину и восстановить свои королевские права. Вместе с тем считать королеву Англии безусловным врагом Марии Стюарт в соответствии с пьесой Шписса вряд ли верно. За эти годы англичане могли найти возможность для устранения конкурентки своей королевы, но этого не делали очень много лет, чему противилась, видимо, и сама Елизавета [Цвейг, 1992, с. 6]. Мария Стюарт в изображении Шписса вызывает определенное сочувствие, а Елизавета показана в пьесе как человек, руководствующийся прежде всего своими личными, даже не королевскими, интересами. В этом отношении интересны сцены с шотландскими лордами, которые представляют лишь одну сторону населения Шотландии. Откровенное нежелание королевы Англии создать даже видимость объективности при расследовании преступлений Марии, которые, впрочем, в тексте Шписса также не доказаны, выступает на передний план. Скорее, в вину Марии можно поставить ее способность жить, не руководствуясь интересами королевства, что в каждом случае ее неоднократных браков лишь усложняло ситуацию в стране и вызывало протесты среди верхушки тогдашнего общества Шотландии, расколотого на католиков и протестантов, когда под боком находилось мощное протестантское королевство, поощрявшее сепаратистские настроения в этой стране, протестантские настроения в которой при королеве-католичке никак не способствовали гражданскому миру в государстве [Там же, с. 14—15]. Поэтому проигрыш дела Марии был предрешен не только ее поведением и привычками к эмоциональным и плохо взвешенным поступкам, но и тем, что шотландское высшее общество и его парламент в лице немалого числа своих членов оглядывались на одобрение и поддержку Англии. И Шписс на это ясно указывал.

В содержательном плане Шписс выбрал лишь одну сюжетную линию из истории жизни Марии Стюарт, одну из многих возможных в реально-

сти — линию любви герцога Норфолка и королевы Марии и попытки ее спасения. Такое использование исторического материала давало ему возможность сконцентрироваться непосредственно на попытке Марии покинуть Англию и избежать постоянно угрожающей ей казни, а зрителю — не отвлекаться на другие, пусть и важные, но сопутствующие действию события, связанные с другими участниками. Трагедия Шписса начинается сценой, в которой Мария Стюарт встречается с канцлером лордом Бэкхорстом. Она высказывает ему свои опасения по поводу пребывания во владениях королевы Англии Елизаветы и возражает Бэкхорсту в ответ на его утешающие слова: *Вы поседели при дворе и не знаете сердца великих? Одно-единственное государственное намерение, может быть, гордая мысль благодаря моей ссылке стать королевой Шотландии, может изгнать из ее сердца дружбу, человеколюбие и любую спутницу сочувствия* [Spiess, 1792, S. 4—5].

Она ждет графа Дугласа, которого отправила к Елизавете с извещением о своем прибытии в ее владения и с просьбой помочь ей вернуть свой трон в Шотландии. Возвратившийся после встречи с Елизаветой Дуглас говорит много хороших слов о королеве Англии [Ibid., S. 9—10]. Мария начинает сомневаться в обоснованности своих страхов, об этом она размышляла до прихода Дугласа: *Как раз занята самыми печальными перспективами на будущее* ... [Ibid., S. 10], потому что хочет верить в искренность желания Елизаветы, отправившей ей в поддержку своего лучшего военачальника герцога Норфолка, помочь. С момента появления герцога, которому она уже давно симпатизировала, Мария стала надеяться на то, что ее судьба в Англии повернется к ней благоприятной стороной, тем более что и Норфолк старается ее в этом убедить [Ibid., S. 17], рассказывая, что после визита в Лондон, они сразу же отправятся в Шотландию карать бунтовщиков.

Обратим внимание на то, что в трагедии Шписса сценическое время существенно сжато. Зритель не видит на сцене события прошедших месяцев и лет жизни Марии Стюарт во время ее пребывания в Англии, а также многих действий, совершенных в предшествующее время. По тексту пьесы может сложиться впечатление о том, что Мария прибыла в Англию несколько дней назад, хотя известно, что она находилась в государстве Елизаветы много лет, но, видимо, не встречалась с ней. Подобного рода обращение с историческими фактами позволяет Шписсу максимально сконцентрироваться на сюжете, избегая лишних, по его мнению, событий и не выводя на сцену действующих лиц, избыточных для развития его сюжета. Драматург сознательно отсекает все побочные и оставляет только ос-

новные сюжетные линии, что дает ему возможность направить внимание зрителя исключительно на те события, которые, по его мнению, влияют на происходящее, не отвлекая зрителя на то, что может представляться избыточным. Шписс дает возможность поставить в центр действия отношения между Марией и Норфолком, а также трансформацию отношения королевы Англии Елизаветы к своей родственнице. По сути дела, эти две стороны действия и охватывают собой содержание пьесы. Поведение Елизаветы осложнено тем обстоятельством, что королева Англии охвачена ревностью и считает, что ее приближенные окажутся под влиянием красоты шотландки: *Елизавета*. *Она и на самом деле так прекрасна, как о ней рассказывают тысячи деловитых языков? Не слишком ли я отваживаюсь на многое, если я в присутствии моего двора решаюсь на сравнение?* [Ibid., S. 37]; *Елизавета* (к лорду Ханигтону). *Лорд, Вы неправильно смотрели. Она красива, очень красива, я чувствую, как она меня затмевает. Посмотрите, глаза всех придворных направлены на нее* [Ibid., S. 39].

В отличие от Марии Елизавета большее внимание уделяет королевской власти, чем эмоциональным проявлениям. Накануне встречи с королевой Шотландии она размышляет о возможности взять ее корону, что принесет ей больший блеск: *Елизавета* (одна). *Судьба, ты ко мне очень милостива, превращаешь меня в судью королевы, но я хочу быть достойной твоей милости, не хочу счастье пропустить мимо меня, если блестящий трон Шотландии предложит себя, принять его из твоих рук* [Ibid., S. 38]. Если зритель / читатель будет руководствоваться только рассказом о Марии Стюарт, предложенным К. Г. Шписсом, то в соответствии с приведенной выше цитатой у него может сложиться впечатление о королеве Англии как о правительнице, которая мечтала о том, чтобы воспользоваться возможностью и захватить шотландский престол. Можно допустить, что Елизавета помышляла о подобном действии, но у исторической королевы Англии были возможности совершить такой поступок за те многие годы, которые Мария провела в ее плену, чего Елизавета так и не сделала. Шписсу нужно было внести сомнения в мысли зрителей потому, что театральные постановки и опубликованные истории обеих королев подчас демонстрируют различные подходы к интерпретации одного и того же материала, хотя историческая канва одинакова для обоих авторов.

У Шписса Елизавета не столько правительница великого государства, руками герцога Норфолка победившая своего многолетнего противника Испанию, сколько ненасытная стяжательница, которой нужно присоединить и Шотландию, что придаст новый блеск ее короне. Радикальное устранение Марии, кроме того, даст возможность прекратить многолет-

нюю гражданскую войну, о чем говорят лорд Ретвен и лорд Линдсей: *Лорд Ретвен. Предоставьте отвечать за это Мюррею, посланниками которого мы являемся. Он написал письма через секретаря Марии, это без сомнения, но почему это нас заботит! Он приказал, и мы послушались и ожидали самое прекрасное, самое большое вознаграждение, и подумайте сами, прекратится ли гражданская война, если Мария Стюарт еще жива? Конечно, нет! Значит, взгляните, что мы при этом кое-что заслужили, потому что мы сохранили многим тысячам жизнь* [Ibid., S. 132].

Читатель и зритель понимают, что устранение Марии в определенном смысле могло способствовать спокойствию в Шотландии. Слова лорда Ретвена отражают борьбу между различными группами аристократии, связанную с религиозными проблемами католиков и протестантов. Это вело в Европе, а не только в Шотландии, к вооруженным столкновениям представителей этих направлений христианства (вспомним Францию с ее Варфоломеевской ночью). Следовательно, высказывания обоих лордов отвечают реальной политической и религиозной ситуации в Шотландии эпохи Марии Стюарт. В пьесе Шписса о конфессиональных вопросах, связанных с образом Марии Стюарт, упоминается лишь в приведенном выше фрагменте, притом без акцентирования напряженности между католиками и протестантами.

Упомянутые здесь письма Стюарт — это письма, которые были предъявлены королеве Елизавете и считались свидетельством непосредственного участия Марии в убийстве своего мужа, что доказано не было и что подчеркивала во время допроса сама королева Шотландии, требовавшая привлечения свидетелей с ее родины, в чем Стюарт также было отказано. Представители английской короны не имели желания проводить основательную и объективную проверку виновности Марии. Им требовалось, скорее, любой ценой доказать то, что преступление было совершено при прямом участии королевы Марии, чтобы подвести ее под смертную казнь, предъявив ей обвинение и в государственной измене в связи с использованием герцога Норфолка в своих интересах.

Лорд Ханигтон. Прочитайте прошение всех шотландских дворян к Ее Величеству, нашей могущественнейшей королеве, в нем вы обвиняетесь в данном преступлении. Прошение подписано всем шотландским дворянством.

Мария. Я верю вашим словам, но я возражаю против всего проведения этого процесса. Я требую отсрочки, пусть мне будет позволено послать в Шотландию, и я найду тысячу свидетелей, которые докажут мою невиновность.

Елизавета. Когда обвинение так обосновано, когда имеются очевиднейшие доказательства, отсрочки не будет [Ibid., S. 100].

На то, что Мария как королева не находится под юрисдикцией английских законов, никто не обращал внимания, потому что было необходимо устранить основную преграду на пути к шотландскому трону, и это было совершено. Действие в пьесе Шписса сконцентрировано на стремлении английской стороны любым способом уничтожить Марию Стюарт, имевшую немало сторонников среди англичан, что постоянно подтачивало устойчивость английского государства.

В творчестве Ф. Шиллера трагедия «Мария Стюарт» скрыта другими его произведениями. Связано это с тем, что она «единственная из его исторических драм, где идейные и мировоззренческие проблемы играют второстепенную роль» [Рейман, 1959, с. 265]. Противоречия между протестантизмом и католичеством становятся в этой пьесе лишь фоном, на котором разыгрывается трагедия [Там же]. В этом смысле П. Рейман считает, что произведение занимает необычное место среди многих ярких сочинений Шиллера: «Серьезным недостатком драмы является неясность исторической концепции, которая привела к односторонности в изображении Елизаветы Английской» [Там же].

Фр. Шиллер начинает свою трагедию со сцены появления Паулета (Полета) — главного надсмотрщика Марии, который проводит обыск в ее покоях и забирает найденные драгоценности, полагая, что шотландская королева, как и ранее, может использовать их для подкупа стражи, и собственноручные письма Стюарт. Он рассказывает о том, что несколько человек поддались на уговоры Марии убить королеву Англии Елизавету, среди них и герцог Норфолк: *И что же, этот горестный пример / Остановил других безумцев, тех, что / Ради нее готовы дальше гибнуть? … Не кончится, пока сама она, / Кто всех виновней, жертвой не падет. / — Будь проклят день, когда Елену эту / Гостеприимно приняла страна!* [Шиллер, 1937, с. 289].

Читатель видит, что уже здесь, в начале пьесы, речь идет о будущей гибели Марии Стюарт. Кормилица Марии, Кеннеди, говорит о том, что Мария провела в Англии много лет, на что охранник отвечает, что та появилась в Англии, чтобы плести козни, будучи убийцей, изгнанной ее страной [Там же]. В сцене (1:2) Мария говорит о своем предчувствии близкой смерти, а потому хочет увидеться со священником, чтобы записать свою волю [Там же, 293]. По сути дела, в данной сцене ее служанка, Кеннеди, намекает также и на участие Марии в убийстве мужа [Там же, с. 297, 299]. Мортимер, племянник тюремщика Марии, рассказывает ей о том, как он

в Италии стал католиком и узнал о ее правах на Англию, тогда как Елизавета оказывается незаконными ребенком и не может претендовать на трон. Здесь, собственно, зритель слышит об узурпации Елизаветой британского престола, в чем ее обвиняла некоторая часть верхушки общества в связи с тем, что она была дочерью казненной Анны Болейн, а в некоторых случаях говорилось даже о том, что она родилась до бракосочетания родителей, то есть была незаконнорожденной. Мортимер говорит так: *... что вы из дома / Тюдоров, убедил меня, что право / На Англию лишь вам принадлежит, / Не ей, лжекоролеве ... своим отцом / Отвергнута как отпрыск незаконный ... ваше право / На Англию — вот вся ваша вина ...* [Там же, с. 306]. Так или иначе, над Елизаветой висела тень возможного отстранения от власти в пользу Марии Стюарт, которая в этом смысле была, если можно так сказать, более легитимной королевой, чем Елизавета Английская. Правда, Елизавета была гораздо старше Марии и уже много лет управляла своей страной, укрепившись во власти, что делало притязания шотландки если не сомнительными, то не надежными. В пьесе Мария на слова Мортимера заявила: *О это право горестное! В нем / Одном источник всех моих страданий!* [Там же]. И Мортимер признает, что приговор Марии вынесен, а Елизавета медлит не из жалости, а чтобы показать всем, что она уступает под давлением со всех сторон [Там же, с. 307—308]. Чувствуя правоту Мортимера, Мария, тем не менее, не верит, что ее, венчанную королеву, могут казнить как простую преступницу, хотя история Англии той поры как раз показывает, что смерть королевы — не исключение, а почти норма. Правда, в Англии, но не в Шотландии.

Общей в пьесах Шписса и Шиллера является биографическая канва их повествования. Здесь следует иметь в виду, что отличия в этом плане существуют хотя бы уже потому, что речь идет не об историческом сочинении этих двух немецких писателей, но об их художественном переосмыслении событий, а также задачах, которые они поставили в своих трагедиях. Здесь уже можно наблюдать различия в понимании известного материала. Заключаются они в том, что рассказ Шписса связан более с личными событиями в жизни Марии Стюарт, ее любовью к герцогу Норфолку, а также жалобами шотландских лордов, обращенными непосредственно к королеве Англии. Шписс уделяет основное внимание личности королевы Шотландии и ее поведению, на протяжении всей пьесы он показывает зрителю именно Марию Стюарт, тогда как Шиллер воссоздает более широкий фон придворной жизни, а основная линия разворачивается таким образом, что немаловажное место отводится личным мотивам в действиях королевы Англии. Можно сказать, что именно особое внимание немецкого класси-

ка к узкой теме поведения Елизаветы в отношении Марии не давало ему возможности развернуть блестящую тему в трагическом ключе. Зритель видел, что пьеса о последних днях королевы Шотландии в определенной мере Шиллеру не удалась.

Российский ученый В. А. Пронин в своей статье пишет о королеве Англии следующее: она «ненавидит Марию за то, что, став королевой Шотландии, та посмела остаться свободной женщиной, пренебрегающей не только дворцовым этикетом, но и законами, которые она же и призвана устанавливать» [Пронин, 2020]; Елизавета «умна, коварна, жестока, властолюбива, но, как убеждает автор, она не свободна и никогда в жизни ни единого мгновения не ощущала себя свободной. А далее автор подводит своего читателя к глубоко философской и до сих пор актуальной мысли: правитель, лишенный собственной свободы, лишает свободы своих подданных, превращаясь в тирана. Жертвой тирании в первую очередь оказывается независимая личность, в данном сюжете Мария Стюарт» [Там же].

Пьеса могла и должна была бы называться «Елизавета Тюдор». Особенность исторического материала пьесы в интерпретации Шиллера влечет его к попыткам показать столкновение двух королев как конфликт двух мировоззрений — одного более человечного Марии, другого — Елизаветы, тяготеющего к государственности как особенности мышления. И с этой точки зрения Елизавета стремится утвердить себя в королевском статусе, что и противопоставляет ее Марии Стюарт, которая уже родилась королевой, а затем стала и королевой Франции, то есть имела преимущество перед Елизаветой, хотя читатели знают, что именно со времени Елизаветы Тюдор Англия все более превращается в мощную мировую державу, да и в культурном плане (вспомним о Шекспире, Марлоу, Бэконе) это государство станет еще более ярким, чего никак не могла достичь Шотландия со своими мелочными лордами и незначительными финансовыми возможностями.

И вот здесь проявляется принципиальное различие между двумя королевами: Марией, живущей в мире своих, в целом мелких страстей и ошибок, которые приносят ей только нарастающие как снежный ком проблемы, и Елизаветой, выросшей в атмосфере подавления ее личности и научившейся скрывать свои истинные взгляды и понимание своего места в государстве, которые она достаточно рано направила на укрепление и сохранение своей власти и своего положения в стране, что в итоге привело к безусловному закреплению ее места в государстве и, не следует забывать об этом, к сохранению ее жизни, на которую покушались многие ее современники.

В пьесе Шиллера, как и в трагедии Шписса, сама Мария рассчитывает на помилование, надеются на это народ и часть придворных, но Елизавета, любой ценой стремящаяся подвергнуть ее казни, с другой стороны, пытается отторгнуть от себя обвинение в неправомерном физическом устранении своей соперницы-родственницы. В этом смысле показательна сцена с одним из самых преданных ей придворных — Шрузбери: *Затем, что предал имя королевы / Навеки поруганью и позору* [Шиллер, 1937, с. 458]; *А мне позволь, монархиня, вернуть / Тебе печать, которую храню я / Двенадцать лет доверием твоим* [Там же, с. 459]. Вероятно, Шиллеру нужно было показать терзания в душе королевы Англии, которая на протяжении многих лет хранила терпение и выдержку, понимая последовательную враждебность Марии и ее желание стать королевой Англии; точно так же и Елизавета желала обладать короной Шотландии. В определенной мере он видел невозможность решения этих проблем в личной и общественной ситуации двух королев и двух государств.

Следует учесть, что в художественных образах обеих королев показано негативное восприятие соперницы. При этом Мария Стюарт, как более молодая и не очень опытная в политике женщина, склонна подчас к эмоциональным и откровенным высказываниям; она не вполне понимала, что ее рассуждения в беседах или письмах к тем, кого она, безусловно, считала своими сторонниками, нередко вредят ей, так как в них Мария выражает свои притязания на корону Англии, что для Елизаветы представляет прямой риск в отношении не только утраты венца, но и потери жизни, потому что соперники английской королевы не скрывали своей заинтересованности в ее гибели. Елизавета прекрасно понимала всю шаткость своей позиции как правительницы страны и любой ценой пыталась эту позицию укрепить. Сложность здесь еще и в том, что обе королевы, по сути дела, принадлежат к двум ветвям одной семьи и являются родственницами. Основная причина невозможности их единения заключается в религиозном различии. Хотя обе женщины — христианки, но принадлежат к двум враждующим крыльям христианства — протестантизму и католичеству. Поэтому протестантизм в варианте Генриха VIII, дочерью которого от Анны Болейн была Елизавета Английская, воспринимается в Англии этого времени как национальное явление, с которым связывалась поддержка протестантки Елизаветы как в ее стране, так и в Шотландии. Следовательно, католицизм представлен как нечто чуждое, иностранное, антинациональное, враждебное как стране в целом, так и ее королеве, тем более что католические страны (Франция, Испания, даже папа римский) не скрывали своего враждебного отношения к Елизавете и всячески поддерживали настроение

Марии занять английский трон, тем более что определенные права на престол у нее были, потому что и сам Генрих VIII воспринимал Елизавету как незаконнорожденную дочь, хотя и от своей официальной законной жены Анны Болейн.

Вместе с тем религиозный вопрос не составлял центр трагедий Шписса и Шиллера, хотя на этом фоне совершались все события и поступки действующих лиц. На первом плане оказалась все-таки личная жизнь обеих королев, столкновение их субъективных поведенческих моделей, а не государственных отношений или интересов. Особенно это заметно в пьесе Шписса, где все поступки и поведение персонажей показывают очевидное внимание драматурга почти исключительно к личным переживаниям и настроениям его действующих лиц, хотя и приправленным государственными намерениями и притязаниями. У Шписса поступки Елизаветы однозначно направлены против Марии.

Шиллер же более склонен к представлению отношений обеих королев на фоне общих, государственных проблем. Следует отметить, что у немецкого классика вокруг Марии Стюарт развивается гораздо более разработанная и многогранная интрига со стороны приближенных и противников Елизаветы Тюдор.

3. Заключение

В заключение проведенного исследования подведем некоторые итоги.

Содержание обеих пьес о последних днях жизни королевы Марии и ее взаимоотношениях с Елизаветой Английской в значительной степени подчеркивает как определенную виновность Марии в провоцировании к себе ненависти со стороны шотландских лордов, так и стремление Елизаветы присоединить к своей короне еще одно владение. Вместе с тем в конце трагедии Шиллера двор покидают некоторые приверженцы английской королевы; она не остается одиночестве, однако в пьесе выражено порицание монархини за ее поступок в отношении шотландской королевы. Трагедия Шиллера написана с характерной для него тягой к эпическому охвату действительности.

Сценически пьеса Шписса сконцентрирована на событиях последних дней жизни Марии Стюарт и является для театра того времени более сценичной, легкой для постановки. Количество действующих лиц ограничено, действие фактически можно свести к нескольким сценам, связанным с последними часами жизни королевы Шотландии. Шиллер более эпичен в интерпретации материала. Его трагедия охватывает широкий круг про-

блем с привлечением большего числа персонажей и переносом действия в различные места, чего читатель (зритель) не видит в трагедии Шписса, которая превращается в камерное произведение, посвященное истории любви герцога Норфолка и Марии Стюарт.

Вместе с тем зрителя Шписса явно привлекает образ шотландкой королевы как эмоциональной, открытой и несколько наивной женщины в противовес собранной, нацеленной на власть Елизавете, которая понимает, что только смерть Марии даст ей возможность почувствовать себя полноценной королевой, у которой уже не будет опасной и законной конкурентки. Однако совершить последний шаг она не решается, понимая, насколько плохо это скажется на отношении к ней ее современников-правителей других европейских государств. Отсюда и нерешительность Елизаветы в трагедии Шиллера, и безусловная моральная победа Марии Стюарт в сочинениях обоих немецких авторов. Можно отметить мужество Марии в последних сценах, предшествующих ее казни. В них она показала себя истинной королевой даже перед лицом смерти.

Источники

1. *Цвейг С.* Мария Стюарт / С. Цвейг. — Москва : Известия, 1992. — 368 с.

2. *Шиллер И. Х. Ф.* Собрание сочинений : в 8-и т. Том 3. Драмы. «Дон Карлос», «Мария Стюарт» / И. Х. Ф. Шиллер. — Москва : Ленинград : Academia, 1937. — С. 285—460.

3. *Schiller Fr.* Maria Stuart : Ein Trauerspiel / Fr. Schiller // Schiller Fr. Gesammelte Werke. 4 Bd. Dramen III. — Berlin : Aufbau-Verlag, 1954. — S. 5—161.

4. *Spiess Ch.* H. Marie Stuart : ein Trauerspiel in fünf Aufzügen. Neue, ganz veränderte Auflage / Ch. Spiess. — Prag und Leipzig : bei Albrecht und Compagnie, 1792. — 135 S.

Литература

1. *Григорова Д.* Елизавета Английская [Электронный ресурс] / Д. Григорова. — Режим доступа : https://history.wikireading.ru/343227.

2. *Елизавета I* [Электронный ресурс] // Историко-биографическая летопись «Жизнь замечательных людей» : Елизавета I. — Режим доступа : http://xn--f1acm.xn-80aswg/%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D0%B2%D0%B5%D1%82%D0%B0-i/

3. *Кристофер Д.* Елизавета I, 1558—1603 [Электронный ресурс] / Д. Кристофер. — Режим доступа : https://history.wikireading.ru/215192.

4. *Неустроев В. П.* Великий немецкий поэт Фридрих Шиллер / В. П. Неустроев. — Москва : Знание, 1955. — 32 с.

5. *Пронин В. А.* «Мария Стюарт». Роковая драма двух королев (2020) [Электронный ресурс] / В. А. Пронин. — Режим доступа : https://www.labirint.ru/now/tekst-mariya-styuart/.

6. *Рейман П.* Основные течения в немецкой литературе 1750—1848 / П. Рейман. — Москва : Издательство иностранной литературы, 1959. — 524 с.

7. *Сидорчик А.* Девственность против страсти. За что Елизавета I казнила Марию Стюарт (2019) [Электронный ресурс] / А. Сидорчик. — Режим доступа : https://aif.ru/society/history/ devstvennost_protiv_strasti_za_chto_elizaveta_i_kaznila_mariyu_styuart.

8. *Appell J. W.* Die Ritter-, Räuber- und Schauerromatik Zur Geschichte der deutschen Unterhaltungsliteratur / J. W. Appell. — Leipzig : Verlag von Wilhelm Engelmann, 1859. — S. 35—41.

9. *Deutsche* Literaturgeschichte in einem Band / Hrsg. von Prof. Dr. Hans Jürgen Geerdts. — Berlin : Volk und Wissen Vorlseigener Verg., 1968. — 768 S.

10. *Die* Königinnen im Blick. Macht und Ohnmacht in Schillers „Maria Stuart". — München : GRIN Verlag, 2016. — 20 S.

11. *Dumas A.* Berühmte Verbrechen : „Maria Stuart" / A. Dumas. — Berlin : epubli, 2019. — 312 S.

12. *Execution* Oder Todt Marien Stuarts Königinnen aus Schottland gewesen Königinnen zu Frankreich — welche Adi 18 Fabruarij Anno 1857, Stilo Nouo, in Engellandt enthaupthet worden ist / im Schloß Fodrigham / in Nortthamtoschir. Gedruckt zu Erffordt / im Jahr 1587. S. P.

13. *Feldhausen D.* Auf der Suche nach Esther L. Ein Beitrag zur Arbeitsweise eines Trivialautors im 18. Jahrhundert / D. Feldhausen // Lichtenberg Jahrbuch 1989. — Saarbrücken, 1989.

14. *Gedike D.* Ingredienzien eines dramatischen Konflikts. Zu Friedrich Schillers «Maria Stuart». — München : GRIN Verlag, 2019. — 16 S.

15. *Gregory Br.* Catholicism in Schillers dramas : a commentary on Don Carlos, Maria Stuart, and Die Jungfrau von Orleans / Br. Gregory. — New York : New York University, 1949. — 26 p.

16. *Gründliche und Eigentlich Wahrhafte Beschreibung* / Von der Königin in Engellandt / warum sie die Königin von Schottlandt hat enthaupten lassen / auff die Castell genant Vodringay / gelegen in der gegend Nortamstorster / geschehen im Jar 1587 am 8.Februarij. Darin alle umständ vermelt wird / was sich dabey zugetragen / und was für Gesandten oder Herrn / Königliche Magistrat von Engeland darzu gebraucht / welche der gefangenen Königing von Schottlandt das Urtheil ankündigten / und wie sie sich dargegen gehalten hat / Wie auch das Tondel oder Richtstat zugerichtet gewesen / und welches Glaubens sie endlich gestorben ist / wie darnach aus der todte Körper balsamiert und in verwahrung gehalten. Sehr lieblich aber doch erbärmlich zu lesen / jedermenniglich zu einem Exempel / Auß Engischer Spraach in Teutsch vertixt oder gebracht / und in Druck verfertigt. Gedruckt in Cöllen / im Jahr nach der Geburt Jesu Christi. M. D. LXXXvij, 1587. — 22 S.

17. *Hart G. K.* Friedrich Schiller : crime, aesthetics, and the poetics of punishment — Newark : University of Delaware Press, 2005. — 183 p.

18. *Kroll L.* Lord Leicester und Mortimer als Kontrastfiguren : Eine Analyse anhand Friedrich Schillers «Maria Stuart». — München : GRIN Verlag GmbH, 2009. — 9 S.

19. *Lier H. A.* Spieß, Christian Heinrich / H. A. Lier // Allgemeine Deutsche Biographie (ADB). Bd. 35. — Leipzig : Duncker & Humblot, 1893. — S. 177.

20. *Pirntke G.* Die Verschwörung der Maria Stuart : Die Stunde des Francis Walsingham / G. Pirntke. — Berlin : epubli, 2019. — 156 S.

21. *Wunderlich D.* (w.y.). Maria Stuart [Electronic resource] / D. Wunderlich. — Access mode: https://www.dieterwunderlich.de/ Maria_Stuart.htm.

22. *Wurzbach C. von.* Spieß, Christian Heinrich / C. von Wurzbach // Biographisches Lexikon des Kaiertums Oesterreich. 36 Th. — Wien : Kaiserlich-Königliche Hof- und Staatsdruckerei, 1878. — S. 156—161.

23. *Zelle C.* Spieß, Christian Heinrich / C. Zelle // Neue Deutsche Biographie (NDB). Bd. 24. — Berlin : Duncker & Humblot, 2010. — S. 694.

Image of Mary Stuart in Tragedies of C. H. Spiess and F. Schiller

© **Arkadii N. Makarov (2020),** orcid.org/0000-0002-0471-6669, Scopus Author ID 57196085001, Doctor of Philology, professor, Department of Foreign Languages of Non-Linguistic Programs, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Vyatka State University" (Kirov, Russia), anmakarov1949@mail.ru.

© **Elena V. Kirichuk (2020),** orcid.org/0000-0003-2907-5439, ResearcherID Y-1095-2018, Doctor of Philology, professor, Department of Russian and Foreign Literature, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Dostoevsky Omsk State University" (Omsk, Russia), kirichuk@bk.ru.

Features of the interpretation of events related to the life and death of the Queen of Scotland, Mary Stuart (1542–1587), in the works of the outstanding German playwright F. Schiller (1759–1805) and his contemporary, the famous writer Christian Heinrich Spiess (Spiess, 1755–1799) is considered. The originality in the image of the last days of Mary by C. H. Spiess and F. Schiller is emphasized. The question is raised about the various literary and aesthetic positions of both German writers. Attention is paid to the review of works in various genres and genres of art dedicated to Mary Stuart by Spiess and Schiller. First, an analysis of the work of the author, which is secondary in the framework of German and European literature, is presented, since Spiess wrote his tragedy many years before the great German playwright. It is shown that Schiller's tragedy was written with a characteristic thirst for epic coverage of reality, while the stage play of Spiess is more focused on the events of the last days of Mary Stuart's life and turns into a chamber work. The results of the study can be used when giving lecture courses on foreign literature of the XVIII-XXI centuries, special courses on the literature of Western European countries, on the problems of classical literature in Germany, as well as literature of the Western European Enlightenment and pre-romanticism.

Keywords: Maria Stuart; Friedrich Schiller; Christian Heinrich Spiess; German literature.

Material resources

Schiller, Fr. (1954). Maria Stuart: Ein Trauerspiel. In: *Gesammelte Werke. 4 Bd. Dramen III.* Berlin: Aufbau-Verlag. 5—161. (In Germ.).

Shiller, I. Kh. F. (1937). *Sobraniye sochineniy, 8 (3): Dramy. «Don Karlos», «Mariya Styuart».* Moskva: Leningrad: Academia. 285—460. (In Russ.).

Spiess, Ch. (1792). *H. Marie Stuart: ein Trauerspiel in fünf Aufzügen. Neue, ganz veränderte Auflage.* Prag und Leipzig: bei Albrecht und Compagnie. (In Germ.).

Tsveyg, S. (1992). *Mariya Styuart.* Moskva: Izvestiya. (In Russ.).

References

Appell, J. W. (1859). *Die Ritter-, Räuber- und Schauerromatik Zur Geschichte der deutschen Unterhaltungsliteratur.* Leipzig: Verlag von Wilhelm Engelmann. 35—41. (In Germ.).

Die Königinnen im Blick. Macht und Ohnmacht in Schillers „Maria Stuart“. (2016). München: GRIN Verlag. (In Germ.).

Dumas, A. (2019). *Berühmte Verbrechen: „Maria Stuart“.* Berlin: epubli. (In Germ.).

Elizaveta, I. In: *Istoriko-biograficheskaya letopis'«Zhizn' zamechatelnykh lyudey»: Elizaveta I.* Available at: http://xn--f1acm.xn-80aswg/%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D0%B2%D0%B5%D1%82%D0%B0-i/ (In Russ.).

Execution Oder Todt Marien Stuarts Königinnen aus Schottland gewesen Königinnen zu Frankreich — welche Adi 18 Fabruarij Anno 1857, Stilo Nouo, in Engellandt enthaupthet worden ist / im Schloß Fodrigham / in Nortthamtoschir. Gedruckt zu Erffordt / im Jahr 1587. S. P. (In Germ.).

Feldhausen, D. (1989). Auf der Suche nach Esther L. Ein Beitrag zur Arbeitsweise eines Trivialautors im 18. Jahrhundert. In: *Lichtenberg Jahrbuch 1989*. Saarbrücken. (In Germ.).

Gedike, D. (2019). *Ingredienzien eines dramatischen Konflikts. Zu Friedrich Schillers «Maria Stuart»*. München: GRIN Verlag. (In Germ.).

Geerdts, H. J. (Hrsg.). (1968). *Deutsche Literaturgeschichte in einem Band.* Berlin: Volk und Wissen Vorlseigener Verg. (In Germ.).

Gregory, Br. (1949). *Catholicism in Schillers dramas: a commentary on Don Carlos, Maria Stuart, and Die Jungfrau von Orleans.* New York: New York University. (In Germ.).

Grigorova, D. *Elizaveta Angliyskaya.* Available at: https://history.wikireading.ru/343227. (In Russ.).

Gründliche und Eigentlich Wahrhafte Beschreibung / Von der Königin in Engellandt / warum sie die Königin von Schottlandt hat enthaupten lassen / auff die Castell genant Vodringay / gelegen in der gegend Nortamstorster / geschehen im Jar 1587 am 8.Februarij. Darin alle umständ vermelt wird / was sich dabey zugetragen / und was für Gesandten oder Herrn / Königliche Magistrat von Engeland darzu gebraucht / welche der gefangenen Königing von Schottlandt das Urtheil ankündigten / und wie sie sich dargegen gehalten hat / Wie auch das Tondel oder Richtstat zugerichtet gewesen / und welches Glaubens sie endlich gestorben ist / wie darnach aus der todte Körper balsamiert und in verwahrung gehalten. Sehr lieblich aber doch erbärmlich zu lesen / jedermenniglich zu einem Exempel / Auß Engischer Spraach in Teutsch vertixt oder gebracht / und in Druck verfertigt. Gedruckt in Cöllen / im Jahr nach der Geburt Jesu Christi. M. D. LXXXvij. (1587). (In Germ.).

Hart, G. K. (2005). *Friedrich Schiller: crime, aesthetics, and the poetics of punishment.* Newark: University of Delaware Press. (In Germ.).

Kristofer, D. *Elizaveta I, 1558—1603.* Available at: https://history.wikireading.ru/215192. (In Russ.).

Kroll, L. (2009). *Lord Leicester und Mortimer als Kontrastfiguren: Eine Analyse anhand Friedrich Schillers «Maria Stuart».* München: GRIN Verlag GmbH. (In Germ.).

Lier, H. A. (1893). *Spieß, Christian Heinrich. Allgemeine Deutsche Biographie (ADB). Bd. 35.* Leipzig: Duncker & Humblot. (In Germ.).

Neustroyev, V. P. (1955). *Velikiy nemetskiy poet Fridrikh Shiller.* Moskva: Znaniye. (In Russ.).

Pirntke, G. (2019). *Die Verschwörung der Maria Stuart: Die Stunde des Francis Walsingham.* Berlin: epubli. (In Germ.).

Pronin, V. A. (2020). *«Mariya Styuart». Rokovaya drama dvukh korolev.* Available at: https://www.labirint.ru/now/tekst-mariya-styuart/. (In Russ.).

Reyman, P. (1959). *Osnovnyye techeniya v nemetskoy literature 1750—1848.* Moskva: Izdatelstvo inostrannoy literatury. (In Russ.).

Sidorchik, A. (2019). *Devstvennost' protiv strasti. Za chto Elizaveta I kaznila Mariyu Styuart.* Available at: https://aif.ru/society/history/ devstvennost_protiv_strasti_za_chto_elizaveta_i_kaznila_mariyu_styuart. (In Russ.).

Wunderlich, D. (w.y.). *Maria Stuart.* Available at: https://www.dieterwunderlich.de/ Maria_Stuart.htm. (In Germ.).

Wurzbach, C. von. (1878). Spieß, Christian Heinrich. In: *Biographisches Lexikon des Kaiertums Oesterreich, 36 Th.* Wien: Kaiserlich-Königliche Hof- und Staatsdruckerei. 156—161. (In Germ.).

Zelle, C. (2010). Spieß, Christian Heinrich. *Neue Deutsche Biographie (NDB), 24.* Berlin: Duncker & Humblot. (In Germ.).

Футляев Н. С. Русская судьба стихотворения Роберта Бернса «Who is that at my bower-door?..» / Н. С. Футляев, Д. Н. Жаткин // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 284—298. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-284-298.

Futljaev, N. S., Zhatkin, D. N. (2020). Russian Fate of the Poem by Robert Burns «Who is that at my bower-door?..». *Nauchnyi dialog, 7:* 284-298. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-284-298. (In Russ.).

УДК 821.161.1Бернс.032
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-284-298

Русская судьба стихотворения Роберта Бернса «Who is that at my bower-door?..»[1]

© Футляев Никита Сергеевич (2020), orcid.org/0000-0003-2017-5900, Scopus Author ID 57205261219, кандидат филологических наук, старший преподаватель, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пензенский государственный технологический университет» (Пенза, Россия), futljaew.n@mail.ru.
© Жаткин Дмитрий Николаевич (2020), orcid.org/0000-0003-4768-3518, Researcher ID V-2151-2017, Scopus Author ID 56242070100, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пензенский государственный технологический университет» (Пенза, Россия), ivb40@yandex.ru.

В статье впервые рассматриваются вопросы русской переводческой рецепции стихотворения Роберта Бернса “Who is that at my bower-door?..” (1783). Подчеркивается, что шуточное произведение не привлекало внимания русских переводчиков вплоть до 1862 года, когда увидела свет неудовлетворительная, лишенная эмоциональности английского подлинника интерпретация В. Д. Костомарова. Представлены результаты анализа переводов стихотворения, созданных М. Н. Шелгуновым (1879), Т. Л. Щепкиной-Куперник (опубл. 1936), С. Я. Маршаком (1939), С. Сапожниковым (опубл. 2014), Е. Д. Фельдманом (2017), А. В. Кротковым (опубл. 2018). Осмысливается восприятие произведения Бернса в русской литературной критике и литературоведении. В частности, анализируются многочисленные рецензии и исследования (А. Т. Твардовский, К. И. Чуковский, Е. Г. Эткинд, Т. Б. Лиокумович, Р. Я. Райт-Ковалева, А. Бобылева), вызванные появлением перевода С. Я. Маршака, сохранившего, несмотря на всю свою вольность, атмосферу живого разговора двух людей, и подчеркнувшего их интонационные, эмоциональные и гендерные различия. Отмечено, что, вступив в полемику с С. Я. Маршаком, делавшим Бернса излишне классичным и стилистически «гладким», современные переводчики создали интерпретации в духе куртуазной поэзии, во многом лишенные эстетики подлинника, его неповторимой мелодичности.

1 Статья подготовлена по проекту Российского научного фонда № 19-18-00080 «Русский Бернс: переводы, исследования, библиография. Создание научно-информационной базы данных».

Ключевые слова: Р. Бернс; “Who is that at my bower-door?..”; русско-английские литературные связи; поэтический перевод; рецепция; традиция; межкультурная коммуникация.

1. Стихотворение «Who is that at my bower-door?..» в контексте творчества Роберта Бернса

Стихотворение Роберта Бернса «Who is that at my bower-door?..» было написано в 1793 году и посвящено молодому акцизному инспектору Джону Финдлею, добросовестному и немногословному человеку, у которого перед переездом на ферму Эллисленд поэт проходил ускоренный курс сборщика налогов и пошлин. С уважением относясь к наставнику, предпочитавшему монотонным речам обширные бумажные инструкции, Бернс сочинил ироничную песню о своем неразговорчивом учителе, настойчиво добивавшемся расположения местной красавицы, см. об этом: [Райт-Ковалева, 1965, с. 207; Lockhart, 1828, p. 178—219]. Стихотворение запоминается отображением «стихии веселья <…>, лишенного всяких условностей <…>, овеянного зачастую грустной иронией», а также акцентировкой неугомонного бернсовского духа, «свободомыслящего <…>, полнокровного, здравого взгляда на жизнь» [Купча-Жосу, 1975, с. 125], позволяющего противостоять превратностям судьбы.

В числе особенностей этого стихотворения, выполненного в духе традиционной шотландской альбы, Л. М. Аринштейн отмечал устранение поэтом излишней награмажденности, очерченный характер лирического героя, усиленный комизм ситуации, придание песне формы «ноктюрна» (лирического ночного разговора) [Аринштейн, 1982, с. 630—631], столь обожаемого поэтами елизаветинской эпохи (Шекспир, К. Марло, Ф. Сидни). Но в отличие от елизаветинцев, чьими главными героями становились рыцари, исполнявшие серенады под окнами возлюбленных, Бернс выводит на авансцену молодых крестьян, не лишенных галантности, чувственности и любовной страсти, см. об этом: [Колесников, 1967, с. 93—94]. Бернс, опираясь на творческое наследие предшественников, трансформирует описание, раздвигая его границы, однако сохраняет при этом трогательность и красоту искреннего разговора влюбленных, наполненного безмятежной радостью, любовной страстью, горечью разлуки.

Несмотря на кажущуюся простоту и незатейливость стихотворения Роберта Бернса «Who is that at my bower-door?..», оно связано с глубокими историко-культурными и литературными традициями. Начальные строки бернсовского произведения коррелируют с пятой главой «Песни Песней»: «Я сплю, а сердце мое бодрствует; вот, голос моего возлюбленного, кото-

рый стучится: “отвори мне, сестра моя, возлюбленная моя, голубица моя, чистая моя! потому что голова моя вся покрыта росою, кудри мои — ночною влагою”» (Песн. 5:2). Эти ветхозаветные строки, обретшие особую популярность в средневековье, получили, в частности, отклик в одиннадцатой песне «Астрофила и Стеллы» Ф. Сидни («Who is it that dark night / Underneath my window…»), в сборнике «Славные христианские баллады» («The Gude and Godlie Ballatis»), приписываемом Дж. Уэддербёрну («Quho is at my window? Quho, quho?»), в балладе «John’s Earnerst Request; Or Betty’s compassionate Love extended to him in a time of Distress», опубликованной в шестом томе «Roxburghe Ballads» («Come open the Door, sweet Betty, / For it’s a cold winter’s night! / It rains, and it blows, and it thunders, / And the Moon it do’s give no light» [The Roxburghe ballads …, 1889, p. 202]).

Первоисточником для Роберта Бернса могли послужить два лирических стихотворения из сборника баллад А. Рэмзи «Tea-Table Miscellany» (1727) — «Roger’s Courtship» («Young Roger came tapping / At Dolly’s window, / Tumpaty, Tumpty, Tump. / He begg’d for admittance, / She anfwer’d him, No; / Glumpaty, Glumpaty, Dump» [The Tea-table, 1740, p. 370—379]) и «The auld Man’s best Argument» («“O wha’s that at my chamber door?” / “Fair widow, are ye wauking!” / Aild early carle, your suit give o’er, / Your love lyes a’in tawking» [The Tea-table, 1740, p. 154—155]). В сборнике Чарльза К. Шарпа «A Ballad Book», опубликованном в 1880 году, баллада «Mrs Mitchel and Borlan» также начинается со строк «“Who’s that at my chamber door?” / “It’s I, my dear,” quo’ Borlan, — / “Come in,” quo’ she, “let’s chat a while, / You strapping sturdy Norlan!”» [A Ballad …, 1880, p. 123—124]. Сложность выбора между запоминающимся, броским именем Финдлея и обретшей определенную устойчивость первой строкой бернсовского текста впоследствии ставила русских переводчиков перед дилеммой, в частности, С. Я. Маршак публиковал свой перевод то под названием «Финдлей», ставшим окончательным, то под названием «Кто к нам стучится?» [Майзельс, 1969, с. 771].

2. «Who is that at my bower-door?..» в России: от первых переводов и литературно-критических откликов до перевода С. Я. Маршака

История переводческой рецепции стихотворения Бернса «Who is that at my bower-door?..» в России началась в 1862 году, когда на страницах сборника «Поэты всех времен и народов» был впервые опубликован перевод, выполненный В. Д. Костомаровым [Поэты …, 1862]; впоследствии эта крайне неудовлетворительная интерпретация, лишенная эмоциональности и шуточности английского оригинала, неоднократно републико-

валась в сборниках поэзии Бернса [Бернс, 1904, с. 61—62], тем самым способствуя формированию интереса других переводчиков к этому произведению. В 1879 году на страницах журнала «Живописное обозрение» увидел свет еще один перевод бернсовского стихотворения, выполненный М. Н. Шелгуновым [Разговор …, 1879, с. 518].

Первый небольшой анализ «Who is that at my bower-door?..» на русском языке был представлен в статье С. А. Орлова «Бернс и фольклор» (1942), в которой автор обратил внимание на слова И.-В. Гете о тесной связи шотландского поэта с творческим наследием его соотечественников, чьи песни «жили в устах народа, <…> пелись у его колыбели» [Орлов, 1942, с. 141]. Своеобразное «совершенствование» народных песен позволяло Бернсу создавать тексты, тотчас проникавшие в народ, характеризовавшиеся «предельной согласованностью, гармоничностью <…>, напевностью и мелодичностью стиха» [Орлов, 1942, с. 141]. Впоследствии А. Купча-Жосу, во многом повторяя слова С. А. Орлова, соотносила формирование характерной песенной тональности поэзии Бернса со стремлением поэта двигаться от мелодии к тексту, насыщая свои произведения «стабильной ритмикой, легкостью, непринужденной экспрессией, естественностью», открывая перед читателем свой свободомыслящий «неугомонный дух» [Купча-Жосу, 1975, с. 125].

С. А. Орлов также акцентировал внимание на юморе бернсоновских стихотворений, берущем свои истоки в народном творчестве, в котором радость и веселье противопоставлялись мрачному, тяжелому быту крестьян, «приоткрывая слушателю иной — более яркий и красочный мир» [Орлов, 1942, с. 141], в котором труд в поле наполняется созерцанием прекрасного цветка («To a Mountain Daisy, On Turning One Down With The Plough»), отдых после работы проходит в кругу любящей семьи («The Cotter’s Saturday Night»), а старость изображена «непосредственно и ярко» («Who is that at my bower-door?..») [Орлов, 1959, с. 14]. В духе времени С. А. Орлов оценивал бернсовский юмор как «протест против несправедливости жизни, аскетизма церкви, притеснений закона и власти», а его смех называл «оружием нападения» [Орлов, 1942, с. 141].

К сожалению, С. А. Орлов даже не упомянул существовавшие к тому моменту переводы «Who is that at my bower-door?..» на русский язык, что, в целом, весьма характерно (см., например, нашу статью о русской рецепции «The Cotter’s Saturday Night» Бернса [Жаткин, 2019, с. 102—124]), — отечественные исследователи обычно забывали о созданных интерпретациях, ограничиваясь работой с текстами оригиналов. В отдельных же попытках анализа русских прочтений Бернса были отчетливо заметны

субъективность суждений (категорическое неприятие переводов В. Д. Костомарова, неоправданно высокая оценка ряда переводов С. Я. Маршака), стремление игнорировать отдельные интерпретации (в частности, перевод А. М. Федоровым «The Cotter's Saturday Night», перевод М. Н. Шелгуновым «Who is that at my bower-door?..»); критиками не учитывалось то обстоятельство, что многие переводы, выполненные в прошлом, нельзя оценивать, исходя исключительно из современных требований к поэтическому переводу, поскольку эти требования существенно отличались десятилетия, а тем более столетия назад, в тот момент, когда переводы создавались и воздействовали на читателей.

Отметим расхождения в трактовке отечественными исследователями образа Финдлея, главного героя бернсовского стихотворения. Так, в рассуждениях С. А. Орлова Финдлей вырисовывается пожилым, отчасти «распутным» стариком, «непосредственно и ярко» ухлестывающим за молодой красоткой [Орлов, 1959, с. 14], в книге Р. Я. Райт-Ковалевой перед читателем уже мужчина в расцвете лет, образованный и галантный, «настойчиво и молчаливо» добивавшийся расположения юной барышни [Райт-Ковалева, 1965, с. 207]. Иное понимание образа Финдлея можно видеть у Е. Г. Эткинда, считающего бернсовского героя молодым, «грубоватым» деревенским крестьянином [Эткинд, 1963, с. 314].

Весьма неожиданной является вариативность русского заглавия стихотворения «Who is that at my bower-door?..» (в буквальном переводе — «Кто это у моей входной двери?..»): «Разговор» (М. Н. Шелгунов), «Кто там стучит так поздно в дверь?» (В. Д. Костомаров), «Кто это в дверь мою стучится?» (Т. Л. Щепкина-Куперник), «Финдлей» (С. Я. Маршак, А. В. Кротков), «Кто в дверь колотит?» (С. Сапожников), «Кто нынче влез ко мне во двор?» (Е. Д. Фельдман). Далее, по всему тексту первой строфы, посредством неуместного использования лексем *стучится, колотит, скребется* всеми переводчиками, в большей или меньшей степени, разрушается атмосфера ночного свидания, создается образ развязного деревенского мужика, шумящего среди ночи у дома спящей девушки. Бернсовский Финдлей не таков; он больше схож с шекспировскими персонажами, исполнявшими серенады под окнами возлюбленных, пусть и уступая им в своих романтических проявлениях. Подобные «елизаветинские» нотки заметны только в переводе Т. Л. Щепкиной-Куперник, в стихах которой «Боюсь, сумеешь вновь ***забраться***? / — И ***заберусь***, — сказал Финдлей» [Бернс, 1936, с. 28] деревенский возлюбленный обретает некую схожесть с шекспировским Ромео. Кроме того, неуместные детали в переводах нередко приводили к диссонансам; так, в первой строфе мужчина громко сту-

чит в двери, а уже в пятой — зачем-то крадется как вор: «Ты пришел сюда как вор» (В. Д. Костомаров [Бернс, 1964, с. 61]); «Что ж крадешься ты как вор» (М. Н. Шелгунов [Разговор …, 1879, с. 518]); «Зачем как вор прокрался тайно?» (Т. Л. Щепкина-Куперник [Бернс, 1936, с. 28]); «Что ты там прячешь, будто вор» (А. В. Кротков [Мой маленький Бернс, 2018, с. 325]).

Говоря о «Who is that at my bower-door?..», нельзя не обратить внимания на рефрен, многократно повторяющиеся слова «сказал Финдлей», — это излюбленный прием народной песни, в результате использования которого в каждой новой строфе одна и та же фраза приобретает иную семантико-эмоциональную окраску; об этом значении рефрена писал Ю. М. Лотман в монографии «Структура художественного текста» [Лотман, 2005, с. 135]. Отечественные переводчики, как правило, оказывались не в состоянии прочувствовать и передать изменения семантико-эмоциональной окраски бернсовского рефрена. В этом плане интереснен подход Т. Л. Щепкиной-Куперник, по сути отказавшейся от рефрена с целью акцентировки отдельных нюансов описания: после строк, содержащих размышления героини, ею использовалось сочетание существительного с предлогом *в ответ*, подчеркивавшее влюбленность, трепетность Финдлея («Что ж, встать, впустить тебя, пожалуй? / — Встань и впусти, — ***в ответ*** Финдлей. / <…> / Тебя оставить… можно ль это?.. / — А ты оставь, ***в ответ*** Финдлей. / <…> / Но что б ни сделали мы оба… / — Уж сделаем… — ***в ответ*** Финдлей» [Бернс, 1936, с 28]); откликаясь на опасения, встревоженность девушки, герой был подчеркнуто спокоен, вследствие чего переводчицей использовался нейтральный глагол *отвечал* («Ты здесь не должен находиться! / — Нет, должен, — ***отвечал*** Финдлей. / <…> / Коль у меня тебе остаться … / — Останусь, — ***отвечал*** Финдлей» [Бернс, 1936, с. 28]); в остальных же случаях Т. Л. Щепкиной-Куперник было важно отметить самоуверенность, настойчивость, пылкость возлюбленного, — в этих строках используется глагол *сказал*, не отвлекающий на себя читательское внимание («Зачем как вор прокрался тайно? / — Выдь да взгляни, — ***сказал*** Финдлей. / <…> / Не натворил бы бед случайно?... / — И натворю, — ***сказал*** Финдлей. / <…> / Боюсь, заснуть не дашь мне, малый! / — Таки не дам, — ***сказал*** Финдлей. / <…> / Боюсь, ты не уйдешь до света?.. / — И не уйду, — ***сказал*** Финдлей. / <…> / Боюсь, сумеешь вновь забраться?.. / — И заберусь, — ***сказал*** Финдлей. / <…> / о том клянись молчать до гроба! / — Да уж смолчу, — ***сказал*** Финдлей» [Бернс, 1936, с. 28]). Т. Л. Щепкина-Куперник не только увидела и попыталась передать изменения эмоционального фона в английском оригинале, но и оказалась единственной переводчицей, отчасти сохранившей анафору, широко используемую Берн-

сом: «***Боюсь***, заснуть не дашь мне, малый! / <…> / ***Боюсь***, ты не уйдешь до света? / <…> / ***Боюсь***, сумеешь вновь забраться?» [Бернс, 1936, с. 28].

3. Перевод стихотворения Р. Бернса «Who is that at my bower-door?..», выполненный С. Я. Маршаком, и его оценки в русской литературной критике и литературоведении

Значительным событием в русской рецепции стихотворения «Who is that at my bower-door?..» стал перевод С. Я. Маршака, впервые напечатанный в № 18 журнала «Крокодил» за 1939 год [Из Роберта Бернса, 1939, с. 4] и впоследствии много раз переиздававшийся в различных сборниках переводов произведений Бернса, а также в собраниях сочинений С. Я. Маршака [см., напр.: Маршак, 1969, с. 232]. Именно этот перевод был первым упомянут в отечественной литературной критике. А. Т. Твардовский в рецензии на книгу «Роберт Бернс в переводах С. Маршака» (1950) в № 4 журнала «Новый мир» за 1951 год высоко оценивал работу Маршака-переводчика, отмечал его умение передать «очарование свободной поэтической речи», создать впечатление «будто бы Бернс сам писал по-русски», после чего называл маршаковского Финдлея восхитительным примером сочетания «веселого озорства и остроумия» [Твардовский, 1951, с. 225]. К. И. Чуковский в книге «Высокое искусство» также подчеркнул виртуозность работы С. Я. Маршака, заключавшуюся не только в точной передаче смысла оригинального произведения и его «классической строгой конструкции», но и в успешном воссоздании «формы иноязычного подлинника — его ритмов, его звукописи, его эмоциональной окраски», сохранявшей «юношескую, проказливую и победную тональность» [Чуковский, 2001, с. 194]. Схожа в оценках и А. Бобылева, отметившая «особую чуткость» в воссоздании атмосферы разговора действующих лиц, без навязывания С. Я. Маршаком Бернсу «своего поэтического “я”» [Бобылева, 1959, с. 148]; по ее мнению, С. Я. Маршак, пользуясь богатствами русского языка, придал переводу чувство реальности.

В 1960 году в сборнике научных студенческих работ Смоленского государственного педагогического института была опубликована статья Т. Б. Лиокумовича «Мастерство С. Маршака — переводчика Бернса», в которой впервые был осуществлен сопоставительный анализ переводов «Who is that at my bower-door?..», выполненных Т. Л. Щепкиной-Куперник и С. Я. Маршаком. Работа последнего, на взгляд Т. Б. Лиокумовича, является идеалом поэтического перевода, в котором наряду со смыслом, юмором, музыкальностью оригинала удалось передать «самоуверенность Финдлея и его мольбу» [Лиокумович, 1960, с. 83], см., например: « — Как ты при-

йти ко мне посмел? / “Посмел!” — сказал Финдлей. / — Небось наделаешь ты дел. / “Могу!” — сказал Финдлей. / <..> / — Попробуй в дом тебя впустить… / “Впусти!” — сказал Финдлей. / — Всю ночь ты можешь прогостить. / “Всю ночь!” — сказал Финдлей» [Маршак, 1969, с. 232]. Признавая, что сохранение духа оригинала важнее для С. Я. Маршака, чем близость к подлинному тексту, Т. Б. Лиокумович критически замечал «отступления от отдельных деталей», но при этом восторженно констатировал удивительное слияние с оригиналом, отражавшее «идейное содержание, музыку и ритм стихов» Бернса; исследователя, кажется, вовсе не интересовало отношение переводчика к бернсовскому слову, было важно лишь «свежее и сильное» звучание, подчеркивавшее «волшебную песенную суть» [Лиокумович, 1960, с. 85] его стихов. Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник Т. Б. Лиокумович назвал «менее поэтичным», отмечая неуместное использование просторечий: «Зачем как вор прокрался тайно! / — ***Выдь*** да взгляни, — сказал Финдлей. / <…> / Боюсь заснуть не дашь мне, малый! / — ***Таки*** не дам, — сказал Финдлей» [Бернс, 1936, с. 28].

Опираясь на рассуждения Л. И. Тимофеева о необходимости сочетанной адекватной передачи ритма и рифм оригинала и его интонационно-синтаксической организации [Тимофеев, 1958, с. 129], Е. Г. Эткинд в книге «Поэзия и перевод» утверждал, что «добротную» интерпретацию Т. Л. Щепкиной-Куперник погубили инертность и «интонационная аморфность» [Эткинд, 1963, с. 313]. Ее перевод, на взгляд исследователя, не отличался «интонационной отточенностью», являясь «расслабленным, вялым» во многом из-за изменения «социальной характеристики персонажей»; переводчица не смогла воссоздать скупую, грубоватую речь возлюбленных, в связи с чем отдельные реплики девушки звучали «необязательно, шатко, даже неестественно» [Эткинд, 1963, с. 314], а речь юноши осталась невыразительной на протяжении всего диалога. Е. Г. Эткинд также отметил трансформации, приведшие к изменению размера оригинального стихотворения: если бернсовское произведение было написано чередующимся четырехстопным (в нечетных стихах) и трехстопным (в четных стихах) ямбом, то в переводе Т. Л. Щепкиной-Куперник удлинены четные строки (восемь слогов вместо семи в подлиннике), которые С. Я. Маршаком, напротив, сокращены до шести слогов; ср.: «— Останусь, — отвечал Финдлей. / <…> / — И заберусь, — сказал Финдлей. / <…> / Уж сделаем… — в ответ Финдлей. / <…> / — Да уж смолчу, — сказал Финдлей» (Т.Л.Щепкина-Куперник; [Бернс, 1936, с. 28]); «“Побудь!” — сказал Финдлей. / <…> / “Найду!” — сказал Финдлей. / <…> / “Со мной!” — сказал Финдлей. / <…> / “Идет!” — сказал Финдлей» (С. Я. Маршак [Маршак, 1969, с. 232]).

Кроме того, Е. Г. Эткинд обратил внимание на изменения в окончаниях стихотворных строк: вместо преобладавших в подлиннике женских окончаний Т. Л. Щепкина-Куперник применяла чередование мужских и женских рифм, тогда как С. Я. Маршак выполнил перевод с использованием мужских окончаний, в результате чего добился «такой живости и блеска диалога, что чуть ли не превзошел оригинал» [Эткинд, 1963, с. 315].

Многие исследователи второй половины XX века, не утруждая себя сопоставительным анализом переводов, не делая попыток проанализировать обстоятельства, влиявшие на русскую рецепцию Бернса, высказывали мнение о переводах С. Я. Маршака как идеальном варианте прочтения поэзии великого шотландца. Так, А. Бобылева, отдельно характеризуя стихотворения, построенные целиком на диалогах (и в их числе — «Who is that at my bower-door?..»), говорила о трудностях их интерпретации, обусловленных необходимостью «особой чуткости при создании различных характеров с помощью интонации», а также сложностью подбора лексем в репликах действующих лиц, которые во многом становились их точными самохарактеристиками; после этого, без всяких дополнительных пояснений, она выделяла переводы С. Я. Маршака с их «живыми сценками», в которых читатель «слышит различных действующих лиц» [Бобылева, 1959, с. 148]. Наиболее красноречива в этой связи позиция А. Т. Твардовского, который, утверждая, что до С. Я. Маршака «мы не имели настоящего Бернса на русском языке», вместе с тем убежденно говорил, что С. Я. Маршак «не просто “переводил” строфу, пугливо озираясь на оригинал, а создавал ее на основе оригинала» [Твардовский, 1951, с. 227—228]. Создавая свои прочтения Шекспира, Бернса, Блейка, С. Я. Маршак не только формировал новую школу в отечественном художественном переводе, имевшую на протяжении десятилетий множество последователей, но и невольно возвращал читателя в давнюю эпоху русского романтизма, в «золотой век» русской поэзии, когда В. А. Жуковский, И. И. Козлов, К. Н. Батюшков, их современники были не *рабами*, но *соперниками* переводимых ими западноевропейских поэтов.

4. Современные переводы стихотворения Р. Бернса «Who is that at my bower-door?..» на русский язык (С. Сапожников, Е. Д. Фельдман, А. В. Кротков)

Перевод С. Я. Маршака во многом стал рубежным в русской переводческой рецепции бернсовского стихотворения «Who is that at my bower-door?..». С. Я. Маршак, в соответствии со своими переводческими принципами, делал Бернса излишне классичным, совершенным, стилистически

гладким, стремился устранить любые сбои и шероховатости оригинала, превращал поэта конкретной эпохи в творца, живущего в вечности. Новые переводы, появившиеся только в начале XXI века, нацеливались не столько на понимание Бернса, сколько на полемику с С. Я. Маршаком, выразившуюся в появлении нарочитой грубости, лексической «грязи», что были категорически не приемлемы для С. Я. Маршака, чья стилистика гладка и классична. При этом, споря с С. Я. Маршаком, Е. Д. Фельдман, один из наиболее значительных современных переводчиков Бернса, признает «Финдлей» как достижение последнего: «…у С. Я. Маршака это один из его лучших переводов — классика! <…> Маршак попал “в яблочко!”» [Фельдман, 2015, с. 161]. При чтении новейших переводов С. Сапожникова, Е. Д. Фельдмана, А. В. Кроткова невольно возникает ощущение, что стремление поспорить с С. Я. Маршаком, сделать нарочито иначе, чем у С. Я. Маршака, стало критичным. Переводы оказались наполнены просторечиями, жаргонизмами, рядом с которыми нет места ни особой эстетике подлинника, ни его неповторимой мелодичности, ни возвышенности зарождающихся чувств, ср.: «Кто в дверь колотит, шалапут? / <…> / — Катись, да не болтайся тут! / <…> / — Чего приперся, словно тать? / — Выдь, глянь, ответил Финдли» (С. Сапожников [Бернс, 2014, с. 729]); «Зачем ты здесь, охальный вор? / <…> / — Но ты до утренней звезды… / — Езды, сказал Финдлей. / <…> / — Но мы до первых петухов… / <…> / Больших наделаем грехов. / <…> / Но в этой скачке без конца… / <…> / Я не усну до утреца» (Е. Д. Фельдман [Бернс, 2017, с. 405—406]); «Что ты там прячешь, будто вор? / <…> / Знать раззуделся твой прибор. / <…> / Тебе лишь только отвори… / <…> И ты до утренней зари… / <….> / Накинешь на меня узду… / <….> / И знатно вспашешь борозду! / <…> / Что ты ходил ко мне не раз… / <…> / Не брякни даже в смертный час!» (А. В. Кротков [Мой маленький Бернс, 2018, с. 325—326]). Очевидно, отказываясь от «гладкописи» С. Я. Маршака, значимой для советской эпохи, современные интерпретаторы нарочито подчеркивают куртуазность Бернса и развенчивают тем самым созданный в советское время образ Бернса как крестьянского поэта, живущего думами и интересами простого народа. Тем самым, двигаясь из крайности в крайность, переводчики Бернса во многом отражают текущие общественные настроения.

С. Сапожников, решившийся назвать героя стихотворения Финдлея несколько иначе — Финдли (до этого расхождение с общепринятым именем можно было видеть только в самом раннем переводе В. Д. Костомарова — Финдляй), смог неплохо передать заключительный, третий октет («— Лишь приюти на эту ночь… / — На ночь, — ответил Финдли; / —

Боюсь, зайти ты вновь не прочь! / — Не прочь, — ответил Финдли. / — Что ночевал в моем дому… / — Всю ночь, — ответил Финдли; / — До самой смерти никому! / — А то! — ответил Финдли» [Бернс, 2014, с. 731]), который вызывал трудности у знаменитых предшественников, ср.: «What may pass within this bower, <…> / Ye must conceal to your last hour» [Что произойдет в этом доме, / <…> / Ты должен скрыть (сохранить в тайне) до своего последнего часа] (R. Burns) — «Но что б ни сделали мы оба… / <…> / о том клянись молчать до гроба!» (Т. Л. Щепкина-Куперник [Бернс, 1936, с. 28]) — «О том, что буду я с тобой… / <…> / Молчи до крышки гробовой!» (С. Я. Маршак [Маршак, 1969, с. 232]). Е. Д. Фельдман неожиданно предложил внутренние рифмы в стихах, отсутствовавшие и в оригинале, и в других переводах, но придавшие описанию динамичность: «— Кто нынче влез ко мне во двор? / *Но чу*! Никак Финдлей? / Зачем ты здесь, охальный вор? / — *Хочу*, — сказал Финдлей» [Бернс, 2017, с. 405].

5. Заключение

Как видим, стихотворение Бернса «Who is that at my bower-door?..» более полутора столетий привлекало внимание русских переводчиков, однако ни один из созданных в разные годы переводов не может полностью удовлетворить современного читателя. Основными проблемами переводов, выполненных во второй половине XIX века (В. Д. Костомаров, М. Н. Шелгунов), стали утрата динамики, домысливание и переиначивание описаний английского оригинала, приводившие к возникновению внутренних противоречий. Наиболее успешными можно считать интерпретации середины XX века, которые, будучи выполненными скорее не переводчиками, а поэтами, несмотря на всю свою вольность, сохраняют эмоциональную атмосферу бернсовского подлинника. В этой связи особого изучения заслуживает переводческая деятельность Т. Л. Щепкиной-Куперник, чьи прочтения Бернса и по сей день остаются в тени переводов С. Я. Маршака. Для современных переводчиков характерны попытки толкования данного стихотворения с позиций куртуазной поэзии, стремление избавиться от наследия С. Я. Маршака, его классичности, стилистической гладкости, посредством нарочитого привнесения разговорных, жаргонных, иных сниженных лексем. Стихотворение «Who is that at my bower-door?..», звучащее остроумно и свежо и в наши дни, настойчиво требует нового переводческого взгляда, не отрицающего достижения предшественников, сохраняющего всё самое лучшее и при этом уточняющего понимание бернсовского замысла, воссоздающего незатейливый юмор и трогательную атмосферу доброты и искренности.

Источники и принятые сокращения

1. *Бернс Р.* Из Роберта Бернса / Р. Бернс ; пер. с англ. С. Я. Маршака // Крокодил. — 1939. — № 18. — С. 4.

2. *Бернс Р.* Избранная лирика / Р. Бернс ; пер. с англ. Т. Л. Щепкиной-Куперник. — Москва : Художественная литература, 1936. — С. 28.

3. *Бернс Р.* «Кто там стучит так поздно в дверь?..» / Р. Бернс ; пер. В. Д. Костомарова // Роберт Борнс и его произведения в переводе русских писателей : с биогр. очерком. — Санкт-Петербург : Изд. А. С. Суворина, 1904. — С. 61—62.

4. *Бернс Р.* Собрание стихотворений = Collected poems / Р. Бернс ; пер. С. Сапожникова. — Санкт-Петербург : Изд-во Политехнического ун-та, 2014. — 1192 с.

5. *Бернс Р.* Стихотворения : [поэмы, послания, эпиграммы и стихотворения на разные случаи жизни] / Р. Бернс ; пер. Е. Д. Фельдмана. — Санкт-Петербург : Вита Нова, 2017. — 520 с.

6. *Маршак С. Я.* Собрание сочинений : в 8 т. Т. 3. Переводы из английских и шотландских поэтов / С. Я. Маршак. — Москва : Художественная литература, 1969. — 832 с.

7. *Мой маленький Бернс.* Вступительная заметка и переводы А. В. Кроткова // Художественный перевод и сравнительное литературоведение : сборник научных трудов. Ч. 10. / ред. Д. Н. Жаткин. — Москва : Флинта, 2018. — С. 325—328.

8. *Поэты* всех времен и народов : сборник, издаваемый В. Д. Костомаровым и Ф. Н. Бергом / пер. Ф. Н. Берга, В. Д. Костомарова [и др.]. — Москва : Тип. М. Н. Каткова, 1862. — 176 с.

9. *Разговор* (Из Бернса) / пер. М. Шелгунова // Живописное обозрение. — 1879. — № 51. — С. 518.

10. *A Ballad* Book by Charles Kirkpatrick Sharpe, Esq. — Edinburgh & London : William Blackwood and Sons, 1880. — 186 p.

11. *The Roxburghe ballads.* Volume 1 / by W. Chappell, 1809—1888. — Hertford : Printed for the Ballad Society by S. Austin and Sons, 1889. — 448 p.

12. *The Tea-table* miscellany: or, a collection of choice songs, Scots and English. In four volumes. The tenth edition, being the compleatest and most correct of any yet published / by Allan Ramsay. — London : A. Millar, 1740. — 461 p.

Литература

1. *Аринштейн Л. М.* Комментарии / Л. М. Аринштейн // Бернс Р. Стихотворения / сост. И. М. Левидова. — Москва : Радуга. 1982. — С. 559—670.

2. *Бобылева А.* Роберт Бернс в русских переводах / А. Бобылева // Первый сборник студенческих работ. Вып. филологический. Северо-Осетинский гос. пед. ин-т им. К. Л. Хетагурова. — Орджоникидзе, 1959. — С. 141—153.

3. *Жаткин Д. Н.* Стихотворение Роберта Бернса «Субботний вечер поселянина» в русской переводческой и литературно-критической рецепции XIX века / Д. Н. Жаткин, Н. С. Футляев // Научный диалог. — 2019. — № 6. — С. 102—124. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-6-102-124.

4. *Колесников Б. И.* Роберт Бернс : очерк жизни и творчества / Б. И. Колесников. — Москва : Просвещение, 1967. — 240 с.

5. *Купча-Жосу А.* Щедрый дар переводчика / А. Купча-Жосу // Мастерство перевода : сборник статей : вып. 10 : 1974. — Москва : Сов. писатель, 1975. — С. 119—132.

6. *Лиокумович Т. Б.* Мастерство С. Маршака — переводчика Бернса / Т. Б. Лиокумович // Сборник студенческих научных работ / Смоленский государственный педагогический институт. — Смоленск, 1960. — С. 74—85.

7. *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста / Ю. М. Лотман // Об искусстве. Структура художественного текста ; Семиотика кино и проблемы киноэстетики : статьи, заметки, выступления (1962—1963). — Санкт-Петербург : Искусство-СПб., 2005. — С. 14—285.

8. *Майзельс С. Р.* Примечания / С. Р. Майзельс // Маршак С. Я. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 3 : Переводы из английских и шотландских поэтов. — Москва : Художественная литература, 1969. — С. 749—812.

9. *Орлов С. А.* Бернс и фольклор / С. А. Орлов // Ученые записки Куйбышевского государственного педагогического и учительского института им. В. В. Куйбышева. Вып. 6. Кафедра литературы. — Куйбышев, 1942. — С. 124—152.

10. *Орлов С. А.* Народный поэт Шотландии (к 200-летию со дня рождения Р. Бернса) / С. А. Орлов. — Горький, 1959. — 37 с.

11. *Райт-Ковалева Р. Я.* Роберт Бернс / Р. Я. Райт-Ковалева. — Москва : Молодая гвардия, 1965. — 352 с.

12. *Твардовский А. Т.* Роберт Бернс в переводах С. Маршака : [Рец. на кн. : Роберт Бернс в переводах С. Маршака. — Москва : Гослитиздат, 1950.] / А. Т. Твардовский // Новый мир. — 1951. — № 4. — С. 225—229.

13. *Тимофеев Л. И.* Очерки теории и истории русского стиха / Л. И. Тимофеев. — Москва : Гослитиздат, 1958. — 413 с.

14. *Фельдман Е. Д.* Бернс, Маршак и другие (XII—XXXII) / Е. Д. Фельдман // Художественный перевод и сравнительное литературоведение : сб. научных трудов. Т. 4. — Москва : Флинта ; Наука, 2015. — С. 152—219.

15. *Чуковский К. И.* Высокое искусство / К. И. Чуковский // Собрание сочинений : в 15 т. Т. 3. Высокое искусство ; Из англо-американских тетрадей. — Москва : ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. — С. 3—370.

16. *Эткинд Е. Г.* Поэзия и перевод / Е. Г. Эткинд. — Москва ; Ленинград : Сов. писатель, 1963. — 431 с.

17. *Lockhart J. G.* The life of Robert Burns / J. G. Lockhart. — Edinburgh : Constable and Co ; London : Hurst, Chance & Co, 1828. — 310 p.

Russian Fate of the Poem by Robert Burns «Who is that at my bower-door?..»[1]

© **Nikita S. Futljaev (2020),** orcid.org/0000-0003-2017-5900, Scopus Author ID 57205261219, PhD in Philology, senior lecturer, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Penza State Technological University” (Penza, Russia), futljaew.n@mail.ru.

1 The article was prepared in accordance with the project No. 19-18-00080 “Russian Burns: translations, studies, bibliography. Setting up a scientific information database” of the Russian Science Foundation.

© Dmitry N. Zhatkin (2020), orcid.org/0000-0003-4768-3518, Researcher ID V-2151-2017, Scopus Author ID 56242070100, Doctor of Philology, professor, Head of the Department of Translation and Interpretation Studies, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Penza State Technological University" (Penza, Russia), ivb40@yandex.ru.

The Russian translation reception of Robert Burns's poem "Who is that at my bower-door?.." (1783) is for the first time considered in the article. It is emphasized that the comic work did not attract the attention of Russian translators until 1862, when the unsatisfactory interpretation of V. D. Kostomarov, deprived of the emotionality of the English original, came out. The results of the analysis of translations of the poem created by M. N. Shelgunov (1879), T. L. Shchepkina-Kupernik (publ. 1936), S. Ya. Marshak (1939), S. Sapozhnikov (publ. 2014), E. D. Feldman (2017), A. V. Krotkov (publ. 2018) are presented. The perception of Burns' work in Russian literary criticism and literary criticism is comprehended. In particular, numerous reviews and studies are analyzed (A. T. Twardowski, K. I. Chukovsky, E. G. Etkind, T. B. Liokumovich, R. Ya. Wright-Kovaleva, A. Bobyleva), caused by S. Ya. Marshak translation, who, despite all his liberties, preserved the atmosphere of a lively conversation between two people, and emphasized their intonational, emotional and gender differences. It is noted that, having entered into a polemic with S. Ya. Marshak, who made Burns unnecessarily classic and stylistically "smooth", modern translators created interpretations in the spirit of courteous poetry, largely devoid of the aesthetics of the original, its unique melody.

Key words: R. Burns; "Who is that at my bower-door? .."; Russian-English literary relations; poetic translation; reception; tradition; intercultural communication.

Material resources

A Ballad Book by Charles Kirkpatrick Sharpe, Esq. (1880). Edinburgh & London: William Blackwood and Sons.

Burns, R. (1904). «Kto tam stuchit tak pozdno v dver'?..». (Translated V. D. Kostomarov). In: *Robert Burns i yego proizvedeniya v perevode russkikh pisateley: s biogr. ocherkom.* Sankt-Peterburg: Izd. A. S. Suvorina. 61—62. (In Russ.).

Burns, R. (1936). *Izbrannaya lirika.* (Translated T. L. Shchepkina-Kupernik). Moskva: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.).

Burns, R. (1939). *Iz Roberta Bernsa*. (Translated S. Ya. Marshak). *Krokodil, 18:* 4. (In Russ.).

Burns, R. (2014). *Sobranie stikhotvoreniy = Collected poems.* (Translated S. Sapozhnikov). Sankt-Peterburg: Izd-vo Politekhnicheskogo un-ta. (In Russ.).

Burns, R. (2017). *Stikhotvoreniya: [poemy, poslaniya, epigrammy i stikhotvoreniya na raznye sluchai zhizni]*. (Translated E. D. Feldman). Sankt-Peterburg: Vita Nova. (In Russ.).

Marshak, S. Ya. (1969). *Sobranie sochineniy. Perevody iz angliyskikh i shotlandskikh poetov*. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. 8/3. (In Russ.).

Moy malen'kiy Burns. Vstupitelnaya zametka i perevody A. V. Krotkova. (2018). In: *Khudozhestvennyy perevod i sravnitelnoye literaturovedenie*. Moskva: Flinta. *10*: 325—328. (In Russ.).

Poety vsekh vremyon i narodov: sbornik, izdavayemyy V. D. Kostomarovym i F. N. Bergom. (1862). Moskva: Tip. M. N. Katkova. (In Russ.).

Ramsay A. (ed.). (1740). *The Tea-table miscellany: or, a collection of choice songs, Scots and English. In four volumes. The tenth edition, being the compleatest and most correct of any yet published*. London: A. Millar.

Razgovor (Iz Bernsa). (1879). (Translated M. Shelgunov). *Zhivopisnoye obozrenie, 51:* 518. (In Russ.).

The Roxburghe ballads by W. Chappell, 1809—1888. (1889). Hertford: Printed for the Ballad Society by S. Austin and Sons.

References

Arinshteyn, L. M. (1982). Kommentarii. In: Burns R. *Stikhotvoreniya*. Moskva: Raduga. 559—670. (In Russ.).

Bobyleva, A. (1959). Robert Burns v russkikh perevodakh. In: *Pervyy sbornik studencheskikh rabot. Vyp. filologicheskiy.* Ordzhonikidze. 141—153. (In Russ.).

Chukovskiy, K. I. (2001). Vysokoye iskusstvo. In: *Sobranie sochineniy. Vysokoye iskusstvo; Iz anglo-amerikanskikh tetradey*. Moskva: TERRA-Knizhnyy klub. 15/3: 3—370. (In Russ.).

Etkind, E. G. (1963). *Poeziya i perevod.* Moskva; Leningrad: Sov. pisatel. (In Russ.).

Feldman, E. D. (2015). Burns, Marshak i drugie (XII—XXXII). In: *Khudozhestvennyy perevod i sravnitelnoye literaturovedenie*. Moskva: Flinta; Nauka. 4: 152—219. (In Russ.).

Kolesnikov, B. I. (1967). *Robert Burns: ocherk zhizni i tvorchestva.* Moskva: Prosveshchenie. (In Russ.).

Kupcha-Zhosu, A. (1975). Shchedryy dar perevodchika. In: *Masterstvo perevoda.* Moskva: Sov. pisatel. *10*: 119—132. (In Russ.).

Liokumovich, T. B. (1960). Masterstvo S. Marshaka — perevodchika Bernsa. In: *Sbornik studencheskikh nauchnykh rabot. Smolenskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut*. Smolensk. 74—85. (In Russ.).

Lockhart, J. G. (1828). *The life of Robert Burns*. Edinburgh: Constable and Co; London: Hurst, Chance & Co.

Lotman, Yu. M. (2005). Struktura khudozhestvennogo teksta. In: *Ob iskusstve. Struktura khudozhestvennogo teksta; Semiotika kino i problemy kinoestetiki: statyi, zametki, vystupleniya (1962—1963)*. Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SPb. 14—285. (In Russ.).

Mayzels, S. R. (1969). Primechaniya. In: *Marshak S. Ya. Sobranie sochineniy. Perevody iz angliyskikh i shotlandskikh poetov*. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. *3*: 749—812. (In Russ.).

Orlov, S. A. (1942). Burns i folklor. In: *Uchenyye zapiski Kuybyshevskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo i uchitelskogo instituta im. V. V. Kuybysheva*, *6*: 124—152. (In Russ.).

Orlov, S. A. (1959). *Narodnyy poet Shotlandii (k 200-letiyu so dnya rozhdeniya R. Bernsa)*. Gorkiy. (In Russ.).

Rayt-Kovaleva, R. Ya. (1965). *Robert Burns*. Moskva: Molodaya gvardiya. (In Russ.).

Timofeev, L. I. (1958). *Ocherki teorii i istorii russkogo stikha.* Moskva: Goslitizdat. (In Russ.).

Tvardovskiy, A. T. (1951). Robert Burns v perevodakh S. Marshaka: [Rets. na kn.: Robert Burns v perevodakh S. Marshaka. Moskva: Goslitizdat, 1950.]. *Novyy mir, 4:* 225—229. (In Russ.).

Zhatkin, D. N., Futlyaev, N. S. (2019). “The Cotter’s Saturday Night” by Robert Burns in Russian Translation and Literary-Critical Reception of 19 Century. *Nauchnyi dialog, 6:* 102—124. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-6-102-124. (In Russ.).

Чарина О. И. Особенности фиксации фольклора народов Якутии (30—70–е годы XX века): методика подбора информантов по Г. У. Эргису / О. И. Чарина, А. С. Ларионова, В. А. Петрова // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 299—312. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-299-312.

Charina, O. I., Larionova, A. S., Petrova, V. A. (2020). Features of Fixing the Folklore of Peoples of Yakutia (1930—1970): the Method of Selecting Informants according to G. U. Ergis. *Nauchnyi dialog, 7:* 299-312. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-299-312. (In Russ.).

УДК 001.814.2:398(571.56)
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-299-312

Особенности фиксации фольклора народов Якутии (30—70–е годы XX века): методика подбора информантов по Г. У. Эргису

© **Чарина Ольга Иосифовна (2020),** orcid.org/0000-0002-9705-6806, ResearcherID J-7362-2018, кандидат филологических наук, доцент по специальности «Фольклористика», старший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск, Россия), ochar@list.ru.

© **Ларионова Анна Семеновна (2020),** orcid.org/0000-0001-8524-6162, ResearcherID J-6948-2018, доктор искусствоведения, доцент по специальности «Музыкальное искусство», главный научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск, Россия), degerenan@mail.ru.

© **Петрова Валентина Алексеевна (2020),** orcid.org/0000-0002-9911-3683, ResearcherID J-6361-2018, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск, Россия), valya89243679003@mail.ru.

Рассматриваются методы и подходы в подборе информантов для фиксации фольклорных произведений русских, эвенов, якутов, издревле населяющих Северо-Восток Якутии. Авторы останавливаются на таких вопросах, как способы поиска информантов; уточнение статуса (сказитель, певец и исполнитель); конкретизация личности исполнителя и его репертуара. Новизна исследования видится в том, что на современном этапе изучаются методы подбора информантов; уточняются подходы в подборе исполнителей песенного фольклора, использованные М. Н. Жирковым; прослеживается изменение статуса сказителей русского фольклора; проанализированы основные особенности исполнения сказителями эвенского эпоса. Актуальность исследования обусловлена тем, что в работе рассмотрена история изучения эпического и песенного наследия личностей-исполнителей песенно-прозаического эпоса русскоустьинцев, эвенов и якутов сотрудниками Института языка и культуры. Выявляются методы и подходы М. Н. Жиркова при выборе исполнителей, а также их репертуара, подлежащего фиксации. Утверждается важность резюмирования уже достигнутых результатов и постановки новых задач в деле

собирания и фиксации фольклорного и музыкального материала в условиях угасания фольклорной традиции и сокращения числа знатоков традиционной культуры.

Ключевые слова: методы подбора информантов; экспедиционные материалы; сказитель; исполнитель; эвенский нимкан; русский сказочный фольклор; песня; певец.

1. Введение

Первые исследователи якутского фольклора, которые были связаны с научной деятельностью Института языка и культуры при Совнаркоме ЯАССР, такие как С. И. Боло, А. А. Саввин, Г. У. Эргис, выявили первичные задачи при фиксации народного творчества в Якутии. В полевой работе по сбору фольклора важная роль отводилась информантам, от которых записывался фольклорный материал. В этом отношении якутские ученые особое внимание уделяли подбору исполнителей фольклорных произведений. Этот актуальный для якутской науки аспект впервые обозначил Г. У. Эргис в «Спутнике якутского фольклориста»: «Фольклор следует записывать от всех знающих, от старых и молодых; стараться записывать преимущественно у неграмотных и пожилых людей, хороших знатоков, певцов и рассказчиков» [Эргис, 1945, с. 59—60]. Следует уточнить тот факт, что он «с 30-х годов XX века постоянно сотрудничал с Институтом языка и культуры при СНК Якутской АССР, а с 1943 года работал уже на постоянной основе» [Чарина и др., 2019, с. 221]. Поэтому при сборе материалов фольклора немаловажным для ученого являлся выбор информанта, поскольку носителей аутентичного фольклора становилось все меньше. В свою очередь, в настоящее время, когда региональные фольклорные центры заняты классификацией всего собранного материала, необходимым становится дальнейшее уточнение роли этих информантов как сказителей, певцов и исполнителей.

Целью данной статьи является выяснение вопроса о методике подбора информантов для записи фольклорных образцов от русских старожилов, эвенов и якутов на примере полевой работы в 30—70-е годы XX века.

Новизна исследования видится в том, что в нем проанализированы этномузыковедческие подходы к подбору исполнителей и рассмотрен их репертуар по материалам Вилюйской экспедиции 1943 года. Уточняется история выявления основных сказителей русского сказочного и былинного фольклора в 1940-е годы, а также эвенского эпоса в 1950—1970-е годы.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в работе изучается значимый для исследований по фольклору вопрос подбора информантов для записи произведений фольклора народов Якутии: якутов, русских и эвенов. Существенным является описание личности исполнителя, уточне-

ние репертуара и характер влияния роли сказителя на сохранение фольклорных традиций.

Важно уточнить методологические труды, на которые опирались авторы. Так, основополагающими являются работы М. Н. Жиркова [Жирков, 1987; 2017], Robin P. Harris [Harris, 2017]; по вопросам сбора русского фольклора в Якутии авторы опирались на работу Ю. И. Смирнова [РЭП, 1991, С. 23—37]; по исследованиям эвенского фольклора — на труд Ж. К. Лебедевой [Лебедева, 1981]. Настоящая статья является продолжением исследования О. И. Чариной, А. С. Ларионовой, В. А. Петровой «Особенности рецепции Вилюйской экспедиции в фиксации фольклора народов Якутии (30—70е годы XX века)» [Чарина, 2019].

Исследование строится на последовательном применении требований Эргиса, согласно которым вначале исследуются записи якутского песенного фольклора, затем уделяется внимание фиксации русского эпического творчества и в итоге выявляются сказители — носители эпоса нимкан.

2. Информанты Вилюйской экспедиции М. Н. Жиркова 1943 года: исполнители, сказители и певцы

В 1943 году первый якутский профессиональный композитор и музыковед М. Н. Жирков организовал Вилюйскую экспедицию. Ее материалы хранятся в фондах Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия). Перед Жирковым стояла проблема выбора исполнителей для записи образцов фольклора. По подбору информантов он придерживался позиции Г. У. Эргиса, согласно которой «фольклор следует записывать от всех знающих» [Жирков, 2017, с. 59—60]. Информацию об исполнителях М. Н. Жирков получал из разных источников, в том числе во время участия в конкурсах художественной самодеятельности. В 1937 году в связи с подготовкой Первой республиканской олимпиады художественной самодеятельности, посвященной 15-летию ЯАССР, им были составлены анкеты для сбора якутского музыкального фольклора и сведений о носителях фольклорных традиций саха. При подготовке олимпиады М. Н. Жирков участвовал и в решении задач по обследованию всех населенных пунктов Якутии для отбора исполнителей через заведующих отделами народного образования районных Исполнительных комитетов.

По мнению М. Н. Жиркова, «отыскать хороших исполнителей не всегда легко, в большинстве случаев приходится предпочитать пожилых людей» [Там же, с. 59]. При сборе материалов фольклора и подборе исполнителей он опирался на методы и подходы, выработанные А. А. Саввиным во время Вилюйской экспедиции 1938 года. Его исполнителями были

С. А. Зверев и И. П. Кутуруков, от которых образцы фольклора записывал также А. А. Саввин.

Если С. А. Зверев был прославленным в Якутии певцом и запевалой осуохая, а И. П. Кутуруков — известным сказителем, то других, менее именитых информантов, от которых М. Н. Жирков записал фольклорные напевы, можно отнести к исполнителям. Это И. Борисов, П. М. Саввинов, К. К. Васильев и другие.

И. П. Кутуруков, от которого М. Н. Жирков зафиксировал напевы якутского фольклора, был из Нюрбинского района. По сведениям А. А. Кузьминой, Кутуруков (Васильев) Игнатий Прокопьевич (1881—1949) «сказительствовал с малых лет, неизвестно, у кого учился, хороший олонхосут (олонхосут — это сказитель), исполнял олонхо (эпос якутов) в родном и Мегежекском наслегах (административная единица), Нюрбе, Якутске, также был певцом, рассказчиком сказок, знатоком старины, репертуар: “Тимир Лыппырдаан бухатыыр”, “Айыы Дьулустаан бухатыыр”» [Кузьмина, 2014, с. 145]. Третье его сказание «Богатырь Дьылырдаайы» записано «впервые в 1938 г. учителями Нюрбинской средней школы И. В. Васильевым, М. Ф. Кириллиным, И. А. Санниковым, С. П. Софроновым по заданию участника Вилюйской фольклорной экспедиции А. А. Саввина» [Илларионов, 1982, с. 59].

От И. П. Кутурукова в Нюрбе М. Н. Жирков зафиксировал только 2 напева из олонхо. Напевы поют характерные для олонхо персонажи: старушка и обернувшееся вороном чудовище абаасы (из Нижнего мира). Кроме этого, от него записаны 2 осуохая и 1 ырыа.

Больше всего якутских напевов М. Н. Жирков зафиксировал от известного якутского народного певца С. А. Зверева-Кыыл Уола (1891—1973) из Сунтарского улуса. Он был учеником Якова Васильева-Ырдьанг — знаменитого народного певца и сказителя. Его дедушка и отец, Афанасий Антонов-Кыыл, тоже были певцами и олонхосутами. Сергей Зверев учился петь с малых лет. С 11 лет скитался по Якутии, усваивая песенные традиции народа. С 15 лет стал выступать перед зрителями. За время скитаний он стал лучшим запевалой при исполнении кругового обрядового танца осуохай. После установления Советской власти стал работать Председателем колхоза в Тюбяйском наслеге. «В 1946—1947 годах работал в Якутском музыкально-драматическом театре в качестве консультанта» [Васильев, 1973, с. 210].

Впервые образцы якутского фольклора в исполнении С. А. Зверева записал А. А. Саввин в 1938 году во время Вилюйской экспедиции. С. Д. Мухоплева сообщает: «А. А. Саввин <…> посвящает работе со Зве-

ревым в общей сложности одну неделю, не учитывая времени на проезд и устную беседу. За этот промежуток времени он успевает записать у своего информанта в общей сложности 11 единиц (далее: ед.) текстов» [Мухоплева, 1917, с. 385]. Музыкальную часть произведений С. А. Зверева впервые записал М. Н. Жирков во время Вилюйской экспедиции 1943 года в п. Нюрба Нюрбинского улуса. С. А. Зверев был известным запевалой осуохая, однако от него зафиксированы только 2 осуохая. Остальные записи — это 5 танцевальных напевов и 18 напевов тойуков (песнопение), песенных фрагментов олонхо (эпос якутов) и ырыа (песня).

Собиратель впервые зафиксировал от С. А. Зверева напев тойука-поэмы «Суоһалдьыйа Толбонноох» («Суосалджийя Толбоннох») под № 32 [Жирков, 1943, ф. 4, п. 1, л. 21об.]. А. А. Саввин в местности Бёкчёнг впервые записал его словесную часть, которая датирована «27 числом июня месяца, а 29 числа зафиксировал внеобрядовую лирическую песню “Сиппиэ”» [Мухоплева, 2017, С. 384—385]. Напев «Сиппиэ (Хабар5а ырыта)» («Прищелкивание (Горловая песня)») также записан М. Н. Жирковым под № 7 [Там же, л. 14].

Другие исполнители Вилюйской экспедиции М. Н. Жиркова в 1943 году не имели такой известности, как С. А. Зверев и И. П. Кутуруков, а исполнительница осуохая — Маруся Степанова — была девушкой, то есть молодым информантом. От нее записан только один осуохай под № 6.

М. Н. Жирков фиксировал осуохай во время танца, на это указывает его комментарий к осуохаю № 1: «Записаны в Верхне-Вилюйске во время танца, посвященного проводам в армию в 1943 г.» [Там же, л. 1]. Как мы видим, М. Н. Жирков собирал образцы фольклора в живой аутентичной обстановке.

Он зафиксировал варианты одного образца — напева «Сютюктээх, ёлююлээх 25 ый» («Утрата в смертный 25-й месяц») № 33, записанные от информанта-исполнителя К. К. Васильева. Песня под № 34 занесена им как 2-й вариант, хотя имеет отличный от № 33 напев.

Итак, М. Н. Жирков придавал большое значение подбору исполнителей. Он выработал свои подходы их поиска через официальные органы местной власти, используя метод анкетирования. При подборе репертуара и исполнителей опирался на своего предшественника А. А. Саввина. Им зафиксированы от певца С. А. Зверева 25 напевов различных жанров, от сказителя И. П. Кутурукова — всего 5. М. Н. Жирков привлекал к записи и молодых исполнителей. Осуохай записывал в аутентичной обстановке. Кроме того, им зафиксированы напевы с вариантами.

3. Информанты: сказители и исполнители русского фольклора в Русском Устье

При более внимательном изучении личностей исполнителей русского фольклора в селе Русское Устье Аллаиховского района можно заметить, что некоторые из исполнителей были выдающимися сказителями. Мы опираемся на материалы записей русского фольклора, которые осуществили С. И. Боло в 1941 году и Н. А. Габышев в 1946 году. Сказительская традиция была жива в Русском Устье в 40-е годы XX века. Однако о творчестве Семена Петровича Киселева уже в 1928 году знал Д. Д. Травин, когда записал в его исполнении былину «Калика читает Голубиную книгу» [РЭП, 1991, с. 173].

С. И. Боло при подготовке к экспедиции в северные районы Республики руководствовался требованиями, которые выдвинул Г. У. Эргис. С. И. Боло заранее наметил маршрут в Аллаиховский район. Об этом имеются его записи, сделанные в Русском Устье, где он работал с анкетой «по учету исполнителей и творцов устного народного творчества якутов», в которой фиксировались имя, отчество, фамилия исполнителя, его прозвище, семейное положение, грамотность исполнителя, возраст. Также определялся репертуар исполнителя, местность проживания и по возможности другие места проживания [РФ АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 381, лл. 1—2]. Также С. И. Боло, безусловно, разбирался в источниках сюжетов, он писал: «В репертуаре его имеются 42 сказ<ки> и 16 песен. Часть книжные, часть местные или слыханные им еще в молодых летах» [Там же, д. 454, л. 54].

Когда начала свою работу этнографо-лингвистическая экспедиция 1946 года под руководством Т. А. Шуба, были составлены списки лучших исполнителей, среди которых можно увидеть имена С. П. Киселева (Хунай) и Е. С. Киселева (Снегирек). Были зафиксированы имена и других исполнителей Русского Устья. Сам характер экспедиции был иной, нежели работа С. И. Боло: использовались методы исследования, которые разработал Т. А. Шуба, бывший, как известно, выпускником Ленинградского университета; экспедиция имела возможность работать в селе длительное время (около двух недель) [Чарина, 2019, с. 222]. Основную работу по записи былин и сказок в Русском Устье провел Н. А. Габышев, который писал следующее: «вообще, сколько бы я ни спрашивал, у них особо выдающегося исполнителя в прошлом не было <…> Якуты славят своих олонхосутов <…>, а в Русском Устье этого не знали. Моего Семена Киселева-Хуная все признавали лучшим знатоком фольклора, любили его слушать, сворачивали зимой и летом в Косухино наслушаться старины, но особенного уважения ему не высказывали» [РФ АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, д. 769а, л. 27].

Позже описанием характерных черт сказительской традиции Русского Устья занялись ленинградские ученые с целью подготовки научного издания. Было выявлено, что основным сказителем в этом месте был С. П. Киселев (Замарай). Семен Петрович Киселев (1885—1947) — наиболее известный исполнитель самых разных жанров на Северо-Востоке Якутии. Как писал Г. Л. Венедиктов, «исполнителями сказок были его родители Петр Михеевич и Аграфена Семеновна. Отец особо славился как рассказчик, и, будучи приказчиком у купца, мог неограниченно пополнять свой репертуар. Сам же С. П. Киселев, по словам С. И. Боло, сказывал с 12 лет» [ФРУ, 1986, с. 304].

Его сын — Егор Семенович Киселев (Снегирек) (1923 — после 1982) — был продолжателем династии. Р. В. Каменецкая описывала его следующим образом: «Среднего роста, довольно крепкого сложения <…> Русые с проседью волосы коротко острижены, в лице нет явных признаков монголоидности, кожа светлая. Лицо казалось бы обычным, если бы не голубые глаза, сначала недоверчиво-внимательные, а потом умно-лукавые» [Там же, с. 309]. Г. Л. Венедиктов в сборнике «Фольклор Русского Устья» писал: «Н. А. Габышевым записано от него (С. П. Киселева) 11 былин, 65 сказок, 68 песен, много загадок, пословиц и поговорок» [Там же, с. 7, 11]. Это, например, следующие сюжеты былин: «Добрыня Никитич-блад», «Про Тугарина Жмеевича», «Илля Муровец», «Калига перехожая»; исторических песен: «Грозный цар Иван Вашильевич», «На утреннем на сходимом красном солнышке», «Скакал тут Скопин горы на гору», «Не злаченая труба в поле трубилашя», «Как по три года Азов-город взаперти стоит», «Появился здесь да детинушка, незнамой человек», «Ох, талан мой, участь горькая», «Пишот, пишот король шведский», «Не яшон сокол летает», «Александро обещался к Рождеству домой прибуть» [Там же, с. 219—220, 225—227, 229, 245—251, 79—80].

Ю. И. Смирнов, зная о творческой династии Киселевых, в восьмидесятые годы XX века постарался разговорить Егора Семеновича Киселева и записал значительное количество былин и исторических песен. Это, например, следующие произведения: «Михайлушко и змеинище-лиходеище», «Про Данилушку», «Федор Колыческой и Мельфа-Софья Волховница», «Сказка про Илью Муромца», «Сказка про мужика», «Соловей манит кукушку в Казань», «Скопин просит помощи у шведского короля» [РЭП, 1991, с. 80—81, 142, 221—222, 296—299, 302—306, 308, 329—330]. Ряд наблюдений, касающихся передачи традиций именно в семье Киселевых, находим в статье Р. П. Матвеевой «Устойчивость и подвижность элементов в вариантах сказочного повествования» [Матвеева, 1998, с. 20—39].

В свою очередь, все кто записывал произведения из уст Е. С. Киселева, отмечали, что он старался точно воспроизвести текст, но при этом отличался артистичностью. Г. Л. Венедиктов писал о нем: «Склонен переводить повествование в диалог. Рассказывает он явно заинтересованно, сопровождая речь часто ироническими улыбками, подчас резко и густо крякает, заканчивая очередной период» [ФРУ, 1986, с. 308—309]. Со временем в отечественной фольклористике сложилось мнение, что отец и сын Киселевы являются не просто исполнителями былинных и сказочных произведений, а талантливыми сказителями.

Кроме того, можно назвать еще ряд имен одаренных исполнителей-информантов: Ф. М. Голыженского, П. Я. Портнягину, П. Н. Черемкину, П. Н. Чикачева, А. Н. Шкулеву и др. [Там же, с. 220—222, 227—229, 236—237].

Из информантов Русского Устья к исполнителям можно отнести также П. В. Кочевщикова, А. А. Суздалова, Н. Н. Шкулева. В условиях ведения быстрой записи собирателям удалось зафиксировать только по одному-два произведения.

4. Сказители и исполнители эвенского эпоса

Значительный фольклорный материал по эпосу и эпической традиции эвенов был собран В. Д. Лебедевым и Ж. К. Лебедевой, которые пришли в Институт языка, литературы и истории в 1970-е годы. Следует отметить, что супруги Лебедевы были младшими современниками Г. У. Эргиса, который работал в институте с 1943 по 1968 год.

Большой вклад в дело изучения языка и фольклора эвенов Лебедевы внесли организацией фольклорно-социолого-лингвистических экспедиций в места компактного проживания эвенов. Так, с 1958 по 1973 годы В. Д. Лебедев и Ж. А. Лебедева посетили индигирских и томпонских эвенов в Якутии; охотских эвенов; камчатских и магаданских эвенов; эвенов Чукотского автономного округа [Чарина, 2019, с. 224].

В 1981 году были опубликованы переводы эвенских текстов, например, «Чипитор» (Чипитор — имя героя, образовано от звукоподражательных слов «чи-пи-пи»). Текст был записан в 1973 году Лебедевыми от талантливого сказителя П. Д. Данилова (на момент записи ему было 54 года, проживал в пос. Арка Охотского района Хабаровского края). Эпос «Холуни» (Холуни — имя героя, образовано от эвенского со значением ‘идущий первый по снежной целине’) записан в 1969 году Лебедевыми от известного сказителя А. М. Громова (на момент записи 47 лет, проживал в пос. Арка Охотского района Хабаровского края). Кроме того, в 1963 году В. Д. Лебе-

девым записан текст «Омчэни» от талантливого сказителя М. Х. Неустроева (на момент записи 59 лет, проживал в пос. Орто-Дойду Момского района ЯАССР) [Лебедева, 1981, с. 107—150].

В 1982 году опубликованы два фольклорных текста на русском языке: «Сэлникэн Сэлинтор» (Сэлникэн Сэлинтор — имя героя, образовано от эвенского *hэл* — «железо») и «Сын Кагана — Нюнгуя» (Каган — имя героя, в переводе на русский язык обозначает ‘царь, хан, повелитель’) [Лебедева, 1982, с. 82—110].

В книгах В. Д. Лебедева, посвященных языковым вопросам эвенов, содержатся эпические тексты, записанные от момской группы эвенов, среди которых «Мэнгун» (Мэнгун — имя героя, образовано от эвенского *мэӈун* — «серебро») и «Нөлтэк» (Нэлтэк), и от охотских эвенов — «О пяти братьях» [Лебедев, 1978, с. 190; 1982, с. 134].

Во время экспедиций были выявлены имена талантливых эвенских сказителей, среди которых выдающийся эвенский сказитель Н. Г. Мокроусов, родившийся в 1839 году в местности Аллах-Юня. Н. П. Ткачик в процессе работы с этим информантом на протяжении нескольких лет записал от него архаический эпос, включавший в себя тексты «Делгэни», «Геакчавал», «Чибдэвэл», которые являются первыми образцами архаического эпоса эвенов, зафиксированными собирателем. Еще один талантливый сказитель эвенского эпоса А. М. Громов родился в 1922 году в пос. Арка Охотского района Хабаровского края, исполнял эвенские нимканы с 12 лет. После смерти Н. Г. Мокроусова он закончил изложение архаического эпоса «Геакчавал» Н. П. Ткачику. Во время фольклорно-лингвистической экспедиции В. Д. и Ж. К. Лебедевы от А. М. Громова записали семь эпических текстов.

Другой талантливый эвенский сказитель — М. Х. Неустроев — родился 1904 году. От него В. Д. Лебедев записал в 1963 году эвенский эпос «Омчэни». Известный сказитель П. Д. Данилов родился в 1919 году в местечке Кута в 150 километрах от с. Арка Охотского района Хабаровского края. От него Лебедевы записали шесть эпических текстов. У П. Д. Данилова прошли сказительскую школу Иван Павлович Данилов, Василий Егорович Безносов, Роман Егорович Безносов, Семен Егорович Безносов и др. Таким образом, исследователями были получены сведения о сказительской школе, а также записаны произведения эвенского эпоса. Кроме того, предприняты попытки исследования фольклорного текста с точки зрения вариативности. Ж. К. Лебедева отмечала: «Наблюдения за исполнением нимканов А. М. Громовым и П. Д. Даниловым убедили, что при повторном исполнении собственных эпических песен либо песен своих учителей, со-

держание которых они “запомнили в точности”, оба певца допускали варьирование текстов» [Лебедева, 1981, с. 87].

Путем сопоставительного исследования вариантов эвенского эпоса Лебедевой удалось выделить «две категории певцов: сказителей, усвоивших лишь “общий остов” произведения, но потом, путем отбора “типических” мест и свободного создания “переходов”, выработавших собственный, постоянный текст, и сказителей творческого типа — импровизаторов» [Там же, с. 88]. В целом сказители двух типов, находясь в тесной взаимосвязи, приводили в движение фольклорный процесс и тем самым обеспечивали бытование эпоса в живой традиции. Но вопрос о типах сказителей, их особенностях и количестве типов требует дополнительных исследований. Не исключено, что при специальном изучении вопроса могут быть выявлены и другие типы или категории исполнителей.

Таким образом, В. Д. Лебедев и Ж. К. Лебедева в течение пятнадцати лет осуществляли фиксацию эпоса эвенов, опираясь при этом как на методику поиска информантов, предложенную в свое время Г. У. Эргис, так и на подходы к выбору информанта, появившиеся в 70-х годах, благодаря чему был зафиксирован уникальный эпос эвенов — нимкан.

5. Заключение

Проанализировав работу исследователей по поиску и выбору исполнителей якутского, русского и эвенского фольклора, авторы статьи пришли к следующим выводам. Материалы экспедиций 30—70-х годов XX века, собранные сотрудниками Института языка и культуры — Института истории, языка и литературы, свидетельствуют о том, что на основе исследования собранных образцов традиционного фольклора возможно оценить взаимосвязь и соотношение разных категорий: исполнитель / сказитель или певец; сказитель и его репертуар; сказитель и среда; сказитель и собиратель.

Анализ подбора исполнителей для записи музыкального фольклора якутов М. Н. Жирковым обнаруживает, что собиратель придерживался методики Г. У. Эргиса. Для выявления исполнителей он активно привлекал к работе районные органы власти, благодаря чему его информантами были выдающийся народный певец С. А. Зверев-Кыыл Уола и известный сказитель И. П. Кутуруков. Их репертуар был представлен у С. А. Зверева 25 напевами, у И. П. Кутурукова 5 напевами различных жанров якутского песенного фольклора.

Исследователи русского фольклора (С. И. Боло, Н. А. Габышев) сразу установили, что в селе Русское Устье в 40-х годах XX века проживали

исполнители фольклора, творчество которых представляет ценность для истории культуры. Со временем подтвердилась мысль Н. А. Габышева, что отец и сын Киселевы были талантливыми сказителями. Об этом свидетельствуют несколько обстоятельств: репертуар, индивидуальность стиля и тот факт, что выдающиеся сказители — представители целой династии. О других информантах известно меньше, их творчеству С. И. Боло и Н. А. Габышев уделили меньшее внимание, произведено недостаточно записей. В силу этого мы вынуждены отнести других информантов к категории «исполнители».

Важным этапом в изучении истории эпической традиции эвенов являются предпринятые комплексные экспедиции в разные регионы их расселения, в задачи которых входил поиск наиболее хорошо сохранившихся крупных эпических форм и исследование эпической традиции эвенов. В это время происходит открытие нимкан для исследователей и начинается новая эпоха в его изучении, выявлены талантливые исполнители эпоса: А. М. Громов, П. Д. Данилов, М. Х. Неустроев.

Источники и принятые сокращения

1. *Жирков М. Н.* Записи Якутских песен, произведенных в группе Вилюйских районов и высказывания о якутской музыке / М. Н. Жирков // Записи Якутских народных песен, произведенных в группе Вилюйских районов 1943 г. Архивный фонд М. Н. Жиркова Национальной библиотеки РС(Я). Ф. 4. П. 1. 212 Л.

2. РФ АЯНЦ СО РАН — *Рукописный* фонд Архива Якутского научного центра Сибирского отделения РАН. Ф. 5. Оп. 3. Д. 381. Лл. 1—2 ; Д. 454, Л. 54 Материалы Северной фольклорно-диалектологической экспедиции 1939—1940 гг. ; Д. 769а. 252 Л. Материалы Этнографо-лингвистической экспедиции по изучению русского старожильческого населения низовьев р. Индигирки 1946 г.

3. РЭП — *Русская* эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / составитель Ю. И. Смирнов. — Новосибирск : Наука, 1991. — 499 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

4. ФРУ — *Фольклор* Русского Устья / составители С. Н. Азбелев, Г. Л. Венедиктов, Н. А. Габышев и др. — Ленинград : Наука, 1986. — 384 с.

Литература

1. *Васильев Г. М.* Живой родник / Г. М. Васильев. — Якутск : Якутское книжное издательство, 1973. — 303 с.

2. *Жирков М. Н.* Инструкция для записывания народной якутской музыки / М. Н. Жирков // Марк Жирков : сборник документов и материалов / Национальный архив Республика Саха (Якутия), Нац. б-ка Респ. Саха (Якутия), Адм. муниц. р-на «Вилюй. Улус (р-н)» Респ. Саха (Якутия). — Якутск : Бичик, 2017. — С. 57—63.

3. *Илларионов В. В.* Искусство якутских олонхосутов / В. В. Илларионов. — Якутск : Якутское книжное издательство, 1982. — 128 с.

4. *Кузьмина А. А.* Олонхо Вилюйского региона : бытование, сюжетно-композиционная структура, образы / А. А. Кузьмина. — Новосибирск : Наука, 2014. — 160 с.

5. *Ларионова А. С.* Особенности полевых исследований первого якутского композитора М. Н. Жиркова / А. С. Ларионова // Вестник челябинского государственного педагогического университета. Научный журнал. — 2017. — № 5. — С. 144—148.

6. *Лебедев В. Д.* Охотский диалект эвенского языка. Фонетика. Морфология. Текст. Словарь / В. Д. Лебедев. — Ленинград : Наука, 1982. — 240 с.

7. *Лебедев В. Д.* Язык эвенов Якутии / В. Д. Лебедев. — Ленинград : Наука, 1978. — 206 с.

8. *Лебедева Ж. К.* Архаический эпос эвенов / Ж. К. Лебедева. — Новосибирск : Наука, 1981. — 157 с.

9. *Лебедева Ж. К.* Эпические памятники народов Крайнего Севера / Ж. К. Лебедева. — Новосибирск : Наука, 1982. — 112 с.

10. *Матвеева Р. П.* Устойчивость и подвижность элементов в вариантах сказочного повествования / Р. П. Матвеева // Творчество сказителей : традиция и импровизация. — Улан-Удэ : Издательство БНЦ, 1998. — С. 20—39.

11. *Мухоплева С. Д.* Фольклорный репертуар С. Зверева-Кыыл Уола в свете полевых записей А. А. Саввина / С. Д. Мухоплева // Общественные науки. — 2017. — № 6. — С. 381—390.

12. *Чарина О. И.* Особенности рецепции Вилюйской экспедиции в фиксации фольклора народов Якутии (30—70-е годы XX века) / О. И. Чарина, А. С. Ларионова, В. А. Петрова // Научный диалог. — 2019. — № 6. — С. 218—231. — DOI : 10.24224/2227-1295-2019-6-218-231.

13. *Эргис Г. У.* Спутник якутского фольклориста / Г. У. Эргис. — Якутск : Госиздат ЯАССР, 1945. — 56 с.

14. *Harris Robin P.* Storytelling in Siberia. The Olonkho Epic in a Changing World / Robin P. Harris. — Chicago : University of Illinois Press, 2017. — 234 p.

Features of Fixing the Folklore of Peoples of Yakutia (1930—1970): the Method of Selecting Informants according to G. U. Ergis

© Olga I. Charina (2020), orcid.org/0000-0002-9705-6806, ResearcherID J-7362-2018, PhD in Philology, Associate Professor, "Folklore" specialty, Senior Researcher, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous People Problems of Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia), ochar@list.ru.

© Anna S. Larionova (2020), orcid.org/0000-0001-8524-6162, ResearcherID J-6948-2018, Doctor of Arts, Associate Professor, "Musical Art" speciality, Chief Researcher, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous People Problems of Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia), degerenan@mail.ru.

© Valentina A. Petrova (2020), orcid.org/0000-0002-9911-3683, ResearcherID J-6361-2018, PhD in History, Researcher, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous People Problems of Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia), valya89243679003@mail.ru.

Methods and approaches in the selection of informants for fixing folklore works of Russians, Evens, Yakuts, who have inhabited the North-East of Yakutia since ancient times, are considered. The authors dwell on such issues as ways of finding informants; clarification of the status (narrator, singer and performer); concretization of the performer's personality and his repertoire. The novelty of the research is seen in the fact that at the present stage, methods of selecting informants are being studied; the approaches to the selection of performers of song folklore, used by M.N.Zhirkov, are specified; the change in the status of the storytellers of Russian folklore is traced; the main features of the performance of the Even epic by the narrators are analyzed. The relevance of the research is due to the fact that the history of the study of the epic and song heritage of personalities-performers of the song-prose epic of the Russians Ustye, Evens and Yakuts by the staff of the Institute of Language and Culture is examined. Methods and approaches of M. N. Zhirkov in the selection of performers, as well as their repertoire to be fixed, are revealed. The importance of summarizing the already achieved results and setting new tasks in collecting and fixing folklore and musical material in the context of the extinction of folklore tradition and a reduction in the number of experts of traditional culture is affirmed.

Key words: methods of selecting informants; expedition materials; narrator; performer; Even nimkan; Russian fairy tale folklore; song; singer.

Material resources

FRU — *Folklor Russkogo Ustya.* (1986). Leningrad: Nauka. (In Russ.).

REP — *Russkaya epicheskaya poeziya Sibiri i Dalnego Vostoka.* (1991). Novosibirsk: Nauka. (Pamyatniki folklora narodov Sibiri i Dalnego Vostoka). (In Russ.).

RF AYaNTs SO RAN — *Rukopisnyy fond Arkhiva Yakutskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya RAN. F. 5. Op. 3. D. 381. Ll. 1—2; D. 454, L. 54 Materialy Severnoy folklorno-dialektologicheskoy ekspeditsii 1939—1940 gg.; D. 769a. 252 L. Materialy Etnografo-lingvisticheskoy ekspeditsii po izucheniyu russkogo staro-zhilcheskogo naseleniya nizovev r. Indigirki 1946 g.* (In Russ.).

Zhirkov, M. N. Zapisi Yakutskikh pesen, proizvedennykh v gruppe Vilyuyskikh rayonov i vyskazyvaniya o yakutskoy muzyke. *Zapisi Yakutskikh narodnykh pesen, proizvedennykh v gruppe Vilyuyskikh rayonov 1943 g. Arkhivnyy fond M. N. Zhirkova Natsionalnoy biblioteki RS(Ya). F. 4. P. 1. 212 L.* (In Russ.).

References

Charina, O. I., Larionova, A. S., Petrova, V. A. (2019). Osobennosti retseptsii Vilyuyskoy ekspeditsii v fiksatsii folklora narodov Yakutii (30—70-e gody XX veka). *Nauchnyy dialog, 6:* 218—231. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-6-218-231. (In Russ.).

Ergis, G. U. (1945). *Sputnik yakutskogo folklorista.* Yakutsk: Gosizdat YaASSR. (In Russ.).

Harris Robin, P. (2017). *Storytelling in Siberia. The Olonkho Epic in a Changing World.* Chicago: University of Illinois Press.

Illarionov, V. V. (1982). *Iskusstvo yakutskikh olonkhosutov.* Yakutsk: Yakutskoye knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).

Kuzmina, A. A. (2014). *Olonkho Vilyuyskogo regiona: bytovaniye, syuzhetno-kompozitsionnaya struktura, obrazy.* Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).

Larionova, A. S. (2017). Osobennosti polevykh issledovaniy pervogo yakutskogo kompozitora M. N. Zhirkova. *Vestnik chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Nauchnyy zhurnal, 5:* 144—148. (In Russ.).

Lebedev, V. D. (1978). *Yazyk evenov Yakutii.* Leningrad: Nauka. (In Russ.).
Lebedev, V. D. (1982). *Okhotskiy dialekt evenskogo yazyka. Fonetika. Morfologiya. Tekst. Slovar'.* Leningrad: Nauka. (In Russ.).
Lebedeva, Zh. K. (1981). *Arkhaicheskiy epos evenov.* Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).
Lebedeva, Zh. K. (1982). *Epicheskiye pamyatniki narodov Kraynego Severa.* Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).
Matveyeva, R. P. (1998). Ustoychivost' i podvizhnost' elementov v variantakh skazochnogo povestvovaniya. In: *Tvorchestvo skaziteley: traditsiya i improvizatsiya*. Ulan-Ude: Izdatelstvo BNTs. 20—39. (In Russ.).
Mukhopleva, S. D. (2017). Folklornyy repertuar S. Zvereva-Kyyl Uola v svete polevykh zapisey A. A. Savvina. *Obshchestvennyye nauki, 6:* 381—390. (In Russ.).
Vasilyev, G. M. (1973). *Zhivoy rodnik.* Yakutsk: Yakutskoye knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).
Zhirkov, M. N. (2017). Instruktsiya dlya zapisyvaniya narodnoy yakutskoy muzyki. In: *Mark Zhirkov: sbornik dokumentov i materialov.* Yakutsk: Bichik. 57—63. (In Russ.).

Исторические науки. Этнография. Этнология
History. Ethnography. Ethnology

Аграфена Иннокентьевна Макарова, канд. истор. наук (Якутск)
Антон Борисович Гехт, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Богдан Константинович Резников, ассистент (Санкт-Петербург)
Виталий Николаевич Пирогов, студент магистратуры (Екатеринбург)
Вячеслав Викторович Калинов, д-р истор. наук (Москва)
Дарья Андреевна Патрушева, преподаватель (Санкт-Петербург)
Денис Валерьевич Шутман, канд. полит. наук (Санкт-Петербург)
Жериборов Денис Сергеевич, старший преподаватель (Екатеринбург)
Евгений Владимирович Игумнов, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Елена Владимировна Бодрова, д-р истор. наук (Москва)
Илья Николаевич Суетин, канд. пед. наук (Ульяновск)
Илья Сергеевич Ратьковский, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Константин Германович Малыхин, д-р истор. наук (Ростов-на-Дону)
Олег Валентинович Щекатунов, аспирант (Ростов-на-Дону)
Татьяна Геннадьевна Недзелюк, д-р истор. наук (Барнаул, Новосибирск)

Бодрова Е. В. Нефтяная отрасль СССР в конце 1920-х — 1930-е годы: противоречивые результаты развития / Е. В. Бодрова, В. В. Калинов // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 314—327. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-314-327.

Bodrova, E. V., Kalinov, V. V. (2020). Oil Industry of USSR in Late 1920s — 1930s: Conflicting Development Results. *Nauchnyi dialog, 7:* 314-327. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-314-327. (In Russ.).

УДК 94(47).084.6:665.6
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-314-327

Нефтяная отрасль СССР в конце 1920-х — 1930-е годы: противоречивые результаты развития

© Бодрова Елена Владимировна (2020), orcid.org/0000-0001-7889-3054, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «МИРЭА — Российский технологический университет» (Москва, Россия), evbodrova@mail.ru.

© Калинов Вячеслав Викторович, orcid.org/0000-0002-9709-7720, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И. М. Губкина» (Москва, Россия), kafedra-i@yandex.ru.

Актуальность исследования обусловлена критической значимостью для страны осуществления технологического рывка, преодоления торможения модернизационных процессов. Новизна исследования видится в том, что на основе опубликованных и рассекреченных архивных документов исследуется проблема реализации планов развития нефтяной отрасли в годы первых пятилеток, выявляются факторы, определившие их невыполнение. В качестве основных причин невыполнения на основе результатов анализа документальных данных авторами установлены серьезные стратегические просчеты в планировании, ликвидация целой когорты блестящих нефтяников. Изученные документы и материалы позволили сформулировать вывод о том, что масштабные планы не были в полной мере подкреплены финансовыми, кадровыми, технологическими ресурсами. Доказано, что это обусловило диспропорции между ростом народного хозяйства и топливным балансом страны. Особое внимание уделяется допущенным серьезным просчетам советского правительства в отношении создания нефтяной базы на востоке страны. Доказано, что, несмотря на рекомендации видных ученых, лишь в конце 1930-х годов изменился курс, пришло осознание необходимости поиска и разработки новых месторождений в Урало-Поволжье. Сделан вывод о том, что в результате к 1941 году в достаточной мере освоить этот нефтеносный регион не удалось, но был заложен фундамент «Второго Баку».

Ключевые слова: пятилетки; форсированная индустриализация; план; нефтяная промышленность; «Второе Баку».

1. Введение

Поиски наиболее оптимальных механизмов, способных в настоящее время обеспечить осуществление технологического рывка, чрезвычайно актуализируют изучение форм и методов осуществления форсированной индустриализации в СССР, публикацию ранее недоступных исследователям документов и данных о результатах первых пятилеток, в том числе о развитии нефтяной отрасли.

Опубликованы работы, в которых рассмотрены отдельные сюжеты интересующей нас проблемы [см., например: Нефть СССР …, 1987]. О весьма эффективном лоббировании интересов своей отрасли «угольной элитой» страны в исследуемый период пишет А. А. Иголкин [Иголкин, 2005а]. Из-за этого страдали интересы не только нефтяной отрасли, но и экономики и обороны страны в целом. В. Н. Курятников характеризует этап 1930—1950-х годов в истории нефтяной отрасли в качестве стартового в изменении правительственного курса, определившего форсированное увеличение добычи и переработки нефти, создание второй нефтяной базы, становление нефтеперерабатывающей промышленности [Курятников, 2008]. Ряд историков связывают высокие темпы советской индустриализации, а затем и послевоенного восстановления народного хозяйства, в частности, в нефтяной промышленности, с заимствованием западных научно-технических достижений. Однако исследования позволяют утверждать, что в этот период имелся весьма значительный потенциал и у советской отраслевой науки [Калинов, 2018, с. 73—87]. А. К. Соколов справедливо указывает на такой стратегический просчет предвоенных лет, как явно недостаточное внимание проблеме снабжения армии горюче-смазочными материалами [Соколов, 2013, с. 147—148].

Архивные документы, мемуары нефтяников, другие источники позволяют глубже и достовернее оценить итоги развития отрасли накануне Великой Отечественной войны, выявить факторы, определившие весьма, с нашей точки зрения, противоречивые результаты.

2. И. М. Губкин и А. П. Серебровский об угрозе кризиса в нефтяной промышленности и возможных путях его преодоления

1920-е годы в истории нефтяной промышленности характеризуются как период значительного роста: с 1922 по 1929 год нефтедобыча выросла на 194 % [Народное хозяйство …, 1959, с. 204, 208]. Главными факторами подъема отрасли стали ее национализация, техническое перевооружение и работа блестящих специалистов-нефтяников. Первая пятилетка была завершена в 1932 году, но в США объемы нефтедобычи оказались

в 5 раз больше, чем в СССР, причем большая часть добытой нефти приходилась на старые месторождения Азербайджана [Нефть СССР …, 1987, с. 175].

Специалисты отрасли настаивали в эти годы на необходимости ее реорганизации, дальнейшем техническом перевооружении и значении эксплуатационно-разведочного бурения, подчеркивая его роль в подготовке нефтяных фондов для эксплуатационного бурения. В частности, об этом говорилось в изученной нами в Российском государственном архиве социально-политической истории докладной записке, направленной в 1933 году в то время наиболее авторитетными специалистами-нефтяниками И. М. Губкиным и А. П. Серебровским наркому тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе [РГАСПИ, ф. 85, оп. 29, д. 610, лл. 1—20]. В документе перечислялись «громадные достижения» нефтяной промышленности в годы первой пятилетки, которые были обусловлены, по мнению авторов, прежде всего тем, что отрасль произвела в восстановительный период полную техническую реконструкцию, «американизировалась» и к выполнению пятилетки приступила на новой мощной технической основе [Там же, л. 1]. Широкое применение вращательного бурения позволяло бурить и скоро, и дешево. Новые методы эксплуатации, глубокие насосы, компрессоры и газлифт позволяли извлекать намеченное количество нефти, удешевляя себестоимость добавочного продукта. Но в качестве главного фактора успеха назывались к тому времени разведанные и подготовленные запасы, что позволяло быстро вводить в эксплуатацию новые скважины.

В восстановительный период и в первые годы пятилетки эксплуатационное бурение развивалось достаточно быстро, но явно отставало эксплуатационно-разведочное, задачей которого являлась подготовка к эксплуатации более глубоких горизонтов. Это отставание, наметившееся во второй половине второй пятилетки, вызывало справедливые опасения авторов [Там же, лл. 1—3]. В результате сложился разрыв между подготовленными запасами и эксплуатационными. По «Азнефти» в Ленинском районе подготовленные запасы обеспечивали бурение в 1933 году, частично — в 1934 году. Одновременно И. М. Губкин и А. П. Серебровский констатировали наличие перспективных запасов, свидетельствующих о колоссальных богатствах нефтяных недр страны. Так, в Бакинском районе общие запасы исчислялись в тот период в 1200—1300 млн т, но подготовленные запасы на 1 января 1932 года составляли лишь 33,5 млн т; разведанные — 100 млн т, видимые — 15,8 млн т. «Еще более безотрадная картина, — писали И. М. Губкин и А. П. Серебровский, — в Грозненском районе» [Там же, лл. 4—5, 6, 7]. Общие запасы там исчислялись 100 млн т, тогда как под-

готовленные запасы были совершенно незначительными. Разрыв между разведочно-эксплуатационным бурением и эксплуатационными работами стал признаком, характерным для всей нефтяной промышленности. На это «ненормальное явление» центральным органам управления предлагалось обратить особое внимание с целью его устранения [Там же, л. 6, 7].

Рассуждая о причинах сложившегося разрыва, Губкин и Серебровский писали, что к тому моменту Бакинские месторождения разрабатывались более 60 лет, верхние горизонты в большинстве случаев оказались уже выработанными. В Грозненском районе приходилось бурить уже на глубинах от 600 м до 900 м. На некоторых месторождениях Старо-Грозненского района (Соляная Балка) бурение велось на глубине до 1500—1700 м. Но с точки зрения технической глубокое и сверхглубокое бурение было, по оценке экспертов, не вполне освоено. Зачастую скважины глубиной более 1000 м становились аварийными. Это объяснялось отсутствием необходимого оборудования, надлежащей мощности станков, двигателей, дефицитом высококачественных труб, поломкой бурового инструмента, нехваткой квалифицированных кадров. Тем не менее задача глубокого бурения должна была стать, говорилось в докладной записке, «одной из актуальнейших задач данного момента» [Там же, л. 8].

Авторами предлагался и целый ряд конкретных путей ее решения: использование надлежащего оборудования, приспособленного для глубокого бурения, бурового инструмента, труб, станов, двигателей и т. д.; «овладение самим техническим процессом этого бурения»; полноценная подготовка кадров. Для этого предлагалось: «… наших инженеров командировать за границу, именно в Америку с тем, чтобы они освоили там процесс сверхглубокого бурения, который там применяется в ряде месторождений <…>, или пригласить соответствующим образом подготовленных и знающих глубокое и сверхглубокое бурение инженеров из Америки»; вовлечь в эксплуатацию завершенные малодебитные скважины; восстановить так называемые «испорченные» по разным причинам скважины. Только по «Азнефти» их насчитывалось на тот момент около 700, в том числе и высокодебитных. По данным А. П. Серебровского, восстановленные скважины могли бы дать до 1,8 млн т нефти [Там же, лл. 8—9,16—19].

Рассуждая о новых перспективных районах нефтедобычи на Кавказе, авторы отмечали «громадный промышленный интерес», который имели разведочные работы промышленного характера в «Грузнефти», где были получены хорошие результаты. Акцентировали они внимание и на значительном потенциале Урало-Эмбинского района, месторождений Туркмении и Средней Азии [Там же, л. 15].

Документ свидетельствовал о кризисном положении в отрасли. Ее потенциал, включающий научно-техническую часть, был исчерпан. В заключение И. М. Губкин и А. П. Серебровский предупреждали: «Эксплуатационное бурение 1933 года поглотит почти все нефтяные фонды, подготовленные разведочным эксплуатационным бурением предыдущих лет <…> Решается задача не только 1933 года, но решается задача по обеспечению добычи в первые годы второй пятилетки» [Там же, лл. 19—20].

3. Дефицит высококвалифицированных кадров в нефтяной промышленности

В ряду основных задач И. М. Губкиным и А. П. Серебровским называлась кадровая проблема, требовалось, по их мнению, использовать зарубежный опыт, направлять на промыслы наиболее квалифицированных специалистов. И, действительно, лучшие выпускники втузов направлялись за границу для дальнейшего обучения в магистратуре. Однако встречали вернувшихся в СССР специалистов на производстве очень по-разному. Об этом свидетельствует стенограмма совещания в Промышленном отделе ЦК партии 4 апреля 1935 года, посвященного анализу результатов подготовки инженеров, направленных в США для дальнейшего обучения. Все вернувшиеся после 2,5 лет учебы и защиты магистерской диссертации молодые специалисты были полны энтузиазма и готовы применить полученные знания на Родине. Но, выступая на совещании, они отмечали негативное отношение к ним со стороны администрации тех предприятий, куда были направлены. Так, например, молодой инженер Курганов, окончивший механический факультет Массачусетского института, был направлен на автозавод им. Сталина, где его и его товарищей приняли «нелюбезно»: «Нам не дают ни одной ответственной работы. Был я направлен в конструкторское бюро, а потом в технологическое бюро» [РГАСПИ, ф. 85, оп. 29, д. 647, лл. 1—2]. Это же подтверждал и выступавший на совещании инженер Рыбкин: «Отношение к нам очень плохое со стороны администрации. Например, директор завода т. Лихачев очень плохо относился к нам. Когда мы к нему пришли, он сказал, что надо с нас сбить заграничную спесь, когда заграничную спесь собьем, тогда можно будет видеть, что надо делать дальше <…> Мы хотим работать, а нас почему-то не используют так, как нужно» [Там же, л. 13, 14].

Представляет интерес, что, сравнивая на этом совещании инженерную подготовку в американских и советских вузах, выпускники говорили о таких особенностях, как значительно меньший объем получаемых там знаний, низкий уровень фундаментальной подготовки. Отмечали они уско-

ренное прохождение ряда дисциплин [Там же, л. 8]. Общее впечатление выступавших сводилось к следующему: «У них вопрос <…> дисциплины и распорядка часто превалирует над той суммой знаний, которую они дают. Но уже по тому минимуму знаний, который они дают, они требуют владеть в совершенстве, и линейкой, и подсчетом, и всеми подробностями» [Там же, лл. 8—9]. В ряду особенностей назывались также и определенная внешняя и наиболее целесообразная форма работ, и «понятная система, и умение затратить минимум времени. Студенты были не слишком загружены, но в обязательном порядке с 1 курса приучены следить за периодической технической литературой и пользоваться ею как подсобным учебным материалом [Там же, лл. 9, 13].

Между тем проблема дефицита специалистов в советской промышленности становилась все более острой. Еще 23 июля 1931 года Орджоникидзе на Всесоюзном совещании втузов ВСНХ СССР должен был признать факт «колоссального недостатка» кадров, слабую подготовку выпускников втузов [РГАСПИ, ф. 85, оп. 28, д. 30, л. 1]. Он говорил о необходимости уже в текущем году подготовить большое количество инженерно-технических специалистов, причем подготовить так, «чтобы они знали, за что берутся, а не просто, чтобы они что-то где-то окончили» [Там же]. Одновременно Орджоникидзе призывал перенимать передовой технический и технологический опыт Америки [РГАСПИ, ф. 85, оп. 28, д. 11, лл. 2—4].

Документы свидетельствуют о том, что глава Народного комиссариата тяжелой промышленности (далее — НКТП) достаточно часто выступал с критикой втузов за слабую профессиональную подготовку выпускников, их неспособность к организаторской, управленческой деятельности, невысокую эрудицию: «… там, где нет культурного, знающего инженера, там нет организованного производства» [РГАСПИ, ф. 5, оп. 29, д. 71, лл. 5, 6]. Для сравнения: если в 1929 году в РСФСР инженерно-технические работники в промышленной сфере составляли 2,5 % от общего числа рабочих [ГАРФ, ф. 8060, оп. 3, д. 333, л. 4об], то в передовых странах в исследуемый период технический персонал в среднем составлял от 10 до 15 % численности рабочих [Бодрова и др., 2013].

Весьма красноречивым свидетельством все более осложняющегося положения инженерно-технических работников нефтяной отрасли СССР являются данные, которые содержатся в широком круге опубликованных и ранее неопубликованных материалов и документов. Так, весной 1932 года за «коварно» сорванные планы арестовали 144 «нефтяника-вредителя» [Евдошенко, 2010, с. 163]. Было репрессировано и направлено на стройки пятилеток и на производство значительное количество специалистов.

И не только в нефтяной промышленности. Так, например, согласно резолюции Орджоникидзе, 26 августа 1931 года ВСНХ СССР адресовал в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) Л. Г. Миронову письмо об использовании 94 арестованных специалистов в Ленинградской промышленности [РГАСПИ, ф. 85, оп. 28, д. 30, лл. 1—5]. Впрочем, курс правительства в этом отношении в разные годы менялся. Так, в Постановлении Уполномоченного Комиссии Партконтроля по Северно-Кавказскому краю М. И. Кахиани «Об извращении линии партии по отношению к специалистам в Грознефти» от 14 декабря 1934 года говорилось о том, что вместо осуществления решений партии и указаний товарища Сталина о специалистах, а также указания товарища Орджоникидзе о необходимости широкого использования «творческой инициативы инженерных сил» и сплочении специалистов вокруг партии, отдельные работники в Грозном «допускали грубые запугивания и угрозы»: инженеру Чижу секретарь парткома Беляев угрожал снятием с работы; председатель промыслового комитета Хайрудинов грозил инженеру Савченко отдать под суд, если не явится на заседание местной расчетно-конфликтной комиссии; инженеру Дудаладовой был объявлен выговор бригадным собранием рабочих буровой, а затем она была исключена из партии и привлечена к судебной ответственности. Ряд областных и районных работников в своих выступлениях проводили «недопустимую» линию противопоставления старых специалистов молодым. Одновременно, отмечалось в документе, Чечено-Ингушский обком партии при обсуждении фактов «извращенной» линии партии по отношению к специалистам не поднял их на принципиальную высоту, не дал должного отпора «антиспецовским» настроениям и не воспитывал на борьбе с ними парторганизацию и рабочих в духе «правильного понимания линии партии о специалистах» [РГАСПИ, ф. 85, оп. 29, д. 247, л. 8].

4. Результаты форсирования темпов нефтедобычи и причины невыполнения планов

Изученные документы позволяют утверждать, что при разработке планов на 2-ю пятилетку основной целью определялось «догнать и перегнать Америку» без расчета имеющихся ресурсов, доступных запасов нефти и возможности ее извлечения. Затем планы приходилось корректировать, сообразуясь с реальностью, в том числе из-за очевидного застоя в нефтедобыче, хронического дефицита всех видов нефтепродуктов.

«Контрольные цифры» развития топливной промышленности, составленные в 1933 году, темпы роста угольной промышленности намечались более высокие, чем нефтяной [Нефть СССР …, 1987, с. 53—54]. В Гене-

ральном плане нефтяной промышленности учитывались и военные нужды, предусматривалось расширение географии строительства нефтеперерабатывающих заводов [Соколов, 2013, с. 151], введение в строй новых нефтепроводов. Однако задания по производству нефтепродуктов не были выполнены. Меньше, чем в 1-й пятилетке, было введено мощностей по нефтепереработке [РГАЭ, ф. 7966, оп. 1, д. 16., л. 1—1об]. Это стало причиной репрессий [Там же, д. 15, лл. 22—56].

В «Грознефти» систематическое падение добычи нефти началось еще с 1932 года. Среднесуточная добыча упала с 21,9 тыс. т в 1931 году до 10—11 тыс. в 1934 году [РГАСПИ, ф. 85, оп. 29, д. 613, л. 1]. В приказе НКТП от 16 сентября 1933 года о работе «Грознефти» были названы следующие причины: «Вместо решительной большевистской борьбы за дальнейшее развитие “Грознефти” распространялась антигосударственная “теория” затухания Грозненского района; форсировалась разработка 2-х основных месторождений — Старогрозненского и Октябрьского, к концу 1932 года разбуренных уже полностью»; «… непроведение усиленной разведки и подготовки новых районов и новых пластов в старых районах»; распыление средств, кадров, оборудования; недопустимо медленные темпы внедрения глубокого бурения [Там же].

Наркоматом было предложено «Грознефти» организовать и укрепить геологическую службу, сосредоточить силы и средства на освоении нового района — Малгобека — и Бенойского района. Разведочные работы должны были быть проведены также в Избербаше, Ачи-Су, Эльдарово [Там же, л. 2]. В Малгобек было переброшено, установлено в нем и запущено свыше 40 буровых станков, проведена линия электропередачи, построены узкоколейка, трубопровод Малгобек — Моздок. Однако проверка показала, что оказался невыполненным план в части «коренного улучшения геологического руководства и постановки геологоразведочного дела»; продолжало оставаться узким местом бурение. Фиксировались простои, «совершенно неудовлетворительным» оказалось количество вводимых в эксплуатацию скважин. Глубокому бурению сопутствовали обвалы, борьбой с которыми специалисты «Грознефти» еще не овладели [Там же, л. 3].

«Главнефтью» было издано распоряжение о необходимости сосредоточить все силы на 2—3 скважинах в решающих районах (Беной, Избербаш, Ачи-Су) с тем, чтобы испытать их в кратчайшие сроки. Для усиления геологического руководства Октябрьского района из центра была направлена бригада геологов. Для организации борьбы с обвалами в глубоком бурении привлекались специалисты по химическому креплению грунтов. Руководству треста предлагалось активизировать работы по исправлению и пуску

бездействующих скважин, чистке скважин от песчаных пробок, бороться с простоями и авариями [Там же, лл. 3—4].

5 декабря 1933 года было принято Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) и о работе «Азнефти», в котором отмечалось, что ее руководством были использованы далеко не все ресурсы. Утверждалась программа нефтедобычи на 1934 год в 22 млн т (в том числе, 1 млн т газа), переработать следовало 13 млн т сырой нефти [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 935, лл. 32—35]. Менялся состав руководства и структура управления: в самостоятельные выделялись тресты нефтеперегонных заводов и дальних разведок. Выполнение плана 1934 года определялось как «важнейшая боевая задача» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 935, л. 35].

Руководство НКТП и отрасли в этот период придавало большое значение техническому перевооружению данной сферы. В конце 1934 года Г. К. Орджоникидзе готовил совещание и специальное Постановление ЦК ВКП(б) об обеспечении нефтяной промышленности новыми типами оборудования, запасными частями, транспортом, квалифицированной рабочей силой «для резкого поднятия скорости бурения», объясняя в письме В. М. Молотову, что «идут споры о методах турбобурения» с целью «решительно ликвидировать отставание бурения от американских показателей и темпов, которых нефтяная промышленность еще не достигла, несмотря на ее успехи …» [РГАСПИ, ф. 85, оп. 29, д. 612, л. 2]. Им предлагалось выделить в трестах «Азнефтт», «Грознефть» и «Майкопнефть» группу буровых, укомплектовать в 1934—1935 годах «наилучшим и наиболее передовым оборудованием», снабдить в первую очередь запасными частями, транспортом и наиболее квалифицированной рабочей силой. Заводам, производящим оборудование для нефтяной промышленности, следовало, по его мнению, «перейти немедленно на производство наиболее совершенных типов нефтяного оборудования». Кроме того, следовало в кратчайшие сроки завершить строительство и реконструкцию в 1935 году заводов в Грозном, Тифлисе, Баку, Москве, Ленинграде, на Урале [Там же, лл. 2—4].

Констатируя серьезные проблемы в кадровой подготовке, в борьбе с потерями рабочего времени и аварийностью, Орджоникидзе приводил данные о явно неудовлетворительном состоянии дел: простои в бурении в «Азнефти» достигали 30 % времени, в «Грознефти» — 28 %. На ликвидацию аварий в «Азнефти» тратилось 12—15 % времени, в «Грознефти» — 6—10 %. В качестве мер по снижению простоев и аварийности предлагалось применить все современные технические достижения, повышать квалификацию работников бурения, буровых мастеров и бурильщиков [Там же, л. 5].

В проекте приказа по НКТП было названо основное условие приближения работы нефтяной промышленности к американским показателям: «Подведение под нефтяную промышленность новой технической базы путем максимального использования производственно-технической мощности существующих машиностроительных заводов и постройки новых» [Там же, л. 16].

Подобные материалы не раз становились предметом обсуждения на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б). Так, в резолюции Пленума ЦК ВКП(б) 21—25 декабря 1935 года по докладам Г. К. Орджоникидзе, И. Е. Любимого, А. И. Микояна, С. С. Лобова, Л. М. Кагановича было принято решение о скорейшей технической перестройке промышленности, включая нефтяную отрасль [Резолюции пленума …, 1936].

Г. Г. Чахмахчев (в 1933 году — управляющий делами треста «Азнефть», а затем, с 1934 года, — начальник отдела «Гавнефти», «Главнефтедобычи», Наркомнефти) в своих мемуарах писал о том, что начальник «Главнефти» М. В. Баринов стал инициатором внедрения новой техники бурения, добычи и переработки нефти. В августе 1936 года был принят план мероприятий, направленных на техническое перевооружение нефтяной промышленности, осуществлялись кадровые перестановки, реорганизовывалась структура «Главнефти». Но в сентябре 1937 года по приказу нового наркома Л. М. Кагановича Баринов был арестован. Только в доме нефтяников было репрессировано более 50 человек [Чахмачев].

Статистические данные и документы свидетельствуют о том, что руководство страны осознавало значение отрасли. В 1938 году ассигновывалось 36,9 млн руб. на приведение в порядок промыслового хозяйства [ГАРФ, ф. 5446, оп. 1, д. 144, лл. 40—41]. Однако и в 1939 году нефтедобыча возросла лишь на 73 тыс. т [Народное хозяйство …, 1959, с. 208]. Согласно секретному Постановлению Совета народных комиссаров (СНК) СССР № 142 от 29 января 1940 года «Об итогах выполнения государственного плана развития народного хозяйства за 1939 год», валовая продукция промышленности по ряду наркоматов общесоюзного, союзно-республиканского и республиканского значения выросла на 14,7 %, но по нефтяной промышленности план был выполнен лишь на 94,3 % [ГАРФ, ф. 5446, оп. 1, д. 162, л. 176]. Значительным оказалось недовыполнение плана капитального строительства Наркоматом нефтяной промышленности — 74 % [Там же, д. 144, л. 18об].

Лишь два района — Бакинский и Грозненский — к 1937 году поставляли почти всю нефть СССР. В 1940 году на Урало-Поволжский регион приходилось всего 6 % от общесоюзной добычи нефти [Иголкин, 2005б,

с. 105—191; Иголкин, 2007, с. 119—120]. Американским исследователем Р. Кэмпбеллом удивительно медленное освоение Волго-Уральского нефтяного района было названо величайшей загадкой [Campbell, 1968, pp. 126—128], как, впрочем, и игнорирование властью рекомендаций ученых, настаивающих на необходимости освоения новых нефтеносных районов.

Об опасности концентрации нефтедобычи и нефтепереработки в южных районах СССР много ранее писал И. М. Губкин. За месяц до своей смерти, 10 марта 1939 года, академик в качестве начальника Главгеологии в справке о важнейших открытиях в результате геологоразведочных работ в СССР за период 1936—1938 годов писал заместителю председателя СНК СССР Л. М. Кагановичу о «наиболее важном <…> достижении последних трех лет» — «полном разоблачении ряда лженаучных теорий <…>, извращавших характер рудоносности Урала и Кавказа, отрицавших промышленную нефтеносность Урало-Волжской области и т. д.» [АРАН, ф. 455, оп. 5, д. 62, лл. 1, 2]. Одновременно И. М. Губкин обращал внимание на открытие с помощью геофизических методов, разработанных в СССР с применением изготовленной в нашей стране сложной и точной аппаратуры, 41 нового нефтяного месторождения. Доказанное широкое распространение нефтеносных горизонтов, благоприятные геологические условия обеспечивали превращение области, заключенной между Волгой и Уралом, во «Второе Баку» [Там же, лл. 2—4]. В 1939 году 19 геологических партий там открыли 12 месторождений.

5. Заключение

Таким образом, изученные документы позволяют с большей точностью и объективностью оценить итоги восстановления и реконструкции нефтяной промышленности в 1920-е годы, выявить факторы невыполнения планов отраслью в ходе форсированной индустриализации. В их ряду прежде всего необеспеченность финансовыми, материальными, кадровыми, технологическими, ресурсами, отставание в проведении геологоразведочных работ. Изученные архивные документы свидетельствуют о нехватке современного и качественного оборудования. Строительство ряда планируемых нефтепроводов так и не было начато. Причинами отставания отрасли стали стратегические просчеты и ликвидация целой когорты блестящих нефтяников. Недопустимо медленно шло освоение Урало-Поволжского нефтяного района. Приоритетным направлением оставалась угледобыча. Несмотря на рекомендации виднейших ученых-нефтяников, разработанные ими планы мероприятий, требующие скорейшей реализации, только в конце 1930-х годов отношение к этому нефтеносному ре-

гиону изменилось. К 1941 году создать вторую нефтяную базу страны не удалось, но был заложен фундамент «Второго Баку».

Источники и принятые сокращения

1. АРАН — *Архив* Российской академии наук. Ф. 455 (Губкин Иван Михайлович (1871—1939). Оп. 5. Д. 62.

2. ГАРФ — *Государственный* архив РФ. Ф. 5446 (Совет министров СССР). Оп. 1. Д. 144, 162 ; Ф. 8060 (Всесоюзный комитет по высшему образованию (ВКВТО) при Центральном исполнительном комитете СССР). Оп. 3. Д. 333.

3. *Народное* хозяйство СССР в 1958 г. — Москва : Госстатиздат, 1959. — 959 с.

4. РГАСПИ — *Российский* государственный архив социально-политической истории. Ф. 17 (*Центральный* Комитет КПСС (ЦК КПСС). Оп. 3. Д. 935 ; Ф. 82 (Молотов Вячеслав Михайлович (1890—1986). Оп. 2. Д. 565 ; Ф. 85 (Орджоникидзе Георгий Константинович (1886—1937). Оп. 28. Д. 11, 30 ; Оп. 29. Д. 71, 247, 610, 612, 613, 647.

5. РГАЭ — *Российский* государственный архив экономики. Ф. 7966 (Главное управление нефтедобывающей промышленности Востока Народного комиссариата нефтяной промышленности СССР. 1939—1940 гг.). Оп. 1. Д. 16.

6. *Резолюции* пленума ЦК ВКП(б). 21—25 декабря 1935 г. — Москва : Партиздат, 1936. — 45 с.

7. *Чахмачев Г. Г.* Баринов Михаил Васильевич (ректор АЗИ с 1928) [Электронный ресурс] / Г. Г. Чахмачев. — Режим доступа : http://oil-industry.net/.

Литература

1. *Бодрова Е. В.* Государственная научно-техническая политика в модернизационной стратегии России : монография / Е. В. Бодрова, М. Н. Гусарова, В. В. Калинов, К. В. Калинова, С. В. Сергеев. — Москва : Московский гуманитарный университет, 2013. — 637 с.

2. *Евдошенко Ю. В.* Неизвестное «Нефтяное Хозяйство» 1920—1941 гг. / Ю. В. Евдошенко. — Москва : Нефтяное Хозяйство, 2010. — 344 с.

3. *Иголкин А. А.* Нефтяная политика СССР в 1928—1940-м годах / А. А. Иголкин. — Москва : РАН, 2005а. — 262 с.

4. *Иголкин А. А.* Особенность развития нефтяной промышленности СССР в годы первых пятилеток (1928—1940 гг.) / А. А. Иголкин // Нефть страны Советов. Проблемы истории нефтяной промышленности СССР (1917—1991) / под общей редакцией действительного члена РАЕН, д.э.н. В. Ю. Алекперова. — Москва : Древнехранилище, 2005б. — С. 105—191.

5. *Иголкин А. А.* Новая «столица» советской нефтедобычи / А. А. Иголкин // Нефть России. — 2007. — № 7. — С. 119—120.

6. *Калинов В. В.* Достижения и просчеты государственной научно-технической политики СССР в послевоенный период / В. В. Калинов. — Российский технологический журнал. — 2018. — № 6 (1). — С. 73—87.

7. *Курятников В. Н.* Становление нефтяного комплекса в Уральском и Поволжском регионах : (30—50-е гг. XX века) / В. Н. Курятников. — Самара : Самарский государственный технический университет, 2008. — Ч. 1, 2. — 364 с.

8. *Нефть* СССР (1917—1987 гг.) / Ю. Г. Апанович, Н. М. Банков, М. А. Берлин и др. ; под редакцией В. А. Динкова. — Москва : Недра, 1987. — 383 с.

9. *Соколов А. К.* Советское нефтяное хозяйство. 1921—1945 гг. / А. К. Соколов. — Москва : РАН, 2013. — 280 с.

10. *Campbell K. W.* The Economics of Soviet Oil and Gas / K. W. Campbell. — Baltimore (Maryland) : Published for Resources for the Future by the Johns Hopkins Press, 1968. — Pp. 126—128.

Oil Industry of USSR in Late 1920s — 1930s: Conflicting Development Results

© Elena V. Bodrova (2020), orcid.org/0000-0001-7889-3054, Doctor of History, professor, Head of the Department of History, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "MIREA-Russian Technological University" (Moscow, Russia), evbodrova@mail.ru.
© Vyacheslav V. Kalinov, orcid.org/0000-0002-9709-7720, Doctor of History, associate professor, Head of the Department of History, National University of Oil and Gas «Gubkin University» (Moscow, Russia), kafedra-i@yandex.ru.

The relevance of the study is due to the critical importance for the country of technological breakthrough, overcoming the inhibition of modernization processes. The novelty of the study is in the fact that on the basis of published and declassified archival documents, the problem of implementing the development plans for the oil industry in the years of the first five-year plans is investigated, factors that determine their failure are identified. As the main reasons, based on the results of the analysis of documentary data, serious strategic miscalculations in planning, the elimination of a whole cohort of brilliant oil workers were identified. The studied documents and materials made it possible to formulate the conclusion that large-scale plans were not fully supported by financial, human, technological resources. It is proved that this caused a disproportion between the growth of the national economy and the country's fuel balance. Particular attention is paid to the serious miscalculations of the Soviet government regarding the creation of an oil base in the east of the country. It is proved that, despite the recommendations of prominent scientists, only in the late 1930s the course changed, the realization of the need to search and develop new deposits in the Ural-Volga region came. It is concluded that as a result, by 1941, this oil-bearing region was not sufficiently mastered, but the foundation of "Second Baku" was laid.

Key words: five-year plans; forced industrialization; plan; oil industry; Second Baku.

Material resources

ARAN — *Arkhiv Rossiyskoy akademii nauk. F. 455 (Gubkin Ivan Mikhaylovich (1871—1939). Op. 5. D. 62.* (In Russ.).

GARF — *Gosudarstvennyy arkhiv RF. F. 5446 (Sovet ministrov SSSR). Op. 1. D. 144, 162; F. 8060 (Vsesoyuznyy komitet po vysshemu obrazovaniyu (VKVTO) pri Tsentralnom ispolnitelnom komitete SSSR). Op. 3. D. 333* (In Russ.).

Chakhmachev, G. G. *Barinov Mikhail Vasilevich (rektor AZI c 1928)*. Available at: http://oil-industry.net/. (In Russ.).

Narodnoye khozyaystvo SSSR v 1958 g. (1959). Moskva: Gosstatizdat. (In Russ.).
Rezolyutsii plenuma TsK VKP(b). 21—25 dekabrya 1935 g. (1936). Moskva: Partizdat. (In Russ.).
RGAE — *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki. F. 7966 (Glavnoye upravleniye neftedobyvayushchey promyshlennosti Vostoka Narodnogo komissariata neftyanoy promyshlennosti SSSR. 1939—1940 gg.). Op. 1. D. 16.* (In Russ.).
RGASPI — *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii. F. 17 (Tsentralnyy Komitet KPSS (TsK KPSS). Op. 3. D. 935; F. 82 (Molotov Vyacheslav Mikhaylovich (1890—1986). Op. 2. D. 565; F. 85 (Ordzhonikidze Georgiy Konstantinovich (1886—1937). Op. 28. D. 11, 30; Op. 29. D. 71,247, 610, 612, 613, 647.* (In Russ.).

References

Apanovich, Yu. G., Bankov, N. M., Berlin, M. A. (1987). *Neft' SSSR (1917—1987 gg.).* Moskva: Nedra. (In Russ.).
Bodrova, E. V., Gusarova, M. N., Kalinov, V. V., Kalinova., K. V., Sergeev, S. V. (2013). *Gosudarstvennaya nauchno-tekhnicheskaya politika v modernizatsionnoy strategii Rossii.* Moskva: Moskovskiy gumanitarnyy universitet. (In Russ.).
Campbell, K. W. (1968). *The Economics of Soviet Oil and Gas*. Baltimore (Maryland): Published for Resources for the Future by the Johns Hopkins Press. 126—128.
Evdoshenko, Yu. V. (2010). *Neizvestnoye «Neftyanoye Khozyaystvo» 1920—1941 gg*. Moskva: Neftyanoye Khozyaystvo. (In Russ.).
Igolkin, A. A. (2005). *Neftyanaya politika SSSR v 1928—1940-m godakh*. Moskva: RAN. (In Russ.).
Igolkin, A. A. (2005). Osobennost' razvitiya neftyanoy promyshlennosti SSSR v gody pervykh pyatiletok (1928—1940 gg.). In: *Neft' strany Sovetov. Problemy istorii neftyanoy promyshlennosti SSSR (1917—1991).* Moskva: Drevnekhranilishche. 105—191. (In Russ.).
Igolkin, A. A. (2007). Novaya «stolitsa» sovetskoy neftedobychi. *Neft' Rossii, 7:* 119—120. (In Russ.).
Kalinov, V. V. (2018). Dostizheniya i proschety gosudarstvennoy nauchno-tekhnicheskoy politiki SSSR v poslevoennyy period. *Rossiyskiy tekhnologicheskiy zhurnal, 6 (1):* 73—87. (In Russ.).
Kuryatnikov, V. N. (2008). *Stanovleniye neftyanogo kompleksa v Uralskom i Povolzhskom regionakh: (30—50-e gg. XX veka), 1, 2.* Samara: Samarskiy gosudarstvennyy tekhnicheskiy universitet. (In Russ.).
Sokolov, A. K. (2013). *Sovetskoye neftyanoye khozyaystvo. 1921—1945 gg.* Moskva: RAN. (In Russ.).

Освещение кризисных явлений на Украине 2014—2016 годов в британской прессе / А. Б. Гехт, Д. А. Патрушева, Б. К. Резников, Д. В. Шутман // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 328—345. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-328-345.

Geht, A. B., Patrusheva, D. A., Reznikov, B. K. , Shutman, D. V. (2020). Crisis in Ukraine 2014—2016 Reporting in the British Press. *Nauchnyi dialog, 7:* 328-345. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-328-345. (In Russ.).

УДК 32.019.5:070(410)+659.4(410):328.16(477)“2014/2016”
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-328-345

Освещение кризисных явлений на Украине 2014—2016 годов в британской прессе

© **Гехт Антон Борисович (2020),** orcid.org/0000-0002-6917-1161, доцент, кандидат исторических наук, исполняющий обязанности заведующего кафедрой истории и регионоведения, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича» (Санкт-Петербург, Россия), a.geht@yandex.ru.
© **Патрушева Дарья Андреевна (2020),** orcid.org/0000-0001-8576-8382, магистр, преподаватель кафедры истории и регионоведения, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича» (Санкт-Петербург, Россия), d.patrusheva@mail.ru.
© **Резников Богдан Константинович (2020),** orcid.org/0000-0003-3866-6265, магистр, ассистент кафедры фотоники и линий связи, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича» (Санкт-Петербург, Россия), rznkff@gmail.com.
© **Шутман Денис Валерьевич (2020),** orcid.org/0000-0002-0689-5533, кандидат политических наук, декан Гуманитарного факультета, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича» (Санкт-Петербург, Россия), dekanat-gf@mail.ru.

Данная работа посвящена изучению вопроса о том, как события политического кризиса 2014—2016 годов на территории Украины отражались в средствах массовой информации Великобритании. Освещаются основные особенности британских печатных СМИ, выявляются характерные черты британского газетно-публицистического дискурса. Исследование проведено на материале публицистических текстов 2014—2016 годов. Показаны появление и трансформация распространившихся в Великобритании суждений об украинском кризисе и его оценок в прессе. Затрагивается проблема освещения британскими СМИ референдума по вопросу вхождения Крыма в состав Российской Федерации, вооруженного противостояния на Юго-Востоке Украины и заключения Минских соглашений. Авторы приходят к выводу, что в течение двух лет наблюдается заметное

изменение в тональности и риторике газетных публикаций британских изданий: если в 2014 году суждения журналистов имели преимущественно ярко выраженную негативную окраску, то со временем оценки стали более взвешенными и сдержанными. Отмечается, что к концу 2015 года относится заметный спад интереса со стороны крупных британских печатных изданий к освещению украинского конфликта, что проявилось в заметном сокращении публикаций, затрагивающих эту тематику.

Ключевые слова: британская пресса; украинский кризис; Евромайдан; Крым; референдум в Крыму; Минские соглашения.

1. Введение

В настоящее время не вызывает сомнения тезис о том, что в эпоху цифровизации именно информация играет одну из ключевых ролей в общественно-политической жизни развитых стран, в частности, одним из важнейших инструментов воздействия на социум являются средства массовой информации. Они способны не только выполнять свою прямую функцию — сообщать сведения, но и посредством технологий воздействия влиять на качественное изменение политики отдельно взятых стран.

В современном мире конфликт является одним из ключевых элементов социально-политических процессов, что делает его изучение актуальной научно-практической проблемой. Немаловажное значение в исследовании политического конфликта приобретает анализ роли СМИ как коммуникационного инструмента различных общественно-политических сил и одновременно медиатора между государством и населением. Кроме того, традиционные масс-медиа активно участвуют в политической борьбе и зачастую становятся опосредованными участниками гражданских конфликтов, протестных акций и предвыборной агитации.

Характерным образцом реакции печатных средств массовой информации на масштабные политические процессы, влияющие в том числе и на актуальную международную обстановку, является восприятие кризисных явлений на территории Украины в 2014—2016 годах ведущими британскими печатными СМИ.

Как известно, на рубеже 2013—2014 годов Украина стала страной, на территории которой разгорелось ожесточенное политическое противостояние. Борьба за власть между представителями действующей власти и политическими силами, заинтересованными в углублении сотрудничества между Украиной и Европейским Союзом, вылилась в силовое свержение президента В. Януковича. Реакцией на эти события стали протестные действия в ряде русскоговорящих регионов Украины, преимущественно на востоке и юго-востоке этой страны, исторически и экономически тесно связанных с Россией. Безусловно, такое развитие событий стало не только следствием условий, при которых прекратил своё существование СССР,

но и отражением глубоких общественных противоречий, раскалывавших украинское государство.

Различия в оценке событий в Киеве начала 2014 года жителями юга и востока Украины привели к вхождению Крыма в состав Российской Федерации, перерастанию политического кризиса на территории Украины в вооружённое противостояние между представителями официального Киева и сторонниками суверенитета самопровозглашённых Луганской и Донецкой Народных Республик (далее — ЛНР и ДНР) и крупный конфликт в международных отношениях. Вопросам освещения этих явлений в крупных британских печатных изданиях в 2014—2016 годах и посвящена данная работа.

Отметим, что к концу 2015 — началу 2016 годов риторика журналистов, продолжавших развивать в своих статьях проблематику украинского кризиса, стала существенно более взвешенной и объективной, направленной скорее на аналитический разбор происходящих событий, нежели на их политически ангажированное преподнесение читателям, как это происходило в 2014 и первой половине 2015 годах, при этом тема украинского кризиса перестала доминировать и при освещении проблемы российско-британских связей. В этой связи авторам видится верным определить хронологические рамки материала исследования, в частности, ее верхнюю границу началом 2016 года.

2. Крымский референдум

Несомненно, вопрос влияния средств массовой коммуникации на формирование общественно-политической повестки дня и внутригосударственных процессов в Великобритании, так или иначе связанных с темой переворота в Киеве, требует тщательного анализа эмпирического материала. В процессе подготовки данной статьи авторами был проведен выборочный контент-анализ материалов наиболее известных газет Великобритании, среди которых «The Times», «The Guardian», «The Daily Mirror», «The Daily Mail», «The Sun» и другие крупные печатные издания. Исследование сфокусировано на 2014—2015 годах, так как именно в данное время украинский кризис был наиболее обсуждаем среди прочих международных новостей в британской прессе. За рассматриваемый период было найдено более 55 тысяч статей и сообщений, посвященных кризисным явлениям на территории Украины, и обработано несколько сотен публикаций, появившихся на страницах указанных изданий [Патрушева, 2019]. Результатом переводческой и аналитической работы авторского коллектива и является настоящая статья, опирающаяся на достаточно представитель-

ный пул тематических публикаций, дающих представление о динамике восприятия рассматриваемых вопросов на страницах ведущих британских газет.

Несмотря на заявляемую редакциями СМИ политическую объективность, каждый из источников не только придерживается определенных политических взглядов (консервативных, либеральных, лейбористских), но также имеет собственный подход к оценке международных событий. Настоящая статья имеет своей целью определить, насколько объективно британские печатные периодические издания передавали информацию о событиях, происходивших на территории Украины в 2014—2016 годах. Актуальность исследования определяется тем, что именно эти события вызвали резонанс общественности не только в Великобритании, но и во всем западном мире, более того — способствовали ухудшению взаимоотношений Соединенного Королевства и России. Последствия охлаждения, наступившего в российско-британских отношениях, ощущаются и несколько лет спустя.

Как известно, печатные издания, в том числе и Великобритании, делятся на качественную прессу и таблоиды. Первая отличается большей сдержанностью, аналитическим характером публикаций, более высоким уровнем достоверности фактов и наличием обоснованных мнений, а также деловым стилем статей, поскольку ориентирована на интеллектуальный круг читателей. Для вторых, помимо особого типа верстки, уменьшающего формат издания, характерны поверхностность и эмоциональность статей, яркие заголовки, обилие карикатур, низкая цена.

Качественная пресса, к которой относятся «The Times», «The Guardian» и «The Daily Mirror», в освещении событий на территории Украины преимущественно декларировала нейтральную позицию, предлагая своей аудитории публикации, основанные на обильной фактологической базе, и оставляя читателям возможность самостоятельно делать выводы [Там же]. В то же время первая полоса таблоидов, таких как «The Sun», склонна пестрить разными громкими и порой даже провокационными заголовками, зачастую не отражающими реальное положение дел. Ярким примером тому была реакция британских средств массовой информации на информацию о сбитом летом 2014 года малазийском боинге на территории ДНР: буквально на следующий день в произошедшем была обвинена Российская Федерация [Crouch, 2014]. Вскоре в британской прессе появились противоречащие друг другу факты: к примеру, снимки с места крушения лайнера и другая информация. Таблоид «The Daily Express» утверждал, что самолет сбил украинский истребитель [Elvey, 2016], в то время как

более взвешенное издание «The Daily Mail» ставило достоверность такой информации под вопрос [AAP, 2015].

Не будет преувеличением утверждение, что исторически сложившееся представление о свободе слова в британской прессе несколько «избаловало» читателей по всему миру. Традиционно СМИ этой страны славятся своим непредвзятым отношением к событиям. Однако в настоящее время, стараясь донести до читателей информацию, пресса не просто выполняет свою важнейшую задачу — информировать, а способствует тому, чтобы в массовом сознании эта информация вызвала реакцию, соответствующую требованиям заинтересованных сторон — как частных лиц, так и представителей официальных кругов. Можно утверждать, что результатом стали не только отход от беспристрастной передачи информации, но и выраженная тенденциозность в отображении и оценке событий. Наблюдается это явление и в работе видных британских изданий.

Так, ещё весной 2014 года, в самом начале противостояния сторонников выхода из состава Украины и представителей официального Киева, газета «The Daily Mail» оказалась уличена в предоставлении своим читателям как минимум непроверенной информации. Материалы издания сообщали о смерти молодой медсестры, утверждая, что в этой трагедии виноваты русские военные [Bradshaw, 2015]. После предъявления опровержения редакция была вынуждена исправить статью в онлайн-версии издания. Схожая ситуация произошла и с комментарием к фотографии, на которой двое мужчин в форме несут раненую женщину; в статье говорилось о том, что сотрудники украинского МЧС переносят местного жителя в автобус. Однако на фото хорошо видно, что на мужчинах форма российского образца с нашивками в виде российского флага [Charlton, 2014]. Отметим, что подобных сюжетов, содержащих намеренно неверную или непроверенную информацию, было особенно много в начале кризиса на территории Украины. Очевидно, что по мере роста информированности британских журналистов о специфике происходивших в этом государстве событий росла и точность сведений в их материалах. Параллельно с этим под воздействием политической конъюнктуры и антироссийских публикаций в СМИ общественное мнение британцев в отношении России и её внешней политики постепенно ужесточалось [YSR, 2014; YSTSR, 2014].

Несомненно, что применительно к весне 2014 года одним из центральных событий, освещаемых на страницах британских газет, стало вхождение Крыма в состав Российской Федерации. Характеризуя подачу информации британскими печатными периодическими изданиями, отметим, что в 61 % материалов выражалось негативное отношение к прошедшему

референдуму в Крыму [RUSS, 2014]. В остальных 38 % была нейтральная подача информации [Show, 2015]. И только 1 % публикаций коснулся вопроса о том, что большое количество крымчан действительно поддержали референдум [CR, 2014].

Что касается материалов негативного характера, то можно привести следующие характерные тезисы:

(1) *The Crimea referendum is illegitimate, it violates Ukraine's legislation and international law* [UC, 2014] (Проведенный референдум в Крыму нелегитимен, поскольку он нарушает законодательство Украины и нормы международного права[1]).

(2) *The separatists have seized control of the Crimea* [WSUCE, 2014] (На крымской территории был произведен захват власти сепаратистами).

(3) *OSCE is concerned about the decision to hold a referendum in Crimea* [OSCE, 2014] (Озабоченность ОБСЕ решением о проведении референдума в Крыму).

(4) *Stock indexes of Russia and Ukraine fell sharply after the news of the referendum* [Harding, 2014] (Резкое снижение фондовых индексов России и Украины после новости о проведении референдума).

Для публикаций с нейтральной тональностью характерны такие заголовки:

(1) *Putin and Merkel have discussed the situation in Ukraine and the Crimean referendum* [Harding, 2014] (В. В. Путин и А. Меркель обсудили ситуацию в Украине и крымский референдум).

(2) *Ukrainian authorities announced the suspension of the decision of the Supreme Council of Crimea on the results of the referendum* [Butenko et al., 2014] (Украинские власти заявили о приостановлении решения Верховного Совета Крыма об итогах референдума).

(3) *The EU doesn't recognize the results of the Crimean referendum, unlike the situation in Scotland* [UMC, 2014] (Сравнение референдумов Шотландии и Крыма, непризнание итогов крымского референдума Евросоюзом).

3. Юго-Восток Украины

Исследовав подачу информации британскими масс-медиа на примере изданий «The Guardian», «The Daily Mirror», «The Sun» и «The Times» и др., мы можем утверждать, что издания освещали события, связанные с референдумом, не вполне объективно. Рефреном повторялась мысль о грядущей политической изоляции России [Hague, 2014; Wood, 2013].

1 Здесь и далее перевод Д. А. Патрушевой и А. Б. Гехта.

Представители британских СМИ излагали материал преимущественно в отрыве от происходивших событий и цитировали политически ангажированных украинских журналистов, склонных обвинять только российскую сторону [Eady, 2014]. Нельзя исключать и стремление отдельных британских авторов не столько к журналистской объективности, сколько к привлечению внимания к своей деятельности. В то же время возникали и контр-суждения [INR, 2014]. Так, по мнению Кристофера Букера, журналиста «The Daily Telegraph», в украинском кризисе виноват Евросоюз: «имперские амбиции» ЕС по расширению своего влияния привели к тем событиям, которые последовали после Евромайдана 2013 года. По его мнению, западные лидеры оказались не способны разобраться с хаосом, возникшим вследствие гражданской войны на Юго-Востоке Украины [Booker, 2014]. Однако, как отмечалось выше, доля подобных суждений была в явном меньшинстве.

В этой связи показательна позиция представителей партий националистического толка, в основном не поддержавших пришедших к власти в Киеве политиков. Позиция Партии независимости Соединенного Королевства, выступавшей за выход Британии из ЕС, привлекает особое внимание: в ходе теледебатов лидер партии Найджел Фарадж расценил внешнюю политику ЕС как «разрушительную, империалистическую, экспансионистскую». Он заявил: *We are seeing vanity take the place of reason in foreign policy and the result is to destabilise a whole series of countries to no positive effect that I can discern. It is not just the Ukraine* [Farage …, 2014] (Тщеславие занимает место разума во внешней политике, и результатом становится дестабилизация целого ряда стран, а не только Украины). По его оценке, *EU does have 'blood on its hands' over Ukraine* [Ibid.] (у ЕС «кровь на руках» из-за потворства украинцам в свержении президента). Фарадж сказал следующее: *I do hope we won't be dragged into the conflict where no pressing national interest was at stake. The British public are sick of things like this* [Ibid.] (Я надеюсь, что нас не втянут в военный конфликт на Украине. Британцы уже по горло сыты бесконечными военными интервенциями).

В подобном разделении британской информационной сферы можно увидеть отражение противоречий внутри современного публичного пространства Великобритании. Как справедливо отмечают отечественные исследователи Ю. В. Квашнин и Ю. В. Тоганова, британский дискурс только на первый взгляд однороден в оценке действий России, на самом деле он представляет пространство конфликтных смысловых взаимодействий. Наличие противоречивых позиций проявляется не только в отношении укра-

инских событий, но и в других внутренних и внешних политических проблемах.

Одним из заметных водоразделов в британской политической сфере является вопрос нормативной политики. Её сторонники выступают за политическую прозрачность, ориентируются на демократию и права человека, а прагматики считают, что только материальные, а не ценностные аспекты определяют суть политики. Первые отрицательно относятся к России, и их позиция остается неизменной с начала XXI века. В их трактовке Россия — опасное авторитарное государство, не способное интегрироваться в западное сообщество. Эти установки разделяет значительная часть журналистов, входящих в британскую интеллектуальную элиту. Прагматики, в свою очередь, тоже делятся на две группы. Одни видят в России оппонента в решении международных проблем, другие поддерживают развитие стратегического партнерства с Россией, полагая, что и у западных стран, и у России в наличии большое количество общих вызовов и, следовательно, политических интересов [Квашнин и др., 2016]. Данные подходы к выстраиванию британской внешнеполитической линии ярко проявились в период проведения Минских переговоров (начало 2015 года), призванных урегулировать ситуацию на Юго-Востоке Украины, и были представлены на страницах исследуемых газет.

Отметим, что летом-осенью 2014 года в британской информационной повестке события на территории Донецкой области описывались преимущественно как действия, организованные и подогреваемые главным образом внешними субъектами [Grytsenko et al., 2014]. Также делался акцент на жертвах среди мирного населения; выступления жителей Донецкой области были представлены как попытки «сепаратистов» подорвать авторитет представителей действующей власти [PRM, 2014], а также трактовались как преимущественно агрессивные [WSUPR, 2014]. Нередко транслировалась мысль о том, что в условиях столь ожесточённого противостояния мировое сообщество не может остаться в стороне и должно хоть как-то повлиять на действия, нарушающие международные нормы [Parfitt, 2014]. В британской прессе неоднократно упоминалось и участие в боевых действиях российских вооруженных сил, например, после боев за Иловайск в «The Guardian» приводились мнения украинских военных, участников боевых действий со стороны официального Киева, которые заявляли, что в «Иловайском котле» против них воевали регулярные части российской армии [Kostyuchenko, 2014]. Заметим, что по-прежнему в меньшинстве оставались материалы, авторы которых склонны рассматривать события на Юго-Востоке Украины под другим углом [Bradshaw, 2015].

4. Минские соглашения

Подписание Минских соглашений на страницах рассматриваемых в работе газет преимущественно воспринималось в качестве временной передышки [MAOUC, 2015], а отнюдь не поворотного момента в деле разрешения украинского кризиса. Впоследствии, когда сообщения о постоянных нарушениях условий соглашений стали публиковаться с завидной частотой, некоторые издания начали оценивать Минские договоренности как изначально бессмысленные [Stone, 2015]: *We can assume — these agreements are initially devoid of special meaning* [Weaver, 2015] (Соглашение настолько расплывчато, что каждая сторона могла пользоваться им для того, чтобы обвинять другую сторону в его нарушении). Многие издания утверждали, что именно Россия не только не соблюдает Минские соглашения, но и демонстративно продолжает совершать противоправные действия в отношении Украины [Stewart, 2015], при этом мало кто упоминал в своих статьях о действиях украинской стороны — направлены ли они на соблюдение этого соглашения [Beattie, 2015].

Рассуждая о необходимости урегулирования противостояния на территории Украины, британские журналисты высказывали противоречивые идеи о том, как можно разрешить конфликт и какие меры должны при этом иметь приоритет [Ricks, 2015].

В немногочисленных статьях упоминалось о том, что ЕС следует играть более активную роль в смягчении последствий конфликта [Hill et al., 2016]. Как известно, Европейский Союз выступал в числе посредников между сторонами конфликта на протяжении всего периода с начала Евромайдана, в ходе которого прежнее правительство Украины было свергнуто, участвовал в заключении Минских соглашений, направленных на то, чтобы положить конец боевым действиям на Востоке Украины, а также предложил техническую, финансовую и дипломатическую поддержку новому украинскому правительству. Однако с позиции ряда британских журналистов сделанного интеграционным объединением было недостаточно [Schulz, 2015].

В немногочисленных публикациях поднимался вопрос о предпосылках украинского политического кризиса. Авторы приходили к выводу о необходимости восстановления экономики страны и её государственного механизма, проведения всесторонней борьбы с коррупцией, формирования подлинной демократизации общественной жизни, в результате чего, по мысли журналистов, повысится благосостояние жителей Украины и, как следствие, у них появится возможность борьбы за свои интересы политическими способами [INR, 2014].

Ряд британских аналитиков сошлись во мнении [Marcus, 2014], что из-за украинского кризиса стала возможна перспектива длительного обострения отношений между Россией и западными странами, при этом звучала мысль о том, что цель политики последних должна заключаться не в некоем наказании России, а в использовании рычагов и инструментов «мягкой силы» для продвижения своих интересов и стандартов, способных в конечном счёте повлиять на российскую политическую действительность [Lough, 2014].

Показательно, что, рассуждая о путях урегулирования украинского кризиса, бывший посол Соединенного Королевства в России сэр Тони Брентон (2004—2008) выразил позицию, согласно которой представителям группы западных стран следует осознать, что у России есть законные интересы на Украине и в интересах самого Киева иметь хорошие отношения с Москвой: *If each side wants to end the game with a zero result, it's a recipe for disaster. At the moment Ukraine is losing, Russia is losing ... and the West is losing. Losing can be a victory, and you'll need time, rationality, and a lot of effort. There is no magic wand to solve the problem like this* [Brenton, 2014] (… Если каждая из сторон добивается окончания игры с нулевым результатом, то это рецепт беды. В нынешней ситуации проигрывает Украина, проигрывает Россия …, проигрывает Запад. Проигрыш может стать победой, что потребует времени, рациональности и огромных усилий. Волшебной палочки для решения проблемы нет).

5. Заключение

Подводя итоги анализа того, как в прессе Великобритании освещались события на Украине в исследуемый период, мы можем отметить заметное изменение тональности и риторики газетных публикаций в ведущих британских изданиях — от эмоционально окрашенных и порой даже ангажированных заявлений 2014 года (к примеру, явно выраженных антироссийских демаршей) к более взвешенным и порой весьма точным суждениям авторитетных британских изданий, присущим рубежу 2015—2016 годов.

Уже к концу 2015 года освещение событий украинского политического кризиса на страницах британской печати начинает отходить на второй и даже третий план, уступая место прочим актуальным международным вопросам, в частности, борьбе с радикальными исламистами на территории Сирии и вмешательству ведущих мировых держав в гражданский конфликт в этой стране. Несомненно, интерес британского общественного мнения к затянувшимся событиям в Восточной Европе заметно угас, а отсутствие каких-либо сенсационных событий в данном регионе, достаточно

малозначимом и для британской внешней политики, и для общественного мнения в королевстве в целом, предопределило переключение внимания центральной прессы на освещение иных событий и процессов. Таким образом, к началу 2016 года относится и заметный спад интереса со стороны крупных британских печатных изданий к освещению украинского кризиса, что отразилось на сокращении публикаций, посвященных данной теме.

Как представляется авторам, Великобритания — весьма непростой партнер не только для России, но и для многих стран, значительно более близких Лондону, включая его бывших партнеров по Евросоюзу. Тем не менее возникающие проблемы с европейскими странами чаще всего решаются с помощью компромиссов и учета интересов партнера. Учитывая роль Соединённого королевства на международной арене, можно лишь пожелать, чтобы постепенно подобный формат приобрели и российско-британские отношения, и их отражение на страницах ведущих печатных изданий, традиционно оказывающих весомое влияние не только на формирование общественного мнения, но и на динамику взаимоотношений между государствами.

Источники и принятые сокращения

AAP — *Australian* associated press. Malaysia Airlines restructure post MH370 [Electronic resource] // The Daily Mail. — 2015. — 18 February. — Access mode : http://www.dailymail.co.uk/wires/aap/article-2973865/Malaysia-Airlines-restructure-post-MH370.html.

Beattie J. Back down or become an international outcast': PM issues tough warning to Russia [Electronic resource] / J. Beattie // The Mirror. — 2015. — 15 November. — Access mode : http://www.mirror.co.uk/news/uk-news/back-down-become-international-outcast-4635154.

Booker Ch. It was the EU that provoked the Ukrainian shambles, not Vladimir Putin [Electronic resource] / Ch. Booker // The Telegraph. — 2014. — 20 December. — Access mode : http://www.telegraph.co.uk/comment/11305124/It-was-the-EU-that-provoked-the-Ukrainian-shambles-not-Vladimir-Putin.html.

Bradshaw P. Donbass review — freakish fake — news kaleidoscope of Ukranian covol war [Electronic resource] / P. Bradshaw // The Guardian. — 2015. — 10 May. — Access mode : https://www.theguardian.com/film/2015/may/10/donbass-review-cannes-2018-sergei-loznitsa.

Brenton T. The Unfolding Ukraine Crisis Signals a New World Order [Electronic resource] / T. Brenton // The Guardian. — 16.05.2014. — Access mode : http://www.theguardian.com/commentisfree/2014/may/16/ukraine-crisis-signals-new-world-order-russia.

Butenko V. Ukraine orders Crimea troop withdrawal as Russia seizes naval base. [Electronic resource] / V. Butenko, M-L. Gumuchian // The Telegraph. — 2014. — 24 March. — Access mode : https://www.europarl.europa.eu/news/en/headlines/world/20140312STO38705/ukraine-meps-call-for-firm-action-on-russia-to-prevent-further-escalation.

Charlton C. Surrounded Ukrainian troops pull out of key strategic town under siege from Russian separatists as US accuses Moscow of violating peace treaty [Electronic resource] / C. Charlton // The Telegraph. — 2014. — 20 December. — Access mode : http://www.dailymail.co.uk/news/article-2958207/US-accuses-Moscow-violating-peace-treaty-Ukraine-warns-costs-Russia-rise-continues.html.

CR — *Crimea* referendum : 96,77 % voted for joining Russia [Electronic resource] / Euroradio.FM. — Access mode : https://euroradio.fm/en/9677-crimean-electors-voted-joining-russia.

Crouch H. PLANE PAIN What happened to flight MH17 and who were the crash victims? [Electronic resource] / H. Crouch. — Access mode : https://www.thesun.co.uk/news/1871229/mh17-plane-crash-ukraine-russia-putin-shot-down-buk-missile.

Eady P. Putin warns West that Russia "cannot ignore calls for help" from other parts of Ukraine [Electronic resource] / P. Eady // The Daily Mirror. — 2014. — 7 March. — Access mode : http://www.mirror.co.uk/news/world-news/ukraine-crisis-putin-warns-west-3215674.

Elvey S. Is that why it's still missing? MH370 NEVER actually crashed, blast victims' families [Electronic resource] / S. Elvey // The Daily Exoress. — 2016. — 13 February. — Access mode : http://www.express.co.uk/news/world/643778/MH370-found-Malaysia-Airlines-never-crash-victim-families.

Farage : EU does have 'blood on its hands' over Ukraine [Electronic resource] // BBC News. — 27.03.2014. — Access mode : http://www.bbc.com/news/uk-politics-26768602.

Grytsenko O. Donetsk region asks to join Russia [Electronic resource] / O. Grytsenko, Sh. Walker / The Guardian. — 2014. — 12 May. — Access mode : https://web.archive.org/web/20140512224835/http:/www.theguardian.com/world/2014/may/12/ukraine-crisis-donetsk-region-asks-join-russia.

Hague W. Russia faces global isolation — again [Electronic resource] / W. Hague // The Telegraph. — 22.03.2014. — Access mode : http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/russia/10716194/Russia-faces-global-isolation-again.html.

Harding L. Crimea applies to be part of Russian Federation after vote to leave Ukraine [Electronic resource] / L. Harding // The Guardian. — 2014. — 17 March. — Access mode : https://www.theguardian.com/world/2014/mar/17/ukraine-crimea-russia-referendum-complain-result.

Hill F. Dealing with a sommering Ukraine — Russia conflict [Electronic resource] / F. Hill, S. Pifer / Brookings. — 2016. — Access mode : https://www.brookings.edu/research/dealing-with-a-simmering-ukraine-russia-conflict.

INR — *It's* not Russia that is destabilising Ukraine — Sergei Lavrov [Electronic resource] / The Guardian. — 2014. — 7 April. — Access mode : https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/apr/07/sergei-lavrov-russia-stabilise-ukraine-west.

Kostyuchenko E. Battle for Donetsk airport : the story of one Russian fighter [Electronic resource] / E. Kostyuchenko // The Guardian. — 2014. — 27 Jun. — Access mode : https://www.theguardian.com/world/2014/jun/27/ukraine-donetsk-airport-russia-fighter.

Lough J. The West Needs a New Form of Deterrence that Targets Russia's Weaknesses [Electronic resource] / J. Lough // Chatham House. — 21.03.2014. — Access mode : http://www.chathamhouse.org/media/comment/view/198405.

MAOUC — *Minsk* agreement on Ukraine crisis: text in full [Electronic resource] / The Daily Telegraph. — 2015. — 12 February. — Access mode : https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/ukraine/11408266/Minsk-agreement-on-Ukraine-crisis-text-in-full.html.

Marcus J. Analysis : Russia's Crimea move poses West huge questions [Electronic resource] / J. Marcus // BBC News. — 18.03.2014. — Access mode : http://www.bbc.com/news/world-europe-26627042.

OSCE — *OSCE* Chair says Crimean referendum in its current form is illegal and calls for alternative ways to address the Crimean issue [Electronic resource] / OSCE. — 2014. — 11 March. — Access mode : http://www.osce.org/cio/116313.

Parfitt T. Ukraine crisis : the neo-Nazi brigade fighting pro-Russian separatists [Electronic resource] / T. Parfitt // The Daily Telegraph. — 2014. — 11 August. — Access mode : https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/ukraine/11025137/Ukraine-crisis-the-neo-Nazi-brigade-fighting-pro-Russian-separatists.html.

PRM — *Pro-Russian* mayor of Slavyansk sacked and arrested [Electronic resource] / The Guardian. — 2014. — 12 June. — Access mode : https://www.theguardian.com/world/2014/jun/12/pro-russian-mayor-slavyansk-sacked-arrested-ukraine.

Ricks T. 5 steps to help Ukraine, end the ctisis and restore some stability in Eastern Europe [Electronic resource] / T. Ricks // FP. — 2015. — Access mode : https://foreignpolicy.com/2015/09/24/5-steps-to-help-ukraine-end-the-crisis-and-restore-some-stability-in-eastern-europe.

RUSS — *Reuters*. Ukraine, separatists to strive for full ceasefire from Sept 1 [Electronic resource] // The Daily Mail. — 2014. — 7 May. — Access mode : http://www.dailymail.co.uk/wires/reuters/article-3211934/Ukraine-separatists-strive-ceasefire-Sept-1.html.

Schulz W. EU and Ukraine : closer ties despite backsliding? [Electronic resource] / W. Schulz // The Observer. — 2015. — 19 March. — Access mode : https://euobserver.com/opinion/119484.

Show A. Vladimir Putin boasts of planning Ukraine invasion as he vowed to bring Crimea back to Russia [Electronic resource] / A. Show // The Daily Mirror. — 2015. — 9 March. — Access mode : http://www.mirror.co.uk/news/world-news/vladimir-putin-boasts-planning-ukraine-5301238.

Stewart W. Vladimir Putin reveals bedroom secrets in private conversation after not realising microphone is on [Electronic resource] / W. Stewart // The Daily Mail. — 2015. — 26 August. — Access mode : http://www.mirror.co.uk/news/world-news/vladimir-putin-reveals-bedroom-secrets-8146757.

Stone J. Boris Jons about Ukraine [Electronic resource] / J. Stone // The Independent. — 2015. — 18 October. — Access mode : http://www.independent.co.uk/search/site/Boris%2520Jons%2520about%2520

UC — *Ukraine* crisis : David Cameron claims Russia could face sanctions as early as next week [Electronic resource] / Daily Mirror. — 2014. — 10 March. — Access mode : https://www.mirror.co.uk/news/uk-news/ukraine-crisis-david-cameron-claims-3227871.

UMC — *Ukraine :* MEPs call for firm action on Russia to prevent further escalation [Electronic resource] / The Daily Mirror. — 2014. — 12 March. — Access mode : https://edition.cnn.com/2014/03/24/world/europe/ukraine-crisis.

Weaver M. Ukraine ceasefire agreed at Belarus talks [Electronic resource] / M. Weaver // The Guardian. — 2015. — 12 Feb. — Access mode : https://www.theguardian.com/world/2015/feb/12/ukraine-crisis-reports-emerge-of-agreement-in-minsk-talks.

Wood A. Russia: Cold Shadows and Present Illusions [Electronic resource] / A. Wood // Chatham House. — 2013. — March. — Access mode : http://www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/Research/Russia%20and%20Eurasia/0313pp_wood.pdf.

WSUCE — *Walker Sh.* Ukraine crisis escalates as pro-Russia activists declare independence in Donetsk [Electronic resource] / Sh. Walker // The Guardian. — 2014. — 7 April. — Access mode : https://www.theguardian.com/world/2014/apr/07/ukraine-crisis-pro-russia-activists-declare-independence-donetsk.

WSUPR — *Walker Sh.* Ukraine: pro-Russia separatists set for victory in eastern region referendum [Electronic resource] / Sh. Walker // The Guardian. — 2014. — 12 May. — Access mode : theguardian.com/world/2014/may/11/eastern-ukraine-referendum-donetsk-luhansk.

YSR — *YouGov* Survey Results [Electronic resource] // YouGov. — 04.03.2014. — Access mode : http://cdn.yougov.com/cumulus_uploads/document/69jicthojp/YG-Archive-140303-Ukraine-2.pdf.

YSTSR — *YouGov* [Electronic resource] // Sunday Times Survey Results. — 25.07.2014. — Access mode : http://d25d2506sfb94s.cloudfront.net/cumulus_uploads/document/ytggo8ho42/YG-Archive-Pol-Sunday-Times-results-140725.pdf.

Литература

1. *Квашнин Ю. В.* Интеграционные и дезинтеграционные процессы в мировой экономике и политике / Ю. В. Квашнин, Ю. В. Тоганова. — Москва : ИМЭМО РАН, 2016. — С. 181—183.

2. *Патрушева Д. А.* Освещение кризисных явлений на Украине в 2013—2018 гг. в британских печатных изданиях / Д. А. Патрушева // Вестник Гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. профессора М. А. Бонч-Бруевича. — 2019. — № 11. — С. 203—207.

Crisis in Ukraine 2014—2016 Reporting in the British Press

© **Anton B. Geht (2020),** orcid.org/0000-0002-6917-1161, associate professor, PhD in History, acting for Head of the Department of History and Regional Studies, Federal State Budget-Financed Educational Institution of Higher Education The Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications (St. Petersburg, Russia), a.geht@yandex.ru.

© **Daria A. Patrusheva (2020),** orcid.org/0000-0001-8576-8382, Master, assistant professor, Department of History and Regional Studies, Federal State Budget-Financed Educational Institution of Higher Education The Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications (St. Petersburg, Russia), d.patrusheva@mail.ru.

© **Bogdan K. Reznikov (2020),** orcid.org/0000-0003-3866-6265, Master, assistant, Department of Photonics and Communication Lines, Federal State Budget-Financed Educational Institution of Higher Education The Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications (St. Petersburg, Russia), rznkff@gmail.com.

© **Denis V. Shutman (2020),** orcid.org/0000-0002-0689-5533, PhD in Political Science, Dean of the Faculty of Humanities, Federal State Budget-Financed Educational Institution of Higher Education The Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications (St. Petersburg, Russia), dekanat-gf@mail.ru.

This work is devoted to studying the issue of how the events of the political crisis of 2014-2016 in Ukraine were reflected in the UK media. The main features of the British print media are highlighted, the characteristic features of the British newspaper and journalistic discourse are revealed. The study was conducted on the basis of journalistic texts of 2014-2016. The appearance and transformation of the prevailing in the UK opinions about the Ukrainian crisis and its assessments in the press are shown. It raises the issue of coverage by the British media of a referendum on the entry of Crimea into the Russian Federation, the armed confrontation in the South-East of Ukraine and the conclusion of the Minsk agreements. The authors infer that over the course of two years there has been a noticeable change in the tone and rhetoric of newspaper publications in British press: if in 2014 the judgments of the journalists were mostly pronounced negative, then over time the estimates became more balanced and restrained. It is noted that by the end of 2015 there was a noticeable decline in interest from large British print media to cover the Ukrainian conflict, which was manifested in a noticeable reduction in publications affecting this topic.

Key words: British press; Ukrainian crisis; Euromaidan; Crimea; referendum in Crimea; Minsk agreements.

Material resources

AAP — Australian associated press. Malaysia Airlines restructure post MH370. (2015). In: *The Daily Mail*. 18 February. Available at: http://www.dailymail.co.uk/wires/aap/article-2973865/Malaysia-Airlines-restructure-post-MH370.html.

Beattie, J. (2015). Back down or become an international outcast': PM issues tough warning to Russia. In: *The Mirror*. 15 November. Available at: http://www.mirror.co.uk/news/uk-news/back-down-become-international-outcast-4635154.

Booker, Ch. (2014). It was the EU that provoked the Ukrainian shambles, not Vladimir Putin. In: *The Telegraph*. 20 December. Available at: http://www.telegraph.co.uk/comment/11305124/It-was-the-EU-that-provoked-the-Ukrainian-shambles-not-Vladimir-Putin.html.

Bradshaw, P. (2015). Donbass review — freakish fake — news kaleidoscope of Ukranian covol war. In: *The Guardian*. 10 May. Available at: https://www.theguardian.com/film/2015/may/10/donbass-review-cannes-2018-sergei-loznitsa.

Brenton, T. (2014). The Unfolding Ukraine Crisis Signals a New World Order. In: *The Guardian*. 16.05. Available at: http://www.theguardian.com/commentisfree/2014/may/16/ukraine-crisis-signals-new-world-order-russia.

Butenko, V., Gumuchian, M-L. (2014). Ukraine orders Crimea troop withdrawal as Russia seizes naval base. In: *The Telegraph*. March 24. Available at: https://www.europarl.europa.eu/news/en/headlines/world/20140312STO38705/ukraine-meps-call-for-firm-action-on-russia-to-prevent-further-escalation.

Charlton C. (2014). Surrounded Ukrainian troops pull out of key strategic town under siege from Russian separatists as US accuses Moscow of violating peace treaty. In: *The Telegraph*. 20 December. Available at: http://www.dailymail.co.uk/news/article-2958207/US-accuses-Moscow-violating-peace-treaty-Ukraine-warns-costs-Russia-rise-continues.html.

CR — Crimea referendum: 96,77 % voted for joining Russia. In: *Euroradio.FM*. Available at: https://euroradio.fm/en/9677-crimean-electors-voted-joining-russia.

Crouch, H. *PLANE PAIN What happened to flight MH17 and who were the crash victims?* Available at: https://www.thesun.co.uk/news/1871229/mh17-plane-crash-ukraine-russia-putin-shot-down-buk-missile.

Eady, P. (2014). Putin warns West that Russia "cannot ignore calls for help" from other parts of Ukraine. In: *The Daily Mirror.* 7 March. Available at: http://www.mirror.co.uk/news/world-news/ukraine-crisis-putin-warns-west-3215674.

Elvey, S. (2016). Is that why it's still missing? MH370 NEVER actually crashed, blast victims' families. In: *The Daily Exoress.* 13 February. Available at: http://www.express.co.uk/news/world/643778/MH370-found-Malaysia-Airlines-never-crash-victim-families.

Farage: EU does have 'blood on its hands' over Ukraine (2014). In: *BBC News.* 27.03. Available at: http://www.bbc.com/news/uk-politics-26768602.

Grytsenko, O., Walker, Sh. (2014). Donetsk region asks to join Russia. In: *The Guardian.* 12 May. Available at: https://web.archive.org/web/20140512224835/http:/www.theguardian.com/world/2014/may/12/ukraine-crisis-donetsk-region-asks-join-russia.

Hague, W. (2014). Russia faces global isolation — again. In: *The Telegraph.* 22.03. Available at: http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/russia/10716194/Russia-faces-global-isolation-again.html.

Harding, L. (2014). Crimea applies to be part of Russian Federation after vote to leave Ukraine. In: *The Guardian.* 17 March. Available at: https://www.theguardian.com/world/2014/mar/17/ukraine-crimea-russia-referendum-complain-result.

Hill, F., Pifer, S. Dealing with a sommering Ukraine — Russia conflict. In: *Brookings.* Available at: https://www.brookings.edu/research/dealing-with-a-simmering-ukraine-russia-conflict.

INR — It's not Russia that is destabilising Ukraine — Sergei Lavrov (2014). In: *The Guardian.* 7 April. Available at: https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/apr/07/sergei-lavrov-russia-stabilise-ukraine-west.

Kostyuchenko, E. (2014). Battle for Donetsk airport: the story of one Russian fighter. In: *The Guardian.* 27 Jun. Available at: https://www.theguardian.com/world/2014/jun/27/ukraine-donetsk-airport-russia-fighter.

Lough, J. (2014). The West Needs a New Form of Deterrence that Targets Russia's Weaknesses. In: *Chatham House.* 21.03. Available at: http://www.chathamhouse.org/media/comment/view/198405.

MAOUC — Minsk agreement on Ukraine crisis: text in full. In: *The Daily Telegraph*. 12 February. Available at: https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/ukraine/11408266/Minsk-agreement-on-Ukraine-crisis-text-in-full.html.

Marcus, J. (2014). Analysis: Russia's Crimea move poses West huge questions. In: *BBC News.* 18.03. Available at: http://www.bbc.com/news/world-europe-26627042.

OSCE — OSCE Chair says Crimean referendum in its current form is illegal and calls for alternative ways to address the Crimean issue. (2014). In: *OSCE.* 11 March. Available at: http://www.osce.org/cio/116313.

Parfitt, T. (2014). Ukraine crisis: the neo-Nazi brigade fighting pro-Russian separatists. In: *The Daily Telegraph.* 11 August. Available at: https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/ukraine/11025137/Ukraine-crisis-the-neo-Nazi-brigade-fighting-pro-Russian-separatists.html.

PRM — Pro-Russian mayor of Slavyansk sacked and arrested (2014). In: *The Guardian.* 12 June. Available at: https://www.theguardian.com/world/2014/jun/12/pro-russian-mayor-slavyansk-sacked-arrested-ukraine.

Ricks, T. 5 steps to help Ukraine, end the ctisis and restore some stability in Eastern Europe. In: *FP.* Available at: https://foreignpolicy.com/2015/09/24/5-steps-to-help-ukraine-end-the-crisis-and-restore-some-stability-in-eastern-europe.

RUSS — Reuters. Ukraine, separatists to strive for full ceasefire from Sept 1. (2014). In: *The Daily Mail.* 7 May. Available at: http://www.dailymail.co.uk/wires/reuters/article-3211934/Ukraine-separatists-strive-ceasefire-Sept-1.html.

Schulz, W. (2015). EU and Ukraine: closer ties despite backsliding? In: *The Observer.* 19 March. Available at: https://euobserver.com/opinion/119484.

Show, A. (2015). Vladimir Putin boasts of planning Ukraine invasion as he vowed to bring Crimea back to Russia. In: *The Daily Mirror*. 9 March. Available at: http://www.mirror.co.uk/news/world-news/vladimir-putin-boasts-planning-ukraine-5301238.

Stewart, W. (2015). Vladimir Putin reveals bedroom secrets in private conversation after not realising microphone is on. In: *The Daily Mail.* 26 August. Available at: http://www.mirror.co.uk/news/world-news/vladimir-putin-reveals-bedroom-secrets-8146757.

Stone, J. (2015). Boris Jons about Ukraine. In: *The Independent.* 18 October. Available at: http://www.independent.co.uk/search/site/Boris%2520Jons%2520about%2520.

UC — Ukraine crisis: David Cameron claims Russia could face sanctions as early as next week (2014). In: *Daily Mirror.* 10 March. Available at: https://www.mirror.co.uk/news/uk-news/ukraine-crisis-david-cameron-claims-3227871.

UMC — Ukraine: MEPs call for firm action on Russia to prevent further escalation (2014). In: *The Daily Mirror.* 12 March. Available at: https://edition.cnn.com/2014/03/24/world/europe/ukraine-crisis.

Weaver, M. (2015). Ukraine ceasefire agreed at Belarus talks. In: *The Guardian.* 12 Feb. Available at: https://www.theguardian.com/world/2015/feb/12/ukraine-crisis-reports-emerge-of-agreement-in-minsk-talks.

Wood, A. (2013). Russia: Cold Shadows and Present Illusions. In: *Chatham House.* March. Available at: http://www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/Research/Russia%20and%20Eurasia/0313pp_wood.pdf.

WSUCE — Walker, Sh. (2014). Ukraine crisis escalates as pro-Russia activists declare independence in Donetsk. In: *The Guardian.* 7 April. Available at: https://www.theguardian.com/world/2014/apr/07/ukraine-crisis-pro-russia-activists-declare-independence-donetsk.

WSUPR — Walker, Sh. (2014). Ukraine: pro-Russia separatists set for victory in eastern region referendum. In: *The Guardian.* 12 May. Available at: theguardian.com/world/2014/may/11/eastern-ukraine-referendum-donetsk-luhansk.

YSR — YouGov Survey Results. (2014). In: *YouGov.* 04.03. Available at: http://cdn.yougov.com/cumulus_uploads/document/69jicthojp/YG-Archive-140303-Ukraine-2.pdf.

YSTSR — YouGov. (2014). In: *Sunday Times Survey Results.* 25.07. Available at: http://d25d2506sfb94s.cloudfront.net/cumulus_uploads/document/ytggo8ho42/YG-Archive-Pol-Sunday-Times-results-140725.pdf.

References

Kvashnin, Yu. V., Toganova, Yu. V. (2016). *Integratsionnyye i dezintegratsionnyye protsessy v mirovoy ekonomike i politike.* Moskva: IMEMO RAN. 181—183.

Patrusheva, D. A. (2019). Osveshcheniye krizisnykh yavleniy na Ukraine v 2013—2018 gg. v britanskikh pechatnykh izdaniyakh. *Vestnik Gumanitarnogo fakulteta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta telekommunikatsiy im. professora M. A. Bonch-Bruyevicha, 11:* 203—207.

Жериборов Д. С. Прямые иностранные инвестиции в России (конец 1980-х — конец 2010-х годов) / Д. С. Жериборов, В. Н. Пирогов // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 346—359. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-346-359.

Zheriborov, D. S., Pirogov, V. N. (2020). Foreign Direct Investment in Russia (Late 1980s — Late 2010s). *Nauchnyi dialog, 7:* 346-359. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-346-359. (In Russ.).

УДК 94:330.322.012(470)“1988/2020”
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-346-359

Прямые иностранные инвестиции в России (конец 1980-х — конец 2010-х годов)

© **Жериборов Денис Сергеевич (2020),** orcid.org/0000-0003-2662-1107, старший преподаватель кафедры зарубежного регионоведения, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия), dszheribov@urfu.ru.

© **Пирогов Виталий Николаевич (2020),** orcid.org/0000-0002-0189-4806, студент магистратуры, Институт экономики и управления, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия), vnpirogov@at.urfu.ru.

Прямые иностранные инвестиции в России рассматриваются в историческом аспекте. Отмечается, что теоретические исследования по данному вопросу привели к лучшему пониманию экономического механизма и поведения различных участников экономической сферы как на микро-, так и на макроуровне, что позволило открыть новые направления исследований в области экономики. Утверждается, что понимание того, почему та или иная компания инициирует прямые иностранные инвестиции в конкретную страну или увеличивает их объем, позволяет представить основные мотивы руководства фирм инвестировать, а не экспортировать или передавать производство на аутсорсинг национальным фирмам. Цель настоящего исследования состоит в выявлении основных тенденций поступлений прямых иностранных инвестиций в Российскую Федерацию в различные исторические периоды. Выполнен обзор экономических показателей по привлеченным инвестициям, отраженным в соответствующих экономических отчетах Центрального Банка РФ, а также иных документах. Проведена периодизация поступлений прямых иностранных инвестиций в РФ. На основании анализа авторами предлагается рассматривать пять периодов: с конца 1980-х по 1999 годы, с 2000 по 2007, с 2008 по 2013, с 2014 по 2019 и с 2020 года по настоящее время, — которым присущи свои особенности. Уделяется внимание тому, что прямые иностранные инвестиции в РФ в указанные периоды поступали неравномерно, что обусловлено серьезными политическими противоречиями на международной арене.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции; Россия; транснациональные компании; инвестиционная привлекательность.

1. Введение

Экономические отношения между государствами необходимо рассматривать в исторической ретроспективе, она помогает понять современную экономическую ситуацию в динамике и проанализировать, почему в одни страны инвестиций поступает больше, а в другие меньше.

Считается, что институт прямых иностранных инвестиций (далее — ПИИ) начал приобретать свои современные очертания после Второй мировой войны. Однако некоторые западные авторы полагают, что накопление сбережений и их избыток в странах Западной Европе сыграл ключевую роль в распространении института прямых иностранных инвестиций уже в конце XVIII — начале XIX веков, когда компании одной страны инвестировали «свободные» средства в проекты, реализуемые в другом государстве. Например, строительство железных дорог в США частично финансировалось за счет инвестиций из Великобритании. В СССР с начала 1920-х годов действовали коммерческие концессии с участием иностранных инвесторов.

Однако после Второй мировой войны из-за противостояния западной и советской идеологий мир «разделился» на два полюса, каждый из которых по-разному развивался и в политическом, и в экономическом плане. Так, например, США, страны Западной Европы и другие капиталистические государства продолжили совершенствовать институты рыночной модели, а СССР, страны Восточной Европы — социалистическую экономическую модель.

Надо отметить, что институт прямых иностранных инвестиций активно начали применять компании из США, особенно после 1945 года, когда географическая структура иностранных инвестиций была полностью изменена, так как американская промышленность не только нарастила свою производственную базу, но и получила большое количество денежной массы, с помощью которой США начали осваивать новые рынки за рубежом. Американские компании наращивали ПИИ в страны Западной Европы, разрушенные войной. С 1945 года США увеличивают поток инвестиций исключительно в развитые страны.

В 1960-х годах на фоне увеличивающегося объема международной торговли в научных кругах появляется запрос на систематизацию основных принципов и на создание теории ПИИ. До 1960 года иностранные инвестиции признавались частью международной торговой деятельности и в целом объяснялись торговыми теориями. В 1960-х и 1970-х годах компании увеличивают свои инвестиции, которые достигли рекордного уровня в 1981 году; но затем ПИИ вновь начали сокращаться из-за долгового

кризиса, который повлек за собой неспособность оплачивать свои долги Мексикой и странами Латинской Америки. При этом в 1980-е годы правительства развитых стран начали вводить налоги на иностранные компании, что привело к снижению ПИИ. Указанные обстоятельства вынудили крупных инвесторов искать новые подходы и страны.

2. Прямые иностранные инвестиции в первый период: конец 1980-х — 2000-е годы

В рассматриваемый период произошел распад СССР и Организации Варшавского договора. На политической карте мира образовалось несколько новых независимых государств. Для этих государств был характерен переход к рыночной модели развития, при этом переходный этап был отмечен экономическим кризисом как в России, так и на всем постсоветском пространстве. События данного периода ознаменовали новый этап развития международной финансовой системы, так как руководства вновь образованных независимых государств «приняли международные правила игры».

Ю. Киношита и Н. Ф. Кампос в статье «Почему ПИИ идут туда, куда они идут?» писали о том, что крах социалистической системы в конце 1980-х годов создал множество инвестиционных возможностей для стран бывшего Советского Союза [Киношита, 2003]. Так, правительства стран бывшего СССР начали принимать законодательные акты, направленные на защиту частной собственности, были открыты границы для иностранных компаний, однако бурного роста привлечения ПИИ не произошло.

Существует много теорий, почему в одни страны иностранные инвестиции «текут рекой», а в другие нет. Попытку объяснить такой феномен предпринял британский экономист Джон Гарри Даннинг [Даннинг, 1988]. Он выделил три условия, чтобы фирма была вовлечена в процесс прямого зарубежного инвестирования:

— донор располагает специфическими преимуществами собственности;

— акцептор имеет специфические преимущества местоположения относительно конкурентов и даже страны-донора;

— должны существовать преимущества интернализации, то есть преимущества от осуществления определенных сделок внутри фирмы (между различными подразделениями, филиалами одной и той же компании) по сравнению с осуществлением этих сделок на рынке [цит. по: Волгина, 2003].

В докладе ООН говорится о том, что в 2011 году функционировало более 600 транснациональных компаний (далее — ТНК), готовых вкладывать ПИИ. При этом более 8000 заграничных отделений осуществляют свою деятельность в развивающихся странах [Доклад …, 2012, с. 8]. Западные ученые считают, что ПИИ могут не способствовать экономическому росту в развивающихся странах, которые не имеют необходимого абсорбционного потенциала. Этот потенциал определяется такими факторами, как качество человеческого капитала, уровень развития финансового сектора, технологическое развитие и качество инфраструктуры. Так, например, скромные результаты ППИ в России особенно заметны при сравнении с иностранным инвестированием в других странах Восточной Европы [ОЭСР …, 2019]. В РФ поступало очень незначительное количество ППИ, и это не позволяло экономике страны начать расти, но при этом улучшились некоторые показатели уровня жизни, в частности, вырос годовой приток российских туристов за границу — с 1,6 млн человек в 1993 году до 4,3 млн в 2000-м [Шлейфер, 2019].

Потенциальные инвесторы изучали в начале 90-х годов положение в России, и, как отмечают исследователи, их интересовали реформы в законодательстве, промышленности и других областях. В 1993 году Российская Федерация приняла новую конституцию, которая начала защищать частную собственность, а также ознаменовала начало принятия и других нормативно-правовых актов: в 1994 году была принята 1 часть Гражданского кодекса, а в 1996 году — 2 часть и др. [Фабри, 2002].

Тем не менее, несмотря на проведенные в РФ реформы, экономическая ситуация в стране продолжала ухудшаться. В России за десятилетие 90-х годов произошло два дефолта. Можно констатировать, что руководство страны создало условия, при которых потенциальные иностранные инвесторы вкладывали средства исключительно в определенные отрасли, например, есть очень показательные примеры ПИИ в нефтегазовый сектор РФ. Однако такие инвестирования оказались недостаточными для того, чтобы «перезапустить» экономику.

Бартер, неплатежи, бешеная инфляция, непредсказуемо меняющийся курс рубля, огромный дефицит бюджета и госдолг, дефолт, невыплаты зарплат, умеющие только воровать «красные директора» в очереди за бюджетными вливаниями, полубандитская приватизация, отсутствие внятных правил и контроля за их соблюдением, а как следствие — «братки» вместо суда и полиции — обобщенная характеристика российской экономики 1990-х годов [Грозовский, 2019].

3. 2-й период развития института прямых иностранных инвестиций в России (2000—2007)

Данный период, который в политическом отношении связан с первым президентством В. В. Путина, характеризовался высокими ценами на энергоносители. В этот период в РФ продолжала обновляться нормативно-правовая база, в той или иной мере затрагивающая актуальную тему привлечения иностранных инвестиций. Для понимания того, какие условия были созданы для иностранных инвесторов руководством России, достаточно проанализировать годовые отчеты Центрального Банка РФ.

Так, за 2000 год ПИИ составили в сумме 4,3 млрд долларов США [Годовой отчет …, 2001, с. 38], за 2001 год — 2,5 млрд долларов США [Годовой отчет …, 2002, с. 42]. Интересен тот факт, что основными инвесторами выступили Соединенные Штаты Америки — 24 %, Королевство Нидерландов — 18 %, которые вкладывали средства исключительно в нефтегазовые отрасли [Там же]. Однако в 2002 году объем ПИИ сократился до 2,1 млрд долларов США [Годовой отчет …, 2003, с. 57], но уже в 2003 году вырос до 3,2 млрд долларов США. В значительной мере падение показателя носило технический характер, в частности, в платежном балансе нашли отражение операции по выкупу акций российских компаний у нерезидентов в рамках процесса слияния ОАО НК «ЮКОС» и ОАО «Сибирская нефтяная компания», без их учета нетто-приток прямых иностранных инвестиций оценивался в 6,8 млрд долларов, что выше уровня предыдущего года в 2,1 раза [Годовой отчет …, 2004, с. 57].

В обзоре ООН за 2005 год отмечалось увеличение ПИИ: мировой приток инвестиций в 2004 году по сравнению с предыдущим годом увеличился на 2 % и достиг 648 млрд долларов. Приток ПИИ в страны СНГ увеличился до 24 млрд долларов США, при этом Россия смогла привлечь инвестиций больше, чем другие страны СНГ [ДМИ, 2005]. В ежегодном отчете Центробанка России сказано, что в 2005 году прямые иностранные инвестиции равнялись 12,6 млрд долларов США [Годовой отчет …, 2006, с. 47]. В 2006 году в РФ поступило 7,4 млрд долларов США в форме ПИИ [Годовой отчет …, 2007, с. 46]. В 2007 году ПИИ в Россию выросли на 70,3 % — до 48,9 млрд долларов США [Кувшинова, 2008].

На официальном сайте tradingeconomics.com утверждается, что предоставляемые этим сайтом данные являются точной информацией из официальных источников по 196 странам. Он включает в себя исторические данные и прогнозы по более чем 20 миллионам экономических показателей: обменным курсам, индексам фондового рынка, доходности государственных облигаций и ценам на сырьевые товары. Проанализировав сведения

с указанного сайта, взятые в свою очередь у ЦБ РФ, представим их в виде рисунка 1, на котором зафиксированы суммы ПИИ в РФ в млн долларов США.

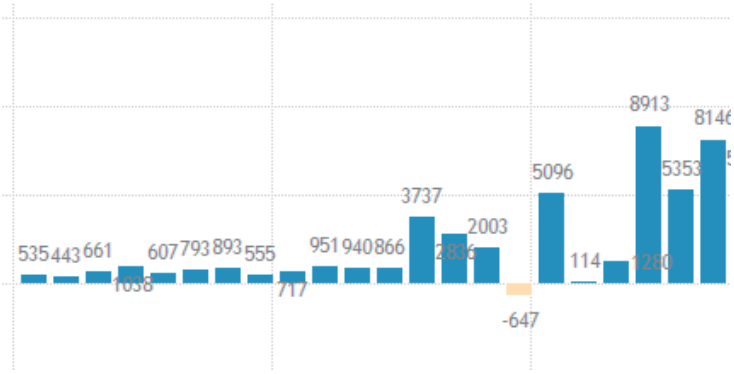

Рис. 1. Количество ПИИ, поступивших в РФ в млн долларов США

При этом временной промежуток с 2000 по 2007 годы можно охарактеризовать как период активного вливания прямых иностранных инвестиций в российскую экономику. В это время руководство РФ предприняло много шагов по усовершенствованию нормативно-законодательной базы РФ и созданию условий для привлечения в страну инвестиций, что можно проследить на диаграмме (рис. 1). Пик ПИИ приходится на 2007 год.

4. 3-й период развития института прямых иностранных инвестиций в России (2008—2013)

2008 год стал годом мирового финансового кризиса, который, начавшись в США, затронул все страны мира. Многие эксперты именовали этот кризис *ипотечным*. На его фоне начался кризис ликвидности во многих странах, что отразилось и на подходе инвесторов.

За 2008 год ПИИ в РФ составили 60,2 млрд долларов США [Годовой отчет …, 2009, с. 57]. В 2009 году прямые инвестиции составили 35,6 млрд долларов США [Годовой отчет …, 2010, с. 58]. В 2010 году в РФ от иностранных инвесторов поступило порядка 43,1 млрд долларов США [Травников, 2011].

За 2011 год суммарный поток ПИИ в мире достиг 1,5 трлн долларов США [ДМИ, 2013]. На встрече с премьер-министром В. Путиным глава Минэкономразвития отчитался о том, что в Россию в 2011 году поступило ПИИ на сумму 52 млрд долларов США [Приток …, 2012]. В 2012 году их

сумма составила 18,7 млрд долларов США [Травников, 2013]. В 2013 году приток инвестиций в РФ насчитывал почти 70 млрд долларов США [Скрипникова, 2015].

5. 4-й период развития ПИИ в РФ (2014—2019)

На поступления в РФ прямых иностранных инвестиций в рассматриваемый период оказал серьезное влияние ряд специфических политических событий. Выделим несколько из них:

— на фоне социально-политического кризиса на Украине Республика Крым вошла в состав РФ;

— страны США и Европы 17 марта 2014 года ввели санкции в отношении лиц, которые, по мнению американских и европейских политиков, были виновны в нарушении территориальной целостности Украины.

В докладе о мировых инвестициях за 2014 год отмечается, что приток ПИИ в РФ составил 19 млрд долларов США [ДМИ, 2015]. Эксперты ООН отмечают, что за 2015 год мировые ПИИ составили 1,8 трлн долларов США [ДМИ, 2017]. При этом в РФ, по итогам 2015 года, иностранные инвесторы вложили порядка 4,8 млрд долларов США [Прямые …, 2016].

Специалисты ЮНКТАД в аналитическом документе за 2016 год отмечают, что в Россию поступило ПИИ на сумму 19 млрд долларов США [Прямые …, 2019].

По данным World Association of Investment Promotion Agencies (WAIPA), в 2017 году в РФ поступило ППИ около 26 млрд долларов США. Первые три места в десятке лучших стран по притоку ППИ за 2018 год занимают: США — 252 млрд долларов США, КНР — 139 млрд долларов США, Гонконг (КНР) — 116 млрд долларов США, а замыкает десятку стран Индия — 42 млрд долларов США [FDI, 2019]. В 2018 году ПИИ в РФ составили 8,8 млрд долларов США [О чем говорят …, 2019]. В 2019 году приток иностранных инвестиций в Российскую Федерацию составил 33 миллиарда долларов [ЮНКТАД, 2020].

Константин Ордов из РЭУ им. Плеханова отмечает, что спусковым крючком для каждого из кризисов в РФ становились неожиданные обвалы цен на нефть: с них начались кризис конца девяностых (в 1997—1998 годах стоимость Brent упала с $20 до $9,8 за баррель) и кризис 2008-го (падение со $134 до $41,5 за баррель) [Ордов, 2018].

6. 5-й период поступления ПИИ (2020 год по настоящее время)

Некоторые экономисты прогнозировали, что в 2020 году потенциальные инвесторы будут более активно участвовать в различных проектах,

чем в 2019 году. Они ожидали, что инвесторы начнут вкладывать свои средства в экономику иностранных государств. Однако распространение COVID-19 внесло свои коррективы в экономическую действительность мировой финансовой системы.

Многие российские эксперты еще до распространения нового коронавируса в мире отмечали, что для экономического роста РФ необходимы инвестиции. Существует точка зрения, согласно которой экономике РФ требуется каждый год ПИИ на сумму порядка 100 млрд долларов США.

Специалисты Минэнерго России полагают, что обновление ТЭК страны до 2035 года составит 3,2—3,3 трлн долларов США.

В настоящее время отмечается неравномерное поступление средств от иностранных инвесторов в экономику РФ. Эксперты приводят цифры, говорящие о том, что порядка 20 % всех иностранных инвестиций приходится на 75 субъектов, а 80 % — на 10. Среди регионов-лидеров Москва, Санкт-Петербург, Тюмень, Калуга, Казань и другие. Неравномерность потоков ПИИ свидетельствует о том, что у названных и некоторых других регионов имеется огромный потенциал роста экономики и относительно легкий доступ инвесторов к рынкам этих территорий.

Эксперты Российского инвестиционного агентства полагают, что потенциальных инвесторов в РФ могут заинтересовать

— низкий уровень конкуренции;

— защита прав инвесторов на государственном уровне;

— низкие налоги;

— льготные программы для них;

— неограниченный российским законодательством объем прямых иностранных инвестиций и перевод прибыли за рубеж для иностранных инвесторов [Нам нужны …, 2015].

Однако, согласно данным Минэкономразвития России, в 2018 году более половины, а если точнее, то 52,1 % суммарного объема ВРП в стране, сформируют десять регионов.

Один из них — Свердловская область, экономика которой характеризуется высокими показателями. Объем ВРП по итогам 2018 года составил около 2,4 трлн рублей, что на 7,3 % выше результатов 2017 года и составляет около 3 % ВВП РФ. По вкладу в ВВП страны Средний Урал находится приблизительно на одном уровне с Краснодарским краем, Ямало-Ненецким автономным округом и Татарстаном, заметно уступая по этому показателю только Москве, Санкт-Петербургу, Московской области и ХМАО, значительно превосходя все остальные субъекты Российской Федерации. Однако структура ВРП региона не похожа на структуру ВРП областей, «сосед-

них» по этому показателю. При этом основную часть ВРП Свердловской области формируют обрабатывающие производства: например, их доля в 2017 году составила 31 %, и она стабильно растет [Экономика …, 2019].

7. Заключение

Проанализировав поступление ПИИ в экономику РФ с конца 1980-х по конец 2010-х годов, можно сделать два основных вывода:

(1) Транснациональные компании, на которые ссылаются и Центральные Банки, и профильные комитеты ООН, оказывают прямое влияние на показатели прямых иностранных инвестиций в страну. Если у руководства ТНК имеется выбор среди стран, в которые можно инвестировать, то руководство действует в рамках политической конъюнктуры. То есть принятие решения о прямых иностранных инвестициях может быть политически ангажированным. При этом руководство ТНК, если не мешает политическая ситуация, при принятии решений об инвестиционной активности оценивает такие факторы, как действующая в стране нормативно-правовая база, гарантии, которые дает государство, географические особенности и др.

(2) Анализ годовых отчетов Банка России и ежегодных обзоров ООН, а также изучение выступлений российских официальных высокопоставленных чиновников позволяет констатировать, что иностранные инвесторы готовы вкладываться в российскую экономику в нескольких случаях:

— если в РФ сложная экономическая ситуация, как в 90-х годах, когда руководство страны предлагало взамен ПИИ любые условия, при которых практически все доходы шли за рубеж, например, в рамках соглашений о разделе продукции при разработке месторождений на Сахалине;

— если высоки цены на нефть, как это было с 2000 по 2007 годы;

— если в стране потенциального инвестора производство определенной продукции невозможно в связи с запретом или ограничениями на нее (например, производство титана); в таком случае руководство ТНК применяет исключительно модель секторальных ПИИ.

Источники и принятые сокращения

1. *Годовой* отчет за 2000 год [Электронный ресурс] // Центральный Банк РФ 2001. — Режим доступа : http://www.cbr.ru/collection/collection/file/7813/ar_2000.pdf.

2. *Годовой* отчет за 2001 год [Электронный ресурс] // Центральный Банк РФ 2002. — Режим доступа : http://www.cbr.ru/collection/collection/file/7812/ar_2001.pdf.

3. *Годовой* отчет за 2002 год [Электронный ресурс] // Центральный Банк РФ 2003. — Режим доступа : http://www.cbr.ru/collection/collection/file/7811/ar_2002.pdf.

4. *Годовой* отчет за 2003 год [Электронный ресурс] // Центральный Банк РФ 2004. — Режим доступа : http://www.cbr.ru/collection/collection/file/7810/ar_2003.pdf.

5. *Годовой* отчет за 2005 год [Электронный ресурс] // Центральный Банк РФ 2006. — Режим доступа : http://www.cbr.ru/collection/collection/file/7808/ar_2005.pdf.

6. *Годовой* отчет за 2006 год [Электронный ресурс] // Центральный Банк РФ 2007. — Режим доступа : https://cbr.ru/Collection/Collection/File/7807/ar_2006.pdf.

7. *Годовой* отчет за 2008 год [Электронный ресурс] / Центральный Банк РФ 2009. — Режим доступа : https://cbr.ru/Collection/Collection/File/7805/ar_2008.pdf.

8. *Годовой* отчет за 2009 год [Электронный ресурс] // Центральный Банк РФ 2010. — Режим доступа : http://www.cbr.ru/collection/collection/file/7804/ar_2009.pdf.

9. *Доклад* о мировых инвестициях 2005 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. 2006 год. — Режим доступа : https://www.un.org/ru/development/surveys/docs/investments2005.pdf.

10. *Доклад* о мировых инвестициях [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. 2012. — Режим доступа : https://www.un.org/ru/development/surveys/docs/investments2011.pdf.

11. *Доклад* о мировых инвестициях [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. 2013. — Режим доступа : https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2012overview_ru.pdf.

12. *Доклад* о мировых инвестициях [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. 2015. — Режим доступа : https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2014_overview_ru.pdf.

13. *Доклад* о мировых инвестициях» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. 2017. — Режим доступа : https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2016_Overview_ru.pdf.

14. *Нам* нужны инвестиции [Электронный ресурс] / Российское Инвестиционное Агентство. 2015. — Режим доступа : https://investment-in-russia.com/site/ru_.

15. *О чем* говорят тренды «Макроэкономика и рынки». Бюллетень [Электронный ресурс] / Банк России. № 3 апрель 2019. — Режим доступа : http://www.cbr.ru/collection/collection/file/19700/bulletin_19-03.pdf.

16. *ОЭСР* : Обзоры инвестиционной политики : Российская Федерация [Электронный ресурс] // Организации экономического сотрудничества и развития (OECD). — 2019. — Режим доступа : https://www.oecd.org/daf/inv/investmentfordevelopment/34464365.pdf.

17. *Приток* прямых иностранных инвестиций в РФ в 2011 г вырос на 21 %. [Электронный ресурс] // РИА Новости. 12.03.2012. — Режим доступа : https://ria.ru/20120312/592364029.html.

18. *Прямые* иностранные инвестиции «взяли паузу» [Электронный ресурс] // Credinform. 01.06.2016. — Режим доступа : https://credinform.ru/ru-RU/Publications/Herald/d31c1b84f487.

19. *Прямые* иностранные инвестиции в России [Электронный ресурс] // TAdviser.ru 04.12.2019. — Режим доступа : http://www.tadviser.ru/a/184756.

20. *Экономика* в картинках [Электронный ресурс] // Инвест Урал. Июль 2019. — Режим доступа : https://invest-in-ural.ru/upload/didgest-1.pdf.

21. *ЮНКТАД* : в 2019 году прямые иностранные инвестиции в экономику России удвоились [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. 22.01.2020. — Режим доступа : https://news.un.org/ru/story/2020/01/1371121.

22. *FDI* overview [Электронный ресурс] // World Association of Investment Promotion Agencies (WAIPA). — 2019. — Режим доступа : https://waipa.org/fdi-overview/#.

Литература

1. *Грозовский Б.* Итоги двадцатилетки Путина : как государство завоевало свою собственную экономику [Электронный ресурс] / Б. Грозовский // Forbes. — 7 августа 2019. — Режим доступа : https://forbes-ru.turbopages.org/s/forbes.ru/biznes/381379-itogi-dvadcatiletki-putina-kak-gosudarstvo-zavoevalo-svoyu-sobstvennuyu-ekonomiku.

2. *Волгина Н. А.* Эклектическая парадигма международного производства / Н. А. Волгина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Экономика. — 2003. — № 1. — С. 33—45.

3. *Кувшинова О.* Приток иностранных инвестиций в Россию в 2007 году поставил рекорд [Электронный ресурс] / О. Кувшинова, В. Кашин, М. Шпигель. — Банки.ру 10.01.2008. — Режим доступа : https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=450068.

4. *Ордов К. В.* Экспертное мнение Константина Ордова на портале «Реальное Время». [Электронный ресурс] / К. В. Ордов // ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г. В. Плеханова» 13 декабря 2018. — Режим доступа : https://www.rea.ru/ru/experts/Pages/ordov-rv.aspx.

5. *Скрипникова Г. В.* Прямые иностранные инвестиции в России : тенденции и проблемы их привлечения / Г. В. Скрипникова, М. С. Постаногова // Интернет-журнал «Науковедение». — 2015. — Том 7, № 4. — 9 с.

6. *Травников А. М.* Ежегодный информационно-аналитический доклад : «Мониторинг инвестиционной активности в регионах России в 2010 году». [Электронный ресурс] / А. М. Травников, Ф. С. Сайдуллаев // Национальный институт системных исследований проблем предпринимательства. — Август 2011. — Режим доступа : http://nisse.ru/upload/iblock/2e3/invest2010.pdf.

7. *Травников А. М.* Ежегодный информационно-аналитический доклад: «Мониторинг инвестиционной активности в регионах России в 2012 году». [Электронный ресурс] / А. М. Травников, Ф. С. Сайдуллаев // Национальный институт системных исследований проблем предпринимательства. — 3 Сентября 2013. — Режим доступа : http://nisse.ru/analytics/monitoring/?ELEMENT_ID=21144.

8. *Шлейфер А.* Россия — нормальная страна [Электронный ресурс] / А. Шлейфер, Д. Трейсман // Открытый университет. — 2019. — Режим доступа : https://openuni.io/course/2/lesson/1/material/179/.

9. *Dunning J. H.* Explaining International Production / J. H. Dunning. — London : Unwin Hyman, 1988. — 378 p.

10. *Fabry N.* Foreign Direct Investment in Russia : How the Investment Climate Matters / N. Fabry, S. Zeghni // Communist and Post-Communist Studies. — 2002. — № 35. — Pp. 289—303. 10.1016/S0967-067X(02)00012-0.

11. *Kinoshita Y.* Why Does Fdi Go Where it Goes? New Evidence From the Transition Economies // Y. Kinoshita, N. F. Campos // IMF Working Papers. — 2003. — November.

Foreign Direct Investment in Russia (Late 1980s — Late 2010s)

© Denis S. Dszheriborov (2020), orcid.org/0000-0003-2662-1107, senior lecturer, Department of Foreign Regional Studies, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin” (Yekaterinburg, Russia), dszheribov@urfu.ru.

© **Vitaliy N. Pirogov (2020),** orcid.org/0000-0002-0189-4806, Master student, Institute of Economics and Management, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin" (Yekaterinburg, Russia), vnpirogov@at.urfu.ru.

Foreign direct investment in Russia in a historical aspect are discussed in the article. It is noted that theoretical studies on this issue have led to a better understanding of the economic mechanism and the behavior of various participants in the economic sphere at both the micro and macro levels, which has opened up new areas of research in the field of economics. It is stated that an understanding of why a company initiates foreign direct investment in a particular country or increases their volume, allows us to present the main motives of the management of firms to invest, rather than to export or outsource production to national firms. The purpose of this study is to identify the main trends in foreign direct investment in the Russian Federation in various historical periods. A review of economic indicators on attracted investments, reflected in the relevant economic reports of the Central Bank of the Russian Federation, as well as other documents, a periodization of direct foreign investment in the Russian Federation was made. Based on the analysis, the authors propose to consider five periods: from the late 1980s to 1999, from 2000 to 2007, from 2008 to 2013, from 2014 to 2019 and from 2020 to the present, which have their own characteristics. Attention is paid to the fact that foreign direct investment in the Russian Federation during these periods was uneven, due to serious political contradictions in the international arena.

Key words: foreign direct investment; Russia; multinational companies; investment attractiveness.

Material resources

Doklad o mirovykh investitsiyakh 2005 goda. In: *Ofitsialnyy sayt OON. 2006 god*. Available at: https://www.un.org/ru/development/surveys/docs/investments2005.pdf. (In Russ.).

Doklad o mirovykh investitsiyakh. In: *Ofitsialnyy sayt OON. 2012*. Available at: https://www.un.org/ru/development/surveys/docs/investments2011.pdf. (In Russ.).

Doklad o mirovykh investitsiyakh. In: *Ofitsialnyy sayt OON. 2013*. Available at: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2012overview_ru.pdf. (In Russ.).

Doklad o mirovykh investitsiyakh. In: *Ofitsialnyy sayt OON. 2015*. Available at: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2014_overview_ru.pdf. (In Russ.).

Doklad o mirovykh investitsiyakh». In: *Ofitsialnyy sayt OON. 2017*. Available at: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2016_Overview_ru.pdf. (In Russ.).

Ekonomika v kartinkakh. In: *Invest Ural. Iyul' 2019*. Available at: https://invest-in-ural.ru/upload/didgest-1.pdf. (In Russ.).

FDI overview. In: *World Association of Investment Promotion Agencies (WAIPA)*. 2019. Available at: https://waipa.org/fdi-overview/#.

Godovoy otchet za 2000 god. In: *Tsentralnyy Bank RF 2001*. Available at: http://www.cbr.ru/collection/collection/file/7813/ar_2000.pdf. (In Russ.).

Godovoy otchet za 2001 god. In: *Tsentralnyy Bank RF 2002*. Available at: http://www.cbr.ru/collection/collection/file/7812/ar_2001.pdf. (In Russ.).

Godovoy otchet za 2002 god. In: *Tsentralnyy Bank RF 2003*. Available at: http://www.cbr.ru/collection/collection/file/7811/ar_2002.pdf. (In Russ.).

Godovoy otchet za 2003 god. In: *Tsentralnyy Bank RF 2004*. Available at: http://www.cbr.ru/collection/collection/file/7810/ar_2003.pdf. (In Russ.).

Godovoy otchet za 2005 god. In: *Tsentralnyy Bank RF 2006*. Available at: http://www.cbr.ru/collection/collection/file/7808/ar_2005.pdf. (In Russ.).

Godovoy otchet za 2006 god. In: *Tsentralnyy Bank RF 2007*. Available at: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/7807/ar_2006.pdf. (In Russ.).

Godovoy otchet za 2008 god. In: *Tsentralnyy Bank RF 2009*. Available at: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/7805/ar_2008.pdf. (In Russ.).

Godovoy otchet za 2009 god. In: *Tsentralnyy Bank RF 2010*. Available at: http://www.cbr.ru/collection/collection/file/7804/ar_2009.pdf. (In Russ.).

Nam nuzhny investitsii. In: *Rossiyskoye Investitsionnoye Agentstvo*. 2015. Available at: https://investment-in-russia.com/site/ru_. (In Russ.).

O chem govoryat trendy «Makroekonomika i rynki». (2019 aprel'). In: *Byulleten'. Bank Rossii, 3*. Available at: http://www.cbr.ru/collection/collection/file/19700/bulletin_19-03.pdf. (In Russ.).

OESR: Obzory investitsionnoy politiki: Rossiyskaya Federatsiya. (2019). In: *Organizatsii ekonomicheskogo sotrudnichestva i razvitiya (OECD)*. Available at: https://www.oecd.org/daf/inv/investmentfordevelopment/34464365.pdf. (In Russ.).

Pritok pryamykh inostrannykh investitsiy v RF v 2011 g. vyros na 21 %. (2012). In: *RIA Novosti. 12.03.2012*. Available at: https://ria.ru/20120312/592364029.html. (In Russ.).

Pryamyye inostrannyye investitsii «vzyali pauzu». (2016). In: *Credinform. 01.06.2016*. Available at: https://credinform.ru/ru-RU/Publications/Herald/d31c1b84f487. (In Russ.).

Pryamyye inostrannyye investitsii v Rossii. (2019). In: *TAdviser.ru. 04.12.2019*. Available at: http://www.tadviser.ru/a/184756. (In Russ.).

YuNKTAD: v 2019 godu pryamyye inostrannyye investitsii v ekonomiku Rossii udvoilis'. 22.01.2020. In: *Ofitsialnyy sayt OON*. Available at: https://news.un.org/ru/story/2020/01/1371121. (In Russ.).

References

Dunning, J. H. (1988). *Explaining International Production*. London: Unwin Hyman.

Fabry, N. Zeghni, S. (2002). Foreign Direct Investment in Russia: How the Investment Climate Matters. In: *Communist and Post-Communist Studies, 35:* 289—303. 10.1016/S0967-067X(02)00012-0.

Grozovskiy, B. (2019). Itogi dvadtsatiletki Putina: kak gosudarstvo zavoevalo svoyu sobstvennuyu ekonomiku. In: *Forbes.* 7 avgusta. Available at: https://forbes-ru.turbopages.org/s/forbes.ru/biznes/381379-itogi-dvadcatiletki-putina-kak-gosudarstvo-zavoevalo-svoyu-sobstvennuyu-ekonomiku. (In Russ.).

Kinoshita, Y., Campos, N. F. (2003). Why Does Fdi Go Where it Goes? New Evidence From the Transition Economies. In: *IMF Working Papers.* November.

Kuvshinova, O., Kashin, V., Shpigel', M. (2008). Pritok inostrannykh investitsiy v Rossiyu v 2007 godu postavil record. In: *Banki.ru.* 10.01. Available at: https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=450068. (In Russ.).

Ordov, K. V. (2018). Ekspertnoye mneniye Konstantina Ordova na portale «Realnoye Vremya». In: *FGBOU VO «REU imeni G. V. Plekhanova».* 13 dekabrya. Available at: https://www.rea.ru/ru/experts/Pages/ordov-rv.aspx. (In Russ.).

Shleyfer, A., Treysman, D. (2019). Rossiya — normalnaya strana. In: *Otkrytyy universitet.* Available at: https://openuni.io/course/2/lesson/1/material/179/. (In Russ.).

Skripnikova, G. V., Postanogova, M. S. (2015). Pryamyye inostrannyye investitsii v Rossii: tendentsii i problemy ikh privlecheniya. In: *Internet-zhurnal «Naukovedeniye», 7 (4).* (In Russ.).

Travnikov, A. M., Saydullayev, F. S. (2011). Ezhegodnyy informatsionno-analiticheskiy doklad: «Monitoring investitsionnoy aktivnosti v regionakh Rossii v 2010 godu». In: *Natsionalnyy institut sistemnykh issledovaniy problem predprinimatelstva*. Avgust. Available at: http://nisse.ru/upload/iblock/2e3/invest2010.pdf. (In Russ.).

Travnikov, A. M., Saydullayev, F. S. (2013). Ezhegodnyy informatsionno-analiticheskiy doklad: «Monitoring investitsionnoy aktivnosti v regionakh Rossii v 2012 godu». In: *Natsionalnyy institut sistemnykh issledovaniy problem predprinimatelstva*. 3 Sentyabrya. Available at: http://nisse.ru/analytics/monitoring/?ELEMENT_ID=21144. (In Russ.).

Volgina, N. A. (2003). Eklekticheskaya paradigma mezhdunarodnogo proizvodstva. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Ekonomika, 1:* 33—45. (In Russ.).

Игумнов Е. В. Деятельность военных топографов Западной Сибири в контексте внешней и внутренней политики Российской империи в XIX веке / Е. В. Игумнов // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 360—374. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-360-374.

Igumnov, E. V. (2020). Activities of Military Topographers in Western Siberia in Foreign and Domestic Policy of the Russian Empire in 19th Century. *Nauchnyi dialog, 7:* 360-374. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-360-374. (In Russ.).

УДК 623.64-051(571.1)“18”
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-360-374

Деятельность военных топографов Западной Сибири в контексте внешней и внутренней политики Российской империи в XIX веке

© **Игумнов Евгений Владимирович (2020),** orcid.org/0000-0002-3260-4824, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургская государственная академия ветеринарной медицины» (Санкт-Петербург, Россия), eigumnov@list.ru.

Рассматривается деятельность военных топографов Западной Сибири по обеспечению картографическими сведениями внешней и внутренней политики Российской империи в Центральной Азии и Сибири в XIX веке. Подчеркивается роль информации в процессе формирования Российской империи. Отмечается вклад государства в организацию изучения азиатских районов России и сопредельных стран. Становление военно-топографической службы в Западной Сибири прослеживается с учетом данных об административных преобразованиях в Сибирском регионе, об изменениях во внешней политике Российской империи. Подробно освещается участие военных топографов в работах по определению и обозначению государственной границы с Китаем. Затрагивается вопрос о роли военных топографов в научном изучении Китая и Монголии. Раскрывается значимость деятельности военных топографов для политики Российской империи по социально-экономическому освоению Сибири и северо-восточной части территории современного Казахстана. Раскрывается вклад топографов в строительство Транссибирской железнодорожной магистрали, проектирование речных каналов и новых сухопутных путей. В статье используется большой объем литературных источников, материалов о работах военных топографов Западной Сибири, опубликованных в «Записках Военно-Топографического отдела Главного штаба».

Ключевые слова: Российская империя; государственная власть; внешняя и внутренняя политика; военные топографы; картографирование; Китай; Монголия.

1. Введение

Формирование государства, обретение им международного статуса — сложный процесс, находящийся в зависимости от целого ряда факторов, наличия и эффективного использования государственной властью имею-

щихся в ее распоряжении ресурсов. В настоящее время к важнейшим источникам власти относится информация [Губин, 2010; Нисневич, 2000; Порезанова, 2014 и др.]. Она заметно расширяет возможности управленческих органов, позволяет изыскивать соответствующие с точки зрения интересов государства и общества приемы и способы достижения цели и вместе с тем легитимизирует позицию самой власти в обществе.

Образование и становление Российского государства сопровождалось быстрым ростом территориальных владений, укреплением верховной власти. Провозглашение в 1721 году России империей фактически зафиксировало давно наметившуюся тенденцию внешне- и внутриполитического развития страны. Одновременно с разрастанием государства увеличивался запрос на сведения о присоединенных землях и народах. В своей управленческой практике центральной и местной властям постоянно приходилось учитывать разнообразие природно-климатических условий каждого региона, этнического состава населения, решать вопросы коммуникации. По мнению известного сибирского и российского историка А. В. Ремнева, одним из ключевых «направлений имперской географии власти являлось “научное завоевание” новых территорий и народов: землеведение, картографирование, статистические описания, этнография» [Ремнев, 2007, с. 19].

Активное участие государства и его представителей в получении и аккумулировании информации — характерная черта освоения Россией Сибири и Центральной Азии. С началом присоединения Сибири источниками сведений о ней служили отчеты и записки первопроходцев. В XVIII—XIX веках в исследование отдаленных сибирских окраин включились Академия наук, созданная и полностью финансируемая государством, а также различные правительственные учреждения и ведомства. В работах, посвященных истории изучения азиатских районов России, называются экспедиции адмиралтейств-коллегии, медицинской коллегии, горного ведомства, главного гидрографического управления, министерства государственных имуществ, министерства финансов, министерства императорского двора, переселенческого управления, рассматривается деятельность сибирских статистических комитетов и военно-топографических отделов [Захаренко, 2009; Игумнов, 2010; История …, 1914; Экономические исследования ..., 2006; Смагин, 2015; Чернавская, 2003 и др.].

Цель статьи — рассмотреть основные вехи организации военно-топографической службы в Западной Сибири, раскрыть роль военных топографов в решении задач Российской империи по освоению Сибирского региона и внешней политики в Центральной Азии.

2. Этапы формирования военно-топографической службы Западной Сибири в XIX веке

В конце XVIII — первой половине XIX веков роль центра картографических работ начинает играть военное ведомство — явление, получившее широкое распространение во многих западных державах, участвовавших в этот период в европейских войнах и столкновениях, набиравшей обороты колониальной экспансии. В 1822 году в Санкт-Петербурге был образован Корпус военных топографов. Согласно «Положению», в круг его обязанностей входило «производство государственных съемок в мирное время» и «обозрение места в тылу армии в военное» [ПСЗРИ-I, т. XXXVIII, № 28901]. Усиление значимости азиатского вектора во внешней и внутренней политике России, реформы по управлению Сибирью, подготовленные М. М. Сперанским, послужили стимулом для более глубокого изучения региона, организации геодезических исследований.

Историю развития военно-топографической службы Западной Сибири в XIX веке можно условно разделить на три этапа. На первом этапе, с 1820-х до середины 1860-х годов, происходила разработка нормативно-технической документации для проведения съемок, началось формирование топографических штатов в Западной Сибири. В 1832 году в Омске, крупном военном форпосте России на границах с Центральной Азией, учреждена 2-я полурота роты № 4 Корпуса военных топографов, состоявшая из 24 топографов 2-го и 3-го класса. В 1838 году вследствие увеличения геодезических работ общее число топографов 2-й полуроты было увеличено именным указом императора на 12 человек [ПСЗРИ-II, т. XIII, отд. II, № 11830]. Во второй половине 1840-х — 1850-е годы процесс становления топографической службы распространился на Восточную Сибирь. Своеобразным итогом этого этапа можно считать завершение издания в начале 1860-х годов специальной десятиверстной карты Западной Сибири, которая, с внесением поправок, продолжала переиздаваться вплоть до 1920-х годов.

Новые изменения в организации топографической службы Западной Сибири были подготовлены в 1850—1860-е годы активацией внешней политики Российской империи на востоке страны, проведением военных реформ Александра II. На основании «Положения», Высочайше утвержденного 24 декабря 1866 года, состоялось учреждение военно-топографических отделов в Оренбургском, Западном и Восточном Сибирских военных округах и преобразование военно-топографического отдела Кавказского военного округа. На втором этапе (середина 1860-х — начало 1880-х годов) произошла оптимизация кадрового состава — по новому «Положению»

штат Западно-Сибирского военно-топографического отдела сократился до 21 человека. При этом больше внимания стало уделяться повышению качества работы, использованию более современных приемов и приборов при проведении топографических съемок.

Третий этап продолжался с первой половины 1880-х до конца 1890-х годов. Трансформация положения Западной Сибири в составе Российской империи, перенос границ государства дальше на юг и восток привели к перестройке системы управления Сибирью и Центральноазиатскими владениями. В 1882—1884 годах созданы Степное, Иркутское и Приамурское генерал-губернаторства, а вместе с ними образованы военно-топографическая часть в Иркутске, Приамурский и Омский военно-топографические отделы. В 1899 году в ходе реорганизации военных округов Азиатской России Иркутская военно-топографическая часть была включена в состав единого Сибирского военно-топографического отдела с дислокацией в Омске.

3. Роль топографов Западной Сибири в решении внешнеполитических задач

В течение XIX века Российская империя благодаря военным и дипломатическим успехам входила в число ведущих мировых держав. Значительное внимание уделялось улучшению геополитического положения в Центральной Азии и на Дальнем Востоке, где Российской империи в борьбе за укрепление своих позиций приходилось как противостоять, так и учитывать интересы западноевропейских государств и своих азиатских соседей. Отношения со странами Центральной Азии и Дальнего Востока включали мирные торговые и культурные связи, а также соперничество в политической и экономической сферах, военные конфликты.

Начало постоянных топографических съемок на территории Центральной Азии и в пограничных с ней районах относится к 1820-м годам. В 1822 году был принят «Устав о Сибирских киргизах», направленный на окончательное включение казахских степей в состав Российской империи [Оразмагамбетова и др., 2006, с. 22]. Тогда же образована Омская область, в состав которой включены внутренние и внешние округа, населенные казахами. На фоне административных реформ военные топографы приступили к съемке местности вдоль так называемой сибирской линии, возведенной в XVIII веке для защиты от набегов кочевых племен. В 1820—1821 годах под руководством генерал-майора Клот-фон-Юргенсбурга проводилась топографическая съемка сибирской линии по границе, отделяющей Тобольскую губернию от Киргиз-Кайсацкой степи. Подполковником Дьяконовым и поручиком Бутовским в 1822—1825 годах осуществлена

съемка правой части сибирской линии от Омска до Оренбургской линии, в 1826—1827 годах — левого фланга сибирской линии от города Омска до редута Малонарымского [Записки …, 1837, с. 149]. По мере роста влияния России в Центральной Азии продвигались дальше и топографические работы. Согласно данным, содержащимся в отчете Военно-топографического отдела за 1871 год, в период с 1832 по 1862 год в степных районах было рекогносцировано 1140,935 кв. верст, в общей сложности задействовано около 80 топографов [Отчет …, 1873, с. 38].

Поражение в Крымской войне 1853—1856 годов ослабило степень влияния России на решение европейских дел, но не остановило развитие ее внешнеполитической активности. Во второй половине XIX века особое значение придавалось выстраиванию отношений и урегулированию территориальных вопросов с Китаем. После подписания Айгунского и Пекинского договоров в состав России вошли Приамурье, Уссурийский край, развернулись переговоры об установления точной черты государственной границы между Россией и западной частью Китая. Переговоры проходили в Китайском городе Чугучаке, и по их итогам в сентябре 1864 года был подписан Чугучакский протокол, закрепивший за Российской империей территории Курчумского и Алтайского краев, озера Зайсан, земли до Тянь-Шанского хребта.

В связи с необходимостью обеспечить демаркацию границы картографическим материалом во время переговоров широко привлекались офицеры и топографы, состоявшие в ведении отдельного сибирского корпуса. В 1862 году под руководством начальника разграничительной комиссии обер-квартирмейстера, полковника Генерального штаба И. Ф. Бабкова ими на пространстве 8300 кв. верст была произведена съемка части Китайской границы от северных отрогов Алатаевских гор до озера Нор-Зайсана. В 1863 году снято в Кургумском крае 16820 кв. верст. В 1864 году на пространстве 8766 кв. верст осуществлена съемка приграничного пространства по северную сторону Тарбагатайских гор и в долине реки Борохудзир [Отчет …, 1866, с. 14].

В середине 1860-х годов в Северо-Западном Китае вспыхнули волнения, в результате чего граница, установленная Чугучакским протоколом, осталась необозначенной до конца на местности. В 1869 году переговоры о постановке западной китайской границы вместе с топографическими работами возобновились. В 1869 году топографами Западно-Сибирского военного округа по обе стороны пограничной черты было снято инструментально 19684 кв. версты и 1816 кв. верст глазомерно, в 1870 году — 11487 кв. верст. Опорные астрономические пункты для съемки определил

геодезист С. Т. Мирошниченко [Павлов, 1915, с. 19]. По итогам этих съемок подготовлены три описания российско-китайской границы, составлены демаркационные карты, положенные в основу межгосударственных протоколов 1869—1870 годов.

Обострение внутриполитической ситуации в Северо-Западном Китае, угрожавшее стабильности в Центральной Азии, привело к тому, что в 1871 году Российская империя ввела свои войска в Илийский край. В 1881 году, в соответствии с условиями Санкт-Петербургского договора, Илийский край, кроме небольшого участка Илийской долины, снова перешел Китаю. Топографы Западно-Сибирского военного округа были призваны восполнить нехватку картографической информации об этом регионе. В 1871—1874 годах поручик З. Л. Матусовский произвел маршрутные съемки в долинах р. Черный Иртыш и р. Эмиль. В 1873 году С. Т. Мирошниченко осуществил на пространстве 400 кв. верст полуинструментальную съемку в районе пограничного столба Дербет-дабы [Отчет …, 1877, с. 29]. В 1882 году чинами топографического отдела по распоряжению начальника окружного штаба было снято в 5-верстном масштабе пространство в 17000 кв. верст от Ак-Тюбе до р. Кабы и от водораздела на Алтае до гор Саура. В 1886 году с целью разрешения разногласий между российско-китайскими пограничными властями топографами Р. М. Закржевским и П. Г. Богдановым была произведена глазомерная съемка в Барлыкских горах и долине р. Эмиль. Р. М. Закржевский, кроме того, вел наблюдения за природой и климатом местности, за жизнью и культурой местных народов.

Во второй половине XIX века сибирские, в том числе омские, военные топографы являлись частыми членами научных и учено-торговых экспедиций, благодаря которым велось интенсивное накопление сведений о соседних государствах. З. Л. Матусовский в 1870 и 1874—1875 годах принимал участие в экспедициях Павлинова и Ю. А. Сосновского, исследовавших торговые пути в Западную Монголию и Юго-Восточный Китай. В состав экспедиций российских ученых и путешественников М. В. Певцова и Г. Н. Потанина входили топографы А. В. Скопин, П. А. Рафаилов, П. Д. Орлов. Их деятельность по изучению Китая и Монголии признается ценным вкладом в развитие востоковедения в России [Басханов, 2005; Гефнер, 2018].

4. Участие омских военных топографов в освоении Сибирского и Центрально-Азиатского регионов

С момента формирования топографической службы в Сибири работы военных топографов не только имели военное, внешнеполитическое зна-

чение, но и содействовали российским органам государственной власти в освоении азиатских районов. Как отмечает В. Ф. Де-Ливрон, один из первых авторов, писавших об истории становления военно-топографической службы в Российской империи, «съемки, производившиеся при отдельном Сибирском корпусе, были вызваны, главным образом, административными потребностями» [Де-Ливрон, 1880, с. 63].

В 1820—1850-е годы проходила топографическая съемка в Ишимском, Курганском, Тюменском, Ялуторовском, Березовском и других округах Тобольской губернии, Каинском, Колыванском, Бийском, Кузнецком, Тарском округах Томской губернии. Преимущественно это были области, представлявшие наибольший интерес для земледельческой колонизации Западной Сибири. По подсчетам Р. Ю. Смагина, в период с 1820 по 1835 годы военными топографами снято инструментально и полуинструментально в Западной Сибири 340 000 кв. верст, с 1835 по 1846 годы — 612 178 кв. верст, с 1846 по 1856 годы — 380 345 кв. верст и того — 1332523 кв. верст [Смагин, 2015, с. 69].

По мере закрепления российской власти на территории Центральной Азии началось изучение вопроса о ее сельскохозяйственном освоении. Так, летом 1847 года для сбора сведений о количестве земель, пригодных для заселения русскими крестьянами, в Казахскую степь были направлены обер-квартирмейстер барон Г. К. Сильвергельм, штабс-капитан корпуса топографов Ф. В. Кокоулин и 4 топографа. В конце 1850-х годов под руководством Г. К. Сильвергельма и И. Ф. Бабкова топографические съемки охватили Семиреченскую область и Заилийский край. В 1858 году в Семиреченском и Заилийском крае снято 18 800 кв. верст, в 1859 году — 51 360 кв. верст, в 1860 году — 5000 кв. верст [Извлечение …, 1862, с. 3]. В проведении съемок участвовали поручик Т. Ф. Нифаньтьев, прапорщик А. А. Вараксин и топографы отдельного Сибирского корпуса в Западной Сибири.

С 1870-х годов проведение топографических съемок в северо-восточной части современного Казахстана (Семипалатинская и Акмолинская области, образованные в 1854 и 1868 годах) становится ведущим направлением в деятельности топографического отдела Западно-Сибирского военного округа, что было вызвано двумя основными причинами: политикой центральных и местных властей по закреплению региона в составе Российской империи и ускорению адаптации русского населения в новых районах. В отчетах военно-топографического отдела Главного штаба указывается, что в 1870 году съемки топографов Западно-Сибирского военного округа в Киргизской (Казахской) степи охватили площадь в 17293 кв. верст,

1872 году — 19720 кв. верст, 1873 году — 18961 кв. верст, 1874 году — 27382 кв. верст, 1875 году — 24131 кв. верст и т. д. В результате к концу 1890-х годов эти работы в основном завершились, в ходе них определено более 300 астрономических пунктов [Коверский, 1891, с. 11].

Деятельность военных топографов на территории Западной Сибири была в первую очередь связана с выполнением неотложных административных задач, хозяйственным освоением сибирских областей и губерний, проектированием и строительством транспортных путей, призванных объединить Сибирь и европейские районы страны. В 1876 году по поручению западно-сибирского генерал-губернатора Н. Г. Казнакова с целью установления возможности сооружения канала между Карским морем и р. Обью для Общества содействия русской промышленности и торговли поручиком П. Д. Орловым была произведена маршрутная съемка от устья р. Щучьей в Обскую губу до Байдарацкого залива. В 1878 году два топографа командированы в распоряжение инженера барона Б. А. Аминова, занимавшегося исследованием водораздела рек Оби и Енисея. В 1879 году С. Т. Мирошниченко направлен для производства астрономических определений по р. Оби, классный топограф Н. К. Хондажевский — к берегам Обской губы для осмотра и рекогносцировки местности. С помощью глазомерных съемок Н. К. Хондажевский составил карту (50 верст в дюйме), на которой определил положения рек Полуя, Надыма, Сандыбая и Ниды, Торум-Югана и Пима [Отчет …, 1883, с. 18]. В 1881 году классный топограф И. В. Чуклин в составе комиссии, назначенной тобольским губернатором, осуществил маршрутную съемку длиною в 371 версту вдоль предполагаемого сухопутного пути между г. Тобольском и с. Самаровским [Отчет …, 1884, с. 1].

К числу важнейших государственных мероприятий, к выполнению которых были привлечены военно-топографические силы Западной Сибири, относится сооружение Транссибирской железнодорожной магистрали. На стадии подготовки строительства понадобился подробный топографический материал. В 1891 году с целью дать опорные точки для будущей съемки для астрономических определений по дороге из г. Канска в г. Иркутск в Иркутский военный округ были командированы полковники С. Т. Мирошниченко и Ю. А. Шмидт. Посредством телеграфа и хронометрическими рейсами они установили долготу г. Нижнеудинска и с. Кимельтей, выявили разность долгот Канска-Ачинска и Канска-Красноярска, определили 14 астрономических пунктов. В летний сезон 1893 года С. Т. Мирошниченко и Ю. А. Шмидт в составе 35 топографов, временно прикомандированных военным ведомством к штабу Иркутского военного округа, зани-

мались производством астрономических работ на Забайкальском участке проектированной железной дороги. С помощью телеграфа ими совместно с геодезистом М. П. Поляновским были определены три астрономических пункта по р. Шилка между Сретенском и пос. Покровским, хронометрическими экспедициями — Мишихинский перевал через Хамар-Дабанский хребет, сел. Мысовое на побережье Байкала и 2 пункта на р. Хилок. Кроме того, Ю. А. Шмидт определил 27 астрономических пунктов, расположенных в двух районах: по р. Иркуту в Западном Прибайкалье и от восточного берега Байкала до р. Хилок [Отчет …, 1895, с. 18].

Работы военных топографов Западной Сибири по линии строящейся железной дороги продолжались в последующие годы. В 1894 году С. Т. Мирошниченко и Ю. А. Шмидт после возвращения из Семиреченской области определили по телеграфу долготы с. Еланского и г. Каинска. В 1895 году вдоль Сибирской железной дороги четырьмя классными топографами снято 2200 кв. верст от Кургана до Омска [Отчет …, 1897, с. 13]. В 1896 году Ю. А. Шмидт определил двойными рейсами на западном и среднесибирском участках железной дороги 27 промежуточных пунктов между Омском и Ачинском. В его задачи входило создание опорных пунктов для топографических съемок и межевых работ, выполняемых различными ведомствами [Шмидт, 1898, с. 164]. В 1897 году Ю. А. Шмидт определил по лини западно-сибирской железной дороги несколько астрономических пунктов между Омском и Челябинском (Курган, станция Шумиха). Параллельно двумя топографами на данном участке выполнена съемка на площади в 1600 кв. верст. В 1898 году отделением топографов в составе начальника и 5 съемщиков снято 2905 кв. верст вдоль Сибирской железной дороги от Омска до Ачинска с ветвью до Томска.

5. Заключение

Таким образом, информация являлась важнейшим ресурсом государственной власти в процессе формирования Российской империи. Складывание территории государства, и, в частности, присоединение и освоение Сибири, сопровождались сбором и накоплением сведений о населении, природных богатствах, географических и климатических особенностях присоединенных районов и сопредельных стран. В течение XIX века ведущая роль в организации картографических работ в России принадлежала Корпусу военных топографов.

Становление военно-топографической службы в Западной Сибири тесно связано с историей Сибирского региона и укреплением восточного вектора во внешней политике Российской империи. Административные

реформы, продвижение России вовнутрь Центральной Азии, изменения в социально-экономической жизни способствовали усилению значимости деятельности военных топографов, влияли на трансформацию военно-топографической службы.

В XIX веке военные топографы Западной Сибири внесли большой вклад в обеспечение картографическим материалом внешней и внутренней политики России в Центральной Азии и Сибирском регионе, принимали активное участие в демаркации западного участка российско-китайской границы, изучении Китая и Монголии. По мере распространения российской власти на новые территории силы военных топографов использовались для установления системы эффективного управления азиатскими владениями, создания прочной основы для земледельческой колонизации, при проектировании речных и сухопутных транспортных путей. В числе важнейших мероприятий, к которым были привлечены военные топографы Западной Сибири, было строительство Транссибирской железнодорожной магистрали.

Источники

1. *Записки* Военно-топографического депо. — Санкт-Петербург : Типография Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1837. — 401 с.

2. *Извлечение из отчета* о геодезических работах и занятиях Военно-Топографического Депо в 1860 году // Записки Военно-топографического Депо. — Санкт-Петербург : Военная типография, 1862. — Ч. XXIII, Отд. I. — С. 1—20.

3. *Коверский Э. А.* Чем располагаем мы для изучения топографии нашей территории в Азии, и какие результаты достигнуты по этой части? / Э. А. Коверский. — Санкт-Петербург : Типография А. С. Суворина, 1891. — 39 с.

4. *Отчет* по Военно-Топографической части бывшего Главного Управления Генерального Штаба, за 1864 год // Записки Военно-Топографического отдела Главного Штаба. — Санкт-Петербург : Типография И. Маркова и комп., 1866. — Ч. XXVII, Отд. I. — С. 1—27.

5. *Отчет* о геодезических и топографических работах, произведенных в ведении Военно-Топографического отдела Главного Штаба в 1871 году // Записки Военно-Топографического отдела Главного Штаба. — Санкт-Петербург : Военная типография, 1873. — Ч. XXXIII, Отд. I. — С. 1—43.

6. *Отчет* о геодезических, топографических и картографических работах, произведенных в ведении Военно-Топографического отдела Главного Штаба с 1873 по 1875 год включительно // Записки Военно-Топографического отдела Главного Штаба. — Санкт-Петербург : Военная типография, 1877. — Ч. XXXV, Отд. I. — С. 1—67.

7. *Отчет* о геодезических, топографических и картографических работах чинов корпуса военных топографов за 1879 и 1880 годы // Записки Военно-Топографического отдела Главного Штаба. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии Наук, 1883. — Ч. XXXVIII, Отд. I. — С. 1—56.

8. *Отчет* о геодезических, астрономических, топографических и картографических работах чинов корпуса военных топографов за 1881 год // Записки Военно-топографического отдела Главного штаба. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии Наук, 1884. — Ч. XXXIX. — С. 1—50.

9. *Отчет* о геодезических, астрономических, топографических и картографических работах, произведенных чинами Корпуса Военных Топографов в 1893 году // Записки Военно-топографического отдела Главного штаба. — Санкт-Петербург : Военная Типография, 1895. — Ч. LII, Отд. I. — С. 1—42.

10. *Отчет* о геодезических, астрономических, топографических и картографических работах, произведенных чинами Корпуса Военных Топографов в 1895 году // Записки Военно-топографического отдела Главного штаба. — Санкт-Петербург : Военная Типография, 1897. — Ч. LIV, Отд. I. — С. 1—42.

11. ПСЗРИ-I — *Полное* собрание законов Российской империи. Собрание Первое. Т. XXXVIII, № 28901. — Санкт-Петербург : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.

12. ПСЗРИ-II — *Полное* собрание законов Российской империи. Собрание Второе. Т. XIII, Отд. II, № 11830. — Санкт-Петербург : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1839.

13. *Шмидт Ю. А.* Определение основных астрономических пунктов, посредством телеграфа и хронометрическими рейсами, в полосе Сибирской железной дороги к востоку от г. Омска (в Тобольской и Томской губерниях) в 1894 и 1896 годах / Ю. А. Шмидт // Записки Военно-топографического отдела Главного штаба. — Санкт-Петербург : Военная Типография, 1898. — Ч. LV, Отд. II. — С. 157—185.

Литература

1. *Басханов М. К.* Русские военные востоковеды / М. К. Басханов // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. — 2005. — № 11. — С. 317—348.

2. *Гефнер О. В.* Омск как центр военного востоковедения (вторая половина XIX — начало XX в.) / О. В. Гефнер // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. — 2018. — № 3 (19). — С. 191—196.

3. *Губин М. А.* Информация как источник власти: становление и развитие дискурса / М. А. Губин // Среднерусский вестник общественных наук. — 2010. — № 3 (16). — С. 7—12.

4. *Де-Ливрон В. Ф.* Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов за первое двадцатипятилетие благополучного царствования Государя Императора Александра Николаевича (1855—1880 гг.) / В. Ф. Де-Ливрон. — Санкт-Петербург : Военная Типография, 1880. — 130 с.

5. *Захаренко И. А.* История становления военной географии Дальневосточного пограничного пространства (середина XIX — начало XX вв.) / И. А. Захаренко // Вопросы истории естествознания и техники. — 2009. — Т. 30, № 1. — С. 36—48.

6. *Игумнов Е. В.* Создание губернских и областных статистических комитетов в Сибири и их научная деятельность (1835—1917 гг.) / Е. В. Игумнов. — Санкт-Петербург : Реноме, 2010. — 88 с.

7. *История изучения* Азиатской России // Азиатская Россия. Т. 2. Земля и хозяйство. — Санкт-Петербург : Типография А. Ф. Маркса, 1914. — С. 617—638.

8. *Нисневич Ю. А.* Информация и власть / Ю. А. Нисневич. — Москва : Мысль, 2000. — 175 с.

9. *Оразмагамбетова Д. И.* «Устав о сибирских киргизах» 1822 года и причины принятия «Положения об отдельном управлении сибирскими киргизами» 1838 года / Д. И. Оразмагамбетова, Л. К. Шотбакова // Вестник КарГУ. — 2006. — № 2. — С. 22—34.

10. *Павлов Н. Д.* Краткий очерк топографических, геодезических, астрономических и сейсмических работ в Западной Сибири / Н. Д. Павлов // Известия Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. — Омск : Типогр. Штаба Омского воен. округа, 1915. — Т. 3, Вып. 1—2. — С. 1—51.

11. *Порезанова Е. В.* Информация как источник власти / Е. В. Порезанова // Ответственность власти перед гражданским обществом: механизмы контроля и взаимодействия : сборник научных статей. — Саратов : Поволжский ин-т упр. им. П. А. Столыпина, 2014. — С. 251—255.

12. *Ремнев А. В.* Имперская история России: азиатский вектор. Проблемы исследования и преподавания / А. В. Ремнев // Вестник Омского университета. — 2007. — № 4. — С. 7—23.

13. *Смагин Р. Ю.* Военно-топографическая служба в Сибири в XIX — начале XX века : диссертация ... кандидата исторических наук / Р. Ю. Смагин. — Новосибирск, 2015. — 366 с.

14. *Чернавская В. Н.* Русская Америка. Гидрографические исследования… / В. Н. Чернавская // Россия и АТР. — 2003. — № 1 (39). — С. 145—147.

15. *Экономические* исследования на Дальнем Востоке России / П. А. Минакир, А. Н. Демьяченко, О. М. Рензин, А. С. Шейнгауз // Пространственная экономика. — 2006. — № 3. — С. 7—33.

Activities of Military Topographers in Western Siberia in Foreign and Domestic Policy of the Russian Empire in 19th Century

© Evgeny V. Igumnov (2020), orcid.org/0000-0002-3260-4824, PhD in History, associate professor, Department of History and Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Saint-Petersburg State Academy of Veterinary Medicine” (St. Petersburg, Russia), eigumnov@list.ru.

The activities of military topographers in Western Siberia to provide cartographic information on the foreign and domestic policies of the Russian Empire in Central Asia and Siberia in the 19th century are considered in the article. The role of information in the formation of the Russian Empire is emphasized. The contribution of the state to the organization of the study of the Asian regions of Russia and neighboring countries is noted. The establishment of the military topographic service in Western Siberia can be traced taking into account data on administrative transformations in the Siberian region, and on changes in the foreign policy of the Russian Empire. The participation of military topographers in determining and designating the state border with China is described in detail. The question of the role of military topographers in the scientific study of China and Mongolia is raised. The significance of the activities of military topographers for the policy of the Russian Empire on the socio-economic

development of Siberia and the north-eastern part of the territory of modern Kazakhstan is revealed. The contribution of topographers to the construction of the Trans-Siberian railway, the design of river channels and new land routes is revealed. A large amount of literary sources, materials on the work of military topographers of Western Siberia, published in "Notes of the Military Topographic Department of the General Staff" is used in the article.

Key words: Russian Empire; government; foreign and domestic policy; military topographers; mapping; China; Mongolia.

Material resources

Izvlecheniye iz otcheta o geodezicheskikh rabotakh i zanyatiyakh Voyenno-Topograficheskogo Depo v 1860 godu. (1862). In: *Zapiski Voenno-topograficheskogo Depo*. Sankt-Peterburg: Voyennaya tipografiya. 23 (1): 1—20. (In Russ.).

Koverskiy, E. A. (1891). *Chem raspolagayem my dlya izucheniya topografii nashey territorii v Azii, i kakiye rezultaty dostignuty po etoy chasti?* Sankt-Peterburg: Tipografiya A. S. Suvorina. (In Russ.).

Otchet o geodezicheskikh i topograficheskikh rabotakh, proizvedennykh v vedenii Voyenno-Topograficheskogo otdela Glavnogo Shtaba v 1871 godu. (1873). In: *Zapiski Voyenno-Topograficheskogo otdela Glavnogo Shtaba*. Sankt-Peterburg: Voyennaya tipografiya, 33 (1): 1—43. (In Russ.).

Otchet o geodezicheskikh, topograficheskikh i kartograficheskikh rabotakh, proizvedennykh v vedenii Voyenno-Topograficheskogo otdela Glavnogo Shtaba s 1873 po 1875 god vklyuchitelno. (1877). In: *Zapiski Voyenno-Topograficheskogo otdela Glavnogo Shtaba.* Sankt-Peterburg: Voyennaya tipografiya. 35 (1): 1—67. (In Russ.).

Otchet o geodezicheskikh, topograficheskikh i kartograficheskikh rabotakh chinov korpusa voyennykh topografov za 1879 i 1880 gody. (1883). In: *Zapiski Voyenno-Topograficheskogo otdela Glavnogo Shtaba.* Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk. 38 (1): 1—56. (In Russ.).

Otchet o geodezicheskikh, astronomicheskikh, topograficheskikh i kartograficheskikh rabotakh chinov korpusa voyennykh topografov za 1881 god. (1884). In: *Zapiski Voyenno-topograficheskogo otdela Glavnogo shtaba.* Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk. 39: 1—50. (In Russ.).

Otchet o geodezicheskikh, astronomicheskikh, topograficheskikh i kartograficheskikh rabotakh, proizvedennykh chinami Korpusa Voyennykh Topografov v 1893 godu. (1895). In: *Zapiski Voyenno-topograficheskogo otdela Glavnogo shtaba.* Sankt-Peterburg: Voyennaya Tipografiya. 52 (1): 1—42. (In Russ.).

Otchet o geodezicheskikh, astronomicheskikh, topograficheskikh i kartograficheskikh rabotakh, proizvedennykh chinami Korpusa Voyennykh Topografov v 1895 godu. (1897). In: *Zapiski Voyenno-topograficheskogo otdela Glavnogo shtaba*. Sankt-Peterburg: Voyennaya Tipografiya. 54 (1): 1—42. (In Russ.).

Otchet po Voyenno-Topograficheskoy chasti byvshego Glavnogo Upravleniya Generalnogo Shtaba, za 1864 god. (1866). In: *Zapiski Voyenno-Topograficheskogo otdela Glavnogo Shtaba*. — Sankt-Peterburg: Tipografiya I. Markova i komp. 27 (1): 1—27. (In Russ.).

PSZRI-I — *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye Pervoye.* (1830). Sankt-Peterburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. 38. (In Russ.).

PSZRI-II — *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye Vtoroye*. (1839). Sankt-Peterburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. 13 (2). (In Russ.).

Shmidt, Yu. A. (1898). Opredeleniye osnovnykh astronomicheskikh punktov, posredstvom telegrafa i khronometricheskimi reysami, v polose Sibirskoy zheleznoy dorogi k vostoku ot g. Omska (v Tobolskoy i Tomskoy guberniyakh) v 1894 i 1896 godakh. In: *Zapiski Voyenno-topograficheskogo otdela Glavnogo shtaba*. Sankt-Peterburg: Voyennaya Tipografiya. 55 (2): 157—185. (In Russ.).

Zapiski Voyenno-topograficheskogo depo. (1837). Sankt-Peterburg: Tipografiya Ekspeditsii zagotovleniya gosudarstvennykh bumag. (In Russ.).

References

Baskhanov, M. K. (2005). Russkiye voyennyye vostokovedy. *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya, 11:* 317—348. (In Russ.).

Chernavskaya, V. N. (2003). Russkaya Amerika. Gidrograficheskiye issledovaniya… *Rossiya i ATR, 1 (39):* 145—147. (In Russ.).

De-Livron, V. F. (1880). *Istoricheskiy ocherk deyatelnosti Korpusa voyennykh topografov za pervoye dvadtsatipyatiletiye blagopoluchnogo tsarstvovaniya Gosudarya Imperatora Aleksandra Nikolayevicha*. Sankt-Peterburg: Voyennaya Tipografiya. (In Russ.).

Gefner, O. V. (2018). Omsk kak tsentr voennogo vostokovedeniya (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.). *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki, 3 (19):* 191—196. (In Russ.).

Gubin, M. A. (2010). Informatsiya kak istochnik vlasti: stanovleniye i razvitiye diskursa. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk, 3 (16):* 7—12. (In Russ.).

Igumnov, E. V. (2010). *Sozdaniye gubernskikh i oblastnykh statisticheskikh komitetov v Sibiri i ikh nauchnaya deyatelnost' (1835—1917 gg.)*. Sankt-Peterburg: Renome. (In Russ.).

Istoriya izucheniya Aziatskoy Rossii. (1914). In: *Aziatskaya Rossiya. Zemlya i khozyaystvo.* Sankt-Peterburg: Tipografiya A. F. Marksa. 2: 617—638. (In Russ.).

Minakir, P. A., Demyachenko, A. N., Renzin, O. M., Sheyngauz, A. S. (2006). Ekonomicheskiye issledovaniya na Dalnem Vostoke Rossii. *Prostranstvennaya ekonomika, 3*: 7—33. (In Russ.).

Nisnevich, Yu. A. (2000). Informatsiya i vlast'. Moskva: Mysl'. (In Russ.).

Orazmagambetova, D. I., Shotbakova, L. K. (2006). «Ustav o sibirskikh kirgizakh» 1822 goda i prichiny prinyatiya «Polozheniya ob otdelnom upravlenii sibirskimi kirgizami» 1838 goda. *Vestnik KarGU, 2:* 22—34. (In Russ.).

Pavlov, N. D. (1915). Kratkiy ocherk topograficheskikh, geodezicheskikh, astronomicheskikh i seysmicheskikh rabot v Zapadnoy Sibiri. In: *Izvestiya Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*, *3 (1—2):* 1—51. (In Russ.).

Porezanova, E. V. (2014). Informatsiya kak istochnik vlasti. In: *Otvetstvennost' vlasti pered grazhdanskim obshchestvom: mekhanizmy kontrolya i vzaimodeystviya: sbornik nauchnykh statey.* Saratov: Povolzhskiy in-t upr. im. P. A. Stolypina. 251—255. (In Russ.).

Remnyov, A. V. (2007). Imperskaya istoriya Rossii: aziatskiy vektor. Problemy issledovaniya i prepodavaniya. *Vestnik Omskogo universiteta, 4:* 7—23. (In Russ.).

Smagin, R. Yu. (2015). *Voyenno-topograficheskaya sluzhba v Sibiri v XIX — nachale XX veka: dissertatsiya... kandidata istoricheskikh nauk*. Novosibirsk. (In Russ.).

Zakharenko, I. A. (2009). Istoriya stanovleniya voyennoy geografii Dalnevostochnogo pogranichnogo prostranstva (seredina XIX — nachalo XX vv.). *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki, 30 (1):* 36—48. (In Russ.).

Макарова А. И. Становление и развитие инородческой начальной школы в Якутской области во второй половине XIX — начале XX веков / А. И. Макарова // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 375—389. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-375-389.

Makarova, A. I. (2020). Formation and Development of a Foreign Primary School in Yakutsk Region in Second Half of the XIX — Early XX Centuries. *Nauchnyi dialog, 7:* 375-389. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-375-389. (In Russ.).

УДК 94:373(571/56)“18/19”
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-375-389

Становление и развитие инородческой начальной школы в Якутской области во второй половине XIX — начале XX веков

© Макарова Аграфена Иннокентьевна (2020), orcid.org/0000-0003-1644-8208, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, обществознания и политологии, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова» (Якутск, Россия); старший научный сотрудник отдела истории и арктических исследований, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск, Россия), if_aim@mail.ru.

Рассматривается формирование государственной политики в области инородческого начального образования во второй половине XIX — начале XX веков на примере Якутской области. Отмечено, что до середины XIX века государство не торопилось развивать систему образования на инородческих окраинах, затем в ходе либеральных реформ 1860—1870-х годов правительство уделило особое внимание инородческому образованию. Сообщается, что всего за рассматриваемый период было принято четыре законодательных документа о просвещении нерусских народов с целью унификации многонациональной школьной системы и их интеграции в общеимперское социальное пространство. На основе архивных документов показано становление и развитие начальных школ в крае. Приведены сведения о количестве школ и численности учащихся. Дана характеристика типов учебных заведений, условия их содержания и деятельности. Определено, что разнообразие типов школ, несогласованность положений и уставов затрудняли руководство ими. Особое внимание уделено территориальному, природно-климатическому факторам, нехватке педагогических кадров, которые имели большое влияние на становление и развитие системы образования в крае. Сделан вывод, что, несмотря на ряд специфических проблем, начальное народное образование в Якутской области развивалось как составная часть общероссийского образовательного процесса.

Ключевые слова: образование; инородческое образование; начальное образование; министерские школы; церковно-приходские школы; Якутская область.

1. Введение

Во второй половине XIX века Российская империя окончательно сформировалась как многонациональное государство. Согласно Первой Всеоб-

щей переписи населения 1897 года, в стране проживало более 125 млн чел. Перепись отразила ряд существенных проблем в сфере образования, грамотность была сильно дифференцирована по регионам. Одним из низких был уровень грамотности среди инородческого населения Восточной Сибири, так как вплоть до середины XIX века, особенно в николаевскую эпоху, государство не было заинтересовано в развитии системы образования, учитывая слабую заселенность территории, значительное число ссыльных и т. д. Затем в ходе либеральных реформ 1860—1870-х годов отсутствие дворянского сословия, местных органов управления просвещением также тормозили развитие системы просвещения в регионе. Но в то же время в 60-х годах XIX века впервые на правительственном уровне был поставлен вопрос о просвещении нерусских народов (инородцев) как части общенационального просвещения.

Наряду с министерскими школами значительную роль в деле просвещения инородческого населения сыграли церковно-приходские школы и школы грамоты, которые, несмотря на идею о передаче всех начальных школ в Министерство народного просвещения, остались в ведении Св. Синода. Первые церковно-приходские школы в Якутской области появились в 1860-х годах, опередив министерские училища в открытии улусных школ для обучения детей инородцев. К тому же они имели ряд преимуществ по сравнению с министерскими школами: были полностью бесплатными, доступными, требовали небольших расходов на содержание со стороны государства.

Проблеме инородческого образования в Российской империи уделено достаточное внимание со стороны отечественных исследователей. Первые работы по истории народного образования и школ появились еще во второй половине XIX века [Вахтеров, 1895; Миропольский, 1876]. Дореволюционные исследователи заложили основы в изучении истории пореформенной школы, был накоплен богатый фактический материал, отражающий состав учеников и учительства, описание учебников и т. д. [Григорьев, 1900; Рождественский, 1902; Чехов, 1912] Авторы практически единодушно отмечали ведущую роль государства в становлении и развитии системы образования. Что касается регионального аспекта проблемы, то он представлен работами сибирских авторов [Линьков, 1912; Маляревский, 1896].

В советский период появилось достаточно много работ по истории народного образования, дореволюционных школ и педагогической мысли рассматриваемого периода [Ганелин, 1954; Константинов и др., 1953; Ососков, 1982]. Что касается исследований по истории образования на восточной окраине страны, то она не отличается многообразием аспектов анализа

[Андреев, 1964; Панчуков, 1959]. В эти годы исследователи рассматривали государственную политику имперской России в области образования исключительно в негативных тонах. Следует также указать слабую степень изученности советскими историками системы управления образованием в рассматриваемый период.

Одной из работ, в которой рассматривается правительственная политика в области образования в конце XIX — начале XX веков, можно назвать диссертационное исследование Б. К.-Г. Тебиева [Тебиев, 1991]. В работе делается вывод, что, вопреки утвердившемуся в советской историографии мнению о достаточно низком уровне развития начального образования, процессы, которые проходили в сфере народного образования, имели внутреннюю динамику. Но, по мнению автора, правительственная политика в этой области не отвечала реалиям экономической и социально-политической жизни страны.

В современный период на основе широкой источниковой базы стали появляться работы, основанные на современных методологических подходах. В последние годы исследователи значительное внимание стали уделять вопросам организации управления системой образования, проблемам взаимоотношения и взаимодействия власти и общества в сфере народного просвещения рассматриваемого периода [Кузьмина, 2000; Куршева, 2007; Поздняков, 2005].

Кроме этого, сегодня в поле исследовательского интереса находится рассмотрение государственной политики в области инородческого образования. Следует отметить монографию авторского коллектива Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), в которой комплексно рассматривается история просвещения народов Поволжья и Приуралья в контексте российской образовательной политики в 1870—1910-х годах [Из истории …, 2016]. На основе обобщения большого объема источниковых и историографических материалов по данной проблематике авторы делают вывод, что при реализации политики аккультурации нерусских народов большая роль отводилась системе православно-миссионерского и имперско-русского просвещения. Формообразующей основой этой политики стала система Ильминского.

В последние годы также усиливается внимание к организации системы управления образованием и ее особенностям на восточной окраине страны [Дамешек и др., 2016]. По истории становления и развития образования в Якутии накоплен определенный фактический материал, изучены ее отдельные аспекты, воссоздана общая картина [Афанасьев, 1966; Гадзяцкий и др., 1893; Майнов, 1897]. Но в то же время слабое освещение получили

организация системы управления инородческим образованием, ее особенности, поэтому в региональной историографии назрела необходимость ее специального изучения.

2. Формирование инородческой образовательной политики

До либеральных реформ 1860—1870-х годов в Сибири, в частности в Восточной Сибири, развитие народного просвещения шло очень медленно. Как пишет Н. М. Ядринцев, один из основоположников Сибирского областничества, исследователь Сибири и Центральной Азии, что «знание и наука совсем не участвовали в наших открытиях на Востоке. <…> завоеватели были простые казаки, невежественные простолюдины, а колонизаторами — "гулящие люди", промышленники и беглые крепостные рабы» [Ядринцев, 1892, с. 548—549]. Он приходит к выводу, что русские переселенцы не оказали никакого влияния на инородцев в культурном смысле [Там же, с. 551]. Первые школы начинают открываться в Сибири с середины XVIII века. Развитие просвещения проходило очень медленно. Когда в 1819 году М. М. Сперанский стал генерал-губернатором Сибири, он обратил внимание на обустройство учебной части в крае. В частности, в Иркутске была открыта ланкастерская школа, возобновлено устройство народных училищ. Но с отъездом Сперанского долгое время практически никаких серьезных изменений в деле просвещения края не было.

В середине XIX века в Восточной Сибири всего действовало 48 государственных учебных заведений [Дамешек и др., 2016], а в Якутской области на огромной территории края действовало всего 8 учебных заведений (3 гражданские, 2 духовные и 3 казачьи школы), при этом число всех учащихся по отношению к общему числу жителей составляло 0,12 %, то есть 1 ученик приходился на 822 человека [НА РС(Я), ф. 486, оп. 2, д. 10, л. 53—54].

В период правления императора Александра II были проведены либеральные реформы, которые коснулись также сферы образования. Были приняты уставы: Школьный, Университетский. Началось становление средней женской ступени образования. По новому школьному уставу, начальная школа становилась бессословной и доступной. Теперь к ведению Министерства народного просвещения (далее — МНП) относились школы всех ведомств, исключение составили церковно-приходские школы. Также общественности и частным лицам предоставлялась инициатива в деле организации начального образования. Если в центральных и западных губерниях общественная инициатива дала импульс для развития системы образования, то на окраинах страны и в неземских губерниях образование продолжало оставаться под контролем государства.

В рассматриваемый период правительство также было озадачено решением проблемы инородческого образования. Результатом этого было принятие целого ряда правовых и нормативно-методических документов в этой области. Появление этих документов было вызвано не только необходимостью унификации существующей многонациональной школьной системы, но и необходимостью интеграции нерусских народов в имперское социокультурное пространство.

Различный общественный и культурный уровень российских народов требовал выработки специальных законодательных решений образовательной политики по отношению к ним. Всего в рассматриваемый период было принято четыре закона об образовании инородческого населения. Главной целью этих законодательных актов был контроль за соотношением компонентов общего державного и этнического характера в системе начального школьного образования инородцев.

В основе правил МНП «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев» 1870 года лежала широко известная система казанского просветителя Н. И. Ильминского, опиравшаяся на констатацию необходимости обучения детей на их родном языке, преимущественно в устной форме, и последующего перехода на письменный русский язык. Систему начального обучения инородцев правила не ограничивали определенным сроком, все зависело от местных условий.

Второй документ «Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России» 1906 года подтвердил педагогическое значение системы Ильминского. Закон теперь распространялся на школы Средней Азии и Северного Кавказа, но после его обнародования некоторые его пункты вызвали широкий протест со стороны мусульманского населения. Поэтому эти правила фактически остались только на бумаге. Вскоре появились новые «Правила о начальных училищах для инородцев» 1907 года. В них разрешалось пользоваться как русской, так и арабской транскрипцией, а также на родном языке первые два года учебы в школе.

«Правила о начальных училищах для инородцев» 1913 года явились следствием нарастания противостояния между странами Антанты и Тройственного союза [Из истории …, с. 35]. Начался поиск интегрирующего национального компонента, направленного на воспитание у инородцев любви к Отечеству. В новых правилах большое внимание было уделено повышению роли русского языка в инородческой среде, поэтому составители документа практически отказались от системы Ильминского.

Но Правила 1913 года практически остались нереализованными из-за участия России в Первой мировой войне, затем революционных событий 1917 года.

3. Начальные школы Якутской области во второй половине XIX — начале XX веков

В Якутии первые школы появились в 1730—1740-х годах. Были открыты цифирная, гарнизонная и навигацкая школы. Затем в ходе реформы образования 1802—1804 годов были открыты первые уездные училища в Якутске и Олекминске. Кроме этого, в этот период повсеместно в Сибири стали создаваться казачьи школы. В Якутской области во второй четверти XIX века были открыты казачьи школы в Якутске, Средне-Колымске, Вилюйске, Охотске. Таким образом, к 1857 году всего в Якутской области было 9 учебных заведений, из них 3 гражданских, 2 духовных, 4 казачьих с общим числом учащихся в 303 чел. В своем отчете губернатор области Ю. И. Штубендорф писал, что «малое число училищ и ничтожное, в сравнении с народонаселением, число учащихся, вот главные причины далеко распространенного в крае невежества <…> В особенности ощутительна потребность в училищах для девиц и в народных школах» [НА РС(Я), ф. 486, оп. 2, д. 14, л. 38].

Определенный сдвиг в деле просвещения произошел в 70—80 годы XIX века как следствие либеральных реформ Александра II. По линии МНП ежегодно стали открываться начальные школы. В 1870 году было открыто первое Баягантайское училище МНП. Затем в 1871 году были открыты училища в Амге, Верхоянске, Среднеколымске, в 1872 году — в Борогонском, Ботурусском, Намком улусах и т. д. [Афанасьев, 1966, с. 125, 128]. Если в 1859 году всего в области было 10 учебных заведений (4 гражданских, 3 духовных, 3 казачьих) общим количеством учащихся 334 чел., то в 1884 году было 22 учебных заведения, из них 19 начальных училищ с 697 учащимися, из которых инородцев было 276 чел. [НА РС(Я), ф. 486, оп. 2, д. 16, л. 42—43; Там же, д. 76, л. 261—262]. Если на первых порах местное население не осознавало пользу грамотности и детей отдавали в школу с неохотой, то со временем ситуация изменилась. Местные общества сами выходили с инициативой открытия начальных школ и помогали в содержании учебных заведений. Например, в 1884 году городские и сельские общества и частные лица пожертвовали на образование 14 500 руб. [НА РС(Я), ф. 486, оп. 2, д. 76, л. 263]. К 1 января 1909 года в Якутской области действовало уже 51 начальное училище МНП, из них 6 городских и 45 сельских [НА РС(Я), ф. 288, оп. 1, д. 220, л. 230].

По сравнению с 1884 годом число министерских школ в крае увеличилось в 2,3 раза.

Начальные школы МНП содержались преимущественно на средства, собираемые с местных обществ, и лишь отчасти на казенные средства и на проценты с пожертвованных капиталов. Так, в 1900 году на содержание министерских школ поступило: от государственной казны — 3264 руб.; от местных обществ — 14 390 руб., с процентов пожертвований — 1802 руб. [Общее обозрение …, с. 87].

Одной из главных проблем в инородческом образовании было обучение на русском языке. Для якутских детей, с детства говоривших на своем родном языке, обучение на русском становилось трудной задачей. Первый инспектор народных училищ Якутской области С. С. Огородников в отчете отмечал, что Примерная программа МНП 1897 года не может быть выполнена в якутской школе в 3 года, так как в школу поступают дети инородцев, не умеющие говорить по-русски. Ознакомившись достаточно со школами, он пришел к выводу, что «по русскому языку кончающие курс удовлетворительно владеют механизмом чтения, понимают прочитанное из книги — учебника, <…> пишут удовлетворительно диктант, но не могут связно и, не исключая слов, рассказать прочитанного» [НА РС(Я), ф. 288, оп. 1, д. 82, л. 22]. Главному инспектору училищ Восточной Сибири было представлено ходатайство о разрешении ввести в одноклассные начальные училища Якутской области четырехгодичный курс обучения с тремя отделениями при одном учителе, не изменяя требований Примерной программы начальных училищ МНП 1897 года. Эксперимент был одобрен [Там же, л. 30].

Другим важным вопросом не только инородческой, но и всей начальной школы страны была проблема несогласованности школьных уставов, программ и разнообразия типов школ. Практически эти программы ничем не отличались от программ для школ без эпитета «инородческая». Русский язык, арифметика, география и история преподаются во всех школах в одном и том же объеме.

По данным 1909 года, в Якутской области всего было 51 начальное училище всех типов, из них 4 школы работали по Уставу 1828 года, по Инструкции для сельских училищ 1875 года и Правилам МНП «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев» 1870 года — 4, по Положению о начальных народных училищах 1874 года — 42. Если сравнить все эти документы, то по Уставу 1828 года срок обучения составлял всего 1 год, по Положению 1874 года — 3 года, по Правилам 1870 и Инструкции 1875 года в одноклассных училищах срок обучения составлял 3 года,

в двухклассных — 5 лет. Наиболее примитивная программа обучения была по Уставу 1828 года, которая предусматривала в качестве обязательных предметов — Закон Божий, чтение, письмо, первые действия арифметики. По Положению 1874 года, к этим предметам добавлялась в качестве обязательной священная история. По Правилам 1870 года и Инструкции 1875 года, в двухклассных школах вводились пропедевтический курс истории, географии, естествознания и черчения.

При этом только 4 училища были двухклассные, остальные 47 — одноклассные [НА РС(Я), ф. 288, оп. 1, д. 220, л. 230]. Местное население было недовольно ограниченным одноклассным образованием, так как учащийся «уйдя домой в наслег <…> перезабывает все пройденное им в школе и в конце концов обращается почти в безграмотного человека, следовательно, существенной пользы от его учения в результате никакой» [Там же, д. 85, л. 1]. Поэтому в начале XX века часто стали просить о преобразовании одноклассных училищ в двухклассные.

Помимо этого, в инородческой школе также были проблемы с более поздним поступлением в школу, небольшой процент оканчивающих, значительный процент выбывающих из школы. Большинство детей из-за значительных расстояний и холодов в зимние месяцы вынуждены были посещать школу нерегулярно. При анализе численности учащихся обращает внимание высокий процент тех, кто пропускал учебные занятия из-за стужи, бездорожья. Количество оканчивающих училища не превышало в среднем 2 человека. В 1910 году всего в 56 начальных училищах Якутской области школу окончили 94 человека (72 мальчика и 22 девочки), из них наибольшее количество выпускников приходится на Якутское 1-ое приходское училище, Чичимахское одноклассное училище (по 7 выпускников), Чурапчинское одноклассное училище (6 выпускников). Наблюдается большой процент выбывающих учеников по разным причинам. В 1910 году из 910 учащихся выбыло 97, что составляет 10,6 %, из них 37 учеников (38,1 %) — по экономическим причинам (из-за неимения средств, недостатка одежды и обуви), 11 (11,3 %) — из-за проблем с успеваемостью и т. д. [НА РС(Я), ф. 288, оп. 1, д. 302, лл. 8—163].

Особенностью Якутского края была крайняя разбросанность населения при обширной территории. И это было одним главных тормозов в развитии просвещения. В этой ситуации единственным выходом было содержание пансионов (интернатов) при училищах. Но, как следует из отчетов губернаторов, «содержать таковые на свои средства инородцы по экономическому положению не имеют возможности, земская же касса отпускает на этот предмет весьма ограниченные средства» [НА РС(Я), ф. 486, оп. 2,

д. 74, л. 27]. Поэтому в основной массе отправить ребенка в школу могла только зажиточная часть населения.

Существовала также проблема с педагогическими кадрами. По этому поводу, губернатор области Г. Ф. Черняев отмечает, что одной из причин неуспеха школьного дела является «неимение самими учителями специальной подготовки, т.к. состав учителей за немногими исключениями пополняется из лиц, закончивших свое образование 2 или 3 классами Якутской прогимназии и поступающих на эти обязанности случайно, за неимением лиц более способных» [НА РС(Я), ф. 486, оп. 2, д. 45, л. 43]. Привлечь опытных и хороших учителей в Якутию, по мнению губернатора, не представляется возможным из-за отдаленности края и низкого жалованья при существующей дороговизне жизни [Там же]. Первый инспектор народных училищ Якутской области С. С. Огородников, назначенный в 1900 году после утверждения должности, в отчете Главному инспектору училищ Восточной Сибири от 5 июня 1901 года пишет, что в ходе ревизии начальных школ Сунтарского улуса Вилюйского округа выяснилось: «учителя и учительницы школ, за исключением четверых лиц, совершенно не подготовлены к учительской деятельности» [НА РС(Я), ф. 288, оп. 1., д. 27, л. 6].

В рассматриваемый период также наблюдалась частая сменяемость учителей. К 1919 году в области из 103 учителей только семеро работали в школах более 15 лет [Культурная революция …, 1968, с. 16], еще меньше было учителей, которые проработали на одном месте в течение длительного периода. Например, Д. Д. Сивцев практически был единственный сельский учитель, прослуживший в одной и той же школе беспрерывно 25 лет [НА РС(Я), ф. 288, оп. 1, д. 27, л. 2]. Кроме него, более 20 лет в начальных школах работали В. Г. Монастырев, Г. П. Фомин, П. Х. Староватов, также учительница С. М. Шафран [Там же, д. 521, л. 1]. Из отчета инспектора народных училищ следует, что В. Г. Монастырев дела ведет «аккуратно, ежедневно, ученики его достигают относительной грамотности <…>, население им очень довольно, щедро награждает его похвальными своими отзывами»; другой учитель П. Х. Староватов «следит за современной литературой по педагогике, корректен в поведении с учителем и учениками. Дело ведет достаточно успешно, ревностно» [НА РС(Я), ф. 288, оп. 1, д. 410, л. 3—4].

При этом не все учителя с усердием относились к своей работе. Часто возникали конфликты. Например, в 1907 году губернатор области докладывал Иркутскому генерал-губернатору о самовольном оставлении в октябре минувшего года семнадцатью учениками-пансионерами Хочинского

народного училища из-за наказаний со стороны учителя. Оказалось, что учитель Березин обращался грубо с учениками, наказывал их, оставляя без обеда или ужина. Вследствие конфликта обучение в школе прекратилось с 6 ноября 1906 года [НА РС(Я), ф. 288, оп. 1, д. 111, л. 47].

Проблемы инородческого образования обсуждались на Первом Всероссийском съезде по народному образованию, который проходил в Петрограде в 1913 году. В начале в общей программе съезда инородческой школе планировалось отвести небольшое место в ряду многих вопросов второй секции. Однако уже на первых заседаниях оргкомитета было указано, что «инородческая школа обслуживает столь значительную часть населения России, <…> что съезд, привлекающий учителей со всей страны, не удовлетворил бы многих, если бы вопросы инородческой школы не были на нем освещены во всей полноте» [Инородческая школа …, 1916, с. 1] Поэтому в работе съезда была организована отдельная секция по инородческому образованию, в которой были выделены 19 основных вопросов: типы инородческих школ, примерные учебные планы и программы, приспособленность этих программ к местным условиям, роль инициативы общества и семьи в деле народного образования и т. д.

На съезде было отмечено, что при разработке реформы инородческой школы должны быть приняты во внимание особенности каждого народа и их право на культурное самоопределение [Инородческая школа …, 1916, с. 17]. Хотя Правилами о начальных училищах для инородцев 1907 года разрешалось преподавать в первые два года учебы на родном языке, однако представители восточных инородцев в своих докладах отметили, что правила остаются большей частью лишь на бумаге [Там же, с. 71]. Большинство выступивших на этой секции отметили важность обучения инородцев на их родном языке. В общей резолюции, принятой на съезде, отмечается, что преподавание на родном языке является «основным и могущественным орудием воспитания и обучения детей» [Там же, с. 66].

4. Заключение

Становление и развитие системы начального образования в Якутской области относится ко второй половине XIX — начале XX веков. До этого были единичные приходские, уездные и казачьи школы, которые в основном находились в городах и были недоступны основной массе местного населения. Условно можно выделить два этапа в ее развитии.

Период с 1870-х годов до 1900 года является первым этапом становления и развития начального инородческого образования. В этот период стали открываться первые министерские народные училища, преимуще-

ственно в сельской местности. Если в 1866 году всего в области было 8 учебных заведений (2 гражданских, 3 духовных, 3 казачьих) и все они находились в городах (Якутске, Вилюйске, Среднеколымске), то в 1883 году уже насчитывалось 20 начальных училищ, из которых 13 были сельскими школами. Но развитие начальных школ проходило достаточно медленными темпами из-за апатичного отношения инородцев к делу образования на начальном этапе (некоторые из них смотрели на это как на повинность), слабого финансирования и отсутствия поддержки со стороны государства. Кроме этого, введение должностей директоров / инспекторов народных училищ по всей России, в том числе и в Восточной Сибири, не коснулось только Якутии. Поэтому в крае вплоть до начала XX века делами народного образования управлял губернатор.

Второй период с 1900 по 1917 годы связан с расширением сети министерских школ. Это произошло благодаря общественной инициативе, учреждению в 1900 году должности инспектора народных училищ Якутской области и увеличению государственного финансирования сферы народного просвещения. Образование начинает становиться потребностью, коренное население приходит к пониманию пользы от учебы. Местные общества сами стали ходатайствовать об открытии новых школ или их преобразовании в школы следующих, более высоких ступеней. Типология школ, программы и уставы были разные, и это затрудняло руководство ими. Также крайняя разбросанность школ из-за огромной территории, отсутствие при этом пансионов (интернатов), слабая материальная база в условиях суровых климатических условий, нехватка учительских кадров, проблемы обучения на русском языке — это были основные проблемы начальной инородческой школы Якутской области. Следствием этого было незначительное количество оканчивающих полный курс обучения. Но, несмотря на это, в начале XX века система образования в крае стала соответствовать общероссийскому уровню по структурным элементам.

Источники и принятые сокращения

1. *Культурная* революция в Якутии (1917—1937 гг.) : сборник документов и материалов. — Якутск : Книжное издательство, 1968. — 608 с.

2. НА РС(Я) — *Национальный* архив Республики Саха (Якутия). Ф. 288-и (Инспектор народных училищ Якутской области); Ф. 486-и (Якутский губернатор).

3. *Общее* обозрение Якутской области. 1892—1902 гг. : издание Якутского Областного статистического комитета. — Якутск, 1902. — 95 с.

Литература

1. *Андреев В. И.* История бурятской школы (1804—1926 гг.) / В. И. Андреев. — Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1964. — 567 с.

2. *Афанасьев В. Ф.* Школа и развитие педагогической мысли в Якутии / В. Ф. Афанасьев. — Якутск : Якуткнигоиздат, 1966. — 344 с.

3. *Вахтеров В. П.* Условия распространения грамотности в народе / В. П. Вахтеров. — Москва, 1895. — 30 с.

4. *Гадзяцкий П.* Деятельность Министерства народного просвещения в далеком Якутском крае / П. Гадзяцкий, Н. Преловский. — Иркутск : типография А. А. Сизых, 1893. — 48 с.

5. *Ганелин Ш. И.* Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX века / Ш. И. Ганелин. — Москва : Учпедгиз, 1954. — 304 с.

6. *Григорьев В. В.* Исторический очерк русской школы / В. В. Григорьев. — Москва : типография А. И. Мамонтова, 1900. — 588 с.

7. *Дамешек Л. М.* Государственная политика в области управления народным просвещением в Восточной Сибири в XIX — начале XX века / Л. М. Дамешек, И. Н. Мамкина // Гуманитарный вектор. — 2016. — Том 11, № 4. — С. 42—49. — DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-42-49.

8. *Из истории* национального образования нерусских народов Поволжья и Приуралья (1870—1910-е гг.). — Казань : Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2016. — 276 с.

9. *Инородческая* школа : сборник статей и материалов по вопросам инородческой школы / под общей редакцией Г. Г. Тумима, В. А. Зеленко. — Петроград : издание Н. П. Карбасникова, 1916. — 254 с.

10. *Калачев А. В.* Церковно-приходская школа в системе начального народного образования / А. В. Калачев // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. — 2011. — Выпуск 4. — С. 21—30.

11. *Константинов Н. А.* Очерки по истории начального образования в России / Н. А. Константинов, В. Я. Струминский. — Москва : Учпедгиз, 1953. — 272 с.

12. *Кузьмина О. В.* Государственная политика в области начального образования в России в первой половине 60-х годов XIX века : диссертация … кандидата исторических наук : 07.00.02 / О. В. Кузьмина. — Санкт-Петербург, 2000. — 308 с.

13. *Куршева Г. А.* Общество, власть и образование в России в конце XIX — первой трети XX в. (на примере Мордовского края) : автореферат диссертации … доктора исторических наук : 07.00.02 / Г. А. Куршева. — Чебоксары, 2007. — 4 с.

14. *Линьков А.* Рост учебного дела в Восточной Сибири / А. Линьков // Сибирский Архив. — 1912. — № 7. — С. 505—543.

15. *Майнов И. И.* Зачатки народного образования в Якутской области / И. И. Майнов // Сибирский сборник. — 1897. — № 3. — С. 175—229.

16. *Маляревский Г. Я.* Очерки истории и современного состояния народного образования в Сибири / Г. Я. Маляревский. — Санкт-Петербург : Синод. типография, 1896. — 85 с.

17. *Миропольский С. И.* Школа и государство. Обязательность обучения в России / С. Миропольский. — Санкт-Петербург : типография А. М. Котомина, 1876. — 22 с.

18. *Ососков А. В.* Начальное образование в дореволюционной России (1861—1917) / А. В. Ососков. — Москва : Просвещение, 1982. — 208 с.

19. *Панчуков А. П.* История начальной и средней школы Восточной Сибири / А. П. Панчуков. — Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1959. — 512 с.

20. *Поздняков А. Н.* Государство и общество в реформировании российского школьного образования: исторический опыт взаимоотношений в конце XIX — начале XXI вв. : диссертация … доктора исторических наук : 07.00.02 / А. Н. Поздняков. — Саратов, 2005. — 537 с.

21. *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902 / С. В. Рождественский. — Санкт-Петербург : издание Министерства народного просвещения, 1902. — 28 с.

22. *Тебиев Б. К.-Г.* Правительственная политика в области образования и общественно-педагогическое движение в России конца XIX — начала XX в. : автореферат диссертации … доктора педагогических наук : 13.00.01 / Б. Тебиев. — Москва, 1991. — 29 с.

23. *Чехов Н. В.* Народное образование в России с 60-х годов XIX века / Н. В. Чехов. — Москва : Польза, 1912. — 224 с.

24. *Ядринцев Н. М.* Сибирь, как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении / Н. М. Ядринцев. — Санкт-Петербург : И. М. Сибиряков, 1892. — 720 с.

Formation and Development of a Foreign Primary School in Yakutsk Region in Second Half of the XIX — Early XX Centuries

© **Agrafena I. Makarova (2020),** orcid.org/0000-0003-1644-8208, PhD in History, associate professor, Department of History, Social Studies and Political Science, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russia); senior researcher, Department of History and Arctic Studies, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous People Problems of Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia), if_aim@mail.ru.

The formation of state policy in the field of foreign primary education in the second half of the XIX - early XX centuries on the example of the Yakutsk region is considered in the article. It is noted that until the middle of the 19th century the state took its time to develop the education system on foreign outskirts, then during the liberal reforms of the 1860-1870s the government paid special attention to foreign education. It is reported that in total for the period under review four legislative documents were adopted on the education of non-Russian peoples with the aim of unifying the multinational school system and their integration into the common imperial social space. Based on archival documents, the formation and development of primary schools in the region is shown. Information on the number of schools and the number of students, the characteristics of the types of educational institutions, the conditions of their maintenance and activities are given. It was determined that the variety of types of schools, the inconsistency of provisions and charters made it difficult to guide them. Particular attention is paid to the territorial, climatic factors, lack of teaching staff, which had a great influence on the formation and development of the educational system in the region. It is concluded that, despite a number of specific problems, primary public education in the Yakutsk region developed as an integral part of the all-Russian educational process.

Key words: education; foreign education; primary education; ministerial schools; parish schools, Yakutsk region.

Material resources

Kulturnaya revolyutsiya v Yakutii (1917—1937 gg.): sbornik dokumentov i materialov. (1968). Yakutsk: Knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).

NA RS(Ya) — *Natsionalnyy arkhiv Respubliki Sakha (Yakutiya).* F. 288-i (Inspektor narodnykh uchilishch Yakutskoy oblasti); F. 486-i (Yakutskiy gubernator). (In Russ.).

Obshcheye obozreniye Yakutskoy oblasti. 1892—1902 gg.: izdaniye Yakutskogo Oblastnogo statisticheskogo komiteta. (1902). Yakutsk. (In Russ.).

References

Afanasyev, V. F. (1966). *Shkola i razvitiye pedagogicheskoy mysli v Yakutii*. Yakutsk: Yakutknigoizdat. (In Russ.).

Andreev, V. I. (1964). *Istoriya buryatskoy shkoly (1804—1926 gg.).* Ulan-Ude: Buryatskoye knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).

Chekhov, N. V. (1912). *Narodnoye obrazovaniye v Rossii s 60-kh godov XIX veka*. Moskva: Polza. (In Russ.).

Dameshek, L. M., Mamkina, I. N. (2016). Gosudarstvennaya politika v oblasti upravleniya narodnym prosveshcheniem v Vostochnoy Sibiri v XIX — nachale XX veka. *Gumanitarnyy vector, 11/4:* 42—49. DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-42-49. (In Russ.).

Gadzyatskiy, P., Prelovskiy, N. (1893). *Deyatelnost' Ministerstva narodnogo prosveshcheniya v dalekom Yakutskom krae.* Irkutsk: tipografiya A. A. Sizykh. (In Russ.).

Ganelin, Sh. I. (1954). *Ocherki po istorii sredney shkoly v Rossii vtoroy poloviny XIX veka*. Moskva: Uchpedgiz. (In Russ.).

Grigoryev, V. V. (1900). *Istoricheskiy ocherk russkoy shkoly*. Moskva: tipografiya A. I. Mamontova. (In Russ.).

Iz istorii natsionalnogo obrazovaniya nerusskikh narodov Povolzh'ya i Priural'ya (1870—1910-e gg.). (2016). Kazan': Institut tatarskoy entsiklopedii i regionovedeniya AN RT. (In Russ.).

Kalachev, A. V. (2011). Tserkovno-prikhodskaya shkola v sisteme nachalnogo narodnogo obrazovaniya. *Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta, 4:* 21—30. (In Russ.).

Konstantinov, N. A., Struminskiy, V. Ya. (1953). *Ocherki po istorii nachalnogo obrazovaniya v Rossii*. Moskva: Uchpedgiz. (In Russ.).

Kursheva, G. A. (2007*). Obshchestvo, vlast' i obrazovaniye v Rossii v kontse XIX — pervoy treti XX v. (na primere Mordovskogo kraya):* avtoreferat dissertatsii… doktora istoricheskikh nauk. Cheboksary. (In Russ.).

Kuzmina, O. V. (2000). *Gosudarstvennaya politika v oblasti nachalnogo obrazovaniya v Rossii v pervoy polovine 60-kh godov XIX veka*: dissertatsiya… kandidata istoricheskikh nauk. Sankt-Peterburg. (In Russ.).

Linkov, A. (1912). Rost uchebnogo dela v Vostochnoy Sibiri. *Sibirskiy Arkhiv, 7:* 505—543. (In Russ.).

Malyarevskiy, G. Ya. (1896). *Ocherki istorii i sovremennogo sostoyaniya narodnogo obrazovaniya v Sibiri*. Sankt-Peterburg: Sinod. tipografiya. (In Russ.).

Maynov, I. I. (1897). Zachatki narodnogo obrazovaniya v Yakutskoy oblasti. *Sibirskiy sbornik, 3:* 175—229. (In Russ.).

Miropolskiy, S. I. (1876). *Shkola i gosudarstvo. Obyazatelnost' obucheniya v Rossii*. Sankt-Peterburg: tipografiya A. M. Kotomina. (In Russ.).

Ososkov, A. V. (1982). *Nachalnoye obrazovaniye v dorevolyutsionnoy Rossii (1861—1917).* Moskva: Prosveshcheniye. (In Russ.).

Panchukov, A. P. (1959). *Istoriya nachalnoy i sredney shkoly Vostochnoy Sibiri.* Ulan-Ude: Buryatskoye knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).

Pozdnyakov, A. N. (2005). *Gosudarstvo i obshchestvo v reformirovanii rossiyskogo shkolnogo obrazovaniya: istoricheskiy opyt vzaimootnosheniy v kontse XIX — nachale XXI vv*.: dissertatsiya… doktora istoricheskikh nauk. Saratov. (In Russ.).

Rozhdestvenskiy, S. V. (1902). *Istoricheskiy obzor deyatelnosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1802—1902*. Sankt-Peterburg: izdaniye Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. (In Russ.).

Tebiev, B. K.-G. (1991). *Pravitelstvennaya politika v oblasti obrazovaniya i obshchestvenno-pedagogicheskoye dvizheniye v Rossii kontsa XIX — nachala XX v.:* avtoreferat dissertatsii… doktora pedagogicheskikh nauk. Moskva. (In Russ.).

Tumima, G. G., Zelenko, V. A. (1916*). Inorodcheskaya shkola: sbornik statey i materialov po voprosam inorodcheskoy shkoly.* Petrograd: izdaniye N. P. Karbasnikova. (In Russ.).

Vakhterov, V. P. (1895). *Usloviya rasprostraneniya gramotnosti v narode*. Moskva. (In Russ.).

Yadrintsev, N. M. (1892). *Sibir', kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii*. Sankt-Peterburg: I. M. Sibiryakov. (In Russ.).

Недзелюк Т. Г. Материалы Российского государственного исторического архива Дальнего Востока о вероисповедной политике временных сибирских правительств 1917—1919 годов / Т. Г. Недзелюк // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 390—404. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-390-404.

Nedzeluk, T. G. (2020). Materials of the Russian State Historical Archive of Far East on the Confessional Policy of Provisional Siberian Governments of 1917—1919. *Nauchnyi dialog, 7:* 390-404. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-390-404. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCOhost ВЫСШАЯ АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)

УДК 930.85
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-390-404

Материалы Российского государственного исторического архива Дальнего Востока о вероисповедной политике временных сибирских правительств 1917—1919 годов[1]

© Недзелюк Татьяна Геннадьевна (2020), orcid.org/0000-0001-8374-9348, SPIN 7549-3299, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный университет» (Барнаул, Россия); профессор кафедры теории и истории государства и права, Сибирский институт управления — филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (Новосибирск, Россия), tatned@mail.ru.

Актуальность исследования обусловлена практической необходимостью изучения исторического опыта взаимодействия светских и религиозных структур России в процессе реализации государственной национальной политики. Анализируется проблема выстраивания государственно-конфессиональных отношений в сибирском регионе на переломном моменте — в период гражданской войны. Уделяется внимание вероисповедной политике временных сибирских правительств в ходе революционных преобразований начала XX столетия. Представлены результаты сопоставительного анализа особенностей реализации вероисповедной политики последовательно разными правительствами в течение 1917—1919 годов. Новизна исследования заключается как в самой тематике, так и в неисследованной ранее источниковой базе. Введены в оборот ранее неизученные материалы архивного хранения Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. Реализации исследовательского замысла способствовали историко-сравнительный, компаративистский, аналитический методы исследования.

1 Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ по теме: «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных регионах Казахстана в XIX—XX вв.» (проект № 19-18-00023).

Результаты, достигнутые в процессе анализа документов архивного хранения Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, свидетельствуют о прагматичном подходе временных сибирских правительств к вопросам идеологии, в том числе религиозной. Сформулирован вывод о стремлении временных правительств подчинить религиозные структуры интересам светских властей.

Ключевые слова: Сибирь; Временное правительство; Сибирский областной совет; Омская Директория; государственно-конфессиональные отношения; вероисповедная политика; правительство Колчака.

1. Постановка проблемы

Необходимость изменения вектора государственно-церковных отношений в Российской империи стала очевидной задолго до революционных событий 1917 года. Манифест 17 октября 1905 года явился зримой иллюстрацией острой и актуальной проблемы взаимоотношений многочисленных религиозных организаций и светской иерархии в Российской империи. Текст Манифеста лишь вскрыл проблему, но не предложил путей ее решения. Со своей стороны, религиозные организации, в первую очередь Православная церковь, проектировали возможные варианты новых церковно-государственных взаимоотношений.

Задачи исследования заключаются, во-первых, в стратификации временных периодов и соответствующих им документальных источников в фонде Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (далее — РГИА ДВ); во-вторых, в изучении монографического наследия предшественников, специализирующихся на анализе политики вре́менных правительств; в-третьих, в текстуальном контент-анализе документального наследия периода гражданской войны в Сибири на предмет государственно-конфессиональной политики.

В процессе исследования были реализованы историко-сравнительный, компаративистский, аналитический методы. При помощи историко-сравнительного метода производился отбор документального материала и сравнение его на разных этапах становления демократической государственности в Сибири. Метод компаративистики был востребован нами при выявлении архивных коллекций, изучении описей дел архивного хранения, ознакомлении с содержанием архивных дел. Аналитический метод позволил вычленить из многообразия документальных материалов те, что исходили от властных институций и хотя бы косвенным образом, но были направлены на выработку стратегии вероисповедной политики.

2. Историография проблемы

Обратившись к соборной практике церкви еще накануне революционных событий, деятели православия надеялись разрешить проблему тра-

дициионными для православной церкви методами [Беглов, 2004, с. 51—73; Белякова, 2017, с. 89—109; Озеров, 2018, с. 58—66]. Среди возможных вариантов государственно-конфессионального сотрудничества наиболее популярными оказались два: «свободная церковь в правовом государстве» и традиционный византийский вариант «симфонии» (без превалирования властных светских структур) [Белякова, 2013; Ковырзин, 2008; Шершнева-Цитульская, 2004].

Отсутствие симпатии к членам царской семьи и игнорирование их участи делегатами Поместного собора неоднократно подчеркивались М. А. Бабкиным [Бабкин, 2018, с. 66—75]. Политика социального дистанцирования отличала позицию Поместного собора 1917—1918 годов по отношению к Советской власти [Беглов, 2007; Кашеваров, 2019]. Исследования М. А. Бабкина, В. Вяткина, М. В. Каиля, Т. И. Царан посвящены детальному анализу государственно-церковных отношений в России при Временном правительстве [Бабкин, 2017; Вяткин, 2008; Каиль, 2019; Царан, 2018], что для нашего исследования имеет принципиальное значение. Однако предметом их изучения стала политика не Временных сибирских правительств, а Временного правительства Российской империи, что не тождественно. Бытует распространенное мнение о либерализации политики Временного правительства в отношении всех исповеданий в империи, однако Вяткин встает на позицию профессора Пермского университета Н. Н. Фиолетова, современника описываемых событий, утверждавшего: «Временное правительство не только сохранило, но и усилило обер-прокурорскую власть» [Вяткин, 2008, с. 198].

Важно, что все перечисленные выше исследователи работали с материалами Поместного собора, Временного правительства Российской империи в центральных архивохранилищах страны (Отдел рукописей Российского государственной библиотеки, Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный исторический архив). В своем исследовании мы предлагаем иной, «встречный» подход, реализуемый через изучение документации местных властных институций, отложившейся в РГИА ДВ. Достоинством этого подхода является предоставляемая им возможность проследить не только императивный вариант попытки выстраивания новой модели государственно-конфессиональных отношений в стране, но и рефлексивный, проявившийся в восприятии директив «из центра» временными властными институциями непосредственно в центре «белого движения» на востоке страны.

Конкретизация понятия «Временное правительство автономной Сибири» проведена В. И. Шишкиным [Шишкин, 2009, с. 344], его место и роль

в «белом» движении на востоке России установлены В. Г. Кокоулиным, Е. В. Луковым, Ц. Ц. Михеевой [Кокоулин, 2017; Луков, 1995; Михеева, 2018]; эти исследования проясняют организационно-административную вертикаль власти, не углубляясь в детали государственно-конфессиональной политики. Тем не менее В. И. Шишкиным акцентировано «превалирующее значение морального фактора над физическим во внешних войнах и доминирующая роль — в войнах гражданских» [Шишкин, 2012, с. 64]. Особенностям идеологической работы Особого отдела управления делами Верховного правителя и Совета министров Российского правительства В. И. Шишкин посвятил специальное исследование, где среди учреждений, призванных вести «на освобожденной от большевиков территории культурно-просветительную работу и идеологическую пропаганду в народных массах и в военной среде», упомянуты отдел печати Управления делами Верховного Правителя и Совета министров, Особая канцелярия при штате Верховного Главнокомандующего (Осканверх) и Осведомительный отдел Главного Штата (Осведверх), но не религиозные организации или их деятели [Шишкин, 2012].

Особенности судебной системы России в эпоху Временного правительства стали предметом изучения Б. В. Барташевича и А. Е. Ладыки [Барташевич и др., 2019, с. 46], мы со своей стороны отмечаем особенности судопроизводства в контексте вероисповедной политики Временных сибирских правительств.

Национальная политика Временного сибирского правительства стала объектом изучения для Р. О. Багаутдинова [Багаутдинов, 2007] и И. В. Нам [Нам, 2008], которые отметили тенденцию Временного сибирского правительства к признанию только культурно-национальных автономий, но не самостоятельных национальных правительств. Взаимоотношениям правительства А. В. Колчака и администрации православной церкви посвящены публикации Т. М. Новиковой и Д. И. Плотникова [Новикова, 2010; Плотников, 2018]. Сибирские исследователи Д. В. Олихов и А. В. Попов подвергли анализу причины создания временных Высших церковных управлений на территориях, подконтрольных белогвардейским правительствам [Олихов, 2016, с. 72—86; Попов, 2005, с. 180—188].

3. Материалы Временных сибирских правительств в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока

Нам посчастливилось поработать с фондами Российского государственного исторического архива во Владивостоке. Именно посчастливилось, так как долгие годы после транспортировки всего архивного фонда

РГИА ДВ из города Томска во Владивосток материалы не были доступны для исследователей. РГИА ДВ является классическим историческим архивом и относится к числу непополняемых; он был искусственно создан в 1943 году в сибирском городе Томске на базе исторических документов, вывезенных из дальневосточного региона в преддверии возможных военных действий на востоке страны. Фонды Главного управления Восточной Сибири, канцелярий Приамурского генерал-губернатора и военных губернаторов сибирских областей составляют основной корпус документов. Для нашего исследования представляют интерес материалы архивного хранения органов управления временных сибирских правительств, вывезенные из Сибири на Дальний Восток отступавшими белогвардейскими войсками.

Материалы фонда Р-722 Временного правительства автономной Сибири проливают свет на события, в центральной части России получившие название «период двоевластия». «Историческая справка» к данному фонду повествует о динамике возникновения и трансформациях властных структур временных сибирских правительств. Из материалов «справки» узнаем, что Временный сибирский областной совет под председательством Потанина был избран на инициированном эсерами 8—17 октября 1917 года Первом сибирском областном съезде в г. Томске. В состав данного Совета вошли члены будущего правительства: Петр Яковлевич Дербер, Григорий Борисович Патушинский, Евгений Захаров и Александр Ефремович Новоселов. Важно, что события в Сибири начали разворачиваться еще до октябрьского переворота 1917 года.

4. Временные сибирские правительства: динамика и магистральные направления в их деятельности

В декабре этого же года Временный сибирский областной совет созвал Чрезвычайный сибирский съезд, на заседаниях которого были выработаны основные положения о временных органах управления Сибирью и выборах в законодательный орган Сибири — Сибирскую областную Думу. В соответствии с этими положениями, Сибирский областной совет являлся исполнительной властью и органом, ответственным перед Сибирской областной думой. Однако до созыва Временной сибирской областной думы Сибирский областной совет принимал на себя всю полноту власти [РГИА ДВ, ф. Р-722, оп. 1, д. 3, л. 1]. Образование Временного сибирского правительства было анонсировано в ночь с 28 на 29 января 1918 года в ситуации противостояния с Томским Советом. Избежавшие ареста члены Сибирского областного совета по инициативе П. Я. Дербера и от имени Сибирской

думы объявили об образовании «Временного сибирского правительства» [Там же, л. 1—2].

Коллекция РГИА ДВ содержит ценные материалы «Узаконений и распоряжений Временного сибирского правительства» [РГИА ДВ, ф. Р-722, оп. 1, д. 3]. Проведя контент-анализ этого корпуса документальных источников, мы пришли к выводу о прагматической позиции Временного сибирского правительства, в чем согласны с В. М. Рынковым [Рынков, 2008, с. 4]. Действительно, в перечне узаконений первыми упоминаются неотложные хозяйственные нужды населения (регулирование хлебной торговли и установление предельных цен на хлеб, казенные заготовки сена, заготовки соли), далее — меры, направленные на стабилизацию политической обстановки в регионе («Об устранении армии от участия в политической деятельности», «О порядке освобождения должностных лиц гражданского ведомства от призыва на военную службу», «О признании Омского Сельско-Хозяйственного Института учреждением государственным и об отпуске ему необходимых кредитов») [РГИА ДВ, ф. Р-722, оп. 1, д. 3, л. 1—7]. Замыкают перечень узаконений положения политического и организационного характера: «Об учреждении в Томской губернии должности нотариуса», «Об учреждении юрисконсульской части Временного Сибирского Правительства» [Там же, л. 5—7об.]. Наконец, самое последнее место в реестре, а именно № 201 ст. 22 Собрания Узаконений принадлежит интересующему нас постановлению «О размере вознаграждения лиц духовного звания всех вероисповеданий, призываемых в судебные заседания для привода к присяге по уголовным делам» [Там же].

5. Религиозный вектор в политике Временных правительств Сибири

В контексте государственно-конфессиональной политики нового правительства представляют интерес следующие содержательные аспекты. Первый: не наделяя идеологическими полномочиями религиозные организации и их лидеров, Временное сибирское правительство предполагало использовать «лиц духовного звания всех вероисповеданий» в практическом ключе для привода к присяге участников судебного процесса в уголовном судопроизводстве. Второй: привод к присяге при помощи священнослужителей не означал отказа от религиозных начал в судопроизводстве и делопроизводстве, как это произошло в период прихода к власти Советов. Третий: денежное вознаграждение предназначалось духовным лицам любых исповеданий, не только православного, ранее монопольно признававшегося государственным. Четвертый: хотя громких заявлений о равенстве вероисповеданий на подведомственной Временному сибирскому прави-

тельству территории сделано не было, фактически из смысла вышеназванного постановления следует признание законного статуса за всеми вероисповеданиями в порядке реализации процессуальных действий. Наконец, последнее: упоминание анализируемого нами постановления в финальной части перечня узаконений Временного правительства свидетельствует о служебной функции религиозной составляющей в мировоззрении первых лиц новой сибирской администрации.

В сложной ситуации противостояния с Советами члены Временного сибирского правительства разъехались из Томска по разным городам Сибири, центр движения переместился в Читу, затем в Харбин [РГИА ДВ, ф. Р-722, оп. 1, д. 3, л. 1—2].

29 июня 1918 года находившиеся во Владивостоке чехословаки и белогвардейцы захватили железнодорожный вокзал, почту и телеграф, а также штаб Владивостокской крепости; в этот же день основной состав Временного сибирского правительства, находившегося к тому времени на Дальнем Востоке, провозгласил себя «Центральной властью Сибири», а именно Временным правительством автономной Сибири (ВПАС). Сделанное Временным правительством автономной Сибири в тот же день заявление об отмене всех декретов Советской власти, в том числе и декрета об отделении церкви от государства, о национализации земли, об отделении школы от церкви де-юре возвращало государственно-конфессиональные отношения в Сибири на дореволюционный уровень [Там же, л. 3].

Главными своими задачами Временное правительство автономной Сибири считало восстановление городских и земских самоуправлений и обеспечение с их помощью скорейшего созыва Сибирского учредительного собрания, которое в свою очередь должно было обеспечить помощь и поддержку в созыве Всероссийского учредительного собрания.

Неопределенность в политических и идеологических установках предопределила раскол в «белом» движении. Оппозиционная Дерберу группа членов Временного правительства автономной Сибири собралась в г. Томске, где 23 июня 1918 года, выразив недоверие «дербероvскому правительству» и получив одобрение руководителей Сибирской областной думы, избрала Временное сибирское правительство. Примечательно, что и это правительство поспешило во всеуслышание объявить о ничтожности Декретов Советской власти (о чем в фонде Р-722 имеется дело № 4 с говорящим названием: «Копии постановлений временного Сибирского правительства об аннулировании декретов Советской власти и недопущении советских организаций» [РГИА ДВ, ф. Р-722, оп. 1, д. 4]) на том основании, что «все декреты, изданные, так называемым, Советом Народных Комиссаров и

местными советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, являются актами незакономерными, а потому ничтожными» [Там же, л. 2].

Необходимо отметить, что перипетии властных структур Сибирского правительства происходили на фоне деятельности Комиссара Временного Правительства по делам Дальнего Востока. Материалы архивного хранения фонда Р-1644 содержат «Перечень распоряжений Временного Правительства» [РГИА ДВ, ф. Р-1644, оп. 1, д. 22], в числе которых «Постановление о немедленном облегчении образования акционерных обществ и устранении из их уставов национальных и вероисповедных ограничений» [Там же, л. 2] и «Постановление об отмене ограничений в правах белого духовенства и монашествующих добровольно, с разрешения духовной власти, слагающих с себя духовный сан, а также лишенных сана по суду духовному» [Там же, л. 2об.].

На базе министерств и центральных управлений Временного сибирского правительства П. В. Вологодским был сформирован Всероссийский совет министров в качестве исполнительного органа Директории (высшего органа власти Российского государства, образованного 23 сентября 1918 года на Государственном совещании в Уфе). 3 ноября этого же года в Омске была подписана Декларация о передаче власти Временному Всероссийскому правительству. После 9 октября 1918 года штаб-квартира Директории была перенесена в Омск, а председателем Совета министров Директории стал П. В. Вологодский. Следующим этапом в динамике властных полномочий явилось установление власти адмирала Колчака [РГИА ДВ, ф. Р-722, оп. 1, л. 5]. В идеологической теории колчаковского движения вероисповедная политика играла заметную роль, однако в ее реализации существовали объективные затруднения. Патриарх Русской православной церкви Тихон (Белавин) отказался благословить как «белое», так и «красное» движение, осудил братоубийство и запретил священникам принимать участие в гражданской войне. Тем не менее было найдено решение, соответствующее экстраординарному духу времени. Так как обычное сообщение между разными, в особенности удаленными, как Сибирь, регионами страны было затруднено по причине военных действий, то территории, охваченные войной, лишились связи с Патриархом. Для решения вопросов, выходивших за рамки полномочий епархиальных иереев, в структуре церкви были созданы экстраординарные органы — Временные высшие церковные управления (далее — ВВЦУ). В том числе и в Томске в ноябре 1918 года на состоявшемся духовном съезде было учреждено такое Управление. Резолюция Томского духовного съезда объявила Советскую власть врагом церкви и приветствовала освобождение Сибири от власти Советов

[Олихов, 2016, с. 73; Попов, 2005, с. 180]. Для осуществления руководства и координации деятельности ВВЦУ в составе Колчаковского правительства было создано министерство вероисповеданий, призванное контролировать деятельность Томского ВВЦУ как религиозного ведомства. Примечателен в данном контексте факт главенства светской власти над властью духовной. Возможно, в России, прошедшей длительный период беспатриаршества, доминирование светских структур над религиозными было воспринято как нечто привычное и не вызвало нареканий. Более того, правительство адмирала Колчака финансировало деятельность ВВЦУ, ежемесячно выделяя на его нужды 32 350 рублей [Попов, 2005, с. 181]. Портфель министра исповеданий в составе Колчаковского правительства получил профессор Томского университета, доктор церковного права П. А. Прокопьев.

Из материалов архивной коллекции исторического архива Омской области известно, что 29 января 1919 года на заседании правительствующего Сената в Омске архиепископ Сильвестр привел Верховного правителя Колчака к присяге, благословив адмирала в Верховные правители России, а в апреле того же года благословил Колчака как главу церкви иконой Христа Спасителя [ИсАОО, ф. 2136, оп. 1, д. 13].

Странная, на первый взгляд, позиция православного духовенства, отказавшегося от патриаршества в пользу Верховного правителя Колчака, объясняется канвой предшествовавших событий. Недолгий по временной протяженности, но насыщенный законодательными актами революционного периода (Декрет «О земле» от 26 октября 1917 года, Декрет «О передаче всех государственных, церковно-приходских и частных учебных заведений в ведение Народного Комиссариата просвещения» от 11 декабря 1917 года, Декрет «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния» от 18 декабря 1917 года, Декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» от 20 января 1918 года) событийный ряд был прерван распоряжениями А. В. Колчака в статусе Верховного правителя. Реквизиции и конфискации церковных земель и иного церковного имущества были объявлены незаконными, статус церкви и церковных учреждений восстановлен. В свою очередь, Высокопреосвященный Сильвестр, архиепископ Омский и Павлодарский, назначенный главой Высшего церковного управления Сибири, своей властью отменил декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», вернул церковным учреждениям принадлежавшие им ранее земельные владения. Исследовательница Т. А. Терехина сделала вывод о значительности этого жеста колчаковского правительства: «На одну церковь в Сибири приходилось по 92,56 десятин земли, в то время как средний крестьянский душе-

вой надел по Сибири составлял 13,12 десятин. Кроме того, дополнительно к земельным, церковь получала лесные наделы по 17,5 десятин» [Терехина, 2005, с. 193].

6. Выводы

Результаты, достигнутые в процессе анализа документов архивного хранения Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, свидетельствуют о прагматичном подходе временных сибирских правительств к вопросам идеологии, в том числе религиозной. Необходимость идеологической составляющей как в разработке магистральной стратегии, так и в реализации конкретных мероприятий, отчетливо осознавалась как Временным правительством Российской империи, так и всеми временными сибирскими правительствами, в том числе и «дерберовским», и Временным правительством автономной Сибири, и правительством Колчака.

Как показывает анализ, временные сибирские правительства намеревались подчинить религиозные структуры интересам светских властей. Создание Временных высших церковных управлений свидетельствовало о стремлении церковных институтов к формальной самоорганизации, к демонстрации единства перед вызовами стремительно меняющегося социума. Учреждение министерства вероисповеданий в составе Колчаковского правительства для контроля над деятельностью ВВЦУ знаменовало намерение новой светской власти следовать в традиционном консервативном фарватере государственно-конфессиональной политики.

Анализ комплекса документов архивного хранения РГИА ДВ позволяет нам сделать вывод о коренном отличии государственно-конфессиональной политики временных сибирских правительств в 1918—1919 годах от аналогичной, ранее провозглашенной политики Временного правительства Российской империи, что прослеживалось в поддержке авторитета и статуса исключительно структур православной церкви; принцип равенства вероисповеданий предусматривался лишь в реализации коммерческих интересов и отсутствии преследований за переход в иное исповедание.

Представляет интерес динамика вектора вероисповедной политики самих сибирских правительств. На начальном этапе самоорганизации, в 1917 году, томское правительство предполагало использовать «лиц духовного звания всех вероисповеданий» в практическом ключе, для привода к присяге участников судебного процесса в уголовном судопроизводстве, а денежное вознаграждение предназначалось духовным лицам любых исповеданий. На финальном отрезке 1919 года министерство вероисповеданий в составе правительства А. В. Колчака в реализации своей политики опи-

ралось, как и во времена самодержавия, исключительно на руководство православной церкви.

Объединяющим фактором для религиозных организаций и рычагом вероисповедной политики временных сибирских правительств выступало намерение, реализованное главой Высшего церковного управления Сибири, архиепископом Омским и Павлодарским Сильвестром, — отмена декрета советской власти «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», возвращение церковным учреждениям принадлежавших им ранее земельных владений.

Источники и принятые сокращения

1. ИсАОО — *Федеральное* казенное учреждение «Исторический архив Омской области». Ф. 2136 (Коллекция документов учреждений, действовавших в период гражданской войны и иностранной военной интервенции), 1919 год.

2. РГИА ДВ — *Федеральное* казенное учреждение «Российский государственный исторический архив Дальнего Востока». Ф. Р-722 (Временное правительство автономной Сибири), 1918 г. ; Ф. Р-1644 (Комиссар Временного правительства по делам Дальнего Востока), 1922 г.

Литература

1. *Бабкин М. А.* Конфессиональная политика Временного правительства России : сборник документов / М. А. Бабкин. — Москва : Политическая энциклопедия, 2017. — 558 с.

2. *Бабкин М. А.* Поместный собор Русской Православной Церкви и убийство Николая II / М. А. Бабкин // Гражданская война в русской истории : взгляд через столетие. — Москва : Московский государственный педагогический университет, 2018. — С. 66—75.

3. *Багаутдинов Р. О.* Национальная политика Временного сибирского правительства / Р. О. Багаутдинов // Вестник Башкирского университета. — 2007. — Т. 12. — № 1. — С. 148—150.

4. *Барташевич Б. В.* Особенности судебной системы в эпоху Временного правительства / Б. В. Барташевич, А. Е. Ладыка // Integral : международный журнал прикладных наук т технологий. — 2019. — № 3. — С. 46.

5. *Беглов А. Л.* Всероссийский церковный собор 1917—1918 гг. как явление соборной практики церкви / А. Л. Беглов // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2016. — Т. 34. — № 1. — С. 51—73. DOI : 10.22394/2073-7203-2016-34-1-51-73.

6. *Беглов А. Л.* От соборного определения — к декрету СНК (к вопросу о генезисе государственно-церковных отношений советского периода) / А. Л. Беглов // Альфа и Омега. — 2007. — № 1. — С. 146—170.

7. *Белякова Е. В.* Поместный собор Русской православной церкви 1917—1918 годов : слишком длинный путь к реформам и драма истории / Е. В. Белякова // Вестник Русского Христианского Движения. — 2017. — Т. 1. — № 207. — С. 89—109.

8. *Белякова Е. В.* «Симфония властей» или «свободная церковь в правовом государстве» : русские дискуссии начала XX в. / Е. В. Белякова // История. — 2013. — № 7 (23). — С. 1.

9. *Вяткин В.* Государственно-церковные отношения в России при Временном правительстве / В. Вяткин // Государственная служба. — 2008. — № 4 (54). — С. 196—202.

10. *Каиль М. В.* Конфессии России в политике Временного правительства 1917 г. / М. В. Каиль // Вестник архивиста. — 2019. — № 1. — С. 299—311.

11. *Кашеваров А.* Поместный собор 1917—1918 гг. и отношение Православной Церкви к Советской власти и её религиозной политике / А. Кашеваров // Российская история. — 2019. — № 1. — С. 179—190. DOI : 10.31857/S086956870004233-7.

12. *Ковырзин К. В.* Поместный собор 1917—1918 годов и поиски принципов церковно-государственных отношений после Февральской революции / К. В. Ковырзин // Отечественная история. — 2008. — № 4. — С. 88—97.

13. *Кокоулин В. Г.* Временное правительство автономной Сибири : страницы истории (январь — сентябрь 1918 г.) / В. Г. Кокоулин // Гуманитарные проблемы военного дела. — 2017. — № 4 (13). — С. 120—124.

14. *Луков Е. В.* Временное правительство автономной Сибири и его место в «белом» движении на востоке России / Е. В. Луков // История «белой» России : тезисы научной конференции / Редактор С. Ф. Фоминых. — Кемерово : Кемеровская областная научная библиотека, 1995. — С. 19—23.

15. *Михеева Ц. Ц.* Местные органы власти и Временное правительство в марте 1917 г. / Ц. Ц. Михеева // Advances in Law Studies. — 2018. — Т. 6. — № 3. — С. 11—15.

16. *Нам И. В.* Международные аспекты национальной политики Российского правительства (ноябрь 1918—1919 г.) / И. В. Нам // Вестник Томского государственного университета. — 2008. — № 310. — С. 81—88.

17. *Новикова Т. М.* Православная церковь и правительство А. В. Колчака / Т. М. Новикова // Вестник Иркутского государственного технического университета. — 2010. — № 4 (44). — С. 268—273.

18. *Озеров Ю. В.* Революция и Всероссийский Поместный Собор 1917—1918 гг. : уроки истории / Ю. В. Озеров // Всероссийский собор 1917—1918 гг. и современность. — Курск : Курская Духовная Семинария Курской Епархии РПЦ, 2018. — С. 58—66.

19. *Олихов Д. В.* Создание и деятельность Временного высшего церковного управления Сибири (1918—1920 гг.) / Д. В. Олихов // Вестник Омской православной духовной семинарии. — 2016. — № 1. — С. 72—86.

20. *Плотников Д. И.* Роль Русской православной церкви в гражданской войне в России 1917—1920 гг. / Д. И. Плотников // Filo Ariadne. — 2018. — № 2 (10). — С. 80—90.

21. *Попов А. В.* Временные Высшие церковные управления на территориях, контролируемых белогвардейскими правительствами / А. В. Опов // История «белой» Сибири : Сборник статей / под ред. С. П. Звягина. — Кемерово : Кузбассвузиздат, 2005. — С. 180—187.

22. *Рынков В. М.* Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918—1919 г.) / В. М. Рынков. — Новосибирск : Сибпринт, 2008. — 440 с.

23. *Терехина Т. А.* Духовная связь белой эмиграции и церкви в годы гражданской войны / Т. А. Терехина // История «белой» Сибири : Сборник статей / под ред. С. П. Звягина. — Кемерово : Кузбассвузиздат, 2005. — С. 191—195.

24. *Царан Т. И.* Конфессиональная политика Временного правительства и позиция Русской православной церкви / Т. И. Царан // Вестник Приднестровского университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2018. — № 1 (58). — С. 168—175.

25. *Шершнева-Цитульская И. А.* Юридическая модель церковной организации (по материалам Поместного собора Русской православной церкви 1917—1918 гг.) / И. А. Шершнева-Цитульская // Религии мира : История и современность. — Москва : Наука, 2004. — С. 190—196.

26. *Шишкин В. И.* Временное правительство автономной Сибири / В. И. Шишкин // Историческая энциклопедия Сибири. — Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2009. — С. 344.

27. *Шишкин В. И.* Особый отдел управления делами Верховного правителя и Совета министров Российского правительства (май — декабрь 1919 года) / В. И. Шишкин // Вестник Новосибирского государственного университета. — Серия : История, филология. — 2012. — Т. 11. — № 8. — С. 63—81.

Materials of the Russian State Historical Archive of Far East on the Confessional Policy of Provisional Siberian Governments of 1917—1919[1]

© Tatyana G. Nedzeluk (2020), orcid.org/0000-0001-8374-9348, SPIN 7549-3299, Doctor of History, leading researcher at the department of regional studies of Russia, national and state-confessional relations, Altai State University (Barnaul, Russia); Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Siberian Institute of Management – a Branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russia), tatned@mail.ru.

The relevance of the study is due to the practical need to study the historical experience of interaction between secular and religious structures in Russia in the process of implementing state national policy. The article analyzes the problem of building state-confessional relations in the Siberian region at a turning point - during the civil war. Attention is paid to the religious policy of the provisional Siberian governments during the revolutionary transformations of the early 20th century. The results of a comparative analysis of the implementation peculiarities of the religious policy by successively different governments during 1917-1919 are presented. The novelty of the research lies both in the topic itself and in the previously unexplored source base. Previously unexplored materials from the archival storage of the Russian State Historical Archive of the Far East (RSHA FE) have been put into circulation. The implementation of the research concept was facilitated by historical-comparative, comparative, analytical research methods. The results achieved in the process of analyzing the documents of the archival storage of the Russian State Historical Archive of the Far East indicate the pragmatic approach of the provisional Siberian governments to issues of ideology, including religious. The conclusion is made about the striving of the provisional governments to subordinate religious structures to the interests of the secular authorities.

Key words: Siberia; Provisional Government; Siberian Regional Council; Omsk Directory; state-confessional relations; religious policy; Kolchak's government.

1 The article was prepared with the support of a grant from the Russian Science Foundation on the topic: "Religion and power: historical experience of state regulation of the activities of religious communities in Western Siberia and adjacent regions of Kazakhstan in the 19th-20th centuries." (project № 19-18-00023).

Material resources

IsAOO — *Federalnoye kazennoye uchrezhdeniye «Istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti». F. 2136 (Kollektsiya dokumentov uchrezhdeniy, deystvovavshikh v period grazhdanskoy voyny i inostrannoy voyennoy interventsii), 1919 god.* (In Russ.).

RGIA DV — *Federalnoye kazennoye uchrezhdeniye «Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Dalnego Vostoka». F. R-722 (Vremennoye pravitelstvo avtonomnoy Sibiri), 1918 g.; F. R-1644 (Komissar Vremennogo pravitelstva po delam Dalnego Vostoka), 1922 g.* (In Russ.).

References

Babkin, M. A. (2017). *Konfessionalnaya politika Vremennogo pravitelstva Rossii: sbornik dokumentov.* Moskva: Politicheskaya entsiklopediya. (In Russ.).

Babkin, M. A. (2018). Pomestnyy sobor Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi i ubiystvo Nikolaya II. In: *Grazhdanskaya voyna v russkoy istorii: vzglyad cherez stoletiye.* Moskva: Moskovskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet. 66—75. (In Russ.).

Bagautdinov, R. O. (2007). Natsionalnaya politika Vremennogo sibirskogo pravitelstva. *Vestnik Bashkirskogo universiteta, 12 (1):* 148—150. (In Russ.).

Bartashevich, B. V., Ladyka, A. E. (2019). Osobennosti sudebnoy sistemy v epokhu Vremennogo pravitelstva. *Integral: mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh nauk t tekhnologiy, 3:* 46. (In Russ.).

Beglov, A. L. (2007). Ot sobornogo opredeleniya — k dekretu SNK (k voprosu o genezise gosudarstvenno-tserkovnykh otnosheniy sovetskogo perioda). *Alfa i Omega, 1:* 146—170. (In Russ.).

Beglov, A. L. (2016). Vserossiyskiy tserkovnyy sobor 1917—1918 gg. kak yavleniye sobornoy praktiki tserkvi. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom, 34 (1):* 51—73. DOI: 10.22394/2073-7203-2016-34-1-51-73. (In Russ.).

Belyakova, E. V. (2013). «Simfoniya vlastey» ili «svobodnaya tserkov' v pravovom gosudarstve»: russkiye diskussii nachala XX v. *Istoriya, 7 (23):* 1. (In Russ.).

Belyakova, E. V. (2017). Pomestnyy sobor Russkoy pravoslavnoy tserkvi 1917—1918 godov: slishkom dlinnyy put' k reformam i drama istorii. *Vestnik Russkogo Khristianskogo Dvizheniya, 1 (207):* 89—109. (In Russ.).

Kail', M. V. (2019). Konfessii Rossii v politike Vremennogo pravitelstva 1917 g. *Vestnik arkhivista, 1:* 299—311. (In Russ.).

Kashevarov, A. (2019). Pomestnyy sobor 1917—1918 gg. i otnosheniye Pravoslavnoy Tserkvi k Sovetskoy vlasti i yeye religioznoy politike. *Rossiyskaya istoriya, 1:* 179—190. DOI: 10.31857/S086956870004233-7. (In Russ.).

Kokoulin, V. G. (2017). Vremennoye pravitelstvo avtonomnoy Sibiri: stranitsy istorii (yanvar' — sentyabr' 1918 g.). *Gumanitarnyye problemy voyennogo dela, 4 (13):* 120—124. (In Russ.).

Kovyrzin, K. V. (2008). Pomestnyy sobor 1917—1918 godov i poiski printsipov tserkovno-gosudarstvennykh otnosheniy posle Fevralskoy revolyutsii. *Otechestvennaya istoriya, 4:* 88—97. (In Russ.).

Lukov, E. V. (1995). Vremennoye pravitelstvo avtonomnoy Sibiri i yego mesto v «belom» dvizhenii na vostoke Rossii. *Istoriya «beloy» Rossii: tezisy nauchnoy konfer-*

entsii. Kemerovo: Kemerovskaya oblastnaya nauchnaya biblioteka. 19—23. (In Russ.).

Mikheyeva, Ts. Ts. (2018). Mestnyye organy vlasti i Vremennoye pravitelstvo v marte 1917 g. *Advances in Law Studies, 6 (3):* 11—15. (In Russ.).

Nam, I. V. (2008). Mezhdunarodnyye aspekty natsionalnoy politiki Rossiyskogo pravitelstva (noyabr' 1918—1919 g.). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 310:* 81—88. (In Russ.).

Novikova, T. M. (2010). Pravoslavnaya tserkov' i pravitelstvo A. V. Kolchaka. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, 4 (44):* 268—273. (In Russ.).

Olikhov, D. V. (2016). Sozdaniye i deyatelnost' Vremennogo vysshego tserkovnogo upravleniya Sibiri (1918—1920 gg.). *Vestnik Omskoy pravoslavnoy dukhovnoy seminarii, 1:* 72—86. (In Russ.).

Ozerov, Yu. V. (2018). Revolyutsiya i Vserossiyskiy Pomestnyy Sobor 1917—1918 gg.: uroki istorii. *Vserossiyskiy sobor 1917—1918 gg. i sovremennost'.* Kursk: Kurskaya Dukhovnaya Seminariya Kurskoy Eparkhii RPTs. 58—66. (In Russ.).

Plotnikov, D. I. (2018). Rol' Russkoy pravoslavnoy tserkvi v grazhdanskoy voyne v Rossii 1917—1920 gg. *Filo Ariadne, 2 (10):* 80—90. (In Russ.).

Popov, A. V. (2005). Vremennyye Vysshiye tserkovnyye upravleniya na territoriyakh, kontroliruyemykh belogvardeyskimi pravitelstvami. In: *Istoriya «beloy» Sibiri: Sbornik statey*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. 180—187. (In Russ.).

Rynkov, V. M. (2008). *Sotsialnaya politika antibolshevistskikh rezhimov na vostoke Rossii (vtoraya polovina 1918—1919 g.).* Novosibirsk: Cibprint. (In Russ.).

Shershneva-Tsitulskaya, I. A. (2004). Yuridicheskaya model' tserkovnoy organizatsii (po materialam Pomestnogo sobora Russkoy pravoslavnoy tserkvi 1917—1918 gg.). *Religii mira: Istoriya i sovremennost'*. Moskva: Nauka. 190—196. (In Russ.).

Shishkin, V. I. (2009). Vremennoye pravitelstvo avtonomnoy Sibiri. In: *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri.* Novosibirsk: Istoricheskoye naslediye Sibiri. (In Russ.).

Shishkin, V. I. (2012). Osobyy otdel upravleniya delami Verkhovnogo pravitelya i Soveta ministrov Rossiyskogo pravitelstva (may — dekabr' 1919 goda). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya, 11 (8):* 63—81. (In Russ.).

Terekhina, T. A. (2005). Dukhovnaya svyaz' beloy emigratsii i tserkvi v gody grazhdanskoy voyny. In: *Istoriya «beloy» Sibiri.* Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. 191—195. (In Russ.).

Tsaran, T. I. (2018). Konfessionalnaya politika Vremennogo pravitelstva i pozitsiya Russkoy pravoslavnoy tserkvi. *Vestnik Pridnestrovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki, 1 (58):* 168—175. (In Russ.).

Vyatkin, V. (2008). Gosudarstvenno-tserkovnyye otnosheniya v Rossii pri Vremennom pravitelstve. *Gosudarstvennaya sluzhba, 4 (54):* 196—202. (In Russ.).

Ратьковский И. С. Арон Александрович Сольц — судьба революционера и советского государственного деятеля (1873—1945) / И. С. Ратьковский // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 405—416. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-405-416.

Ratkovsky, I. S. (2020). Aron Aleksandrovich Solts — Fate of Revolutionary and Soviet Statesman (1873—1945). *Nauchnyi dialog, 7:* 405-416. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-405-416. (In Russ.).

УДК 94(47).084.3
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-405-416

Арон Александрович Сольц — судьба революционера и советского государственного деятеля (1873—1945)

© **Ратьковский Илья Сергеевич (2020),** orcid.org/0000-0002-3263-701X, ResearcherID H-2528-2015, кандидат исторических наук, доцент кафедры Новейшей истории России, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (Санкт-Петербург, Россия), i.ratkovskij@spbu.ru.

В статье впервые излагается подробная биография видного российского революционера, государственного деятеля СССР А. А. Сольца (1873—1945). Сообщается, что до революции он был известен своей публикационной работой, изданием целой череды революционных изданий. Отмечается, что именно в этот период складывается его круг общения, включавший таких известных революционных деятелей, как Ф. Э. Дзержинский, братья М. И. и Б. И. Гольдман, И. В. Сталин и многие другие. В статье уточняется его дата рождения, подробно и точно освещаются обстоятельства его обучения в Виленской гимназии и в Санкт-Петербургском университете. Раскрывается содержание его дореволюционной деятельности, в том числе его отношения в этот период с И. В. Сталиным. Автор обращает внимание на то, что после революции Сольц продолжает работу в центральных большевистских изданиях, а впоследствии становится одним из руководителей Рабоче-Крестьянской инспекции. В статье на основе архивных данных охарактеризована его деятельность в этом органе советской власти, роль инспекции в образовании СССР, а также в становлении карательно-репрессивных органов советской власти. Описаны его попытки отстоять принципы социалистической законности. Показано его противостояние с Я. Вышинским.

Ключевые слова: А. А. Сольц; Ф.Э. Дзержинский; И. В. Сталин; Рабоче-Крестьянская инспекция.

1. Образ Сольца в воспоминаниях современников и литературных произведениях

Арон Александрович Сольц — знаковая фигура в партийных и советских кругах 1917—1930-х годов. Он занимал важные посты в Рабоче-крестьянской инспекции (далее — РКИ), Верховном суде СССР, являлся членом редакции газеты «Правда». Его даже называли «совестью партии»,

доверяя ему разрешение многих щекотливых партийных дел, так как он был известен своей принципиальностью и личным аскетизмом. Сольц был противником различных партийных привилегий, ездил на общественном транспорте, носил один и тот же костюм на протяжении многих лет. Одновременно в 1920-е годы он выступал за смягчение советского законодательства, был инициатором ряда амнистий. Характерны созданные в этот период карикатуры и шаржи на Сольца, в которых он предстает бессребреником, а также Дон Кихотом. При этом авторами выступали как действующие политики, например Н. И. Бухарин (образ А. А. Сольца в виде совы), так и официальные советские юмористические журналы (шарж Д. Моора «Преувеличенный факт», 1927).

В то же время в деятельности Сольца случались ошибки, которые впоследствии повлияли на его судьбу. Так, ориентируясь на внешний аскетизм Я. Вышинского, Сольц поддержал его в 1920-х годах, в значительной степени дав толчок новой политической карьере будущего Прокурора СССР. В дальнейшем, столкнувшись на своем посту заведующего Бюро жалоб с многочисленными примерами злоупотреблений в этой системе, он попытался инициировать смещение Вышинского с поста. Результатом стало «лечение» Сольца в психиатрической больнице и забвение в сталинский период.

Уже после смерти И. В. Сталина деятельность Сольца получила отражение в неоднократно переиздававшихся книгах: автобиографическом романе Ю. В. Трифонова [Трифонов, 1988], трилогии А. Н. Рыбакова «Дети Арбата» [Рыбаков, 2017]. На страницах этих произведений Сольц предстал как борец за советскую законность, который может пытаться противостоять самому Генеральному прокурору СССР Я. Вышинскому. Писатели-шестидесятники охотно использовали образ Сольца в качестве прототипа литературных героев.

Использован образ Сольца и в лучшем за последние годы документальном романе о гражданской войне Л. А. Юзефовича «Зимняя дорога». В этом произведении красный командир С. С. Вострецов в 1928 году просит Сольца оказать содействие в освобождении своего бывшего противника: белого генерала А. Н. Пепеляева. В романе А. А. Сольц отказал Вострецову, при этом характерно, что за помощью обратились именно к нему [Юзефович, 2015]. В данном случае автор был не прав: в действительности Сольц высказался за возможное освобождение Пепеляева, направив это письмо К. Е. Ворошилову с характерной припиской: «Клим, дай, пожалуйста, свое заключение. Быть может, прав Вострецов», однако руководитель РККА высказался резко отрицательно, и вопрос был закрыт [Мышов, 2016, с. 89—90].

Таким образом, А. А. Сольц стал героем сразу нескольких романов. Однако научной биографии советского деятеля так и не было создано. Насколько его «литературная жизнь» соответствовала реалиям? На этот вопрос мы и попробуем ответить.

2. Дореволюционная деятельность А. А. Сольца

Арон-Юдель Александрович Сольц родился 14 декабря 1873 года в местечке Соленики (г. Шальчининкай) Виленской губернии Российской империи. К сожалению, во многих изданиях ошибочно указывается иная дата его рождения — 10 марта 1872 года [ВЧК, 2013, с. 391]. Между тем дата 14 декабря 1873 года неоднократно фигурирует в личных студенческих делах Сольца [ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, д. 32364, л. 3; ф. 115, оп. 2, д. 8819, л. 2].

Он происходил из зажиточной купеческой еврейской семьи, хотя через некоторое время материальное положение изменилось, так как, когда мальчику было четыре года, умер его отец — купец первой гильдии, потомственный почетный гражданин А. М. Сольц.

Первоначально А. А. Сольц получал домашнее обучение, но в возрасте 11 лет он поступил в третий класс Первой Виленской гимназии. Это было одно из самых престижных учебных учреждений в прибалтийских губерниях, в нем, в частности, обучался одно время П. А. Столыпин. Многие выпускники гимназии стали впоследствии известными политическими, военным и научными деятелями [Ратьковский, 2013, с. 99—101]. Обучение в ней было национально ориентированным, в духе русского консерватизма, притом что в учебном заведении было много поляков, евреев, литовцев. Поэтому в нем в период обучения Сольца было много тайных гимназических кружков. Практически в одно время с Сольцем в гимназии учились такие в будущем известные деятели российского революционного движения, как братья М. И. Гольдман (Либер), Б. И. Гольдман, а также Ф. Э. Дзержинский, А. Г. Пальчик и т. д. Во второй виленской гимназии проходил обучение Н. Н. Крестинский. Сам Сольц в период обучения участвовал только в образовательных кружках, среди его друзей был известный в будущем театральный актер В. И. Шверубович (Качалов). Вместе с тем участие в революционном движении было вопросом времени, учитывая не только критическое отношение Сольца к правящему режиму, но и влияние его двоюродного брата — публициста и деятеля революционного движения А. П. Лурье (1867—1920).

В 1894 году Сольц получил свидетельство о явке к исполнению воинской повинности. По прибытии он был записан в ратники второго разряда,

что также говорит в пользу даты его рождения в 1873 году, так как в этом году ему исполнялся 21 год, когда вступал в силу закон о воинской повинности [ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, д. 32364, л. 6 а].

Аттестат Сольца включал хорошие и удовлетворительные оценки. При хорошем прилежании, удовлетворительном любознании он имел оценку «4» по греческому языку, истории, французскому языку и математике, а по русскому языку и словесности, логике, латинскому языку, физике, географии и математической географии — оценку «3». В графе по предмету «закон божий» у него стоял прочерк [Там же, л. 3].

Закончив гимназическое образование, Сольц в 1895 году поступил на естественное отделение физико-математических наук в Санкт-Петербургский университет. Обучение его проходило сложно, что отразилось на экзаменах в период второго года учебы. Об этом он писал в прошении на имя руководства университета 18 ноября 1897 года: «Уже во второй половине прошлого года я стал замечать, что изучение естественных наук меня не вполне удовлетворяет. Отсутствие интереса к изучаемым предметам и отразилось на моих не вполне успешных экзаменах. Оставшись на второй год и уже знакомый с проходимыми на втором курсе предметами, я стал аккуратно посещать лекции по юридическому факультету, что и привело меня к сознанию, что последний более соответствует моим вкусам и наклонностям». Далее в прошении Сольц просил разрешить ему посещать оба факультета [Там же, л. 11].

На качестве обучения сказывалось и начало революционной деятельности Сольца. После отказа в переводе на юридический факультет осенью 1897 года по причине пропуска срока прошений он подает новое прошение в августе 1898 года [Там же, л. 35]. В этом же году Сольц вступает в РСДРП.

Обучение на юридическом факультете оказалось также непродолжительным. В марте 1899 года Сольц был отчислен из университета, а в 1900 году был принят обратно [Там же, л. 42], однако пребывание в учебном заведении оказалось опять недолгим. В декабре 1900 года Сольц был снова отчислен из университета за участие в сходке, с правом поступления в 1901 году во все другие университеты. Однако в январе 1901 года он был арестован по политическому делу, а в мае следующего года выслан в Восточную Сибирь [Там же, л. 44, 44об.].

В ноябре 1902 года Сольц совершил побег из ссылки, которую отбывал в Нижнеудинске Иркутской губернии. Через Вильно он приехал в Екатеринославль. Здесь под фамилией Кушель он участвовал в организации подпольной искровской типографии. В 1903 году Сольц вновь был аре-

стован в результате действий провокатора Батушинского и отправлен для судебного разбирательства в Харьков, где был приговорен к тюремному заключению.

После амнистии, объявленной в октябрьском манифесте 1905 года, Сольц возвращается в Вильно. Здесь он живет до мая 1906 года, затем переезжает в Санкт-Петербург. Сольц попробовал возобновить обучение на втором курсе юридического факультета в Санкт-Петербургском университете (подав прошение о восстановлении в студентах), но неудачно [Там же, л. 44об]. В июле 1906 года он был вновь арестован и находился в тюремном заключении до февраля 1907 года, после чего был отправлен в ссылку под надзор полиции в Туринск, а затем в Тюмень. Здесь он являлся руководителем городской организации РСДРП, организовал выпуск первой местной нелегальной газеты «Тюменский рабочий», которая через 5 месяцев была обнаружена и закрыта жандармами. Сольц провел 2 года в тюменской тюрьме. К моменту суда ему удалось организовать через посредничество конвойных солдат пропажу из судебного дела основных улик: его рукописных текстов. В результате Сольц был оправдан по данному делу. Последние месяцы ссылки он провел в Туринске, куда был выслан из Тюмени. 5 февраля 1910 года закончился его срок ссылки. По окончании ссылки он выбрал местом жительства Тюмень, но ему было отказано под тем предлогом, что он как еврей права жительства в городе не имеет [Зеленская, 1987].

Сольц возвращается в Санкт-Петербург, становится членом ПК РСДРП и одним из организаторов издания газеты «Правда». Не оставлял он мысли и о завершении своего прерванного юридического образования, в связи с чем в 1911 году подал прошение директору Психоневрологического института о зачислении его студентом на старший курс юридического факультета с учетом ранее полученного образования. В прошении он указывал: «Возраст мой таков, что я весьма заинтересован в том, чтобы прохождение курса в Институте продолжалось как можно меньше времени. Я прошу принять меня на старший курс, приняв во внимание то, что я уже получил зачеты в университете на юридическом факультете по политической экономии, римскому праву и энциклопедии права, а на естественном по анатомии, ботанике цветковых и споровых растений, зоологии, химии неорганической и аналитической, физике, кристаллографии и минералогии …» [ЦГИА СПб, ф. 115, оп. 2, д. 8819, л. 1]. Сольц был зачислен на 2-й общеобразовательный курс, где проучился осенний семестр 1911 года. Обучение в институте не было закончено, причиной чему стала его революционная деятельность. Позднее, 18 октября 1916 года, Сольц подал

прошение об увольнении его из состава студентов Психоневрологического института [Там же, л. 7].

В 1912 году Сольц был вновь арестован и отправлен в ссылку в Нарым, которую отбывал вместе с другими революционерами, в том числе со И. В. Сталиным, с которым был знаком еще по Петербургу (жили некоторое время в одной комнате у родственников Сольца и даже делили единственную имевшуюся там кровать). В 1914 году Сольц совершил побег из ссылки. Обосновавшись нелегально в Москве по паспорту крестьянина Коростелева, он связался с партийным руководством и вновь занялся издательской деятельностью. После начала Первой мировой войны Сольц участвовал в печати антивоенных листовок и был вновь арестован в конце 1914 года. Военный суд приговорил его к двум годам заключения, которое революционер отбывал в Таганской тюрьме. С конца 1916 года Сольц, после отбытия наказания, находился в Москве, проживая по адресу: Тургеневская площадь, дом 8, кв. 1 [Там же, л. 7].

Всего Сольц провел в царских тюрьмах 10 лет, в трех ссылках — 4,5 года, трижды был осужден и дважды совершал побег из ссылки.

3. Деятельность А. А. Сольца в послереволюционный период

В период Февральской революции 1917 года Сольц вместе с М. С. Ольминским организовал захват типографии для газеты «Социал-демократ». 1 (14) марта 1917 года Сольц принял участие в заседании Московского совета. В дальнейшем его деятельность в основном была связана с Москвой.

В 1917 году Сольц был избран членом Московского комитета РСДРП (б), работал в редакциях газет «Социал-демократ» и «Правда». В «Правде» Сольц часто замещал Н. И. Бухарина во время его отпусков [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 146, л. 3]. При этом замещение не было формальным, и Сольц принимал порою важные редакционные решения. Так, в апреле 1921 года, заменяя Бухарина, он выступил с инициативой обязать Радека, Преображенского и Ярославского работать в «Правде». Рассматривавшее эту просьбу Политбюро приняло решение обязать Радека систематически работать в газете и просить Ярославского и Преображенского принимать участие в издании «Правды» [Там же, д. 148, л. 1].

В 1918 году Сольц входил в группу левых коммунистов, выступая против подписания Брестского мира, как и его виленские товарищи Дзержинский и Крестинский. В дальнейшем позиции Дзержинского и Сольца по многим внутриполитическим вопросам также были близки: они часто поддерживали друг друга. Так, Сольц оказался сопричастным к оправданию Дзержинского после левоэсеровского выступления в 1918 году, свидетель-

ствуя в его пользу. Поддерживал он, как правило, и многочисленные ходатайства Дзержинского как председателя ВЧК. Часто Дзержинский и Сольц участвовали в одних политических мероприятиях, например в разгроме меньшевистских организаций [Ратьковский, 2015, с. 273—279].

В 1919 году Сольц вместе с сестрой Э. Сольц работает в Народном комиссариате Государственного контроля (председатель И. В. Сталин). После преобразования 7 февраля 1920 года Наркомата государственного контроля РСФСР в Наркомат рабоче-крестьянской инспекции РСФСР Сольц продолжил работать в его системе. На этой должности он показал себя как человек, склонный к смягчению мер наказаний. Так, 14 октября 1920 года Политбюро рассматривало просьбу Сольца о пересмотре постановления Президиума ВЦИК, отклонившего ходатайство правления Центросоюза о смягчении участи осужденных кооператоров. Для выяснения вопроса и доклада в Политбюро была назначена комиссия из Крестинского, Крыленко и Енукидзе [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 115, л. 3].

С 1920 года А. А. Сольц стал членом ЦКК РКП (б). 7 июня 1921 года он вошел в состав пятерки по проверке и очистке партии, членами которой, кроме него, были П. А. Залуцкий, А. Г. Шляпников, Н. И. Челышев, М. Ф. Шкирятов. С 1921 года Сольц стал членом Верховного суда РСФСР и заведующим юридическим отделом Рабоче-крестьянской инспекции (далее — РКИ), работал членом бюджетной комиссии Коминтерна.

В конце 1922 года Сольц поддержал Дзержинского и Сталина в «Грузинском деле». В ответ на требование Ленина, недовольного деятельностью комиссии Дзержинского, предоставить дополнительные документы по «Грузинскому делу» Сольц сообщил ему о пропаже личного заявления Кобахидзе в ЦКК и наличии объективного мнения А. И. Рыкова об оскорблениях Орджоникидзе со стороны члена ЦК компартии Грузии Кобахидзе. Тем самым Сольц подтверждал В. И. Ленину (через Л.А. Фотиеву, секретаря Ленина) выводы комиссии Ф. Э. Дзержинского.

С 1923 года Сольц становится заведующим юридическим отделом Верховного суда СССР. Также с этого времени и по 1934 год он является членом Президиума ЦКК. Сольц достаточно ярко проявляет себя в первые годы на этих должностях. Получив в марте 1923 года многочисленные свидетельства о злоупотреблениях в тюрьмах, он инициировал создание специальной комиссии ВЦИК с правом освобождения заключенных. В состав комиссии входили Сольц, Лисицын и Малахов как члены ЦКК, Немцев от ВЦИК, Катанян от ГПУ и тов. Файнблит от Московского Совета [Сольц и др., 1925, с. 17]. Комиссия получила неофициальное название «Комиссия Сольца». Среди выявленных комиссией в тюрьмах массовых случаев не-

обоснованных и длительных арестов были дела, заведенные на категории лиц без документов, а также по обвинению в самогоноварении и продаже спирта (среди последних более 50 % заведено против женщин). Сольц добился принятия декретов, снижающих наказание за эти правонарушения в несколько раз. Результатом стал пересмотр нескольких тысяч приговоров только в Москве, а также последовавшая амнистия. Через год, в 1924, «Комиссия Сольца» повторила свое обследование, на этот раз кроме тюрем были проверены народные суды. Комиссией было также прекращено множество мелких дел.

Особые отношения со Сталиным и Дзержинским позволили Сольцу иметь относительно независимую партийную позицию в 1920-е годы. Он выступал за единство в партии, но был против массовых исключений из партии, арестов бывших однопартийцев, их высылок. Однако смерть Дзержинского в июле 1926 года ослабила его позиции. Накопленный партийный авторитет еще давал возможность вступаться за арестованных партийцев некоторое время, а также делать «смелые предложения». Так, летом 1928 года Сольц предложил возмещать стоимость конфискованного хлеба. Рассматривавшее это предложение Политбюро на заседании 26 июля 1928 года отвергло предложение Сольца, признав нецелесообразным [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 697, л. 6].

Сольц чувствовал, что к его мнению уже не так прислушиваются. В следующем году Сольц занимает более лояльную позицию к чисткам в партии. 12 ноября 1929 года он пишет личное письмо Сталину, которое начинается с дружеского обращения «Дорогой Коба!». В нем он признает, что, всегда поддерживая генеральную линию, допускал от нее отступления в отношении ряда людей, желая сохранить их для партии. Такая позиция признавалась им в письме ошибочной [РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 806, л. 89—90]. Это была личная капитуляция, но возможность сохранения хоть какого-то влияния на судебную систему. Важным вопросом для Сольца была и партийная дисциплина. В этом отношении можно вспомнить его высказывание 1927 года: «Когда человек не видит удовлетворения в борьбе, в работе — он плохой работник. У каждого должно быть сознание, что “не я нужен для класса, а что я не могу жить без класса”» [Сольц, 1927, с. 111].

Свидетельством вернувшегося доверия были новые назначения Сольца. В начале 1930-х годов Сольц курировал строительство заключёнными Беломоро-Балтийского канала. Среди прочего он отвечал за контроль над обеспечением продовольственных поставок, добившись улучшения в этом вопросе.

20 февраля 1934 года решением Политбюро Сольц был откомандирован в распоряжение Прокуратуры СССР для работы в качестве заведующего Бюро жалоб [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 939, л. 22]. С 1935 года Сольц работал заместителем генерального прокурора, затем председателем юридической коллегии Верховного Суда (это было, пожалуй, последнее значимое дело в карьере Сольца). По-прежнему он совмещал несколько работ, при этом продолжая активно сотрудничать с различными периодическими изданиями и информационными агентствами.

1 сентября 1936 года решением Политбюро А. А. Сольц был освобожден от работы в ТАСС. Вскоре он лишился и остальных должностей. В октябре 1937 года Сольц выступил на конференции свердловского районного партактива Москвы, потребовав создать специальную комиссию для расследования деятельности Я. Вышинского. Именно с последним он связывал нарушения социалистической законности. Критические выступления Сольца имели место и позднее, что привело к трагическим последствиям. В феврале 1938 года Сольц был принудительно помещён на неопределенный срок в психиатрическую клинику для лечения. Вместе с тем следует отметить, что данное событие не привело к переименованию, например, завода имени А. А. Сольца в Серпухове, который продолжал и далее, в том числе во время Великой Отечественной войны, носить его имя [РГАСПИ, ф. 644, оп. 1, д. 36, л. 206; оп. 2, д. 65, л. 46]. Можно сказать, что Сольц не был репрессирован в полном смысле этого слова.

Продолжительность пребывания Сольца в больнице неизвестна. Есть ряд мемуарных свидетельств, что Сольц позднее вернулся к журналистской деятельности и работал редактором в издательстве «Молодая гвардия», потом архивариусом в Музее народов ВЦСПС. 30 апреля 1945 года А. А. Сольц умер. 4 мая он был похоронен в московском крематории.

4. Заключение

Жизненный путь А. А. Сольца был, с одной стороны, типичным для революционера, а с другой — неординарным для советского деятеля. Он оставался верным своим еще дореволюционным идеалам и отстаивал их. Конечно, в некоторых ситуациях он шел на компромиссы, но переступить полностью через себя не мог, что ясно было видно из его противостояния Вышинскому. Парадоксально, но длительные дружеские отношения Сольца со Сталиным, его незапятнанная репутация в материальном и личном плане привели лишь к его изоляции. Сыграло свою роль и то, что Сольц всегда был одиночкой. Семьи у него не было, единственным спутником на протяжении всей жизни была его сестра. Сольц не являлся угрозой, доста-

точно было его убрать из общественной жизни СССР. Однако образ Сольца как одиночки, который выступил против системы, в дальнейшем был востребован в советской и постсоветской литературе.

Изучение его биографии может служить основой для более точного понимания деятельности таких ключевых госучреждений СССР, как РКИ и Генеральная прокуратура. Важны также творческое наследие А. А. Сольца, его книги и выступления по различным вопросам советского законодательства.

Источники и принятые сокращения

1. РГАСПИ — *Российский* Государственный архив Социально-политических источников. Ф. 17. Оп. 3. Д. 115, 146, 148, 697, 939; Ф. 558. Оп. 11. Д. 806; Ф. 644. Оп. 1. Д. 36; Оп. 2. Д. 65.

2. *Сольц А.* Не ныть, а строить / А. Сольц // Комсомольский быт. — Москва—Ленинград : Молодая гвардия, 1927. — С. 108—111.

3. *Сольц А.* Революционная законность и наша карательная политика / А. Сольц, С. Файнблит — Москва : Московский рабочий, 1925. — 140 с.

4. ЦГА ИПД СПб — *Центральный* Государственный архив Историко-Политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 3. Д. 32364; Ф. 115. Оп. 2. Д. 8819.

Литература

1. ВЧК. 1917—1922. Энциклопедия / авт.-сост. А. М. Плеханов, А. А. Плеханов. — Москва : Вече, 2013. — 512 с.

2. *Зеленская Е. И.* Борец за чистоту партии / Е. И. Зеленская // Коммунист. Серпухов. — 1987. — 21 марта.

3. *Мышов Н. А.* «… Его можно использовать как военспеца …» : Документы федеральных архивов о попытке комдива С. С. Вострецова освободить из тюремного заключения белогвардейского генерала А. Н. Пепеляева. 1926–1928 гг. / Н. А. Мышов // Отечественные архивы. — 2016. — № 2. — С. 89—90.

4. *Ратьковский И. С.* А. А. Сольц и Ф. Э. Дзержинский : история взаимоотношений / И. С. Ратьковский // Евреи Европы и Ближнего Востока : История, социология, культура. Материалы Международной научной конференции. Серия «История и этнография» 2014. — Санкт-Петербург : [б. и.], 2015. — С. 273—279.

5. *Ратьковский И. С.* Дзержинский от «Астронома» до «Железного Феликса» / И. С. Ратьковский. — Москва : Алгоритм, 2017. — 464 с.

6. *Ратьковский И. С.* Из Вильно в Петербург : выпускники Первой Виленской гимназии в Санкт-Петербургском университете / И. С. Ратьковский // Клио. — 2013. — № 10. — С. 99—101.

7. *Рыбаков А. Н.* Дети Арбата / А. Н. Рыбаков. — Москва : Азбука, 2017. — 1280 с.

8. *Трифонов Ю. В.* Отблеск костра : Документальная повесть [о В. А. Трифонове] ; Исчезновение : Роман / Ю. В. Трифонов. — Москва : Советский писатель, 1988. — 299 с.

9. *Юзефович Л. А.* Зимняя дорога. Генерал А. Н. Пепеляев и анархист И. Я. Строд в Якутии. 1922—1923 : Документальный роман / Л. А. Юзефович. — Москва, АСТ, 2015. — 432 с.

Aron Aleksandrovich Solts — Fate of Revolutionary and Soviet Statesman (1873—1945)

© Ilya S. Ratkovsky (2020), orcid.org/0000-0002-3263-701X, ResearcherID H-2528-2015, PhD in History, associate professor, Department of Contemporary History of Russia, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Saint-Petersburg State University" (St. Petersburg, Russia), i.ratkovskij@spbu.ru.

A detailed biography of a prominent Russian revolutionary, statesman of the USSR A. A. Solts (1873—1945) is laid down for the first time in the article. It is reported that before the revolution he was known for his publication work, the publication of a whole series of revolutionary issues. It is noted that it was during this period that his circle of communication was formed, which included such famous revolutionary figures as F. E. Dzerzhinsky, brothers M. I. and B. I. Goldman, I. V. Stalin and many others. The article clarifies his date of birth, in details and accurately covers the circumstances of his education at Vilna Gymnasium and at St. Petersburg University. The content of his pre-revolutionary activity, including his relationship during this period with I. V. Stalin, is revealed. The author draws attention to the fact that after the revolution, Solts continues to work in the central Bolshevik publications, and later becomes one of the leaders of the Workers' and Peasants' Inspectorate. Based on archival data, his activities in this body of Soviet power, the role of the inspectorate in the formation of the USSR, as well as in the formation of punitive and repressive organs of Soviet power is described in the article. His attempts to uphold the principles of socialist legality are described. His confrontation with Y. Vyshinsky is shown.

Keywords: A. A. Solts, F. E. Dzerzhinsky, I. V. Stalin, Workers' and Peasants' Inspectorate.

Material resources

RGASPI — *Rossiyskiy Gosudarstvennyy arkhiv Sotsialno-politicheskikh istochnikov. F. 17. Op. 3. D. 115, 146, 148, 697, 939; F. 558. Op. 11. D. 806; F. 644. Op. 1. D. 36; Op. 2. D. 65.* (In Russ.).

Solts, A. (1927). Ne nyt', a stroit'. In: *Komsomolskiy byt.* Moskva—Leningrad: Molodaya gvardiya. 108—111. (In Russ.).

Solts, A., Faynblit, S. (1925). *Revolyutsionnaya zakonnost' i nasha karatelnaya politika.* Moskva: Moskovskiy rabochiy. (In Russ.).

TsGA IPD SPb — *Tsentralnyy Gosudarstvennyy arkhiv Istoriko-Politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga. F. 14. Op. 3. D. 32364; F. 115. Op. 2. D. 8819.* (In Russ.).

References

Myshov, N. A. (2016). «… Yego mozhno ispolzovat' kak voyenspetsa …»: Dokumenty federalnykh arkhivov o popytke komdiva S. S. Vostretsova osvobodit' iz tyuremnogo zaklyucheniya belogvardeyskogo generala A. N. Pepelyayeva. 1926—1928 gg. *Otechestvennyye arkhivy, 2:* 89—90. (In Russ.).

Plekhanov, A. M., Plekhanov, A. A. (2013). *VChK. 1917—1922. Entsiklopediya.* Moskva: Veche. (In Russ.).

Ratkovskiy, I. S. (2013). Iz Vilno v Peterburg: vypuskniki Pervoy Vilenskoy gimnazii v Sankt-Peterburgskom universitete. *Klio, 10:* 99—101. (In Russ.).

Ratkovskiy, I. S. (2015). A. A. Solts i F. E. Dzerzhinskiy: istoriya vzaimootnosheniy. In: *Evrei Evropy i Blizhnego Vostoka: Istoriya, sotsiologiya, kultura. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Seriya «Istoriya i etnografiya» 2014.* Sankt-Peterburg: [b. i.]. 273—279. (In Russ.).

Ratkovskiy, I. S. (2017). *Dzerzhinskiy ot «Astronoma» do «Zheleznogo Feliksa».* Moskva: Algoritm. (In Russ.).

Rybakov, A. N. (2017). *Deti Arbata.* Moskva: Azbuka. (In Russ.).

Trifonov, Yu. V. (1988). *Otblesk kostra: Dokumentalnaya povest' [o V. A. Trifonove]; Ischeznoveniye: Roman.* Moskva: Sovetskiy pisatel'. (In Russ.).

Yuzefovich, L. A. (2015). *Zimnyaya doroga. General A. N. Pepelyaev i anarkhist I. Ya. Strod v Yakutii. 1922—1923: Dokumentalnyy roman.* Moskva, AST. (In Russ.).

Zelenskaya, E. I. (1987). Borets za chistotu partii. In: *Kommunist. Serpukhov.* 21 marta. (In Russ.).

Суетин И. Н. Освещение проблемы сохранения и распространения российских музыкально-образовательных традиций в США в период первой волны русской эмиграции в трудах современных исследователей / И. Н. Суетин // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 417—430. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-417-430.

Suetin, I. N. (2020). The Problem of the Preservation and Dissemination of Domestic Musical and Educational Traditions in the United States during the First Wave of Russian Emigration in the Works of Modern Researchers. *Nauchnyi dialog, 7:* 417-430. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-417-430. (In Russ.).

УДК 314.743(73)(=1.47):74“1918/1938”+7.03
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-417-430

Освещение проблемы сохранения и распространения российских музыкально-образовательных традиций в США в период первой волны русской эмиграции в трудах современных исследователей

© **Суетин Илья Николаевич (2020),** orcid.org/0000-0002-2792-9085, ResearcherID AAH-1589-2020, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теоретических основ экономики и правоведения, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова» (Ульяновск, Россия), piazzolla73@gmail.com.

Цель исследования состоит в актуализации и историографическом обобщении публикаций, посвященных изучению особенностей педагогической и просветительской деятельности российских музыкантов-эмигрантов в США в период первой волны русской эмиграции (1918-й — конец 1930-х годов), а также ее последствий. Источниками настоящей работы выступили разнообразные научные публикации: диссертации, монографии, статьи, очерки. Научная новизна настоящей статьи заключается в том, что к настоящему моменту в отечественной и зарубежной науке не предпринималась попытка их историографического обобщения. В ходе исследования применялись следующие научные методы: теоретического междисциплинарного анализа и синтеза, системного и структурно-функционального анализа, сравнительно-исторический, сравнительного историографического анализа, историко-типологический и др. В работе проведено историографическое обобщение публикаций отечественных и зарубежных авторов, посвященных проблеме сохранения и распространения российских (советских) музыкально-образовательных традиций в США в период первой волны русской эмиграции. В результате исследования были выделены следующие современные научные течения по данной теме: публикации, затрагивающие проблему сохранения и распространения отечественных традиций церковно-певческого образования; работы, посвященные развитию российских традиций музыкального просветительства и общего музыкального образования; исследования, направленные на изучение педагогического наследия выпускников отечественных консерваторий (скрипачей, композиторов, пианистов).

Ключевые слова: историография; эмиграция; отечественное музыкальное профессиональное образование за рубежом; США.

1. Введение

Сохранению и распространению российских традиций науки, культуры и образования за рубежом способствует не только международное сотрудничество, но и деятельность вынужденных переселенцев — бывших соотечественников. На сегодняшний день существует ряд научных трудов отечественных и зарубежных исследователей, посвященных изучению просветительского и педагогического наследия музыкантов из России (СССР), эмигрировавших в США в период первой волны русской эмиграции (1918-й — конец 1930-х годов). При всех содержательных достоинствах этих работ можно отметить, что к настоящему моменту в отечественной и зарубежной науке не предпринималась попытка их историографического обобщения. Историография вопроса и составляет научную новизну настоящей статьи.

История отечественной эмиграции вызывает обоснованный интерес у современных ученых, поскольку профессиональная деятельность бывших соотечественников — высокообразованных эмигрантов из России (СССР), особенно в XX веке, повлияла на экономическое и социально-культурное совершенствование зарубежной жизни. Кроме того, отечественные специалисты, занимаясь профессиональной деятельностью в странах Европы, Америки, Африки и Азии с опорой на российские (советские) традиции культуры, науки и образования, способствовали сохранению и распространению национальной самобытности данных сфер за рубежом.

Наиболее массовой и высокоинтеллектуальной являлась эмиграция 1918-го — конца 1930-х годов, которая получила в отечественной науке название «Первая волна русской эмиграции». Несмотря на то, что значительная часть беженцев оказалась в странах Европы (83,4 %), весомое количество российских подданных обосновалось в Северной Америке (8,9 %) [Сумская, 2011, с. 25—26], в частности в США. Как отмечает О. В. Воробьева, в межвоенный период в эту страну прибывало в год от 2000 до 3000 российских подданных, а всего за 1918—1945 годы их прибыло 30 000—40 000 [Воробьева, 2009, с. 141]. Есть сведения, что к началу 1922 года в Соединенных Штатах Америки находилось 360 000 только этнических русских [Батожок, 1996, с. 37]. Согласно данным иммиграционной и натурализационной службы Департамента юстиции США, массовым приездом российских подданных отмечены 1923—1925 годы, когда после открытия квоты прибывало до 20 000 человек транзитом из европейских стран.

Вновь прибывшие россияне селились преимущественно в Нью-Йорке, Бостоне, Детройте, Филадельфии, Сан-Франциско, Лос-Анджелесе [Селезнева, 2016, с. 162].

Среди российских эмигрантов первой волны были представители различных профессий, в том числе и творческо-музыкальная интеллигенция, которая, согласно статистическим данным 1920 года, составляла 1 % от общего числа покинувших родину. Можно предположить, что и среди других категорий («без указания профессии» — 21 %, «учителя» — 4 %, «артисты» — 1 %, «студенты» — 9 % [Сумская, 2011, с. 24—25]) были беженцы, имеющие отношение к музыкальной профессии (учителя пения общеобразовательных учреждений, артисты оперы, учащиеся консерваторий и музыкальных училищ и др.). Исследователь А. Б. Ручкин отмечает, что в 1920-е — 1930-е годы российскую колонию в США пополняли преимущественно высокообразованные эмигранты, среди которых были музыкальные педагоги и музыканты-исполнители [Ручкин, 2005, с. 4—5]. В эмиграции в США оказались композиторы, дирижёры, оперные исполнители, музыканты-инструменталисты — выпускники и преподаватели отечественных консерваторий: Л. С. Ауэр, А. Н. Вертинский, А. К. Глазунов, А. Т. Гречанинов, А. И. Зилоти, С. А. Кусевицкий, П. К. Лещенко, Н. К. Метнер, Н. В. Плевицкая, С. С. Прокофьев, С. В. Рахманинов, И. Ф. Стравинский, А. Н. и Н. Н. Черепнины, Ф. И. Шаляпин и др. [Бурматов, 2018, с. 98—99]. Большинство музыкантов-эмигрантов совмещало творческую деятельность с преподаванием, поэтому масштабы их влияния в этот период на сохранение и распространение отечественных музыкально-образовательных традиций в США очевидны.

Как отмечалось выше, существует ряд публикаций, отражающих особенности музыкально-культурного и музыкально-педагогического наследия российских (советских) специалистов, эмигрировавших в США в 1918-м — конце 1930-х годов (И. А. Батожок [Батожок, 1996], М. А. Бурматов [Бурматов, 2018], О. В. Воробьева [Воробьева, 2009], Э. Зальцберг [Зальцберг, 2013], Л. З. Карабельникова [Карабельникова, 2013], И. К. Окунцов [Окунцов, 1967], А. Б. Ручкин [Ручкин, 2005], Т. В. Селезнева [Селезнева, 2016], A. Tommasini [Tommasini, 2009] и др.), однако можно констатировать, что историографическое обобщение в имеющихся трудах не представлено.

Цель данного исследования состоит в актуализации и историографическом обобщении публикаций, посвященных изучению особенностей сохранения и распространения российских (советских) музыкально-образовательных традиций в США в период первой волны русской эмиграции.

Материалом для исследования послужили разнообразные опубликованные материалы, в том числе монографии, статьи, диссертации, очерки. В ходе работы применялись методы теоретического междисциплинарного анализа и синтеза, системного и структурно-функционального анализа, сравнительного историографического анализа, сравнительно-исторический, историко-типологический и др.

2. Исследования, посвященные сохранению и распространению российских традиций церковно-певческого образования

Интерес современных исследователей к проблеме сохранения и распространения российских традиций церковно-певческого образования в США в период первой волны русской эмиграции является обоснованным, так как данная сфера была тесным образом связана с религией беженцев из Российской Империи и миссионерской деятельностью Русской православной церкви. Известно, что в русских колониях существовали храмы, при которых функционировали школы для обучения детей эмигрантов. Одним из учебных предметов в них являлось церковное пение, которое в дореволюционной России являлось обязательной дисциплиной в сфере общего образования [Юстус, 2014]. Хотя подробных исследований, посвященных данной проблеме, нами не выявлено, однако в работах О. В. Воробьевой [Воробьева, 2009, с. 142] и М. А. Бурматова [Бурматов, 2018, с. 100] содержатся упоминания о том, что неотъемлемым атрибутом любого православного храма в США в этот период являлся церковный хор, участниками которого были как взрослые эмигранты, так и их дети. Хоровое пение в церкви позволяло сплотить российских беженцев с различным социальным статусом и разным уровнем музыкальной подготовки. О. В. Воробьева пишет: «В крупных центрах русской Америки — Нью-Йорке, Сан-Франциско, Чикаго, Лос-Анджелесе — в 1920—1940-е годы действовали русские школы, светские и церковно-приходские <…>; важное место в системе культурно-просветительной работы российской эмиграции в Северной Америке играла православная церковь и другие религиозные организации: церковноприходские школы, эмигрантские христианские центры и клубы …» [Воробьева, 2009, с. 146—147]. Обучение азам нотной грамоты и культуре хорового пения осуществляли русские регенты — эмигранты из России.

Следует отметить, что на сегодняшний день тема сохранения и распространения отечественных традиций церковно-певческого образования в США в период первой волны русской эмиграции изучена фрагментарно и имеет значительный потенциал для ее подробного изучения и освещения в научной литературе.

3. Изучение проблемы сохранения и распространения российских традиций музыкального просвещения и общего музыкального образования в трудах отечественных исследователей

Обзор научной литературы показал, что в настоящее время существует ряд трудов, в которых затрагивается проблема сохранения и распространения отечественных традиций музыкального просвещения и общего музыкального образования в США в период первой волны русской эмиграции. Следует учесть, что развитие данного научного направления имеет определенные предпосылки, так как музыкальное просветительство российских беженцев осуществлялось на базе русских общественных организаций за рубежом, а подобные структуры стали появляться в этой стране на рубеже XIX—XX веков. В частности, этой проблеме посвящена монография И. К. Окунцова «Русская эмиграция в Северной и Южной Америке». Автор отмечает, что в 1900 году было образовано Общество русских братств в Филадельфии, в 1912 году — Русское независимое общество взаимопомощи в Чикаго. Исследователь указывает на существование при данных организациях школ для детей эмигрантов из России, в учебные планы которых, помимо общеобразовательных предметов, входили музыкальные предметы. В частности, обучающиеся имели возможность освоить игру на различных музыкальных инструментах под руководством профессиональных учителей — эмигрантов из России [Окунцов, 1967, с. 288—289]. Как отмечает И. К. Окунцов, в 1917 году в Чикаго появилась общественная организация под названием «Общество балалаечников», при которой обучали детей и взрослых игре на инструментах русского народного оркестра и приобщали к практике коллективного музицирования [Там же, с. 356—357]. Поэтому сохранение и распространение отечественных традиций музыкального просвещения и общего музыкального образования в период первой волны русской эмиграции является закономерным продолжением начатого в дореволюционный период. В продолжение этой темы И. К. Окунцов указывает на то, что в 1926 году российскими эмигрантами было создано Русское объединенное общество взаимопомощи (г. Нью-Йорк), одним из важных направлений деятельности которого являлась помощь в воспитании и образовании детей российских эмигрантов. В частности, воспитанников обучали пению и игре на гармони, балалайке и скрипке [Там же, с. 288—289]. Автор отмечает, что в середине 1920-х годов при обществе «Крестьянин» (г. Нью-Йорк) были созданы оркестры балалаечников, участниками которых являлись выходцы из России («Лапотник» (взрослый), «Яблочко» (детский)) [Там же, с. 359—360], а в 1930 году при общественной организации «Русский христианский народный дом»

была создана музыкальная школа для детей русскоязычных эмигрантов, в которой существовал оркестр, состоящий из различных музыкальных инструментов (домра, гитара, контрабас, скрипка, мандолина, фортепиано, флейта) [Там же, с. 356—357]. Согласно исследованию Окунцова, в Нью-Йорке при Обществе им. Николая Чернышевского и в Патерсоне в 1933 году были организованы оркестры русских народных инструментов, ездившие с гастролями по городам США, аккомпанируя хору и исполняя инструментальную музыку [Там же, с. 359—360].

В научном обзоре М. А. Бурматова содержится упоминание о том, что в 1920-е годы в Нью-Йорке осуществляли свою деятельность общественная организация «Русский клуб», под эгидой которой проводились концерты выдающихся российских музыкантов, а также музыкальное общество «Русские композиторы» [Бурматов, 2018, с. 99]. Основной миссией данных структур являлось музыкальное просветительство российских эмигрантов.

Сохранению и распространению отечественных традиций музыкального просветительства и общего музыкального образования посвящена статья О. В. Воробьевой «Система образования и просвещения русской Америки в 1920—1940-е годы». Автор упоминает о том, что при обществе «Просвещение» в США в период первой волны русской эмиграции действовала школа для российских детей, в которой, помимо других предметов, велось обучение игре на инструментах струнного оркестра. Данной организацией устраивались литературно-музыкальные вечера с участием известных представителей творческой интеллигенции, в том числе музыкантов. О. В. Воробьева отмечает, что участниками Общества были основаны русские хоры С. В. Савицкого и В. И. Кибальчича [Воробьева, 2009, с. 145]. В публикации автора содержится также информация о том, что общественная организация «Прогрессивное землячество» в Филадельфии, на базе которой существовала школа грамоты, в 1925 году объявила о намерении организовать певческий и музыкальный кружки. При Обществе взаимопомощи в Балтиморе в 1926 году планировалось открытие школы музыки, а при Русском объединенном обществе взаимопомощи в Америке в начале 1930-х годов действовала школа, учебно-воспитательный процесс которой включал в себя освоение устройства музыкальных спектаклей и концертов [Там же, с. 146].

Итак, несмотря на довольно широкий круг вопросов, освещенных в уже существующих исследованиях по данной теме, в работах авторов отсутствует информация о формах и методах работы музыкантов-эмигрантов из России с учениками, особенностях музыкального репертуара, достижениях обучающихся и других особенностях музыкального просвещения, что указывает на необходимость дальнейшего научного поиска.

4. Исследования, посвященные сохранению и распространению отечественных традиций скрипичного образования

Исследование показало, что современные ученые проявляют неподдельный интерес к изучению проблемы сохранения и распространения российских традиций скрипичного образования в США в период первой волны русской эмиграции, в частности, предметом данных исследований является педагогическое наследие Л. С. Ауэра. В обращении к данной теме нет ничего удивительного, так как уникальность этой личности очевидна. Профессор Санкт-Петербургской консерватории Л. С. Ауэр эмигрировал в США в 1918 году, а до этого внес весомый вклад в развитие отечественной скрипичной школы. Преподавая в консерватории, музыкант в меньшей степени интересовался чисто технической стороной обучения. Развитием техники, по мнению педагога, ученик обязан был заниматься самостоятельно. Основной своей задачей Ауэр считал формирование творческой личности, передачу ученику навыков естественности выражения и ясности интерпретационного замысла [Браудо, 1938].

Американский период жизни музыканта отражен в нескольких современных публикациях. Так, исследователь Ч. Ван отмечает, что в эмиграции был издан целый ряд книг Л. С. Ауэра. В частности, в научном издании «Моя школа игры на скрипке» раскрыты особенности его понимания выразительных возможностей скрипичной игры, которое исходило из реалистических традиций русской музыкальной культуры с ее подходом к скрипке как к эмоционально-выразительному инструменту, тогда как в зарубежных школах господствовала тенденция в чисто инструментальной трактовке скрипичного звука с характерным для нее подражанием различным музыкальным тембрам [Ван, 2018].

В работе Э. Зальцберг можно прочитать о том, что в числе американских воспитанников Л. С. Ауэра были известные впоследствии музыканты: Ф. Макмиллан, Б. Рабинов, О. Шумский, С. Душкин. М. Харрисон, Д. Хочстейн, В. Граффман и др. Автор упоминает о том, что канадская скрипачка К. Парлоу обучалась у Л. С. Ауэра во время её американских гастролей, а после 1926 года она поселилась в Калифорнии и часто приезжала к своему педагогу в Нью-Йорк. У данной ученицы был обширный репертуар, который в основном включал в себя произведения русских композиторов: П. Чайковского, А. Глазунова, А. Аренского, А. Рубинштейна и др. К. Парлоу обладала сильным звуком, необыкновенно певучим и «длинным» легато, характерными для учеников Л. С. Ауэра. Впоследствии, как пишет Э. Зальцберг, К. Парлоу посвятила себя педагогической деятельности в консерватории г. Торонто (1941—1963 годы), где подобно

своему педагогу Л. С. Ауэру, в работе со студентами уделяла основное внимание интерпретации и стилю произведений, а также развитию их общей музыкальной культуры и вкуса. Среди её учеников были впоследствии известные канадские скрипачи: Ч. Добиас, А. Бенак, Д. Монтегю, В. Фелдбрилл и др. [Зальцберг, 2013].

Следует отметить, что американский период педагогической деятельности Л. С. Ауэра и ее значение для сохранения и распространения отечественных музыкально-образовательных традиций в США освещены в научной литературе достаточно подробно, но нельзя говорить о том, что в настоящее время по данной теме исследовательский потенциал полностью исчерпан.

5. Исследование проблемы сохранения и распространения традиций отечественной композиторской школы в работах современных авторов

Ряд работ современных исследователей посвящен профессиональной деятельности в США эмигранта из России, композитора И. М. Шиллингера (выпускника Санкт-Петербургской консерватории по классу Н. Н. Черепнина). Л. З. Корабельникова пишет о том, что музыкант в 1928 году уехал в США, где сосредоточил свои силы главным образом на занятии теорией музыки и преподаванием. На то, что И. М. Шиллингер в эмиграции не забывал свои корни, указывает название одного из его сочинений 1931 года — «Северная русская симфония для аккордеона с оркестром». Очень плодотворной, согласно статье Л. З. Корабельниковой, была его педагогическая деятельность в США. Автор перечисляет его известных учеников: Б. Гудмена, Г. Миллера, Дж. Гершвина, А. Шоу и др. [Корабельникова, 2013, с. 60].

А. Викторов в своей статье отмечает, что последние годы жизни музыкант посвятил разработке научной теории сочинения музыки по строго просчитанным методам и математическим принципам. После смерти были опубликованы все черновики педагога, касающиеся основ его музыкальной системы. В 1945 году в Джульярдской школе в Нью-Йорке состоялись первые курсы обучения композиции по системе И. М. Шиллингера [Гений …]. Согласно литературной заметке И. Л. Викентьева, в 1946 году Фонд имени И. М. Шиллингера издал в США несколько книг под названием «Schillinger System of Musical Composition» [Шиллингер …].

Итак, проблема сохранения и распространения отечественных традиций подготовки профессиональных композиторов в трудах современных ученых представлена изучением наследия И. М. Шилленгера. Особен-

ности его преподавательской деятельности освещены в данных работах фрагментарно, что открывает возможности для продолжения исследовательских изысканий.

6. Исследования, посвященные сохранению и распространению традиций отечественной фортепианной школы

Значительный научный задел имеется по проблеме сохранения и распространения традиций отечественной фортепианной школы в США в период первой волны русской эмиграции. Так, исследователь Э. Зальцберг пишет в своей статье о выпускнице Московской консерватории по классу фортепиано Р. Я. Левиной (ее учителями были С. Ремезов и В. Сафонов), которая эмигрировала в США в 1919 году. Автор отмечает, что с середины 1920-х годов она преподавала в музыкальной школе, основанной А. Д. Джульярдом (Нью-Йорк). В педагогической деятельности Р. Я. Левина отдавала предпочтение методам словесного убеждения — в работе с учениками цель урока достигалась при помощи объяснения, сравнительного анализа, образной трактовки. В 1930 году Левина получила приглашение преподавать в Австро-Американской Консерватории в Мондзее (Австрия), куда она приезжала в течение трех летних сезонов. Впоследствии, как отмечает Э. Зальцберг, Р. Я. Левина сотрудничала с консерваторией в Лос-Анджелесе и летней школе в Аспене (Колорадо). Ею подготовлено множество победителей и призеров престижных американских и международных конкурсов пианистов. Воспитанники Р. Я. Левиной работали и работают в ведущих музыкальных университетах и консерваториях всего мира. Автор перечисляет ее учеников: В. Клиберн, Д. Левайн, Д. Вильямс, Д. Браунинг, В. Бучиньски, Тонг-Ил-Хан, Д. Поллак, М. Дихтер, Э. Ауэр, Г. Олссон, М. Яблонски, М. Канин, Д. Феннимор, Н. Ларраби, Д. Довис и др. [Легендарная …, 2015].

Статья зарубежного автора A. Tommasini посвящена выпускнице Санкт-Петербургской консерватории, пианистке Н. А. Райзенберг, которая в эмиграции преподавала в Джульярдской школе, Музыкальном колледже Маннеса (ныне Колледж Маннеса, Новая музыкальная школа) и других музыкальных учебных заведениях США, выпускниками которых были музыканты мирового масштаба: пианист Р. Гуд, дирижеры Мен-Вун Чунг и Э. Литтон и др. [Tommasini, 2009]. Интерес данного исследователя к персоне российской эмигрантки можно объяснить тем, что не последнюю роль в профессиональном становлении вышеназванных американских музыкантов сыграли российские музыкально-образовательные традиции, переданные им Н. А. Райзенберг.

Диссертация Е. Г. Мальцевой содержит сведения о профессоре Московской консерватории А. И. Зилоти, который эмигрировал в США в 1925 году, а до отъезда за границу являлся педагогом великих российских исполнителей: С. Рахманинова, К. Игумнова, А. Гольденвейзера, Л. Максимова, М. Блицстайна, Е. Истомина и др. Согласно исследованию автора, в период пребывания в США (1925—1942) музыкант преподавал в Джульярдской высшей школе музыки, где стремился утверждать мировой приоритет русской фортепианной педагогической школы. Учебный репертуар в классе А. И. Зилоти был достаточно разнообразен и обширен. Классическую основу составляли сочинения Д. Скарлатти, И. Баха, В. Моцарта, Л. Бетховена И. Гуммеля. Романтическое направление было представлено произведениями Ф. Шуберта, Ф. Шопена, Ф. Мендельсона, К. Сен-Санса, Р. Шумана, Э. Грига, И. Брамса, Ф. Листа. Из русских композиторов исполнялись также сочинения А. Аренского, А. Рубинштейна и др. В педагогической деятельности А. И. Зилоти в США, основанной на заветах его русских наставников и учителей (Н. Зверев, Н. Рубинштейн и др.), прослеживалась самобытность отечественной музыкальной педагогики. В частности, педагогика для музыканта являлась непосредственным продолжением исполнительства. Яркий показ произведений на инструменте часто сопровождался глубокими пояснениями. Значительное внимание в классе А. И. Зилоти уделялось работе над системой музыкально-выразительных средств исполнения: выразительным интонированием, качеством звука, рельефностью и гибкостью фразировки, педализацией и др. Много времени в работе отводилось на различные упражнения (гаммы, арпеджио и др.) и этюды. Рекомендации педагога по поводу самостоятельных занятий учеников, его стремление научить их видеть конечную цель своей работы также во многом пересекаются с педагогическими идеями его российских наставников [Мальцева, 2014].

Статья В. Е. Ханецкого, вошедшая в энциклопедию «Саратовская государственная консерватория им. Л. В. Собинова: 1912—2012», изданную к столетию существования Саратовской консерватории, иллюстрирует пример эмиграции высокопрофессиональных музыкантов-педагогов из губерний Поволжья. Так, согласно статье, в 1918 году на постоянное место жительства в США переехал выпускник Санкт-Петербургской консерватории, преподаватель музыкального вуза в Саратове А. Ф. Скляревский, который продолжил заниматься педагогической деятельностью в эмиграции. Известно, что с 1923 года и на протяжении 30 лет он являлся преподавателем консерватории в г. Пибоди. В числе его известных впоследствии

учеников можно назвать Х. Макгроу, Л. Эффенбах и др. [Саратовская …, 2012, с. 317—318].

Можно констатировать, что, несмотря на существование множества публикаций, посвященных профессиональной деятельности в США пианистов из России в период первой волны русской эмиграции, они носят в основном обзорный характер и не содержат подробного описания особенностей педагогической деятельности музыкантов.

7. Выводы

Изучению проблемы сохранения и распространения отечественных музыкально-образовательных традиций в США в период первой волны русской эмиграции посвящены научные труды ряда отечественных и зарубежных исследователей начала XX века. Историографический анализ позволил выделить несколько современных научных течений по данной теме: публикации, затрагивающие проблему сохранения и распространения отечественных традиций церковно-певческого образования; работы, посвященные развитию российских традиций музыкального просветительства и общего музыкального образования; исследования, направленные на изучение педагогического наследия выпускников отечественных консерваторий (скрипачей, композиторов, пианистов). Анализ данных публикаций показал, что во многом проблема сохранения и распространения российских (советских) традиций подготовки профессиональных музыкантов в США в период первой волны русской эмиграции изучена фрагментарно (неподробно), что указывает на существование значительного потенциала для дальнейшего исследовательского поиска.

Литература

1. *Батожок И. А.* Русская эмиграция из Китая в Калифорнию : специфика миграционного процесса, 1920—1950-е годы : диссертация … кандидата исторических наук : 07.00.02 / И. А. Батожок. — Санкт-Петербург, 1996. — 200 с.

2. *Браудо Е.* Первая русская консерватория / Е. Браудо // Фронт науки и техники. — 1938. — № 1. — С. 112—115.

3. *Бурматов М. А.* Песенная эстрада русского зарубежья в период 1920—1930 годов как предмет освоения в системе музыкально-исторического образования / М. А. Бурматов // Вестник кафедры ЮНЕСКО «Музыкальное искусство и образование». — 2018. — № 4 (24). — С. 96—109.

4. *Ван Ч.* Леапольд Ауэр и русская скрипичная школа / Ч. Ван // Гуманитарный трактат. — 2018. — № 23. — С. 11—20.

5. *Воробьева О. В.* Система образования и просвещения Русской Америки в 1920—1940-е годы / О. В. Воробьева // Преподаватель. XXI в. Философия и история образования. — 2009. — № 3. — С. 140—148.

6. *Гений* из рядовых [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://jewish.ru/ru/people/culture/190745/.

7. *Зальцберг Э.* Канадская ученица Леопольда Ауэра / Э. Зальцберг // Семь искусств. — 2013. — № 6 (43). — С. 356—362.

8. *Корабельникова Л. З.* Музыкальная культура российской эмиграции, неуслышанная и неизученная / Л. З. Корабельников // Ученые записки Российской академии музыки имени Гнесиных. — 2013. — № 2 (5). — С. 42—61.

9. *Легендарная* Розина Левина [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://7iskusstv.com/2015/Nomer7/Zalcberg1.php.

10. *Мальцева Е. Г.* Александр Ильич Зилоти : пианист, педагог, организатор концертной жизни : диссертация … кандидата искусствоведения : 17.00.02 / Е. Г. Мальцева. — Ростов-на-Дону, 2014. — 434 с.

11. *Окунцов И. К.* Русская эмиграция в Северной и Южной Америке / И. К. Окунцов. — Буэнос-Айрес : Сеятель, 1967. — 423 с.

12. *Ручкин А. Б.* Русская иммиграция в США в первой половине XX века (опыт социокультурной адаптации) / А. Б. Ручкин. — Москва : Изд-во Национального института бизнеса, 2005. — 385 с.

13. *Саратовская* государственная консерватория им. Л. В. Собинова : 1912—2012 : Энциклопедия / отв. ред. О. Б. Краснова. — Саратов : Изд. ИП Везметинова, 2012. — 444 с.

14. *Селезнева Т. В.* Русская эмиграция в Северной Америке (1920—1930) / Т. В. Селезнева // Русское зарубежье : История и современность : сборник статей. — Москва : [б. и.], 2016. — Выпуск 5. — С. 160—173.

15. *Сумская М. Ю.* Русская эмиграция в 20—30-х годах XX века : социальная, правовая и экономическая адаптация / М. Ю. Сумская. — Пятигорск : Рекламно-информационное агентство на Кавминводах, 2011. — 199 с.

16. *Шиллингер* Иосиф Моисеевич (Schillinger Joseph) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://vikent.ru/author/2360/.

17. *Юстус И. В.* История образования в Симбирской губернии — Ульяновской области / И. В. Юстус. — Ульяновск : Издательский центр УлГУ, 2014. — 531 с.

18. *Tommasini A.* Chopin helps Nadia Reisenberg, a forgotten pianist, come back to life / A. Tommasini // The New York Times. — 2009. — January 5.

The Problem of the Preservation and Dissemination of Domestic Musical and Educational Traditions in the United States during the First Wave of Russian Emigration in the Works of Modern Researchers

© Ilya N. Suetin (2020), orcid.org/0000-0002-2792-9085, ResearcherID AAH-1589-2020, PhD in Pedagogics, associate professor, Department of Theoretical Foundations of Economics and Law, Ulyanovsk State University of Education (Ulyanovsk, Russia), piazzolla73@gmail.com.

The purpose of the study is to update and historiographically summarize publications devoted to the study of the characteristics of the pedagogical and educational activities of Russian emigrant musicians in the United States during the first wave of Russian emigration (1918 — late 1930s), as well as its consequences. The sources of this work were a variety of scientific publications - dissertations, monographs, articles, essays. The scientific novelty of this article lies in the fact that, to date, no attempt has been made in the domestic and foreign science of their historiographic generalization. In the course of the study, the following scientific methods were used: theoretical interdisciplinary analysis and synthesis, systemic and structural-functional analysis, comparative-historical, comparative historiographic analysis, historical-typological, etc. In the work, a historiographic generalization of publications by domestic and foreign authors on the problem of the preservation and dissemination of Russian (Soviet) musical and educational traditions in the United States during the first wave of Russian emigration was carried out. As a result of the study, the following modern scientific trends on this topic were highlighted: publications affecting the problem of preserving and disseminating domestic traditions of church singing education; works devoted to the development of Russian traditions of musical enlightenment and general musical education; studies aimed at studying the pedagogical heritage of graduates of domestic conservatories (violinists, composers, pianists).

Key words: historiography; emigration; domestic music professional education abroad; USA.

References

Batozhok, I. A. (1996). *Russkaya emigratsiya iz Kitaya v Kaliforniyu: spetsifika migratsionnogo protsessa, 1920—1950-e gody: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk.* Sankt-Peterburg. (In Russ.).

Braudo, E. (1938). Pervaya russkaya konservatoriya. *Front nauki i tekhniki, 1:* 112—115. (In Russ.).

Burmatov, M. A. (2018). Pesennaya estrada russkogo zarubezhya v period 1920—1930 godov kak predmet osvoyeniya v sisteme muzykalno-istoricheskogo obrazovaniya. *Vestnik kafedry YuNESKO «Muzykalnoye iskusstvo i obrazovaniye», 4 (24):* 96—109. (In Russ.).

Geniy iz ryadovykh. Available: https://jewish.ru/ru/people/culture/190745/. (In Russ.).

Korabelnikova, L. Z. (2013). Muzykalnaya kultura rossiyskoy emigratsii, neuslyshannaya i neizuchennaya. *Uchenyye zapiski Rossiyskoy akademii muzyki imeni Gnesinykh, 2 (5):* 42—61. (In Russ.).

Krasnova, O.B. (ed.) (2012). *Saratovskaya gosudarstvennaya konservatoriya im. L. V. Sobinova: 1912—2012: Entsiklopediya.* Saratov: Izd. IP Vezmetinova. (In Russ.).

Legendarnaya Rozina Levina. Available: http://7iskusstv.com/2015/Nomer7/Zalcberg1.php. (In Russ.).

Maltseva, E. G. (2014). *Aleksandr Ilyich Ziloti: pianist, pedagog, organizator kontsertnoy zhizni: dissertatsiya ... kandidata iskusstvovedeniya*. Rostov-na-Donu. (In Russ.).

Okuntsov, I. K. (1967). *Russkaya emigratsiya v Severnoy i Yuzhnoy Amerike.* Buenos-Ayres: Seyatel'. (In Russ.).

Ruchkin, A. B. (2005). *Russkaya immigratsiya v SShA v pervoy polovine XX veka (opyt sotsiokulturnoy adaptatsii)*. Moskva: Izd-vo Natsionalnogo instituta biznesa. (In Russ.).

Selezneva, T. V. (2016). Russkaya emigratsiya v Severnoy Amerike (1920—1930). In: *Russkoye zarubezhye: Istoriya i sovremennost': sbornik statey, 5*. Moskva: [b. i.]. 160—173. (In Russ.).

Shillinger Iosif Moiseevich (Schillinger Joseph). Available: https://vikent.ru/author/2360/. (In Russ.).

Sumskaya, M. Yu. (2011). *Russkaya emigratsiya v 20—30-kh godakh XX veka: sotsialnaya, pravovaya i ekonomicheskaya adaptatsiya.* Pyatigorsk: Reklamno-informatsionnoye agentstvo na Kavminvodakh. (In Russ.).

Tommasini, A. (2009). Chopin helps Nadia Reisenberg, a forgotten pianist, come back to life. In: *The New York Times.* January 5.

Van, Ch. (2018). Leapold Auer i russkaya skripichnaya shkola. *Gumanitarnyy traktat, 23:* 11—20. (In Russ.).

Vorobyeva, O. V. (2009). Sistema obrazovaniya i prosveshcheniya Russkoy Ameriki v 1920—1940-e gody. *Prepodavatel'. XXI v. Filosofiya i istoriya obrazovaniya, 3:* 140—148. (In Russ.).

Yustus, I. V. (2014). *Istoriya obrazovaniya v Simbirskoy gubernii — Ulyanovskoy oblasti.* Ulyanovsk: Izdatelskiy tsentr UlGU. (In Russ.).

Zaltsberg, E. (2013). Kanadskaya uchenitsa Leopolda Auera. *Sem'iskusstv, 6 (43):* 356—362. (In Russ.).

Щекатунов О. В. Промышленные кадры России в 20—30-е годы XX века в отечественной историографии / О. В. Щекатунов, К. Г. Малыхин // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 431—449. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-431-449.

Shekatunov, O. V., Malykhin, K. G. (2020). Industrial Labour Force of Russia in 20—30s of XX Century in Russian Historiography. *Nauchnyi dialog, 7:* 431-449. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-431-449. (In Russ.).

УДК 930.1+94(47).084.3/.6:331.108
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-431-449

Промышленные кадры России в 20—30-е годы XX века в отечественной историографии

© **Щекатунов Олег Валентинович (2020),** orcid.org/0000-0001-6633-6082, аспирант, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет» (Ростов-на-Дону, Россия), mongartong@yandex.ru.

© **Малыхин Константин Германович (2020),** orcid.org/0000-0001-9932-7051, WoS ResearcherID C-4395-2018, доктор исторических наук, профессор, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет» (Ростов-на-Дону, Россия). malikhin@sfedu.ru.

Статья посвящена специфике изучения промышленных кадров России в 1920—1930-е годы в отечественной историографии. Затрагиваются различные этапы изучения начиная с 20—30-х годов и вплоть до последних лет. Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. К ним относятся противоречия в оценках большевистской модернизации 20—30-х годов; прогнозируемый дефицит кадров в современной России; а также существующий кадровый дефицит в промышленности на данный момент. Это обусловливает актуальность изучения исторического периода, для которого были характерны наиболее острые кадровые проблемы в стране. Новизна исследования обоснована тем, что в современной отечественной историографии отсутствует целостный, комплексный взгляд на проблемы становления кадрового потенциала российской промышленности в 20—30-е годы. Отмечается, что отсутствуют работы, нацеленные на анализ историографии этих проблем. Выделяются основные этапы изучения промышленных кадров. Выполнен анализ научных работ, соотносимых с каждым этапом изучения темы. Рассмотрены проблематика и методология каждого этапа. Представлен обзор широкого спектра научных работ от статей до диссертационных исследований.

Ключевые слова: историография; промышленные кадры; рабочие; промышленность; индустриализация.

1. Введение

Отечественная историография промышленных кадров 1920—1930-х годов представлена советским и российским периодами исследования. В советский период изучение промышленных кадров велось в кон-

тексте истории «рабочего класса» — одной из важнейших тем советской историографии, имевшей идеологический подтекст. Ей посвящалось множество научных работ разной степени политизации. Методология, проблематика и значение этих работ изменялись на протяжении разных периодов советской истории. Исходную точку изучения промышленных кадров 20—30-х годов следует искать непосредственно в этом хронологическом промежутке, поскольку именно тогда происходит накопление эмпирических данных, осмысление которых станет предметом будущих исторических исследований.

В 20-е годы изучением промышленных кадров занимались преимущественно экономисты. Особенно заметно влияние Б. А. Гухмана, А. Г. Рашина, С. Г. Струмилина и других экономистов, труды которых были посвящены в основном статистическим исследованиям. В работах Б. А. Гухмана анализируются численность и оплата труда промышленных рабочих в 1921—1924 годы, проводится их сравнение с показателями дореволюционных лет [Гухман, 1926, с. 44]; А. Г. Рашин впервые выявляет дихотомию между «старым» и «новым» кадровым составом. Так, по его подсчетам, около половины всех промышленных рабочих, имеющихся в России к 1930 году, впервые начали работать в сфере промышленности еще в дооктябрьский период [Рашин, 1930, с. 5]. Труды С. Г. Струмилина в отличие от работ других экономистов сильнее насыщены теорией. Он занимался прежде всего вопросами экономического планирования, в частности, планированием первой пятилетки. Ему принадлежит авторство термина *трудовые ресурсы* [Струмилин, 1922, с. 32—46]. В конце 20-х годов начинается историческое изучение промышленных кадров.

2. Сталинский этап

На рубеже 1928—1929 годов проходит Первая Всесоюзная конференция историков-марксистов, на которой был поставлен вопрос об изучении истории рабочего класса [Труды Первой ..., 1930, с. 90—425]. С этого момента начинается непосредственное историческое изучение промышленных кадров. Проблема пролетариата становится ключевой для советской историографии. Создается Комиссия по истории пролетариата. По инициативе М. Горького издаются серии «История пролетариата СССР» (22 тома) и «История заводов» (12 сборников). Вырабатывается терминология, обсуждаются такие понятия, как «промышленный рабочий», «пролетариат», «фабричный рабочий», «фабрично-заводской пролетариат».

В этот период изучения промышленных кадров в центре внимания историков находится их социальный облик, который исследуется с по-

зиции советских «марксистско-ленинских» идеологем. М. Гильберт, анализируя кадры различных промышленных предприятий РСФСР (фабрично-заводских, горных и горнозаводских), приходил к выводу, что понятия «фабричный рабочий» и «фабрично-заводской пролетариат» трактуются различно в контексте марксистско-ленинской идеологии, поскольку состав промышленных (фабричных) рабочих активно пополняется «из чуждой пролетариату прослойки городской мелкой буржуазии» [Гильберт, 1934, с. 209], которая «не могла не оказывать известного отрицательного влияния на основные кадры пролетариата» [Там же]. Несмотря на это, Гильберт во многом продолжил традицию ученых-экономистов 20-х годов. На основании статистических данных он показал масштаб катастрофической потери промышленных кадров (в том числе большинства квалифицированных) к началу 20-х годов, обескровливание промышленных предприятий с массовым оттоком бывших рабочих в деревню.

Ко второй половине 30-х годов идеолого-популистская направленность берет верх в исторической науке. «Краткий курс истории ВКП(б)» становится главной опорой советских историков на долгое время. Характерной для этого периода является работа Б. Л. Маркуса, которая развивает сталинский тезис о выделении из общей массы промышленных рабочих «рабочих-кулаков», стремящихся проникнуть на предприятия с вредительскими целями [Вдовин и др., 1976, с. 28]. Изучение промышленных кадров периода нэпа приостанавливается, а время изучения кадровой проблематики периода сталинской индустриализации еще не пришло. В советской исторической науке вплоть до середины 50-х годов образуется вакуум.

3. Историко-политэкономический этап

С середины 50-х годов в связи с политической либерализацией «хрущевской оттепели» наступает новый период изучения промышленных кадров. Его можно охарактеризовать как сочетание экономического подхода, практикуемого в 20-х годах, с его ориентацией на анализ статистических данных и сталинского подхода с его яркими политическими и идеологическими вкраплениями в основные принципы, на которых базируется изучение промышленных кадров.

На этом этапе возрождается интерес к детальному исследованию промышленных рабочих как социальной группы. Возобновляется издание статистических справочников. Появляются историографические работы, обобщающие труды историков и экономистов предыдущих периодов. Предпринимаются попытки осмыслить период сталинской индустриализации. К середине 50-х годов разгорелась дискуссия о периодизации со-

ветской истории [Берхин и др., 1954, с. 23]. В ходе этой дискуссии было выявлено несовпадение понятия «индустриализация» в значении политической практики, проводимой Сталиным, и индустриализации как части более сложного и длительного трансформационного социального процесса, начатого еще во времена Российской империи. Однако углубленного изучения этого вопроса на тот момент не последовало.

Ключевой проблемой промышленных кадров в историографии периода 50—60-х годов названа проблема роста численности промышленных рабочих в «восстановительный период» (1921—1925 годы) и на начальном этапе индустриализации (после 1925 года). Этот вопрос изучался в трудах Э. Б. Генкиной, Ю. В. Воскресенского, И. В. Маевского и др., при этом кадровая проблематика рассматривалась в контексте основных проблем развития промышленности.

Наиболее значительный вклад в изучение вопроса среди историков 50-х годов внесла Э. Б. Генкина. В своих работах, посвященных анализу концентрации промышленности в первой половине 20-х годов, она «связала воедино тему промышленного развития страны с темой роста рабочего класса» [История и историки ..., 1973, с. 23]. Ею была показана связь между ростом численности квалифицированных кадров и увеличением производительности труда [Генкина, 1954, с. 330—331]. Генкина отмечает, что после Гражданской войны ленинский план индустриализации столкнулся с повсеместным кадровым дефицитом во всех отраслях промышленности. Особенно это касалось квалифицированной рабочей силы, масштабы потерь которой известны нам по исследованиям Гильберта. Причинами больших потерь была не только Гражданская война, но и политика военного коммунизма с ее «уравниловкой», ошибками планирования и жестким перераспределением ресурсов.

Анализируя статистические материалы периода военного коммунизма и первых лет нэпа, Э. Б. Генкина приходит к выводу, что одним из важнейших факторов успешного развития экономики является повышение мотивации и материальной заинтересованности кадров в результатах своего труда: «Для того чтобы поднять производительность труда (годовая выработка на одного рабочего составляла в 1920 г. 26 % по сравнению с 1913 г.), повысить трудовую дисциплину, уменьшить простои и прогулы, улучшить использование рабочего времени, необходимо было создать стимулы личной материальной заинтересованности у рабочих в повышении производительности труда, совершить переход от системы равных бесплатных выдач к системе оплаты труда в непосредственной зависимости от его продуктивности» [Там же, с. 260]. Развитие промышленности в первые годы

нэпа Э. Б. Генкина связывает с ростом числа старых квалифицированных кадров, возвратившихся на предприятия после войны, а также с преодолением уравнительных тенденций в оплате труда рабочих и инженеров разных квалификаций.

Исследования Э. Б. Генкиной фундаментальны для историко-политэкономического этапа изучения. Во многом они задавали тон для всех историков, которые в доперестроечный период анализировали проблемы социально-экономического развития 20—30-х годов.

К концу 60-х годов в советской историографии возникает так называемое «новое направление». Его представители стремятся отойти от экономического детерминизма в изучении социальных процессов, акцентируя внимание на психологических и культурных аспектах, которые оставались малоизученными. П. В. Волобуев, М. С. Волин, К. Н. Тарновский и другие историки нового направления ставят вопрос о социально-классовой психологии рабочих и возрождают интерес к семейно-бытовым отношениям.

Труды ученых нового направления методологически углубили давнюю проблему изучения социального облика пролетариата в советской историографии, однако в отношении проблематики промышленных кадров 20—30-х годов специальных исследований практически не проводилось. К тому же на рубеже 60—70-х годов разгорелась критика нового направления в связи с тем, что его представители, помимо прочего, отступали от некоторых устоявшихся догм советской идеологии. В частности, ставился под сомнение «пролетарский» характер Октябрьской революции. К. Н. Тарновский, В. В. Поликарпов и другие исследователи приходили к выводу о том, что «главной причиной гибели капиталистического способа производства в России были не созревшие внутри него противоречия и не общая экономическая отсталость страны, а нерешенность задач буржуазно-демократической революции, прежде всего аграрный вопрос» [Гладышев и др., 2006, с. 148—161]. В таком контексте феномен Октябрьской революции представлялся скорее сворачиванием с «магистрального пути» мировой истории, нежели закономерным переходом к «социализму».

В конечном итоге к середине 70-х годах «новое направление» было дискредитировано, а его представители смещены с руководящих постов. Вместе с ними ушли в прошлое и робкие попытки начать комплексное исследование структур повседневности и культуры промышленных кадров.

Вплоть до середины 80-х годов проблематика промышленных кадров не выходит за рамки прежней методологии. Ключевую роль в изучении все так же играют политэкономические факторы: отрасль производства, размер и состояние предприятия, численность и концентрация рабочих,

трудовая дисциплина, квалификация и анализ профессионально-квалификационных групп. Тем не менее именно в этот период наиболее полно осмысливаются все эти аспекты.

С 1965 года под редакцией М. В. Нечкиной начинает издаваться историографический сборник «История и историки», в котором публикуются многие видные советские ученые, занимавшиеся, в числе прочего, вопросами промышленных кадров. Среди них следует отметить известного советского и российского историка В. С. Лельчука. В его работах того времени можно обнаружить как изучение «канонических» для советской историографии тем, вроде «соотношения численности и силы советского рабочего класса с ленинских позиций» и сравнения динамики численности рабочих с показателями 1913 года, так и скрупулезный анализ различных социально-экономических проблем индустриализации 20—30-х годов с подробным историографическим анализом этих проблем в советской истории.

В своих работах В. С. Лельчук акцентирует внимание на проблемах освоения предприятий в годы первой пятилетки и связывает их с нехваткой квалифицированных кадров, со слабой производственной дисциплиной и низкой культурой труда: «Вполне понятно, что приход в ряды рабочего класса (который в минувшее пятилетие фактически удвоился за счет недавних мелких собственников) новых контингентов крестьян в бóльших размерах, чем ожидалось, осложнял подготовку квалифицированных кадров и быстрое освоение техники» [Лельчук, 1975, с. 156]. Вместе с этим историк поднимает проблему текучести кадров и описывает сложности, с которыми сталкивались предприятия в попытке удержать квалифицированный персонал. Примечательно, что В. С. Лельчук также отмечает недостатки плановой работы в годы первой пятилетки с ограничением сферы действия экономических рычагов управления [Там же, с. 172—173].

Среди других историков 70-х — первой половины 80-х годов, внесших вклад в разработку проблематики промышленных кадров, важно отметить А. И. Вдовина и В. З. Дробижева. В их совместной работе анализируется рост численности рабочего класса в довоенный период советской истории, соотносится численность старых и новых кадров, рассматривается социальный и квалификационный состав рабочих, уделяется внимание проблемам социальной инфраструктуры в годы первых пятилеток. Последнее представляет особый интерес, поскольку данная тематика, включая вопросы материально-бытовых условий, жилищной обеспеченности промышленных рабочих, активно изучается в 70—80-е годы. И зачастую именно через эту проблематику объясняются многие недостатки индустриализа-

ции 20—30-х годов. В частности, А. И. Вдовин и В. З. Дробижев связывают проблему текучести кадров с низким уровнем развития социальной инфраструктуры: «Невнимание к жилищным нуждам основных квалифицированных кадров завода, подчас формальное отношение к вопросам зарплаты, забвение бытовых мелочей, слагающихся из очередей в кассы столовых и буфетов, отсутствие в ряде случаев заботы о культурно-бытовых потребностях — все это усиливает текучесть ...» [Вдовин и др., 1976, с. 221].

Там же затрагивается вопрос социальной психологии рабочих. В этом аспекте промышленные рабочие дифференцируются на тех, кто готов влиться в ряды «классово-сознательного» пролетариата, и потенциальных «сезонников», охотящихся за «длинным рублем»: «Многие молодые рабочие рассматривали труд на строительстве и на промышленных предприятиях как средство упрочить свое положение в деревне. Неудивительно потому, что в социальной психологии таких рабочих было мало интересов, составляющих основу классового самосознания рабочего класса» [Там же, с. 216]. Как и большинство исследователей данного периода, которые посвятили внимание теме индустриализации 20—30-х годов, авторы не обходят стороной описания моментов «социалистического соревнования», сопровождая их трудовым пафосом и наделяя особой субъектностью КПСС в деле воспитания новых кадров, но при этом обделяя вниманием реальные вопросы социальной психологии, связанные с поведенческой спецификой, групповым влиянием на индивидуальное поведение рабочих и полным игнорированием семейных отношений.

4. Постперестроечный этап

С середины 80-х годов начинается новый (постперестроечный) этап исторического изучения промышленных кадров. Пересматривается методология советской исторической науки, поднимаются совершенно новые проблемы и переосмысливаются старые. В начале данного этапа историки указывали на целый ряд теоретических и методологических пробелов советской историографии, признавая в целом высокую степень изученности кадровой проблематики по вопросам численности, структуры и динамики промышленных кадров 20—30-х годов. Отмечалась шаблонность исследований с применением готовых форм, подмена анализа тематики быта рабочих изучением вопросов «социалистического строительства» с полным забвением таких негативных явлений, как пьянство, хищения, хулиганство в рабочей среде, игнорирование материального положения рабочих при констатации роста номинальной заработной платы [Актуальные задачи ..., 1988, с. 6—7].

К концу 80-х годов облик советской историографии в целом серьезно изменился, однако в разработке тематики промышленных кадров 20—30-х годов кардинальные методологические преобразования констатировать сложно. Ключевой особенностью стало усиление интереса к человеческому фактору при изучении социально-экономических вопросов, а также акцент на личности в целом. Тем не менее в базовых методологических аспектах исследования этого периода во многом повторяли работы предыдущего этапа. Характерными примерами исследований конца 80-х годов стали труды Г. А. Бордюгова, Е. Ю. Зубковой, В. А. Козлова, О. В. Хлевнюка [Исторический опыт …, 1989; Козлов и др., 1988] и др.

Знаковой в этом отношении является работа В. А. Козлова и О. В. Хлевнюка [Козлов и др., 1988], посвященная социально-экономическим и социокультурным проблемам довоенных пятилеток. Несмотря на сравнительно публицистический характер изложения, работа выдержана в научных традициях советской историографии. Поднимаются классические проблемы промышленных кадров 20—30-х годов: квалификация, трудовая дисциплина, текучесть кадров, оплата труда, жилищно-бытовые условия, социалистическое соревнование и т. д.

Однако все эти проблемы рассматриваются и оцениваются более критически, нежели в предыдущие этапы изучения. Если раньше большинство проблем вроде недостатка квалифицированной рабочей силы, плохой организации труда, текучести кадров и ошибок планирования относили к неизбежным проблемам первой пятилетки, которые были якобы преодолены к концу 30-х годов, то историки перестроечного периода прямо заявляют об их нерешенности: «Сохранялась значительная текучесть кадров. Обследования показывали, что основными ее причинами были недостатки в организации и оплате труда, плохие жилищно-бытовые условия, отсутствие перспектив для профессионального роста. <...> Квалифицированных кадров по-прежнему не хватало. За 1938—1940 годы ФЗУ выпустили лишь около 500 тыс. рабочих. На многочисленных курсах на предприятиях обучение было полностью подчинено текущим производственным нуждам. К тому же контроль за качеством обучения был недостаточным» [Там же, с. 184—185].

При этом в целом в работе все еще соблюдается идеологическая риторика, по причине которой все происходящие социально-экономические и социокультурные процессы трактуются в контексте задач социалистического строительства.

В 90-е годы интерес к проблемам промышленных кадров значительно снизился, что дало повод говорить о «конце рабочей истории» [Конец

рабочей ..., 1996]. В это время данная проблематика больше интересует, скорее, зарубежных историков Советской России (Д. Ж. Барбер, М. ван дер Линден, Д. Скотт, Ш. Фицпатрик), нежели отечественных. Крах советской марксистской парадигмы, для которой пролетариат и промышленность играли ключевую роль, заставил отечественных исследователей искать новые принципы осмысления истории и заново оценивать ее старые проблемы. Для этого привлекался опыт зарубежных историков, труды которых начали активно переводить и публиковать в России.

Одним из крупнейших зарубежных исследователей, оказавшим заметное влияние на отечественную историографию, был Ричард Пайпс. В его работах предпринимается попытка целостного осмысления российской истории. По мнению Пайпса, захват власти большевиками и проведение одного из самых масштабных социальных и экономических экспериментов в мировой практике стали возможными не столько из-за влияния социалистических и марксистских идей и не потому, что количество социальных противоречий перешло в качественно новую общественную формацию, а в силу сущности самого русского общества. Проблема слабости частных форм собственности, уходящая корнями во времена генезиса централизованного Московского государства, вкупе с незрелостью частнособственнических отношений в России начала XX века предопределили «успех» большевиков. Они сделали ставку на промышленных рабочих — бывших крестьян, сильно отличавшихся от европейского городского пролетариата. Русские рабочие не знали института частной собственности, в их ментальности еще доминировали общинные крестьянские представления, а тяготы городской жизни раннеиндустриальной эпохи усиливали социальную напряженность: «Промышленные рабочие в России представляли собой легковоспламенимый, дестабилизирующий элемент не потому, что они усвоили революционную идеологию... <...> Дело, скорее, было в том, что в большинстве своем, лишь поверхностно урбанизировавшись, они сами, или от силы их отцы, были в прошлом крестьянами, они принесли с собой в город деревенскую психологию, лишь отчасти приспособленную к новым условиям» [Пайпс, 1993, с. 544]. Пайпс считает, что российские промышленные рабочие были не «социалистами», а «синдикалистами», верящими, что подобно тому, как их родственникам в деревнях принадлежит по праву вся земля, так и они имеют право на владение предприятиями, на которых работают. Таким образом, рабочие и крестьяне, не имевшие представления о частной собственности, легко восприняли коллективистский посыл и лозунги большевиков, не вникая в суть марксистского учения.

Размышления Р. Пайпса демонстрируют применение методологического подхода, ранее неизвестного отечественной историографии. Он по-

казывает, как общественные институты (развитые или слабо сформированные) на определенном историческом этапе способны оказывать влияние на исторические события и процессы в последующие этапы. Фактически Пайпс предложил отечественной историографии альтернативу марксистской парадигме — институциональный подход к пониманию истории. В соответствии с ним социальные институты, конституирующие социальные нормы и практики в обществе, должны стать предметом исследования ученых. Для изучения проблематики промышленных кадров это значит необходимость анализа влияния и синергии тех социальных институтов, с которыми соприкасается промышленный рабочий или специалист.

Со второй половины 90-х годов в отечественной историографии происходят парадигмальные изменения, связанные с введением в научный дискурс модернизационных теорий исторического процесса. Модернизационная парадигма так же, как и институционализм, рассматривалась в качестве альтернативы марксистскому формационному подходу, но в отличие от него модернизационный подход получил бóльшую популярность.

Одной из главных задач, которые ставил перед собой модернизационный подход, было определение роли индустриального фактора в динамике социальных трансформаций. По этой причине его применение особенно коснулось изучения процессов, протекавших в Советской России в 20—30-е годы. В науке этот период относили к этапу «второй модернизации» России (первая проводилась царским правительством), или «большевистской модернизации».

Большинство исследователей модернизации (Н. Н. Зарубина, И. В. Красильщиков, К. Г. Малыхин, И. В. Побережников и др.) приходили к выводу о том, что индустриализация взаимосвязана с другими социальными, экономическими, политическими и культурными процессами, такими как коллективизация, урбанизация, культурная и образовательная революции, бюрократизация и т. д. Фактически модернизация представляет сложный многоаспектный феномен, проявляющий себя в практически полной трансформации общества. Исследователи отмечали неорганический характер этого процесса в Советской России, характеризовавшегося отсутствием внутренних стимулов к саморазвитию и протекавшего в «условиях жесточайшего кадрового дефицита» [Малыхин, 2001, с. 30].

5. Современный этап

С конца 90-х годов начинается современный этап изучения промышленных кадров. Кадровая проблематика под влиянием модернизационной парадигмы, с одной стороны, становится частью фундаментальных исто-

рических исследований большевистской модернизации; с другой — распадается на ряд прикладных исследований, напрямую не всегда связанных с теорией *модернизации* в ее методологическом смысле, но использующих соответствующий термин в качестве синонима слову *осовременивание*, за которым стоит понятие трансформации системы (или отдельных ее элементов) в актуальную своему времени форму. Примерами подобных исследований могут являться работы, посвященные изучению вопросов технической модернизации производства 20—30-х годов, модернизации системы образования инженерно-технических кадров, модернизации системы здравоохранения и т. п.

Противоречивость эпохи 20—30-х годов и расхождения в оценках преобразований тех лет заставили историков обратиться к мнениям представителей русской эмиграции. Уникальный феномен «русского зарубежья» включал в себя различные теоретико-политические течения, к которым относили себя известные российские политики, ученые и писатели, вынужденные покинуть Россию из-за разногласий с большевистским режимом. В советской историографии эта тема не относилась к числу популярных и в основном изучалась в рамках «критики буржуазных идей» и «разоблачений». Начиная с конца 90-х годов «русское зарубежье» стали активно изучать. Результаты подобных исследований позволили определить, кто из деятелей русского зарубежья проявлял интерес к кадровым проблемам промышленности и как он оценивал сталинский проект модернизации. Так, экономист и экс-министр Временного правительства С. Н. Прокопович назвал проблему кадров наиболее сложной для большевистской России, см. об этом: [Малыхин, 2000, с. 286]. Он считал, что за создание достаточно эффективного кадрового потенциала Россия заплатит катастрофическим снижением уровня жизни населения ввиду колоссальных и неэффективных растрат национальных сбережений, которые страна неизбежно потеряет за время обучения новых кадров. Однако впоследствии С. Н. Прокопович вынужден был признать успех большевиков, которые создали кадровый потенциал, сумевший превратить Россию в развитую военно-индустриальную державу.

В этом отношении одним из маркеров современного этапа выступает изменение в оценках сталинской эпохи. Известно, что историки доперестроечного периода во многих аспектах явно «романтизировали» сталинское время в идеологических целях (несмотря на политику десталинизации 50—60-х годов), что само по себе не удивительно, если учитывать, что на 20—30-е годы пришлось фактическое становление советской государственной и социальной модели как таковой. Историки постперестроечного

этапа стали оценивать этот период преимущественно негативно, отмечая высокую социальную цену сталинского «рывка» и массу нерешенных кадровых проблем. Результаты преобразований тех лет оценивались как «невысокие» в экономическом и социальном аспектах. Приблизительно со второй половины 90-х годов происходит своеобразный синтез этих полярных мнений. Признаются реальные заслуги сталинской политики, которые позволили Советской России выйти из Мировой войны победителем. При этом не забываются как серьезные недостатки сложившейся системы, так и высокая социальная цена, которую заплатили миллионы граждан Советской России.

На современном этапе наблюдается актуализация регионального аспекта изучения промышленных кадров. Растет число диссертационных исследований, посвященных истории Урала, Сибири, Поволжья, Юга России и Северного Кавказа. Среди них широко распространены два основных направления:

1) история подготовки и обучения технических специалистов (ИТР), включающая в себя проблемы формирования и развития технической интеллигенции (Е. Е. Васина, М. В. Зелёв, С. В. Сорокина, В. С. Терехов и др.);

2) изучение социального, культурного и психологического облика промышленных рабочих, включающее в себя тематику повседневности (Л. Н. Бехтерева, С. Н. Данихно, Н. Г. Кулинич и др).

В рамках первого направления рассматриваются системы государственной подготовки и образования новых кадров. Результаты исследований показали существенную роль рабочих факультетов и вузов в становлении кадрового потенциала. Отмечалось, что на качество учебного процесса как на рабочих факультетах, так и в вузах негативно сказывалась слабая материальная база учебных заведений, нехватка профессорско-преподавательского состава, жесткая методология учебных программ. Установлено, что рабфаки подчас вырастали стихийно и поэтому часто не имели серьезной материальной базы для существования.

Исследователи единогласно отмечают негативные последствия репрессивной политики. В связи с тем, что в годы первых пятилеток любые производственные неполадки на предприятии могли быть расценены как акты вредительства, часть технической интеллигенции подверглась личностной деформации. Ее представители боялись принимать ответственные решения, сопряженные с профессиональным риском, не проявляли инициативу и творческий подход. Выходцы из рабоче-крестьянской среды в свою очередь привнесли в профессиональную сферу такие нравственные болез-

ни, как скептическое отношение к распоряжениям вышестоящих органов, использование служебного положения, формальный подход к делу и т. п. Репрессивные меры, принимаемые в отношении промышленных кадров, объясняются жёсткой экономией на социальных расходах. В результате колоссальных финансовых вливаний в развитие промышленности резко сократились возможности для материального стимулирования рабочих и специалистов. В этих условиях усиление административного давления и репрессий было призвано компенсировать недостаток ресурсов для материального стимулирования.

Второе направление принципиально отличается от первого тем, что фокусирует внимание на изучении рабочих, а не инженерно-технических кадров, анализирует период 20-х, а не 30-х годов и имеет преимущественно социологическую и культурологическую специфику, за исключением тех случаев, когда ученые обращались к изучению структур повседневности.

Так, С. Н. Данихно, исследуя социальный и культурный облик промышленных рабочих Юга-Востока России, говорит о дихотомии «старые потомственные рабочие — новые, начавшие трудовую деятельность после революций». Первые, несмотря на проникновение в городскую среду новых культурных ценностей, ведут традиционный образ жизни с достаточно высоким культурно-образовательным уровнем и исполнением религиозных обычаев, обрядов, праздников. Они являются собственниками, имеют свои дома и усадьбы и значительную часть свободного от работы на заводах времени уделяют личному хозяйству, занимаясь обработкой земли и огородов. Новые рабочие имели совсем другой тип мышления, другие представления, иное поведение. Приходя в город, в новое культурно-бытовое пространство, преобладающая часть этих рабочих утрачивала приверженность собственности. Это объясняется низким уровнем жизни, отсутствием во многих случаях недвижимого имущества и частнособственнических настроений, низкой оплатой труда, сохранившимися общинными представлениями. Именно в этой рабочей среде в 20-е годы массово наблюдаются проявления девиантного и делинкветного поведения: повседневное внутрипроизводственное и внепроизводственное пьянство, хищения, хулиганство, проституция и т. п.

Интерес к вышеуказанным проблемам в современной историографии обоснован тем, что в предыдущие этапы изучения они почти не рассматривались. Как уже упоминалось ранее, исследование вопросов семьи практически отсутствовало в историографии промышленных кадров, культурные и психологические аспекты подвергались анализу через призму идеоло-

гии. Опыт советской историографии в этом отношении показал свою несостоятельность, отличаясь медленным темпом внедрения в методологию исторических наук социальных теорий, таких как, например, концепция девиантного поведения. Сказывалось и то, что многие материалы в советский период, включая сведения о количестве алкоголиков, наркоманов, бандитов, насильников и т. д., относились к числу секретных и были практически недоступны, что, в частности, препятствовало изучению проблемы преступности в рабочей среде.

За последнее десятилетие в отечественной историографии наблюдается заметный спад интереса к проблематике промышленных кадров России 20—30-х годов. Специальные крупные работы практически отсутствуют, тематика стала реже затрагиваться в диссертационных исследованиях. Статьи носят преимущественно историографический характер. По-прежнему нет работ, объясняющих в комплексе поэтапное становление кадрового потенциала промышленности России 20—30-х годов. Многие темы остаются нераскрытыми. К их числу относятся вопросы трудовой иммиграции, влияния иностранных специалистов и репатриантов на формирование кадрового потенциал промышленности России 20—30-х годов. Значение этих тем подчеркивалось в научных докладах еще в конце 90-х — начале 2000-х годов, но с тех пор исследования не далеко продвинулись вперед [Труды Института ..., 2002, с. 186].

6. Выводы

Подводя итоги исследования, следует отметить следующее:

1. Отечественная историография промышленных кадров прошла долгий путь становления, от историко-статистических исследований экономистов 20—30-х годов до комплексных междисциплинарных исторических исследований 2000-х годов.

2. Постперестроечный и современный этапы изучения привнесли в историографию ряд новых методологических подходов (модернизационный, институциональный), некоторые из них на настоящий момент недостаточно апробированы.

3. Проблематика изначально имела тематически разрозненный характер исследований, но со временем начала стремиться к объединению различных тем в рамках междисциплинарных подходов к исследованию.

4. На данный момент изучение проблематики промышленных кадров переживает кризис, поскольку за последнее десятилетие российские историки утратили к ней интерес. Это плачевно, учитывая возможный кадровый дефицит в современной России и ее проблемы с реальным сектором экономики.

5) На примере региональной историографии нами выделено два основных направления в изучении проблем промышленных кадров на современном этапе. Возможной перспективой может стать синтез этих двух направлений, который возьмет от первого политические и социально-экономические параметры формирования промышленных кадров в период проведения сталинской индустриализации, а социологические и культурологические аспекты изучения рабочих времен нэпа — от второго направления. Такое исследование потребует применения институционального подхода. Результаты подобной работы помогут воссоздать целостную картину того, как происходило формирование кадрового потенциала России в 20—30-е годы.

Литература

1. *Актуальные* задачи изучения советского рабочего класса («Круглый стол») // Вопросы истории. — 1988. — № 1. — С. 3—22.

2. *Берхин И. Б.* О периодизации истории советского общества / И. Б. Берхин, М. П. Ким // Вопросы истории. — 1954. — № 10. — С. 72—78.

3. *Бехтерева Л. Н.* Удмуртия в годы новой экономической политики: торгово-промышленное развитие и социокультурный облик рабочих : диссертация … доктора исторических наук : 07.00.02 / Л. Н. Бехтерева. — Ижевск, 2009. — 478 с.

4. *Васина Е. Е.* Становление и развитие системы подготовки инженерно-технических и научных кадров СССР в 1928 — июне 1941 годов : на примере химической промышленности : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Е. Е. Васина. — Москва, 2008. — 170 с.

5. *Вдовин А. И.* Рост рабочего класса СССР. 1917—1940 гг. / А. И. Вдовин, В. З. Дробижев. — Москва : Мысль, 1976. — 264 с.

6. *Генкина Э. Б.* Переход Советского государства к новой экономической политике (1921—1922) / Э. Б. Генкина. — Москва : Госполитиздат, 1954. — 504 с.

7. *Гильберт М.* К вопросу о составе промышленных рабочих СССР в годы гражданской войны / М. Гильберт // История пролетариата СССР. — 1934. — № 3. — С. 209.

8. *Гухман Б. А.* Численность и заработная плата пролетариата СССР / Б. А. Глухман. — Москва : Вопросы труда, 1926. — 86 с.

9. *Данихно С. Н.* Промышленные рабочие Юго-Востока России в годы НЭПа : диссертация … кандидата исторических наук : 07.00.02 / С. Н. Данихно. — Ростов-на-Дону, 2009. — 229 с.

10. *Зелёв М. В.* Инженерно-техническая интеллигенция Среднего Поволжья в 1928—1941 гг. : диссертация … кандидата исторических наук : 07.00.02 / М. В. Зелёв. — Пенза, 2001. — 282 с.

11. *Исторический* опыт и перестройка. Человеческий фактор в социально-экономическом развитии СССР / В. А. Козлов, Г. А. Бордюгов, Е. Ю. Зубкова, О. В. Хлевнюк. — Москва : Мысль, 1989. — 302 с.

12. *Историческое* сознание и власть в зеркале России XX века : научные доклады / редакторы А. В. Гладышев, Б. Б. Дубенцов. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2006. — 256 с.

13. *История* и историки : историографический ежегодник. 1970 / редактор М. В. Нечкина. — Москва : Наука, 1972. — 568 с.

14. *История* и историки : историографический ежегодник. 1972 / редактор М. В. Нечкина. — Москва : Наука, 1973. — 407 с.

15. *Козлов В. А.* Начинается с человека. Человеческий фактор в социалистическом строительстве : итоги и уроки 30-х годов / В. А. Козлов, О. В. Хлевнюк. — Москва : Политиздат, 1988. — 256 с.

16. *Конец* рабочей истории : сборник научных статей / редактор М. ван дер Линден. — Москва : Улисс, 1996. — 261 с.

17. *Кулинич Н. Г.* Социальный облик рабочих Дальнего Востока РСФСР в 20-е годы: ноябрь 1922—1929 гг. : диссертация … кандидата исторических наук : 07.00.02 / Н. Г. Кулинич. — Хабаровск, 1998. — 210 с.

18. *Лельчук В. С.* Индустриализация СССР : история, опыт, проблемы / В. С. Лельчук. — Москва : Политиздат, 1984. — 304 с.

19. *Лельчук В. С.* Социалистическая индустриализация СССР и ее освещение в советской историографии / В. С. Лельчук. — Москва : Наука, 1975. — 312 с.

20. *Малыхин К. Г.* Русские «экономисты» — эмигранты в 20—30-е годы : анализ большевистского эксперимента / К. Г. Малыхин // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — 2001. — № 4. — С. 26—30.

21. *Малыхин К. Г.* Русское зарубежье 20—30-х гг. : оценка большевистской модернизации : диссертация … доктора исторических наук : 07.00.02 / К. Г. Малыхин. — Ростов-на-Дону, 2000. — 447 с.

22. *Пайпс Р.* Русская революция / Р. Пайпс. — Москва : Захаров, 2005. — Книга 3: Россия под большевиками. 1918—1924. — 696 с.

23. *Рашин А. Г.* Состав фабрично-заводского пролетариата СССР / А. Г. Рашин. — Москва : ВЦСПС, 1930. — 171 с.

24. *Соколов А. К.* Драма рабочего класса и перспективы рабочей истории в современной России / А. К. Соколов // Социальная история : ежегодник. 2004. — Москва : РОССПЭН, 2005. — С. 7—52.

25. *Сорокина С. В.* Подготовка инженерно-технических кадров в Среднем Поволжье в 1926—1941 гг. : диссертация … кандидата исторических наук / С. В. Сорокина. — Самара, 2007. — 265 с.

26. *Струмилин С. Г.* Наши трудовые ресурсы и перспективы. Хозяйственное строительство / С. Г. Струмилин. — Москва : Государственная общеплановая комиссия. — 1922. — Выпуск 2. — 15 с.

27. *Струмилин С. Г.* Очерки советской экономики: ресурсы и перспективы / С. Г. Струмилин. — Москва ; Ленинград : Государственное издательство, 1930. — 533 с.

28. *Терехов В. С.* Инженерно-техническая интеллигенция Урала в 1930-е годы : диссертация … кандидата исторических наук : 07.00.02 / В. С. Терехов. — Екатеринбург, 1998. — 214 с.

29. *Труды* Института российской истории РАН / редактор А. Н. Сахаров. — Москва : ИРИ РАН, 2002. — Выпуск 3 : 1999—2000. — 224 с.

30. *Труды* Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. — Москва : Издательство Коммунистической академии, 1930. — Том 1. — 558 с.

31. *Шкаратан О. И.* Методологические аспекты изучения истории рабочего класса / О. И. Шкаратан // Вопросы истории. — 1966. — № 4. — С. 3—15.

Industrial Labour Force of Russia in 20—30s of XX Century in Russian Historiography

© Oleg V. Shekatunov (2020), orcid.org/0000-0001-6633-6082, postgraduate student, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia), mongartong@yandex.ru.
© Konstantin G. Malykhin (2020), orcid.org/0000-0001-9932-7051, WoS ResearcherID C-4395-2018, Doctor of History, professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia). malikhin@sfedu.ru.

The article is devoted to the specifics of studying the industrial labour force of Russia in the 1920s – 1930s in Russian historiography. The various stages of study from the 1920s through the 1930s and up to the last years are concerned. The relevance of the study is due to several factors. These include contradictions in the assessments of Bolshevik modernization of the 1920s and 1930s; projected labour force shortages in modern Russia; as well as the existing labour force shortage in industry at the moment. This determines the relevance of studying the historical period, which was characterized by the most acute personnel problems in the country. The novelty of the study is due to the fact that in modern Russian historiography there is no holistic, integrated view of the problems of the labour force potential formation of Russian industry in the 1920s and 1930s. It is noted that there is no research aimed at analyzing the historiography of these problems. The main stages of the study of industrial labour force are highlighted. The analysis of scientific works correlated with each stage of the study of the topic is performed. The problems and methodology of each stage are considered. A review of a wide range of scientific papers both articles and thesis is presented.

Key words: historiography; industrial labour force; workers; industry; industrialization.

References

Aktualnyye zadachi izucheniya sovetskogo rabochego klassa («Kruglyy stol») (1988). *Voprosy istorii, 1:* 3—22. (In Russ.).

Bekhtereva, L. N. (2009). *Udmurtiya v gody novoy ekonomicheskoy politiki: torgovo-promyshlennoye razvitiye i sotsiokulturnyy oblik rabochikh: dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk*. Izhevsk. (In Russ.).

Berkhin, I. B., Kim, M. P. (1954). O periodizatsii istorii sovetskogo obshchestva. *Voprosy istorii, 10:* 72—78. (In Russ.).

Danikhno, S. N. (2009). *Promyshlennyye rabochiye Yugo-Vostoka Rossii v gody NEPa: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk*. Rostov-na-Donu. (In Russ.).

Genkina, E. B. (1954). *Perekhod Sovetskogo gosudarstva k novoy ekonomicheskoy politike (1921—1922)*. Moskva: Gospolitizdat. (In Russ.).

Gilbert, M. (1934). K voprosu o sostave promyshlennykh rabochikh SSSR v gody grazhdanskoy voyny. *Istoriya proletariata SSSR, 3:* 209. (In Russ.).

Gladyshev, A. V., Dubentsov, B. B. (eds.). (2006). *Istoricheskoye soznaniye i vlast' v zerkale Rossii XX veka: nauchnyye doklady.* Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.).

Gukhman, B. A. (1926*). Chislennost' i zarabotnaya plata proletariata SSSR*. Moskva: Voprosy truda. (In Russ.).

Kozlov, V. A., Bordyugov, G. A., Zubkova, E. Yu., Khlevnyuk, O. V. (1989). *Istoricheskiy opyt i perestroyka. Chelovecheskiy faktor v sotsialno-ekonomicheskom razvitii SSSR*. Moskva: Mysl. (In Russ.).

Kozlov, V. A., Khlevnyuk, O. V. (1988). *Nachinayetsya s cheloveka. Chelovecheskiy faktor v sotsialisticheskom stroitelstve: itogi i uroki 30-kh godov*. Moskva: Politizdat. (In Russ.).

Kulinich, N. G. (1998). *Sotsialnyy oblik rabochikh Dalnego Vostoka RSFSR v 20-e gody: noyabr' 1922—1929 gg.: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk*. Khabarovsk. (In Russ.).

Lelchuk, V. S. (1975). *Sotsialisticheskaya industrializatsiya SSSR i yeye osveshcheniye v sovetskoy istoriografii*. Moskva: Nauka. (In Russ.).

Lelchuk, V. S. (1984). *Industrializatsiya SSSR: istoriya, opyt, problemy*. Moskva: Politizdat. (In Russ.).

Linden, M. (1996). *Konets rabochey istorii: sbornik nauchnykh statey*. Moskva: Uliss. (In Russ.).

Malykhin, K. G. (2000). *Russkoye zarubezhye 20—30-kh gg.: otsenka bolshevistskoy modernizatsii: dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk*. Rostov-na-Donu. (In Russ.).

Malykhin, K. G. (2001). Russkiye «ekonomisty» — emigranty v 20—30-e gody: analiz bolshevistskogo eksperimenta. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennyye nauki, 4:* 26—30. (In Russ.).

Nechkina, M. V. (ed.). (1972). *Istoriya i istoriki: istoriograficheskiy yezhegodnik. 1970.* Moskva: Nauka. (In Russ.).

Nechkina, M. V. (ed.). (1973). *Istoriya i istoriki: istoriograficheskiy ezhegodnik. 1972*. Moskva: Nauka. (In Russ.).

Payps, R. (2005). *Russkaya revolyutsiya, 3: Rossiya pod bolshevikami. 1918—1924*. Moskva: Zakharov. (In Russ.).

Rashin, A. G. (1930). *Sostav fabrichno-zavodskogo proletariata SSSR*. Moskva: VTsSPS. (In Russ.).

Sakharov, A. N. (ed.). (2002). *Trudy Instituta rossiyskoy istorii RAN, 3: 1999—2000*. Moskva: IRI RAN. (In Russ.).

Shkaratan, O. I. (1966). Metodologicheskiye aspekty izucheniya istorii rabochego klassa. *Voprosy istorii, 4:* 3—15. (In Russ.).

Sokolov, A. K. (2005). Drama rabochego klassa i perspektivy rabochey istorii v sovremennoy Rossii. In: *Sotsialnaya istoriya: yezhegodnik. 2004*. Moskva: ROSSPEN. 7—52. (In Russ.).

Sorokina, S. V. (2007). *Podgotovka inzhenerno-tekhnicheskikh kadrov v Srednem Povolzhye v 1926—1941 gg.: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk*. Samara. (In Russ.).

Strumilin, S. G. (1922). *Nashi trudovyye resursy i perspektivy. Khozyaystvennoye stroitelstvo. 2*. Moskva: Gosudarstvennaya obshcheplanovaya komissiya. (In Russ.).

Strumilin, S. G. (1930). *Ocherki sovetskoy ekonomiki: resursy i perspektivy*. Moskva; Leningrad: Gosudarstvennoye izdatelstvo. (In Russ.).

Terekhov, V. S. (1998). *Inzhenerno-tekhnicheskaya intelligentsiya Urala v 1930-e gody: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk*. Yekaterinburg. (In Russ.).

Trudy Pervoy Vsesoyuznoy konferentsii istorikov-marksistov. (1930). Moskva: Izdatelstvo Kommunisticheskoy akademii. (In Russ.).

Vasina, E. E. (2008). *Stanovleniye i razvitiye sistemy podgotovki inzhenerno-tekhnicheskikh i nauchnykh kadrov SSSR v 1928 — iyune 1941 godov: na primere khimiches-*

koy promyshlennosti: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk. Moskva. (In Russ.).

Vdovin, A. I., Drobizhev, V. Z. (1976). *Rost rabochego klassa SSSR. 1917—1940 gg*. Moskva: Mysl'. (In Russ.).

Zelev, M. V. (2001). *Inzhenerno-tekhnicheskaya intelligentsiya Srednego Povolzhya v 1928—1941 gg.: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk*. Penza. (In Russ.).

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года
Индексируется в WoS <Emerging Sources Citation Index>
Индексируется в Google Академия
Индексируется в Index Copernicus ICV 2018 = 100.00
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Импакт-фактор РИНЦ (пятилетний) 2018 = 0,362
Десятилетний индекс Хирша 2018 = 18
Включен в международную базу ERIH с 11 июня 2015 года.
Идентификационный номер журнала в ERIH – 485900.
Включен в Международный реестр периодических изданий Global Serials Directory Ulrichs Web
Размещается на платформах EBSCO, НЭБ-РИНЦ (eLibrary), на сайте журнала и др.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России»
Обязательные экземпляры журнала отправляются в ИТАР-ТАСС (Российскую книж-ную палату), Российскую государственную библиотеку, Роспечать и др.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru
Сайт: http://www.nauka-dialog.ru/

Группы научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК	Научные специальности в рамках групп научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК
10.01.00 Литературоведение	10.01.01 Русская литература 10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) 10.01.08 Теория литературы. Текстология 10.01.09 Фольклористика 10.01.10 Журналистика
10.02.00 Языкознание	10.02.01 Русский язык 10.02.03 Славянские языки 10.02.04 Германские языки 10.02.19 Теория языка 10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание
07.00.00 Исторические науки и археология	07.00.02 Отечественная история 07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода) 07.00.07 Этнография, этнология и антропология 07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования 07.00.15 История международных отношений и внешней политики

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля. Издается с 2012 года.

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **60** дней. Издательство берет на себя обязательство опубликовать статью не позднее четырех месяцев с момента получения положительной рецензии на статью. Сроки публикации 2—4 месяца.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ

Шрифт Times New Roman, 14 pt (при использовании дополнительных шрифтов они должны быть представлены в редакцию в электронном виде). Межстрочный интервал — полуторный. Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25.

В начале статьи слева без отступа указывается УДК (для получения обращаться к сотрудникам библиотек).

Ниже (через строку) с выравниванием по левому краю без отступа полужирным шрифтом приводится название статьи.

Далее — сведения об авторе / авторах (шрифт — 11 pt) по образцу:

© Иванова Анна Ивановна (2020), orcid.org/0000-0001-3815-8615, доктор филологических наук, доцент кафедры славистики филологического факультета, Белградский государственный университет (Белград, Сербия), ivanova@mail.ru.

Аннотация – шрифт 12 pt (не менее 150 слов), выравнивание «по ширине», абзацный отступ 1,25 (с использованием клише: *Рассматривается вопрос… Уделяется внимание… Представлены результаты сопоставительного анализа… Поднимается вопрос о… Особое внимание уделяется… Новизна исследования видится в том, что… Актуальность исследования обусловлена… Приводятся определения… Автор останавливается на… Доказано, что… Предлагается классификация… Выполнен обзор… Представлена авторская разработка… Описан опыт многолетней работы автора … и под.).*

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–9 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Основной текст – выравнивание «по ширине», абзацный отступ автоматический — 1,25. Структурирование статьи подразумевает деление текста на смысловые части. Каждый подраздел должен иметь краткий тематический заголовок. Если исследование имеет характер эксперимента, то структурировать статью допускается по модели, традиционной для публикаций в международных изданиях: Введение, Методика, Результаты и обсуждение, Выводы.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРГС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001а; Иванов, 2001б]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора …, 1994], [Методика расчета …, 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Список литературы приводится после текста статьи, составляется по алфавиту, нумеруется, предваряется словом «Литература», выполняется шрифтом 12 pt. Сначала в алфавитном порядке приводится перечень работ на русском языке (кириллица), затем, также по алфавиту, работ на иностранных языках (латиница). Список литературы должен свидетельствовать о том, что автор знаком с научной литературой по теме статьи, поэтому рекомендуется включать в библиографический список не менее чем 15 позиций, в том числе желательно, если позволяет область исследования, представлять библиографические описания зарубежных публикаций по данной теме. Если статья написана с использованием лексикографических источников (словарей), архивных материалов, картотек, то они подаются отдельным списком перед списком литературы под заголовком «Источники и принятые сокращения».

Библиографические описания выполняются по ГОСТ Р 7.0.9-2009 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическое обеспечение издательских и книготорговых процессов. Общие требования» (http://www.gosthelp.ru/gost/gost48640.html). Фамилия автора книги или (при его отсутствии) первое слово названия книги выделяется курсивом. При наличии у книги

двух или трех авторов первым элементом библиографической записи указывают только имя первого автора. Имена всех авторов приводят за косой линией. Если авторов четыре и более, описание книги начинают с заголовка, а за косой линией приводят имя первого автора с пометкой «[и др.]». Необходимо указывать издательство, в котором выпущена книга. Обязательно указывается общее количество страниц в книге либо диапазон страниц, на которых размещена, например, статья в журнале.

ПРИМЕРЫ:

Источники и принятые сокращения

1. Женщина — председатель колхоза // За Родину : газета. — 1946. — № 10. — С. 1.

2. КСРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров (хранится в Институте лингвистических исследований Российской академии наук, Санкт-Петербург).

3. Николаев А. Председатель во хмелю / А. Николаев // Сталинский призыв : газета. — 1953. — № 126 (990). — С. 4.

4. ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. — Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1967—2008. — Вып. 1—20.

5. СПГ — Словарь пермских говоров / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. — Пермь : Книжный мир, 2000—2002. — Вып. 1—2.

6. ГАСО — Государственный архив Свердловской области. Ф. Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.

7. ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф.4. (Обком КПСС). Оп.53. Д.187. Лл. 2, 6.

Литература

1. Выготский Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. — Москва : Искусство, 1986. — 329 с.

2. Вьюговская Е. Схемы выдвижения в стандартизированном интервью / Е. Вьюговская, А. Ипатова, Д. Рогозин // Телескоп : журнал социологических и маркетинговых исследований. — 2012. — № 4. — С. 40— 45.

3. Карасик В. И. Религиозный дискурс / В. И. Карасик // Языковая личность : проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики : сборник научных трудов. — Волгоград : Перемена, 1999. — С. 5—19.

4. Матвеева А. С. Служебное деловое письмо : теория, история, трансформация в условиях информатизации общества : автореферат диссертации … кандидата педагогических наук : 05.25.02 / А. С. Матвеева. — Краснодар, 2012. — 22 с.

5. Мунье Э. Персонализм : краткое введение к вопросу [Электронный ресурс] / Э. Мунье. — Режим доступа : http://anthropology.rchgi.spb.ru/munie/munie_s1.html.

6. Некоторые перспективы исследования смысловых образований личности / А. Г. Асмолов, Б. С. Братусь, Б. В. Зейгарник, В. А. Петровский, Е. В. Субботский, А. У. Хараш, Л. С. Цветкова // Вопросы психологии. — 1979. — № 4. — С. 118—127.

7. Собкин В. С. Психологический анализ уровней литературного развития старшеклассников : диссертация …. кандидата психологических наук / В. С. Собкин. — Москва, 1982. — 169 с.

8. Garibaldi L. Mussolini e il Professore : Vita e diari di Carlo Alberto Biggini / L. Garibaldi (ed.). — Milano : Mursia, 1983. — 362 p.

9. Giglio C. Dodecaneso / C. Giglio // Oriente moderno. — 1929. — № 8. — P. 347.

10. Rosselli A. Come l'Italia conquista il Dodecanneso [Electronic resource] / A. Rosselli. — Access mode : http:// www.anpi.it/militari/rodi.html.

Англоязычные сведения о статье и ее авторах готовятся редакцией после принятия статьи к публикации (авторские переводы не принимаются) и размещаются в конце статьи.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала **http://www.nauka-dialog.ru/.** Справку можно получить по тел. **(343)3458984, 89120458984.**

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то УКАЗЫВАЙТЕ номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

Contents

Linguistics

Andrianova D. V. , Ignatieva N. D., Nikitina T. G. Proverbs of the Eastern Slavs in a Comparative Lexicographic Representation 20

Avdeenko I. A. Actualization of the Invariant Semantics of the STAR Symbol in Texts of Russian Rock Poetry 37

Golikov L. M. The Law of Russian Empire on Jews as a Nationalist Text 52

Gramatchikova N. B., Enina L. V. Time and Space of Memories of Factory Workers in Construction of Collective Identity of First Uralmash Builders 73

Elizarieva M. A. , Chigasheva M. A., Blahak B., Mikhina M. Yu. Intertextuality of Political Discourse in Germany (on the Example of "Political Ash Wedfnesday") 89

Ioanesyan E. R. Symptomatic Vocabulary with Built-in Emotion 102

Kenzhebalina G. N., Shaikova G. K., Shakenova M. T., Akoyeva I. G. Recognition of Manipulative Text: Structure and Dominant Language Parameters 123

Makschantseva A. L. Models of Conceptual Metaphorization of Word "Udacha" [Luck] in Context of Linguistic Objectification of the Concept in Russian 139

Mineeva Z. I. Feminitives with Suffix '-shits(a) /-chits(a)' 155

Means of Language Objectification of the German Knight Image in the Artistic *Obukhova O. N., Baykova O. V.* Picture of World in Middle Ages 174

Pavlov S. G., Petrova N. E. Semantic Structure of Verb "prisnat'sya" (to confess): Linguoaxiological Aspect 191

Petrenko D. A., Likhachev E. V., Chernyshova M. V. Linguistic Means in Image of COVID-19 (German Political Discourse in Media) 208

Rubtsova S. Yu. Modified Phraseological units with a Mythonym Component in English Media 222

Literary Studies. Journalism. Folklore

Valova O. M. Reflection of "Philosophy of Unreal" in Tragedy of O. Wilde "Duchess of Padua" 238

Dampilova L. S., Khabunova E. E. The Plot of Heroic Battle in Buryat Versions of Epic about Geser 252

Kuzmina A. A. Archaic and Late Layers of Poetics of the Yakut Heroic Epic Olonkho (based on the Material of the Vilyui Expedition of 1938) 263

Makarov A. N., Kirichuk E. V. Image of Mary Stuart in Tragedies of C. H. Spiess and F. Schiller 281

Futljaev N. S., Zhatkin D. N. Russian Fate of the Poem by Robert Burns «Who is that at my bower-door?..» 296

Charina O. I., Larionova A. S., Petrova V. A. Features of Fixing the Folklore of Peoples of Yakutia (1930—1970): the Method of Selecting Informants according to G. U. Ergis 310

History. Ethnography. Ethnology

Bodrova E. V., Kalinov V. V. Oil Industry of USSR in Late 1920s — 1930s: Conflicting Development Results 326

Geht A. B., Patrusheva D. A., Reznikov B. K., Shutman D. V. Crisis in Ukraine 2014—2016 Reporting in the British Press 341

Zheriborov D. S., Pirogov V. N. Foreign Direct Investment in Russia (Late 1980s — Late 2010s) 356

Igumnov E. V. Activities of Military Topographers in Western Siberia in Foreign and Domestic Policy of the Russian Empire in 19th Century 371

Makarova A. I. Formation and Development of a Foreign Primary School in Yakutsk Region in Second Half of the XIX — Early XX Centuries 387

Nedzeluk T. G. Materials of the Russian State Historical Archive of Far East on the Confessional Policy of Provisional Siberian Governments of 1917—1919 402

Ratkovsky I. S. Aron Aleksandrovich Solts — Fate of Revolutionary and Soviet Statesman (1873—1945) 415

I. N. Suetin The Problem of the Preservation and Dissemination of Domestic Musical and Educational Traditions in the United States during the First Wave of Russian Emigration in the Works of Modern Researchers 428

Shekatunov O. V., Malykhin K. G. Industrial Labour Force of Russia in 20—30s of XX Century in Russian Historiography 447

TO AUTHORS 450

Компьютерная верстка и дизайн:
Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 27.07.2020. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 26,7. Тираж 500 экз. Заказ 27/07-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.
Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2020

Свободная цена

Уважаемые читатели!
На журнал «Научный диалог» можно оформить подписку.
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России».

Вы можете подписаться онлайн
через Интернет-каталог «Пресса по подписке».

Вы можете также заказать редакции любой из уже вышедших номеров журнала, сделав запрос в адрес редакции: nauka-dialog@mail.ru.

Опубликованные в журнале материалы представлены
в Международном каталоге периодических изданий
Global Serials Directory Ulrichs Web (www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/)